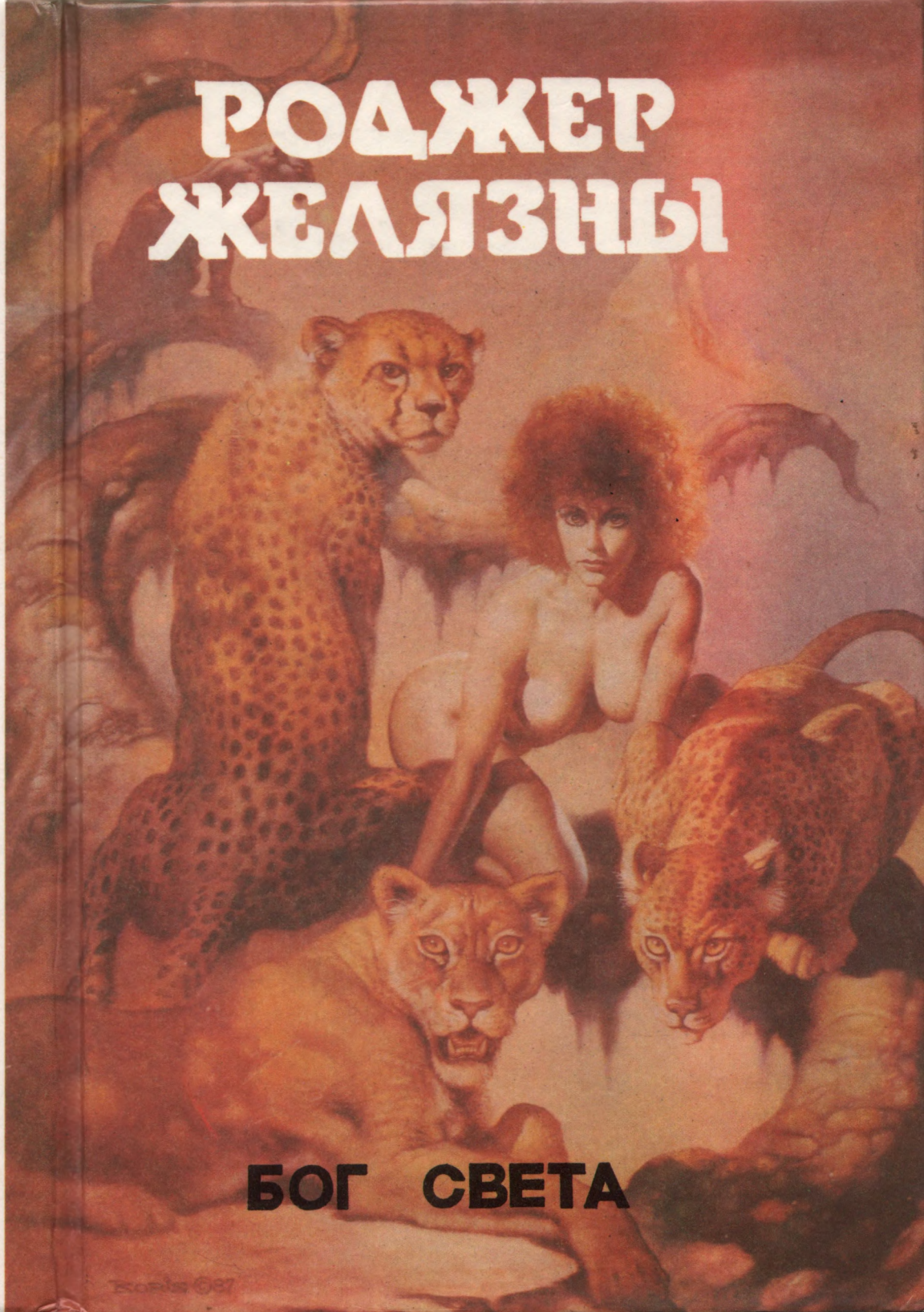
МОНСТРЫ ВСЕЛЕННОЙ

РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ



БОГ СВЕТА

«ММЛ»
Москва
1992 г.

МОНСТРЫ ВСЕЛЕННОЙ
3

РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ

БОГ СВЕТА

КНИГА ТРЕТЬЯ

Желязны Р.
Бог света. Сборник.

Роджер Желязны по праву носит титул самого интеллектуального писателя-фантаста Америки. Его герои сильно отличаются от идеального положительного героя мировой фантастики 50—60-х годов. Прежде всего, это создает особую атмосферу среди захватывающих, невероятных приключений в книгах Роджера Желязны, тем более интересных, что неотъемлемой частью мира, созданного писателем, является магия, мистика, колдовские силы.

В оформлении обложки использованы работы американского художника Бориса ВАЛЛЕДЖО.

ISBN 5—85166—009—0

© Составление, оформление
Т.О.О. «Транспорт», 1992

БОГ СВЕТА

Роман

Глава I

Говорят, что спустя пятьдесят три года после освобождения он вернулся из Золотого Облака, чтобы ещё раз бросить вызов Небесам, воспротивиться Порядку Жизни и богам, установившим этот Порядок. Его приверженцы молились о его возвращении, хотя их молитвы были греховными, ибо молитва не должна тревожить того, кто ушел в Нирвану, независимо от обстоятельств, вызвавших его уход. Тем не менее, носители шафрановых одежд молились, чтобы Меч, Манджусри снова пришел к ним. И Бодисатва, говорят, услышал...

Тот, чьи желания были задушены,
Кто не имеет связи с корнями,
Чье пастбище — пустота,
Неотмеченная и свободная —
Того тропа так же неведома,
Как у птиц в небесах.

Джаммапада (93)

Приверженцы называли его Махасаматман и говорили, что он был богом. Он, однако, предпочел отбросить Маха- и -атман и называл себя Сэмом. Он никогда не уверял, что он бог, но никогда и не говорил, что он не бог. Обстоятельства были таковы, что никакое признание не могло бы принести пользу. А молчание могло.

Поэтому он был окружен тайной.

Это было в сезон дождей...

Это было во время великой сырости...

В дни дождей поднялись их молитвы, и не от перебирания узлов молитвенных шнуров, не от верчения молитвенных колес, а от большой молитвенной машины в монастыре Ратри, богини Ночи.

Высокочастотные молитвы были направлены вверх через атмосферу и дальше, в то золотое облако, называемое Мостом Богов, которое окружает весь мир, выглядит как бронзовая радуга в ночи и является местом, где красное солнце становится оранжевым в середине.

Некоторые монахи сомневались в ортодоксальности этих технических молитв, но машина была построена и пущена в ход Ямой-Дхармой, падшим Небесного Города; и, как говорили, он много ве-

ков назад построил мощную громовую колесницу Бога Шивы: эта машина летала через небо, оставляя за собой сгустки огня.

Несмотря на то, что Яма впал в немилость, он все ещё считался непревзойденным мастером, хотя Боги Города, без сомнения, уморили бы его реальной смертью, если бы узнали о молитвенной машине. Но нет также никакого сомнения в том, что они уморили бы его реальной смертью и без молитвенной машины, если бы он попал под их опеку. Каким образом он уладил этот вопрос с Богами Кармы — это уж его дело, но никто не сомневался, что он найдет пути, когда настанет время. Он был вполовину так же стар, как и сам Небесный Город, а едва ли десяток богов помнил, как было основано их жилище. Все знали, что он был мудрее Бога Кубера в области Мирового Огня. Но это были меньшие его Атрибуты. Он был более известен другими сторонами, хотя мало кто из людей говорил о них. Высокий, но не чрезмерно, крупный, но не тяжелый, он двигался медленно и плавно. Он носил красное и говорил мало.

Он ухаживал за молитвенной машиной, и гигантский металлический лотос, который он поставил на крыше монастыря, вертелся и вертелся в своем гнезде.

Легкий дождь падал на здание, на лотос и на джунгли у подножия гор. За шесть дней Яма выпустил много киловатт молитв, но статика уберегала его от того, чтобы услышали Наверху. Он шепотом взывал к более известным из обширного потока божеств, обращаясь к их наиболее выдающимся Атрибутам.

Раскат грома ответил на его просьбы, и маленькая обезьянка, помогающая Яме, хихикнула.

— Твои молитвы и твои проклятия действуют одинаково, господин Яма,— комментировала она.— Можно сказать, никак.

— Тебе понадобилось семнадцать воплощений, чтобы дойти до этой истины?— сказал Яма.— Тогда понятно, почему ты все ещё обезьяна.

— Вовсе нет,— сказала обезьяна, которую звали Тэк.— Мое падение, хоть и менее эффектное, чем твое, не включало элементов личной злобы со стороны...

— Заткнись!— сказал Яма и повернулся спиной к обезьяне.

Тэк понял, что, видимо, коснулся больного места. В попытке найти другую тему для разговора, он подбежал к окну, прыгнул на широкий подоконник и уставился вверх.

— На западе прорыв в облачном покрытии,— сообщил он.

Яма подошел, проследил за направлением взгляда Тэка, нахмурился и кивнул.

— Да. Оставайся здесь и сообщай мне.— И он подошел к панели управления.

Лотос наверху перестал вращаться, в затем повернулся к пятну чистого неба.

— Прекрасно,— сказал Яма.— Мы что-то получаем.

Под ними, в подземных кельях монастыря был получен сигнал и тоже начались приготовления к приему гостя.

— Облака снова сомкнулись,— сказал Тэк.

— Теперь это уже неважно! Мы загарпунили нашу рыбу. Она идет из Нирваны в лотос.

Ещё один удар грома, и дождь как град застучал по лотосу. Змеи голубых молний свивались, шипя, над вершинами гор.

Яма замкнул последнюю цепь.

— Как ты думаешь, он снова будет в своей плоти? — спросил Тэк.

— Иди, чисти бананы своими лапами!

Тэк решил, что его отпускают, и вышел из комнаты, оставив Яму закрывать машину. Он прошел по коридору и вниз по широкой лестнице. Дойдя до площадки, он остановился, услышав голоса и шарканье сандалий; к нему шли со стороны холла.

Он без колебаний вскарабкался на стену по резьбе, изображающей пантер и слонов. Поднявшись на балку, он отклонился в глубокую тень и неподвижно ожидал.

Через арку прошли два монаха в темно-красных мантиях.

— Почему она не расчистила небо для них? — спросил один.

Второй, постарше, более тяжелого сложения, пожал плечами.

— Я не настолько мудр, чтобы отвечать на такие вопросы. Она в тревоге. Это ясно, иначе она никогда не даровала бы им это святилище и Яме — его использование. Но кто может указать границы ночи?

— Или настроение женщины, — сказал первый. — Я слышал, что даже жрецы не знали о её появлении.

— Возможно. Но в любом случае, это кажется хорошим предзнаменованием.

— Похоже, так.

Они прошли через другую арку, и Тэк прислушивался к их шагам, пока они не затихли совсем.

Но он все ещё не оставлял своего насеста.

«Она», о которой упоминали монахи, могла быть только самой богиней Ратри, почитаемой орденом, которому было дано святилище последователей Сэма Великодушного. Светлейшего. Теперь Ратри тоже была в числе отпавших от Небесного Города и носила смертную плоть. У нее всегда были причины злиться по всякому поводу, и Тэк понимал: её приняли в дарованное святилище, но в соглашение не входило её личное присутствие. Это могло подвергнуть опасности возможность её будущего восстановления, если слово об этом дойдет до надлежащих ушей. Тэк вспомнил, как темноволосая красавица с серебряными глазами ехала в лунной колеснице из эбенового дерева и хрома, запряженной черными и белыми жеребцами; её охрана тоже была черная и белая. Она поднималась по Небесному Проспекту и соперничала в славе с самой Сарасвати. Сердце Тэка заколотилось в волосатой груди. Он снова видел её. Однажды, очень давно, в счастливые времена и в лучшем теле он танцевал с ней на балконе под звездами. Это длилось всего несколько секунд. Но он вспоминал об этом; тяжелое дело быть обезьяной и иметь такие воспоминания.

Он спустился с балки.

Из северо-восточного угла монастыря поднималась башня, высокая башня. Там была комната. Её велено было содержать для пребывания богини. Комнату ежедневно убирали, меняли постельное белье, курили свежий фимиам, приношения по обету клались прямо за дверью, которую обычно запирали.

Там, конечно, были окна. Вопрос, мог ли человек войти в одно из этих окон, оставался академическим. Тэк доказал, что обезьяна может.

Взобравшись на монастырскую крышу, он начал подниматься, передвигаясь от одного скользкого камня к другому, от выступа к неровности. Небо по-собачьи рычало над ним. В конце концов он повис на стене как раз под внешним подоконником.

Дождь продолжал лить. Тэк услышал, что в комнате поет птица, увидел край мокрого синего шарфа, висящего над подоконником. Он ухватился за выступ и подтянулся, чтобы заглянуть внутрь.

Она сидела спиной к нему на маленькой скамеечке в дальнем конце комнаты. На ней был темно-синий сари.

Тэк влез на подоконник и откашлялся.

Она быстро обернулась. На ней была вуаль, так что черты лица нельзя было различить. Она смотрела на Тэка сквозь вуаль, затем встала и перешла комнату.

Он был в ужасе. Её фигура, когда-то гибкая, раздалась в талии; когда-то она ходила, легко поворачиваясь, а сейчас шла вперевалку; лицо стало смуглым; нос и подбородок слишком выдавались вперед — это было заметно даже под вуалью.

Он склонил голову.

— «Итак, ты потянулась за нами, когда мы шли домой, как птицы к своему гнезду на дереве...» — запел он.

Она стояла неподвижно, как статуя в главном холле.

— «Охраняй нас от волка и волчицы, охраняй нас от вора, о Ночь, и мы пройдем спокойно».

Она медленно протянула руку над его головой.

— Я благословляю тебя, маленькое существо,— сказала она.—К несчастью, я могу дать тебе только это. Я не могу предложить защиту или дать красоту, потому что мне самой не хватает этого. Как тебя зовут?

— Тэк.

Она коснулась своего лба.

— Когда-то в давние дни, в далеком месте я знала Тэка...

— Я и есть тот Тэк, мадам.

Она тоже села на подоконник, и он заметил, что она плачет.

— Не плачь, богиня. Тэк здесь. Помнишь Тэка из Архивов? Блестящее Копье? Он все ещё готов выполнить твой приказ.

— Тэк...— сказала она.— О Тэк! Ты тоже?... Я и не знала. Я ничего не слышала...

— Ещё один оборот колеса, мадам... и кто знает? Все может стать даже лучше, чем было.

Ее плечи задрожали. Тэк протянул было руку, но отвел назад. Она повернулась и взяла его руку.

Очень нескоро она заговорила:

— Обычный ход событий не вернет нас назад и не уладит дело, Тэк, Блестящее Копье. Мы должны идти своим путем.

— Что ты хочешь сказать? Значит — Сэм?

Она кивнула.

— Только он. Он — наша надежда против неба, дорогой Тэк. Если его удастся вызвать, у нас будет шанс жить снова.

— И ты схватилась за этот шанс и поэтому сидишь в зубах тигра?

— Почему же еще? Когда нет реальной надежды, приходится придумывать свою. Даже фальшивая монета может пройти.

— Фальшивая? Значит, ты не веришь, что он был Буддой?

Она коротко рассмеялась.

— Сэм был величайшим шарлатаном на памяти богов и людей. И он был также достойнейшим противником Тримурти. Не гляди на меня с таким возмущением, Архивист! Ты знаешь, что он украл суть своей доктрины, пути и знания, он все похитил из запретных доисторических источников. Это было оружием, и только. Его величайшей силой было лицемерие. Если бы мы смогли вернуть его...

— Леди, святой он или шарлатан, но он вернулся.

— Не шути со мной, Тэк.

— Богиня и Леди, я как раз был рядом с господином Ямой, когда он выключил молитвенную машину, недовольный своим успехом.

— Рискованно было выступить против таких мощных сил. Бог Агни сказал однажды, что подобную вещь сделать невозможно.

Тэк встал.

— Богиня Ратри, кто, будь он бог или человек, или нечто среднее, знает об этих делах больше Ямы?

— Я не могу ответить на этот вопрос, Тэк, потому что ответа нет. Но как ты можешь с уверенностью сказать, что он поймал в сети нашу рыбу?

— Потому что он Яма.

— Тогда возьми мою руку, Тэк, и проводи меня, как бывало. Посмотрим на нашего Бодисатву.

Тэк повел ее за дверь, вниз по лестнице, в нижние комнаты.

* * *

Свет, но не от факелов, а от заполнявших помещение генераторов Ямы. Ложе, стоявшее на платформе, было ограждено с трех сторон экранами. Большая часть машин тоже была замаскирована экранами и портьерами. Обслуживающие монахи в желтом тихо двигались по большой комнате. Яма, мастер-механик, стоял возле ложа.

Когда Ратри и Тэк подошли, несколько хорошо вышколенных невозмутимых монахов тихо ахнули. Тэк повернулся к женщине, стоявшей рядом с ним... и отступил на шаг; у него захватило дух.

Не было больше унылой маленькой матроны, с которой он только что разговаривал: она снова стала бессмертной Ночью, о которой

писали: «Богиня заняла большое пространство, от глубины до высот. Ее излучение вытесняет Тьму».

Он увидел ее и тут же зажмурился. Вокруг нее еще был налет отчужденности.

— Богиня...— начал он.

— К спящему,— приказала она.— Он шевелится.

Они подошли к ложу.

Впоследствии на фресках в конце бесчисленных коридоров, на стенах храмов и на потолках многих дворцов было нарисовано или вырезано пробуждение того, кого звали под различными именами: Махасаматман, Калкия, Манджусри, Сиддхарта, Тарагатха, Связующий, Митрейя, Просветленный, Будда и Сэм. Слева от него стояла богиня Ночи, справа — Смерть; Тэк, обезьяна, скорчился у подножия постели, как извечный намек на сосуществование животного и божества.

Он был в обычном смуглом теле среднего веса и возраста; черты лица правильные, ничем не выделяющиеся. Когда он открыл глаза, они оказались темными.

— Приветствую тебя, Бог Света! — сказала Ратри.

Глаза заморгали. Они еще не сфокусировались. В комнате никто не шевелился.

— Приветствую тебя, Махасаматман — Будда! — сказал Яма.

Глаза смотрели вдаль, не видя.

— Привет, Сэм! — сказал Тэк.

Лоб слегка сморщился, глаза скосились, упали на Тэка, двинулись к другим.

— Где...? — спросил он шепотом.

— В моем монастыре,— ответила Ратри.

Он без выражения смотрел на ее красоту. Затем так плотно закрыл глаза, что в углах их образовались морщины. Болезненная улыбка искривила рот, обнажив стиснутые зубы.

— Ты и вправду тот, кого мы называли? — спросил Яма.

Он не ответил.

— Ты сражался с Небесной армией на отмелях Ведры?

Губы ослабли.

— Ты любил богиню Смерти?

Глаза блеснули. Слабая улыбка пробежала по губам.

— Это он,— сказал Яма.— Кто ты, человек?

— Я? Я никто,— ответил тот.— Наверное, лист, попавший в водоворот. Перо на ветру...

— Очень плохо,— сказал Яма,— потому что в мире хватает листьев и перьев, и я работал так долго не для того, чтобы увеличивать их число. Я хотел иметь человека, который может продолжать войну, прерванную его отсутствием, человека сильного, способного противостоять мощной воле богов. И я думаю, ты и есть тот человек.

— Я...— он снова скосил глаза,— Сэм. Я — Сэм. Когда-то, очень давно... я сражался, да? Много раз...

— Ты великодушный Сэм, Будда. Ты вспоминаешь?

— Может, я и был...— В его глазах медленно зажегся огонь.— Да. Да, я был им. Самый униженный в гордости, самый гордый в унижении. Я сражался. Я изучал Путь. Я снова сражался, снова изучал, пытался использовать политику, магию, яд... Я бился в великом сражении, таком страшном, что само солнце отвернуло свой лик от резни, бился с людьми и богами, с животными и демонами, с духами земли и воздуха, огня и воды, с лошадьми, мечами и колесницами...

— И ты проиграл,— сказал Яма.

— Да, я проиграл. Но зато мы показали им, нет? Ты, бог смерти, вел мою колесницу. Теперь я все вспомнил. Нас взяли в плен, и Боги Кармы были нашими судьями. Ты убежал с помощью энергии смерти и Пути Черного Колеса. А я не смог.

— Правильно. Твое прошлое было выставлено перед ними. Ты был осужден.— Яма взглянул на монахов, которые теперь сидели на полу, склонив головы, и понизил голос.— Уморить тебя реальной смертью означало бы сделать из тебя мученика. Отпустить тебя в мир в каком бы то ни было теле — это оставить дверь открытой для твоего возвращения. И так же, как ты украл свои доктрины у Готтамы в другом месте и времени, они утаили от людей рассказ о конце этого дня. Судьи решили, что ты заслуживаешь Нирваны. Твой *атман* был проецирован, но не в другое тело, а в великое магнитное облако, окружающее планету. Это было полстолетия назад. Теперь ты официально — воплощение Вишну, чье учение было неверно истолковано некоторыми ревностными его последователями. Ты лично продолжал существовать только в форме самосохраняющихся длинных волн, которые мне и удалось захватить.

— И ты *посмел* привести меня обратно?

— Правильно.

— Я все время знал о своем состоянии.

— Я так и думал.

Он открыл горящие глаза.

— И ты посмел вызвать меня *оттуда*?

— Да.

Сэм наклонил голову.

— Правильно тебя называли богом смерти, Яма-Дхарма. Ты вырвал у меня решающий опыт. Ты разбил на темном камне своей воли то, что лежит за пределами восприятия и смертной славы. Почему ты не оставил меня там, где я был, в океане бытия?

— Потому что мир нуждается в твоем смирении, в твоей набожности, в твоем великом учении и в твоем макиавеллиевском интриганстве.

— Яма,— сказал Сэм,— я стар. Я так же стар, как и человек в этом мире. Я был одним из Первых, ты же знаешь. Один из самых первых, пришедших сюда строить, поселиться. Все остальные уже теперь или мертвы или стали богами — деи экс машини... Удача приходила и ко мне, но я упускал ее. Много раз. Я никогда не хотел быть богом, Яма. В самом деле. Только позднее, когда я увидел, что они делают, я начал собирать силу, которая могла бы быть моей. Но

было уже поздно. Они были слишком сильны. И теперь я действительно хочу уснуть на века, снова познать Великий Покой, вечное блаженство, слышать песни звезд на берегах великого океана.

Ратри наклонилась и посмотрела ему в глаза.

— Ты нужен нам, Сэм.

— Знаю, знаю. Это вечно повторяющийся анекдот. У тебя норовистая лошадь — бей ее кнутом еще с милю.

Он улыбнулся, и она поцеловала его в лоб.

Тэк подпрыгнул в воздух и приземлился на ложе.

— Человечество веселится,— заметил Будда.

Яма протянул ему мантию, а Ратри подала домашние туфли.

* * *

Отвыкая от мирного существования, в котором не осознавалось время, Сэм спал. Он видел сны и выкликал кого-то или просто кричал. У него не было аппетита, но Яма подобрал ему тело крепкое и очень здоровое, способное вынести психосоматический переход из божественного состояния в другое.

Но он мог сидеть час неподвижно, глядя на камешек, семя или листок. И в этих случаях его нельзя было отвлечь.

Яма видел в этом опасность и говорил с Ратри и Тэком.

— Нехорошо, что он сейчас уходит таким образом от мира,— сказал он.— Я говорил с ним, но как будто обращался к ветру. Он не может расстаться с тем, что оставил позади. Сама попытка стоит ему его силы.

— Возможно, ты неправильно истолковываешь его усилия,— сказал Тэк.

— Что ты имеешь в виду?

— Видишь, как он смотрит на семя, которое положил перед собой? Приглядись к морщинкам в углах его глаз.

— Ну и что?

— Он косит. У него ослабло зрение?

— Нет.

— Почему же он скашивает глаза?

— Чтобы лучше изучить семя.

— Изучить? Это не тот Путь, которому он учил когда-то. Однако, он изучает. Он смотрит на предмет без размышления, ведущего к высвобождению сути.

— Что же он тогда делает?

— Противоположное.

— То есть?

— Он изучает предмет, обдумывает его возможности, стараясь применить их к себе. Он ищет в этом оправдание жизни. Он пытается снова завернуться в покрывало Майи, иллюзии мира.

— Я уверена, что ты прав, Тэк,— сказала Ратри.— Как мы можем помочь ему в его усилиях?

— Трудно сказать, госпожа.

Яма кивнул. Его темные волосы заблестели в луче солнца, проникшем через узкую галерею.

— Вы ткнули пальцем в то, чего я не видел,— согласился он.— Сэм еще не полностью вернулся, хотя он в человеческом теле, ходит человеческими ногами, говорит, как мы. Его мысль все еще за пределами нашего кругозора.

— Что же будем делать?— спросила Ратри.

— Возьми его в долгую прогулку по окрестностям,— сказал Яма.— Корми его лакомствами. Расшевели его душу поэзией и пением. Найди ему крепкую выпивку — здесь, в монастыре её нет. Одень его в яркие шелка. Предоставь ему двух-трех куртизанок. Вытащи его снова в жизни. Это единственное, что может освободить его от цепей Бога. Дурак я, что не подумал об этом раньше.

— Так оно и есть, бог смерти,— заметил Тэк.

Темное пламя метнулось в глазах Ямы, но он улыбнулся.

— Со мной рассчитались за замечания, которые я, вероятно, не подумав, уронил в твои волосатые уши. Я извиняюсь, обезьяна, ты настоящий человек, человек умный и проницательный.

Тэк поклонился. Ратри хихикнула.

— Скажи нам, мудрый Тэк, потому что мы, возможно, слишком долго были богами и у нас не хватает правильного угла зрения — как мы будем действовать в этом деле очеловечивания Сэма, чтобы он послужил для нужных нам результатов?

Тэк поклонился Яме, потом Ратри.

— Как предложил Яма. Сегодня ты, госпожа, ведешь его на прогулку к холмам. Завтра господин Яма идет с ним к опушке леса. Послезавтра я вожу его среди деревьев, трав, цветов и виноградников. А там посмотрим.

— Да будет так,— сказал Яма.

Так и было.

* * *

В следующую за этим неделю Сэм смотрел на эти прогулки сначала с некоторым ожиданием, затем с умеренным энтузиазмом и, наконец, со вспыхнувшей жадностью. Он стал уходить без сопровождения на все большие промежутки времени: сначала на несколько часов утром, затем еще и вечером. Позднее он стал уходить на весь день, а иной раз и на сутки.

— Это мне не нравится,— сказал Яма.— Мы не можем оскорблять его, силой навязывая ему свое общество, раз он его не желает. Но в этом кроется опасность, в особенности для рожденного вновь, как он. Нам желательно знать, как он проводит время.

— Но, что бы он ни делал, это помогает ему восстанавливаться,— сказала Ратри, проглотив конфету и слегка помахивая пухлой рукой.— Он стал менее отчужденным, больше говорит, даже шутит. Он пьет вино, которое мы ему приносим. К нему вернулся аппетит.

— Однако, если он встретится с агентом Тримурти, может произойти окончательная гибель.

Ратри неторопливо прожевала.

— Вряд ли, хотя в прежние времена в этой местности такое могло случиться. Животные будут смотреть на него как на ребенка и не повредят ему, люди же увидят в нем святого отшельника. Демоны боялись его в старину и теперь будут с ним почтительны.

Но Яма покачал головой.

— Леди, все не так просто. Хотя я демонтировал многие свои машины и спрятал их в сотнях лиг отсюда, такое мощное движение энергии, каким я пользовался, не может пройти незамеченным. Рано или поздно это место посетят. Я пользовался экраном и отражениями, но общий размах должен проявиться в некоторых местах, как Мировое Пламя пляшет на карте. Скоро нам придется уйти. Я предпочел бы подождать, пока наш снаряд полностью не придет в себя, но...

— Разве нет каких-нибудь природных сил, производящих тот же энергетический эффект, что и твои работы?

— Есть, и это случалось поблизости, почему я и сделал нашу базу здесь — как будто все исходит от природных сил. Но все-таки я сомневаюсь. Мои шпионы в деревнях не сообщают о необычной активности. Но в день его возвращения кто-то сказал, что верхом на гребне грозы пронеслась громовая колесница, охотящаяся на небе и в сельской местности. Это было далеко отсюда, но я не уверен, нет ли тут связи.

— Однако, если бы он не вернулся...

— Мы бы не знали об этом. Но я боюсь...

— Тогда давайте уедем сразу же. Я слишком уважаю твои предчувствия. У тебя больше силы, чем у любого из Павших. Для меня, например, даже принять приятный вид более чем на несколько минут, и то большое напряжение...

— Силы, которыми я обладаю,— сказал Яма, вновь наполняя чайную чашку,— нетронуты, потому что они другого порядка, чем у вас.

Он улыбнулся, показав ряд крупных блестящих зубов. Улыбка захватила край рубца на его левой щеке и потянулась вверх, к углу глаза. Он поморщился и продолжал:

— Мое могущество во многом от знания, которое даже Боги Кармы не смогли вырвать у меня. Могущество же большинства богов основано на особой психологии, которую они частично теряют, воплощаясь в новое тело. Мозг, в какой-то мере помнящий, через некоторое время изменит любое тело в определенном направлении, породив новый гомеостазис, дающий постепенный возврат могущества. Мое вернулось быстро и теперь полностью со мной. Но даже если бы это было не так, у меня есть мои знания, чтобы пользоваться ими как оружием — а это и есть могущество.

Ратри прихлебывала чай.

— Каковы бы ни были источники твоей силы, если она говорит — идти — мы должны идти. Скоро?

Яма достал кисет с табаком и крутил сигарету, пока говорил. Ратри заметила, что его темные гибкие пальцы были всегда в движе-

нии, напоминающем движения играющего на музыкальном инструменте.

— Я бы сказал, мы останемся здесь не более чем на неделю или на десять дней. Мы должны отлучить Сэма от этой местности.

Ратри кивнула.

— И куда?

— В какое-нибудь маленькое южное княжество, где мы можем ходить спокойно.

Он закурил, вдыхая дым.

— У меня лучшая идея,— сказала Ратри.— Знай, что под смертным именем я хозяйка Дворца Ками в Кейпуре.

— Дом свиданий, мадам?

Она нахмурилась.

— Поскольку такое часто считается пошлым, не присоединяй к нему «мадам» — это попахивает древней насмешкой. Это место отдыха, удовольствия, празднеств и очень доходное для меня. Там, я чувствую, найдется хорошее тайное место для нашего снаряда, пока он занимается своим излечением, а мы — своими планами.

Яма хлопнул себя по бедру.

— Здорово! Кому придет в голову искать Будду в борделе? Отлично! Значит, в Кейпур, дорогая богиня, в Кейпур, во Дворец Любви!

Ратри встала и стукнула сандалией о плиты пола.

— Я не желаю, чтобы ты говорил о моем заведении в таком тоне!

Он потупился, с трудом сгоняя с лица усмешку, тоже встал и поклонился.

— Извиняюсь, дорогая Ратри, но открытие произошло так неожиданно...— Он поперхнулся и отвел глаза. Когда он снова взглянул на нее, он был полон сдержанности и благопристойности.— Я был захвачен врасплох кажущимся несоответствием, но теперь я вижу мудрость этого. Это самое идеальное прикрытие, и оно дает тебе не только богатство, но и нечто более важное: источник тайной информации от купцов, воинов и жрецов. Это неотъемлемая часть общества, это дает тебе положение и голос в гражданских делах. Быть богом — одна из древнейших профессий в мире; так можем ли мы, падшие боги, бросать тень на другую древнюю и почетную профессию? Я салютую тебе. Я благодарю тебя за твою мудрость и предусмотрительность. Я не стану порочить предприятие благодетеля и союзника-конспиратора. Я готов к визиту туда.

Ратри улыбнулась и снова села.

— Я принимаю твои льстивые извинения, о сын змеи. В любом случае, на тебя трудно долго злиться. Налей мне еще немного чаю, пожалуйста.

Они откинулись на сиденьях. Ратри пила чай, Яма курил. Вдалеке гроза затягивала занавесом половину перспективы. Над ними еще сияло солнце, но холодный воздух уже входил в крытую галерею.

— Ты видел железное кольцо, которое он носит? — спросила Ратри, жуя еще одну конфету.

— Да.

— Не знаешь, откуда оно у него?

— Нет.

— И я нет. Но я чувствую, что нам надо бы узнать о происхождении кольца.

— Пожалуй.

— Но как за это взяться?

— Я задал работенку Тэку. Он лучше нас ходит по лесу. Сейчас он идет по следу.

Ратри кивнула.

— Хорошо.

— Я слышал,— сказал Яма,— что боги все еще время от времени посещают наиболее известные Дворцы Камы, рассеянные по стране, обычно под чужой личиной, но часто с полной силой. Это правда?

— Да. Не далее как в прошлом году в Кейпуре был бог Индра. Года три назад нам нанес визит лже-Кришна. Из всего Небесного отряда Кришна-Неутомимый вызвал величайшее потрясение среди персонала. Он целый месяц предавался разгулу, результатом чего было множество поломанной мебели и потребовались услуги многих целителей. Он почти опустошил винный погреб и кладовую. Затем он однажды ночью играл на свирели. Вообще-то, слышавший игру старого Кришны мог бы простить ему почти все, но дело в том, что в ту ночь мы слышали не подлинную магию, поскольку истинный Кришна только один — смуглый и волосатый, с красивыми горящими глазами. А этот Кришна танцевал на столах, производя страшный беспорядок, и его музыкальный аккомпанемент был явно недостаточен.

— Надеюсь, он заплатил за эти разрушения не только своими песнями?

Ратри засмеялась.

— Брось, Яма. Зачем между нами риторические вопросы?

Он выдохнул дым.

— Сорайя, солнце, будет теперь окружено,— сказала Ратри, глядя вдаль,— и Индра убивает дракона. Вот-вот начнутся дожди.

Серая волна накрыла монастырь. Ветер крепчал, на стенах начался танец воды. Занавес из капель дождя закрыл открытую часть галереи, на которую они смотрели.

Яма налил себе ещё чаю. Ратри взяла еще одну конфету.

* * *

Тэк шел через лес. Он двигался от дерева к дереву, с ветки на ветку, глядя на след внизу. Мех его был мокрым, потому что листья стряхивали на него маленькие ливни. За спиной Тэка поднимались тучи, но утреннее солнце еще сияло на востоке, и лес был полон красок в его красно-золотом свете. В перепутанных ветвях, лианах, листьях и травах, стеной стоявших по обе стороны следа, пели птицы, жужжали насекомые, иногда слышались рычание или лай. Ветер шевелил листву. След внизу резко свернул к поляне. Тэк спрыгнул на землю. По другую сторону поляны он снова пошел по деревьям.

Теперь он заметил, что след идет параллельно горам, даже слегка отклоняется к ним. Далекий раскат грома — и через некоторое время новый ветер — холодный. Тэк качнулся вперед, прорываясь сквозь мокрую паутину паука и напугав птиц. След по-прежнему вел к горам, медленно удваиваясь обратным следом. Временами след встречался с другими, твердыми следами, расходящимися, пересекающимися, уходящими. В этих случаях Тэк спускался на землю и изучал отмеченную поверхность. Да, Сэм повернул сюда; Сэм остановился у этого озерка напиться — здесь, где оранжевые грибы были выше человеческого роста и достаточно широки, чтобы сохранить немного дождевой воды; теперь Сэм пошел по этой тропинке; здесь он остановился завязать сандалию; здесь он прислонился к дереву, указывающему на жилище дриад...

Тэк с полчаса шел за своей дичью. Свет зарниц сиял над горами, против которых Тэк теперь стоял. Ещё раскат грома. След шел вверх, к подножию холмов, где лес редел, и Тэк побежал со всех четырех ног среди высоких трав. След вел прямиком вверх, и обнажения скал становились все более заметными. Но Сэм прошел этим путем, и Тэк следовал за ним.

Над головой пестро окрашенный Мост Богов исчез, когда тучи прочно затянули восток. Сверкнула молния, и гром теперь последовал за ней быстро. На открытом месте ветер стал сильнее, трава гнулась под ним; температура, казалось, вдруг стала давящей.

Тэк почувствовал первые капли дождя и поспешил укрыться среди камней, идущих слегка наклонной узкой изгородью. Тэк двинулся вдоль ее основания, а вода уже хлестала в полную силу, и мир потерял краски с исчезновением последнего кусочка голубого неба.

Над головой появилось море крутящегося света, и три раза его потоки падали в диком крещендо вниз, на каменный клык, вырисовывающийся против ветра в четверти мили вверх по склону.

Когда зрение Тэка прояснилось, он увидел кое-что и понял: как будто каждая световая стрела, падая, оставляла часть себя, и эта часть качалась в сером воздухе, пульсируя огнями, несмотря на влагу, падавшую на землю, где стояла эта часть.

Потом Тэк услышал смех — а может, это был призрачный звук, оставшийся в его ушах после недавнего грома?

Нет, это был смех, громкий, нечеловеческий!

Через некоторое время послышался вопль ярости. Новая вспышка, новый грохот.

И снова огненная воронка закачалась рядом с каменным клыком.

Тэк лежал минут пять. Опять вопль, за которым последовали три вспышки и грохот.

Теперь там было семь огненных столбов.

Рискнуть подойти, обогнуть эти штуки и посмотреть на зубчатый пик с другой стороны?

А если он это сделает, и если — как он чувствовал — тут каким-то образом замешан Сэм, то что может сделать он, Тэк, если сам Просветленный не управляет ситуацией?

Он не нашел ответа, но все-таки двинулся вперед, низко пригнувшись в мокрой траве.

Он прошел полпути, когда это произошло снова, и поднялось десять столбов, они отплывали и возвращались, отплывали и возвращались, как будто их основания укоренились в почве.

Мокрый и дрожащий, Тэк скорчился, освидетельствовал свое мужество и нашел, что его и в самом деле маловато. Однако, он спешил вперед, держась параллельно странному месту, пока не миновал его.

Он поднялся выше и очутился позади этого места, среди множества больших камней. Они защищали его от наблюдения снизу, и он дюйм за дюймом полз вперед, не сводя глаз с пика.

Теперь он увидел, что этот клык — часть впадины. У его основания была сухая темная пещера, и в ней две коленопреклоненные фигуры. «Святые люди на молитве!» — предположил он.

И тогда это случилось. Ужасающая вспышка, какой Тэк еще не видел, прошла снизу вверх по камням — не сразу, не в одно мгновение, а, возможно, в четверть минуты, словно зверь с огненным языком облизал камень, рыча при этом.

Когда Тэк открыл глаза, он насчитал уже двадцать пылающих башен.

Один из святых людей, жестикулируя, наклонился вперед. Другой захохотал. До Тэка донеслись слова:

— Глаза змеи! Мое теперь!

— Это количество? — спросил второй, и Тэк узнал голос Сэма Великодушного.

— Вдвое или ничего! — проревел первый и тоже наклонился вперед с теми же, что и у Сэма, жестами.

— Нина из Сринагина! — запел он и наклонился, качаясь и снова жестикулируя.

— Священное семь, — мягко сказал Сэм.

Второй завопил.

Тэк зажмурился и заткнул уши, предполагая, что может последовать за этим воем. И он не ошибся.

Когда пламя и грохот кончились, он взглянул вниз, на жутко освещенную сцену. Он не трудился считать: было очевидно, что там висело теперь сорок пламенных столбов, отбрасывающих сверхъестественный свет — их число было удвоено.

Ритуал продолжался. Железное кольцо на левой руке Будды пылало собственным бледно-зеленым светом.

Тэк снова услышал слова:

— Вдвое или ничего!

И ответ Будды:

— Священное семь.

На этот раз Тэк подумал, что перед ним разверзлась гора. Ему казалось, что остаточное изображение вспышки отпечаталось на сетчатке его глаз даже сквозь закрытые веки. Но он ошибся.

Когда он открыл глаза, он увидел целую армию светящихся грозовых столбов. Их блеск вонзался в мозг, и Тэк затенил глаза, чтобы посмотреть вниз.

— Хватит, Ралтарики? — спросил Сэм, и яркий изумрудный свет заиграл на его левой руке.

— Еще раз, Сиддхарта. Вдвое, или ничего.

Дождь прекратился на минуту, и в великом сиянии воинства на склоне Тэк увидел, что у существа по имени Ралтарики голова водяного буйвола и лишняя пара рук. Он задрожал, закрыл глаза и уши и, стиснув зубы, ждал.

Через минуту это произошло. Рев и пламя поднимались вверх, и Тэк в конце концов потерял сознание.

Когда он пришел в себя, между ним и камнем были только серость и слабый дождь. И у основания камня сидела только одна фигура; она не имела рогов, и рук у нее было не больше, чем обычные две.

Тэк не шевелился. Он ждал.

* * *

— Это,— сказал Яма, протягивая Тэку аэрозоль,— отпугивает демонов. Я советую тебе на будущее основательно опрыскивать себя, если ты намерен странствовать так далеко от монастыря. Я думал, что этот район свободен от Ракш, иначе я дал бы тебе его раньше.

Тэк принял флакон и поставил перед собой на стол.

Они сидели в апартаментах Ямы и ели легкую пищу. Яма откинулся в кресле со стаканчиком вина Будды в левой руке и с полупустым графином в правой.

— Значит, тот, кого назвали Ралтарики, и в самом деле демон? — спросил Тэк.

— Да — и нет,— сказал Яма.— Если под «демоном» ты понимаешь злобное сверхъестественное существо, обладающее большим могуществом, крутящейся жизнью и способностью принимать на время любую видимую форму — тогда нет. Это общепринятое определение, но в одном отношении оно неправильно.

— Да? В каком же?

— Он не сверхъестественное существо.

— А во всем остальном?

— Да.

— Тогда я не понимаю, какая разница — сверхъестественное оно или нет, если оно злобное, обладает большим могуществом, крутящейся жизнью и способно изменить свою форму по желанию.

— Нет, разница большая. Различие между непознанным и непознаваемым, между наукой и фантазией — вот что существенно. Четыре направления компаса — логика, знание, мудрость и непознанное. Некоторые клонятся в этом последнем направлении. Другие идут дальше. Склониться перед одним — значит потерять из виду три. Я могу покориться непознанному, но не непознаваемому. Человек, склоняющийся в этом последнем направлении, либо святой, либо дурак. Мне не нужны ни тот, ни другой.

Тэк пожал плечами и выпил глоток вина.

— Но демоны...

— Познаваемы. Много лет назад я экспериментировал с ними,

и я был одним из Четырех, спускавшихся в Адский Колодец, если ты помнишь, после того, как Тарака напал на Бога Агни в Иаламайдсу. Ты не Тэк из Архивов?

— Я был им.

— Значит, ты читал о самых ранних контактах с Ракшами?

— Я читал отчеты о днях, когда их связали...

— Тогда ты знаешь, что они коренные жители этого мира, что они были здесь до прибытия человека из исчезнувшей Уратхи.

— Да.

— Они созданы более из энергии, чем из материи. Судя по их традициям, они когда-то имели тела, жили в городах. Однако, поиски личного бессмертия повели их по путям, отличным от путей человека. Они нашли способ сохранить себя как стабильные энергетические поля. Они покинули свои тела, чтобы жить вечно как силовые вихри. Но чистого разума у них нет. Они несут в себе свое полное эго и, рожденные от материи, всегда вожделеют к плоти. Хотя они могут на время принять плотскую внешность, они не могут вернуться в нее сами. Много веков они беспомощно дрейфовали по этому миру. Появление человека вывело их из состояния покоя. Они принимали формы его кошмаров, чтобы вредить ему. Вот поэтому они были побеждены и связаны задолго до Ратнагарис. Мы не могли уничтожить их совсем, но не могли и позволить им продолжать попытки захватить механизмы воплощения в тела людей. Так что они были пойманы и заключены в большие магнитные бутылки.

— Однако, Сэм освободил многих из них, чтобы они творили его волю,— сказал Тэк.

— Да. Он создал и хранит пакет кошмара, и поэтому некоторые все еще бродят по планете. Из всех людей они уважают, вероятно, только одного Сиддхарту. А с остальными людьми у них один общий порок: они готовы играть по любым ставкам, и платить игорные долги для них вопрос чести. Так и должно быть, иначе они лишились бы доверия других игроков и потеряли бы свою единственную радость. Могущество их велико, и с ними играли даже принцы, надеясь выиграть их услуги. Так пропадали целые королевства.

— Если, по твоему мнению, Сэм играл с Ралтарики в одну из древних игр, то каковы были ставки?

Яма допил вино и снова наполнил стаканчик.

— Сэм — дурак,— сказал он.— Нет, не дурак. Он игрок. Тут есть разница. Ракша управлял меньшими группами энергосуществ. Сэм, с помощью своего кольца, отдал новый приказ страже огненных элементалей, которую он выиграл у Ралтарики. Эти элементали — страшные безмозглые создания, и у каждого сила громовой стрелы.

Тэк прикончил свое вино.

— Но какие же ставки Сэм мог поставить в игре?

Яма вздохнул.

— Всю мою работу, все наши усилия за полстолетия.

— Ты хочешь сказать — его тело?

Яма кивнул.

— Человеческое тело — лучшая приманка, какую можно предложить демону.

— Зачем Сэму идти на такой риск?

Яма смотрел на Тэка, не видя.

— Возможно, это единственный способ воззвать к собственной жизненной воле, снова связать себя со своей задачей — рискнуть жизнью, бросить само свое существование вместе с броском игральных костей.

Тэк налил себе еще стаканчик и выпил.

— ЭТО для меня непостижимо.

Но Яма покачал головой.

— Нет, непонятно только. Сэм не полностью святой, но и не дурак.

— Нет, все-таки дурак,— решил Яма и в эту ночь попрыскал репеллентом от демонов вокруг монастыря.

На следующее утро к монастырю подошел невысокий человек и сел перед главным входом, поставив у своих ног чашку для подаяний. На нем было простое изношенное одеяние из грубой коричневой ткани, доходящее до лодыжек. Левый глаз был закрыт черной повязкой. Немногие оставшиеся волосы были темными и очень длинными. Острый нос, маленький подбородок и большие плоские уши придавали его лицу лисье выражение. Туго натянутая кожа сильно обветрена. Единственный зеленый глаз, казалось, никогда не мигал.

Он сидел минут двадцать, прежде чем один из монахов Сэма заметил его и сказал об этом кому-то в темной мантии из ордена Ратри. Тот отыскал жреца и передал информацию ему. Жрец, желая показать богине добродетели ее последователей, велел привести нищего, накормить, одеть и предоставить ему келью, в которой тот может жить, сколько пожелает.

Нищий принял еду с вежливостью брамина, но поел только хлеба и фруктов. Он принял также темную одежду ордена Ратри, отбросив свою запыленную рубаху. Затем он осмотрел келью и свежий спальный мат, положенный для него.

— Благодарю тебя, почтенный жрец,— сказал он красивым звучным голосом, более сильным, чем вся его особа.— Я благодарю тебя и молю твою богиню улыбнуться тебе за твою доброту и щедрость, расточаемые ее именем.

Жрец и сам улыбнулся и надеялся, что Ратри пройдет в эту минуту по холлу и будет свидетельницей его доброты и щедрости от ее имени. Увы, она не прошла. Немногие из ее ордена реально видели ее, даже ночью, когда она набирала свою силу и шла среди них, потому что только те, кто носил шафрановую мантию, ждали пробуждения Сэма, уверенно могли опознать Ратри. Обычно она проходила по монастырю, когда ее приверженцы были на молитве, или после того, как они удалялись на вечер. Днем она в основном спала, а если и шла мимо них, то бывала закутана в плащ. Свои желания и приказы она сообщала непосредственно Гандиджи, главе ордена, которому было девяносто три года этого цикла, и он был более чем наполовину слеп.

Следовательно, и ее монахи, и монахи в желтом желали ее появления и мечтали заслужить ее милость. Было сказано, что ее благословение обеспечивает будущее воплощение в брамина. Один только Гандиджи не беспокоился об этом, потому что принял путь реальной смерти.

Поскольку она не прошла через холл, где они стояли, жрец продолжил разговор.

— Я — Баларама,— сказал он.— Могу я узнать твое имя, добрый господин, и, может быть, твое назначение?

— Я — Арам,— ответил нищий,— принявший на себя десятилетний обет бедности и семилетний — молчания. К счастью, семь лет прошли, и я могу теперь высказать благодарность своему благодетелю и ответить на его вопросы. Я направляюсь в горы, чтобы найти себе пещеру, где могу предаться медитации и молитве. Я, может быть, приму твое любезное гостеприимство на несколько дней, прежде чем пуститься в путешествие.

— Поистине,— сказал Баларама,— для нас честь, если святой пожелает осчастливить наш монастырь своим присутствием. Мы рады принять тебя. Если ты пожелаешь иметь что-нибудь, могущее помочь тебе на твоем пути, и мы способны дать тебе эту вещь — назови ее.

Адам пристально поглядел на него своим здоровым зеленым глазом и сказал:

— Монах, что первым заметил меня, не носил одежды вашего ордена.— Он коснулся темной мантии.— Я уверен, что мой бедный глаз видел мантию другого цвета.

— Да,— сказал Баларама,— сейчас под нашим кровом отдыхают от своих странствий последователи Будды.

— Это и вправду интересно,— сказал Арам,— потому что я хотел бы поговорить с ними и, возможно, узнать побольше об их Пути.

— Ты будешь иметь широкую возможность для этого, если останешься у нас на некоторое время.

— Тогда я так и сделаю. Долго ли они здесь пробудут?

— Не знаю.

Арам кивнул.

— Когда я смогу поговорить с ними?

— Они будут здесь вечером, в час, когда все монахи собираются вместе и разговаривают, о чем хотят, кроме тех, кто дал обет молчания.

— Тогда я проведу время до этого часа в молитве,— сказал Арам.— Спасибо тебе.

Они поклонились друг другу, и Арам вошел в свою комнату.

* * *

Вечером Арам ждал часа сбора монахов. В это время монахи обоих орденов встречались и вели разговоры. Ни Сэм, ни Тэк, ни Яма никогда не присутствовали при этом.

Арам сидел за длинным столом в трапезной напротив нескольких буддийских монахов. Некоторое время он разговаривал с ними о доктрине и практике, о касте и кредо, о погоде и о текущих делах.

— Удивительно,— сказал он через какое-то время,— что люди вашего ордена столь неожиданно и далеко зашли на юг и запад.

— Мы — странствующий орден,— ответил монах.— Мы идем вслед за ветром. Мы идем, куда влечет нас сердце.

— В местность ржавой почвы в сезон гроз? Может быть, здесь поблизости случается какое-либо откровение, которое могло бы расширить мой дух, если бы я заметил его?

— Весь мир — откровение,— сказал монах.— Все изменяется, однако, все остается. День следует за ночью... Каждый день отличен от другого, но каждый — день. Очень многое в мире — иллюзия, но формы этой иллюзии следуют образцу, который является частью божественной реальности.

— Да, да,— сказал Арам,— в путях иллюзий и реальности я достаточно сведущ, но под своим вопросом я имел в виду, не возник ли поблизости новый учитель, или, может быть, вернулся старый, или, скажем, божественное проявление, о присутствии которого моей душе полезно было бы знать.

Говоря это, нищий сбросил со стола рыжего жука размером с ноготь и двинул сандалией, чтобы раздавить его.

— Умоляю тебя, брат, не вреди ему,— сказал монах.

— Но их в избытке, а мастера Кармы установили, что человек не может вернуться как насекомое, и убийство насекомого — кармически бездеятельный акт.

— Тем не менее,— сказал монах,— всякая жизнь есть жизнь; в этом монастыре все следуют учению *ахимса* и воздерживаются отнимать жизнь у любого существа.

— Однако,— возразил Арам,— Паранджали установил, что *намерение* определяет более, чем действие. Следовательно, если я убил случайно, а не по злобе, я вроде бы и не убивал. Признаюсь, что в данном случае присутствовала злоба; значит, если я и не убил, я все равно несу груз вины за такое намерение. Так что я мог бы наступить теперь на жука, и хуже от этого не станет, согласно принципам *ахимсы*. Но, поскольку я гость, я, конечно, уважаю ваши обычаи и не сделаю такой вещи.— С этими словами он отодвинул ногу от насекомого, которое оставалось неподвижным, подняв вверх красноватые усики.

— А он действительно ученый,— сказал один из монахов Ратри.

Арам улыбнулся.

— Благодарю тебя, но это не так. Я только смиренный искатель истины, и в прошлом мне случайно удалось прослушать лекции ученого. Ох, если бы мне так повезло снова! Если бы поблизости был какой-нибудь великий учитель или ученый, я уверенно прошел бы по горячим углям и сел бы у его ног слушать его слова или следовать его примеру. Если бы...

Он замолчал, потому что все глаза вдруг повернулись к двери позади него. Он не повернул головы, но потянулся прихлопнуть жука, находившегося возле его руки. Из сломанной хитиновой оболочки его спинки высунулись кончик маленького кристалла и две крошечные проволочки.

Тогда Арам повернулся. Его зеленый глаз пробежал через ряд монахов, сидевших между ним и дверью, и увидел Яму: на нем были брюки, сапоги, рубашка, пояс, плащ и перчатки — все красное, а голову обвивал тюрбан цвета крови.

— Если бы? — спросил Яма. — Ты сказал «если бы»? Если бы какой-нибудь мудрец или какое-то воплощение божества остановилось поблизости, ты хотел бы с ним познакомиться? Ты об этом говорил, незнакомец?

Нищий встал из-за стола и поклонился.

— Я — Арам, искатель и путешественник, товарищ каждому, кто желает просвещения.

Яма не ответил на поклон.

— Почему ты назвал свое имя наоборот, Бог Иллюзии, когда все твои слова и поступки кричат об этом перед тобой?

Нищий пожал плечами.

— Я не понял твоих слов. — Он снова улыбнулся. — Я тот, кто ищет Путь и Истину, — добавил он.

— Я думаю, этому трудно поверить, поскольку я был свидетелем по крайней мере тысячи лет твоей измены.

— Ты говоришь о продолжительности жизни богов.

— К несчастью, да. Ты сделал серьезную ошибку, Мара.

— Какую же?

— Ты предполагал, что тебе позволят уйти отсюда живым.

— Согласен, я предчувствовал, что так будет.

— Ты не учел множества несчастных случаев, которые могут свалиться на одинокого путешественника в этом диком районе.

— Я много путешествовал один. Несчастные случаи всегда постигали других.

— Ты, видимо, уверен, что если твое тело будет уничтожено здесь, твой *атман* переместится в другое тело в другом месте. Я понимаю, что кто-то расшифровал мои записи, и фокус теперь возможен.

Брови нищего опустились на четверть дюйма и сдвинулись.

— Яма, — сказал он, — ты глуп, если сравниваешь свою ничтожную потерянную силу с мощью Мастера Снов.

— Может быть и так, господин Мара, — ответил Яма, — но я слишком долго ждал этого случая, чтобы думать об отсрочке. Помнишь мое обещание в Кинсете? Если ты желаешь продолжать цепь своего существования, ты пройдешь через эту единственную в комнате дверь, которую я загораживаю. Ничто за пределами этой комнаты не поможет тебе теперь.

Мара поднял руки, и вспыхнули огни.

Все пылало. Пламя вылетало из каменных стен, из столов, из

мантий монахов. По комнате клубился дым. Яма стоял среди пожарища, но не двинулся с места.

— Это лучшее, что ты можешь сделать? — спросил он.— Твое пламя повсюду, но ничто не горит.

Мара хлопнул в ладони, и пламя исчезло.

Вместо него поднялась кобра почти в два человеческих роста; покачивая головой с развернутым серебряным клобуком, она вытянулась в §-образную боевую позицию.

Яма игнорировал ее; его темный взгляд впивался теперь, как жало черного насекомого, в единственный глаз Мары.

Кобра растаяла на середине броска. Яма шагнул вперед.

Мара отступил на шаг.

Они стояли так в течение трех ударов сердца, затем Яма сделал два шага вперед, а Мара снова отступил. На лбу обоих выступил пот.

Теперь нищий стал выше ростом, волосы его стали гуще; он сделался толще в талии и шире в плечах. Все его движения стали неуловимо изящными. Он сделал еще один шаг назад.

— Да, Мара, здесь бог смерти,— сказал сквозь зубы Яма.— Падший я или нет, но реальная смерть живет в моих глазах. И тебе придется встретиться с ними. Когда ты дойдешь до стены, тебе некуда будет отступать. Руки и ноги твои начинают холодеть.

Мара оскалил зубы в усмешке. Шея его раздулась как шар. Бицепсы были величиной с мужское бедро, грудь — бочонок силы, а ноги как деревья в лесу.

— Холодеют? — спросил он, вытянув руки.— Этими руками я могу переломить гиганта. А ты всего лишь выброшенная падаль. Твой гнев может напугать лишь стариков и калек. Твои глаза могут вогнать в оцепенение животных и людей низшего класса. Я настолько выше тебя, насколько звезда выше дна океана.

Руки Ямы в красных перчатках метнулись, как две кобры, к горлу Мары.

— Тогда пусти в ход свою силу, которой ты так хвалишься, Мастер Снов. Ты создал видимость мощи, воспользуйся же ею! Одолей меня не словами, а делом!

Щеки и лоб Мары стали ярко-зелеными, когда руки Ямы крепче сжались на его горле. Глаз готов был выскочить.

Мара упал на колени.

— Хватит, господин Яма! — прохрипел он.— Хочешь убить самого себя?

Он менялся. Черты его расплылись, словно он лежал под текучей водой.

Яма смотрел вниз на свое собственное лицо, на свои красные руки, хватающие его за запястья.

— Ты впадаешь в отчаяние, Мара, когда жизнь оставляет тебя. Но Яма не ребенок, чтобы бояться разбить зеркало, которым ты стал. Сделай последнюю попытку или умри как человек, конец все равно один.

Но произошло еще одно расплывание и изменение.

На этот раз Яма заколебался, ослабляя свою силу.

На его руки упали ее бронзовые волосы. Тусклые глаза умоляли. Горло обвивало ожерелье из черепов, которые были чуть бледнее ее тела. Ее сари было цвета крови. Ее руки лежали на его руках и почти ласкали их...

— Богиня! — прошептал Яма.

— Не хочешь ли ты убить Кали?.. Друга?... — Она задыхалась.

— Опять ошибка, Мара, — прошипел Яма. — Разве ты не знаешь, что каждый человек убивает то, что он любил?

Его руки сжались, раздался звук ломающихся костей.

— Десятикратным будет твое осуждение, — сказал он, зажмурившись. — И нового рождения не будет.

Руки его разжались.

Высокий, благородного сложения человек лежал на полу у ног Ямы, голова склонилась к правому плечу. Глаз окончательно закрылся.

Яма перевернул тело носком сапога.

— Устроить погребальный костер и сжечь это тело, — сказал он монахам, не поворачиваясь к ним. — Не жалеть ритуалов. Сегодня умер один из высочайших.

Он отвел глаза от работы своих рук, повернулся на каблуках и покинул комнату.

* * *

В этот вечер по небу метались молнии, и дождь сыпал, как горох.

Они вчетвером сидели в комнате в высокой башне на северо-восточном углу монастыря.

Яма ходил по комнате и останавливался у окна каждый раз, когда проходил мимо него.

Остальные сидели, смотрели на него и слушали.

— Они подозревают, — говорил он, — но не знают. Они не разрушат монастырь последователей бога, не выставят перед людьми раскол в своих рядах — пока они не уверены. А они не уверены, и поэтому проверяют. Это означает, что у нас еще есть время.

Они кивнули.

— Брамин, отрекшийся от мира, шел этой дорогой, пострадал от несчастного случая и умер здесь реальной смертью. Тело его сожжено, прах брошен в реку, текущую в море. Вот как это произошло... В это время здесь гостили странствующие монахи Просветленного. Они ушли вскоре после этого события. Кто знает, где они теперь?

Тэк выпрямился, насколько мог.

— Господин Яма, — сказал он, — эта история продержится неделю, месяц, может быть, больше, и попадет в руки Мастера, который первым делом примется за тех, кто остался в этом монастыре, кто идет Коридорами Кармы. В этих обстоятельствах, я думаю, кое-кто из них может быть преждевременно наказан именно по этой причине. Тогда что?

Яма тщательно скрутил сигарету.

— Я сказал, как это в действительности произошло — так и нужно уладить.

— Возможно ли это? Когда человеческий мозг является предметом кармического возврата, все события, каким он был свидетелем во время его последнего жизненного цикла, кладутся перед судьей и машиной, как свиток.

— Все это правильно,— сказал Яма...— А ты, Тэк из Архивов, никогда не слышал о палимпсесте-свитке, который был использован, затем очищен и использован снова?

— Конечно, слышал, но ведь мозг не свиток.

— Нет?— улыбнулся Яма.— Ну, это было твое сравнение, а не мое. А что, в сущности, есть истина? Истина такова, какой ты ее подашь.— Он закурил.— Монахи были свидетелями странного и страшного дела. Они видели, как я принял свой Аспект и владел Атрибутом. Они видели, как Мара сделал то же самое — здесь, в этом монастыре, где мы возродили принцип *ахимса*. Они знают, что бог может делать такие вещи, не неся кармического груза, но шок был силен, и впечатление было живым. И будет конечное сожжение. И во время этого сожжения та басня, что я рассказал вам, должна стать истиной в их умах.

— Каким образом?— спросила Ратри.

— Именно в эту ночь, в этот час,— сказал Яма,— когда образ огненного акта тревожит их мысли и сознание, новая истина должна быть выкована и укреплена вместо... Сэм, ты достаточно долго отдыхал. Теперь ты должен сделать это дело. Произнеси им проповедь. Ты должен воззвать к их самым благородным чувствам и высшим качествам духа, которые делают человека предметом божественного вмешательства. Ратри и я объединим силы, и родится новая правда.

Сэм дернулся и опустил глаза.

— Не знаю, смогу ли. Это было так давно...

— Будда всегда Будда, Сэм. Вытащи что-нибудь из своих прежних притч. У тебя есть минут пятнадцать.

Сэм протянул руку.

— Дай мне табаку и бумаги.— Он взял кисет и скрутил сигарету.— Огонька... Спасибо.— Он глубоко затянулся и закашлялся.— Я устал врать им,— сказал он наконец.— Наверное, так.

— Врать?— переспросил Яма.— А кто тебя просит врать? Выдай им Нагорную Проповедь, если хочешь, или что-нибудь из «Илиады», мне все равно, что ты скажешь. Просто расшевели их немножко, погладь слегка, вот и все, что я прошу.

— А потом что?

— Потом? Потом я займусь спасением их... и нас!

Сэм медленно кивнул.

— Ну, если ты так ставишь вопрос... Только я не вполне в форме для таких штук. Конечно, я найду парочку истин, подпущу благочестия... Но мне потребуется двадцать минут.

— Ладно, пусть двадцать. А потом будем складываться. Завтра едем в Кейпур.

— Так рано? — спросил Тэк.
Яма покачал головой.
— Так поздно, — сказал он.

* * *

Монахи сидели на полу в трапезной. Столы были сдвинуты к стенам. Насекомые исчезли. Снаружи продолжался дождь.

Великодушный Сэм, просвещенный, вошел и сел перед монахами.

Вошла Ратри в одежде буддийской монахини и в вуали.

Яма и Ратри прошли в конец комнаты и сели на пол. Где-то здесь находился и Тэк.

Сэм несколько минут сидел, закрыв глаза, затем мягко сказал:

— У меня много имен, и ни одно из них не имеет значения. Говорить — это называть имена, но говорить — не существенно. Вдруг случается то, чего никогда не случалось раньше. Видя это, человек смотрит на реальность. Он не умеет рассказать другим, что он видел. Однако, другие желают знать и спрашивают его: «На что похоже то, что ты видел?» Тогда он пытается объяснить им. Допустим, он видел самый первый в мире огонь. И он говорит: «Он красный, как мак, но сквозь него танцуют другие цвета. У него нет формы, он как вода, текущая отовсюду. Он горячий, вроде летнего солнца, только горячее. Он живет некоторое время на куске дерева, а затем дерево исчезает, будто он его съел, и остается нечто черное, которое может сыпаться как песок. Когда дерево исчезает, он тоже исчезает». Следовательно, слушатели должны думать, что реальность похожа на мак, на воду, на солнце, на то, что едят, и на то, что выделяют. Они думают, что огонь похож на все, как сказал им человек, знающий его. Но они не видели огня. Они не могут реально знать его. Они могут только знать о *нем*. Но вот огонь снова приходит в мир, и не один раз. Многие смотрят на огонь. И через какое-то время огонь становится таким же обычным, как трава, облака или воздух, которым они дышат. Они видят, что он похож на мак, но не мак, похож на воду, но не вода, похож на солнце, но не солнце, похож на то, что едят и на то, что выбрасывают, но он не то, он отличается от всего этого — или он — все это вместе. Они смотрят на эту новую вещь и придумывают новое слово, чтобы назвать ее. И называют ее «огонь».

Если они встретят человека, который еще не видел огня, и заговорят с ним об огне, он не поймет, что они имеют в виду. Тогда они, в свою очередь, станут объяснять ему, на что похож огонь, зная по собственному опыту, что говорят не правду, а лишь часть ее. Они знают, что этот человек так и не поймет реально, даже если бы они использовали все слова, существующие в мире. Он должен сам увидеть огонь, обонять его запах, греть возле него руки, глядеть в его сердцевину, или остаться навеки невеждой. Следовательно, слово «огонь» не имеет значения, слова «земля», «воздух», «вода» не имеют значения. Никакие слова не важны. Но человек забывает реальность и помнит слова. Чем больше слов он помнит, тем умнее его считают товарищи. Он смотрит на великие трансформации мира, но не видит их, как видит тот, кто смотрит на реальность впервые.

Их имена слетают с его губ, и он улыбается и пробует их на вкус, думая, что он знает о вещах по их названиям. То, что никогда не случалось раньше, все-таки случается. Это все еще чудо. Великое горящее цветение, поток, извержение пепла мира, и ни одна из этих вещей, которые я назвал, и в то же время все они, это реальность — Безымянность.

И вот, я требую от вас: забудьте ваши имена, забудьте слова, сказанные мною, как только они были произнесены. Смотрите на безымянность в себе, которая поднимается, когда я обращаюсь к ней. Она внимает не моим словам, а реальности внутри меня, которая является частью Безымянности. Это *атман*, он слышит *меня*, а не мои слова. Все остальное нереально. Определять — значит терять. Суть всех вещей — Безымянность. Безымянность непознаваема, она сильнее даже Брамы. Вещи уходят, но суть остается. Следовательно, вы сидите среди сна.

Суть сна — это сон формы. Формы проходят, но суть остается, создавая новые сны. Человек называет эти сны и думает, что пленил суть, что он вызывает нереальность. Эти камни, стены, тела, сидящие рядом с вами — это маки, вода, солнце. Это сны Безымянности. Они — огонь, если хотите.

Иногда спящий сознает, что он спит. Он может в какой-то мере управлять тканью сна, сгибая ее по своей воле, или может проснуться в большем самопознании. Если он выбирает путь самопознания, слава его велика, и он будет звездой во все времена. Если же он выбирает путь Тантр, объединяющий Самсару и Нирвану, заключающий мир и продолжение жизни в ней, этот человек — самый могущественный из мастеров снов. Его мощь может быть направлена и на добро, и на зло — как посмотреть, хотя эти определения также не имеют значения, они по ту сторону наименований Самсары.

Однако, жить в Самсаре — значит зависеть от работы могущественных мастеров сна. Если их сила направлена на добро, это золотое время, если же на зло — это время тьмы. Сон может обернуться кошмаром.

Написано, что жить — значит страдать. Так оно и есть, говорят мудрые, потому что человек должен освободиться от своего бремени Кармы, если он достигнет просвещенности. По этой причине, говорят мудрые, полезно ли человеку бороться во сне со своей участью, с тропой, по которой он должен следовать, чтобы получить освобождение? В свете вечных ценностей, говорят мудрецы, страдание — ничто; в пределах Самсары, говорят мудрые, страдание ведет к добру. Но оправданно ли, что человек борется против тех, чья мощь направлена на зло? — Он сделал паузу и поднял выше голову. — В эту ночь между нами прошел Бог Иллюзии — Мара, могущественнейший из Мастеров Сна, склонный ко злу. Он натолкнулся на другого, на того, кто может работать с тканью снов различными способами. Он встретился с Дхармой, который может изгнать мастера снов из своего сна. Они сражались, и Бог Мара не существует более. Почему они сражались, Бог Смерти и Бог Иллюзии? Вы знаете, что пути богов непостижимы. Но это не ответ.

Ответ: оправдание одинаково как для людей, так и для богов. Добро и зло, говорят мудрые, ничего не значат для тех, кто в Самсаре. Согласитесь с мудрецами, которые учили наш народ с незапамятных времен. Согласитесь, но рассмотрите вещь, о которой мудрецы не говорили. Эта вещь — «красота», которая есть слово, но взгляните *за* это слово и рассмотрите Путь Безымянности. А что есть Путь Безымянности? Это Путь Сна. Но зачем нужен сон Безымянности? Этого не знает ни один из живущих в Самсаре. Так что лучше спросите, что делает сон Безымянности?

Безымянность, частью которой являемся мы все, дает форму сну. А что есть высший атрибут любой формы? Красота. Значит, безымянность — артист. Значит, главное — не проблема добра и зла, а проблема эстетики. Бороться с могучими мастерами сна, чья сила направлена на зло и уродство, не значит бороться за то, чему учили нас мудрецы — быть безразличными в границах Самсары или Нирваны, а значит — бороться за симметричное видение сна, в границах ритма и точки, баланса и антитезы, которые делают сон вещью красоты. Об этом мудрые ничего не говорили. Эта истина так проста, что они, вероятно, проглядели ее. По этой причине я вынужден из-за эстетики ситуации обратить на нее ваше внимание. Бороться против мастеров снов, видящих безобразное — будь они люди или боги — можно лишь всей безымянности. Эта борьба также несет страдания, и кармическое бремя человека тоже будет облегчено, как это было бы при необходимости терпеть безобразное; но *это* страдание производит более высокий конец в свете вечных ценностей, о которых так часто говорили мудрые.

И вот, я говорю вам, эстетика того, чему вы были свидетелями в этот вечер, была эстетикой высокого порядка. Вы можете спросить меня: «Откуда мне знать, что прекрасно, а что уродливо, и каким образом действовать?», и я скажу: на этот вопрос вы должны ответить сами. Для этого можно сначала забыть то, что я говорил, потому что я не сказал ничего. Живите теперь в Безымянности.

Он поднял правую руку и склонил голову.

Яма встал, Ратри встала, Тэк прыгнул на стол.

Они ушли вчетвером, зная, что механизм Кармы на этот раз не сработал.

* * *

Они шли в пьяном блеске утра под Мостом Богов. Высокий папоротник, еще мокрый от ночного дождя, искрился по бокам тропы. Вершины деревьев и пики далеких гор рябили за поднимавшимся паром. День был безоблачным. Слабый утренний ветерок еще хранил следы ночного холода. Щелканье, жужжанье и щебет джунглей сопровождали идущих монахов. Монастырь, из которого они ушли, едва виднелся над вершинами деревьев; над ним тянулась изогнутая линия дыма, расписывающая небеса.

Служители Ратри несли ее носилки посредине движущейся группы монахов, слуг и маленького отряда воинов. Сэм и Яма шли поч-

ти первыми. Тэк следовал за ними, невидимкой скользя меж листьев и веток.

— Погребальный костер все еще горит,— сказал Яма.

— Да.

— Жгут тело странника, умершего от сердечного приступа как раз тогда, когда он решил отдохнуть в монастыре.

— Правильно.

— Для экспромта твоя проповедь была просто очаровательна.

— Спасибо.

— Ты действительно веришь в то, что проповедовал?

Сэм засмеялся.

— Я весьма доверчив, когда речь идет о моих словах. Я верю всему, что говорю, хотя и знаю, что я лжец.

Яма фыркнул.

— Жезл Тримурти все еще падает на спины людей. Ниррити шевелится в своем темном логове; он тревожит морские пути юга. Не хочешь ли ты потратить еще один срок жизни на удовольствие заняться метафизикой — найти новые оправдания для подавления своих врагов? Твое выступление в прошлую ночь звучало так, словно ты перевернул понятия *почему* и *как*.

— Нет,— сказал Сэм,— я хотел испробовать другую линию на присутствующих. Трудно вызвать возмущение тех, для кого все — благо. В их мозгах нет места злу, несмотря на их постоянные страдания. Раб на дыбе, знающий, что он должен родиться снова, может быть, жирным купцом, если будет страдать с готовностью, смотрит на страдания иначе, чем тот, у которого только одна жизнь. Этот раб может вытерпеть все, зная, что, как ни велика сейчас его боль, его будущие радости будут еще больше. Если такой человек не выбирает между добром и злом, тогда, возможно, красота и уродство могут служить ему одинаково. Меняются только названия.

— Тогда, значит, это новая, официальная партийная линия?— спросил Яма.

— Именно,— ответил Сэм.

Яма провел рукой по невидимой щели в одежде, извлек кинжал и поднял его.

— Салют красоте! — сказал он.— Долой уродство!

Волна тишины прокатилась по джунглям. Прекратились все звуки жизни.

Яма поднял одну руку, а другой вложил кинжал в его потайные ножны.

— Стоп! — крикнул он и посмотрел вверх, щурясь от солнца и склонив голову набок.— Прочь с тропы! В кусты!

Все двинулись. Тела в шафрановых мантиях метнулись с тропы. Носилки Ратри застряли между деревьями, а Ратри стояла теперь рядом с Ямой.

— В чем дело? — спросила она.

— Слушай!

Это спускалось с неба на взрывной волне звука. Оно мелькнуло

над пиками гор, пронеслось над монастырем, разметая дым. При его полете грохотали взрывы звука, воздух дрожал, словно *это* пробивалось сквозь ветер и свет.

Это был крест в виде буквы τ с громадной петлей и с огненным хвостом позади.

— Разрушитель вышел на охоту,— сказал Яма.

— Громовая колесница! — закричал один из наемных воинов, делая рукой знак.

— Шива подходит,— сказал монах, вытаращив глаза от ужаса.— Разрушитель...

— Если бы я своевременно понял, как хорошо я работал, я мог бы вычислить дни его международных состязаний. Иногда я сожалею о своей гениальности.

Крест прошел под Мостом Богов, качнулся над джунглями и ушел к югу. Его рев постепенно уменьшался по мере удаления. Затем наступила тишина.

Коротко чирикнула птица. Ей ответила другая. Затем снова появились все звуки жизни, и путешественники вернулись на тропу.

— Он вернется,— сказал Яма, и это оказалось правдой.

Еще дважды в этот день они покидали тропу, когда громовая колесница проносилась над их головами. В последнем случае она сделала круг над монастырем, возможно, наблюдая за похоронным ритуалом, проводившимся там. Затем она прошла над горами и исчезла.

В эту ночь они разбили лагерь под звездами, и на вторую тоже.

Третий день привел их к реке Дива и к маленькому портовому городку Куна. Здесь они нашли транспорт, как желали, и в тот же вечер двинулись на барке к югу, туда, где Дива соединялась с могучей Ведрой, а затем дальше, и, наконец, к пристаням Кейпура, их назначению.

Пока они плыли по реке, Сэм слушал ее звуки. Он стоял на палубе, положив руки на перила, и смотрел на воду, где яркое небо поднималось и падало, а звезды склонялись друг к другу. И тогда ночь обратилась к нему голосом Ратри откуда-то вблизи.

— Ты проходил этим путем прежде, Татагатхи.

— Много раз,— ответил он.

— Дива прекрасна под звездами в своей ряби.

— Да.

— Теперь мы идем в Кейпур и во Дворец Камы. Что ты станешь делать, когда мы туда прибудем?

— Некоторое время потрачу на медитацию, богиня.

— О чем будешь размышлять?

— О своих прошлых жизнях и об ошибках, которые содержала каждая из них. Мне нужно заново пересмотреть свою тактику и тактику врага.

— Яма думает, что Золотое облако изменило тебя.

— Возможно, что это так и есть.

— Он считает, что оно размягчило тебя, ослабило. Ты всегда

изображал из себя мистика, но сейчас, по мнению Ямы, ты и в самом деле стал им — на свою погибель и на нашу.

Сэм покачал головой и повернулся, но не увидел Ратри. То ли она была здесь невидимой, то ли ушла. Он сказал тихо и без выражения:

— Я сорву эти звезды с небес и брошу их в лицо богам, если понадобится. Я буду богохульствовать во всех храмах страны. Я буду улавливать жизни сетью, как рыбак рыбу, если это будет необходимо. Я снова поднимусь в Небесный Город, даже если каждая ступенька будет пламенем или обнаженным мечом, а путь будут охранять тигры. Настанет день, когда боги спустятся с Неба и увидят меня на лестнице; я принесу им дар, которого они боятся больше всего.

Но сначала мне надо подумать,— закончил он, отвернулся и вновь начал разглядывать воду.

Падучая звезда пролетела по небу. Судно шло вперед. Ночь вздохнула над Сэмом.

Сэм смотрел вдаль и вспоминал.

Глава 2

Однажды незначительный раджа мелкого княжества поехал со своей свитой в Махартху, город, который называли Воротами Юга и Столицей Зари, чтобы купить себе новое тело. Это было в те времена, когда угрозу судьбы еще можно было отвести в сторону, когда боги были менее официальны, демоны еще связаны, а Небесный Город бывал иногда открыт для людей. Это история о том, как принц искупал однорукого исполнителя обрядов перед Храмом и своей самонадеянностью навлек на себя немилость Неба...

Немногие родятся вновь
среди людей; большинство
родится вновь где-то в
другом месте.

Ангуттара-Никайя (1,35)

Принц въехал в столицу зари ближе к концу дня, верхом на белой кобыле, и поехал по широкой улице Сурья; сотня его вассалов сгрудилась позади, его советник Страк ехал по левую руку от него; кривую саблю в ножнах и часть его богатства в сумках несли его вьючные лошади.

Жара била в тюрбаны людей, расплывалась позади и снова поднималась с дороги.

Навстречу медленно ехала колесница; возничий искоса глянул на знамя, которое нес глава слуг; куртизанка стояла у входа в свой шатер и смотрела на уличное движение; свора дворняжек с лаем бежала за лошадьми.

Принц был высок, усы его были цвета дыма. На темных кофейных руках выступали набухшие вены. Но держался он прямо, а глаза его, волнующие, светлые, напоминали глаза древней птицы.

Впереди собралась толпа, глазеющая на проходящий отряд. На

лошадях ездили только те, кому это было по карману, а столь богатыми были очень немногие. Обычным верховым животным было спизардчешуйчатое существо со змеиной шеей, со множеством зубов, с сомнительным происхождением, коротким жизненным циклом и скверным характером; у лошадей, по каким-то причинам, за последние десятилетия увеличилась бесплодность.

Принц ехал по столице зари, жители наблюдали.

Затем отряд свернул на более узкую улицу и поехал мимо низких торговых зданий, больших магазинов крупных купцов, мимо банков, храмов, гостиниц, борделей. Наконец они доехали до края делового района и до роскошной гостиницы Хауканы, Самого Лучшего хозяина. У ворот они натянули поводья, потому что сам Хаукана стоял снаружи, просто одетый, полный, улыбающийся, желая лично провести в ворота белую кобылу.

— Добро пожаловать, господин Сиддхарта! — сказал он громко, чтобы все уши могли узнать личность гостя.— Добро пожаловать в эту соловьиную округу, ароматные сады и мраморные залы этого скромного заведения. Приветствую также и твоих всадников, которые проехали с тобой немалый путь и, без сомнения, найдут здесь отдых и достойный прием, как и ты сам. У меня ты найдешь все, что тебе нравится, как бывало много раз в прошлом, когда ты живал в этих залах с другими знатными гостями и благородными посетителями, слишком многочисленными для перечисления...

— И тебе добрый вечер, Хаукана! — крикнул принц, потому что день был жаркий, а речь хозяина гостиницы текла как река и могла литься вечно.— Впусти нас поскорее в эти стены, где среди прочих качеств, слишком многочисленных для перечисления, есть также и прохлада.

Хаукана быстро поклонился и, взяв под уздцы белую кобылу, провел ее через ворота во двор; он придержал стремя, пока принц спешивался, а затем передал лошадей конюху и послал мальчишку подмести улицу.

В гостинице гости первым делом вымылись, стоя в мраморной ванне, в то время как слуги лили воду им на плечи. Затем они смазали себе кожу, по обычаю касты воинов, надели свежую одежду и прошли в обеденный зал.

Еда тянулась до вечера, до тех пор, пока воины потеряли счет блюдам. Принц сидел во главе длинного низкого стола. Направо от него три танцора выполняли сложный танец, позванивая цимбалами; выражение их лиц точно соответствовало каждому моменту танца, а четыре музыканта под вуалями давали подходящую традиционную музыку. Стол был покрыт богато вытканным гобеленом с изображениями охоты и сражений; всадники на спизардах и на лошадях поражали копьями и стрелами крылатую панду, огненного петуха и растение с драгоценными стручками; зеленые обезьяны боролись на вершинах деревьев; птица Гаруда держала в когтях небесного демона и била его клювом и крыльями; из глубины моря вылезала армия рогатых рыб, зажимавших в соединенных плавниках ро-

зовые кораллы и глядевших на строй людей в камзолах и шлемах; те копьями и факелами препятствовали рыбам выйти на берег.

Принц ел очень умеренно. Он слушал музыку, иногда смеялся шуткам своих людей. Он потягивал щербет, кольца его звякали о стекло чаши.

Рядом возник Хаукана.

— Все ли хорошо, господин?

— Да, добрый Хаукана, все хорошо,— ответил принц.

— Ты ешь не так, как твои люди. Тебе не нравится пища?

— Пища великолепная и приготовлена отменно, дорогой хозяин. Тут скорее виноват мой аппетит, он плох в последнее время.

— А!— понимающе сказал Хаукана.— У меня есть вещь так вещь! И только ты сможешь правильно оценить ее. Она очень давно стоит на особой полке в моем погребе. Бог Кришна каким-то образом сумел сохранить ее в веках. Он дал мне её много лет назад, потому что здешний приют не показался ему неприятным. Я сейчас принесу ее тебе.

Он поклонился и вышел.

Вернулся он с бутылкой. Принц, даже не видя этикетки, узнал форму бутылки.

— Бургундское! — воскликнул он.

— Именно,— сказал Хаукана.— Привезено очень давно из исчезнувшей Уратхи.— Он понюхал ее и улыбнулся, затем налил немного в грушевидный стаканчик и поставил перед гостем.

Принц поднял стаканчик и вдохнул букет. Затем сделал медленный глоток и закрыл глаза.

В зале затихли из уважения к удовольствию принца.

Когда он поставил стаканчик, Хаукана снова налил продукт винограда «черный пино», который в этой стране не культивировался.

Принц не дотронулся до стаканчика, а повернулся к Хаукане и спросил:

— Кто старейший музыкант в этом доме?

— Манкара,— ответил хозяин, указывая на седого мужчину, присевшего за служебный стол в углу.

— Стар не телом, а годами,— сказал принц.

— О, тогда это Дель, если его можно считать музыкантом. Он говорит, что когда-то был им.

— Кто это — Дель?

— Мальчик при конюшне.

— А, понятно. Пошли за ним.

Хаукана хлопнул в ладоши и приказал появившемуся слуге сходить на конюшню, привести грума в приличный вид и срочно доставить к обедающим.

— Прошу тебя, не трудись приводить его в приличный вид, пусть просто придет сюда,— сказал принц.

Он откинулся на сидении и ждал, закрыв глаза. Когда грум предстал перед ним, он спросил мальчика:

— Дель, какую музыку ты исполнял?

— Ту, которую больше не хотят слушать брамины,— ответил мальчик.

— Какой инструмент у тебя был?

— Фортепиано.

— А мог бы ты сыграть на каком-нибудь из этих?— принц показал на инструменты, стоявшие теперь на небольшой платформе у стены.

Мальчик повернул голову.

— Я мог бы, вероятно, сыграть на флейте, если бы она у меня была.

— Ты знаешь какие-нибудь вальсы?

— Да.

— Не сыграешь ли мне «Голубой Дунай»?

Угрюмое выражение лица мальчика исчезло и заменилось смущением. Он бросил быстрый взгляд на Хаукану; тот кивнул.

— Сиддхарта принц среди людей, он из Первых,— констатировал хозяин.

— «Голубой Дунай» на флейте?

— Если можешь.

Мальчик пожал плечами.

— Попробую. Это было страшно давно... Отнесись ко мне терпеливо.

Он подошел к инструментам и прошептал что-то собственнику выбранной им флейты. Человек кивнул. Мальчик поднес флейту к губам. Он дал несколько пробных нот, сделал паузу, повторил пробу, затем повернулся, и началось трепетное движение вальса. Пока он играл, принц пил свое вино.

Когда мальчик остановился перевести дух, принц сделал ему знак продолжать. И мальчик играл одну запретную мелодию за другой. Лица музыкантов-профессионалов выражали профессиональное презрение, но их ноги под столом постукивали в такт музыке.

Наконец принц допил свое вино. Вечер подступал к городу Махартха. Принц бросил мальчику кошелек, но из-за слез на глазах не видел, как грум вышел из зала. Затем принц встал, прикрывая ладонью зевок.

— Я иду в свои комнаты,— сказал он своим людям.— Не проиграйте тут без меня свое наследие.

Они засмеялись, пожелали ему спокойной ночи и заказали для себя крепкой выпивки и соленых бисквитов. Уходя, он услышал стук игральных костей.

* * *

Принц лег рано и встал до зари. Он приказал слуге оставаться весь день у двери и не допускать к нему никого под предлогом его, принца, нездоровья.

Прежде чем первые цветы раскрылись для утренних насекомых, принц вышел из гостиницы, и его уход видел только старый зеленый попугай. Он ушел не в шелках, усыпанных жемчугом, а как обычно в таких случаях, в лохмотьях. Ему не предшествовали раковины

и барабаны, а только тишина, когда он шел по туманным улицам города. Улицы были пусты, разве что иногда возвращались с позднего вызова доктор или проститутка. Когда он проходил деловой район, направляясь к гавани, он заметил, что за ним увязалась бездомная собака.

Он сел на ящик у подножия пирса. Заря снимала с мира тьму; и он смотрел на суда, качающиеся в приливе, на пустыре, опутанные веревками паруса, на вырезанных на носу чудовище или девушку. В каждое свое посещение Махартхи он всегда приходил ненадолго в гавань.

Розовый зонт утра раскрылся над спутанными волосами облаков. Холодный ветер пронесся по докам. Хищные птицы хрипло кричали, огибая башни и устремляясь затем через бухту.

Он смотрел на удалявшийся в море корабль, на его парусиновые крылья, поднимающиеся высокими пиками и исчезающие в соленом воздухе. На борту других судов, стоявших на якоре, начиналось движение, команда готовилась грузить или разгружать грузы благовоний, кораллов, масла и прочих товаров, вроде металла, скота, дерева и пряностей. Он вдыхал запахи торговли, слушал ругань матросов и восхищался тем и другим: от первых разило богатством, а вторая объединяла две главные заботы принца: геологию и анатомию.

Через некоторое время он заговорил с иноземным морским капитаном, наблюдавшим за выгрузкой мешков с зерном и теперь отдыхавшим в тени ящиков.

— Доброе утро,— сказал принц.— Да минуют вас шторм и кораблекрушения, и боги даруют вам безопасную гавань и хороший рынок для ваших товаров.

Капитан кивнул, присел на ящик и стал набивать глиняную трубку.

— Спасибо, старик,— сказал он.— Хотя я молюсь богам храмов по собственному выбору, я принимаю благословения от всех других. Благословение всегда полезно, особенно морякам.

— У тебя было трудное путешествие?

— Менее трудное, чем могло быть,— ответил капитан.— Эта дымящаяся морская гора, Пушка Пиррити, снова выпустила свои снаряды в небеса.

— А, ты плыл с юго-запада!

— Да. Чатистан, из Айспера-за-морем. Ветер хорош в это время года, но именно поэтому он и несет пепел Пушки дальше, чем можно думать. Шесть дней падал на нас этот черный снег, запах подземного мира преследовал нас, портил пищу и воду, глаза наши слезились, горло жгло. Мы принесли много благодарственных жертв, когда, наконец, вылезли оттуда. Видишь, какой грязный корпус? А поглядел бы на паруса: черные, как волосы Ратри!

Принц наклонился, чтобы лучше разглядеть судно.

— Но особенного волнения воды не было?— спросил он.

Моряк покачал головой.

— Мы окликнули крейсер возле Соленого Острова и узнали, что на шесть дней опоздали к самому скверному выстрелу Пушки. Тогда

горели облака и поднялись страшные волны. Затонули два корабля, а, возможно, и третий.— Моряк закурил свою трубку.— Так что, как я говорил, благословение всегда полезно морякам.

— Я ищу одного моряка,— сказал принц.— Капитана. Зовут его Ян Ольвигг, теперь он, возможно, известен как Ольвагга. Ты не знаешь его?

— Я ищу его. Я его знаю,— сказал моряк,— но прошло много времени с тех пор, как он плавал.

— Да? Что с ним сталось?

Моряк повернул голову, чтобы лучше рассмотреть принца.

— А кто ты такой, чтобы спрашивать?

— Меня зовут Сэм. Ян мой очень старый друг.

— Насколько давний?

— Много, очень много лет назад, в другом месте я знал его, когда он был капитаном корабля, который не заплывал в эти океаны.

Капитан вдруг нагнулся, схватил кусок деревяшки и швырнул в собаку, огибавшую сваи с другой стороны пирса. Собака взвизгнула и отскочила под защиту склада. Это была та самая собака, что шла за принцем от гостиницы Хауканы.

— Берегись адских собак,— сказал капитан.— Есть собаки и собаки... и собаки. Три разных сорта, и всех их тянет в этот порт твое присутствие. Твои руки,— он сделал жест трубкой,— недавно носили много колец. Их следы еще остались.

Сэм глянул на свои руки и улыбнулся.

— Твои глаза ничего не упустят, моряк,— ответил он,— так что я признаю очевидное. Я недавно носил кольца.

— Стало быть, ты, как и собаки, не тот, кем кажешься, и ты пришел спрашивать насчет Ольвагги, своего самого старинного друга. Тебя зовут, как ты сказал, Сэм. Ты случайно не из первых?

Сэм не сразу ответил, а вглядывался в моряка, как бы ожидая, не скажет ли тот еще что-нибудь.

Видимо, поняв это, капитан продолжал:

— Ольвагга, я знаю, считался из Первых, хотя сам он этого никогда не говорил. Если ты сам из Первых, либо из Мастеров, ты это знаешь, так что я не выдал его, сказав так. Однако, я хочу знать, с кем я говорю — с другом или с врагом.

Сэм нахмурился.

— Ян никогда не умел наживать врагов. А судя по твоим словам, теперь у него есть враги среди тех, кого ты называешь Мастерами.

Моряк продолжал пристально смотреть на него.

— Ты не Мастер,— наконец сказал он,— и ты пришел издалека.

— Ты прав,— сказал Сэм,— но как ты узнал это?

— Во-первых, ты старик. Мастер тоже мог бы иметь старое тело, но он не захочет, также как не захочет остаться на долгое время собакой. Слишком силен его страх перед реальной смертью, которая иногда внезапно поражает стариков. Поэтому он не остался бы так долго, чтобы кольца врезались ему в пальцы. Богатые никогда не лишаются своих тел. Если они отказываются от нового рождения,

они живут полный виток своих дней. Мастера побоятся поднять оружие среди сторонников такого человека, даже если встретят его одного. Так что такое тело, как у тебя, нельзя получить таким способом. А тело из отбросов общества никогда не имеет отметок на пальцах. Следовательно, я считаю тебя человеком другой значимости, не Мастером. Если ты знал Ольваггу в давние времена, значит, ты тоже из Первых, как и он. И считаю я тебя человеком издалека как раз из-за сорта информации, какую ты ищешь. Будь ты из Махартхи, ты знал бы о Мастерах, а зная о Мастерах, ты знал бы, почему Ольвагга не может плавать.

— Ты, похоже, знаешь о делах в Махартхе больше, чем я, о только что прибывший моряк.

— Я тоже издалека,— чуть улыбнувшись, сказал капитан. Но за двенадцать месяцев я могу посетить в два раза больше портов. Я слышу новости, и слухи, и рассказы отовсюду — больше чем из двух дюжин портов. Я слышу о дворцовых интригах и о делах Храма. Я слышу тайны, которые шепчут ночью прекрасные девушки под сахарным тростником Камы. Я слышу о кампаниях кшатрий и о сделках крупных торговцев насчет будущего урожая зерна, насчет пряностей, драгоценных камней и шелка. Я пью с бардами и астрологами, с актерами и слугами, с угольщиками и портными. Иногда я случайно натыкаюсь на порт, где побывали пираты, и узнаю цену тех, за кого они требуют выкуп. Поэтому не удивляйся, что я, прибывший издалека, больше знаю о Махартхе, чем ты, живущий, возможно, за неделю пути отсюда. Иной раз я слышу даже о деяниях богов.

— Тогда не можешь ли ты рассказать мне о Мастерах, и почему они считаются врагами? — спросил Сэм.

— Кое-что о них могу рассказать, чтобы ты не ходил непредупрежденным. Основная часть купцов теперь состоит из Мастеров Кармы. Их личные имена держатся в секрете, как у богов, так что они безличны, как Великое Колесо, которое они якобы представляют. Теперь они не просто купцы, они связаны с Храмами. Они тоже измененные, потому что твои родичи Первые, которые стали теперь богами, общаются с ними с Неба. Если ты действительно Первый, Сэм, твой путь поведет тебя либо к обожествлению, либо к уничтожению, когда ты встретишься с этими новыми Мастерами Кармы.

— Каким образом?

— Подробности ищи в другом месте,— сказал моряк.— Я не знаю, как делаются эти вещи. Поспрошай Янагга, парусного мастера на улице Ткачей.

— Так теперь зовут Яна?

Капитан кивнул.

— И опасайся собак,— сказал он,— или, коль на то пошло, любого живого, кто может скрывать в себе разум.

— Как зовут тебя, капитан?

— В этом порту у меня вообще нет имени, либо фальшивое, а у меня нет причин лгать тебе. Прощай, Сэм.

— Прощай, капитан. Спасибо тебе за твои слова.

Сэм встал и ушел из гавани, направляясь обратно к деловому району и торговым улицам.

* * *

Солнце красным диском поднималось навстречу Мосту Богов. Принц шел по проснувшемуся городу среди палаток мелких ремесленников. Разносчики притираний, пудры, духов и масел двигались вокруг него. Цветочницы махали прохожим своими букетами и корсажами. Виноторговцы молчали, сидя со своими бурдюками на длинных скамейках, в ожидании постоянных покупателей. Утро пахло смесью еды, мускуса, экскрементов, масел и благовоний, и казалось, будто идешь в невидимом облаке.

Поскольку принц был одет как нищий, было вполне уместно, что он остановился и заговорил с горбуном, державшим чашку для подаяния.

— Привет, брат,— сказал он,— я зашел далеко от своего квартала и заблудился. Не укажешь ли мне дорогу к улице Ткачей?

Горбун кивнул и намекающе покачал чашкой.

Принц извлек из потайного кармана под лохмотьями мелкую монету и бросил ее в чашку. Монета тут же исчезла.

— Туда,— махнул головой горбун.— Пройдешь три улицы и повернешь налево. Пройдешь еще две улицы и увидишь Круг Фонтана перед храмом Варуны. Войди в этот Круг. Улица Ткачей отмечена знаком шила.

Принц кивнул горбуну, похлопал его по горбу и продолжал путь.

Дойдя до Круга Фонтана, он остановился. Несколько десятков людей стояло движущейся линией перед Храмом Варуны, самого строгого и величественного из всех божеств. Эти люди не собирались войти в Храм, а были приглашены на какое-то занятие, которое требовало ожидания. Он услышал звон монет и подошел поближе.

Все двигались мимо большой сверкающей металлической машины.

Человек бросил монету в пасть стального тигра. Машина замурлыкала. Он нажал кнопки в виде животных и демонов. Вспышка света прошла во всю длину Нагов, двух священных змей, огибающих прозрачный перед машины.

Принц подошел еще ближе. Человек потянул рычаг, напоминающий рыбий хвост.

Священный голубой свет заполнил машину изнутри; змеи вспыхивали красным; в свете и тихой музыке началась молитва, выскочило молитвенное колесо и завертелось со страшной силой.

Лицо человека выражало блаженство. Через несколько минут машина остановилась. Он вложил другую монету и снова потянул за рычаг, что вызвало громкий ропот тех, кто стоял в конце линии; говорили, что это уже седьмая его монета, что день жаркий, что другие тоже хотят принести молитву, и почему бы ему не войти в Храм и не отдать столь большой дар прямо в руки жрецов? Кто-то возразил, что маленькому человеку явно надо загладить слишком многое. Тут

же начались рассуждения о возможной природе его грехов. Все это сопровождалось громким смехом.

Увидев в очереди нескольких нищих, принц подошел к ее концу и встал. Пока очередь продвигалась, он заметил, что некоторые, проходя перед машиной, нажимают кнопки, а другие просто опускают плоский металлический диск в пасть второго тигра на противоположной стороне шасси. Когда машина останавливалась, диск выпадал в чашу и забирался его владельцем.

Принц рискнул спросить и обратился к стоявшему перед ним:

— Почему у некоторых свои диски?

— Потому что эти люди зарегистрированы,— ответил тот, не оборачиваясь.

— В Храме?

— Да.

— А-а.

Он подождал полминуты и снова спросил:

— А незарегистрированные, но желающие пользоваться машиной, нажимают кнопки?

— Да,— ответил тот,— написав свое имя, адрес, род занятий.

— А если человек гость здесь, как я, например?

— Добавишь название своего города.

— А если человек неграмотный, как вот я, тогда как?

Человек повернулся к нему.

— Тебе, наверное, лучше заказать молитву по-старому и отдать пожертвование прямо в руки жрецов. А то — зарегистрируйся и получишь диск.

— Понятно,— сказал принц.— Да, ты прав. Я подумаю. Спасибо тебе.

Он вышел из ряда и обогнул фонтан. На столбе висел Знак Шила. Он пошел по улице Ткачей.

Три раза он спрашивал, где живет Янагга — парусный мастер; в третий раз у невысокой женщины с мощными плечами и с усиками, которая сидела, поджав ноги, и плела коврик в палатке под низким навесом, бывшей, вероятно, когда-то стойлом и до сих пор сохранившей соответствующий запах.

Она осмотрела его сверху донизу удивительно приятными бархатными карими глазами и рыкающим голосом объяснила, куда идти. Он пошел в указанном ею направлении по извилистому переулку и дошел до открытой двери в подвал. Внутри было темно и сыро.

Он постучал в третью дверь налево, и через некоторое время дверь открылась.

Перед ним вырос человек.

— Да?

— Могу я войти? У меня важное дело...

Человек поколебался, затем резко кивнул и отступил в сторону, давая проход.

Принц вошел в комнату. На полу был разостлан большой кусок парусины. Человек сел на табуретку и указал принцу на единственный в комнате стул.

Человек был невысок и широк в плечах; волосы полностью седые, зрачки помутнели от начинающейся катаракты; руки были темные, загрубевшие, с узловатыми пальцами.

— Да?— повторил он.

— Ян Ольвигг,— сказал принц.

Глаза старика расширились, затем сузились до щелочек. Он взвесил в руке ножницы.

— Долог путь до Типперери,— сказал принц.

Человек вгляделся в него и вдруг улыбнулся.

— Долог путь до милой Мэри,— сказал он, кладя ножницы на станок.— Когда это было, Сэм?

— Я потерял счет годам.

— Я тоже. Но, наверное, прошло лет сорок или сорок пять, как мы не виделись.

Сэм кивнул.

— По правде сказать, не знаю, с чего начать,— сказал человек.

— Для начала скажи, почему «Янагга»?

— А почему бы и нет? Имя достаточно убедительное. В нем звучит нечто от рабочего класса. А как ты? Все еще ходишь в принцах?

— Все еще хожу,— сказал Сэм.— И меня все еще называют Сиддхартой, когда окликают.

Старик хихикнул.

— И «Связующий Демонов»,— процитировал он.— Очень хорошо. Поскольку твой наряд не соответствует твоему богатству, я заключаю, что ты, по своей привычке, разыгрываешь спектакль?

Сэр кивнул.

— И я столкнулся со многим, чего не понимаю.

— Угу,— вздохнул Ян.— Угу. Так с чего же мне начать? Расскажу о себе, как... Я набрал слишком много дурной кармы, чтобы быть уверенным в перемещении.

— Что?

— Дурная карма, говорю. Древняя религия не просто религия, а разоблачающая, вынуждающая и пугающе наглядная религия. Но о последней части не говори вслух. Лет двенадцать тому назад Совет разрешил использовать психозонды на тех, кто просил возрождения; это было сразу после акселерационистско-деикратического раскола, когда Святая Коалиция прижала техников и сохранила право на подавление. Простое решение, чтобы пережить проблему. Хромовников заставили иметь дело с корпорацией торговцев, клиентам запудрили мозги, акселерационистам отказали в возрождении или... ну, в общем, вроде этого. Так что теперь акселерационистов не слишком много. Но это только начало. Боги быстро поняли, что в этом и заключается путь власти. Сканирование наших мозгов перед пересадкой стало стандартной процедурой. Корпорация купцов стала Мастерами Кармы и частью структуры Храма. Они читают твою прошлую жизнь, взвешивают Карму и определяют твою последующую жизнь. Это превосходный метод для поддержки кастовой системы и укрепления деикратического контроля. Таким образом большая часть наших старых знакомых получила нимб.

— Бог! — сказал Сэм.

— Во множественном числе,— поправил Ян.— Они всегда считались богами с их Аспектами и Атрибутами, но теперь это стало страшно официальным. И любому из тех, кому повезло быть из Первых, чертовски необходимо твердо знать, желает ли он быстрого обожествления или погребального костра, на который он взойдет в Зале Кармы. Когда у тебя встреча?

— Завтра днем,— ответил Сэм.— Но почему ты все еще ходишь кругом, и у тебя нет ни ореола, ни горстки громовых стрел?

— Потому что у меня есть пара друзей, и оба они намекали мне, что лучше продолжать жить спокойно, чем встретиться с зондом. Я принял к сердцу их мудрый совет и поэтому продолжаю латать паруса и иной раз шумлю в местных кабачках. Кроме того,— он поднял узловатую руку и щелкнул пальцами,— если не реальная смерть, то, возможно, тело, изъеденное раком, или интересная жизнь кастрированного водяного буйвола, или...

— Собака? — спросил Сэм.

— Именно,— ответил Ян и наполнил два стаканчика спиртным.

— Спасибо.

— Прямо адский огонь.

— Да еще на пустой желудок... Ты сам его делаешь?

— Ну. Перегонный аппарат в соседней комнате.

— Поздравляю. Если бы у меня была плохая карма, все это было бы теперь разобрано.

— Плохая карма — это то, что не нравится нашим друзьям-богам.

— А почему ты думаешь, что у тебя она есть?

— Я хотел начать изучение машин с нашими здешними потомками. Обратился в Совет, получил отказ и надеялся, что об этом забудут. Но акселерационизм теперь так далеко загнан, что не возродится за время моей жизни. Очень жаль. Я хотел бы снова поднять парус и уплыть к другим горизонтам. Или поднять самолет...

— Зонд и в самом деле достаточно чувствителен, чтобы уловить что-то столь же запутанное, как положение акселерациониста?

— Зонд,— ответил Ян,— достаточно чувствителен и скажет, что ты ел на завтрак одиннадцать лет назад, и как ты утром порезался при бритье, напевая андоррский национальный гимн...

— Они делали эксперименты, когда мы оставили... дом,— сказал Сэм.— Мы с тобой осуществили тогда весьма хорошую основу трансляторов мозговых волн. Когда произошел прорыв?

— Был у меня дальний родственник,— сказал Ян.— Ты помнишь сопливого щенка сомнительного происхождения третьего поколения по имени Яма? Щенка, который вечно увеличивал мощность генераторов, пока один из них не взорвался, и Яма так обгорел, что получил второе тело — лет на пятьдесят старше — когда ему было всего шестнадцать? Щенка, обожавшего оружие? Парня, который анестезировал и расчленял все, что двигалось, и делал это с таким удовольствием, что мы прозвали его богом смерти?

— Да, я помню его. Он все еще жив?

— Да, если хочешь так называть это. Он теперь и в самом деле бог смерти — это уже не прозвище, а титул. Он усовершенствовал зонд сорок лет назад, но деикраты положили его под сукно до недавнего времени. Я слышал, что он придумал еще какое-то маленькое ювелирное изделие для служения воле богов... что-то вроде механической кобры, способной регистрировать энцефалограммы на расстоянии в милю. Она может ужалить человека в толпе, в каком бы теле он ни был. Противоядия нет. Четыре секунды — и все... Или огненный жезл, который, говорят, может содрать поверхность всех трех лун, в то время как бог Агни стоит на берегу, размахивая этим жезлом. И, как я слышал, он проектирует сейчас реактивный джаггернаут для бога Шивы... что-то вроде этого.

— Ого! — сказал Сэм.

— Ты пройдешь испытание? — спросил Ян.

— Боюсь, что нет. Скажи-ка, я сегодня видел машину, каковую лучше всего назвать молитвенным ковриком. Они что, в ходу?

— Да. Они появились года два назад; машину придумал молодой Леонардо однажды ночью после стаканчика сомы (опьяняющий напиток, употребляемый в индуистском ритуале). Теперь, когда идея кармы стала модной, эти вещи лучше кружки для пожертвований. Когда мистер горожанин предстает лично в клинике бога церкви, выбранной им в канун своего шестидесятилетия, считается, что его молитва будет рассмотрена с учетом его греха при решении, в какую касту он войдет, а также возраст, пол и здоровье тела, которое он получит. Мило. Ловко придумано.

— Я не пройду испытания, — сказал Сэм, — даже если воздвигну мощный молитвенный счет. Они поймают меня, когда дело коснется греха.

— Какого рода грех?

— Я еще только собираюсь его совершить, но он записан в моем мозгу, поскольку я его обдумывал.

— Хочешь выступить против богов?

— Да.

— Каким образом?

— Еще не знаю. Начну, однако, с контакта с ними. Кто их глаза?

— Не могу назвать ни одного. Правит Тримурти — Брама, Вишну и Шива. Но кто из них главнее в данный момент — не могу сказать. Кое-кто думает, что Брама.

— Кто они — по-настоящему?

Ян покачал головой.

— Не знаю. У всех у них не те тела, что были лет тридцать назад. И все пользуются именами богов.

Сэм встал.

— Я вернусь попозже, или пришлю за тобой...

— Надеюсь... Выпьешь еще?

Сэм покачал головой.

— Я должен еще раз стать Сиддхартой, разговеться в гостинице Хаукана и объявить о своем намерении посетить Храмы. Если наши

друзья стали теперь богами, они наверняка общаются со своими жрецами. Сиддхарта идет молиться.

— Только не упоминай в молитве меня,— сказал Ян, наливая еще стаканчик.— Я не знаю, останусь ли жив после божественного посещения.

Сэм улыбнулся.

— Они не всемогущи.

— Надеюсь, что нет, но боюсь, что это скоро случится.

— Счастливого плавания, Ян.

— К чертям!

* * *

Принц Сиддхарта остановился на улице Кузнецов на пути к Храму Брамы. Через полчаса он вышел из мастерской в сопровождении Страка и трех слуг. Улыбаясь, словно ему было видение того, что произойдет, он прошел через центр Махартхи и, наконец, появился у высокого, обширного Храма Творца.

Не обращая внимания на тех, кто стоял у молитвенной машины, он поднялся по длинной пологой лестнице, чтобы встретиться у входа в Храм с главным жрецом, которого он заранее известил.

Сиддхарта и его люди вошли в Храм, разоружились и почтительно поклонились центру помещения, прежде чем обратиться к жрецу.

Страк и остальные держались на почтительном расстоянии, когда принц положил тяжелый кошелек в руки жреца и тихо сказал:

— Я хотел бы поговорить с богом.

Жрец внимательно вгляделся в лицо принца.

— Храм открыт для всех, господин Сиддхарта, и каждый может общаться с Небом, сколько пожелает.

— Я не совсем это имел в виду,— сказал Сиддхарта.— Я думал о чем-то более личном, чем жертвоприношение и долгая литания.

— Я не вполне понимаю...

— Но ты понимаешь тяжесть этого кошелька? В нем серебро. Но у меня есть другой — с золотом, его тоже можно передать. Я хотел бы воспользоваться твоим телефоном.

— Теле...?

— Коммуникационной системой. Если ты из Первых, как я, ты должен понимать мой намек.

— Я не...

— Уверяю тебя, что мой звонок ничем не повредит твоему главенству здесь. Я знаю эти дела, и моя скромность всегда была притчей во языцех среди Первых. Вызови сам Первую Базу и справься, если тебе так легче. Я подожду в другой комнате. Скажи им, что Сэм хочет поговорить с Тримурти. Они согласятся.

— Я не знаю...

Сэм достал второй кошелек и взвесил его на руке. Глаза жреца упали на кошелек, и он облизал губы.

— Подождешь здесь,— приказал он и, повернувшись, вышел.

* * *

Или, пятая нота арфы, гудела в Садах Пурпурного Лотоса.

Брама болтался на краю горячего бассейна, где он мылся со своим гаремом. Глаза его, казалось, были закрыты, он опирался локтями о край, а ноги покачивались в воде.

Но из-под длинных ресниц он следил за дюжиной девушек в бассейне, надеясь увидеть, как кто-нибудь из них бросит оценивающий взгляд на его темное, с тяжелыми мышцами, длинное тело. Черные усы блестели во влажном беспорядке, волосы черным крылом падали на спину. Он улыбнулся ясной улыбкой в солнечном свете.

Но никто из девушек, похоже, не замечал его, и его улыбка смялась и ушла. Все внимание было поглощено игрой в водное поло.

Или, колокольчик связи, зазвонил снова, когда искусственный ветерок донес запах садового жасмина до ноздрей Брамы. Брама вздохнул. Он так хотел, чтобы девушки поклонялись ему, его физической мощи, его тщательно вылепленным чертам лица. Поклонялись как мужчине, а не как богу.

Но, хотя его специальное и усовершенствованное тело было способно на подвиги, недоступные простому смертному, он все-таки чувствовал себя неловко в присутствии этой старой полковой лошади — Бога Шивы, который, несмотря на приверженность к нормальной человеческой матрице, был куда более привлекательным для женщин. Создавалось впечатление, что пол как бы переходит пределы биологии: как ни старался Брама подавить память и разрушить эту часть духа, он родился женщиной и каким-то образом все еще ею оставался. Зная это, он несколько раз перевоплощался в высшей степени мужественного человека, но все равно чувствовал некоторую неадекватность, как будто признак его истинного пола был выжжен на его лбу. От этого ему хотелось топать ногами и гримасничать.

Он встал и поплелся к своему павильону мимо низкорослых, причудливо изогнутых с какой-то гротескной красотой деревьев, мимо шпалер, качающихся в утреннем свете, прудов с голубыми водяными лилиями, ниток жемчуга, свисающих с колец белого золота, мимо ламп, сделанных в виде девушек, треножников, где курились пряные благовония, мимо восьмирукой статуи голубой богини, которая играла на вине (старинный музыкальный инструмент вроде арфы), когда ее должным образом просили.

Брама вошел в павильон, подошел к хрустальному экрану, вокруг которого обвивался бронзовый Наг, держащий хвост в зубах, и включил отвечающий механизм.

Сначала на экране появился статический снегопад, а затем — изображение верховного жреца его Храма в Махартхе.

— Из четырех рангов богов и восемнадцати Хозяев Рая самый великий — Брама,— сказал жрец.— Создатель всего, Господин высоких Небес и всего, что находится под ними. Весенний лотос выходит из твоего пупка, руки твои вспенивают океаны, в трех шагах твоих ног заключены все миры. Барабан твоей славы бьет ужасом в сердца твоих врагов. На твоей правой руке колесо закона. Ты связываешь

катастрофы, пользуясь змеей, как веревкой. Эвива! Взгляни благосклонно на мольбу твоего жреца. Благослови меня и услышь меня, Брама!

— Встань... жрец,— сказал Брама, забыв его имя.— Какое дело великой важности заставило тебя вызывать меня?

Жрец встал, бросил быстрый взгляд на мокрую фигуру Брамы и снова опустил глаза.

— Господин,— сказал он,— я не стал бы вызывать тебя в то время, как ты купаешься, но здесь сейчас один из твоих почитателей. Он хотел бы поговорить с тобой о деле, которое, как я полагаю, должно быть очень важным.

— Почитатель? Скажи ему, что всеслышащий Брама слышит все, и вели ему молиться мне обычным манером, в Храме! — Рука Брамы потянулась к выключателю, но остановилась.— Откуда он знает о линии Храм — Небо? И о прямой связи святых с богами?

— Он сказал,— ответил жрец,— что он из Первых, и что я должен передать, что Сэм хочет говорить с Тримурти.

— Сэм?— сказал Брама.— Сэм? Не может же он быть... тем Сэмом!

— Он известен в окрестностях как Сиддхарта, Связующий Демонов.

— Жди,— сказал Брама,— и пой все подходящие стихи из Вед.

— Слушаю, мой господин,— ответил жрец и запел.

Брама пошел в другую часть павильона и встал перед гардеробом, решая, что надеть.

* * *

Принц, услышав свое имя, отвернулся от созерцания храма внутри. Жрец, имя которого он забыл, поманил его в коридор. Он пошел за жрецом и очутился в складе. Жрец нашарил потайную щеколду, потянул вверх ряд полок и открыл что-то вроде дверки.

Принц прошел через нее и оказался в богато убранной гробнице. Сияющий видеоэкран, окруженный бронзовым Нагом, зажавшим хвост зубами, висел над алтарем — контрольной панелью.

Жрец трижды поклонился.

— Жвива, правитель миров, могущественнейший из четырех рангов богов и восемнадцати Хозяев Рая! Из твоего пупка вырастает лотос, твои руки вспенивают океаны, в трех шагах...

— Я подтверждаю истину твоих слов,— ответил Брама.— Тебя благословили и выслушали. Теперь можешь оставить нас.

— ???

— Правильно. Сэм, без сомнения, заплатил тебе за частную линию?

— Господин...!

— Ладно! Уходи!

Жрец быстро поклонился и вышел, задвинув за собой полки.

Брама оглядел Сэма, на котором были брюки для верховой езды, небесно-голубой *камиз*, сине-зеленый тюрбан Уратхи и пояс черного железа с пустыми ножнами на нем.

Сэм в свою очередь оглядел Браму. Поверх легкой кольчуги на нем был накинут плащ из перьев, застегнутый у шеи пряжкой из огненного опала. На голове Брамы была пурпурная корона, усеянная мерцающими аметистами; в правой руке скипетр с девятью камнями-покровителями. Глаза его казались двумя черными пятнами на темном лице. Вокруг возникло нежное звучание вины.

— Сэм?— спросил Брама.

Сэм кивнул.

— Я пытаюсь угадать твою истинную сущность, господин Брама, но, признаться, не могу.

— Так и должно быть,— сказал Брама,— и всегда будет, когда речь идет о боге.

— Наряд у тебя шикарный. Просто блеск.

— Благодарю. Мне трудно поверить, что ты еще существуешь. Кстати, я вижу, что ты за полстолетия не искал нового тела: это взято совершенно случайно.

Сэм пожал плечами.

— Жизнь полна случайностей, риска, неопределенности...

— Справедливо,— сказал Брама.— Прошу, бери стул и садись. Располагайся поудобнее.

Сэм так и сделал. Когда он снова поднял глаза, Брама сидел на высоком резном троне красного мрамора; такого же цвета зонт сиял над ним.

— Сидеть на нем, кажется, не особенно удобно,— заметил Сэм.

— Пенопластовые подушки,— с улыбкой ответил бог.— Можешь курить, если хочешь.

— Спасибо.— Сэм достал из поясного кармана трубку, набил ее, тщательно умял и закурил.

— Что ты делал все это время,— спросил бог,— с тех пор, как оставил насест Неба?

— Разводил собственные сады,— ответил Сэм.

— Ты мог бы пригодиться нам здесь, в *нашей* гидропонной секции. Для этого дела, пожалуй, мог бы. Расскажи побольше о своем пребывании среди людей.

— Тигры охотятся, королевства спорят с соседями о границах, мораль гаремов соблюдается, проводятся кое-какие ботанические исследования — все в таком роде, ткань жизни. Мои силы теперь ослабли, и я снова ищу юность. Но, чтобы получить ее, мой мозг должен быть профильтрован. Это верно?

— Таков обычай.

— А что из этого получается, могу я спросить?

— Неправильный отпадет, правильный возвысится,— сказал бог, улыбаясь.

— Допустим, я неправильный. Как я отпаду?

— Тебе придется отрабатывать свой кармический груз в низшем теле.

— Нет ли у тебя легко читаемых диаграмм, показывающих процентное отношение отпавших и поднявшихся?

— Ты плохого мнения о моем всеведении,— сказал Брама, при-

крывая зевок скипетром.— Даже если бы я имел такие диаграммы, сейчас я забыл бы о них.

Сэм хихикнул.

— Ты, кажется, говорил, что тебе нужен садовник здесь, в Небесном Городе?

— Да. Ты считаешь, что подходишь для этой работы?

— Не знаю. Возможно, и подойду.

— А может, и нет?

— Может, и нет,— согласился Сэм.— В прежние времена не было никаких фокусов-покусов с человеческим мозгом. Если кто-то из Первых хотел возрождения, он платил за тело, и ему его выдавали.

— Теперь не старые времена, Сэм. До нового века рукой подать.

— Можно подумать, что ты добивался устранения всех Первых, которые не стоят за твоей спиной.

— Пантеон вмещает многих, Сэм. Там есть ниша и для тебя, если захочешь.

— А если не захочу?

— Тогда справься в Зале Кармы насчет своего тела.

— А если я выберу божественность?

— Твой мозг не будет зондирован. Мастерам посоветуют обслужить тебя быстро и хорошо. Летающая машина мигом доставит тебя на Небо.

— Стоит подумать,— сказал Сэм.— Я очень люблю *этот* мир, хотя он и погряз в эпохе мрака. С другой стороны, такая любовь не даст мне радости, какой я желаю, если мне приказано умереть реальной смертью или стать обезьяной и бродить по джунглям. Но я также не чрезмерно обожаю искусственное превосходство, какое существовало в Небе, когда я в последний раз посещал его. Дай мне минутку подумать.

— Я считаю подобную неуверенность нахальством,— сказал Брама,— когда человеку сделано такое предложение.

— Знаю и, вероятно, думал бы так же, если бы мы поменялись ролями. Но если бы я был Богом, а ты — мной, я помолчал бы из милосердия, пока человек принимает важное решение, касающееся его жизни.

— Сэм, ты просто невозможен! Кто еще заставлял бы меня ждать, когда его бессмертие висит на волоске? Не собираешься ли ты торговаться со *мной*?

— Видишь ли, я происхожу из длинной линии торговцев слизардами, и мне чертовски нужно кое-что.

— Что именно?

— Ответы на несколько вопросов, которые давно меня беспокоят.

— Каковы же эти вопросы?

— Как тебе известно, я ожидал заседаний Совета больше ста лет, потому что он начал длинные сессии, рассчитанные на отсрочки принятия решений, и для начала под предлогом Фестиваля Первых. Теперь я ничего не имею против фестивалей. В сущности, за полтора столетия я ходил на них только за тем, чтобы выпить доброго старо-

го земного спиртного. Но я чувствую, что мы должны что-то сделать для граждан, так же как и для отпрысков многих наших тел, а не оставлять их бродить по грязному миру и впадать в дикость. Я чувствую, что мы всей командой должны помочь им, дать им выгоды технологии, которую мы сберегли, а не строить из себя неприступный Рай, относясь к миру как к смеси игорного дома с бардаком. И я давно удивляюсь, почему это не сделано. По-моему, это отличный и справедливый способ управлять миром.

— Из этого я заключаю, что ты акселерационист?

— Нет,— сказал Сэм,— просто спрашиваю. Я любопытен, только и всего.

— Тогда ответ таков,— сказал Брама,— они не готовы. Если бы мы действовали сразу же — тогда да, это можно было бы сделать. Но сначала нам было безразлично, а затем, когда встал этот вопрос, мы разошлись во взглядах. Слишком много времени прошло. Они не готовы, и не будут готовы еще много столетий. Если им сейчас дать передовую технологию, последуют войны, результатом которых явится уничтожение начинаний, уже сделанных ими. Они пойдут далеко. Они начали строить цивилизацию на манер их предков. Но они все еще дети, и как дети они будут играть с нашими дарами и будут сожжены ими. Они *наши* дети от наших давно умерших Первых, вторых, третьих и дальнейших тел, и мы, как родители, несем за них ответственность. Мы не должны позволять им ускорить индустриальную революцию и тем разрушить первое стабильное общество на этой планете. Мы лучше всего выполним свои родительские функции, если проведем людей через Храмы, как мы это и делаем. Боги и богини, по существу, фигуры родителей; что может быть правильнее и справедливее, чем взять на себя их роли и хорошо сыграть их?

— Тогда зачем вы разрушаете их собственную детскую технологию? Печатный станок изобретался три раза, насколько я помню, и каждый раз уничтожался.

— По той же самой причине — они к нему не готовы. И это было не настоящее изобретение, а скорее воспоминание. Это была легендарная вещь, и кто-то решил ее сдублировать. Вещь должна появиться в результате факторов, уже присутствующих в культуре, а не быть вытащенной из прошлого, как кролик из шляпы.

— Похоже, что ты ставишь этому мощный заслон, Брама. Я делаю вывод, что твои фавориты ходят туда-сюда по планете и уничтожают все признаки прогресса, какие находят.

— Неправда,— сказал Брама.— По твоим словам выходит, что мы постоянно желаем этого груза божественности, стараемся поддерживать темный век, чтобы вечно находиться в изнуряющих условиях вынужденной божественности!

— В общем, да. А как насчет молитвенной машины, стоящей сейчас перед этим храмом? Она на одном уровне, в смысле культуры, с колесницей?

— Это совсем другое дело. Как божественное проявление, она держит граждан в благоговейном страхе, и о ней не спрашивают по

религиозным причинам. Это почти то же самое, что применить бездымный порох.

— А что если какой-нибудь местный атеист угонит ее и разберет на части? Вдруг он окажется Томасом Эдисоном? Тогда как?

— В ней хитрая комбинация запоров. Если кто-то, кроме жреца, откроет ее, машина взорвется и возьмет его с собой.

— Я обратил внимание, что вы не способны начисто подавить изобретения, хоть и пытаетесь. Вы прохлопали налог на алкоголь, который могли бы взимать Храмы.

— Человечество всегда искало облегчения в выпивке,— сказал Брама.— Она даже каким-то образом фигурировала в религиозных церемониях и от этого становилась меньшим грехом. По правде сказать, мы пытались сначала подавить ее, но быстро поняли, что не сможем. Так что, взамен налога, они получили наше благословение на выпивку. Меньше греха, меньше похмелья, меньше взаимных обвинений — это психосоматично — налог этого не даст.

— Даже удивительно, как много людей предпочитает нечестивое варево!

— Ты пришел просить, а сам насмехаешься? Я предложил ответить на твои вопросы, но не собирался дебатировать с тобой о деикратической политике. Но настроишь ли ты свой разум на мое предложение?

— Да, Мадлен,— сказал Сэм.— Тебе кто-нибудь говорил, как ты мила, когда злишься?

Брама соскочил с трона.

— Как ты мог? Как ты мог сказать такое?— завопил он.

— Вообще-то не мог — до этой минуты. Это была просто догадка, в какой-то мере основанная на твоей манере говорить и жестикулировать, которую я помню. Так что, ты в конце концов добился своей давнишней цели? Держу пари, ты даже завел гарем. Ну, и каково, мадам, стать настоящим конным заводом, после того как был девчонкой? Тебе позавидовала бы каждая девка на земле, если бы знала. Поздравляю.

Брама вытянулся во весь свой рост и засверкал. Трон пламенел за его спиной. Вина бесстрастно звенела. Он поднял скипетр.

— Готовься получить проклятие Брамы...— начал он.

— За что?— спросил Сэм.— За то, что я угадал твою тайну? Если я буду богом — какая разница? Другие наверняка знают об этом. Неужели ты злишься только из-за того,что я смог узнать о твоей истинной сущности, бросив тебе маленькую приманку? Я предполагал, что ты больше оценишь меня, если я продемонстрирую тебе таким образом свой ум. Извини, если я оскорбил тебя.

— Не из-за того, что ты догадался, и даже не из-за манеры, в которой ты высказал свою догадку — я проклинаю тебя за то, что ты насмехался надо мной.

— Насмехался?— повторил Сэм.— Не понял. Я не намеревался быть непочтительным. В прежние дни я всегда был в хороших отношениях с тобой. Если ты чуточку подумаешь о тех временах, ты

вспомнишь, что это правда. Зачем бы мне ставить под удар свое положение, насмехаясь над тобой теперь?

— Потому что ты слишком быстро высказал то, что думал, не потрудившись подумать дважды.

— Нет, Милорд, я просто пошутил с тобой, как человек с человеком, когда они говорят о таких вещах. Мне жаль, если ты неправильно это понял. Я уверен, что у тебя есть гарем, завидую и наверняка постараюсь как-нибудь ночью проникнуть в него. Если ты меня там захватишь, вот тогда и проклинай.— Он затянулся из трубки и скрыл в дыме усмешку.

В конце концов Брама хихикнул.

— Я немножко вспылил, твоя правда,— объяснил он,— и, возможно, излишне чувствителен к своему прошлому. Ладно. Я и сам часто шутил так с другими. Я прощаю тебя. Я снимаю начало своего проклятия. И тогда ты решаешь принять мое предложение?

— Да.

— Хорошо. Я всегда питал к тебе братские чувства. Теперь иди и пришли мне моего жреца, я проинструктирую его насчет твоего воплощения. Мы с тобой скоро увидимся.

— Точно, господин Брама.

Сэм кивнул и салютовал трубкой. Затем он толкнул обратно ряд полок и нашел во внешнем холле жреца. Различные мысли пронеслись в его мозгу, но на этот раз он оставил их невысказанными.

* * *

В этот же вечер принц держал совет с теми из своих слуг, которые посещали своих родственников и друзей в Махартхе, и с теми, кто бродил по городу, собирая известия и слухи. От них он узнал, что в Махартхе всего десять Мастеров Кармы, и все они живут во дворце на юго-западных склонах над городом. Они планируют визиты в клиники, читальные комнаты, Храмы, куда граждане сами являются на суд, когда просят возрождения. Сам Зал Кармы был массивным черным зданием во внутреннем дворе их дворца; туда вызывали человека сразу после суда, чтобы переселить его в новое тело. Страк, один из двух советников принца, уходил в светлое время дня и делал зарисовки дворцовых укреплений. Двое придворных были посланы в город, чтобы передать приглашение на ужин Шэну из Ирабика, старику и дальнему соседу Сиддхарты, с которым он сражался в трех кровавых пограничных перестрелках и иногда охотился на тигра. Шэн гостил у родственников, пока ожидал встречи с Мастерами Кармы. Другой человек был послан на улицу Кузнецов, где просил работников по металлу удвоить заказ принца и выполнить его к раннему утру. Он взял с собой дополнительную оплату, чтобы обеспечить сотрудничество.

Позднее в гостиницу Хауканы прибыл Шэн из Ирабика в сопровождении шести своих родственников, которые были из касты купцов, но вооружены как воины. Увидев, что гостиница явно мирная, и никто из гостей или посетителей не вооружен, они отложили в сторону свое оружие, а сами сели поближе к принцу.

Шэн был высоким, но заметно сгорбленным человеком. Он носил коричневую одежду и темный тюрбан, спускавшийся почти до широких, мохнатых как гусеницы, бровей молочного цвета. Борода казалась заснеженным кустом, от зубов остались одни пеньки, что было заметно, когда он смеялся. Нижние веки набрякли и покраснели, как бы от горя и усталости после столь многолетней поддержки налитых кровью глаз, которые явно пытались выскочить из своих впадин.

В конце вечера врач принца извинился и вышел, так как он наблюдал за приготовлением десерта и должен был ввести наркотик в пирожное, предназначенное Шэну. После десерта Шэн все более был склонен закрывать глаза и все чаще клевал носом.

— Хороший вечер,— бормотал он между всхрапываниями и, наконец, уснул так крепко, что его не могли добудиться. Родственники не были в состоянии доставить его домой, потому что врач принца добавил в их вино хлоралгидрата, и они к этому времени уже храпели, растянувшись на полу. Старший придворный принца договорился с Хауканой относительно их устройства, а Шэн был перенесен в помещение Сиддхарты, куда тут же пришел врач. Он распустил завязки одежды Шэна и заговорил тихим, убеждающим голосом:

— Завтра днем ты станешь принцем Сиддхартой, а эти будут твоими слугами. Ты пойдешь с ними в Зал Кармы требовать тело, которое Брама обещал тебе дать без предварительного суда. Ты останешься Сиддхартой на все время пересадки и вернешься сюда со своими вассалами, чтобы я тебя осмотрел. Ты понял?

— Да,— прошептал Шэн.

— Повтори, что я тебе сказал.

— Завтра днем,— сказал Шэн,— я стану Сиддхартой, командующим этими слугами...

* * *

Ярко расцвело утро, и с ним обязанности. Половина людей принца выехала из города, направляясь к северу. Отъехав за пределы наблюдения из Махартхи, они свернули на юго-запад, через холмы, и остановились только, чтобы надеть свое боевое снаряжение.

Шестерых послали на улицу Кузнецов, откуда они вернулись с тяжелыми парусиновыми сумками; содержимое сумок было распределено по карманам трех дюжин людей, и те после завтрака уехали в город.

Принц совещался со своим врачом Нарадой и сказал ему:

— Если я неправильно судил о милосердии Неба, то я и в самом деле проклят.

Доктор улыбнулся.

— Сомневаюсь, чтобы ты судил неправильно.

Так они перешли от утра в тихую середину дня. Мост Богов золотился над ними.

Когда их снаряды проснулись, им помогли опохмелиться. Шэн получил постгипнотическое внушение и поехал с шестью слугами Сиддхарты во Дворец Мастеров. Родственников же его уверили, что Шэн спит в комнатах Сиддхарты.

— Самый большой наш риск,— говорил врач,— это Шэн. Вдруг его узнают? Факторы в нашу пользу — что он мелкий правитель далекого королевства и в этом городе недавно. Большую часть времени он провел с родственниками и не являлся еще для суда. А Мастера пока не знают тебя в лицо...

— Если только Брама или его жрец не описали меня им,— сказал принц.— Насколько я представляю, моя беседа могла быть записана на пленку, а пленка передана Мастерам для целей опознания.

— А собственно, зачем бы им это делать?— спросил Нарада.— Вряд ли они стали бы применять тайные и хитрые предосторожности к человеку, которому оказывают милость. Нет, я думаю, мы можем откинуть это. Шэн, конечно, не сможет пройти проверку зондом, но поверхностный осмотр пройдет, поскольку его сопровождают твои слуги. В настоящее время он уверен, что он Сиддхарта, так что может пройти через обычный детектор лжи — я думаю, что это самое серьезное препятствие, какое ему встретится.

Итак, они ждали. Три дюжины людей вернулись с пустыми карманами, собрали свои манатки, оседлали лошадей и один за другим потянулись из города, как бы в поисках развлечений, но в действительности медленно продвигаясь в юго-западном направлении.

— До свидания, добрый Хаукана,— сказал принц, когда оставшиеся его люди сели на лошадей,— я уношу, как всегда, хорошее воспоминание о твоем жилище и обо всем, что встретил вокруг. Я сожалею, что мое пребывание здесь заканчивается так неожиданно, но я должен ехать и подавить восстание в провинциях, как только выйду из Зала Кармы... Ты знаешь, такие вещи всегда вылезают, едва правитель повернется спиной. Так что, как бы ни хотелось мне пробыть еще недельку под твоей крышей, придется это удовольствие отложить до другого раза. Если кто-нибудь спросит меня, скажи, чтобы меня искали в Гадесе (Гадес — подземное царство).

— Гадес, господин?

— Это южная провинция в моем королевстве, известная своим исключительно жарким климатом. Но скажи именно эту фразу, особенно жрецам Брамы, которые могут поинтересоваться в ближайшие дни насчет моего местопребывания.

— Будет сделано, господин.

— И позаботься о мальчике Деле. Я надеюсь снова послушать его игру в свой следующий визит.

Хаукана низко поклонился и собрался было начать речь, но принц бросил ему последний кошелек с деньгами и сделал добавочные комментарии по поводу вина из Уратхи, а затем быстро вскочил в седло, выкрикивая приказы своим людям, чем быстро засушил дальнейший разговор.

Затем они выехали из ворот и скрылись, оставив у Хауканы только врача и трех воинов, которых нужно было лечить лишний день от чего-то, связанного с переменой климата, прежде чем они присоединятся к остальным.

Принц и его свита проехали через город боковыми улицами и выехали на дорогу к Дворцу Мастеров Кармы. Пока они ехали по

ней, Сиддхарта обменивался тайными знаками с теми тремя дюжинами его воинов, которые залегли в укрытия в различных точках вблизи рощи.

Проехав половину расстояния до Дворца, принц и восемь сопровождающих его людей натянули поводья и сделали вид, что остановились отдохнуть, в то время как другие двигались параллельно им между деревьями.

Далеко впереди они увидели движение на дороге. Семь всадников ехали на лошадях, и принц догадался, что это шесть его копьеносцев и Шэн. Когда те подъехали на расстояние оклика, принц и его люди двинулись им навстречу.

— Кто вы?— спросил высокий остроглазый всадник на белой кобыле.— Кто вы, что смеете загораживать дорогу принцу Сиддхарте, Связующему Демонов?

Принц посмотрел на него — мускулистого, смуглого, лет двадцати пяти, с ястребиным лицом и властными манерами — и почувствовал вдруг, что его сомнения были необоснованными, и что он предал сам себя своими подозрениями и недоверием. Судя по гибкому телу человека, сидевшего на лошади принца, Брама поступил честно и приказал дать великолепное сильное тело, доставшееся теперь старому Шэну.

— Господин Сиддхарта,— сказал человек, ехавший рядом с правителем Ирабика,— похоже, что эти люди действовали честно. Я не вижу в нем ничего неправильного.

— Сиддхарта?— закричал Шэн.— Как ты смеешь называть его именем своего господина? Я — Сиддхарта, Связующий...— тут он закинул голову назад, и слова забулькали в его горле.

Затем у Шэна начался припадок. Он задыхался и повалился с седла. Сиддхарта подбежал к нему. В уголках рта Шэна показалась пена, глаза закатились.

— Эпилепсия!— воскликнул принц.— Они приготовили для меня поврежденный мозг!

Остальные собрались вокруг и помогали принцу ухаживать за Шэном, пока припадок не кончился и разум не вернулся в тело.

— Что случилось?— спросил Шэн.

— Предательство!— сказал Сиддхарта.— Предательство, о Шэн из Ирабика! Один из моих людей отвезет тебя сейчас к моему личному врачу для осмотра. Когда ты отдохнешь, я советую тебе подать жалобу на читальную комнату Брамы. Мой врач будет лечить тебя у Хауканы, и ты поправишься. Мне очень жаль, что так случилось. Вероятно, дело исправят. Если же нет — вспомни последнюю осаду Капила и считай, что нам даже повезло. До свидания, брат принц.

Он поклонился Шэну, его люди помогли тому сесть на гнедую лошадь Хауканы, которую Сиддхарта позаимствовал раньше.

Сев на свою кобылу, принц наблюдал за отъездом Шэна, затем повернулся к своим людям и сказал достаточно громко, чтобы слышали и те, кто ждал в стороне от дороги:

— Вас войдет девять человек. Два звука рога — и войдут остальные. Если будет сопротивление, предложите им там быть более

осторожными, потому что еще три звука рога приведут с холмов пятьдесят копьеносцев. Это дворец отдыха, а не крепость, где проводятся сражения. Захватите в плен Мастеров. Не портите их машины и не позволяйте никому это делать. Если сопротивления не будет — все хорошо. Если же будет, мы пройдем через Дворец в Зал Кармы, как ребенок через муравейник. Удачи вам! И ни одного бога с вами!

Он повернул лошадь и поехал по дороге, а восемь воинов тихонько пели за его спиной.

* * *

Принц проехал через ворота. Они были открыты и никем не охранялись. Он тут же подумал о тайной защите, которую Страк мог не заметить.

Двор был ухожен и частично замощен. В большом саду работали слуги. Принц искал место, где могло быть оружие, но не увидел. Слуги глянули на него, когда он появился, но работы не прервали.

В дальнем конце двора был черный каменный Зал. Принц направился к нему, его всадники следовали за ним, пока его не окликнули со ступеней дворца, справа.

Он натянул поводья и повернулся. Он увидел человека в черной одежде с желтым кругом на груди и с посохом эбенового дерева. Человек был высок, тяжел, с заплывшими глазами. Он не повторил оклика, просто стоял и ждал.

Принц направил лошадь к подножию широкой лестницы.

— Я хочу говорить с Мастерами Кармы,— сказал он.

— Тебе назначено?— спросил человек.

— Нет, но у меня важное дело.

— Тогда жалею, что ты напрасно проехался. Назначение обязательно. Ты можешь договориться о нем в любом храме Махартхи.

Он стукнул посохом о ступеньку, повернулся и пошел прочь.

— Выкорчуйте этот сад,— сказал принц своим людям,— срежьте молодые деревья, свалите все вместе и подожгите.

Человек в черном остановился и снова обернулся. У подножия лестницы стоял один только принц: его люди уже двинулись к саду.

— Ты не можешь этого сделать,— сказал человек.

Принц улыбнулся. Его люди спешились и начали рубить кустарник, шагая прямо по цветочным грядкам.

— Вели им остановиться!

— А зачем? Я пришел говорить с Мастерами Кармы, а ты сказал мне, что я не могу. А я говорю, что могу и буду. Посмотрим, кто из нас прав.

— Прикажи им остановиться, а я передам Мастерам твое сообщение.

— Остановитесь!— крикнул принц,— но будьте готовы начать снова.

Человек в черном поднялся по лестнице и исчез во дворце. Принц потрогал рог, висевший на шнурке на его шее.

Через короткое время в дверях показались вооруженные люди. Принц поднял рог и дважды дунул в него.

Люди носили кожаные кольчуги — кое-кто поспешно застегивал ее — и такие же шлемы. Правые руки были обернуты мягкой прокладкой до локтя, на небольших овальных щитах красовался герб — желтое колесо на черном поле. Они были вооружены длинными изогнутыми клинками. Они заняли всю лестницу и остановились, как бы ожидая приказов.

Человек в черном снова появился на верхней площадке и сказал:

— Итак, если у тебя есть что передать Мастерам — говори!

— Ты Мастер? — спросил принц.

— Да.

— Видимо, ты рангом ниже всех остальных, если тебе приходится выполнять обязанности привратника. Дай мне поговорить со старшим Мастером.

— Ты поплатишься за свою наглость и в этой жизни, и в следующей,— заметил Мастер.

Через ворота въехали три дюжины копьеносцев и выстроились по бокам принца. Те восемь человек, что начали было громить сад, снова сели на лошадей и двинулись к строю, положив на колени обнаженные клинки.

— Не въехать ли нам во дворец на конских спинах? — спросил принц.— Или ты вызовешь других Мастеров, с которыми я желаю иметь разговор?

На лестнице стояло человек восемьдесят с клинками в руках. Мастер прикинул равновесие сил и решил оставить все как есть.

— Не поднимай шум,— сказал он,— потому что мои люди защищаются особенно страшным образом. Подожди моего возвращения. Я вызову остальных.

Принц набил трубку и закурил. Его люди сидели как статуи, с копьями наготове. На лицах пеших солдат, стоявших в первом ряду на лестнице, выразилось явное облегчение.

Принц, чтобы провести время, оглядел своих копьеносцев.

— Не думайте показывать свою ловкость, как делали при последней осаде Капила. Цельтесь в грудь, а не в голову. А также не вздумайте заниматься обычным увечьем — ранить и убивать; это святое место, и его нельзя осквернять таким способом. Но с другой стороны,— добавил он,— я приму за личный выпад, если не окажется десяти пленников для жертвоприношения Пирриги Черному, моему личному покровителю — конечно, вне этих стен, а там, где наблюдение за Темным Пиром не ляжет так тяжело на нас...

Справа раздался звон: пеший солдат, не спускавший глаз с копья Страка, потерял сознание и упал с нижней ступени лестницы.

— Остановитесь! — закричала фигура в черном, появившаяся наверху лестницы в сопровождении шести других, одетых так же.— Не оскверняйте кровопролитием Дворец Кармы. Кровь этого упавшего воина уже...

— Бросится ему в щеки,— докончил принц,— когда он придет в себя, потому что он не убит.

— Чего ты хочешь?— обратилась к нему фигура в черном, среднего роста, но громадного объема; она стояла, как огромная черная бочка, с посохом — черной громовой стрелой.

— Я насчитал семерых,— ответил принц,— а знаю, что здесь живут десять Мастеров. Где еще трое?

— Они сейчас на обслуживании в читальных комнатах Махартхи. Чего ты хочешь от нас?

— Ты здесь главный?

— Главным здесь является только Великое Колесо Закона.

— А ты — старший представитель Великого Колеса в этих стенах?

— Да.

— Прекрасно. Я хочу поговорить с тобой наедине — там,— сказал принц, указывая на Черный Зал.

— Невозможно!

Принц выбил трубку о каблук, поковырял в ней острием кинжала и убрал в карман. Затем выпрямился в седле и зажал в левой руке рог. Он встретил взгляд Мастера.

— Ты абсолютно уверен в этом?— спросил он.

Маленький яркий рот Мастера задвигался, но ничего не сказал. Наконец, Мастер согласился:

— Пусть будет так, как ты сказал. Дайте мне дорогу!

Он прошел через ряды воинов и встал перед белой кобылой.

Принц сжал коленями бока лошади, поворачивая ее к темному Залу.

— Ряды держать пока!— крикнул Мастер.

— То же относится и к вам,— сказал принц своим людям.

Они вдвоем пересекли двор, и принц спешился перед Залом.

— Ты должен мне тело,— сказал он негромко.

— О чем ты?

— Я — принц Сиддхарта из Капила, Связующий Демонов.

— Сиддхарту уже обслужили,— сказал Мастер.

— Ты думаешь, что ему дали тело эпилептика по приказу Брамы; однако, это не так. Человек, которого вы обслуживали сегодня, был невольным самозванцем. Настоящий Сиддхарта — я, о безымянный жрец, и я пришел требовать свое тело, здоровое и сильное, без скрытых пороков. И ты обслужишь меня в этом смысле. Добровольно или нет, но ты обслужишь меня.

— Ты думаешь?

— Думаю,— ответил принц.

— Атака!— закричал Мастер и взмахнул посохом, целясь в голову принца.

Принц уклонился от удара и отступил, вытаскивая кинжал. Дважды он парировал посох. Но в третий раз посох ударил его по плечу скользящим ударом, но достаточным, чтобы заставить принца пошатнуться. Он обежал вокруг белой кобылы, преследуемый Мастером. Увертываясь и держа лошадь между собой и противником, он

поднес к губам рог и протрубил три раза. Звуки рога покрыли яростный шум битвы на дворцовой лестнице. Тяжело дыша, он повернулся как раз вовремя, чтобы уберечься от удара в висок, который наверняка убил бы его, если бы попал в цель.

— Написано,— почти прорыдал Мастер,— что тот, кто отдает приказы, не имея власти заставить их выполнять — дурак.

— Десять лет назад,— выдохнул принц,— тебе не удалось бы наложить на меня свой посох.

Он рубанул по посоху, надеясь расщепить дерево, но посох все время ухитрялся поворачиваться от края лезвия, так что принц только делал на нем зарубки и местами ободрал, но сам посох оставался целым.

Пользуясь им как фехтовальной палкой, Мастер нанес сильный удар по левому боку принца. Принц почувствовал, что ребра ломаются... Он упал.

Неизвестно, как это случилось, но лезвие вылетело из его рук, когда он упал. Оружие проехало по голеням Мастера, и тот с воем упал на колени.

— Мы с тобой пара,— задыхаясь, сказал принц.— Мой возраст против твоего жира...

Он лежа поднял кинжал, но не мог держать его наготове. Он приподнялся на локте. Мастер со слезами на глазах пытался встать и снова упал на колени.

Послышался топот копыт.

— Я не дурак,— сказал принц,— и теперь у меня есть власть заставить выполнять мои приказы.

— Что случилось?

— Прибыли остальные мои копьеносцы. Войди я сразу с полной силой, ты спрятался бы как геккон в вязанке дров, и пришлось бы потратить несколько дней, чтобы разнести твой дворец и вытащить тебя оттуда. А теперь я держу тебя в кулаке.

Мастер поднял посох.

Принц отвел назад свое оружие.

— Опусти посох,— сказал он,— или я метну кинжал. Не знаю, попаду или промахнусь, но могу и попасть. Ты не боишься играть с реальной смертью?

Мастер опустил посох.

— Ты познаешь реальную смерть,— сказал он,— когда служители Кармы скормят твоих конных солдат собакам.

Принц кашлянул и равнодушно взглянул на свой кровавый плевок.

— Давай пока оставим политические дискуссии,— посоветовал он.

* * *

Когда звуки сражения затихли, подошел Страк, высокий, пропыленный, с волосами почти того же цвета, что запекшаяся на его клинке кровь, был обнюхан белой кобылой, отсалютовал принцу и сказал:

— Все кончено.

— Слышал, Мастер Кармы? — спросил принц.

Мастер не ответил.

— Обслужи меня немедленно и этим спасешь свою жизнь,— сказал принц.— Откажись — и я возьму ее.

— Я обслужу тебя,— сказал Мастер.

— Страк,— сказал принц,— пошли двух людей в город — одного за Нарадой, моим врачом, а другого на улицу Ткачей, за Янаггой, парусным мастером. Из трех воинов, оставшихся у Хауканы, оставь одного, чтобы задержать Шэна из Ирабика до захода солнца. Затем пусть свяжет его и оставит, а сам приедет к нам сюда.

Страк улыбнулся и отсалютовал.

— А теперь приведи людей отнести меня в зал и не спускай глаз с Мастера.

* * *

Он сжег свое старое тело вместе со всеми другими. Служители Кармы все до одного погибли в бою. Из семерых безымянных Мастеров уцелел только один жирный.

Запасы спермы и яичек, баки с культурой и морозильники для тел нельзя было транспортировать, но само оборудование для пересадки было демонтировано под руководством доктора Нарады, и его компоненты были погружены на лошадей погибших воинов. Молодой принц сидел на белой кобыле и следил, как пламя пожирало тела. Огонь восьми погребальных костров взлетел к предрассветному небу. Тот, кто был парусным мастером, глядел на ближайший к воротам костер — последний из зажженных; его пламя только сейчас достигло вершины, где лежало тело в черной одежде с желтым кругом на груди. Когда пламя коснулось его, и одежда затлела, собака, съежившаяся в разоренном саду, подняла голову, и вой ее был почти рыданием.

— Этот день переполнит счет твоих грехов,— сказал бывший парусный мастер.

— Но учтутся и мои молитвы,— ответил принц.— Я займусь этим в дальнейшем. Будущие теологи отнесутся к ним хотя бы так же, как ко всем этим жетонам для молитвенных машин, и примут окончательное решение. А Небо пусть теперь размышляет, что здесь случилось в этот день, и есть ли я, кто я и где я. Пора ехать, капитан. На некоторое время в горы, а затем наши пути разойдутся ради безопасности. Я не знаю, по какой дороге пойду, но она поведет к воротам Неба, а я должен идти вооруженным.

— Связующий Демонов,— сказал его собеседник и улыбнулся.

Подошел командир копьеносцев. Принц и его свита проехали через ворота Дворца Кармы, свернули с дороги и стали подниматься по склону к юго-востоку от города Махартхи; за их спинами пылали, как заря, их мертвые товарищи.

Глава 3

Говорят, что когда появился Учитель, люди всех каст шли слушать его поучения, а также животные, боги и случайный святой, и уходили облагороженными и духовно возвысившимися. В основном все признавали, что он получил просветление; но думали так лишь те, кто считал его обманщиком, грешником, преступником и даже просто шутником. Не все эти люди числились его врагами; но с другой стороны, не все те, кто облагородился и духовно возвысился, могли считаться его друзьями или поддерживающими его. Его приверженцы называли его Махасаматманом, и кое-кто говорил, что он был богом. Итак, после того, как стало известно, что его приняли как учителя и смотрят на него с почтением, многие богатеи стали поддерживать его, и слава его шла далеко по стране, и к нему обращались как к Татагатхе, что означает Тот, Кто Достиг. Было замечено, что в то время как богиня Кали (иногда известная как Дурга в ее более мягкие минуты) никогда не высказывала официального мнения насчет того, что он Будда, она оказала ему странную честь, послав к нему своего святого палача вместо того, чтобы просто нанять убийцу...

Истинный Дхарма не исчезал,
пока в мире не возник фальшивый Дхарма.
Когда возник фальшивый Дхарма,
он заставил исчезнуть истинного Дхарму
Самиутта-никайя (11,224)

Близ города Аландила была прекрасная роща деревьев с синей корой и пурпурными, похожими на перья листьями. Роща славилась своей красотой и почти священным покоем своей тени. Роща принадлежала купцу Вазу до его обращения, а затем он подарил ее Учителю, известному как Махасаматман, Татагатха и Просветленный. В роще этот Учитель ожидал своих последователей, а когда они в полдень входили в город, их чашки для подаяния никогда не оставались пустыми.

Вокруг рощи всегда бывало множество паломников. Верующие, любопытные, и те, кто охотится на других, постоянно проходили через рощу. Они прибывали на лошадях, в лодках, пешком.

Аландил не был чрезмерно большим городом. Там были как тростниковые хижины, так и деревянные бунгало; главная дорога не была замощена и изрыта колеями. В городе было два больших базара и множество маленьких; обширные зерновые поля, принадлежавшие Вазу и обрабатываемые шудрами (низшая каста), цвели и колыхались вокруг города. В городе было много гостиниц (не столь роскошных, как легендарная гостиница Хауканы в далекой Махартхе) из-за постоянного наплыва путешественников; город имел своих святых людей и своих сказителей; и он имел Храм.

Храм стоял на невысоком холме недалеко от центра города; со всех четырех сторон его были огромные ворота. Эти ворота и стены вокруг были покрыты слоями декоративной резьбы, изображавшей

музыкантов и танцоров, воинов и демонов, богов и богинь, животных и актеров, любовников и полулюдей, стражников и дэвов. Эти ворота вели в первый двор, содержавший больше стен и ворот, открывавшийся, в свою очередь, во второй двор. В первом дворе был маленький базар, где продавались подношения богам. Там было также множество мелких гробниц, посвященных меньшим божествам. Там были нищие, медитирующие святые люди, смеющиеся дети, сплетничающие женщины, горящие благовония, певчие птицы, булькающие очистительные баки, жужжащие молитвенные машины — все это можно было найти там в любое время дня.

Внутренний двор, с его массивными гробницами, посвященными главным божествам, был основным местом религиозной интенсивности. Люди пели или выкрикивали молитвы, бормотали стихи из Вед, стояли, опускались на колени или простирались ниц перед громадными каменными изображениями, которые часто бывали так плотно увешаны цветами, замазаны красной пастой кум-кум и завалены грудами подношений, что нельзя было сказать, какое именно божество окутано таким поклонением. Периодически гудели храмовые рога, на минуту воцарялась тишина, а затем гвалт начинался снова.

И никто не стал бы оспаривать факт, что владычицей этого Храма была богиня Кали. Ее высокая статуя из белого камня, стоявшая в гигантской гробнице, доминировала во внутреннем дворе. Ее слабая улыбка, возможно, презрительная по отношению к другим богам и их приверженцам, так же привлекала внимание, как и усмешки черепов на ее ожерелье. Она держала в руках кинжалы и, приподняв ногу в полушаге, казалось, решала, танцевать ли ей сначала или сразу убить тех, кто подошел к ее гробнице. Полные губы, широко раскрытые глаза. При свете факелов она, казалось, двигалась.

Выглядело вполне естественным, что ее гробница была напротив гробницы Ямы, бога смерти. Жрецы и архитекторы достаточно логично решили, что из всех других богов ему более всего подходит стоять всегда лицом к ней с тем же, что у нее, твердым убивающим взглядом, и отвечать на ее улыбку своей кривой усмешкой. Даже самые набожные люди предпочитали не проходить между этими двумя гробницами, а обойти их; а после наступления темноты эта часть двора всегда оставалась в тиши и покое, непотревоженная приподнявшимися почитателями.

Когда по стране дул весенний ветер, с севера пришел некий Ральд. Невысокий человек с белыми волосами, хотя лет ему было немного. Ральд носил внешние атрибуты пилигрима, но, когда его нашли лежащим в канаве в беспамятстве, над его лбом был накручен малиновый душащий шнур его истинной профессии. Туг.

Ральд пришел весной во время фестиваля в Аландине, городе сине-зеленых полей, тростниковых хижин и деревянных бунгало, немощеных дорог и многих гостиниц, базаров, святых людей и сказителей, великого религиозного оживления Учителя, чья слава распространилась далеко по стране — Аландиле, городе Храма, где его покровительница — богиня была королевой.

* * *

Время фестиваля.

Двадцать лет назад маленький праздник Аландила был почти исключительно местным делом. Теперь же, с появлением бесчисленных путешественников, вызванным присутствием Просветленного, который учил Пути Восьмисложной Тропы, фестиваль Аландила привлекал так много пилигримов, что местные помещения для жилья были переполнены. Те, у кого были палатки, брали высокую плату за их аренду. Арендовали под человеческое жилье даже стойла. Даже голые участки земли служили местом для походных лагерей.

Аландил любил своего Будду. Многие другие города пытались переманить его к себе из его пурпурной рощи; Шингоду, Горный Цветок, предлагал ему дворец и гарем, чтобы он пришел учить на его склонах. Но Просветленный не пошел к горе. Каннака, Речная Змея, предлагала ему слонов и корабли, городской дом и загородную виллу, лошадей и слуг, чтобы он пришел и проповедовал на его пристанях. Но Просветленный не пошел к реке.

Будда оставался в своей роще, и все шли к нему. С течением времени фестивали становились все шире и продолжались дольше, и были более замысловатыми, и сияли, как чешуя откормленного дракона. Местные брамины не одобряли антиритуального учения Будды, но его присутствие наполняло доверху их сундуки, так что они научились жить в его тени, никогда не произнося слово «тиртхика» — еретик.

Итак, Будда оставался в своей роще, и все приходили к нему, включая Ральда.

* * *

Время фестиваля.

На третий день начали бить барабаны.

На третий день массивные барабаны *катхакали* начали свой быстрый грохот. Слышные за много миль стаккато барабанов неслись через поля, через город, через рощу и через обширные болотистые земли, лежащие за рощей. Барабанщики в белых *мунду*, голые до пояса, с блестящими от пота темными телами, работали посменно, так энергичен был их мощный бой; волна звуков не прекращалась даже, когда новый отряд барабанщиков встал перед туго натянутыми верхушками инструментов.

Когда на землю спускалась тьма, путешественники и горожане немедленно выходили, заслышав стук барабанов, прибывающих на фестивальное поле, широкое, как древнее поле сражения. Там люди находили себе место и ждали ночи и начала представления, попивая сладко пахнущий чай, купленный в ларьках под деревьями.

В центре поля стояла громадная медная чаша с маслом, высотой в рост человека, с висящими по краям фитилями. Фитили горели, а факелы мерцали рядом с палатками актеров.

Барабанный бой на близком расстоянии оглушал и гипнотизировал, ритмы хитро усложнялись, синкопировались. С приближением

полуночи началось благочестивое пение, поднимаясь и падая вместе с барабанным боем, сплетая сеть вокруг чувств.

Настало короткое затишье, когда появился Просветленный со своими монахами в желтых одеяниях, становившихся в свете ламп почти оранжевыми. Они откинули капюшоны и сели, скрестив ноги, на землю. Через некоторое время пение и звук барабанов снова наполнили мозг присутствующих.

Когда появились актеры, страшные в своем гриме, с бубенчиками на лодыжках, звенящими при каждом шаге, аплодисментов не было, лишь напряженное внимание. Танцоры *катхакали* были знаменитые, с детства учившиеся акробатике, а также старинным фигурам классического танца, знающие девять различных движений шеи и глазных яблок и сотни положений рук, требуемых для постановки древнего эпоса любви и сражения, встреч с богами и демонами, героических боев и традиционных кровавых измен. Музыканты выкрикивали слова преданий, в то время как актеры, которые никогда не говорили, показывали устрашающие действия Рамы или братьев Пандава. Раскрашенные зеленым и красным, или черным с яркобелым, они шли по полю, подняв полы одежды, их обручи из зеркальных капель сверкали при свете ламп. Время от времени лампы разгорались или начинали шипеть и трещать, и тогда казалось, что нимбы святого или несвятого света играют над головами танцоров, начисто убивая смысл событий и давая зрителям минутное ощущение, что они сами иллюзорны, а единственно реальны в мире лишь рослые фигуры в циклопическом танце.

Танец должен был продолжаться до восхода солнца. Но перед зарей один из носящих шафрановую мантию пришел со стороны города, пробился сквозь толпу и сказал что-то на ухо Просветленному.

Будда встал, как бы для того, чтобы лучше обдумать услышанное, и снова сел. Он дал поручение монаху, тот кивнул и ушел с фестивального поля.

Будда, выглядевший невозмутимым, снова перенес все внимание на представление. Монах, сидевший неподалеку, заметил, что Будда барабанит пальцами по земле, и решил, что Просветленный держит такт с барабанами, поскольку было общеизвестно, что он выше таких вещей, как нетерпение.

Когда представление кончилось, и Сурья-солнце окрасило в розовый свет полы Неба над восточным краем мира, казалось, будто ночь и в самом деле держала толпу пленников в напряженном и страшном сне, от которого они сейчас освободились, усталые, тяжело входящие в день.

Будда и его последователи немедленно пошли к городу. Они не останавливались отдохнуть и прошли через Аландил быстрой, но достойной походкой.

Когда они снова очутились в пурпурной роще, Просветленный велел монахам отдыхать, а сам пошел к маленькому павильону, стоявшему в глубине леса.

В павильоне сидел монах, принесший сообщение во время представления. Он заботился о больном лихорадкой путешественнике,

которого он нашел на болотах, куда часто ходил размышлять о скверных условиях, в которых, возможно, окажется его тело после смерти.

Татагатха внимательно оглядел человека, лежавшего на спальном мате: тонкие бледные губы, высокий лоб, высокие скулы, тронутые инеем брови, острые уши; Татагатха догадывался, что глаза должны быть бледно-голубые или серые. Было что-то как бы просвечивающее — хрупкое, возможно,— в его бессознательном теле — в какой-то мере это могло быть результатом лихорадки, мучившей это тело, но дело было не только в болезни. Не похоже было, чтобы этот маленький человек носил вещь, которую Татагатха сейчас держал в руках. На первый взгляд человек казался очень старым, но потом становилось ясно, что седые волосы и хрупкий костяк еще не означают преклонного возраста, и что во внешности этого человека есть что-то детское. Глядя на его комплекцию, Татагатха сомневался, чтобы этому человеку приходилось часто бриться. Возможно, между щеками и углами рта были, скрытые сейчас, чуточку озорные морщины. А может, и нет.

Будда держал малиновый удушающий шнур, который могли носить только священные палачи богини Кали. Он провел пальцами по его шелковистой длине, и шнур обвился вокруг его руки, слегка прилипнув к ней. Будда не сомневался более, что шнур должен был таким манером обвиться вокруг его горла. Он почти бессознательно держал его и непроизвольно дергал рукой.

Затем он взглянул на вытаращившего глаза монаха, улыбнулся своей невозмутимой улыбкой и отложил шнур. Монах вытер сырой тканью потный лоб больного.

Человек на спальном мате вздрогнул от прикосновения и открыл глаза. В них было безумие лихорадки, они по-настоящему не видели, но Татагатха почувствовал внезапный удар от встречи их взглядов.

Глаза были темные, почти агатовые, нельзя было отличить зрачок от радужной оболочки. Было какое-то удивительное несоответствие между глазами такой силы и хрупким слабым телом.

Будда наклонился и слегка ударил руку человека; можно было подумать, что он коснулся стали, холодной и нечувствительной. Он резко провел ногтями по тыльной стороне правой руки. Ни царапины, ни даже следа на коже, ноготь скользнул по ней, как по стеклу. Будда сжал ноготь большого пальца человека и отпустил. Ни малейшего изменения цвета. Словно это были мертвые или механические руки.

Будда продолжал осмотр. Феномен кончался где-то возле запястья и снова появлялся в других местах. Руки, грудь, живот, шея и часть спины были омыты в ванне смерти, что и дало эту особую несгибаемую силу. Смачивание всего тела, конечно, оказалось бы роковым; а тут человек вроде бы обменял часть своей осязательной чувствительности на эквивалент невидимых перчаток и стальной брони, прикрывающей шею, грудь и спину. Он действительно был одним из избранных убийц страшной богини.

— Кто еще знает об этом человеке?— спросил Будда.

— Монах Симха, который помог мне принести его сюда.

— Он видел это?— Татагатха указал глазами на малиновый шнур.

Монах кивнул.

— Найди его и приведи сейчас же ко мне. Никому не говори об этом, скажи только, что пилигрим заболел, и мы здесь о нем заботимся. Я сам займусь его лечением и наблюдением за его болезнью.

— Слушаю, Просветленный.— И монах поспешно вышел из павильона.

Татагатха сел рядом со спальным матом и ждал.

* * *

Прошло два дня, прежде чем лихорадка спала и разум вернулся в темные глаза. Но в течение этих двух дней проходившие мимо павильона слышали голос Просветленного, бубнящий снова и снова, как если бы он обращался к своему спящему подопечному. Время от времени человек громко бормотал, как в бреду.

На второй день человек открыл глаза, посмотрел вверх, нахмурился и повернул голову.

— Доброе утро, Ральд,— сказал Татагатха.

— Кто ты?— спросил тот неожиданным баритоном.

— Тот, кто учит пути освобождения,— ответил Татагатха.

— Будда?

— Так меня называли.

— Татагатха?

— Я носил и это имя.

Человек хотел подняться, но не смог. Глаза его сохраняли мирное выражение.

— Откуда ты знаешь мое имя?— спросил он наконец.

— Ты много говорил в бреду.

— Да, я был очень болен и, без сомнения, болтал. Я простудился в этом проклятом болоте.

Татагатха улыбнулся.

— Одно из неудобств одиночного путешествия: если упадешь, тебе некому помочь.

— Истинно так,— согласился человек. Глаза его снова закрылись, дыхание стало глубже.

Татагатха сидел в позе лотоса и ждал.

* * *

Когда Ральд снова проснулся, был уже вечер.

— Пить,— сказал он.

Татагатха дал ему воды.

— Голоден?— спросил он.

— Пока не надо. Желудок возмутится.— Он приподнялся на локтях и пристально посмотрел на ухаживающего за ним, а затем снова упал на мат.— Ты Будда,— утвердительно сказал он.

— Да.

— Что ты собираешься делать?

— Накормить тебя, когда ты скажешь, что голоден.

— Я хотел сказать — после этого.

— Следить, как ты спишь, чтобы ты снова не впал в горячку.

— Я не это имел в виду.

— Я знаю.

— Что будет после того, как я поем, отдохну и снова обрету свою силу?

Татагатха улыбнулся и вытянул шелковый шнур откуда-то из-под своей одежды.

— Ничего,— ответил он.— Совершенно ничего.— Он набросил шнур на плечо Ральда и отдернул руку.

Ральд качнул головой и откинулся назад. Затем потянулся и ощупал шнур, накрутил его на пальцы и затем на запястье. Он погладил его.

— Это священный,— сказал он через некоторое время.

— Похоже на то.

— Ты знаешь его употребление и его цель?

— Конечно.

— Почему же ты не хочешь ничего делать?

— У меня нет нужды ходить или действовать. Все приходит ко мне. Если что-то должно быть сделано, это сделаешь ты.

— Я не понял.

— Это я тоже знаю.

Человек уставился в темноту наверху.

— Я попробую поесть теперь,— объявил он.

Татагатха дал ему хлеба и масла. Затем человек выпил еще воды. Когда он закончил еду, дыхание его стало тяжелым.

— Ты оскорбил Небо,— сказал он.

— Это я знаю.

— И ты уменьшил славу богини, чья верховная власть здесь никогда не оспаривалась.

— Знаю.

— Но я обязан тебе жизнью, я ел твой хлеб...

Ответа не последовало.

— И поэтому я должен нарушить самый священный обет,— закончил Ральд.— Я не могу убить тебя, Татагатха.

— Значит, я обязан тебе жизнью, потому что ты обязан мне своей. Давай посчитаем, что эти долги сбалансированы.

Ральд хмыкнул.

— Так и будет.

— Что ты станешь делать, раз ты отказался от выполнения своей миссии?

— Не знаю. Мой грех слишком велик, чтобы я мог вернуться. Теперь я тоже оскорбил Небо, и богиня отвернет свое лицо от моих молитв. Я обманул ее ожидания.

— В таком случае, оставайся здесь. По крайней мере, будешь иметь компанию по проклятию.

— Прекрасно,— согласился Ральд.— Мне больше ничего не остается.

Он снова уснул, а Будда улыбался.

* * *

В последующие дни фестиваль продолжался. Просветленный проповедовал толпам, проходившим через пурпурную рощу. Он говорил о единстве всех вещей, больших и малых, о законе причинности, о появлении и умирании, об иллюзорности мира, об искре *атмана*, о пути спасения через самоотречение и объединение со всем; он говорил о понимании и просветленности, о бессмысленности браминских ритуалов и сравнивал их формы с пустыми сосудами. Слушали многие, слышали немногие, кое-кто оставался в пурпурной роще, чтобы надеть шафрановую одежду искателя.

И каждый раз, когда он проповедовал, Ральд в своей темной одежде садился поблизости, и его черные глаза всегда были устремлены на Просветленного.

Через две недели после выздоровления Ральд подошел к Учителю, идущему по роще в медитации, упал ниц перед ним и через некоторое время сказал:

— Просветленный, я слушал твои поучения, и слушал хорошо. Я много думал о твоих словах.

Будда кивнул.

— Я всегда был религиозным,— продолжал Ральд,— иначе меня не избрали бы на тот пост, который я занимал. Когда я не мог выполнить свою миссию, я почувствовал великую пустоту. Я изменил своей богине, и жизнь не имела для меня смысла.

Будда молча слушал.

— Но я слышал твои слова, и они наполнили меня радостью. Они показали мне другой путь спасения, путь, который, как я чувствую, выше того, которому я следовал до сих пор.

Будда изучал лицо Ральда, пока тот говорил.

— Твой путь отречения поразил меня, и я чувствую, что он правильный. Он подходит к моим нуждам. Поэтому я прошу позволения войти в твою общину искателей и следовать твоему пути.

— Уверен ли ты,— спросил Просветленный,— что не ищешь просто наказания себе за то, что ты в своем сознании считаешь падением, грехом?

— В этом я уверен,— сказал Ральд.— Я задержал в себе твои слова и чувствовал истину, содержащуюся в них. На службе богини я убил больше людей, чем пурпурных листьев на молодых ветвях. Это не считая женщин и детей. Так что я нелегко поддаюсь словам — слишком много я слышал слов, сказанных всевозможными тонами, слов умоляющих, убеждающих, проклинающих. Но твои слова подействовали на меня, они выше учения браминов. Я с радостью стал бы палачом на твоей службе, убивал бы твоих врагов шафрановым шнуром, или клинком, или пикой, или голыми руками — потому что я знаток всякого оружия и потратил три срока жизни на изучение его — но я знаю, что это не твой путь. Жизнь и смерть — одно для

тебя, и ты не ищешь уничтожения своих врагов. И я прошу разрешения войти в твой орден. Для меня это не так трудно, как было бы для другого. Кто-то должен отказаться от дома и семьи, родины и собственности, у меня же ничего этого нет. Кто-то должен отказаться от собственной воли, а я это уже сделал. Единственное, что мне нужно теперь — это желтая одежда.

— Она твоя,— сказал Татагатха,— вместе с моим благословением.

* * *

Ральд получил платье буддийского монаха и стал укрепляться в медитации. Через неделю, когда фестиваль близился к концу, он пошел в город со своей чашкой для подаяния вместе с другими монахами. Однако, он не вернулся с ними. День перешел в вечер, вечер в ночь. Рога Храма уже пропели последнюю ноту *нагасварам*, и многие путешественники начали разъезжаться с фестиваля.

Долгое время Просветленный ходил по лесу, размышляя. Затем он тоже исчез.

Вниз от рощи с болотами за ней, к городу Аландилу, над которым возвышались каменистые холмы, а вокруг лежали сине-зеленые поля, в город Аландил, все еще бурлящий путешественниками, многие из которых еще пировали, по улицам Аландила, к холму с Храмом, шел Будда.

Он вошел в первый двор; там была тишина. Собаки, дети и нищие ушли. Жрецы спали. Один дремлющий служитель сидел на скамье на базаре. Многие гробницы были теперь пусты, статуи унесены в Храм. Перед несколькими другими стояли на коленях почитатели в поздней молитве.

Он вошел во внутренний двор. На молитвенном коврике перед статуей Ганеши сидел аскет. Он тоже казался статуей, поскольку не делал видимых движений. Вокруг двора мерцали четыре масляных лампы, их пляшущий свет первоначально служил для усиления теней, лежавших на большей части гробниц. Маленькие жертвенные свечи бросали слабый свет на некоторые статуи.

Татагатха прошел через двор и остановился против возвышающейся статуи Кали; у ее ног мигала крошечная лампа. Улыбка Кали казалась пластичной и подвижной, когда богиня смотрела на стоявшего перед ней человека.

На ее протянутой руке висел малиновый душащий шнур, зацепленный одной петлей за острие ее кинжала.

Татагатха улыбнулся ей, и она как бы нахмурилась.

— Покорись, моя дорогая,— сказал он.— Ты проиграла этот раунд.

Она, казалось, кивнула, соглашаясь.

— Я рад, что добился такого высокого признания с твоей стороны за столь короткое время,— продолжал он.— Но даже если бы тебе и удалось, старушка, это принесло бы тебе мало хорошего. Теперь уже слишком поздно. Я кое-что начал, и ты не можешь уничтожить сделанное. Слишком много слышалось древних слов. Ты думала,

что они пропали, и я так думал. Но мы оба ошиблись. Религия, которой ты правишь, очень древняя, но и мой протест тоже имеет давние традиции. Так что зови меня протестантом и помни — теперь я больше, чем просто человек. Прощай!

Он оставил Храм и гробницу Кали, где глаза Ямы пристально смотрели ему в спину.

* * *

Прошло много месяцев, прежде чем чудо свершилось, а когда оно свершилось, оно не казалось чудом, потому что возникало медленно и постепенно.

Ральд, пришедший с севера, когда по стране дули весенние ветры, Ральд, несший смерть на своей руке и черный огонь в глазах, Ральд, с белыми бровями и остроконечными ушами, заговорил однажды днем, когда весна уже прошла, и длинные летние дни жарко висели над Мостом Богов. Он заговорил своим неожиданным баритоном, отвечая на вопрос путешественника.

Тот задал ему второй вопрос, а затем третий.

Ральд продолжал говорить, и несколько других монахов и пилигримов собрались вокруг него. Ответы следовали за вопросами, которые задавались теперь всеми, становились все длиннее и длиннее, потому что сделались сравнениями, примерами, аллегориями.

Затем все сели у его ног, и его темные глаза стали странными озерами, и голос его шел как бы с Неба, чистый, мягкий, мелодичный и убедительный.

Они слушали. Затем путешественники пошли своей дорогой. Но по пути они встречались с другими путешественниками и разговаривали с ними, так что, прежде чем лето кончилось, пилигримы шли в пурпурную рощу, просили встречи с учеником Будды и слушали его слова.

Татагатха разделил с ним проповедование. Они вместе учили Пути Восьмисложной Тропы, говорили о славе Нирваны, о иллюзии мира и о целях, какие мир накладывает на человека.

А затем настало время, когда даже сладкоречивый Татагатха слушал слова своего ученика, который переваривал все, что проповедовал Будда, долго и глубоко размышлял над этим, и теперь, когда нашел вход в тайное море, погружал свою твердую как сталь руку в места скрытых вод и брызгал истиной на головы слушателей.

Лето кончилось. Теперь уже не было сомнения, что просветленность имеют двое: Татагатха и его маленький ученик, которого здесь звали Сугатой. Говорили даже, что Сугата — целитель, и что когда его глаза странно сияют, а ледяное прикосновение его рук проходит по искривленному члену тела больного, этот член выпрямляется. Говорили, что к слепым внезапно возвращается зрение во время проповеди Сугаты.

Сугата верил в две вещи: в Путь Спасения и в Татагатху, Будду.

— Просветленный,— сказал он однажды Татагатхе,— моя жизнь была пуста, пока ты не открыл мне Истинную Тропу. Когда ты получил свою просветленность, до того, как стал нашим Учителем,

было ли это, как напор огня, как рев воды, и ты везде, и ты часть всего — облаков и деревьев, животных в лесу, всех людей, снега на горных вершинах и костей в поле?

— Да,— сказал Татагатха.

— Я тоже познал радость всех вещей,— сказал Сугата.— Теперь я понимаю, почему ты однажды сказал, что все идет к тебе. Ты принес в мир такое учение — я понимаю, почему боги завидуют. Бедные боги! Они достойны жалости. Но ты знаешь. Ты знаешь все.

Татагатха не ответил.

* * *

Когда весенние ветры снова пронеслись по земле, год прошел полный цикл после прибытия второго Будды, с Неба однажды раздался страшный визг.

Граждане Аландила поворачивались на улицах и глядели в небо. Шудры в полях бросили работу и смотрели вверх. В большом Храме на холме настала внезапная тишина. В пурпурной роще за городом монахи повернули головы.

Оно шло с неба — существо, рожденное править ветром.

Оно шло с севера — зеленое и красное, желтое и коричневое... *Оно* скользило, как в танце, дорогой его был воздух.

Послышался другой визг, а затем биение мощных крыльев, когда *Оно* поднималось над облаками, чтобы стать крошечной черной точкой.

А затем *оно* упало, как метеор, горя в пламени, все его цвета сверкали и ярко горели, когда *оно* росло и увеличивалось, и нельзя было поверить, что может быть живое существо таких размеров, такого движения, такого великолепия...

В небе темнела легендарная полуптица, полудух.

Верховное животное Вишну. Его клюв разбивал колесницы.

Над Аландилом кружилась птица Гаруда.

Покружилась и ушла за каменистые холмы, стоявшие позади города.

— Гаруда! — неслось по городу, по полям, в Храме, в роще.

Она летела не одна; и все знали, что только бог может пользоваться Птицей Гарудой как ездовым животным.

Затем наступила тишина. После визга и грохота крыльев казалось естественным, что голоса понизились до шепота.

Просветленный стоял на дороге перед рощей, его монахи столпились вокруг. Все повернулись к каменистым холмам.

Сугата подошел и встал рядом с Татагатхой.

— Это было всего лишь прошлой весной...— сказал он.

Татагатха кивнул.

— ...Ральд не выполнил поручения, и вот новая вещь идет с Неба?

Будда пожал плечами.

— Я боюсь за тебя, мой учитель,— сказал Сугата.— Во всех моих жизненных циклах только ты и был мне другом. Твое учение дало мне мир. Почему они не могут оставить тебя в покое? Ты са-

мый безвредный из людей, и твое учение самое благородное и мягкое; какое зло ты можешь принести?

Будда отвернулся.

В этот момент Птица Гаруда, сотрясая воздух и издав резкий крик раскрытым клювом, снова взмыла над холмами. На этот раз она не кружила над городом, а поднялась высоко в небо и полетела на север с такой скоростью, что мгновенно исчезла из виду.

— Ее наездник слез и остался,— предположил Сугата.

Будда пошел в пурпурную рощу.

* * *

Он пришел из-за каменистых холмов пешком.

Он шел по каменной тропе, и его красные кожаные сапоги ступали совершенно бесшумно.

Вдали слышался шум бегущей воды. Маленький поток ее пересек ему путь. Подвернув свой ярко-алый плащ, он пошел в обход тропы. Рубиновая рукоятка его кривой сабли сверкала в малиновых ножнах.

Обогнув скалу, он остановился. Вдали его кто-то ждал, стоя у бревна, перекинутого через овраг, где бежал поток.

Его глаза на миг сузились, но затем он снова двинулся вперед.

Там стоял невысокий человек в черной одежде пилигрима и кожаных доспехах, с которых свисало короткое лезвие из светлой стали. Голова человека была почти лысой, если не считать маленького пучка седых волос. Брови над темными глазами белые, кожа бледная; уши казались заостренными.

Путешественник поднял руку и сказал этому человеку:

— Доброе утро, пилигрим.

Человек не ответил, но загородил путь, встав перед бревном.

— Прости меня, добрый паломник, но я собираюсь пройти здесь, а ты затрудняешь мне проход,— сказал пришедший.

— Ты ошибаешься, господин Яма, если думаешь, что готов пройти здесь,— ответил человек.

Человек в красном улыбнулся, показав ряд белых зубов.

— Приятно, когда тебя узнают,— сказал он,— даже те, кто заблуждается в другом.

— Я огражден не словами,— сказал человек в черном.

— Вот как?— другой поднял брови преувеличенно-вопросительно.— Чем же ты огражден? Уж не этой ли полоской металла, которую ты носишь?

— Ни чем иным.

— А я принял ее сначала за какую-то варварскую молитвенную палочку. Я знаю, что этот район полон странными культами и примитивными сектами. На минуту я принял тебя за приверженца какого-то такого суеверия. Но если, как ты сказал, это оружие, тогда я верю, что ты знаком с его употреблением.

— В какой-то мере,— ответил человек в черном.

— Это хорошо,— сказал Яма,— потому что я не люблю убивать людей, которые не знают, что их ждет. Однако, я вынужден указать

тебе, что когда ты встанешь перед судом Высочайшего, ты будешь считаться самоубийцей.

Другой слегка улыбнулся.

— В любое время, когда ты будешь готов, бог смерти, я облегчу твоему духу выход из его плотской оболочки.

— Повтори еще раз,— сказал Яма,— и я быстро положу конец беседе. Назови свое имя для передачи жрецам, чтобы они знали, для кого совершить обряды.

— Я отказался от своего последнего имени некоторое время назад,— ответил человек в черном.— Поэтому супруг Кали принесет смерть безымянному.

— Ральд, ты дурак,— сказал Яма и вытащил свое оружие.

Человек в черном достал свое.

— Так и полагается, чтобы ты пошел к своей судьбе безымянным. Ты изменил своей богине.

— Жизнь полна измены,— ответил тот.— Вот и теперь, выступая таким способом против тебя, я изменяю учению моего нового Мастера. Но я должен следовать велению своего сердца. Ни мое прошлое имя, ни новое, следовательно, не подходят мне, я их не заслужил; так что не зови меня по имени!

И его клинок стал огнем, прыгающим отовсюду, звенящим, сверкающим.

Перед этим нападением Яма отступал шаг за шагом и только двигал кистью, парируя удары, несшиеся на него со всех сторон.

Отступив на десять шагов, Яма твердо встал и больше не двигался. Его парирующие удары стали несколько шире, а выпады его теперь стали более неожиданными и разнообразились ложными атаками.

Так они щеголяли клинками, пока не покрылись потом; затем Яма форсировал выпады, заставив противника отступать. Шаг за шагом он вернул себе отданные десять шагов.

Когда они снова встали на том месте, где начали, Яма признал под звон стали:

— А ты здорово выучил свои уроки, Ральд! Поздравляю!

В это время его противник провел свой клинок через хитроумный двойной ложный выпад и легким прикосновением разрезал плечо Ямы. На яркой одежде мгновенно выступила кровь.

Яма бросился вперед, сбил защиту с шеи противника и нанес удар, который мог обезглавить врага.

Человек в черном поднял защиту, потряс головой, парировал второй удар и бросился вперед, но его удар тоже был отпарирован.

— Смерть вымыла ошейник на твоем горле,— сказал Яма,— но я найду и другой вход,— и его сабля запела звонкую песню, когда он попытался нанести удар снизу.

Яма дал полную волю ярости этому клинку, укрепленному столетиями и мастерами многих веков. Однако, противник все шире отражал его атаки и, отступая теперь все быстрее, все-таки ухитрялся сдерживать Яму, делая контрвыпады.

Он отступил до самого потока. Тогда Яма медленно сказал:

— Полстолетия назад, когда ты был на короткое время моим питомцем, я говорил себе: «Этот парень имеет в себе задатки Мастера». И я не ошибся, Ральд. Ты, вероятно, величайший меченосец из всех веков, какие я могу вспомнить. Я могу почти простить отступничество, когда вижу твою ловкость. Да, жаль...

Он сделал обманный выпад в грудь, но в последний момент обошел парирующий удар и ударил краем лезвия выше запястья противника.

Человек в черном, яростно парируя и задев Яму по голове, отпрыгнул назад и занял позицию у конца бревна, перекинутого через овраг, где бежал поток.

— И рука тоже, Ральд! Да, богиня намыла тебе защиту! Попробуем здесь!

Сталь взвизгнула, когда он схватил ее особым приемом и сделал зарубку на бицепсе врага.

— Ага! Это место она пропустила! Попробуем другое!

Лезвия скрещивались, ударяли, парировали, отвечали.

Яма применил хитроумную атаку, и его длинная сабля снова пустила кровь из плеча противника.

Человек в черном шагнул на бревно и нанес жестокий удар в голову Ямы, но тот отбил его. Торопясь атаковать, Яма заставил противника пятиться по бревну, а затем лягнул его в бок.

Человек в черном отскочил на противоположный берег. Как только его ноги коснулись земли, он тоже лягнул противника, так что бревно пришло в движение.

Оно покатилось, прежде чем Яма успел оседлать его, и, соскользнув с берегов, обрушилось вниз, в поток, и поплыло к западу.

— Я бы сказал, тут нужен всего-то семи или восьмифутовый прыжок, Яма! Давай прыгай! — крикнул человек в черном.

Бог смерти улыбнулся.

— Дыши, пока можешь,— сказал он.— Дыхание — это наименее ценимый дар богов. Никто не поет ему гимны и не молится хорошему воздуху, который вдыхают король и нищий, мастер и собака. Но каково без него! Цени каждый вздох, Ральд, как будто он твой последний, потому что до последнего тоже рукой подать!

— Ты, говорят, мудр в этих делах, Яма,— сказал тот, кого называли Ральдом и Сугатой.— Говорят, ты бог, и твое королевство — смерть, и твои знания простираются далеко за пределы понимания смертных. Поэтому я хотел бы спросить тебя, пока мы стоим без дела.

Яма не улыбнулся своей насмешливой улыбкой, как улыбался при всех предшествующих заявлениях своего противника. Эти слова имели отношение к ритуалу.

— Что ты желаешь знать? Я дарую тебе предсмертное право задать вопросы.

Человек, которого звали Ральд и Сугата, запел древние слова Катха Упанишад:

— Когда человек умер, насчет этого всегда сомнения: одни гово-

рят, что он еще существует, а другие говорят, что нет. Я хотел бы узнать об этом от тебя.

Яма ответил древними словами:

— Насчет этого сомневаются даже боги. И это нетрудно понять, потому что природа *атмана* вещь тонкая. Задай другой вопрос. Избавь меня от этого блага.

— Прости меня, что это прежде всего пришло мне на ум, о Смерть, но другого такого учителя, как ты, не найти, и, конечно, нет другого блага, которого я желал бы больше в эту минуту.

— Оставайся жив и иди своей дорогой,— сказал Яма, вкладывая саблю в ножны.— Я освобождаю тебя от твоей участи. Выбери сыновей и внуков; выбери слонов, лошадей, стада и золото. Выбирай любые другие блага — красивых девушек, колесницы, музыкальные инструменты. Я дам их тебе, и они будут ждать тебя. Но не спрашивай меня о смерти.

— О, Смерть,— запел тот,— все это длится лишь до завтрашнего дня. Оставь своих девушек, лошадей, танцы и песни для себя. Я приму только одно благо, которое просил — скажи мне, о Смерть, что лежит за пределами жизни, и в чем сомневаются люди и боги?

Яма стоял неподвижно и не продолжал поэму.

— Ладно, Ральд,— сказал он, и его глаза впились в глаза другого,— но об этом царстве словами не расскажешь. Я должен показать тебе.

Они стояли так секунду, а затем человек в черном упал, закрыл лицо руками, и из его горла вырвался единственный всхлип.

Когда это произошло, Яма снял с плеч свой плащ и швырнул его, как сеть, через овраг.

Утяжеленный в рубцах для такого маневра, плащ упал, как сеть, на противника Ямы.

Пока человек в черном дергал плечами, стараясь освободиться, он услышал быстрый топот и треск: кроваво-красные сапоги Ямы ударились на этой стороне оврага. Откинув в сторону плащ и подняв свою защиту, Ральд парировал новую атаку Ямы. Земля позади него поднималась холмом, и он все отступал, ища, где можно остановиться, так что голова Ямы приходилась теперь на уровне его пояса. И он ударил вниз, по Яме. Яма медленно пробивался наверх.

— Бог смерти, бог смерти,— пел Сугата,— прости мне мой дерзкий вопрос, но скажи, не солгал ли ты.

— Ты скоро узнаешь об этом,— сказал Яма и нанес удар, который мог бы пробить человека насквозь. Но лезвие отскочило от груди противника.

Дойдя до места, где грунт был неровным, маленький человек начал пинать землю ногами, посылая на врага потоки пыли и гравия. Яма прикрыл глаза левой рукой, но тогда на него посыпались сверху более крупные камни. Они катились под ноги, Яма поскользнулся, упал и съехал вниз по склону. Его противник стал выворачивать более тяжелые камни, даже сдвинул большой валун и сам последовал за ним вниз, высоко подняв кинжал.

Неспособный встать на ноги, чтобы своевременно отразить ата-

ку, Яма катился к потоку. Ему удалось задержаться на краю, но он увидел катящийся валун и подался в сторону. Пока он цеплялся обеими руками за землю, его сабля скатилась вниз, в воду.

Стоя в неудобном согнутом положении, он достал кинжал и все-таки сумел отпарировать высокий замах лезвия противника.

Затем его левая рука метнулась вперед и схватила запястье, держащее лезвие. Он ударил кинжалом снизу вверх и почувствовал, что и его запястье схвачено.

Так они стояли, замкнув сопротивление друг друга. Затем Яма сел и повернулся в сторону, отталкивая от себя противника. Но оба держали друг друга крепко и от силы толчка покатились. Край оврага оказался рядом, под ними, над ними. Кинжал выпал из руки Ямы и ушел на дно.

Когда они снова поднялись на поверхность воды, чтобы перевести дух, оба держали в руках только воду.

— Наступает время последнего крещения,— сказал Яма и ударил левой. Другой парировал удар.

Они двигались влево по воде, пока не почувствовали под ногами камни. Тогда они, сражаясь, пошли вдоль потока.

Поток расширялся и углублялся, пока вода не закружилась вокруг их талий. Берега стали более пологими и местами доходили почти до поверхности воды.

Яма наносил удар за ударом, то кулаком, то ребром ладони; но он как будто нападал на статую, потому что тот, кто был священным палачом Кали, принимал любой удар, не меняясь в лице, и возвращал кулачные удары с костоломной силой. Большая часть этих ударов замедлялась водой или блокировалась Ямой, но один попал Яме между грудной клеткой и тазовой костью, а другой скользнул по левому плечу и отскочил от щеки.

Яма бросился нанести ответный удар и наглотался воды.

Противник навалился на него и получил удар красным сапогом между нечувствительными местами. Он продолжал двигаться к голове Ямы.

Яма встал на колени и повернулся. Противник хотел встать на ноги и выхватил из-за пояса кинжал, но упал на корточки; лицо его было все еще бесстрастным.

На миг их глаза встретились, но на этот раз Ральд не дрогнул.

— Теперь я могу встретить твой смертельный взгляд, Яма,— сказал он,— и он меня не остановит. Ты научил меня достаточно хорошо!

Когда он сделал выпад, руки Ямы спустились к талии, схватили мокрый пояс и закинули его вокруг бедер противника.

Яма дернул врага и прижал к себе: тот выхватил кинжал. И тогда Яма потащил его толчками назад, к глубокой воде.

— Никто не поет гимнов дыханию,— сказал Яма.— А попробуй обойтись без него!

Он нырнул, увлекая за собой Ральда; руки его держали тело врага как стальными петлями.

Позже, много позже, мокрая фигура стояла у потока. Она сказала медленно, с трудом переводя дух:

— Ты был... величайшим... вставшим против меня... во всех веках, насколько я помню... И в самом деле, жаль...

Затем, перейдя поток, он продолжал свой путь по каменистым холмам. Пешком.

* * *

Войдя в город Аландил, путешественник остановился в первой попавшейся гостинице. Он снял комнату и заказал ванну. Пока он мылся, слуга вычистил его одежду.

Перед тем как обедать, он подошел к окну и выглянул на улицу. Оттуда шел сильный запах слизарда и шум многих голосов.

Люди покидали город. Во дворе за домом шли приготовления к утреннему отъезду каравана. В эту ночь заканчивался весенний фестиваль. Внизу на улице еще торговали, матери уговаривали уставших детей, местный принц со своими людьми возвращался с охоты: на спине слизарда были привязаны два огненных петуха. Путешественник наблюдал за усталой проституткой, спорившей о чем-то со жрецом, который выглядел еще более усталым. Он не переставал трясти головой и в конце концов пошел прочь. Одна луна уже висела в небе, сквозь Мост Богов она казалась золотой, а вторая, меньшая луна только что появилась над горизонтом. Вечерний воздух пощипывал холодом и нес с собой над запахами города ароматы весенней растительности — молодых побегов, свежей травы, чистый запах сине-зеленой весенней пшеницы, влажной земли, мутного разлива реки. Наклонившись, путешественник увидел стоящий на холме Храм.

Он велел слуге принести ему обед в комнату и послать за местным торговцем.

Он ел медленно, не слишком обращая внимания на то, что ест. Когда он покончил с едой, вошел торговец.

Под его плащом было множество образцов товара. Путешественник в конце концов выбрал длинный изогнутый клинок и короткий прямой кинжал и сунул то и другое в ножны.

Затем он вышел в ночную прохладу и пошел по изрытой колеями главной улице города. В дверях обнимались влюбленные. Он прошел мимо дома, где плакальщики ожидали чьей-нибудь смерти. Нищий ковылял за ним полквартала, пока он, наконец, не обернулся. Поглядев нищему в глаза, он сказал:

— Ты не хромой.

Нищий заторопился прочь и затерялся в толпе. Над головой начали взлетать в небо фейерверки, посылая вниз, к земле, длинные вишневого цвета ленты. Из Храма донесся звук тыквенных рогов, играющих мелодию *нагасварам*. Из северного прохода вывалился мужчина, налетел на путешественника, и тот, почувствовав, что рука мужчины хватает кошелек на его поясе, сломал человеку запястье. Человек разразился проклятиями и звал на помощь, но путешественник столкнул его в дренажную канаву и пошел дальше, одним темным взглядом отогнав двух товарищей вора.

Наконец он подошел к Храму, помедлил немного и прошел внутрь.

Он вошел во внутренний двор вслед за жрецом, который нес маленькую статую из внешней ниши.

Он оглядел двор и быстро направился к месту, занятому статуей богини Кали. Он долго смотрел на нее, положив свой клинок у ее ног. Когда он снова поднял саблю и повернулся, он увидел, что жрец наблюдает за ним. Он кивнул жрецу, и тот немедленно подошел и поздоровался.

— Добрый вечер, жрец,— ответил путешественник.

— Да очистит Кали твое лезвие, воин.

— Спасибо. Она очистила.

— Ты говоришь так, будто знаешь это наверняка.

— А это с моей стороны самонадеянно?

— Ну, может быть, это не в лучшем стиле...

— Тем не менее, я чувствовал, как ее сила снизошла на меня, когда я смотрел на ее гробницу.

Жрец пожал плечами.

— Несмотря на мою должность,— сказал он,— я держусь подальше от этого ощущения силы.

— Ты боишься ее силы?

— Скажем так, несмотря на великолепие гробницы Кали, ее посещают не так часто, как гробницы Лакшми, Сарасваты, Шакти, Ситалы, Ратри и других менее пугающих богинь.

— Но она больше, чем любая из них.

— И более страшная.

— Да? Несмотря на ее силу, она справедливая богиня.

Жрец улыбнулся.

— Разве человек, перешедший границу возраста, желает справедливости? Что касается меня, я нахожу милосердие куда более привлекательным. Дай мне когда-нибудь прощающее божество.

— Хорошо,— сказал путешественник,— но я, как ты сказал, воин. И по своей природе близок к ней. Мы с богиней думаем одинаково. В большинстве случаев мы соглашаемся. А когда не соглашаемся, я вспоминаю, что она также и женщина.

— Я живу здесь,— сказал жрец,— но не говорю так интимно о богах, о которых забочусь.

— На людях — да. Ты мне не говори о жрецах. Я пил со многими из вас и знаю, что вы такие же богохульники, как и все остальное человечество.

— Для всего есть время и место,— сказал жрец, оглядываясь на статую Кали.

— Ну-ка, скажи, почему основание статуи Ямы давно не чищено? Оно все в пыли.

— Его чистили только вчера. Но с тех пор многие проходили перед ним, и остались заметные следы.

— Почему же тогда у его ног не лежат подношения и остатки жертвоприношений?

— Смерти не приносят цветов,— сказал жрец.— Люди просто

приходят, посмотрят и уходят. Мы, жрецы, всегда чувствовали, что обе статуи расположены очень хорошо. Они составляют страшную пару, верно? Смерть и владычица разрушений.

— Мощное звено,— ответил посетитель.— Но не хочешь ли ты сказать, что Яме никто не приносит жертв? Вообще никто?

— Только мы, жрецы, когда того требует календарь набожности, и иногда горожане, когда любимый человек лежит на смертном ложе, а в непосредственном перевоплощении ему отказано — вот и все, других нет. Я ни разу не видел, чтобы Яме приносили жертву просто так, искренне, от доброй воли, от сердца.

— Он, наверное, обижается.

— Нет, воин. Разве не все живые существа сами по себе жертвы Смерти?

— Да, ты говоришь правду. Зачем ему добрая воля и чувства? Дары не обязательны, он и так возьмет, что захочет.

— И Кали тоже,— согласился жрец.— И в случае обоих божеств я часто оправдываю атеизм. К несчастью, они проявляют себя в мире чрезвычайно сильно, чтобы их существование можно было эффективно отрицать. Очень жаль.

Воин засмеялся.

— Жрец, не желающий верить! Я тоже. Меня это смешит. На-ка вот, купи себе бочонок сомы... для жертвенных целей.

— Спасибо, воин. Куплю. Не пойдешь ли со мной на небольшое возлияние в честь Храма?

— Клянусь Кали, пойду! — сказал воин.— Только немного.

Он пошел со жрецом в центральное здание и спустился по лестнице в келью, где стоял бочонок сомы и две чаши.

— За твое здоровье и долгую жизнь,— сказал воин, поднимая чашу.

— За твоих ужасных покровителей — Яму и Кали,— ответил жрец.

— Спасибо.

Они залпом выпили крепкое пойло, и жрец зачерпнул еще две чаши.

— Согреть горло в холодную ночь.

— Отлично.

— Приятно видеть, что некоторые путешественники уезжают,— сказал жрец.— Их набожность обогащает Храм, но они очень сильно утомляют штат.

— За отъезд пилигримов!

Снова выпили.

— Я думаю, что большинство их прибыло, чтобы увидеть Будду,— сказал Яма.

— Это правда. Но с другой стороны, они не хотят вызвать этим вражду богов. Так что, прежде чем идти в пурпурную рощу, они обычно приносят жертвы или дают Храму на молитвы.

— Что ты знаешь о так называемом Татагатхе и его учении?

Жрец отвел глаза.

— Я жрец богов и брамин. Я не желаю говорить об этом человеке.

— Значит, он насолил и тебе тоже?

— Хватит! Я пояснил тебе свои желания. Об этом я разговаривать не буду.

— Это дело не имеет значения. Оставим это. Спасибо тебе за сому. Спокойной ночи, жрец.

— Спокойной ночи, воин. Пусть боги улыбаются на твоей дороге.

— И на твоей тоже.

Поднявшись по лестнице, Яма вышел из Храма и пошел через город. Пешком.

* * *

Когда он подошел к пурпурной роще, на небе было три луны, за деревьями слабо светили лагерные огни, в небе над городом отсветы огня. Влажный ветер шевелил растительность.

Яма бесшумно вошел в рощу.

Выйдя на освещенное место, он оказался перед рядами неподвижно сидевших фигур. Все они были в желтых плащах с желтыми же капюшонами, натянутыми на голову. Они сидели тут сотнями, не издавая ни звука.

Он подошел к ближайшей фигуре.

— Я пришел увидеть Татагатху, Будду.

Человек, казалось, не слышал.

— Где он?

Человек не ответил.

Яма наклонился и посмотрел в полузакрытые глаза монаха. Человек будто спал, и их взгляды не встретились.

Тогда он возвысил голос, чтобы все в роще услышали:

— Я пришел увидеть Татагатху, Будду. Где он?

Он словно бы обращался к камням.

— Не думаете ли вы спрятать его таким манером? — крикнул он. — Не думаете ли вы, что если вас много и вы одинаково одеты, я не найду его среди вас?

Только вздох ветра, идущего с другого конца рощи. Свет замерцал, зашевелились пурпурные листья.

Яма засмеялся.

— В этом, возможно, вы и правы, — согласился он. — Но когда-нибудь вам придется двигаться, если вы хотите остаться живыми. А я могу ждать так же долго, как и всякий другой.

И он сел на землю, прислонившись к коре высокого дерева и положив на колени свой клинок.

Его тут же охватила дремота. Голова несколько раз кивала и дергалась вверх. Затем он уронил подбородок на грудь и захрапел.

Он шел через сине-зеленую равнину, и травы расступались перед ним. В конце этой тропы стояло массивное дерево, которое как бы не

росло на земле, а держало весь мир своими корнями, и его ветви достигали звезд.

У подножия дерева сидел, скрестив ноги, человек с легкой улыбкой на губах. Яма знал, что этот человек — Будда, подошел и встал перед ним.

— Приветствую, о Смерть,— сказал сидящий, увенчанный розовым ореолом, ярко сиявшим в тени дерева.

Яма не ответил, но вытащил свой клинок.

Будда продолжал улыбаться, и Яма, шагнув вперед, услышал звуки далекой музыки.

Он остановился и оглянулся вокруг, подняв клинок вверх.

Они шли с четырех сторон, четыре Регента мира, спустившиеся с горы Шумерну: впереди Мастер Севера, сопровождаемый своими Якшасами, одетыми в золото, на желтых лошадях, в сверкающих золотом доспехах; затем Ангел Юга в сопровождении своих воинов Кумбхандов, на голубых конях, с сапфировыми щитами; с Востока ехал Регент, чьи конники были в серебряных одеждах и с жемчужными щитами; а с Запада пришел Тот, чьи Наги ехали на кроваво-красных лошадях, в красной одежде, и несли перед собой коралловые щиты. Копыта лошадей не касались травы. В воздухе была слышна только музыка, и она становилась все громче.

— Зачем приближаются Регенты мира?— спросил Яма.

— Они идут, чтобы унести мои кости,— ответил Будда, продолжая улыбаться.

Четыре Регента натянули поводья. Их отряды остановились позади. Яма стоял перед Регентами.

— Вы пришли унести его кости,— сказал Яма.— А кто придет за вашими?

Регенты спешились.

— Ты не можешь взять этого человека,— сказал Мастер Севера,— потому что он принадлежит всему миру, и мы от имени мира будем защищать его.

— Послушайте, Регенты, живущие на Шумерну,— сказал Яма, принимая свой Аспект,— в ваши руки отдана забота о планете, но Смерть берет с нее кого захочет и когда захочет. Вам не дано оспаривать мои Атрибуты и способы их работы.

Четыре Регента встали между Ямой и Татагатхой.

— Мы оспариваем твой путь насчет этого человека, господин Яма, потому что в его руках судьба нашего мира. Ты коснешься его только после того, как уничтожишь четыре Силы.

— Пусть будет так,— сказал Яма.— Кто из вас первый выступит против меня?

— Я,— сказал говоривший, поднимая свое золотое лезвие.

Яма, в своем Аспекте, разрезал мягкий металл, как масло, ударил плашмя своей саблей по голове Регента, и тот растянулся на земле.

Из ряда Якшасов раздался громкий крик; двое золотых всадников выступили вперед, чтобы унести своего вождя. Затем они повернули лошадей и поехали обратно на Север.

— Кто следующий?

К нему подошел Регент Востока с прямым серебряным клинком и сетью, сплетенной из лунного света.

— Я,— сказал он и швырнул сеть.

Яма наступил на нее ногой, схватил руками и дернул. Регент, потеряв равновесие, качнулся вперед, и Яма ударил его в челюсть рукояткой сабли.

Два серебряных воина посмотрели на Яму, опустили глаза и повезли своего господина на Восток; вслед за ними неслась нестройная музыка.

— Следующий! — сказал Яма.

Перед ним встал дородный глава Нагов; он отбросил оружие и сорвал с себя тунику, говоря:

— Я буду бороться с тобой, бог смерти.

Яма отложил в сторону оружие и снял верхнюю одежду.

Пока все это происходило, Будда сидел в тени громадного дерева и улыбался, словно эти стычки не имели для него никакого значения.

Глава Нагов схватил Яму левой рукой за шею и дернул его голову вперед. Яма сделал то же самое. Регент нагнулся, забросил правую руку на левое плечо и шею Ямы и сцепил пальцы обеих рук, резко нагибая голову Ямы к своему бедру. Но Яма, протянув левую руку, схватил Регента за левое плечо, а правой — под коленками, и таким образом поднял его ноги над землей, не выпуская его плеча.

Несколько секунд он баюкал Регента в руках, как ребенка, затем поднял на уровень плеч и отпустил руки.

Когда Регент ударился о землю, Яма упал коленями на него, но тут же вскочил. Регент же не встал.

Когда всадники Запада уехали, перед Буддой стоял только Ангел Юга в голубой одежде.

— А ты? — спросил бог смерти, вновь поднимая свое оружие.

— Я не подниму ни стального оружия, ни кожи, ни камня против тебя, бог смерти. И не противопоставлю силу своего тела твоей силе,— сказал Ангел.— Я знаю, что эти вещи бесполезны, потому что никто не может совладать с тобой с помощью оружия.

— Тогда залезай обратно на свою голубую клячу и проваливай,— сказал Яма,— раз не хочешь драться.

Ангел не ответил, но подбросил в воздух свой голубой щит. Тот закружился, как сапфировое колесо, и повис в воздухе.

Затем щит упал на землю и стал бесшумно погружаться в нее. Он скоро исчез из виду, и трава снова сомкнулась над местом, куда он упал.

— Что это означает? — спросил Яма.

— Я не спорю активно. Я только защищаю. Моя сила в пассивном сопротивлении. У меня сила жизни, как у тебя — сила смерти. Ты можешь уничтожить любое, что я пошлю против тебя, но ты не можешь уничтожить все, о Смерть. Моя сила — щит, а не меч. Жизнь встанет против тебя, Господин Яма, чтобы защитить твою жертву.

Голубой Ангел повернулся, сел на голубого коня и поехал на Юг,

сопровождаемый своими Кумбхандами. Звуки музыки не ушли за ним, но остались в воздухе.

Яма шагнул вперед, подняв саблю.

— Твои усилия ни к чему не привели,— сказал он.— Твой час настал.— И он ударил клинком.

Удар, однако, не состоялся, потому что ветка громадного дерева упала между Ямой и Буддой и выбила саблю из рук Ямы.

Он потянулся за оружием, но трава склонилась и сплелась над саблей в плотную, неразрушимую сетку.

Ругаясь, Яма вытащил кинжал и снова ударил.

Мощная ветвь наклонилась и качнулась перед мишенью, так что лезвие глубоко ушло в древесину. Затем ветвь снова поднялась к небу, унося с собой оружие.

Глаза Будды закрылись в медитации. Его ореол сиял в тени.

Яма сделал еще шаг, подняв руки, но трава заплелась вокруг его лодыжек и удержала на месте. Он некоторое время боролся, дергая неподатливые корни, но затем поднял обе руки вверх и закинул голову назад. Смерть прыгала из его глаз.

— Услышьте меня, о Могучие!— закричал он.— С этой минуты на этом месте лежит проклятие Ямы! Ни одно живое существо никогда не шевельнется снова на этой земле! Не запоет птица, не проползет змея! Это место будет голым и застывшим, местом камней и зыбучего песка! Ни одна травинка не поднимется здесь! Я высказываю это проклятие и накладываю смерть на защитников моего врага!

Трава стала вянуть, но прежде, чем она освободила Яму, послышался страшный треск, когда дерево, чьи корни держали весь мир и чьи ветви хватали звезды, качнулось вперед и сломалось посередине; верхние его ветви раздирали небо, корни открыли пропасти в земле, листья сыпались сине-зеленым дождем. Массивная часть ствола упала перед Ямой, бросив темную, как ночь, тень.

Яма все еще видел вдалеке Будду, сидевшего в медитации и как бы не знающего о хаосе, разверзшемся вокруг него.

Затем только тьма и звук, похожий на раскат грома.

* * *

Яма дернул головой, глаза его резко открылись.

Он сидел в пурпурной роще, прислонившись к синему стволу дерева; его сабля лежала на коленях.

Ничто, казалось, не изменилось.

Ряды монахов сидели перед ним как бы в медитации. Ветер был таким же холодным и влажным, и свет все еще мерцал.

Яма встал, каким-то образом поняв, куда ему следует идти, чтобы найти желаемое.

Он прошел мимо монахов по хорошо утоптанной тропе далеко вглубь леса.

Он дошел до пурпурного павильона, но павильон был пуст.

Он пошел дальше, где лес стал гуще. Земля здесь была сырая,

опускался слабый туман. Но тропа перед ним была все еще ясно заметна, освещаемая светом трех лун.

Путь шел под уклон, синие и пурпурные деревья были здесь ниже и более искривлены. По бокам тропы начали появляться небольшие лужи с плавающими островками лишайника и серебряной пены. Запах болота ударил в ноздри Ямы. Из зарослей кустов слышалось хриплое дыхание неведомых существ.

Далеко позади он услышал пение и сообразил, что монахи, которых он оставил, теперь проснулись и бродят по роще. Они покончили со своей задачей: объединив мысли, послали ему видение непобедимости их вождя. Это пение, вероятно, было сигналом отбоя...

Вот!

Он сидел на камне среди поляны, в полном лунном свете. Яма вынул свой клинок и пошел вперед.

Когда он был шагах в двадцати от сидящего, тот повернул голову.

— Приветствую, о Смерть,— сказал он.

— Приветствую, Татагатха.

— Зачем ты здесь?

— Было решено, что Будда должен умереть.

— Это не ответ на мой вопрос. Зачем ты пришел сюда?

— Разве ты не Будда?

— Меня называли Буддой, и Татагатхой, и Просветленным, и многими другими именами. Но, отвечая на твой вопрос, скажу: нет, я не Будда. Тебе уже удалось сделать то, что ты намереваешься: убить настоящего Будду.

— В моей памяти, как видно, провал: я, признаться, не помню, чтобы сделал такое.

— Настоящего Будду мы называли Сугатой. А до этого он был известен как Ральд.

— Ральд! — Яма хмыкнул.— Ты пытаешься уверить меня, что он был больше чем простым палачом, которого ты отговорил заниматься его ремеслом?

— Многих палачей отговаривали от выполнения их работы,— ответил человек, сидящий на камне.— Ральд добровольно отказался от своей миссии и вступил на Путь. Из всех, кого я знаю, он единственный действительно получил Просветление.

— Ведь ты распространяешь тут пацифистскую религию?

— Да.

Яма откинул голову и расхохотался.

— Боги! Хорошо еще, что ты не проповедуешь милитаристскую! Твой лучший ученик, Просветленный и все такое, едва не получил мою голову в этот день.

Усталый взгляд пробился сквозь отрешенное выражение лица Будды.

— Ты думаешь, он и в самом деле мог бы побить тебя?

Яма помолчал, а потом сказал:

— Нет.

— Как ты думаешь, он знал это?

— Возможно.

— А ты знал его раньше, до этой встречи? Ты видел его в деле?

— Да. Мы были знакомы.

— Значит, он знал твое мастерство и понимал исход стычки.

Яма промолчал.

— Он добровольно пошел к своей мученической судьбе и не поставил меня в известность. Не думаю, что он пошел с реальной надеждой победить тебя.

— Тогда зачем же?

— Доказать суть.

— Что он надеялся доказать таким образом?

— Не знаю. Знаю только, что это было именно так, потому что я знал его. Я очень часто слушал его проповеди, его тонкие притчи, и уверен, что он не мог бы сделать такую вещь без определенной цели. Ты убил истинного Будду, бог смерти. Ты знаешь, кто Я.

— Сиддхарта,— сказал Яма,— я знаю, что ты обманщик. Я знаю, что ты не Просветленный. Я знаю, что твое учение — это вещь, которую мог бы вспомнить любой из Первых. Ты решил воскресить его, уверяя, что ты его автор. Ты решил распространить его в надежде вызвать оппозицию той религии, которой правят истинные боги. Я восхищен твоими усилиями. Это было мудро спланировано и выполнено. Но твоя главная ошибка, я считаю, в том, что ты выбрал пацифистское кредо для борьбы с активным. Мне интересно, зачем ты это сделал, когда мог выбрать из множества религий более подходящую.

— Может, мне как раз интересно было посмотреть, как пойдет такой контрпоток,— ответил тот.

— Нет, Сэм, это не так. Я чувствую, что это лишь часть более широкого плана, задуманного тобой, и что все эти годы, когда ты считался святым и произносил проповеди, в которые сам ничуть не верил, ты строил другие планы. Армия, заняв большое пространство, может стать оппозиционной за короткое время; один человек, занимая мало места, должен растянуть свою оппозицию на многие годы, если у него есть шанс преуспеть. Ты это знаешь и сейчас сеешь семена украденного кредо, планируя двинуться к другой фазе оппозиции. Ты пытаешься в единственном числе стать антитезой Неба, много лет противясь воле богов различными способами и под различными масками. Но этому немедленно будет положен конец, фальшивый Будда!

— Почему, Яма?

— Ради безопасности. Мы не хотели делать из тебя мученика и увеличить этим рост твоего учения. С другой стороны, если тебя не остановить, рост будет продолжаться. Поэтому было решено, что ты должен принять свой конец из рук посланца Неба — это покажет, какая религия сильнее. Так что, будешь ты мучеником или нет, буддизм будет с этих пор считаться второсортной религией. Вот почему ты должен умереть реальной смертью.

— Когда я спросил «почему?», я имел в виду совсем другое. Ты ответил не на тот вопрос. Я имел в виду — почему ты пришел сде-

лать это, Яма? Почему ты, мастер оружия, мастер наук, пришел как лакей по приказу теломенял, не умеющих даже отполировать твой клинок или вымыть твои пробирки? Почему ты, наиболее свободный духом из всех нас, унизился до того, чтобы прислуживать низшим?

— За эти слова твоя смерть не будет легкой.

— Почему? Я задал вопрос, который давно должен был прийти в голову не только ко мне. Я не обиделся, когда ты назвал меня фальшивым Буддой. Я знаю, кто я. А кто ты, бог смерти?

Яма сунул саблю за пояс и достал трубку, которую купил в гостинице. Он набил ее и закурил.

— Ясно, что мы должны поговорить хотя бы для очистки наших мозгов от вопросов,— сказал он,— так что я устроюсь поудобнее.— Он тоже сел на низкий камень.— Во-первых, человек может в чем-то превосходить своих товарищей, но, тем не менее, служить им, если все они служат общему делу, которое больше, чем любое личное. Я уверен, что служу такому делу, иначе я не стал бы этого делать. Ты чувствуешь то же самое относительно своего дела, иначе ты не стал бы вести эту презренную аскетическую жизнь — хотя я заметил, что ты не такой изможденный, как твои последователи. Насколько я помню, тебе предлагали божественность несколько лет назад в Махартхе, а ты посмеялся над Брамой, напал на Дворец Кармы и набил жетонами все молитвенные машины города...

Будда хихикнул. Яма тоже посмеялся с ним и продолжал:

— В мире не осталось ни одного Акселерациониста, кроме тебя. Это тупик, из него никогда не выйдешь на первое место. Я в какой-то мере уважаю манеру, с какой ты вел себя все эти годы. Мне даже пришло в голову, что если бы ты понял безнадежность своего теперешнего положения, тебя можно было бы убедить присоединиться к хозяевам Неба. Хотя я пришел сюда убить тебя, но, если тебя можно убедить, и ты дашь мне слово, что кончишь свою дурацкую борьбу, я поручусь за тебя. Я возьму тебя с собой в Небесный Город, где ты примешь то, от чего однажды отказался. Они послушают меня, потому что я им нужен.

— Нет,— сказал Сэм,— потому что я не убежден в тщетности моего положения и полон решимости продолжать спектакль!

Из лагеря в пурпурной роще донеслось пение. Одна из лун скрылась за вершинами деревьев.

— Почему твои последователи не ломают кусты в стремлении спасти тебя?

— Они придут, если я позову, но я не буду звать. Мне этого не нужно.

— Зачем они наслали на меня этот дурацкий сон?

Будда пожал плечами.

— Почему они не поднялись и не убили меня, пока я спал?

— Это не их путь.

— А ты мог бы? Если никто не узнает, что Будда сделал такое?

— Возможно. Как тебе известно, личные силы и слабости вождя еще не показатель качеств самого дела.

Яма сильно пыхнул трубкой. Дым окутал его голову и слился с туманом, который становился все гуще.

— Я знаю, что мы здесь одни, и ты безоружен,— сказал Яма.

— Мы одни. Мои дорожные принадлежности спрятаны дальше по моей дороге.

— Какие дорожные принадлежности?

— Я здесь закончил. Ты угадал правильно. Я начал то, что собирался начать. Когда мы закончим нашу беседу, я уйду.

Яма засмеялся.

— Оптимизм революционера всегда вызывает удивление. Каким образом ты предполагаешь уйти? На ковре-самолете?

— Я пойду, как всякий другой.

— Это, пожалуй, унизительно для тебя. Может, силы мира поднимутся на твою защиту? Я не вижу громадного дерева, укрывающего тебя ветвями. И здесь нет разумной травы, хватающей меня за ноги. Скажи, как ты устроишь твой уход?

— Я, пожалуй, удивлю тебя.

— А как насчет нашего боя? Я не люблю убивать безоружных. Если у тебя действительно спрятаны какие-то припасы неподалеку, то сходи за своим мечом. Это все-таки лучше, чем вовсе не иметь шансов. К тому же, я слышал, что господин Сиддхарта был в свое время замечательным фехтовальщиком.

— Спасибо, нет. В другой раз, может быть, но не сейчас.

Яма снова выпустил дым, потянулся и зевнул.

— По-моему, у меня больше нет вопросов к тебе. Спорить с тобой бесполезно. Мне больше нечего сказать. Ты можешь что-нибудь еще добавить к разговору?

— Да,— сказал Сэм.— Любит ли кого-нибудь эта сука Кали? Сведения самые разные, их так много, я уж стал думать, что она — для всех мужчин...

Яма отшвырнул трубку. Она задела его по плечу и рассыпала поток искр вдоль его рукава. Он поднял саблю над головой и шагнул вперед.

Когда он ступил на песчаную полосу перед камнем, его движение было остановлено. Он чуть не упал, согнулся, но не мог двинуться, как ни старался.

— Зыбучий песок,— сказал Сэм.— И более быстрый, чем обычно. К счастью, ты попал в более медленную часть. Так что тебе придется оставаться в этом положении довольно долго. Я хотел бы продолжить разговор, если бы думал, что у меня есть шанс убедить тебя присоединиться ко мне. Но я знаю, что мне это не удастся — так же как и ты не убедишь меня идти на Небо.

— Я освобожусь,— тихо сказал Яма, не дрогнув.— Я освобожусь каким-нибудь образом и снова приду за тобой.

— Да,— сказал Сэм,— я чувствую, что так будет. И я даже проинструктирую тебя, как это сделать. Сейчас же ты представляешь собой как раз то, чего желает всякий проповедник: плененную аудиторию, являющуюся оппозицией. Так что я произнесу для тебя короткую проповедь, Господин Яма.

Яма приподнял свою саблю, решил не терять ее и вложил в ножны.

— Проповедуй,— сказал он, и ему удалось поймать глаза Сэма.

Сэм покачнулся, но заговорил снова:

— Поразительно, каким образом твой мутантский мозг генерирует мысль, передающую свою силу любому новому мозгу, который тебе удается захватить. Прошло много лет с тех пор, как я в последний раз пользовался своей единственной способностью, как сделал сейчас — но она тоже работает в той же манере. В каком бы теле я ни обитал, моя сила, оказывается, следует за мной. Я знаю, что это происходит со всеми нами. Я слышал, Ситала может управлять температурой на далеком расстоянии. Когда она берет себе новое тело, сила следует за ней в ее новую нервную систему, но сначала действует очень вяло. Агни, я знаю, может зажигать предметы, пристально глядя на них некоторое время и желая, чтобы они загорелись. Возьмем, к примеру, твой смертельный взгляд, который ты сейчас направил на меня. Разве не поразительно, что ты хранишь этот дар в себе в любом месте и времени целые столетия? Я часто задумывался, какова физиологическая основа этого феномена. Ты когда-нибудь исследовал эту область?

— Да,— сказал Яма; глаза его горели под черными бровями.

— И каково же объяснение? Некто родится с ненормальным мозгом, позднее его душа переносится в нормальный мозг, но его аномальные способности не разрушаются при переходе. Почему это происходит?

— Потому что реально ты имеешь только одно тело-образ, которое является как электрическим, так и химическим по природе. Оно немедленно начинает изменять свое новое физиологическое окружение. Новое тело ему кажется как бы больным, и оно старается вылечить это тело по образцу старого. Если тело, в котором ты сейчас живешь, было бы сделано физически бессмертным, оно когда-нибудь стало бы похожим на твое изначальное тело.

— Как интересно.

— Вот поэтому перенесенная сила вначале слаба, но становится сильнее по мере того, как ты продолжаешь занимать новое тело. Вот поэтому лучше всего развивать Атрибут и, может быть, пользоваться также механическими помощниками.

— Хорошо. Об этом я частенько задумывался. Спасибо. Кстати, воздержись от проб со своим смертельным взглядом — он, знаешь, болезненный. Так что это, во всяком случае, кое-что. А теперь проповедь: Один гордый и надменный человек, вроде тебя, и с предположительно заметным качеством дидактизма, занялся исследованиями в области одной уродливой и дегенеративной болезни. Однажды он подхватил ее сам. Поскольку он еще не нашел лекарства от этого состояния, он смотрит на себя в зеркало и говорит: «Но на мне она выглядит хорошо!» Ты как раз такой человек, Яма. Ты не борешься со своим состоянием. Ты, скорее, гордишься им. Ты выдал себя в своей ярости, поэтому я знаю, что говорю правду. Я скажу, что имя твоей болезни — Кали. Ты не отдал бы власти в недостойные руки, если бы

эта женщина не заставила тебя сделать это. Я давно знаю ее и уверен, что она не изменилась. Она не может любить мужчину. Она заботится только о тех, кто приносит ей дары хаоса. Если ты когда-нибудь перестанешь служить ее целям, она отшвырнет тебя, бог смерти. Я говорю это не потому, что мы враги, а просто как мужчина мужчине. Я знаю. Поверь, я знаю.

Возможно, твое несчастье в том, что ты никогда не был молод, Яма, и не знал первой любви в весенние дни... Итак, мораль моей проповеди на этом маленьком пригорке такова: даже зеркало не покажет тебе тебя самого, если ты не желаешь видеть. Стань ей однажды поперек дороги, чтобы проверить истину моих слов — пусть даже в каком-нибудь пустяке — и увидишь, как быстро она ответит и каким манером. Что ты сделаешь, если твое собственное оружие обернется против тебя, Смерть?

— Ты кончил? — спросил Яма.

— Примерно. Проповедь — предупреждение, и ты предупрежден.

— Какова бы ни была твоя сила, Сэм, я вижу, что в данный момент она защищает тебя от моего смертельного взгляда. Тебе повезло, что я ослабел...

— Это верно, потому что моя голова готова треснуть. Будь прокляты твои глаза!

— Когда-нибудь я испытаю твою силу снова, и даже если она по-прежнему будет тебе защитой против моей силы, ты все равно падешь в тот день. Если не от моего Атрибута, так от моей сабли!

— Если это вызов, то я предпочитаю не сразу принять его. Я советую тебе проверить мои слова, прежде чем ты попробуешь хорошо сделать свое дело.

К этому времени песок засыпал Яму до бедер.

— Здесь только одна чистая тропа, и я собираюсь уйти по ней. А сейчас, если ты не чрезмерно горд, я скажу тебе, как спасти жизнь. Я велел монахам прийти сюда помочь мне, если они услышат крик о помощи. Я уже говорил тебе, что не собираюсь звать их, и это правда. Однако, если ты начнешь кричать изо всей мочи, они будут здесь раньше, чем ты увязнешь слишком глубоко. Они выволокут тебя на твердую землю и не нанесут тебе никакого вреда, потому что таков их путь. Мне приятна мысль, что бог смерти будет спасен монахами Будды. Спокойной ночи, Яма. Теперь я оставлю тебя.

Яма улыбнулся.

— Есть и другой способ, о Будда! Я могу подождать его. Беги как можно дальше и как можно скорее. Мир не настолько велик, чтобы спрятать тебя от моего гнева. Я последую за тобой и научу тебя просветлению в чистом адском огне.

— А тем временем,— сказал Сэм,— обратись-ка за помощью к моим приверженцам или познай трудное искусство дышать грязью.

Он пошел через поляну. Глаза Ямы жгли ему спину. Дойдя до тропы, он оглянулся.

— А на Небе ты можешь сослаться на то, что я был вызван из города для делового соглашения.

Яма не ответил.

— Я думаю,— закончил Сэм,— что заключу сделку насчет оружия. Специального оружия. Так что, когда ты придешь за мной, возьми с собой свою подружку. Если ей нравится то, что она видит, то она, наверное, уговорит тебя объединить силы.

Затем он ступил на тропу и пошел, насвистывая, через ночь, под луной белой и луной золотой.

Глава 4

Рассказывает о том, как Бог Света спускался в Колодец Демонов, чтобы сторговаться с главой Ракшей. Он-то действовал честно, но Ракша есть Ракша. Известно, что это — зловредные создания, обладающие великой силой, быстрой жизнью и способностью принимать почти любую форму. Уничтожить Ракшу почти невозможно. Их главный недостаток — отсутствие настоящего тела; их главная добродетель — честная уплата проигранного.

То, что Бог Света пошел в Адский Колодец за услугами, показывает, что он, видимо, в какой-то мере утратил соображение относительно состояния мира...

Когда потомки Прайяпати, боги и демоны, сражались друг с другом, боги ухватились за жизненный принцип Удгиты, думая, что с этим миром они победят демонов.

Они обдумывали Удгиту как действующую через нос, но демоны проткнули нос злом. Следовательно, бог вдыхал одновременно запах приятного и скверного. Дыхание соприкасалось со злом.

Они обдумывали Удгиту, которая действует через глаз, но демоны проткнули глаз злом. Следовательно, бог видел одновременно приятное и безобразное. Глаз соприкоснулся со злом.

Они обдумывали Удгиту как слух, но демоны проткнули ухо злом. Следовательно, бог слышал одновременно хорошее и плохое. Уши соприкоснулись со злом.

Затем они обдумывали Удгиту как мысль, но демоны проткнули мысль злом. Следовательно, бог думал, что мысль правильная, истинная и хорошая, и что она же неправильная, фальшивая и испорченная. Мысль соприкоснулась со злом.

Шхандогиа Упанишад (1—6)

Адский Колодец лежит на вершине мира и ведет вниз, к его корням.

Он, вероятно, так же стар, как и сам мир; а если и нет, то выглядит таким.

Он начинается с двери. Это громадная, из закаленного металла дверь, воздвигнутая Первым, тяжелая, как грех, втрое выше человека и в половину этого расстояния шириной. Она в полный локоть толщиной, на ней медное кольцо размером с голову, сложная давящая пластина замка и надпись, говорящая, примерно, следующее: «Уходи. Здесь тебе не место. Если попробуешь войти — пропадешь,

а также будешь проклят. Если тебе каким-то образом удастся войти — не жалуйся, что тебя не предупреждали, и не докучай нам своими предсмертными молитвами». Подписано: «Боги».

Вход расположен близ пика очень высокой горы, называемой Шенна, в центре района очень высоких гор, называемых Ратнагарис. В этом месте на земле всегда лежит снег, и радуга поднимается как мех на спинах сосулек, висящих на замерзших шапках утесов. Воздух здесь острый как меч. Небо сверкает, как кошачий глаз.

Очень немногие ноги когда-либо ходили по тропе, ведущей к Адскому Колодцу. Те, кто посещал это место, в основном приходили только взглянуть, существует ли дверь на самом деле; вернувшись домой и рассказывая о виденной ими двери, они обычно подвергались насмешкам.

Разговоры насчет пластины замка свидетельствовали, что кто-то действительно нашел вход. Однако, оборудование, достаточное, чтобы осилить громадную дверь, нельзя было транспортировать или правильно установить: тропа к Адскому Колодцу в последних трехстах футах ее подъема была в ширину менее десяти дюймов, а на том месте, которое осталось от некогда широкого уступа против двери, едва ли поместилось бы в ряд шесть человек.

Говорили, что Пенналал Мудрый, обострив свой мозг медитацией и аскетизмом, предугадал действия, открывающие замок, и вошел в Адский Колодец. После того он был известен как Пенналал Безумный.

Пик, называемый Шенна, который держит огромную дверь, находится в пяти днях пути от небольшой деревушки далекого северного королевства Мальва. Сама эта горная деревня, ближайшая к Шенне, не имеет названия и населена свирепыми и независимыми людьми, у которых нет особого желания, чтобы их городок был нанесен на карту и в налоговые списки раджи. О радже достаточно сказать, что он средних лет, среднего роста, умный, довольно крепкий, не слишком религиозный и сказочно богатый. Богат он потому, что налагает на своих подданных высокие налоги. Когда подданные начинают жаловаться и шептаться о мятеже, идущем по королевству, он объявляет войну соседнему королевству и удваивает налог. Если война идет плохо, он казнит нескольких генералов и велит своему министру заключить договор о мире; если же, по счастью, она идет хорошо, он накладывает дань на какое-нибудь оскорбление, бывшее причиной всего дела. Обычно же война кончается перемирием, и подданные, озлобленные военными действиями, примиряются с высоким налогом. Зовут раджу Видегха, у него много детей. Он любитель грак-птиц, которых можно выучить петь непристойные песни, змей, которых он время от времени кормит грак-птицами, не могущими держать мелодию, и игры в кости. Детей он не очень любит.

Адский Колодец начинается с громадной двери высоко в горах самого северного угла королевства Видегхи, дальше которого больше нет королевств. Он начинается там и по спирали ввинчивается вниз, через сердце горы Шенна, пробиваясь, как штопор, по много-

численным пещерам, не известным людям, и тянет далеко под грядой Ратнагари глубочайшие переходы все вниз и вниз, к корням мира.

К этой двери пришел путник.

Он был просто одет и путешествовал один, и, казалось, точно знал, куда он идет и что делает.

Он карабкался по тропе на Шенну, прокладывая себе путь по ее мрачному лицу.

Ему потребовалась большая часть утра, чтобы достичь цели — двери.

Остановившись перед ней, он немного отдохнул, выпил воды из фляги, вытер рот тыльной стороной руки и улыбнулся.

Затем он сел, прислонившись к двери спиной, и поел. Закончив, он бросил листья, в которые была завернута еда, и смотрел, как они падают, покачиваясь из стороны в сторону на воздушных течениях, пока не скрылись из виду. Он набил трубку и закурил.

Отдохнув, он встал и снова посмотрел на дверь.

Рука его легла на закрывающую пластину и медленно двинула ее серией разных жестов. Когда его рука отпустила пластину, за дверью раздался мелодичный звук.

Затем он взялся за кольцо и потянул; его плечевые мускулы напряглись. Дверь подалась, сначала медленно, потом быстрее. Он отступил в сторону и распахнул дверь, отводя ее за уступ.

На внутренней поверхности двери было второе кольцо, вдвое больше первого. Он схватил кольцо, когда оно проходило мимо него, и затормозил пятками, чтобы дверь не отлетела слишком далеко.

Из отверстия за его спиной шел поток теплого воздуха.

Подтащив дверь, чтобы она снова закрылась за ним, он остановился и зажег один из маленьких факелов, которые принес с собой. Затем он прошел по коридору, расширяющемуся по мере его продвижения.

Пол начал резко спускаться, и после сотни шагов потолок стал таким высоким, что его не было видно.

После двухсот шагов путник остановился на краю колодца.

Теперь его окружала тьма, простреленная огнем его факела. Стены исчезли — кроме одной, позади и справа. Пол кончался на небольшом расстоянии от него.

За краем было что-то вроде бездонной шахты. Он ничего не видел там, но знал, что она приблизительно круглая по форме; он знал также, что по мере углубления она расширяется по окружности.

Он стал спускаться вниз по выступу, идущему винтом вокруг стены колодца. Из глубины поднимались потоки теплого воздуха. Этот выступ был явно искусственного происхождения. Это чувствовалось, несмотря на его крутизну. Он был опасным и очень узким; во многих местах он треснул, и на нем накопились камни. Но его ровный спиральный спуск доказывал, что его существование имело цель и систему.

Он осторожно шел по этому выступу. Слева от него была стена, а справа — пустота.

Когда протекло, казалось, полтора столетия, он увидел далеко внизу крошечный мерцающий огонек, висевший в воздухе.

Однако, кривизна стены постепенно отклоняла его путь, так что этот огонек больше не висел в пространстве, а лежал внизу и чуть справа.

Еще один изгиб выступа поставил этот свет прямо впереди.

Когда он миновал нишу в стене, где скрывался огонек, он услышал голос в своем мозгу, выкрикивающий:

— Освободи меня, Мастер, и я положу весь мир к твоим ногам!

Но он поспешил дальше, даже не взглянув на почти-лицо в отверстии.

Теперь стало больше видимого света, плывущего по океану мрака, что лежал под ногами путника.

Стена продолжала расширяться и была полна ярким мерцанием вроде пламени, но не пламени, полна фигурами, лицами, полузабытыми образами. И от каждого шел крик:

— Освободи меня! Освободи меня!

Но он не останавливался.

Наконец он спустился на дно колодца и пошел через него, мимо разбитых камней, через трещины в каменном полу. Он достиг противоположной стены, где плясало огромное оранжевое пламя.

При его приближении огонь стал вишнево-красным, а когда он остановился перед ним, огонь стал голубым с сапфировой сердцевиной. Он поднимался на высоту удвоенного человеческого роста, пульсировал, изгибался. От него исходили маленькие язычки, тянулись к путнику, но втягивались обратно, как бы натолкнувшись на невидимый барьер.

Во время спуска путник прошел мимо такого количества огней, что потерял им счет. Он знал также, что еще больше их скрыто в пещерах, которые открывались в дно колодца.

Каждый огонек, мимо которого он проходил на своем пути, обращался к нему, используя собственные манеры общения, так что слова в его голове звучали, как барабаны, слова угрожающие, умоляющие, обещающие. Но от этого голубого слепящего огня, который был больше всех других, никакого послания не пришло. В его яркой сердцевине не крутилось, не изгибалось ни одной фигуры. Это было пламя, пламенем оно и оставалось.

Путник зажег новый факел и закрепил его между двумя камнями.

— Итак, Ненавистный, ты вернулся!

Слова упали на него, как удар кнута. Укрепившись сам, он повернулся лицом к голубому пламени и сказал:

— Тебя звали Тарака?

— Тот, кто привязал меня здесь, должен знать, как меня звали,— пришли слова.— Не думай, о Сиддхарта, что в другом теле ты неузнаваем. Я смотрю на волны энергии — твое настоящее существо — а не на плоть, что маскирует их.

— Понятно.

— Ты пришел посмеяться надо мной в моей темнице?

— Разве я насмехался над тобой в дни Связывания?

— Нет.

— Я делал то, что должен был сделать, чтобы сохранить свою расу. Люди ослабели и уменьшились в числе. Твой род напал на них и собирался уничтожить.

— Ты украл у нас мир, Сиддхарта. Ты приковал нас здесь.

— Может быть, есть способ как-то возместить это.

— Чего ты хочешь?

— Союзничества.

— Ты хочешь заставить нас участвовать в твоей борьбе?

— Именно.

— А когда она кончится, ты снова свяжешь нас?

— Нет, если мы заранее выработаем какое-то соглашение.

— Скажи мне свои условия,— произнесло пламя.

— В прежние времена ваш народ ходил, видимый и невидимый, по улицам Небесного Города.

— Это правда.

— Теперь Город укреплен гораздо лучше.

— В каком смысле?

— Вишну-Хранитель и Яма-Дхарма, Бог Смерти, закрыли все Небо, а не только Город, как было в старину, каким-то, как говорят, непроницаемым куполом.

— Нет такой вещи — непроницаемый купол.

— Я говорю только то, что слышал.

— В Город есть множество путей, Господин Сиддхарта.

— И ты найдешь их все для меня?

— Это будет ценой за мою свободу?

— За твою личную свободу, да.

— А как другие из моего рода?

— Если их тоже освободить, вы все будете должны помочь мне осадить Город и взять его.

— Освободи нас, и Небо падет!

— Ты говоришь и за других?

— Я — Тарака. Я говорю за всех.

— Какую гарантию ты дашь, Тарака, что этот договор будет выполнен?

— Мое слово! Поклянусь чем захочешь.

— Легкость в клятве — не самое надежное качество договаривающегося. И твоя сила является также твоей слабостью в любом договоре вообще. Ты так силен, что не можешь дать другому власть контролировать себя. Ты не можешь поклясться богами. Ты чтишь только одну вещь — игорный долг, а здесь не место для игры.

— У *тебя* есть власть контролировать нас.

— Индивидуально — возможно. Но не коллективно.

— Это трудная проблема,— сказал Тарака.— Я отдал бы все, что имею, за свободу, но я имею только силу, чистую энергию, которую, в сущности, нельзя передать. Большая сила может ее подчинить себе, но это не ответ. Я, по правде говоря, не знаю, как дать тебе удовлетворительную гарантию, что сдержу свое обещание. На твоем месте я бы, конечно, не поверил.

— Есть кое-что в качестве дилеммы. Я освобожу тебя сейчас — тебя одного — чтобы ты посетил Полюс и сделал разведку защиты Неба. В твое отсутствие я рассмотрю проблему глубже. Ты сделаешь так же, и, возможно, когда ты вернешься, мы устроим подходящую договоренность.

— Согласен! Освободи меня от этой участи!

— Тогда помни мою силу, Тарака. Как я развязываю, так могу и связать.

Пламя отошло от стены.

Оно свернулось в огненный шар и взвилось над стеной, как комета. Оно горело, как маленькое солнце, освещая темноту; поднимаясь, оно меняло цвета, так что камни сверкали то призрачно, то приятно.

Затем оно повисло над головой того, кого звали Сиддхартой, и послало вниз, на него, взволнованные слова:

— Ты не представляешь, как я рад чувствовать свою силу свободной. Я хотел бы еще раз испытать твою мощь.

Человек под ним пожал плечами.

Огненный шар сжался. Съеживаясь, он стал ярче и медленно опустился на пол.

Он лежал, дрожа, как лепесток гигантского цветка; затем медленно потянулся через пол Адского Колодца и вернулся в нишу.

— Ты удовлетворен? — спросил Сиддхарта.

— Да, — через некоторое время пришел ответ. — Твоя сила не ослабела, Связующий. Освободи меня снова.

— Мне надоел этот спор, Тарака. Я, пожалуй, оставлю тебя как есть и поищу помощи в другом месте.

— Нет! Я обещал тебе! Чего тебе еще надо?

— Мне нужно отсутствие спора между нами. Либо ты служишь мне в этом деле, либо нет. Только и всего. Выбирай и будь верен своему выбору... и своему слову.

— Прекрасно. Освободи меня, я побываю в Небе на его ледяных горах и сообщу тебе о его слабостях.

— Тогда иди!

На этот раз пламя возникло более медленно. Оно качалось перед ним, приняв грубо-человеческие контуры.

— В чем твоя сила, Сиддхарта? Как ты делаешь то, что делаешь?

— Можешь назвать это электроуправлением, — ответил Сиддхарта. — Мысль над энергией. Это определение не хуже всякого другого. Но как бы ты ни называл эту силу, не старайся встретиться с ней снова. Я могу этим убить тебя, хотя никакое оружие на тебя не действует. А теперь отправляйся!

Тарака исчез, как горящая ветка, опущенная в воду, а Сиддхарта остался среди камней, его факел освещал тьму вокруг него.

* * *

Он спал, и его мозг наполнялся бормотаньем голосов — обещающих, искушающих, умоляющих. Видения богатства и роскоши плыли перед его глазами. Изумительные гаремы проходили па-

радом перед ним, банкетные столы стояли у его ног. Ароматы мускуса и магнолии и голубоватая дымка горящего ладана, смягчающая душу, обволакивали его. Он шел среди цветов, сопровождаемый светлоглазыми девушками, которые улыбались и несли чаши с вином; серебряный голос пел ему, и нечеловеческие создания танцевали на поверхности озера...

— Освободи нас, освободи нас,— пели они.

Но он улыбался и смотрел, но ничего не делал.

Постепенно мольбы и молитвы и обещания сменились хором проклятий и угроз. Бронированные скелеты с наколотыми на мечи младенцами наступали на него. Вокруг него появлялись шахты, откуда вырывались огни с запахом серы. Змея свешивалась с ветки перед его лицом и плевалась ядом. Дождь пауков и жаб падал на него.

— Освободи нас, или агонии не будет конца! — кричали голоса.

— Если вы будете упорствовать,— сказал он,— Сиддхарта очень рассердится, и вы лишитесь единственного шанса на освобождение, какой у вас еще есть.

Затем все стихло; он опустошил свой мозг и задремал.

* * *

Он два раза поел там, в пещере, потом опять спал.

Позднее вернулся Тарака в виде птицы с громадными когтями и сообщил:

— Создания моей породы могут пройти через вентиляционные отверстия, но люди не могут. Внутри горы много лифтов. В более крупных клетках легко может подняться сразу много людей. Лифты, конечно, охраняются. Но если перебить стражу и отключить сигналы тревоги, то подняться можно. И бывает такое время, когда сам купол открыт в разных местах, чтобы впускать и выпускать летательные аппараты.

— Отлично,— сказал Сиддхарта.— В нескольких неделях пути отсюда у меня есть королевство. На моем месте много лет сидит регент, но если я вернусь, я могу собрать армию. По земле идут теперь новые религии. Теперь люди меньше думают о богах, чем раньше.

— Ты хочешь разграбить Небо?

— Да, я хочу открыть миру его сокровища.

— Это мне нравится. Победа нелегка, но с армией людей и с армией моего народа мы сумеем это сделать. Освободи мой народ сейчас, чтобы мы могли начать.

— Наверное, проще будет поверить тебе,— сказал Сиддхарта.— Так что, давай начнем.— И он пошел по дну Адского Колодца к первому глубокому туннелю, идущему вниз.

В этот день он освободил шестьдесят пять демонов, наполнив пещеры их цветом, движением и светом. В воздухе звучали их мощные радостные крики и шум, с которым они кружились вокруг Ад-

ского Колодца, все время меняя форму и радуясь своему освобождению.

Затем один принял форму летающей змеи и бросился на Сиддхарту, вытянув когти. На секунду все внимание Сиддхарты сосредоточилось на демоне.

Демон издал короткий крик, отлетел в сторону и рассыпался потоком голубовато-белых искр.

Затем искры погасли, и демон исчез окончательно.

В пещере стояла тишина, огоньки пульсировали и прижимались к стенам. Сиддхарта направил свое внимание на самую большую точку света — Тараку.

— Не для того ли этот демон атаковал меня, чтобы проверить мою силу? — спросил он. — Посмотреть, могу ли я убить, как я тебе говорил?

Тарака приблизился и повис перед ним.

— Он напал не по моему приказу. Я чувствую, что он наполовину спятил в своем заключении.

Сиддхарта пожал плечами.

— Некоторое время развлекайтесь, как хотите, а я отдохну,— сказал он и ушел в маленькую пещеру.

Он вернулся на дно колодца, лег на свое одеяло и уснул.

* * *

Он увидел сон.

Он бежал.

Его тень ложилась перед ним и росла по мере того, как он бежал по ней.

Она росла до тех пор, пока стала уже не его тенью, а гротескным контуром.

Внезапно он понял, что его тень покрылась тенью его преследователя: покрылась, переполнилась, затопилась.

На миг он впал в страшную панику там, на неизвестной равнине, через которую он пронесся.

Он знал, что отныне она стала его собственной тенью.

Смерть, преследовавшая его, больше не была за его спиной.

Он знал, что был своей собственной смертью.

Сознавая, что он в конце концов схватится с самим собой, он громко захохотал, хотя испытывал желание завопить.

* * *

Проснувшись, он обнаружил, что идет.

Он поднимался по изогнутому выступу стены Адского Колодца.

Он шел мимо плененных огней. И снова каждый из них кричал ему:

— Освободите нас, Мастера!

И край льда, который был его мозгом, медленно начал таять.

Мастера.

Во множественном числе. Не в единственном.

Они говорили — мастера.

И тогда он понял, что идет не один.

Ни вокруг него, ни перед ним не было ни одного танцующего, мерцающего образа.

Те, кто был пленен, так и остались плененными. Те, кого он освободил, исчезли.

Теперь он поднимался по высокой стене Адского Колодца. Ни один факел не освещал его путь, но он все-таки видел.

Он видел детали скалистого выступа как бы в лунном свете.

Он знал, что его глаза не способны на такой подвиг.

И к нему обращались во множественном числе.

Он старался остановиться, не двигаться, но продолжал идти по выступу. И тут его губы задвигались, выговаривая слова:

— Я вижу, ты проснулся. Доброе утро!

В его мозгу сам собой сформировался вопрос, и ответ немедленно последовал через его же собственный рот:

— Да. И каково же самому оказаться связанным, Связующий, в своем же собственном теле?

Сиддхарта сформулировал другую мысль:

— Не думаю, чтобы кто-нибудь из твоей породы способен взять контроль надо мной против моей воли, даже когда я сплю.

— Честно говоря,— сказал демон,— я не могу. Но я имел в своем распоряжении объединенную силу многих из моего народа. Похоже, попытка оказалась стоящей.

— А другие? Где они?

— Ушли. Бродить по миру, пока я их не позову.

— А как насчет тех, которые еще связаны? Ты не дождался, чтобы я освободил их тоже.

— Какое мне дело до остальных? Я теперь свободен и снова в теле. Что мне еще нужно?

— Значит, твое обещание помочь ничего не стоит?

— Почему же,— ответил демон,— мы вернемся к этому вопросу, скажем, через месяц или около того. Мне пришла идея... Я чувствую, что война с богами будет отличной вещью, но сначала я хочу на некоторое время предаться радости плоти. Чего тебе скупиться на небольшие развлечения для меня после столетий скуки и пленения, причиненных мне тобой?

— Должен сознаться, я не хочу, чтобы ты пользовался для этого моей особой.

— Как бы то ни было, тебе пока придется смириться с этим. Ты ведь тоже будешь радоваться тому, чему радуюсь я, так почему бы тебе не взять лучшее из этого?

— Ты утверждаешь, что *намерен* воевать с богами?

— Да. Жаль, что я не подумал об этом сам в прежние времена. Тогда, наверное, мы никогда не были бы связаны. Возможно, что в этом мире не осталось бы ни людей, ни богов. Хотя мы никогда не были склонны действовать сообща. Независимость духа естественно сопровождает независимость личности. Каждый сражался за себя в общем конфликте с человеческим родом. Правда, я— вождь — благодаря факту, что я старше, сильнее и умнее других.

Они идут ко мне за советом, они служат мне, когда я им прикажу. Но я никогда не приказывал им в сражениях. Но в дальнейшем буду. Новизна покажется разнообразием после монотонности.

— Я бы советовал тебе не ждать, потому что «дальнейшего» не будет, Тарака.

— Почему не будет?

— Когда я шел в Адский Колодец, гнев богов роился и жужжал за моей спиной. А теперь в мир выпущены шестьдесят шесть демонов. Их присутствие будет обнаружено очень скоро. Боги поймут, кто это сделал, и выступят против нас. Элемент неожиданности пропадет.

— В древности мы бились с богами...

— Теперь не те времена, Тарака. Теперь боги стали сильнее, много сильнее. Вы очень долго были связаны, и их мощь за столетия увеличилась. Даже если бы ты командовал первой в истории армией Ракшей и послал их помогать в битве мощной армии людей, и то финал был бы неопределенным. Отсрочка погубит все.

— Я не хочу, чтобы ты говорил мне такое, Сиддхарта, потому что это тревожит меня.

— Именно это я и имел в виду. Как ты ни силен, но, если ты встретишь Бога в Красном, он выпьет твою жизнь своими глазами. Он придет сюда, на Ратнагарис, потому что идет за мной. Освобождение демонов направит его, как указательный столб. Он может привести с собой и других. Их может оказаться больше, чем всех вас.

Демон не ответил. Они достигли вершины колодца, и Тарака прошел двести шагов до двери, которая теперь стояла открытой. Он перешагнул на уступ и посмотрел вниз.

— Ты сомневаешься в силе Ракши, о Связующий? — спросил он.— Смотри!

Он шагнул за край.

Они не упали.

Они плыли, как листья, которые он бросил — давно ли это было? Вниз.

Они приземлились на тропу, на полпути вниз с горы, называемой Шенна.

— Я не только занял твою нервную систему,— сказал Тарака,— но я распространился по всему твоему телу и обернул его в энергию моего существа. Так что пришли мне моего Бога в Красном, кто пьет жизнь глазами. Я хотел бы встретиться с ним.

— Хоть ты и можешь ходить по воздуху,— сказал Сиддхарта,— но тут ты говоришь опрометчиво.

— Принц Видегха держит свой двор недалеко отсюда, в Паламайдсу,— сказал Тарака.— Я посетил его, когда возвращался с Неба. Как я понимаю, он обожает игру. Значит, мы идем туда.

— И если Бог смерти придет и вступит в игру?

— Пусть его! — закричал демон.— Ты перестал развлекать меня, Связующий! Уходи спать!

Настала небольшая темнота и великая тишина, растущая и давящая.

* * *

Последующие дни были яркими фрагментами.

Они приходили к нему обрывками разговора или песни, цветными видами галерей, комнат, садов. А однажды он увидел себя в башне, где люди висели на дыбах, и услышал собственный смех.

Между этими фрагментами приходили сны и полусны. Они освещались огнями, сопровождались кровью и слезами. В затемненном бесконечном соборе он кидал кости, которые были солнцем и планетами. Метеоры рассыпались огнем над его головой, кометы вычерчивали сияющие дуги на своде черного стекла. Затем приходили вспышки радости сквозь страх, и он понимал, что это в основном радость другого, но частично и его тоже. Страх же был только его.

Когда Тарака выпивал слишком много вина или лежал, запыхавшись, на своем широком низком ложе в гареме, захват украденного им тела несколько ослабевал, но измученный мозг Сиддхарты был слаб, а его тело было либо утомленным, либо пьяным, и он понимал, что еще не настало время для состязания в мастерстве с демоном-хозяином.

Случалось, он видел, но не глазами тела, когда-то принадлежавшего ему, а как видел демон — во всех направлениях, и сдирая плоть и кость с тех, мимо кого проходил, чтобы видеть пламя их сущности, окрашенное цветами и тенями их страстей, вспыхивающее скупостью и вожделением или завистью, пронзенное жадностью или голодом, тлеющее ненавистью, ослабевшее от страха или боли. Для него ад был местом многоцветным, иногда только смягченным холодным голубым сиянием ученого интеллекта, белым светом умирающего монаха, розовым ореолом благородной дамы, попавшейся ему на глаза, и танцующими простыми красками играющих детей.

Он ходил по высоким залам и обширным галереям королевского дворца Паламайдсу, который он выиграл. Принц Видегха лежал в цепях в собственной башне. Его подданные не знали, что теперь на троне сидит демон. Все, казалось, шло так же, как и всегда.

Сиддхарта видел себя едущим на слоне по улицам города. Всем городским женщинам было приказано стоять перед дверями их жилищ. Он выбирал тех, кто ему нравился, и отправлял в свой гарем. Сиддхарта с внезапным шоком осознал, что помогает выбирать, спорит с Таракой о достоинствах той или иной матроны, девушки или леди. Он соприкоснулся с вожделением демона-хозяина, и оно стало его собственным. И сознавая это, он впал в сильное возбуждение. И не всегда только по воле демона его рука поднимала к губам чашу с вином, или хватала кнут в башне. Он приходил в сознание на больший промежуток времени и с некоторым ужасом замечал, что в нем, как в каждом человеке, сидит демон, соответствующий ему.

Однажды он стал бороться за власть над своим телом и напряг свой мозг. Он уже в значительной мере оправился и сосуществовал с Таракой во всех его делах, и оба они молча следили за взаимной активностью.

Они стояли на балконе над садом. Одним жестом Тараки сад был

преображен: цветы стали черными, в деревьях и бассейнах стали жить ящероподобные создания, крича и летая в сумерках. Благовония и ароматы, ранее наполнявшие воздух, стали гуще и вызывали отвращение. По земле тянулся, извиваясь как змея, дым.

На жизнь Сиддхарты было три покушения. Последнюю попытку сделал капитан дворцовой стражи. Но клинок в его руке обернулся змеей. Она ударила в лицо капитана, выбила глаза и наполнила его вены ядом, так что он почернел, распух и умер, умоляя о глотке воды.

Сиддхарта обдумал способы демона и в этот момент ударил.

Его сила снова стала расти, медленно, с того дня в Адском Колодце, когда он в последний раз владел ею. Странно независимая от мозга его тела, как однажды говорил ему Яма, сила поворачивалась медленно, как цепочное колесо, в центре пространства, которое было Сиддхартой.

Это вращение теперь ускорилось, и Сиддхарта швырнул эту силу против другой силы.

Тарака закричал, и контрудар чистой энергии вернулся к Сиддхарте, как копье.

Он сумел частично отклонить удар, поглотить часть его силы, однако, его существа коснулись боль и беспорядок.

Он не стал задерживаться на боли, а ударил снова, как копьеносец бьет в темное логово страшного зверя.

И снова услышал крик, сорвавшийся с его губ.

Затем демон воздвиг черные стены против силы Сиддхарты. Но под бешеной атакой эти стены падали одна за другой.

— О, человек многих тел,— сказал Тарака,— неужели тебе жалко оставить меня на несколько дней в этом теле? Это ведь не то тело, в котором ты родился, и ты тоже занял его на время. Почему ты думаешь, что мое прикосновение замарает его? В один прекрасный день ты возьмешь себе другое тело, не тронутое мной. Почему же ты рассматриваешь мое присутствие как скверну, как болезнь? Не потому ли, что в тебе самом есть нечто похожее на меня? Не потому ли, что ты тоже познал наслаждение на манер Ракши, испытывал удовольствие от причиняемой тобой боли? То, что ты выбирал, ты выбирал по своей воле. Не потому ли? Потому что ты тоже знаешь эти вещи и желаешь их, но носишь человеческое проклятие, называемое виной, грехом? Если так, я смеюсь над твоей слабостью, Связующий! И я все равно возьму верх над тобой!

— Как раз потому, что я есть,— сказал Сиддхарта, швыряя ему обратно энергию,— потому что я человек, который время от времени стремится к чему-то большему, чем брюхо и фаллус. Я не святой буддист, как обо мне думают, и не герой легенд. Я человек, познавший страх, и время от времени чувствующий свою вину. Но главным образом, я человек, который должен сделать одно дело, и ты сейчас загораживаешь мне путь. Но ты унаследовал мое проклятие, независимо от того, буду ли я победителем или побежденным. Твоя судьба, Тарака, уже изменена. Это проклятие Будды — ты никогда не будешь таким, каким был.

И весь этот день они простояли на балконе в промокшей от пота одежде. Они стояли, как статуя, пока солнце не ушло с неба, и золотой след не разделил чашу ночи. Над садовой стеной поднялась луна, потом к ней присоединилась другая.

— Что за проклятие Будды? — спрашивал Тарака снова и снова. Но Сиддхарта не отвечал.

Он разбил последнюю стену, и они фехтовали теперь энергией, как залпами сверкающих стрел.

Из далекого Храма пришел монотонный бой барабанов, каркали садовые существа, кричали птицы, рой насекомых спускался на Сиддхарту, питался и улетал прочь.

Затем как град звезд, прилетели на крыльях ночи освобожденные из Адского колодца и выпущенные в мир другие демоны.

Они пришли на зов Тараки, чтобы добавить к его силе свою.

Тарака стал как бы смерчем, прибоем, штормом молний.

Сиддхарта чувствовал, что его сметает титаническая лавина, раздавливает, расплющивает, заваливает сверху...

Последнее, что он сознавал — это смех в его горле.

* * *

Скоро ли он пришел в себя — он не знал. На этот раз дело шло медленно, а когда он проснулся, слугами во дворце были демоны.

Когда с него спали последние анестезирующие оковы умственной усталости, вокруг него творилось нечто странное.

Гротескные пирушки продолжались. Они устраивались в башнях, где демоны оживляли тела своих жертв и занимали их. Творились темные чудеса, вроде рощи изогнутых деревьев, растущих из мраморных плит самого тронного зала — рощи, где люди спали без пробуждения и кричали, когда старые кошмары уступали место новым. Но во дворце появились еше и другие странности.

Тарака больше не злился.

— Что это за проклятие Будды, — спросил он снова, когда почувствовал, что присутствие Сиддхарты опять давит на него.

Сиддхарта не ответил.

— Я чувствую, — продолжал Тарака, — что скоро отдам тебе обратно твое тело. Я устал от этого спора, от этого дворца. Мне все надоело, и я думаю, что близок день, когда мы начнем войну с Небом. Что ты на это скажешь, Связующий? Я же говорил, что сдержу слово.

Сиддхарта не ответил.

— Моя радость уменьшается с каждым днем. Ты знаешь, почему это, Сиддхарта? Не скажешь ли, почему ко мне приходят странные ощущения, угнетают меня в самые сильные моменты, ослабляют меня и отталкивают прочь как раз тогда, когда я мог бы ликовать, мог быть полным радости? Это и *есть* проклятие Будды?

— Да, — сказал Сиддхарта.

— Тогда сними свое проклятие, Связующий, и я уйду в тот же день. И отдам тебе обратно твою плотскую одежду. Я снова жажду холода, чистого ветра высот! Ты освободишь меня сейчас?

— Слишком поздно, глава Ракшасов. Ты сам навлек на себя это.

— Что именно? Как ты связал меня на этот раз?

— Помнишь, когда мы стояли на балконе, ты насмехался надо мной? Ты говорил, что я тоже получал удовольствие от зла, которое ты делал. Ты был прав, потому что все люди имеют в себе и темное, и светлое одновременно. У человека множество частей, он не чистое яркое пламя, каким был когда-то ты. Его разум часто воюет с эмоциями, а его воля — с желаниями. Его идеалы отличаются от его окружения, и если он следует им, он глубоко сознает утрату старого; но если он не следует идеалам, он ощущает боль, отказавшись от новой, благородной мечты. Что бы он ни делал, все представляет собой одновременно выигрыш и потерю, приход и уход. И он всегда скорбит об ушедшем и в какой-то мере боится нового. Разум противится традиции. Эмоции противятся ограничениям, которые накладывают на человека окружающие его люди. И всегда из этих разногласий встает то, что ты в насмешку назвал проклятием человека — грех, вина!

Пойми теперь, что, поскольку мы существовали в одном теле, и я участвовал в твоих делах не всегда против своей воли, дорога, по которой мы шли, не была той, где все движение идет в одном направлении. Как ты исказил мою волю своими делами, так исказилась и твоя воля от моего отвращения к некоторым твоим деяниям. Ты познал то, что называется грехом, и он всегда будет падать тенью на то, что ты ешь и пьешь.

Вот почему твоя радость разрушена. Вот почему ты теперь хочешь улететь. Но это не даст тебе ничего: чувство вины пойдет за тобой через весь мир. Оно поднимется с тобой в области холодных, чистых ветров. Оно будет преследовать тебя, куда бы ты ни пошел. Это и есть проклятие Будды.

Тарака закрыл лицо руками.

— Остается только плакать, — сказал он через некоторое время.

Сиддхарта не ответил.

— Будь ты проклят, Сиддхарта, — сказал Тарака, — ты снова связал меня и ввел в еще более страшную темницу, чем Адский Колодец!

— Ты сам себя связал. Ты нарушил наш договор. А я держал его.

— Люди страдают, когда нарушают договор с демонами, — сказал Тарака, — но Ракшасы доселе никогда не страдали.

Сиддхарта не ответил.

* * *

На следующее утро, когда он сел завтракать, раздались удары в дверь его комнат.

— Кто смеет? — закричал он.

Дверь с грохотом распахнулась, петли вылезли из стены, засов переломился, как щепка.

В комнату упал Ракша — голова рогатого тигра на плечах обезьяны, ноги с громадными копытами, руки с когтями. Из его рта шел дым, когда он сначала стал прозрачным, затем снова обрел пол-

ную видимость, снова растаял и опять возник. С его когтей что-то капало — но не кровь, а на груди был обширный ожог. Воздух наполнился запахом паленой шерсти и горелой плоти.

— Мастер! — кричал он. — Пришел чужой и просит у тебя аудиенции.

— И тебе не удалось убедить его, что я недоступен?

— Господин, множество людей-стражников напало на него, но он сделал жест... он махнул им рукой, и вспыхнул свет такой яркий, что даже Ракша не мог смотреть на него. Секунда — и все стражники исчезли, словно их никогда не было... А в стене, перед которой они стояли, громадная дыра... И ни одного камешка не упало — гладкая, чистая дыра.

— А затем ты напал на него?

— На него кинулось много Ракшасов, но вокруг него было что-то, отталкивающее нас. Он снова сделал жест, и трое наших исчезли в свете, который он швырнул... Я не получил полной силы этого света, меня только задело слегка. И он послал меня с поручением... Я больше не могу удержать себя в форме...

И с этими словами он исчез, и там, где лежало это существо, повис огненный шар. Теперь слова шли прямо в мозг.

— Он приказал тебе немедленно принять его. И еще он сказал, что разрушит этот дворец.

— А те трое, которых он сжег, обрели собственную форму?

— Нет, — ответил Ракша. — Их больше нет...

— Опиши этого чужака! — приказал Сиддхарта, с трудом выдавливая слова из собственных губ.

— Он очень высокий, — сказал демон, — в черных брюках и сапогах. А до талии какая-то странная одежда, вроде перчатки без всяких швов. Она натянута только на правую руку, идет вверх, через плечи, обертывает шею и всю голову туго и гладко. Видна только нижняя часть лица, потому что на глазах его большие черные очки, наполовину выступающие по сторонам лица. На поясе у него короткие ножны из такого же белого материала, как и одежда, но в них не кинжал, а жезл. Под тканью одежды, там, где она перекрещивается на плечах и поднимается к затылку, заметен горб, как будто там лежит небольшой сверток.

— Господин Агни! — сказал Сиддхарта. — Ты описал Бога Огня!

— Ага, наверное, так, — сказал Ракша. — И я заглянул под его плоть и увидел цвета его истинной сущности. Там пламя, похожее на сердцевину солнца. Если существует Бог Огня, то это он и есть.

— Теперь мы должны бежать, — сказал Сиддхарта, — потому что здесь будет великое пожарище. Мы не можем бороться с этим существом, так что давай побыстрее убираться.

— Я не боюсь богов, — сказал Тарака, — и хочу проверить его силу.

— Тебе не одолеть Бога Огня, — сказал Сиддхарта. — Его огненный жезл непобедим. Он дан ему Богом Смерти.

— Тогда я выхвачу у него жезл и поверну против него.

— Никто не может взять жезл: ослепнет и потеряет руку. Поэто-

му Агни и носит эту необычную одежду. Давай не будем тратить время.

— Я должен сам увидеть,— сказал Тарака.— Должен.

— Не бери на себя новую вину, потому что ты флиртуешь с самоуничтожением.

— Вина?— сказал Тарака.— Эта хилая грызущая мозг крыса, о которой ты мне говорил? Нет, это не вина, Связующий. Когда-то я был самым мощным, если не считать тебя, но в мире поднялись новые силы. В старые времена боги не были так сильны, и если теперь они действительно усилились, то их силу следует проверить — на мне самом! Это в моей природе — бороться со всякой новой силой и либо победить ее, либо быть связанным ею. Я должен изведать силу Бога Агни и победить его.

— Но ведь нас двое в этом теле!

— Да, это верно... Если тело будет уничтожено, я возьму тебя с собой, обещаю. Я уже укрепил твое пламя по образцу нашего рода. Если это тело умрет, ты будешь продолжать жить как Ракша. Наш народ тоже когда-то носил тела, и я помню искусство укрепления пламени, чтобы оно горело независимо от тела. И я сделал это для тебя, так что не бойся.

— Премного благодарен.

— Теперь давай нападем на огонь и вымочим его!

Они вышли из королевских комнат и спустились по лестнице. Глубоко внизу, в башне, пленный принц Видегха всхлипывал во сне.

* * *

Они появились из двери за драпировками позади трона. Откинув эти драпировки, они увидели, что громадный зал был пуст, если не считать спящих в темной роще и человека, стоявшего среди зала; на его обнаженной руке лежала белая рука, и в пальцах этой одетой в белую перчатку руки был зажат жезл.

— Видишь, как он стоит?— спросил Сиддхарта.— Он уверен в своей мощи, и не напрасно. Он — Агни из Локапалас. Он видит самый далекий горизонт, будто он у него на кончиках пальцев. И может туда дотянуться. Он, говорят, однажды ночью сделал своим жезлом зарубки на лунах. Стоит ему прикоснуться основанием жезла к контакту внутри этой перчатки — и с ослепляющей яркостью выскочит Мировое Пламя, уничтожая материю и рассеивая энергию, находящуюся в ней. Еще не поздно убежать...

— Агни!— закричал его рот.— Ты просил аудиенции у того, кто правит здесь?

Черные очки повернулись к нему. Губы Агни скривились в улыбке, которая разложилась на слова:

— Я так и думал, что найду тебя здесь,— сказал он своим гнусавым, пронзительным голосом.— Ты отбросил всю святость, которую тебе приписывают? Как мне тебя называть — Сиддхартой, Татагатхой, Махасаматманом или просто Сэмом?

— Ты дурак,— ответил Сиддхарта.— Тот, кого ты знал, как Связующего Демонов и под всеми прочими именами — теперь сам

связан. Ты имеешь честь обращаться к Тараке Ракше, Господину Адского Колодца!

Щелчок — и очки стали красными.

— Да, я ощущаю истину твоих слов,— ответил Агни.— Я вижу клетку, захваченную демоном. Интересно. И он, без сомнения, мешает.— Он пожал плечами и добавил: — Но я могу уничтожить и обоих.

— Ты так думаешь? — осведомился Тарака, подняв обе руки.

Раздался грохот, и тут же из пола поднялся черный лес, поглотивший того, кто стоял там; черные ветви согнулись над ним. Грохот продолжался, и пол осел на несколько дюймов. Наверху раздался треск камня. Вниз посыпались пыль и гравий.

Вылетела слепящая стрела света — и деревья исчезли; на полу остались пеньки и чернеющие угли.

Со скрипом и громовым треском обрушился потолок.

Отступив за дверь позади трона, они увидели фигуру, все еще стоящую в центре зала; она подняла над головой жезл и описала им крошечный круг.

Вверх взлетел конус света, расплавляя все, чего касался. Губы Агни по-прежнему улыбались, когда громадные камни падали вниз, но никак не рядом с ним.

Грохот продолжался. Затрещал пол, стены начали падать.

Они захлопнули дверь. У Сэма закружилась голова, когда окно, только что бывшее в дальнем конце коридора, пронеслось мимо него.

Они летели вверх, через небо, и звенящее, булькающее ощущение наполнило тело Сэма, как будто он стал жидкостью, через которую пропустили ток.

Глядя назад зрением демона, который мог видеть во всех направлениях, Сэм увидел Паламайдсу уже так далеко, что его, казалось, можно было вставить в раму и повесить на стену, как картину. На высоком холме в центре города дворец Видегхи обрушился, и гигантские вспышки света, как стрелы молний, пущенные в обратную сторону, вылетали в небо из развалин.

— Вот тебе ответ, Тарака,— сказал Сиддхарта.— Полетишь обратно и снова будешь проверять его силу?

— Я должен узнать,— ответил демон.

— Позволь мне предупредить тебя еще раз. Я не шутил, когда сказал, что он может видеть самый дальний горизонт. Если он скоро освободится и поглядит в этом направлении, он заметит нас. Не думаю, что ты можешь лететь быстрее света, так что советую тебе лететь ниже и пользоваться землей для укрытия.

— Я сделаю нас невидимыми, Сэм.

— Глаза Агни видят глубже в красном и дальше в фиолетовом, чем люди.

Они стали быстро терять высоту. Сэм увидел перед останками дворца Видегхи на сером холме облако пыли.

С быстротой урагана они неслись далеко на север, пока, наконец, горы Ратнагарис не оказались под ними. Подлетев к горе Шенна, они

проплыли мимо ее пика и приземлились на уступе перед открытым входом в Адский Колодец.

Они шагнули внутрь и закрыли за собой дверь.

— Преследование будет продолжаться,— сказал Сэм,— и даже Адский Колодец не устоит против него.

— Они, видно, уверены в своей мощи, раз послали только одного,— сказал Тарака.

— Ты считаешь, что эта уверенность неоправданна?

— Нет,— сказал Тарака.— А как насчет Существа в Красном, о котором ты говорил, что он выпивает жизнь глазами? Ты не думаешь, что следовало послать не Агни, а Господина Яму?

— Да,— сказал Сэм, когда они двинулись к колодцу,— и уверен, что он пошел бы, и я чувствую, что он этого хочет. Когда мы виделись в последний раз, я причинил ему кое-какие неприятности. Я чувствую, что он будет охотиться за мной всюду. Кто знает, может, он уже лежит в засаде на дне Адского Колодца.

Они дошли до края колодца и ступили на выступ.

— Он не ждет там,— возразил Тарака.— Если бы кто-нибудь, кроме Ракши, прошел этим путем, со мной уже вошли бы в контакт ожидающие связанные.

— Он придет,— сказал Сэм.— А когда Красный войдет в Адский Колодец, его никто не остановит.

— Но многие будут пытаться,— сказал Тарака.— Вот первый.

Первый огонь появился в виду, в нише рядом с выступом.

Проходя мимо, Сэм освободил его, и он взвился в воздух, как яркая птица, и по спирали пошел вниз.

Шаг за шагом они спускались, и из каждой ниши выскакивал огонек и улетал. Некоторые, по приказу Тараки, поднялись и исчезли за краем колодца, за мощной дверью, на другой стороне которой были написаны слова богов.

Дойдя до дна колодца, Тарака сказал:

— Давай освободим и тех, кто заперт в пещерах.

Они прошли через проходы в глубокие пещеры и освободили запертых там демонов.

Затем, через какое-то время — через какое, Сэм не мог бы сказать — все демоны были освобождены.

Ракша собрал их в пещере. Они стояли в великих фалангах пламени, и их крики слились в одну звенящую ноту, которая каталась и билась в голове Сэма, пока он не понял, к своему изумлению, что они поют.

— Да,— сказал Тарака,— они поют впервые за много веков.

Сэм слушал вибрацию в своем черепе, стараясь схватить что-то значимое в свисте и вспышках, и ощутил это как аккомпанемент к словам, более привычным его мозгу:

Мы — легионы Адского Колодца,
Осужденные, изгнанные создания падшего огня.
Мы — раса, погубленная человеком,
И мы прокляли человека. Забудем его имя!

Этот мир был нашим до прихода богов,
До появления человеческой расы.
И когда люди и боги исчезнут,
Этот мир снова будет нашим.
Горы обрушатся, океаны высохнут,
Луны исчезнут с неба,
Мост Богов упадет.
И в один день умрет всякое дыхание.

Но мы, из Адского Колодца, возьмем верх.
Когда падут люди и боги,
Легионы осужденных не умрут.
Мы ждем, и мы поднимемся снова!

Сэма охватила дрожь, когда они пели снова и снова, рассказывая о своей былой славе, уверенные в своей способности пережить любые обстоятельства, встретить любую силу космическим дзюдо удара, рывка и долгого ожидания, следить за тем, чтобы все, чего они не одобряют, повернуло свою силу против себя же и пропало. В этот момент он почти готов был поверить, что вся их песня — правда, и что когда-нибудь только одни Ракши заполнят мертвый мир.

Затем он переключился мыслями на другие дела и отогнал от себя это настроение. Но и на следующий день, и даже через несколько лет оно иногда возвращалось, чтобы портить его усилия, насмехаться над его радостью, заставлять его задумываться, сознавать свою вину, чувствовать печаль и унижение.

* * *

Через некоторое время один из улетевших демонов вернулся и спустился в колодец. Он повис в воздухе и сообщил, что видел. Пока он рассказывал, его пламя приняло форму креста τ.

— Колесница такой формы,— сказал он,— пронеслась через небо и упала в долину за Южным пиком.

— Связующий, ты знаешь этот корабль? — спросил Тарака.

— Я слышал это описание и раньше,— ответил Сэм.— Это громовая колесница Бога Шивы. Опиши тех, кто в ней был,— обратился он к демону.

— Там было четверо, Господин.

— Четверо?

— Да. Там был тот, кого ты называл Агни, Бог Огня. Другой с бычьими рогами на полированном шлеме. Броня его похожа на старинную бронзу, но это не бронза; она сделана как бы из множества змей, и когда он двигается, она вроде бы ничего не весит. В одной руке его сверкающий трезубец, но щита перед собой он не несет.

— Это Шива,— сказал Сэм.

— И с ними еще двое, в красном, и взгляд у них темный. Один молчит, но время от времени бросает взгляд на женщину рядом с ним, слева. Она прекрасна видом и волосами, и ее броня красная, как и у него. Глаза ее — как море, а улыбающиеся губы цвета человеческой крови. На шее ее ожерелье из черепов. При ней лук, а за поя-

сом короткий меч. В руках она держит странный инструмент, вроде черного скипетра с серебряным черепом на конце: череп этот также и колесо.

— Эти двое — Яма и Кали,— сказал Сэм.— Теперь слушай меня, Тарака, могущественнейший из Ракшасов, я скажу тебе, что надвигается на нас. Силу Агни ты хорошо знаешь, о Красном я тебе уже говорил. Та, что идет слева от Смерти, тоже выпивает взглядом жизнь. Ее скипетр-колесо вопит, как трубы, символизирующие окончание Йоги, и всякий, кто появится перед его плачем, падает и теряет сознание. Она много страшнее своего Господина, а он безжалостен и непобедим. Тот, что с трезубцем,— сам Бог Разрушения. Это правда, что Яма — Король Смерти, а Агни — Повелитель Пламени, но сила Шивы — это сила хаоса. Его сила отделяет один атом от другого, разрушает формы всех вещей, на которых он направит ее. Против этих четверых вся освобожденная мощь Адского Колодца не может выстоять, так что давай немедленно покинем это место, потому что они наверняка идут сюда.

— Разве я не обещал тебе, Связующий, помогать тебе в битве с богами?

— Да, но я говорил тебе о неожиданном нападении. А теперь они приняли свой Аспект и подняли свои Атрибуты. Даже не высаживая громовую колесницу, они могут решить, что Шенна не будет больше существовать, и тогда вместо этой горы в середине Ратнагарис появится глубокий кратер. Мы должны улететь, а сражаться с ними будем в другой раз.

— Ты помнишь проклятие Будды?— спросил Тарака.— Помнишь, как ты поучал меня насчет вины, Сиддхарта? Я помню и чувствую, что должен дать тебе эту победу. Я кое-что должен тебе за твои страдания, и в уплату отдам этих богов в твои руки.

— Нет! Это ты сделаешь в другой раз, если вообще хочешь служить мне! А сейчас послужи мне тем, что унеси меня отсюда подальше и побыстрее!

— Ты боишься этой схватки, Господин Сиддхарта?

— Да, боюсь! Потому что это безрассудно! Как там в вашей песне: «Мы ждем, мы ждем, чтобы подняться снова»? Где же терпение Ракшасов? Вы говорите, что будете ждать, пока океаны высохнут и горы обвалятся, и луны исчезнут с неба — а ты не можешь подождать, пока я назову время и место битвы! Я знаю этих богов куда лучше, чем ты, потому что когда-то сам был одним из них. Не делай этого необдуманного шага сейчас. Если хочешь послужить мне — избавь меня от этой встречи!

— Прекрасно. Я выслушал тебя, Сиддхарта. Твои слова тронули меня, Сэм. Но я должен испытать их силу. Я вышлю против них несколько Ракшей. А мы с тобой уйдем далеко вниз, к корням мира. Там мы будем ожидать рапорта о победе. Если же Ракши каким-то образом проиграют стычку, тогда я унесу тебя далеко отсюда и верну тебе твое тело. Я хочу поносить его еще несколько часов, чтобы вкусить твои страсти в этой битве.

Сэм наклонил голову.

— Аминь,— сказал он и с ощущением звона и бульканья понял, что его подняли с пола и понесли по обширным пещерам, которых никто из людей не видел.

* * *

Пока они неслись из одной пещеры в другую, под туннелями, ущельями и стенами, через лабиринты, гроты и каменные коридоры, Сэм пустил свой мозг по течению, назад по путям памяти. Он думал о времени своего недавнего монастырства, когда он пытался привить учение Гаутамы к стволу религии, которая правила миром. Он думал о странном человеке — Сугате, руки которого несли и смерть, и благословение. Через много лет их имена всплывут вновь, и дела их, вероятно, смешаются. Он жил достаточно долго и знал, как время перемешивает котлы легенд. Теперь Сэм знал, что Сугата был настоящим Буддой. Учение, которое Сэм, пусть притворно, предлагал, привлекло этого истинно верующего, человека, который каким-то образом добился просветления, запал в мозг людей своей святостью, а затем добровольно погиб в руках самой Смерти. Татагатха и Сугата будут сиять в свете, исходящем от его ученика. Только один Джамма переживет века. Затем мысли Сэма перекинулись на битву в Зале Кармы и к машинам, все еще хранящимся в тайном месте. Он подумал о бесчисленных переселениях души, которым он подвергался до сих пор, о битвах, в которых он участвовал, о женщинах, которых любил за прошедшие века; он думал о мире, каким он должен был быть, и каким был, и почему. И его снова охватила ярость против богов. Он думал о тех днях, когда горсточка их сражалась с Ракшами, Гандхарвами и Морским Народом, с демонами Катапутны и Матерями Страшного Жара, с Лакшини и Пратами, со Скандасами и Пизакасами, и победила, вырвала мир из хаоса и построила первый человеческий город. Он видел, как этот город прошел все стадии, через которые может пройти город, пока не оказался населенным теми, что сами могли превратиться в богов, приняв на себя Аспект, усиливающий их тела, укрепляющий волю и дотягивающий силу их желаний до Атрибутов, что падают, как магическая сила, на тех, против кого повернуты. Он думал об этом городе и этих богах, и он знал их красоту и справедливость, их уродливость и несправедливость. Он думал об их пышности и красках, контрастирующих с остальным миром, и плакал от ярости, ибо знал, что никогда не почувствует их настоящей правоты, их настоящей ошибочности в противостоянии этому. Вот почему он ждал так долго и ничего не предпринимал. А теперь, будет ли у него победа или поражение, удача или провал, будет ли в результате всех его действий смерть или продолжение мечты о городе — все равно тяжесть вины останется с ним.

Они ждали в темноте.

Они ждали долго и молча. Время тянулось, как старик, взбирающийся на холм.

Они стояли на выступе, окружавшем черный водоем, и ждали.

— Услышим ли мы?

— Возможно. А может, нет.

— Что мы будем делать?
— Что ты имеешь в виду?
— Если они вообще не придут? Долго мы будем ждать здесь?
— Они придут с пеньем.
— Надеюсь.

Но не было ни пенья, ни движения. Вокруг них было безмолвие времени, не имеющего предметов, которые можно изнашивать.

— Сколько времени мы ждем?
— Не знаю. Долго.
— Чувствую, что дело плохо.
— Может, ты и прав. Не подняться ли нам на несколько уровней и проверить? Или мне сразу же отнести тебя на свободу?
— Давай подождем еще.
— Ладно.

И снова тишина.

— Что это?
— Что?
— Звук.
— Я ничего не слышу, а мы пользуемся одними ушами.
— Не телесными ушами... Вот опять!
— Я ничего не слышу, Тарака.
— Звук продолжается. Похож на визг, но он не прерывается.
— Далеко?
— Да, порядочно. Послушай моим способом.
— Да! Я уверен, что это скипетр Кали. Значит, сражение продолжается.
— Так долго? Значит, боги сильнее, чем я предполагал.
— Нет, это Ракши сильнее, чем я предполагал.
— Выиграем мы или проиграем, Сиддхарта, боги некоторое время будут заняты. Если мы сможем пройти мимо них, может, их корабль не охраняется... Ты хотел бы этого?
— Украсть громовую колесницу? Это мысль. Она ведь не только транспорт, но и мощное оружие. Каковы наши шансы?
— Я уверен, что Ракши могут задержать их на необходимое время, а подниматься из Адского Колодца долго. Мы не сможем воспользоваться выступом. Я очень устал, но все-таки смогу удержать нас в воздухе.
— Давай поднимемся на несколько уровней и посмотрим.

Они оставили свой выступ у черного водоема, и время снова билось вокруг них, когда они взлетели вверх.

Пока они поднимались, навстречу им вылетел шар света. Он опустился на пол пещеры и вырос в дерево зеленого огня.

— Как идет сражение? — спросил Тарака.
— Мы удерживаем их, — ответил огонь, — но не можем подойти к ним близко.
— Почему?
— Вокруг них что-то, что отталкивает нас. Я не знаю, как это назвать, но мы не можем подойти достаточно близко.
— Тогда как же вы сражаетесь?

— Вокруг них бушует каменный шторм. Мы также крутим огонь, воду и сильный ветер.

— Как они отвечают на это?

— Трезубец Шивы прорезает тропу через все. Но как бы много он ни разрушал, мы поднимаем против него еще больше. Так что он стоит, как статуя, уничтожая штормы, а мы не даем им кончиться. Время от времени он отвлекается, чтобы убивать, в то время как Бог Огня сдерживает нападение. Скипетр богини замедляет действия тех, кто окажется напротив него. А замешкавшийся встречает трезубец или руку, либо глаза Смерти.

— И вам не удалось повредить им?

— Нет.

— Где они стоят?

— Они медленно спускаются по стене колодца. Они еще близко от вершины.

— Сколько мы потеряли?

— Восемнадцать.

— Значит, это была ошибка — кончить наше ожидание и начать битву. Цена высокая, а выигрыша никакого. Сэм, ты желаешь попытаться насчет колесницы?

— Стоило бы рискнуть... Да, давай попробуем.

— Пошли.— Тарака обернулся к качающемуся перед ним Ракше.—Иди, а мы будем медленно подниматься. Мы поднимемся по противоположной от них стороне колодца. Когда мы начнем подъем, удвойте атаку. Займите их полностью, пока мы проходим мимо них. Удерживайте их столько времени, чтобы мы успели захватить их колесницу в долине. Когда это будет сделано, я вернусь к вам в своей истинной форме, и мы положим конец сражению.

— Повинуюсь,— ответил демон, упал на пол, стал зеленой змеей света и пополз от них.

Они ринулись вперед и часть пути пробежали, чтобы сберечь силу Тараки для последнего необходимого броска — преодоления гравитации.

Они находились глубоко под Ратнагарис, и обратное путешествие казалось бесконечным.

Но, наконец, они оказались на дне колодца; света там было достаточно даже для телесных глаз. Сэм отчетливо видел все вокруг. Шум стоял оглушающий. Если бы Сэм и Тарака общались с помощью речи, то общения бы не было вовсе.

На стене колодца расцвело пламя, как фантастическая орхидея на эбеновом сучке. Когда Агни махал жезлом, оно, корчась, изменяло форму. В воздухе носились Ракши, как яркие насекомые. Грохот происходил как от порывов ветра, так и от падения множества камней. И все это покрывалось завыванием черепа-колеса, которым Кали махала перед собой, как веером; и звук этот был еще более ужасным, когда переходил в визг и поднимался за порог слышимости. Скалы расщеплялись, плавились и растворялись в воздухе; их раскаленные добела куски разлетались, как искры с наковальни, и падали вниз. Они прыгали и катились, и сверкали красным в тенях Адского

Колодца. Стены колодца были в оспинах, выбоинах и зарубках в тех местах, где их касалось пламя и хаос.

— Ну,— сказал Тарака,— идем!

Они поднялись в воздух и двинулись вдоль стены колодца. Сила атаки Ракшасов возросла, но и контратака усилилась. Сэм зажал ладонями уши, но это не спасало от обжигающих игл в голове, шевелящихся всякий раз, когда серебряный череп махал в его сторону. На небольшом расстоянии от него сразу исчезла целая секция скалы.

— Они нас не заметили,— сказал Тарака.

— Пока да,— ответил Сэм.— Этот проклятый Бог Огня может увидеть песчинку в море чернил. Если он повернется в нашу сторону, ты, надеюсь, сумеешь увернуться...

— Вот так?— спросил Тарака, когда они внезапно рванули на сорок футов вверх и на сколько-то влево.

Теперь они поднимались быстро, и линия плавящейся скалы преследовала их. Затем их путь замедлился, когда демоны подняли вой, отрывали гигантские валуны и швыряли их в богов под аккомпанемент ураганов и широких полос огня.

Они достигли вершины колодца, перешли через край и стремительно понеслись прочь от места боя.

— Теперь нам придется бежать кругом, чтобы достичь коридора, ведущего к двери.

Из колодца вылетел Ракша и бросился к ним.

— Они отступают!— закричал он.— Богиня упала. Бог в красном подхватил ее и поддерживает, пока они летят!

— Они не отступают,— сказал Тарака,— они отрезают нас! Блокируйте им путь! Разрушьте выступ! Быстро.

Ракша, как метеор, упал в колодец.

— Связующий, я очень устал. Не знаю, смогу ли нести нас от внешнего выступа весь путь до земли внизу.

— А часть пути сможешь?

— Да.

— Первые триста футов, там, где тропа очень узка?

— Думаю, да.

— Хорошо!

И они побежали.

Когда они огибали Адский Колодец, появился второй Ракша и полетел рядом с ними.

— Рапортую!— крикнул он.— Мы дважды разрушали выступ, но каждый раз Бог Огня выжигал новый!

— Больше ничего нельзя сделать. Теперь оставайся с нами! Нам понадобится твоя помощь в другом деле.

Демон полетел впереди. Клин малинового света освещал им путь.

Они обогнули колодец и вступили в коридор. Дойдя до его конца, они распахнули дверь и шагнули на выступ. Ракша, бывший впереди, захлопнул за ними дверь, сказал:

— Они продолжают!

Сэм шагнул через выступ. Дверь вспыхнула на миг, затем расплавилась.

С помощью второго Ракши они спустились к подножию Шенны и пошли по тропе вокруг склона. Гора защищала их теперь от богов. Но по ней на миг хлестнуло пламя.

Второй Ракша взлетел высоко в воздух, покружился и исчез.

Они бежали по тропе к долине, где стояла колесница. Когда они уже подбегали к ней, Ракша вернулся.

— Кали, Яма и Агни спускаются,— доложил он.— Шива остался сзади удерживать коридор. Агни ведет преследование. Яма помогает хромающей богине.

В долине перед ними стояла громовая колесница. Гладкая, без украшений, цвета бронзы, хотя это была и не бронза. Она стояла на широкой травянистой поляне. Она была похожа на упавшую молитвенную багню или на ключ от гигантского дома, или на какую-то необходимую часть небесного музыкального инструмента, выскользнувшую из созвездия и упавшую на землю. Она почему-то выглядела незаконченной, хотя глаз не мог найти никакого изъяна в ее линиях. Она была прекрасна той особой красотой, которая свойственна оружию высшего порядка, и требовала функций, которые сделают ее совершенной.

Сэм подошел к ней, нашел люк, открыл его.

— Ты можешь управлять этой колесницей, Связующий?— спросил Тарака.— Поднять ее в небо и сеять разрушение по стране?

— Я уверен, что Яма поставил тут самое простое управление. Он упрощает, где только может. Я летал раньше на реактивных двигателях Неба, и думаю, что этот того же порядка.

Он нырнул в кабину, сел на сиденье водителя и уставился на панель управления перед собой.

— Черт побери!— сказал он. Его рука потянулась вперед и отдернулась.

Другой Ракша неожиданно появился, пройдя сквозь металлическую стенку кабины, и повис над консолью.

— Боги движутся быстро,— возвестил он.— Особенно Агни.

Сэм щелкнул серией выключателей и нажал кнопку. Над всей панелью вспыхнул свет и послышалось жужжанье.

— Далеко он?— спросил Тарака.

— Почти на полпути вниз. Он расширил тропу огнем и бежит теперь по ней, как по шоссе. Препятствия сжигает. Расчищает путь.

Сэм потянул рычаг и проверил шкалу, читая индикаторы. По кораблю прошла дрожь.

— Ты готов?— спросил Тарака.

— Греется. Не могу охладить. Этот бортовой механизм хитрее, чем я думал.

— А погоня близка.

— Да.

Издалека донеслись звуки нескольких взрывов, заглушивших шум колесницы. Сэм подвинул рычаг на другую отметку, снова установил шкалу.

— Я пойду замедлять им ход,— сказал Ракша и исчез.

Сэм передвинул рычаг на две отметки дальше; что-то зашипело и умерло. Корабль снова стал безмолвным.

Сэм дернул рычаг в первоначальное положение, повернул циферблат, снова нажал кнопку.

Снова дрожь пробежала по колеснице, где-то слышалось мурлыканье. Сэм подвинул рычаг на одно деление, установил шкалу. Через минуту повторил, и мурлыканье перешло в мягкое ворчанье.

— Пропал,— сказал Тарака.— Умер.

— Кто?

— Тот, кто хотел остановить Бога Пламени. Не удалось.

Послышались новые взрывы.

— Адский Колодец уничтожен,— сказал Тарака.

Сэм ждал, положив руку на рычаг. Пот выступил на его лбу.

— Вот он — Агни!

Сэм взглянул сквозь наклонную щитовую пластину. Бог Пламени вошел в долину.

— Прощай, Сиддхарта!

— Нет еще,— сказал Сэм.

Агни взглянул на колесницу и поднял жезл.

Ничего не случилось.

Агни постоял, направив жезл, затем опустил его, потряс. Снова поднял.

Но пламя опять не вышло.

Он закинул левую руку за шею и что-то поправил. Пока он это делал, из жезла выскочил свет и прожег глубокую дыру в земле рядом с ним.

Агни снова направил жезл.

Ничего.

Тогда он побежал к кораблю.

— Электрическое управление?— спросил Тарака.

— Да.

Сэм нажал на рычаг, настроил шкалу. Вокруг поднялся рев. Он нажал другую кнопку, и в задней части корабля послышался треск. Он двинул циферблат, но тут к люку подошел Агни.

Вспышка огня и звон металла.

Сэм встал с сиденья и вышел из кабины в коридор.

Агни вошел и указал на жезл.

— Не двигаться! Сэм! Демон!— крикнул он, перекрывая рев машин; его очки стали красными, и он улыбнулся.— Демон, не двигайся, иначе сгоришь вместе со своим хозяином!

Сэм кинулся на него. Агни упал, потому что не ожидал нападения.

— Короткое замыкание, а?— сказал Сэм, хватая Агни за горло.— Или пятна на солнце?— И он ударил Агни в висок.

Агни завалился набок, и Сэм нанес ему последний удар ребром ладони над ключицей.

Он отшвырнул ногой жезл в коридор, но, подойдя к люку, понял, что уже поздно.

— Уходи теперь, Тарака,— сказал он.— Здесь моя битва. Ты больше ничего не сможешь сделать.

— Ну, раз ты хочешь... Но я хочу сказать тебе одну вещь...

— Брось! В следующий раз, когда я буду по соседству...

— Связующий, это та вещь, которой я научился от тебя. Мне очень жаль... прости меня... Я...

Страшное дерганье, ощущение скручивания тела и мозга, когда смертельный взгляд Ямы упал на Сэма и проник глубоко в его сущность.

Кали тоже смотрела в его глаза, подняв свой воющий скипетр. Это было как подъем одной тени и падение другой.

— Прощай, Связующий,— пронеслось в его мозгу.

Затем завизжал череп.

Сэм почувствовал, что падает.

* * *

Вибрация.

В его голове и всюду вокруг него.

Он проснулся от вибрации. Он чувствовал, что боль окутала его, как бинтом.

На запястьях и лодыжках были цепи.

Он полусидел на полу маленького помещения. В дверях сидел и курил Красный.

Яма кивнул ему, но ничего не сказал.

— Почему я еще жив?— спросил его Сэм.

— Ты жив, чтобы принять назначение, сделанное много лет тому назад в Махартхе,— сказал Яма.— Брама очень желает снова увидеть тебя.

— Но я не очень желаю видеть Браму.

— После стольких лет это заметно.

— Я вижу, ты благополучно выбрался из песка.

Яма улыбнулся.

— Ты опасный мужик,— сказал он.

— Знаю. Я практик.

— Однако я попортил тебе дело.

— К несчастью, да.

— Возможно, тебе удастся возместить свои потери. Мы на полпути к Небу.

— Ты думаешь, у меня есть шанс?

— Пожалуй. Времена меняются. Брама, может быть, станет на этой неделе снисходительным богом.

— Мой бывший лекарь говорил мне, что надо указывать крайние случаи.

Яма пожал плечами.

— А что с демоном?— спросил Сэм.— С тем, что был со мной?

— Я коснулся его,— сказал Яма.— Крепко. Не знаю, покончил я с ним или просто сбросил. Но ты насчет этого не беспокойся: я обрызгал тебя демонским репеллентом. Если этот демон все еще жив, то пройдет много времени, прежде чем он оправится от нашего

контакта. Если вообще оправится. Как это вышло в первый раз? Я думал, что ты иммунен против демонского захвата.

— Я тоже так думал. А что за демонский репеллент?

— Я нашел химическое вещество, безвредное для нас, но против которого не может устоять ни одно энергетическое существо.

— Полезная вещь. Вот бы пользоваться им в дни связывания!

— Да. Мы применили его в Адском Колодце.

— Это было настоящее побоище, насколько я мог видеть.

— Да,— сказал Яма.— А на что это похоже — захват демоном? Каково ощущение, когда чужая воля завладеет твоей?

— Очень странное,— сказал Сэм,— и пугающее, но одновременно и воспитывающее.

— В каком смысле?

— Первоначально это был их мир. Мы его у них отняли. И их же возненавидели. Для них мы — демоны.

— Но на что похоже это ощущение?

— Что твоя воля захвачена другой? Ты должен это знать.

Улыбка Ямы исчезла, но затем вернулась снова.

— Ты хочешь, чтобы я ударил тебя, не так ли, Будда? Это дало бы тебе чувство превосходства. К несчастью, я не садист и не сделаю этого.

Сэм засмеялся.

— Тебя задело, Смерть.

Некоторое время они сидели молча.

— Не поделишься со мной сигаретой?

Яма зажег сигарету и протянул Сэму.

— Как выглядит сейчас Первая База?

— Ты ее вряд ли узнаешь,— сказал Яма.— Если бы в данный момент все там умерли, она останется идеальной еще десять тысяч лет. Цветы будет цвести, музыка — играть, фонтаны будут рябить по длине спектра. В садовых павильонах будет стоять горячая еда. Сам по себе город бессмертен.

— Подходящее жилище, я полагаю, для тех, кто называет себя богом.

— Называет?— переспросил Яма.— Ты ошибаешься, Сэм. Божественность — не только название; это условие существования. Бог не потому бог, что бессмертен — ведь даже последний работяга может получить непрерывность существования. И это не обусловленность Аспекта. Нет. Любой компетентный гипнотизер может играть с собственным обличьем. И дело не в подъеме Атрибута. Тоже нет. Я могу сконструировать машины более мощные и точные, чем любая способность, могущая развиться у человека. Быть богом — это качество бытия, способность быть самим собой в такой мере, что его страсти соответствуют силам вселенной, и те, кто смотрит на него, понимают это, даже не слыша имени. Один древний поэт сказал, что мир полон откликов и соответствий. Другой написал большую поэму об аде, где каждому уготована та мука, которая соответствует силам природы, управлявшим его жизнью. Быть богом — значит быть способным осознать в себе то, что важно, а затем бить в одну

точку, чтобы привести это важное в одну линию со всем существующим. Затем, за пределами морали, логики и эстетики, Бог есть ветер или огонь, море, дождь, солнце или звезды, полет стрелы, конец дня, любовные объятия. Бог правит через свои преобладающие страсти. И те, кто смотрит на богов, говорят, даже не зная их имен: «Он — Огонь». «Она — Танец». «Он — Разрушение». «Она — Любовь». Итак, отвечаю на твое замечание: они не называют себя богами; богами их называют все остальные, все, кто видит их.

— Итак, они играют это на своих фашистских банджо?

— Ты выбрал неудачное прилагательное.

— Все остальные ты уже использовал.

— Похоже, что наши мысли насчет этого никогда не сойдутся.

— Если кто-то спрашивает тебя, зачем ты угнетаешь мир, а ты отвечаешь кучей поэтического вздора — тогда, конечно, нет. Думаю, что тут мысли просто не могут сойтись.

— Тогда давай выберем другую тему для разговора.

— Однако, я видел *тебя* и сказал: «Он — Смерть».

Яма не ответил.

— Странная преобладающая страсть. Я слышал, что ты стал старым до того, как был молодым.

— Ты знаешь, что это правда.

— Ты был замечательным механиком и мастером оружия. Твоя юность сгорела во взрыве, и ты в тот же день стал стариком. Не в этот ли день смерть стала твоей главной страстью? Или это было раньше? Или позднее?

— Неважно,— сказал Яма.

— Почему ты служишь богам? Потому что веришь в то, что сказал мне, или потому, что ненавидишь большую часть человечества?

— Я не солгал тебе.

— Значит, Смерть — идеалист. Забавно.

— Вовсе нет.

— А не может быть, Господин Яма, что ни одна их этих догадок не правильна? Что твоя главная страсть...

— Ты уже упоминал ее имя,— сказал Яма,— в такой же речи, и сравнивал ее с болезнью. Ты и тогда был неправ, и сейчас заблуждаешься. Я не хочу слушать эту проповедь еще раз и, поскольку я сейчас не в зыбучем песке, я и не буду слушать.

— Ладно,— сказал Сэм.— Но скажи, главные страсти богов когда-нибудь меняются?

Яма улыбнулся.

— Богиня танца была когда-то богом войны. Похоже, что все может меняться.

— Когда я умру реальной смертью,— сказал Сэм,— тогда я, наверное, изменюсь. Но до того момента я буду ненавидеть Небо. Ненавидеть до последнего вздоха. Если Брама сожжет меня, я буду плевать в пламя. Если он меня задушит, я буду пытаться кусать его руки. Если он перережет мне глотку, может быть, его клинок заржавеет от моей крови. Это тоже — главная страсть?

— Ты — хороший бог материи,— сказал Яма.

— Хороший бог!

— Прежде чем что-либо случится,— сказал Яма,— я получил заверение, что тебе позволят присутствовать на свадьбе.

— На свадьбе? Твоей и Кали? Скоро?

— Когда меньшая луна будет полной. Поэтому, что бы там Брама ни решил, я, по крайней мере, могу поставить тебе выпивку, прежде чем что-то произойдет.

— За это спасибо, бог смерти. Но я всегда считал, что свадеб на Небе не бывает.

— Эту традицию собираются ломать,— ответил Яма.— Нет более проклятой традиции.

— Тогда — желаю счастья.

Яма кивнул, зевнул и снова закурил.

— Кстати,— сказал Сэм,— какова последняя мода в небесных казнях? Я спрашиваю в чисто информативных целях.

— Казни в Небе не совершаются.

Глава 5

Из Адского Колодца он пошел в Небо, чтобы объединиться с богами. Небесный Город содержит многие тайны, в том числе кое-что из его прошлого. Известно далеко не все, что случилось за то время, пока он пребывал там. Однако, известно, что он ходатайствовал перед богами в интересах планеты, приобрел симпатии одних и вражду других. Если бы он предпочел предать человечество и принять предложение богов, то он, как некоторые говорили, мог бы жить вечно, как Хозяин Города, и не встретил бы смерть в когтях призрачных кошек Канибурхи. Правда, клеветники говорили, что он принял эти предложения, но позднее выдал сам себя, вернувшись в своих симпатиях к страдающему человечеству до конца своих дней, которых осталось очень мало..

Опоясанная молниями, несущая знамя,
вооруженная мечом, колесом, луком,
защитница, обманщица, ясная,
любящая и любимая,
Брахмани, Матерь Вед, живущая в
тишине в самых тайных местах,
связующая доброе и спокойное,
всезнающая, быстрая, как мысль,
носительница черепов, обладающая
властью, сумерками,
непобедимый вождь, сострадательная,
открывающая путь потерянным, умоляющим о милости,
учитель, доблесть в образе женщины,
изменчивая сердцем, суровая,
волшебница, пария, бессмертная и вечная...

Ариатаррабхаттариканамасхтоттарасатакастотра /26-40/

В то время, как часто бывало и в прошлом, ее снежный мех был приглажен ветром.

Она шла там, где колыхаются лимонного цвета травы. Она шла

по извилистой тропе под темными деревьями и цветами джунглей, и яшмовые утесы поднимались направо, прожилки молочно-белого камня, простреленные оранжевыми полосками, открывались ей.

Затем, как часто бывало и раньше, она шла на мягких подушечках своих лап, ветер гладил ее белый, как мрамор, мех, и десять тысяч ароматов джунглей и равнины окружали ее здесь, в сумерках места, которое существовало лишь наполовину.

Она шла одна по не имевшей возраста тропе через джунгли, которые были частично иллюзией. Белый тигр — одинокий охотник. Если другие идут тем же курсом, никто из них не смеет составить ему компанию.

Затем, как это бывало и раньше, она взглянула вверх, на гладкую серую оболочку неба и на звезды, что блестели там, как чешуйки льда. Ее серповидные глаза широко раскрылись, она остановилась и села, глядя вверх.

За кем она охотилась?

Низкий звук, вроде хихиканья, перешедшего в кашель, вырвался из ее горла. Она внезапно прыгнула на высокий камень и села там, облизывая плечи. Когда показалась луна, она стала следить за луной. Она казалась статуей, вылепленной из нетающего снега, под ее бровями играло топазовое пламя.

Затем, как и раньше, она подумала, в настоящих ли джунглях канибурхи она сидит. Она чувствовала, что она все еще в границах настоящего леса. Но точно не знала.

За кем она охотится?

Небо находится на плато, которое когда-то было горной грядой. Эти горы были расплавлены и сглажены, чтобы сделать ровную основу. С зеленого юга была принесена почва, чтобы эта голая структура покрылась растительностью. Все пространство прикрыл прозрачный купол, защищающий от полярного ветра и от прочих нежелательных проникновений внутрь.

Небо стояло высокое и сдержанное и радовалось долгим сумеркам и долгим ленивым дням. Свежий воздух, нагретый, когда его втягивали внутрь, циркулировал по Городу и лесу. В самом куполе можно было генерировать облака. Из них вызывали сильный дождь, который падал почти на все пространство. Таким же способом можно было вызвать и снегопад, но этого никогда не делалось. На небе всегда было лето.

В небесном лете стоял Небесный Город.

Небесный Город рос не так, как растут города людей — вокруг порта, или хорошей пахотной земли, пастбищ, охотничьих угодий, торговых путей или районов, богатых теми или иными природными ресурсами, нужными людям. Небесный Город возник из концепции в умах его первых жителей. Растительность его не растет медленно и как попало. Не строят здание — здесь, а новую дорогу — там, не ломают один дом, чтобы дать место другому, не соединяют все части в одно неправильное и разномастное целое. Нет. Каждое полезное требование обсуждалось, каждый дюйм великолепия рассчитывался первыми планировщиками и увеличивающими чертеж маши-

нами. Эти планы были скоординированы и осуществлены несравненным архитектором-художником.

Вишну, Охраняющий, держал в своем мозгу весь небесный Город до того дня, когда он повернул шпиль высотой в милю на спине Птицы-Гаруды книзу, и Город был полностью захвачен каплей пота с его лба.

Итак, Небо возникло из мысли бога, эта концепция стимулировалась желаниями его товарищей. Небо заложено было больше по желанию, чем по необходимости, в пустыне льда, снега и камня, на безвременном полюсе мира, где могли создать себе дом только могучие.

(За кем же она охотится?)

Под куполом Неба, рядом с Небесным Городом, был большой лес Канибурха. Вишну в своей мудрости видел, что должно быть равновесие между метрополией и пустыней. В то время как пустыня могла существовать независимо от городов, жителям города требовались для удовольствия не только культурные растения. Если бы весь мир был городом, рассуждал Вишну, часть его жителей жила бы в пустыне, потому что у всех есть желание иметь место, где кончается порядок и начинается хаос. Итак, в его мысли вырос лес с могучими ручьями и запахами растительности и разложения, полный криками бесчисленных существ, живущих в темных местах, сжимающихся на ветру и искрящихся в дождь, гибнущих и снова возрождающихся.

Пустыня подошла к краю Города и остановилась. Входить туда было запрещено, и Город охранял свои границы.

Но некоторые из живых в лесу существ были хищниками, они не признавали пограничных рубежей и входили и выходили по своему желанию. Главными среди них были тигры-альбиносы. Было написано богами, что кошки-призраки не могут видеть Небесный Город; так что в их глаза, в глазные нервы было заложено понятие, что Города здесь нет. Белые кошки полагали, что мир — это только лес Канибурхи. Они ходили по улицам Неба, и для них это были тропы джунглей. Если боги, проходя мимо, поглаживали их мех, это было прикосновение руки ветра. Если они поднимались по широким ступеням — это был каменистый склон. Здания были утесами, статуи — деревьями. Прохожих они просто не видели.

Однако, если бы кто-то из Города вошел в настоящий лес — кошка и бог жили бы тогда на одном уровне существования: дикое место, равновесие.

Она снова кашлянула, как это бывало и раньше, и ее снежный мех пригладил ветер. Она была призрачной кошкой, она три дня шла по диким местам Канибурхи, убивая и пожирая сырую красную плоть жертвы, выкрикивая громогласный кошачий вызов, вылизывая мех широким, шершавым языком, чувствуя, как на спину ей падает дождь, капает с высоких веток, приходит с грозой из туч, которые чудесным образом скапливаются в центре Неба; шла с огнем в пояснице, потому что спаривалась накануне с лавиной мертво-окрашенного меха, чьи когти царапали ее плечи, и запах крови приводил их обоих

в неистовство. Мурлыкала, когда холодные сумерки сошли на нее и принесли луны, похожие на изменяющиеся полукруги ее глаз, золотую, серебряную и серо-коричневую. Она сидела на камне, лизала лапы и думала, за кем же она охотится.

* * *

В Саду Лакапалас Лакшми лежала с Куберой, сильным хранителем мира, на душистом ложе, поставленном у бассейна, где купались Апсары. Другие трое из Лакапаласа в этот вечер отсутствовали... Апсары со смехом брызгали душистой водой на ложе. Бог Кришна Темный почему-то выбрал именно этот момент, чтобы дунуть в свою свирель. Девушки тут же отвернулись от Куберы-Судьбы и Лакшми-Возлюбленной, положили локти на край бассейна и уставились на Кришну, лежащего под цветущим деревом между бурдюками с вином и остатками пищи.

Он пробежал пальцами по свирели и извлек одну долгую жалобную ноту и серию козьеподобного блеяния. Гвари Прекрасная, которую он добрый час раздевал, а потом, по-видимому, забыл, встала, нырнула в бассейн и исчезла в одной из многочисленных подводных пещер. Он икнул, начал одну мелодию, остановился и начал другую.

— Правду ли говорят насчет Кали? — спросила Лакшми.

— Что говорят? — ворчливо спросил Кубера, потянувшись к чаше сомы.

Она взяла чашу из его рук, отпила и вернула ему. Он выпил залпом и поставил чашу на поднос. Слуга снова наполнил ее.

— Что она хочет человеческую жертву для празднования своей свадьбы?

— Возможно,— сказал Кубера.— С нее станется. Кровожадная сука, вот она кто. Она переселяется в какое-нибудь злобное животное для праздника. Однажды стала огненным петухом и вцепилась когтями в лицо Ситалы за то, что та что-то сказала.

— Когда?

— Ну... десять или одиннадцать воплощений назад. Ситала носила вуаль чертовски долгое время, пока ей готовили новое тело.

— Странная пара,— сказала Лакшми, куснув его за ухо.— Твой друг Яма, единственный, кто хотел бы любиться с ней. Вдруг она разозлится на своего любовника и бросит на него смертельный взгляд? Кто, кроме Ямы, может его выдержать?

— Никто,— сказал Кубера.— Мы таким образом потеряли Картикейю, Бога Сражений.

— Да?

— Угу. Она странная особа. Вроде Ямы, хоть и не похожа на него. Он бог смерти, это верно, но он убивает быстро и чисто. А Кали — как кошка.

— Яма когда-нибудь говорил о тех чарах, которыми она его держит?

— Ты пришла сюда собирать сплетни или для чего-то путного?

— И для того, и для другого,— сказала она.

В этот момент Кришна принял свой Аспект и поднял Атрибут

божественного опьянения. Из его свирели полилась горько-темная кисло-сладкая заразительная мелодия. Опьянение в нем распространялось по саду попеременно то радостными, то печальными волнами. Он встал на гибкие смуглые ноги и начал танцевать. Плоские черты его лица ничего не выражали. Влажные темные волосы лежали тугими кольцами, точно проволока; даже борода была такая же кудрявая. Когда он двинулся, Апсары вышли из бассейна и последовали за ним. Его свирель блуждала по тропам древних мелодий и становилась все более и более неистовой, по мере того, как он двигался все быстрее и быстрее, пока, наконец, не сорвался на Раза-Лила, Танец Вожделения, а его свита, положив руки на бедра, следовала за ним с невероятной скоростью по спиральным движениям танца.

Кубера крепче прижал к себе Лакшми.

— Теперь *это* Атрибут,— сказала она.

* * *

Рудра Жестокий натянул лук и послал стрелу. Стрела неслась все дальше и дальше и, наконец, остановилась на отдых в центре далекой мишени.

Стоявший рядом с ним Господин Муруган хмыкнул и опустил лук.

— Опять твоя взяла,— сказал он.— Мне этого не побить.

Они ослабили луки и пошли к мишени за стрелами.

— Ты встречался с ним?— спросил Муруган.

— Когда-то, очень давно, я знал его,— ответил Рудра.

— Акселерационист?

— Тогда он им не был. Вообще ничего политического. Он из Первых, из тех, кто смотрел на Уратху.

— Да?

— Он отличился в войнах с Морским Народом и с Матерями Страшного Жара.— Рудра сделал в воздухе знак.— Позднее об этом вспомнили, и он получил назначение на северные марши в войне против демонов. В те дни он был известен как Калкин, и там стал называться Связующим. Он развил Атрибут и воспользовался им против демонов. Он уничтожил большую часть Якшасов, а Ракшасов связал. Когда Яма и Кали захватили его в Адском Колодце в Мальве, ему уже удалось освободить Ракшей. Таким образом Ракши снова распространились в мире.

— Зачем он это сделал?

— Яма и Агни говорили, что он заключил пакт с главой Ракшасов. Они подозревают, что он предложил этому Ракше в аренду свое тело в обмен на обещание, что отряды демонов будут воевать с нами.

— Значит, на нас могут напасть?

— Сомневаюсь. Демоны не дураки. Если они не смогли справиться с четырьмя нашими в Адском Колодце, вряд ли они нападут на всех нас здесь, в Небе. А Яма сейчас в Большом Зале Смерти конструирует особое оружие.

— А где его будущая супруга?

— Кто знает?— ответил Рудра.— Да и кому какое дело?

Муруган улыбнулся.

— Когда-то я думал, что ты сам всерьез влюблен в нее.

— Слишком холодная, слишком насмешливая,— сказал Рудра.

— Она оттолкнула тебя?

Рудра повернул свое темное, никогда не улыбающееся лицо к прекрасному богу юности.

— Ты плодишь божества хуже, чем марксисты,— сказал он.— Ты думешь, что все это идет как между людьми. Мы и в самом деле были некоторое время друзьями, но она слишком суровая с друзьями и поэтому теряет их.

— И этим она оттолкнула тебя?

— Полагаю, что так.

— А когда она взяла в любовники Моргана, поэта с равнин, он в один прекрасный день воплотился в джек-птицу и улетел. Ты как раз тогда охотился на джек-птиц, пока твои стрелы не выбили за месяц почти всех их в Небе.

— Я и сейчас охочусь на джек-птиц.

— Зачем?

— Мне не нравится их пение.

— Слишком холодное, слишком насмешливое,— согласился Муруган.

— Я не люблю *ничьих* насмешек, бог юности. Можешь ты обогнать стрелы Рудры?

Муруган снова улыбнулся

— Нет,— сказал он,— и никто из моих друзей в Локапаласе не мог бы. Да им этого и не надо.

— Когда я принимаю свой Аспект,— сказал Рудра,— я беру свой большой лук, данный мне самой Смертью, я посылаю свистящую стрелу за много миль преследовать движущуюся цель, и она поражает насмерть, как удар молнии.

— Давай поговорим о другом,— сказал Муруган.— Я слышал, что наш гость несколько лет назад в Махартхе насмеялся над Брамой и напал на священные места. Как я понимаю, он и есть тот самый, что основал религию мира и просветления.

— Тот самый.

— Интересно.

— Пожалуй.

— Что сделает Брама?

Рудра пожал плечами.

— Об этом знает только Брама,— ответил он.

* * *

В месте, называемом Брошенным Миром, где за краем Неба нет ничего, кроме далекого мерцания купола, а далеко внизу — пустой земли, скрытой под дымно-белым туманом, стоял открытый со всех сторон Павильон Тишины; на его круглую серую крышу никогда не падал дождь, на его балконах и балюстрадах по утрам клубился туман, а в сумерках гуляли ветры. В пустых комнатах иногда сидели на

жесткой темной мебели или прохаживались между серыми колоннами задумчивые боги, сломленные воины или оскорбленные любовники; они приходили сюда подумать обо всех пагубных или пустяшных вещах под небом за Мостом Богов, среди камней, где мало красок и единственный звук — шум ветра. Здесь, вскоре после дней Первых, сидели философ и колдун, мудрец и маг, самоубийца и аскет, свободный от желаний нового рождения или обновления. Здесь, в центре отречения и забвения, было пять комнат под названиями Воспоминание, Страх, Разбитое Сердце, и Отчаяние; и этот павильон был построен Куберой-Судьбой, который не слишком заботился давать название любому из этих чувств, но, как друг Господина Калкина, сделал это здание по настоянию Канди Свирепой, иногда известной как Дурга или Кали, потому что он один из всех богов обладал Атрибутом материализовать соответствие и мог облечь работу своих рук в ощущения и страсти, переживаемые теми, кто появлялся тут.

Они сидели в комнате Разбитого Сердца и пили сому, но не пьянели.

Вокруг Павильона Тишины сгустились сумерки, и ветры, кружащие по Небу, летели мимо.

Они сидели в черных плащах на темных сиденьях. Его руки лежали на ее руках на столе, разделявшем их; гороскопы всех их дней проходили мимо них по стене, отделявшей Небо от небес; они молчали, рассматривая страницы пережитых ими столетий.

— Сэм,— сказала она наконец,— разве они не были хорошими?

— Были,— ответил он.

— И в те давние дни — до того, как ты оставил Небо, чтобы жить среди людей — ты любил меня?

— Теперь уж и не помню,— сказал он.— Это было очень давно. Мы оба были тогда другими — другие мысли, другие тела. Может быть, те двое, какими бы они ни были, любили друг друга. Но я не помню.

— А я помню весну мира, как будто это было вчера — те дни, когда мы вместе ездили сражаться, и те ночи, когда мы стряхивали звезды со свежеокрашенных небес! Мир был такой новый и совсем другой тогда, с затаившейся в каждом цветке угрозой и бомбой за каждым восходом солнца. Мы вместе отбивали мир, ты и я потому, что ничто, в сущности, не нуждалось в нас здесь, и все сопротивлялось нашему приходу. Мы прорезали и прожигали себе путь по земле и по морям, и мы сражались под морями и под небесами, пока не выбили все, что сопротивлялось нам. Затем были построены города и королевства, и мы возвысили тех, кого мы выбрали, чтобы управлять через них, а когда они перестали развлекать нас, мы снова их сбросили. Что знают молодые боги о тех днях? Могут ли они понять ту власть, которую знали мы — Первые?

— Не могут,— ответил он.

— Когда мы жили в нашем дворце у моря, и я принесла тебе много сыновей, и наш флот завоевывал острова, разве не были прекрасны и полны очарования те дни? И ночи с огнем, ароматами и вином? Ты любил меня тогда?

— Я думаю, те двое любили друг друга.

— Те двое? Мы не так уж отличаемся от них. Мы не настолько изменились. Хотя с тех пор прошли века, есть что-то внутри нас, что не меняется, не переделывается, сколько бы тел мы ни сменили, сколько бы любовников ни брали, сколько бы прекрасного и безобразного ни видели и ни делали, сколько бы ни передумали, ни перечувствовали. Сущность наша остается в центре всего этого и наблюдает.

— Разрежь плод,— внутри семя. Это и есть центр? Разрежь семя — в нем нет ничего. Это и есть центр? Мы с тобой совершенно отличны от хозяина и хозяйки сражений. Те двое знали хорошее, но это и все.

— Ты ушел с Неба, потому что устал от меня?

— Я хотел сменить перспективу.

— Долгие годы я ненавидела тебя за твой уход. Было время, когда я сидела в комнате, называемой Отчаяние, но была слишком труслива, чтобы пойти за пределы Брошенного Мира. И было время, когда я простила тебя и умоляла семерых Риши принести мне твое изображение, чтобы я смотрела на тебя, как будто ты вернулся, как будто мы снова вместе. А однажды я желала твоей смерти, но ты обратил палача в друга, так же как обратил мой гнев в прощение. Ты хочешь сказать, что не чувствуешь ко мне ничего?

— Я хочу сказать, что больше не люблю тебя. Было бы очень приятно, если бы хоть что-то в мире оставалось постоянным и неизменным. Если бы такая вещь была, она была бы сильнее любви, но я такой вещи не знаю.

— Я не изменилась, Сэм.

— Подумай хорошенько, Леди, над всем, что ты сказала, обо всем, что ты вспомнила обо мне в этот день. На самом деле ты вспомнила не мужчину, а резню, через которую мы с тобой прошли вместе. Теперь мир укрощен, а ты жаждешь былых пожаров и стали. Дело не в мужчине — нас с тобой разделила судьба, эта судьба теперь — прошлое, она тревожит твой мозг, и ты называешь это любовью.

— Как бы я ее ни называла, она не изменилась! Ее дни не прошли. Это и есть постоянная вещь в мире, и я зову тебя разделить ее со мной снова!

— А как же Господин Яма?

— А что Яма? Ты имеешь дело с теми, кто считается ему ровней, и они еще живы.

— Значит, тебя интересовал только его Аспект?

Она улыбнулась в тени и ветре.

— Конечно.

— Леди, Леди, Леди, забудь меня! Живи с Ямой и будь его любовью. Наши дни прошли, и я не хочу вспоминать о них. Хорошие были дни, но они прошли. Как есть время для всего, так есть время и для конца чего бы то ни было. Сейчас время для консолидации человеческого рода в этом мире. Время делиться знаниями, а не скрещивать клинки.

— Ты хотел биться с Небом за это знание? Ты хотел пробить Небесный Город, чтобы открыть его своды миру?

— Ты знаешь, чего я хотел.

— Тогда у нас еще может быть общее дело.

— Нет, Леди, не обманывай себя. Ты предана Небу, а не миру. И ты это знаешь. Если бы я получил свободу, и ты присоединилась бы ко мне в сражении, ты, возможно, некоторое время была бы счастлива. Но, независимо от победы или поражения, ты в конце концов станешь еще более несчастной, чем раньше.

— Послушай, мягкосердечный святой из пурпурной рощи! Это как раз для тебя — предугадывать мои ощущения, но Кали отбрасывает свою преданность, когда хочет, она никому ничем не обязана, кроме своего выбора. Она богиня наемников, помни это! Возможно, что все твои слова — истина, а она лгала, когда говорила, что все еще любит тебя. Но она жестока и полна вожделений битвы, она идет по запаху крови. Я чувствую, что Кали может стать Акселерационисткой.

— Остерегайся говорить так, богиня. Мало ли кто может подслушать.

— Никто не подслушает,— сказала она,— потому что в этом месте редко произносятся слова.

— Тем больше причин для кого-нибудь заинтересоваться, если здесь заговорили.

Она помолчала, потом сказала:

— Никто не подслушивает.

— Твоя сила выросла.

— Да. А твоя?

— Осталась той же, я думаю.

— Так ты примешь мой меч, мое колесо, мой лук во имя Акселерации?

— Нет.

— Почему нет?

— Ты слишком легко даешь обещания и так же легко нарушаешь их. Я не могу верить тебе. Если бы мы сражались и победили во имя Акселерационизма, это была бы, вероятно, последняя великая битва в этом мире. А этого ты не пожелаешь и не позволишь такому случиться.

— Ты глуп, Сэм, если говоришь о последней великой битве, потому что последняя великая битва — всегда следующая. А если я приду к тебе в более приятном виде, чтобы убедить тебя в правдивости моих слов? Если я обниму тебя в теле с печатью девственности? Тогда ты поверишь моему слову?

— Сомнение, Леди, есть целомудрие мозга, и я ношу на своем мозге эту печать.

— Тогда знай, что я привела тебя сюда, чтобы помучить тебя. Ты прав: мне плевать на твой Акселерационизм, им я уже исчислила твои дни. Я хотела подать тебе фальшивые надежды, чтобы ты был сброшен с большой высоты. И только твоя глупость и твоя усталость спасли тебя от этого.

— Прости, Кали...

— Мне не нужны твои извинения! Я хотела твоей любви, чтобы воспользоваться ею против тебя в твои последние дни и сделать их еще тяжелее. Но, как ты сказал, мы слишком изменились, и ты больше не стоишь трудов. Не думай, что я не могла бы заставить тебя улыбками и ласками снова полюбить меня: я чувствую в тебе жар, а мне не трудно разжечь его в мужчине. Но ты не стоишь той великой смерти, когда мужчина падает с высот страсти в бездну отчаяния. И у меня нет времени дать тебе что-нибудь, кроме презрения.

Звезды закружились вокруг него, нестирающиеся, жгучие, ее рука ушла из-под его ладони, когда она наливала еще две чаши сомы, чтобы согреться в ночи.

— Кали!

— Да?

— Если это даст тебе какое-нибудь удовлетворение, то я все еще забочусь о тебе. Это не любовь, или это слово ничего не значит. А то, что я подумал, имеет разные значения. Это чувство, по существу, безымянно, лучше таким его и оставить. Так что прими его и уходи вместе со своими шутками. Ты знаешь, что мы снова вцепимся друг другу в глотки, как только истощим запас обычных врагов. У нас бывали частые примирения, но всегда ли они стоили той боли, которая предшествовала примирению? Ты побеждаешь, и ты богиня, а я поклоняюсь — разве не поклонение и религиозный страх создают комбинацию любви и ненависти, желания и страха?

Они пили сому в комнате Разбитого Сердца, и чары Куберы окружали их.

Кали сказала:

— Если я кинусь на тебя и стану целовать и скажу, что лгала, когда говорила, что солгала — чтобы ты засмеялся и сказал, что ты солгал, получится ли финальный реванш? Иди, Господин Сиддхарта! Лучше бы одному из нас умереть в Адском Колодце, потому что велика гордость Первых. Не следовало приходить сюда, в это место.

— Да.

— Значит, уходим?

— Нет.

— С этим я согласна. Давай посидим здесь и будем почитать друг друга некоторое время.— Ее рука легла на его руку и погладила ее.— Сэм!

— Да?

— Ты не хотел бы лечь со мной?

— И таким образом скрепить свою гибель? Конечно!

— Тогда давай пойдем в комнату Отчаяния, где нет ветра и есть ложе...

Он пошел за ней из Разбитого Сердца в Отчаяние: пульс его быстро бился на горле. А когда он положил ее нагую на ложе и дотронулся до мягкой белизны ее живота, он понял, что Кубера действительно самый могущественный в Локапаласе, потому что чувства, которым была посвящена эта комната, наполнили его, и даже когда

в нем поднялось желание, и он в ней — пришло ослабление, сжатие, вздох и последние обжигающие слезы.

* * *

— Чего ты желаешь, Госпожа Майя?

— Расскажи мне об Акселерационизме, Тэк из Архивов.

Тэк вытянул свой большой тощий костяк, и его кресло с треском подалось назад.

За ним были банки информации, довольно редкие записи заполняли своими пестрыми переплетами и запахом плесени длинные высокие стеллажи.

Он поглядел на леди, сидящую перед ним, улыбнулся и покачал головой. Она была в туго облегающем зеленом и выглядела нетерпеливой; ее волосы были вызывающе рыжими, мелкие веснушки покрывали нос и полушария щек. Бедра и плечи были широкими, а узкая талия крепко дисциплинировала эту тенденцию.

— Почему ты качаешь головой? К тебе все идут за информацией.

— Ты молода, госпожа. За тобой всего три воплощения, если я не ошибаюсь. На этой точке твоей карьеры ты, я уверен, не захочешь, чтобы твое имя было занесено в особый список тех молодых, что ищут этого знания.

— Список?

— Список.

— А зачем тут быть списку при таких вопросах?

Тэк пожал плечами.

— Боги коллекционируют самые странные вещи, и кое-кто из них собирает списки.

— Я всегда слышала, что Акселерационизм считается полностью мертвым — тупиком.

— Так почему же этот внезапный интерес к мертвому?

Она засмеялась и уставилась зелеными глазами в его серые.

Архивы взорвались вокруг него, и он оказался в бальном зале в середине Шпиля в милю высотой. Была поздняя ночь, почти перед рассветом. Бал явно кончился уже давно, но в углу зала собралась толпа, в которой стоял и он. Кто сидел, кто полулежал, и все слушали невысокого, смуглого, крепкого человека, стоявшего рядом с богиней Кали. Это был Великодушный Сэм Будда, только что прибывший со своим тюремщиком. Он говорил о буддизме и акселерационизме, о временах связывания и об Адском Колодце, о богохульстве Господина Сиддхарты в городе Махартре у моря. Он говорил, и его голос слышался далеко, гипнотизировал, излучал силу, доверие и тепло, и слова шли, и шли, и шли, и люди медленно теряли сознание и падали вокруг него. Все женщины были совершенно безобразны, кроме Майи. Она хихикнула, хлопнула в ладоши, привела обратно Архивы, и все еще улыбающийся Тэк снова оказался в своем кресле.

— Так почему этот внезапный интерес к мертвому? — повторил он.

— Но этот человек не мертвый!

— Нет? — сказал Тэк. — Не мертвый... Госпожа Майя, он мертв

с той минуты, когда ступил в Небесный Город! Забудь о нем. Забудь его слова. Считай, что он никогда не существовал. Не оставляй в своих мыслях ни следа о нем. Настанет день, когда тебе понадобится обновление — так знай, что Боги Кармы ищут сведений об этом человеке в мозгу каждого, кто проходит через их залы. Будда и его слова отвратительны в глазах богов.

— Но почему?

— Он анархист, бросающий бомбы, прекрасноглазый революционер. Он хочет скинуть само Небо. Если ты хочешь более полной информации, я воспользуюсь машинами, чтобы найти сведения. Ты позаботилась получить подписанное разрешение для этого?

— Нет.

— Тогда выкинь его из своего мозга и запри дверь.

— Он и в самом деле такой плохой?

— Он еще хуже.

— Тогда почему ты улыбаешься, говоря о таких вещах?

— Потому что я человек несерьезный. Это никак не относится к моему сообщению. Так что будь осторожна.

— Ты, похоже, знаешь об этом все. А сами архивариусы иммунны к этим спискам?

— Едва ли. Мое имя стоит в списке первым. Но не потому, что я архивариус. Он — мой отец.

— Этот человек? Твой отец?

— Да. Ты удивляешься, как девочка. Я думаю, он даже не знает, что он мне отец. Что такое отцовство для богов, привыкших обладать многими телами, порождающих многочисленное потомство с богинями, которые также меняют тела четыре-пять раз в столетие? Я сын того тела, которое он когда-то носил, рожденный матерью, которая тоже прошла через многие тела, да и сам я живу не в том теле, в котором родился. Таким образом, родственные связи полностью запутаны и интересны главным образом на уровне метафизических размышлений. Что есть истинный отец человека? Обстоятельства, соединившие два тела и тем произведшие его? Было ли, что по какой-то причине эти двое нравились друг другу больше, чем любые возможные альтернативы? Был ли то просто голод плоти, любопытство или воля? Или еще что-то? Жалость? Одиночество? Желание покорить? Что чувствовал или что думал отец тела, в котором я впервые осознал себя? Я знаю, что мужчина, живший именно в этом отцовском теле именно в тот момент времени, был сложной и могучей личностью. Хромосомы для нас не имеют значения. Если мы живем, мы не проносим эти отличительные признаки через столетия. Мы, в сущности, вообще ничего не унаследуем, кроме случайного дара имущества и денег. Тела имеют так мало значения в долгом пробеге, что гораздо интереснее размышлять об умственных процессах, которые выталкивают нас из хаоса. Я рад, что именно он вызвал меня к жизни, и я часто гадал, каковы были причины этому. Я вижу, что твое лицо вдруг потеряло краски, госпожа. Я совсем не собирался огорчать тебя этим разговором, просто хотел как-то удовлетворить твое любопытство и заложить в твой мозг кое-какие

мысли, которые есть у нас, стариков, насчет этих дел. Когда-нибудь и ты тоже захочешь взглянуть на это с такой точки зрения, я уверен. Но мне жаль видеть тебя такой расстроенной. Умоляю тебя, успокойся. Забудь мою болтовню. Ты — Леди Иллюзии. Не могу ли я поговорить о чем-нибудь близком к тому материалу, с которым ты работаешь? Я знаю, что ты скажешь о манере, в которой я говорил, почему мое имя первое в списке. Это поклонение герою, я полагаю... Ну, вот, ты немножко раскраснелась. Не хочешь выпить холодного? Подожди минутку... Вот, выпей. Теперь насчет Акселерационизма. Это просто доктрина дележа. Она предлагает, чтобы мы, жители Неба, отдали живущим внизу наши знания, могущество и имущество. Этот благотворительный акт должен быть направлен на подъем их условий существования на высший уровень, сродни тому, какой занимаем мы сами. Когда любой человек будет как бог, видишь ли, в результате не будет никаких богов, а только люди. Мы должны отдать им наши знания науки и искусства, а сделав это, мы разрушим их простодушную веру и уберем весь базис их надежд на лучшее — потому что лучший путь для уничтожения веры и надежды — это позволить им реализоваться. Почему мы должны позволить людям страдать от этого груза коллективной божественности, как того желают Акселерационисты, когда мы и так даруем им это индивидуально, если они того заслуживают? В шестидесятилетнем возрасте человек проходит через Залы Кармы. Его судят, и если он делал добро, подчинялся правилам и ограничениям своей касты, оплачивал ритуалы Небу, продвигался вперед интеллектуально и морально, он воплощается в более высокой касте, а иногда получает божественность и приходит жить сюда, в Город. Каждый человек время от времени получает заслуженный десерт — например, ограждение от несчастных случаев; и таким образом, каждый человек, скорее, чем общество в целом, может войти в божественное наследие, которое честолюбивые Акселерационисты желают оптом раскидать перед всеми, даже перед неготовыми. Как видишь, эта позиция страшно несправедлива и ориентирована на низшие касты. На самом же деле они желают понизить требования божественности. Требования эти строги по необходимости. Дашь ли ты силу Шивы, Ямы или Агни в руки ребенка? Если ты не дура, ты этого не сделаешь. Ты не захочешь проснуться утром и увидеть, что мира не существует. Именно это и могли вызвать Акселерационисты, поэтому их и остановили. Теперь ты знаешь об этом учении все... Ну, я вижу, тебе жарко. Могу я повесить твою одежду и принести тебе выпить? Очень хорошо... Так на чем мы остановились, Майя? Ах, да, таракан в пудинге... Так вот, Акселерационисты уверяли, что все, только что сказанное мною, было бы правдой, если бы не тот факт, что порочна сама система. Они клевещут на честность тех, кто разрешает перевоплощение. Некоторые даже осмеливались утверждать, что Небо содержит бессмертную аристократию своевольных гедонистов, играющих с миром. Другие смеют говорить, что лучшие люди никогда не получают божественности, но в конце концов встречаются с реальной смертью или воплощением в низшие формы жизни. Кое-кто мог

бы даже сказать, что ты сама была выбрана для обожествления потому только, что твоя первоначальная форма и стать поразили воображение некоего похотливого божества, а вовсе не из-за твоих явных добродетелей, милочка... Смотри-ка, у тебя, оказывается, полно веснушек! Да, об этих вещах проповедовали трижды проклятые Акселерационисты. Эти обвинения, которые поддерживает отец моего разума, я стыжусь произносить. Что человек может сделать с таким наследством, кроме как удивляться? Этот человек представляет последнюю ересь среди богов. Он — явное зло, но он и великая фигура, этот отец моего разума, и я уважаю его, как в древности сыновья уважали отцов своих тел... Теперь тебе холодно? Иди сюда, позволь мне... Сюда... Сюда... Теперь сотки для нас иллюзию, моя любимая, чтобы мы вошли в мир, свободный от таких глупостей... Вот так. Повернись сюда... Пусть в этом бункере будет новый Эдем, моя влажногубая с зелеными глазами... Что главное во мне в этот миг? Истина, моя любовь,— и искренность, и желание разделить...

* * *

Ганеша, бог-творец, шел с Шивой по лесу Канибурха.

— Бог Разрушения,— сказал он,— как я понимаю, ты нашел уже наказание для тех, кто отметил слова Сиддхарты не просто ухмылкой.

— Ясное дело,— сказал Шива.

— Сделав так, ты уничтожаешь его эффективность.

— Какую эффективность? Что ты имеешь в виду?

— Убей вон ту зеленую птицу на молодой ветке.

Шива двинул трезубцем, и птица упала.

— Теперь убей ее самца.

— Я его не вижу.

— Ну, любую другую из ее стаи.

— Ни одной не вижу.

— И не увидишь, потому что эта лежит здесь мертвая. Так что, если желаешь, убей сначала тех, кто слушал слова Сиддхарты.

— Я уловил смысл твоих слов, Ганеша. Пока он останется на свободе.

Ганеша, бог-творец, смотрел на джунгли вокруг. Хотя он шел по королевству призрачных кошек, он не боялся зла: рядом с ним шел Бог Хаоса, и Трезубец Разрушения защищал его.

* * *

Внизу Вишну, Вишну, Вишну смотрел смотрел на Браму, Браму, Браму...

Они сидели в Зале Зеркал.

Брама крепко держался на Восьмисложной Тропе, триумф которой есть Нирвана.

Выкурив три сигареты, Вишну откашлялся.

— Да, Господин?— спросил Брама.

— Могу я осведомиться, зачем этот буддийский трактат?

— Ты не нашел его чарующим?

— Нет, не слишком.

— Это уж твое лицемерие.

— Что ты хочешь сказать?

— Учитель должен показывать хотя бы умеренный интерес к собственным урокам.

— Какой еще Учитель? Какие уроки?

— Конечно, Татагатха. Зачем бы еще в недавние годы Бог Вишну стал воплощаться среди людей, как не для того, чтобы учить Пути Просветления?

— Я?...

— Жвива, реформатор, убравший из людских мозгов страх реальной смерти. Те, кто не родятся снова среди людей, теперь уходят в Нирвану.

Вишну улыбнулся.

— Лучше объединиться, чем бороться за искоренение?

— Почти эпиграмма.

Брама встал, взглянул на зеркала, взглянул на Вишну.

— Итак, когда мы отделаемся от Сэма, ты будешь реальным Татагатхой.

— Как мы избавимся от Сэма?

— Я еще не решил, но открыт советам.

— Не могу ли я посоветовать, чтобы он был воплощен в джек-птицу?

— Можешь. Но тогда кто-нибудь может пожелать, чтобы джек-птица воплотилась в человека. Я чувствую, что у него есть заступники.

— Ну, у нас еще есть время рассмотреть эту проблему. Спешить некуда, раз он теперь под охраной Неба. Я сообщу тебе свои мысли насчет этого дела, как только они у меня будут. Сразу нелегко.

Затем они вышли из Зала.

Вишну вышел из Сада Радости Брамы; как только он ушел, сюда вошла Леди Смерть. Она обратилась к восьмирукой статуе с *виной*, и статуя стала играть.

Услышав музыку, подошел Брама.

— Кали! Любезная Дама! — возвестил он.

— Могуч Брама,— ответила она.

— Да,— согласился Брама,— так могуч, как только можно пожелать. А ты так редко бываешь здесь, что я безмерно рад твоему визиту. Пройдемся по цветущим тропинкам и поговорим. Ты прекрасно одета.

— Спасибо.

Они пошли по цветущим тропинкам.

— Как идут приготовления к свадьбе?

— Хорошо.

— Вы проведете медовый месяц в Небе?

— Нет, мы планируем провести его подальше отсюда.

— Где же, могу я спросить?

— Мы еще не решили.

— Время летит на крыльях джек-птицы, дорогая. Если ты и Лорд Яма пожелаете, можете пожить в моем Саду Радостей.

— Спасибо, Создатель, но это слишком роскошное место, чтобы два разрушителя проводили здесь время и чувствовали себя легко. Мы поедем куда-нибудь подальше.

— Как хотите.— Он пожал плечами.— Что еще у тебя на уме?

— Что с тем, кого называют Буддой?

— С Сэмом? Твоим бывшим любовником? А что с ним, в сущности? Что ты хотела бы знать о нем?

— Как он... Как с ним поступят?

— Я еще не решил. Шива советовал мне подождать некоторое время, прежде чем что-нибудь сделать. Таким образом мы можем проверить его воздействие на общество Неба. Я решил, что Вишну станет Буддой ради исторических и теологических целей. А что касается самого Сэма, я прислушаюсь к любому разумному совету.

— Ты однажды предлагал ему божественность.

— Да. Однако он не согласился.

— Что, если ты снова это сделаешь?

— Зачем?

— Не будет существовать теперешней проблемы, а он не очень талантлив индивидуально. Его таланты делают его ценным добавлением к пантеону.

— Такая мысль появлялась и у меня. Теперь он должен был согласиться, поскольку тут — быть или не быть. А я уверен, что он хочет жить.

— Есть средство точно удостовериться в этом вопросе.

— А именно?

— Психозонд.

— А если это покажет недостаток обязательств к Небу и будет...

— Не может ли быть изменен сам его мозг, скажем, Лордом Марой?

— Никогда не думал, что ты грезишь сентиментами, богиня. Но ты, похоже, очень хочешь, чтобы он продолжал существовать, хоть в любой форме.

— Возможно.

— Ты знаешь, что если с ним сделать такую вещь, он уже не будет прежним. Он очень изменится. И его талант может пропасть вовсе.

— С течением лет все люди естественно меняются; меняются мнения, верования, убеждения. Одна часть мозга может спать, а другая — бодрствовать. Талант, мне кажется, трудно уничтожить, пока остается сама жизнь. А жить лучше, чем умереть.

— Может быть, ты и убедишь меня в этом, богиня, если у тебя есть время.

— Сколько времени?

— Скажем, три дня.

— Тогда давай перейдем в мой Павильон Радостей и поговорим о пустяках.

— Прекрасно.

— Где сейчас Лорд Яма?

— Он работает в своей мастерской.

— И долго он там пробудет?

— По крайней мере, три дня.

— Это хорошо. Да, для Сэма тут может быть некоторая надежда. Хотя это и против моих лучших мыслей, но я, пожалуй, могу оценить положение. Да, смогу.

Восьмирукая статуя богини, уныло играющая на *вине*, роняла музыку вокруг них, пока они шли по саду.

* * *

Хальба жила в дальнем конце Неба, возле края дикости. Дворец, называвшийся Грабеж, был так близок к лесу, что животные, проходя через прозрачную стену, наталкивались на него. Из комнаты под названием Похищение, можно было видеть сумрачные тропы джунглей.

В этой комнате, где стены были увешаны сокровищами, украденными в прошлых жизнях, Хальба приняла Сэма.

Хальба была богом — богиней воров.

Никто не знал истинного пола Хальбы, потому что она имела привычку менять его в каждом воплощении.

Сэм смотрел на гибкую, темнокожую женщину в желтом сари и в желтом же покрывале. Сандалии и ногти ее были цвета корицы, а на черных волосах она носила тиару.

— Ты мне симпатичен,— сказала Хальба мягким, мурлыкающим голосом.— Только в те сезоны жизни, когда я воплощаюсь в мужчину, я поднимаю свой Атрибут и занимаюсь грабежом по-настоящему.

— Но ты и теперь можешь принять свой Аспект?

— Конечно.

— И поднять свой Атрибут?

— Вероятно.

— Но ты не хочешь?

— Нет, пока я в виде женщины. Когда я мужчина, я могу поручиться, что украду что угодно и откуда угодно... Видишь, на дальней стене висят мои трофеи? Большой плащ из синих перьев принадлежал Сриту, главе демонов Катапутхи. Я украла его из его пещеры, когда его адские собаки спали, споенные мною же. Ту меняющую форму драгоценность я взяла из Купола Вара, забравшись туда с помощью присасывающихся дисков на запястьях, коленях и пальцах ног, в то время как Матери внизу...

— Довольно! — сказал Сэм.— Я знаю все эти сказки, Хальба, потому что ты постоянно их рассказываешь. Прошло очень много времени с тех пор, как ты предпринимала рискованное воровство, и я полагаю, что слава далекого прошлого нуждается в частом повторении. Иначе даже старшие Боги забудут, кем ты была когда-то. Я вижу, что пришел не туда, и постараюсь найти какое-нибудь другое место.

Он встал, как бы собираясь уйти.

Хальба шевельнулась.

— Подожди.

— Да? — Сэм остановился.

— Ты мог бы, по крайней мере, рассказать мне о краже, которую ты замышляешь. Может, я дам совет...

— А на что мне даже самый лучший совет, Монарх Воров? Мне нужны не слова, а действия.

— Тогда, может быть... Расскажи!

— Ладно,— сказал Сэм,— хотя я сомневаюсь, что тебя заинтересует столь трудная задача...

— Брось ребяческую психологию и расскажи, что ты хочешь украсть.

— В Музее Неба, крепко построенном и постоянно охраняемом...

— И который всегда открыт. Дальше.

— В этом здании, в витрине с компьютерной защитой...

— Достаточно ловкий человек может вывести ее из строя.

— В этой витрине на манекене висит серая кольчужная униформа. Рядом много всякого оружия.

— Чья?

— Древняя одежда того, кто сражался в северных походах во время войны против демонов.

— Не твоя ли?

Сэм сдержал улыбку и продолжал:

— Мало кто знает, что частью этой выставки является предмет, который когда-то назывался Талисманом Связующего. Возможно, он теперь утратил свои свойства, а возможно, и нет. Он служил для фокусировки особого Атрибута Связующего, и Связующий думает, что этот предмет снова ему понадобится.

— Какой из себя предмет?

— Большой широкий пояс из раковин, обвивающий талию костюма. По цвету — розовый и желтый. Он набит микроминиатюрными схемами, которые сегодня, вероятно, нельзя сдублировать.

— Не бог весть какая великая кража. Я, пожалуй, подумаю о ней даже и в этом теле...

— Мне это нужно быстро, или совсем не нужно.

— Как скоро?

— За шесть дней.

— А что ты мне заплатишь, когда я отдам его в твои руки?

— Ничего не заплачу, потому что у меня ничего нет.

— Да? Пришел ты на Небо без богатства?

— Да.

— Несчастный!

— Если мне удастся сбежать, ты можешь назвать свою цену.

— А если тебе не удастся, я ничего не получу.

— Похоже, что так.

— Я подумаю. Может, мне покажется интересным сделать такую вещь, и чтобы ты был обязан мне за любезность.

— Только прошу тебя, не раздумывай слишком долго.

— Иди, сядь рядом со мной, Связующий Демонов, и расскажи

о днях своей славы — когда ты с бессмертной богиней ездил по миру и сеял хаос, как семена.

— Это было давно,— сказал Сэм.

— А могут эти дни вернуться, если ты добьешься свободы?

— Могут.

— Приятно слышать. Да...

— Ты сделаешь это?

— Эвива, Сиддхарта! Освободитель!

— Эвива?

— И молния, и гром. Они могут прийти снова!

— Это хорошо.

— А теперь расскажи мне о днях своей славы. А я снова расскажу о моей.

— Идет.

* * *

Продираясь через лес, Кришна в поясе из перьев преследовал Госпожу Ратри, которая не согласилась лечь с ним после обеда. День был чистым и благоухающим, но и вполовину не таким благоухающим, как полуночно-синее сари, которое он держал в левой руке. Она бежала далеко впереди, под деревьями, и он следовал за ней, изредка теряя ее из виду, когда она сворачивала на боковую тропу.

Она стояла на бугре, подняв обнаженные руки над головой и соединив кончики пальцев. Глаза ее были полузакрыты, ее единственная одежда — длинный черный вуаль — шевелилась на белом сверкающем теле.

Тут он понял, что она приняла свой Аспект и, вероятно, готова принять Атрибут.

Задыхаясь, он шагнул к бугру перед ней; она открыла глаза, опустила руки и улыбнулась ему.

Когда он потянулся к ней, она крутнула вуаль ему в лицо, и он услышал ее смех — где-то в безмерной ночи, которой она окутала его.

Ночь черная, беззвездная, безлунная, без единого проблеска, без искорки откуда бы то ни было. Ночное время, родственное слепоте, упало на него.

Он захрипел, и сари было вырвано из его пальцев. Он стоял, дрожа, и слышал вокруг себя ее смех.

— Ты слишком много позволяешь себе, Лорд Кришна,— сказала она,— и оскорбляешь святость Ночи. За это я накажу тебя, оставив эту тьму на Небе на некоторое время.

— Я не боюсь темноты, богиня,— хихикнул он.

— Тогда у тебя и в самом деле вместо мозгов половые лезелы. Что ж, оставайся затерянным и слепым в чаше Канибурхи, чьих жителей не нужно подгонять... А не бояться, я думаю, иногда рискованно. До свиданья, Темный. На свадьбе, наверное, увидимся.

— Подожди, дорогая Леди. Может, примешь мои извинения?

— Да, потому что ты обязан извиниться.

— Тогда сними эту ночь, которую ты наложила сюда.

— В другой раз, Кришна, когда я буду готова.

— А что я буду делать до тех пор?

— Говорят, сэр, что ваша свирель может очаровать самого страшного зверя. Если это правда, советую взять свирель и начать самую нежную мелодию. А я пока подготовлюсь к тому, чтобы снова впустить в Небо дневной свет.

— Ты жестока, Госпожа!

— Такова жизнь, Мастер Свирели.— И она ушла.

Он начал играть, размышляя о мрачном.

* * *

Они шли. Ехали с неба на полярных ветрах, через море и сушу, над горными снегами, под ними и сквозь них. Изменяющие форму плыли по белым полям, и небесные странники падали вниз, как листья; над пустынями звучали трубы, и колесницы снегов с грóхотом шли вперед; свет вылетал из их боков, подобно копьям; белые перья мощного дыхания тянулись над ними и за ними; они шли, солнцеглазые, в золотых ратных рукавицах, лязгая и скользя, торопясь и кружась, шли, сияя перевязами, масками-оборотнями, огненными шарфами, дьявольской обувью, морозными ножными латами и крепкими шлемами; а на другом конце мира, лежавшего за их спиной, были сборища в Храмах с пением и приношением жертв; процессии и молитвы, пожертвования и раздачи, великолепие и красочность. Ибо страшная богиня должна была обвенчаться со Смертью, и все надеялись, что все происходящее смягчит обоих. Праздничный дух заразил также и Небо, и с собранием богов и полубогов, героев и благородных, верховных жрецов, раджей-фаворитов и браминов высокого ранга этот дух набрал силу и энергию и закружился, как многоцветный вихрь, грохоча в головах живых от Первого до последнего.

Итак, они вошли в Небесный Город, въезжая на подушках на спине Птицы Гаруды, кружась в небесных гондолах, проезжая через артерии гор, сверкая в мокрых снегах и ледяных тропах пустынь, заставляя Шпиль в милю высотой звенеть от их пения, и смеясь в чарах короткой и неожиданной тьмы, что спустилась и снова быстро рассеялась. И в дни и ночи их приезда поэт Адазаи сказал, что они напоминают по крайней мере шесть различных вещей (он всегда был щедр на сравнения): миграция ярких птиц через молочный океан, не имеющий волн; процессию музыкальных нот через мозг не очень хорошего композитора; школу глубоководных рыб, чьи тела в завитках и канавках света, который поднимается от какого-нибудь фосфоресцирующего растения в холодных колодцах морских глубин; Спираль Туманности, внезапно обрушившуюся в центре; шторм, каждая капля которого становится шаром, певчей птицей или драгоценностью; и (возможно, наиболее убедительное) на Храм, полный страшных, обильно украшенных статуй, внезапно оживших и запевших, внезапно бросившихся через весь мир с яркими знаменами, играющими на ветру, потрясающих дворцы и сшибающих верхушки башен, чтобы встретиться в центре всего, разжечь огромный костер

и танцевать вокруг него с всегда присутствующей возможностью, что либо огонь, либо танец полностью выйдут из-под контроля.

Они шли.

* * *

Когда в Архивах зазвенел тайный тревожный сигнал, Тэк выхватил Сверкающее Копье из гнезда в стене. В разное время тревога должна была поднять разных часовых. Получив предупреждение о возможном таком случае, Тэк порадовался, что сигнал не звонил в другое время. Он поднялся на уровень Города, к Музею на холме.

Но было уже поздно.

Витрина была открыта, служитель лежал без сознания. Никого другого в Музее не было из-за предпраздничных действий в Городе.

Здания Музея стояло так близко от Архива, что Тэк успел заметить двоих, спускавшихся с другой стороны холма.

— Стой! — закричал он, размахивая Сверкающим Копьем, но боясь пользоваться им.

Те повернулись к нему.

— Ты включила тревогу! — обвинил один другого, поспешно застегивая на себе пояс. — Уходи прочь, а я буду иметь дело с этим!

Тэк увидел, что один из них — женщина.

— Я не включала тревогу! — закричала она.

— Уходи отсюда!

Мужчина повернулся к Тэку, а женщина продолжала отступать вниз по холму.

— Положи его назад, — задыхаясь, сказал Тэк. — Раз уж ты его взял — верни. Может быть, мне удастся покрыть...

— Нет, — сказал Сэм. — Слишком поздно. Теперь я равен любому здесь, и это мой единственный шанс уехать. Я знаю тебя, Тэк из Архива, и не хочу убивать тебя. Так что уходи — и быстро!

— Яма через минуту будет здесь. И...

— Я не боюсь Ямы. Нападай на меня или уходи немедленно!

— Я не могу напасть на тебя.

— Тогда — до свидания! — И, сказав это, Сэм поднялся в воздух, как воздушный шар.

Пока он парил над землей, на склоне холма появился Лорд Яма с оружием в руках. Это была тонкая сверкающая трубка с маленьким прикладом и широким пусковым механизмом.

Он поднял оружие вверх и прицелился.

— Твой последний шанс! — крикнул он, но Сэм продолжал подниматься.

Яма выстрелил; высоко наверху треснул купол.

— Он принял свой Аспект и поднял Атрибут, — сказал Тэк. — Он связал энергию твоего оружия.

— Почему ты не остановил его? — спросил Яма.

— Я не мог, Господин. Я был захвачен его Атрибутом.

— Ладно, — сказал Яма. — Третий часовой перехватит его.

* * *

Связав своей волей гравитацию, Сэм поднялся.

Пока он летел, в нем усиливалось ощущение преследующей его тени. Она затаилась где-то на периметре поля его зрения, но как он ни вертел головой, тень ускользала от его взгляда. Но она все время была здесь, и увеличивалась.

Впереди преграда. Неподалеку ворота. Талисман мог открыть запоры, мог согреть человека на холоде, мог перенести его в любое место мира...

Послышался звук хлопающих крыльев.

— Лети! — прогремел голос в его голове. — Увеличивай скорость, Связующий! Лети быстрее! Быстрее!

Это было самое странное ощущение из всех, когда-либо испытанных им: он чувствовал, что движется вперед и вперед, но ничто не менялось — ворота не приближались. При всем ощущении страшной скорости он не двигался.

— Быстрее, Связующий! Быстрее! — кричал дикий бухающий голос. — Соревнуйся с ветром и молнией в скорости движения!

Сэм старался остановить испытанное им чувство движения.

Затем его ударили ветры, могучие ветры, кружащиеся над Небом. Он боролся с ними, но голос звучал совсем рядом, хотя он не видел ничего, кроме тени.

— Чувства — это лошади и объекты дорог, по которым они путешествуют, — сказал голос. — Если разум связан с мозгом, который отвлечен в сторону, он теряет проницательность.

И Сэм узнал великие слова Хатхи Упанишад, гремевшие позади него.

— В этом случае, — продолжал голос, — чувства становятся неуправляемыми, подобно плохим, одичавшим лошадям в руках слабого возницы.

Небеса над Сэмом взорвались молниями, и тьма окутала его.

Он старался связать энергию напавшего на него, но не нашел ничего, что можно было схватить.

— Это нереально! — выкрикнул он.

— Что есть реальность, а что — нет? — спросил голос. — Твои лошади убежали от тебя.

Секунда ужасающего мрака, словно он проходил через вакуум чувств. Потом — боль. Потом — ничего.

* * *

В деловых сношениях плохо быть самым старым из младших богов.

Он вошел в Зал Кармы, попросил аудиенции с представителем Колеса, очутился в присутствии Лорда, который два дня тому назад отказался проверять его.

— Ну? — спросил он.

— Я извиняюсь за отсрочку, Господин Муруган. Наш персонал был занят приготовлениями к свадьбе.

— Значит, они бражничают, вместо того, чтобы готовить мне новое тело?

— Не говори так, Господин, словно это и в самом деле *твое* тело. Это тело дается тебе взаймы Великим Колесом в соответствии с твоими теперешними кармическими нуждами...

— И оно не готово, потому что материал пропили?

— Оно не готово, потому что Великое Колесо вращается в манере....

— Я хочу иметь тело самое позднее завтра вечером. Если оно не готово, Великое Колесо может стать джаггернаутом для управляющих им! Ты слышишь меня и понимаешь, Лорд Кармы?

— Я слышу тебя, но твоя речь не подходит для этого места...

— Пересадку рекомендовал Брама, и он хочет, чтобы я появился на праздновании свадьбы в новом теле. Не сообщить ли ему, что Великое Колесо не способно выполнить его желания, потому что поворачивается слишком медленно.

— Нет, Господин. Тело будет готово вовремя.

— Прекрасно.

Он повернулся и вышел.

Лорд Кармы сделал за его спиной древний мистический знак.

* * *

— Брама!

— Да, богиня?

— Насчет моего намека...

— Да, будет сделано, как ты просила, мадам.

— Я хотела бы по-другому...

— По-другому?

— Да, Господин. Я хотела бы человеческую жертву.

— Нет...

— Да.

— Ты еще более сентиментальна, чем я думал.

— Так будет это сделано, или нет?

— Откровенно говоря, в свете недавних событий я предпочел бы этот способ.

— Значит, решено?

— Пусть будет по твоему желанию. Теперь в нем оказалось больше силы, чем я думал. Не будь часовым Бог Иллюзии... Я не предполагал, что тот, кто был так долго спокоен, мог оказаться таким... *талантливым*, как ты выразилась.

— Ты отдаешь мне это существо в мое полное распоряжение, создатель?

— С удовольствием.

— И добавишь на десерт Монарха Воров?

— Да. Пусть будет так.

— Спасибо, Могучий.

— Не за что.

— Есть за что. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Говорят, что в этот день, в этот великий день Бог Вайю остановил ветры Неба, и тишина сошла на Небесный Город в лес Канибурхи. Ситрагупта, слуга Лорда Ямы, готовил мощный погребальный костер на Брошенном Мире из ароматического дерева, смолы, благовоний, ароматов и дорогих одежд; и на этот костер он положил Талисман Связующего и громадный плащ из синих перьев, принадлежавший Сриту, главе демонов Катапутны; он также положил меняющую форму драгоценность Матерей из Купола Жара и шафрановую мантию из пурпурной рощи Аландила, которая, как говорили, принадлежала Татагатхе Будде. После ночи фестиваля Первых была полная утренняя тишина. В небе не было видно никакого движения. Говорили, что демоны невидимо пролетали по верхней части воздушного пространства, но боялись приближаться к собранным здесь предметам Власти. Говорили, что было много знаков и знамений, означающих падение могущества. Теологи — связные истории, говорили, что тот, кого звали Сэм, отрекся от своей ереси и отдал себя на милость Тримурти. Говорили также, что богиня Парвати, которая была то ли его женой, то ли матерью, то ли сестрой, а то и, может быть, всеми ими, бежала с Неба, чтобы жить в скорби и печали среди ведьм восточного континента, которых считала родственницами. На заре великан Птица Гаруда, лошадь Вишну, клюв которой раздроблял колесницы, шевельнулась в момент пробуждения в своей клетке и издала единственный хриплый крик; он пронесся по Небу, дробя стекла, эхом прокатываясь по стране, будя всех спящих. В спокойном лете Неба начался день Любви и Смерти.

Улицы Неба были пусты. Боги до времени сидели по домам в ожидании. Все порталы Неба охранялись.

Вор и тот, кого почитатели называли Махасаматман (считая его богом), были освобождены. В воздухе внезапно похолодало, и это было предзнаменование.

Высоко-высоко над Небесным Городом, на платформе, венчающей Шпиль высотой в милю, стоял Бог Иллюзии, Мара, Мастер Снов. На нем был его многоцветный плащ. Мара поднял руки, и энергия других богов вливалась через них, добавляясь к его энергии.

В его мозгу формировался сон. Затем Мара швырнул его, как высокая волна бросает воду на берег.

Во все века, начиная от сотворения Богом Вишну Города и диких мест, они существовали рядом, но реально не соприкасались, смежные, но отдаленные друг от друга великим расстоянием мысли, а не просто природным пространством. Вишну, Хранитель, сделал это не без причин. Сейчас он не полностью одобрял подъем этого барьера, даже на ограниченное время. Он не хотел видеть что бы то ни было из диких мест в Городе, который, по его замыслу, увеличивал совершенное торжество форм над хаосом.

Тем не менее, властью Мастера Снов призрачным кошкам дано было право временно появляться на всем Небе.

Они неустанно бродили по темным вневременным тропам джунглей, которые были частью иллюзии. Там, в месте, что существова-

ло лишь наполовину, глазам представали новые видения, а с ними неутомимость и призывы к охоте.

Среди мореплавателей, разносящих слухи и легенды по всему миру и вроде бы знающих все, шли разговоры, что призрачные кошки, охотившиеся в этот день, вовсе не были настоящими кошками. В разных местах мира, где боги проходили позднее, рассказывалось, что кое-кто из Небесного Отряда переселился на этот день в тела белых тигров Канибурхи, чтобы участвовать в охоте по улицам Неба за вором-неудачником и за тем, кого называли Буддой.

Говорят, что когда он бродил по улицам Города, древняя джекптица трижды облетела вокруг него, села на его плечо и спросила:

— Не ты ли Майтрейя, Бог Света, которого мир ждет много лет, и о чьем приходе я когда-то пророчествовала в своей поэме?

— Нет, меня зовут Сэм,— ответил он,— и я готов уйти из мира, а не возвращаться в него. Кто ты?

— Я птица, которая когда-то была поэтом. Каждое утро я взлетаю, когда рев Гаруды открывает день. Я летала по дорогам Неба, выглядывая Господина Рудру, чтобы нагадить на него, когда почувствовала власть дикого, идущего по стране. Я летала далеко и видела много, Бог Света.

— И что же видела ты, птица, которая была поэтом?

— Я видела незажженный погребальный костер на краю мира, и туманы дрожали над ним. Я видела богов, опаздывающих, торопящихся через снега, пробивающихся сквозь верхние слои воздуха, кружившихся над куполом. Я видела молящихся на *ранга* и *непатхиа*, репетирующих Маску Крови для свадьбы Смерти и Разрушения. Я видела Бога Вайю, поднявшего руки и остановившего ветры, что кружились по Небу. Я видела многоцветного Мару, стоявшего на шпиле высокой башни, и чувствовала, что кладет он власть дикого — потому что видела призрачных кошек, потревоженных в лесу и спешащих сюда. Я видела слезы мужчин и женщин. Я слышала смех богини. Я видела сверкающее копье, поднятое против утра, и слышала клятву. И, наконец, я видела Бога Света, о котором я писала давным-давно:

«Всегда умирающий, но никогда не умерший;
Всегда конечный, но никогда не конченный;
Ненавидимый мраком,
Одетый в свет,
Он идет к краю мира,
Когда утро заканчивает ночь.
Эти строки были написаны
Морганом свободным,
Который в день своей смерти
Увидит исполнение этого пророчества.

Птица взъерошила перья и замолкла.

— Я рад, птица, что у тебя был случай увидеть так много вещей,— сказал Сэм,— и что от продуманной тобою метафоры ты получила некоторое удовлетворение. К сожалению, поэтическая истина сильно отличается от того, что окружает в основном дело жизни.

— Эвива, Бог Света! — сказала птица и взлетела в воздух. В по-

лете ее пронзила стрела, выпущенная из окна тем, кто ненавидел джек-птиц.

Сэм бросился вперед.

Говорят, что призрачные кошки, взявшие его жизнь и чуть позднее — жизнь Хальбы, были на самом деле бог и богиня, и это вполне возможно.

Говорят также, что у призрачных кошек, убивших их, это была не первая и не вторая попытка. Несколько тигров погибли от Сверкающего Копья, которое прошло в них, само выдернулось, задрожало, очищаясь от крови, и вернулось в руку метателя. Тэк Сверкающее Копье, однако, и сам упал, пораженный в голову стулом, брошенным Богом Ганешей, который тихо вошел в комнату за спиной Тэка. Некоторые говорили, что позднее Сверкающее Копье было уничтожено Богом Агни, но другие утверждают, что Богиня Майя забросила его за пределы Брошенного Мира.

Вишну был недоволен и, говорят, позднее упирал на то, что Город нельзя было марать кровью, что если Хаосу показать вход, он рано или поздно войдет.

Но младшие боги его осмеяли, потому что он считался наименьшим в Тримурти, а его идеи относились к тем временам, когда он просто был среди Первых. По этой причине он отказался принимать какое-либо решение и удалился в свою башню. Бог Варуна Справедливый отвернул свое лицо от дел и пошел в Павильон Тишины на Брошенном Мире, где наблюдал чары комнаты, называемой Страх.

Поставленная театром масок «Маска Крови» была очень привлекательна. Она была написана поэтом Адазаи, известным своим элегантным языком и принадлежавшим к антиморганистской школе. «Маска Крови» сопровождалась мощными иллюзиями, которые Мастер Снов бросал специально для этого случая. Там говорилось, что Сэм в этот день тоже ходил в иллюзии, и что, как участник дикого, он проходил частично в темноте, в ужасном запахе, через области плача и стенаний и снова видел все ужасы, какие знал в своей жизни. Они возникали перед ним, яркие или тусклые, молчащие или грохочущие, свежевырванные из ткани его памяти и капающие эмоциями своего рождения в его жизнь, пока она не кончилась.

То, что осталось, было отнесено к погребальному костру в Брошенном Мире, положено на самый верх и сожжено под пение. Бог Агни поднял свои темные очки, посмотрел некоторое время на костер, и затем взметнулось пламя. Бог Вайю поднял руку, и пришел ветер, чтобы раздуть костер. Когда все было кончено, Бог Шива разметал пепел за пределы Мира движением своего трезубца.

Все это рассматривалось, как настоящие и впечатляющие похороны.

Давно не виданная в Небе свадьба прошла со всей силой традиций. Шпиль высотой в милю ослепительно сиял, как ледяной сталактит. Дикое было отстранено, призрачные кошки снова ходили по улицам города, не видя их. Их мех приглаживался как бы ветром; широкие ступени были пологими скалами, здания — утесами, статуи — деревьями. Ветры, что кружились по Небу, захватывали звук

и рассеивали его. В Сквере, в центральной части Города, был зажжен священный костер. Девственницы, собранные для этого случая, подкладывали в костер чистое, сухое, ароматичное дерево, которое трещало и горело почти без дыма, если не считать случайных клубов чистейшего белого цвета. Сурья, солнце, сияло так ярко, что день дрожал прозрачностью. Жених в сопровождении великой процессии друзей и вассалов в красном был проведен через Город в Павильон Кали, где их встретили ее слуги и отвели в обеденный зал. Там служил хозяином Бог Кубера; он рассаживал гостей — числом триста — попеременно на черные и красные стулья вокруг длинных столов черного дерева, инкрустированных костью. Всем подали *мадхупарку* — смесь меда, творога и услаждающих дух порошков; гости пили вместе с одетой в голубое свитой новобрачных; свита эта, тоже в количестве трехсот человек, вошла в зал, неся двойные чаши. Когда все уселись и выпили мадхупарки, Кубера выступил с речью. Она пересыпалась шутками и касалась попеременно то практической мудрости, то ссылок на древние записи. Затем легион жениха отправился в павильон в Сквер, а невеста двинулась со свитой туда же, но с другого направления. Яма и Кали порознь вошли в этот павильон и сели по обеим сторонам небольшой занавески. Затем пелись древние песни, и Кубера убрал занавеску, дав возможность молодым впервые за этот день взглянуть друг на друга. Кубера говорил, призывая Кали заботиться о Яме в ответ на обещания блага, богатства и радости, которые будут даны ей. Потом Яма взял Кали за руку и повел ее вокруг костра, ее вассалы связали вместе одежду Кали и Ямы, а Кали бросила в костер жертвенные зерна. После того Кали встала на жернов, поднялась с Ямой на семь ступеней, насыпая на каждую ступеньку по горсточке риса. С неба пошел легкий дождь; он продолжался всего несколько секунд — освящение происходящего благословляющей водой. Затем вассалы и гости составили одну процессию и двинулись через Город к Павильону Ямы, где было устроено великое пиршество и веселье, и где была представлена Маска Крови.

Когда Сэм встретился со своим последним тигром, тигр медленно наклонил голову, зная, что это охота. Сэму некуда было бежать, поэтому он стоял на месте и ждал. Кошка тоже некоторое время выжидала. В эту минуту орда демонов пыталась спуститься в Город, но Власть дикого не пускала их. Все видели, что богиня Ратри плачет, и ее имя внесли в список. Тэк из Архивов был временно посажен в башне под Небом. Слышали, как Яма сказал: «Жизнь не воскресает». Как будто бы он считал, что это все-таки возможно.

Все это рассматривалось, как настоящая и впечатляющая смерть.

Свадебные торжества длились семь дней, и Бог Мара крутил один сон за другим вокруг пирующих. Как на магическом ковре, он переносил их по стране иллюзий, воздвигая дворцы из цветного дыма на столбах воды и огня, поднимая скамьи, на которых сидели гости, в каньоны звездной пыли, кораллом и миррой выводил из равновесия их чувства, наводил на них все их Аспекты и заставлял вспо-

минать прототипы, на которых они основали свою силу, так что Шива танцевал на кладбище Танец Разрушения и Танец Времени, прославляя легенду об аннигиляции им трех летающих городов Титана, а Кришна Темный двигался в танце Борца в память его победы над черными демонами Бана, Лакшми танцевала Танец Статуи, и даже Бог Вишну был вынужден снова сделать несколько па из Танца Амфоры, а Муруган в новом теле насмехался над миром со всеми его океанами и танцевал Танец Триумфа на этих водах, как на подмостках, танец, который он танцевал после убийства Журы, укрывшегося в глубинах моря. Когда Мара делал жест, появлялись магия, цвет, музыка и вино. Была поэзия, игры, песни и смех. Был спорт с могучими испытаниями силы и ловкости. В общем, требовалась сила Бога, чтобы вынести полностью все семь дней удовольствий.

Все это рассматривалось как настоящая и впечатляющая свадьба.

Когда все это кончилось, молодые уехали с Неба побродить по миру, получить удовольствие от перемены мест. Они уехали без слуг и вассалов, чтобы бродить свободно. Они не объявляли, какие места намерены посетить и сколько времени потратят... на то, чтобы она забеременела, как говорили небесные шутники.

После их отъезда пирушки еще продолжались. Бог Рудра, оценив отличное качество сомы, взгромоздился на стол и начал произносить речь, за которую Яма, без сомнения, выкинул бы его, если бы слышал. В данном же случае Бог Агни шлепнул Рудру по губам и был немедленно вызван на дуэль в Аспекте на всем протяжении Неба.

Агни взлетел на вершину горы позади Канибурхи, а Рудра занял позицию возле Брошенного Мира. Когда подали сигнал, Рудра послал прочерчивающую жаркий след свистящую стрелу за много миль в направлении противника. Однако Агни обнаружил стрелу в полете за пятнадцать миль и сжег ее в воздухе дуновением Мирового Огня, а затем послал тот же Огонь в виде иглы света, которая коснулась Рудры и сожгла его в пепел, а также пробила купол за его спиной. Честь Локапаласа требовала выдвижения нового Рудры, и он вышел из рядов полубогов занять место погибшего старого.

Один раджа и два верховных жреца умерли весьма красочно от отравления. Для их посиневших останков были устроены погребальные костры. Бог Кришна поднял свой Аспект и играл музыку, лучше которой не бывало, а Гвари Прекрасная смягчилась и пришла к нему снова. Сарасвати в сиянии своей славы танцевала Танец Наслаждения, и тогда Бог Мара снова сотворил побег Хальбы и Будды через город. Это последнее видение многих, однако, встревожило, и в это время были записаны многие имена. Потом в их среду рискнул войти демон с телом юноши и головой тигра и со страшной яростью кинулся на Бога Агни. Его отогнала объединенная сила Ратри и Вишну, но ему удалось исчезнуть в бестелесности, прежде чем Агни успел наложить на него свой жезл.

В последующие дни в Небе произошли перемены.

Тэка Сверкающее Копье судили Мастера Кармы и переселили его в тело обезьяны; в его мозг было вложено предупреждение, что

когда бы он ни представлялся для обновления, он снова попадет в тело обезьяны и будет бродить по миру в этой форме до тех пор, пока Небо не проявит милосердия и не снимет с него эту участь. Затем его вывезли в джунгли юга и там оставили сбрасывать его кармический груз.

Бог Варуна Справедливый собрал своих слуг и уехал из Небесного Города, чтобы поселиться где-нибудь на земле.

Некоторые из его клеветников сравнивали его уход с уходом Пиррити Черного, бога тьмы и коррупции, который, оставляя Небо, наполнил его злой волей и миазмами многих проклятий. Клеветники Варуны были не очень многочисленны, однако, поскольку всем было известно, что титул Справедливого он заслужил, то его осуждение легко могло отразиться на ценности осуждавших; поэтому мало кто говорил о нем непосредственно после его ухода.

Много позднее, в дни Небесных Чисток, были изгнаны на землю другие боги. Их уход совпал со временем, когда в Небе вновь появился Акселерационизм.

Брама, самый могущественный из четырех порядков богов и восемнадцати хозяев рая, Создатель всего, Господин верхнего Неба и всего под ним, из чьего пупка вырастал лотос и чьи руки вспенивали океаны, тот, кто в трех своих шагах заключал все миры, барабаны славы которого наводили ужас на его врагов, в чьей правой руке было Колесо Закона, тот, кто связывал катастрофы, пользуясь змеей, как веревкой — Брама все больше и больше чувствовал себя смущенным и теряющим рассудок после того, что явилось результатом данного им Госпоже Смерти необдуманного обещания. Но затем он решил, что поступил бы точно так же и без ее подсказки. Главный эффект ее действий состоял в том, что ему было кого упрекать за свое нынешнее неприятное состояние. Его же называли Брамой Непогрешимым.

Когда празднества закончились, купол Неба пришлось чинить в нескольких местах.

Музей Неба впоследствии получил вооруженного стражника, обязанного все время находиться в помещении Музея.

Несколько охотничьих отрядов демонов составляли планы, но дальше стадии планирования не шли.

Был назначен новый архивариус, который решительно ничего не знал о своих родителях.

Призрачные кошки Канибурхи были почтены символическим изображением во всех храмах страны.

В последнюю ночь празднеств одинокий бог вошел в Павильон Тишины на Брошенном Мире и на долгое время поселился в комнате под названием Память. Затем он долго смеялся и вернулся в Небесный Город, а его смех был вещью юности, красоты, силы и чистоты, и ветры, кружащие по Небу, подхватили этот смех и понесли далеко по стране, и все, кто слышал его, изумлялись странной, вибрирующей ноте торжества, содержавшейся в нем.

Все это рассматривалось как настоящее, впечатляющее время Любви и Смерти, Ненависти и Жизни, и Безумия.

Глава 6

После смерти Брамы в Небесном Городе начался период беспорядка. Нескольких богов даже выгнали с Неба. Каждый боялся, чтобы его не приняли за Акселерациониста; и, как если бы это было суждено, в этот период как раз каждого и подозревали в Акселерационизме. Хотя Сэм Великодушный умер, дух его, как говорили, продолжал жить и насмехаться. А в дни недовольства и интриг, которые повели к Великой Битве, прошел слух, что, возможно, жив не только его дух...

Когда солнце страдания закатывается,
Приходит покой,
Господин тихих звезд
В этот мир творения,
В это место дымных спиралей мандалы.
Глупец говорит себе,
Что его мысли — всего лишь мысли...

Сахара, (98№99).

Это случилось рано утром. Брама находился неподалеку от бассейна пурпурного лотоса в Саду Радостей, у подножия статуи голубой богини с *вином*.

Девушка, нашедшая его, сначала подумала, что он отдыхает, потому что глаза его были открыты. Но уже через минуту она поняла, что он не дышит, и искаженное лицо его не изменяет выражения.

Она затряслась, ожидая конца света. Бог умер — значит, естественно, последует светопреставление. Но через некоторое время она решила, что внутренние связи между вещами могут поддержать мироздание на час-другой. И в таком случае, подумала она, благоразумнее будет довести дело о грозящей Юге до сведения того, кто лучше умеет обращаться с этим.

Она сказала об этом первой наложнице Брамы; та прибежала посмотреть лично и признала, что ее Господин действительно умер, и обратилась к статуе голубой богини, которая немедленно начала играть на *вине*. Затем первая наложница послала сообщение Вишну и Шиве, чтобы они срочно пришли в Павильон.

Они так и сделали, и привели с собой Бога Ганешу.

Они осмотрели останки, убедились в их состоянии и заперли обеих женщин в их квартирах до казни. Затем стали совещаться.

— Нам срочно нужен другой Создатель,— сказал Вишну.— Открылось вакантное место.

— Я предлагаю Ганешу,— сказал Шива.

— Отклоняю,— сказал Ганеша.

— Почему?

— Я не люблю быть на виду. Я бы предпочел оставаться где-нибудь за сценой.

— Тогда давай рассмотрим какие-то другие альтернативы, и побыстрей.

— Не разумнее ли сначала установить причину этого события?

— Нет,— сказал Ганеша.— Первым делом нужно избрать ему преемника. Даже вскрытие тела может подождать. Небо не должно оставаться без Брамы.

— Как скажешь. Может, кого-нибудь из Лакапаласа?

— Пожалуй.

— Яма?

— Нет. Он слишком серьезный, слишком добросовестный — он техник, а не администратор. К тому же он, по-моему, эмоционально нестабилен.

— Кубера?

— Больно уж хитер и ловок. Я боюсь Куберы.

— Индра?

— Слишком своеволен.

— Может, Кришна?

— Чрезмерно фриволен. Никакой рассудительности.

— Кого же ты посоветуешь?

— Какова наша величайшая проблема в настоящее время?

— Не думаю, чтобы у нас сейчас были какие-нибудь большие проблемы,— сказал Вишну.

— Тогда разумнее было бы иметь какую-то прямо сейчас,— сказал Ганеша.— По-моему, наша величайшая проблема — Акселерационизм. Сэм вернулся и мутит воду.

— Да,— сказал Шива.

— Акселерационизм? Зачем пинать дохлую собаку?

— Ах, она как раз и не сдохла. Среди людей. И это также отвлечет внимание от преемственности внутри Тримурти и создаст хотя бы поверхностную солидарность в Городе. Если, конечно, ты не собираешься взять на себя кампанию против Пиррити и его зомби.

— Покорно благодарю.

— Не стоит.

— М-м-м... Значит, наша величайшая проблема в настоящее время — Акселерационизм?

— Именно. Акселерационизм — наша величайшая проблема.

— Кто ненавидит его больше всего?

— Ты?

— Вздор. Кроме меня.

— Скажи, Ганеша.

— Кали.

— Сомневаюсь.

— А я нет. Два зверя, Буддизм и Акселерационизм, тянут одну колесницу. Будда презирал Кали. А она женщина. Она поведет кампанию.

— Тогда ей придется отказаться от своей женственности.

— Не говори пустяков.

— Ладно — Кали.

— А как же Яма?

— А что Яма? Я беру его на себя.

— И я тоже.

— И я.

— Прекрасно. Поезжайте тогда через планету на громовой колеснице и на спине великой Птицы Гаруды. Найдите Яму и Кали. Верните их на Небо. Я останусь ждать вашего возвращения и разберусь, что случилось с Брамой.

— Да будет так.

— Согласен.

— До свидания.

* * *

— Уважаемый торговец Вама, подожди! У меня есть кое-что сказать тебе.

— Да, Кабада? Чего тебе?

— Трудно подобрать слова для того, что я имею сказать. Но они относятся к некоему состоянию дел, которое вызывает заметное чувство у твоих соседей...

— Да? Давай дальше.

— Насчет атмосферы...

— Какой атмосферы?

— Может, ветры, бризы...

— Ну и что ветры?

— И то, что они переносят.

— Например?

— Запах, уважаемый Вама.

— Какой запах?

— Запах... ну... фекальной массы.

— Фе... А! Да, правильно. Все правильно. Немного такого может быть. Я забыл, потому что привык к нему.

— Могу я спросить о причине?

— Запах происходит от продукта дефекации, Кабада.

— Это я знаю. Я имел в виду спросить о том, почему они присутствуют, а не об их источнике.

— Они присутствуют из-за ведер в задней комнате моего дома, полных этого самого...

— Да?

— Да. Я собираю продукцию моей семьи. Уже восемь дней.

— Для какой цели, почтенный Вама?

— Разве ты не слышал об одной вещи, поразительной вещи, в которую эти самые продукты спускаются — воду, а затем дергают рычаг, и все это с мощным звуком уходит глубоко под землю?

— Я слышал о таком...

— О, это правда, это правда! *Есть* такая вещь. Ее недавно изобрел один человек, имени которого я не знаю, и у нее большие трубы, а сверху сиденье без дна. Это самое удивительное открытие века, и у меня оно будет через несколько лун.

— У тебя? Такая вещь?

— Да. Она будет установлена в маленьком помещении, которое

я пристроил к задней части дома. Возможно, я в ту ночь дам обед и позволю всем моим соседям воспользоваться этой вещью.

— Это поистине поразительно. И ты очень великодушен.

— И я так думаю.

— Но... Но запах?

— Запах из-за ведер, которые я сохраняю до устройства этой вещи.

— Зачем?

— Я должен иметь в своей кармической записи, что этой вещью начали пользоваться восемь дней назад, а не несколько лун спустя. Это покажет мое быстрое продвижение в этой жизни.

— А! Теперь я вижу мудрость твоих поступков, Вама. Я не хочу стоять на дороге человека, который ищет для себя лучшего. Прости меня, если я создал у тебя такое впечатление.

— Конечно.

— Такой прогресс, наверное, пойдет быстро.

— Наверняка.

— Почтенный Вама, мы будем наслаждаться воздухом со всеми его острыми предзнаменованиями.

— Это всего лишь второй мой жизненный цикл, дорогой Кабада, но я уже чувствую, что меня коснулось назначение.

— И я тоже. Ветры Времени меняются и несут человечеству множество удивительных вещей. Да Хранят тебя боги.

— И тебя тоже. Только не забывай благословения Просветленного, которому мой двоюродный кузен Вазу дал убежище в своей пурпурной роще.

— Как я могу забыть? Махасаматман был и богом тоже. Некоторые говорят — Вишну.

— Врут. Он был Буддой.

— Добавляю тогда и его благословение.

— Отлично. Прощай, Кабада.

— Прощай, почтенный.

* * *

Яма и Кали вернулись в Небо. Они спустились в Небесный Город на спине Птицы Гаруды. Они вошли в Город вместе с Вишну и, нигде не останавливаясь, прошли прямо к Павильону Брамы.

В Саду Радостей они встретили Шиву и Ганешу.

— Послушайте, Смерть и Разрушение,— сказал Ганеша.— Брама умер, и об этом знаем только мы пятеро.

— Как могла произойти такая вещь? — спросил Яма.

— Похоже, его отравили.

— Вскрытие делали?

— Нет.

— Тогда я сделаю.

— Хорошо. Но есть другое дело, более серьезное.

— Назови его.

— Его преемник.

— Да. Небо не может быть без Брамы.

— Точно... Кали, как ты смотришь на то, чтобы стать Брамой, золотым седлом и серебряными шпорами?
— Не знаю...
— Тогда подумай, и быстро. Тебя сочли лучшей кандидатурой.
— А Бог Агни?
— Он не так высок в списке. И он, похоже, не настолько антиакселерационист, как мадам Кали.
— Понятно.
— И мне тоже.
— Значит, он хороший бог, но не великий?
— Да. Но кто мог убить Браму?
— Не имею представления. А ты?
— Тоже нет.
— Но ты найдешь его, Лорд Яма?
— Угу. С моим Аспектом.
— Может, вы хотите посовещаться вдвоем?
— Да.
— Тогда мы пока оставим вас. Через час вместе пообедаем в Павильоне.
— Да.
— Да.
— Пока.
— Пока.
— Пока.

* * *

— Леди!
— Да?
— Со сменой тела автоматически происходит развод, если не будет подписано продолжение контракта.
— Да.
— Брама должен быть мужчиной.
— Да.
— Откажись.
— Милорд...
— Ты колеблешься?
— Это так неожиданно, Яма...
— Однако, ты задержалась, чтобы обдумать это.
— Я должна была.
— Кали, ты причиняешь мне страдания.
— В мои намерения это не входило.
— Я требую, чтобы ты отказалась от предложенного.
— Я — богиня по собственному праву, а не только как твоя жена, Лорд Яма.
— Что это означает?
— Что я решаю сама.
— Если ты это примешь, Кали, тогда между нами все кончится.
— Похоже на то.
— Что, черт побери, представляет собой акселерационизм? По-

думаешь — гроза над муравейником! Почему они вдруг так ополчились на него?

— Видимо, им нужно на что-то ополчиться.

— Почему выбрали тебя руководить этим?

— Не знаю.

— Нет ли у тебя особых причин быть антиакселерационисткой, моя дорогая?

— Не знаю.

— Как бог, я еще юн. Но я слышал, что герой ранних дней мира — Калкин, с которым ты ездила, и есть тот самый Сэм. Если у тебя были основания ненавидеть своего прежнего Господина, и если Сэм и правду он, тогда я понимаю, почему они вербуют тебя выступить против дела, которое он начал. Это правда?

— Возможно.

— Тогда, если ты любишь меня и ты в самом деле моя жена — пусть выбирают другого Браму.

— Яма...

— Они ждут твоего решения через час.

— Они его получат.

— Какое оно?

— Прости меня, Яма...

* * *

Яма уехал из Сада Радостей до обеда. Хотя это выглядело опасным нарушением этикета, все знали, что Яма — самый дисциплинированный из богов, и поняли этот факт и его причины. Так что он оставил Сад Радостей и поехал к месту, где Небо кончалось.

Он пробыл этот день и последующую ночь на Брошенном Мире, и его никто не тревожил никакими призывами. Он провел какое-то время в каждой из пяти комнат Павильона Тишины. О чем он думал — его дело, и мы тоже не будем касаться этого. Утром он вернулся в Небесный Город и узнал о смерти Шивы.

Трезубец Шивы прожег еще одну дыру в куполе, но его голова была раздроблена, как было установлено, тупым предметом.

Яма пошел к своему другу Кубере.

— Ганеша, Вишну и новый Брама уже предложили Агни занять место Разрушителя,— сказал Кубера.— Я думаю, он согласится.

— Это великолепно для Агни,— сказал Яма.— Кто убил Бога?

— Я много думал об этом,— сказал Кубера,— и считаю, что в случае с Брамой это был кто-то достаточно близкий, чтобы Брама принял от него отравленное питье, а в случае с Шивой — кто-то, хорошо знающий, как захватить его врасплох. Кроме одного свидетеля, никто не знает.

— Одно и то же лицо?

— Я бы поставил на это.

— Может, это часть заговора Акселерационистов?

— Трудно поверить. Те, кто симпатизируют Акселерационизму, не имеют настоящей организации. Акселерационизм слишком недавно на Небе, чтобы считать его чем-то стоящим. Интриги, возмо-

жно. Похоже, что делала это личность сама по себе, независимо от сторонников.

— Какие причины?

— Вендетта. Или какое-нибудь младшее божество желало сделаться старшим. Почему вообще кто-то кого-то убивает?

— Ты не думал о ком-нибудь в частности?

— Главнейшая проблема, Яма,— устранить подозрения, а не искать их. Расследование передадут в твои руки?

— Не уверен, но думаю, что да. Но я найду того, кто это сделал, и убью его.

— Почему?

— Мне нужно что-то сделать, кого-то...

— Убить?

— Да.

— Мне жаль, мой друг.

— Мне тоже, тем не менее, это моя привилегия и мое намерение.

— Я бы хотел, чтобы ты вообще не говорил со мной насчет этого дела. Оно явно конфиденциальное.

— Я никому не скажу, если ты не скажешь.

— Уверяю тебя, что не скажу.

— И знай, что я займусь кармическим слежением, психозондированием.

— Я упоминал об этом и Шиве говорил. Пусть будет так.

— До свиданья, мой друг.

— До свиданья, Яма.

Яма ушел из Павильона Локапалас. Через некоторое время туда вошла богиня Ратри.

— Приветствую, Кубера.

— Приветствую, Ратри.

— Почему ты сидишь один?

— Потому что нет никого, кто разделил бы мое одиночество. А почему ты пришла одна?

— Потому что некому пойти со мной.

— Ты хочешь совета или разговора?

— Того и другого.

— Садись.

— Спасибо. Я боюсь, Кубера.

— Голодна?

— Нет.

— Возьми плод и чашу сомы.

— Хорошо.

— Чего же ты боишься, и как я могу помочь тебе?

— Я видела, что Лорд Яма вышел отсюда...

— Да.

— Взглянув в его лицо, я увидела, что он — Бог Смерти, что есть сила, которой должны бояться даже боги...

— Яма силен, и он мой друг. Смерть могущественна, и она никому не друг. Но они оба существуют вместе, и это удивительно. Агни тоже силен, и он Огонь. Он мой друг. Кришна может быть силь-

ным, если пожелает. Но он никогда не желает этого. Он изнашивает тела с фантастической скоростью. Он пьет сому и занимается музыкой и женщинами. Он ненавидит прошлое и будущее. Он мой друг. И, наконец, в Локапаласе я, и я не силен. Тело, которое я ношу, почему-то быстро жиреет. И я для моих трех друзей скорее отец, нежели брат. Через них я ценю музыку, любовь и огонь, потому что все это — жизнь, и я люблю своих друзей как людей или как богов. Но другой Яма пугает меня тоже, Ратри. Потому что, когда он принимает свой Аспект, он — вакуум, который вгоняет в страх беднягу-толстяка. Тогда он никому не друг. Так что не стесняйся того, что боишься моего друга. Ты знаешь, что когда бог встревожен, его Аспект бросается поддерживать его, о богиня Ночи, ведь даже сейчас в этой беседке становится темнее, хотя день далеко не кончен. Ты прошла мимо встревоженного Ямы.

— Он вернулся так неожиданно.

— Да.

— Могу я спросить, почему?

— Боюсь, что это дело конфиденциальное.

— Оно касается Брамы?

— Почему ты так думаешь?

— Я уверена, что Брама умер. Я боюсь, что Яму призвали сюда, чтобы он нашел убийцу. Я боюсь, что он найдет меня, хотя бы я призвала на Небо столетнюю ночь. Он найдет меня, и я не смогу встать лицом к вакууму.

— Что ты знаешь насчет предполагаемого убийства?

— Я уверена, что последняя видела Браму живым, или первая видела его мертвым — в зависимости от того, что означали его судороги.

— Каковы были обстоятельства?

— Я пришла в его Павильон вчера рано утром, чтобы просить его сменить гнев на милость и позволить Парвати вернуться. Мне сказали, что он в Саду Радостей, и я пошла туда...

— Кто сказал?

— Одна из его женщин. Я не знаю ее имени.

— Ладно, давай дальше. Что произошло затем?

— Я нашла его у подножия голубой статуи. Он весь дергался. И дыхания не было. Затем он перестал дергаться и затих. Сердце его не билось, пульса не было. Я снова призвала часть ночи, чтобы она укрыла меня, и ушла из сада.

— Почему ты не позвала на помощь?

— Потому что я хотела его смерти. Я ненавидела его за то, что он сделал с Сэмом, за то, что он выгнал Парвати и Варуну, за то, что он сделал с архивариусом Тэком, за...

— Хватит. Это затянется на весь день. Ты прямиком ушла из Сада, или сначала вернулась в Павильон?

— Я прошла мимо Павильона и увидела ту же девушку. Я сделала себя видимой и сказала ей, что не нашла Браму и вернусь позднее... Но ведь он умер, не так ли? Что я теперь буду делать?

— Возьми еще плод и еще сомы.

— И Яма придет за мной?

— Конечно. Он придет за каждым, кто был замечен поблизости от того места. Это был, без сомнения, быстродействующий яд, и ты пришла как раз перед моментом смерти. Так что Яма, естественно, придет к тебе и сделает тебе психозондирование, как и всем другим. Выяснится, что ты убивала. Так что я советую тебе просто ждать, пока тебя возьмут под стражу. И никому больше не говори об этой истории.

— А что мне сказать Яме?

— Если он доберется до тебя раньше, чем я увижу его, скажи ему все, включая и разговор со мной. Это потому, что я предположительно ничего не знаю о случившемся. Смерть одного из Тримурти всегда хранится в тайне как можно дольше, даже ценою жизней.

— Но Боги Кармы прочтут это в твоей памяти, когда ты встанешь перед судом для обновления.

— Лишь бы они не прочитали это в твоей памяти сегодня. О смерти Брамы будут знать очень немногие. Поскольку Яма, вероятно, будет проводить официальное расследование, и он сам — конструктор психо-зонда, я не думаю, что в работу с машинами будет втянут кто-то посторонний. Но мне нужно обсудить этот факт с Ямой, или намекнуть ему — немедленно.

— Пока ты не ушел...

— Да?

— Ты сказал, что лишь немногие могут знать об этом, даже если придется пожертвовать жизнями... Не означает ли это, что я...

— Нет. Ты будешь жить, потому что я стану защищать тебя.

— Зачем это тебе?

— Ты — мой друг.

* * *

Яма управлял машиной, зондирующей мозг. Он проверил тридцать семь субъектов, имевших доступ к Браме и его саду в течение всего дня до богоубийства. Одиннадцать из них были богами и богинями, включая Ратри, Сарасвати, Майю, Мари, Лакшми, Муругана, Агни и Кришну.

Из этих тридцати семи богов и людей никто не был признан виновным.

Кубера-искусник стоял рядом с Ямой и просматривал психоленты.

— Что же теперь, Яма?

— Не знаю.

— Может, убийца был невидим?

— Может быть.

— Но ты этого не думаешь?

— Нет, не думаю.

— А если каждого в городе заставить пройти через зонд?

— Много народу приезжает и уезжает каждый день через множество входов и выходов.

— А ты не думал о возможности, что это был кто-то из Ракша-

сов? Они снова распространились по земле, как ты знаешь, и они ненавидят нас.

— Ракшасы не отравляют своих жертв. К тому же, я не думаю, чтобы Ракша мог войти в Сад из-за отпугивающих демонов курений.

— Так что же теперь?

— Вернусь в свою лабораторию и подумаю.

— Не могу ли я сопровождать тебя в Большой Зал Смерти?

— Пожалуйста, если желаешь.

Кубера пошел с Ямой. Пока Яма размышлял, Кубера внимательно рассматривал каталог лент, который Яма вел, когда экспериментировал с первыми зондирующими машинами. Конечно, ленты были бракованные, неполные: одни только Боги Кармы хранили ленты жизнеописания каждого в Небесном Городе. И Кубера это, конечно, знал.

* * *

В месте, называемом Кинсет, у реки Ведры, был заново открыт печатный пресс. Эксперименты со сложным водопроводом тоже шли в этом месте. На сцене появились также два очень искусных храмовых художника, а старый стекольщик сделал пару бифокальных очков и начал вытачивать еще. Итак, были указания, что один из городов-государств подвергся возрождению.

Брама решил, что пора выступить против Акселерационизма.

В Небе создался военный отряд, храмы в городах, близких к Кинсету, призывали верующих готовиться к священной войне.

Шива-Разрушитель носил только символ трезубца, потому что его настоящая сила была в огненном жезле, который он носил на боку.

Брама золотого седла и серебряных шпор носил меч, колесо и лук.

Новый Рудра носил лук и колчан старого.

Бог Мара носил сверкающий плащ, все время меняющий цвет, и никто не мог сказать, какого рода его оружие и на какой колеснице он ехал, поскольку пристальный взгляд на него вызывал головокружение, а все вокруг него меняло формы, кроме его лошадей, из чьих ртов все время капала кровь и дымилась там, где падала.

Из полубогов было набрано пятьдесят все еще старающихся дисциплинировать блуждающие Атрибуты, мечтающих усилить Аспект и отличиться в битве.

Кришна воевать отказался и ушел в Канибурху играть на свирели.

* * *

Кубера нашел его далеко за городом: он лежал на поросшем травой склоне холма и смотрел в звездное небо.

— Добрый вечер.

Он повернул голову и кивнул.

— Как поживаешь, дорогой Кубера?

— Довольно хорошо, Лорд Калкин. А ты?

— Вполне хорошо. Нет ли у тебя сигаретки?

— Никогда не бываю вдалеке от них.

— Спасибо.

— Огонька?

— Да.

— Что это была за джек-птица, которая кружила над Буддой, прежде чем мадам Кали выпустила из него кишки?

— Давай поговорим о более приятных вещах.

— Ты убил слабого Браму, и его заменило могучее существо.

— Да?

— Ты убил сильного Шиву, но его заменила равная сила.

— Жизнь полна перемен.

— Чего ты добивался? Мести?

— Месть — это часть личной иллюзии. Может ли человек убить то, что не жило и не умирало по-настоящему, а существует лишь в отражении Абсолюта?

— Ты проделал чертовски хорошую работу, даже если это всего лишь переустройство.

— Спасибо.

— Но зачем ты это сделал? И я предпочел бы пространный ответ.

— Я намеревался смахнуть всю иерархию Неба. Но похоже, что это должно идти по пути всех добрых намерений.

— Расскажи, зачем ты это сделал.

— Если ты расскажешь, как ты меня обнаружил...

— Вполне честно. Так говори, зачем?

— Я решил, что человечество лучше будет жить без богов. Если бы я ликвидировал их всех, люди могли бы снова придумать консервные ножи и открывать банки, не боясь гнева Неба. Мы уже достаточно попирали ногами этих бедняг. Я хочу дать им шанс к освобождению, чтобы создавали то, что хотят.

— Только для своей жизни, своей жизни.

— Иногда да. А иной раз и нет. Как и боги.

— Ты, вероятно, последний Акселерационист в мире, Сэм. Но никто бы не подумал, что ты также и самый беспощадный.

— Как ты нашел меня?

— Мне пришло в голову, что в числе подозреваемых должен был находиться Сэм, если бы не тот факт, что он умер.

— А я предполагал, что это достаточно надежная защита от обнаружения.

— Вот я и спросил себя, нет ли какого-нибудь средства, с помощью которого Сэм мог бы избежать смерти. Я ничего не мог придумать, кроме обмена телами. Тогда я спросил себя, кто брал себе новое тело в день смерти Сэма? Только Лорд Муруган. Правда, получалось не совсем логично, поскольку он сделал это *после* смерти Сэма, а не до нее. Я как-то упустил это. Ты — Муруган — был среди тридцати семи подозреваемых, прошел психозонд и был признан Лордом Ямой невиновным. Казалось, что я действительно шел по ложному следу... пока не подумал об очень простой вещи —

проверить запись. Сам Яма мог бы сбить психо-зонд, так почему бы не сделать этого кому-то другому? Я вспомнил, что Атрибут Калкина включал в себя контроль над молниями и электромагнитным феноменом. Он мог попортить машину своим мозгом таким образом, что она не заметила ущерба. Значит, надо было учитывать не то, *что* читала машина, а *как* она это читала. Как нет двух одинаковых отпечатков ладони или пальцев, так нет и мозговых записей одного и того же рисунка. При переходе из одного тела в другое сохраняется та же самая мысле-матрица, хотя она и включается в другой мозг. Каковы бы ни были мысли, проходящие через мозг, запись самих мысленных рисунков всегда уникальна. Я сравнил твою запись и запись Муругана, которую нашел в лаборатории Ямы. Они не были подобны. Я не знаю, как ты выполнил обмен телами, но я узнал тебя.

— Очень мудро, Кубера. Кто еще знаком с этим удивительным рассуждением?

— Пока никто. Боюсь, что Яма скоро дознается. Он всегда решает проблемы.

— Почему ты поставил под угрозу свою жизнь, отыскивая меня?

— Человек, достигший нашего, моего возраста, обычно становится рассудительным. Я знал, что ты, по крайней мере, выслушаешь меня, прежде чем ударить. И знаю также, что поскольку я хочу сказать хорошее, мне вреда не будет.

— Что ты предлагаешь?

— Я достаточно симпатизирую тому, что ты сделал, чтобы помочь тебе бежать с Неба.

— Спасибо, но не надо.

— Ты хочешь выиграть в этом состязании, или нет?

— Хочу, но я сделаю это своими методами.

— Как?

— Я вернусь в Город и уничтожу столько богов, сколько удастся, пока меня не остановят. Если падет достаточное количество крупных, то мелкие не сумеют удержать Небо.

— А если погибнешь ты? Что будет с миром и с делом, которое ты затеял? Сможешь ли ты восстать снова, чтобы защитить их?

— Не знаю.

— Как ты ухитрился устроить возвращение?

— Одно время я был одержим демоном. Он, пожалуй, любил меня, и сказал мне однажды, когда мы были в опасности, что он «укрепил мое пламя», так что я мог бы существовать вне своего тела. Я забыл об этом и вспомнил лишь тогда, когда увидел свое искромсанное тело, лежавшее подо мной на улице Неба. Я знал, что есть только одно место, где я могу добыть себе новое тело — Павильон Богов Кармы. Там Муруган требовал обслуживания. Как ты сам только что сказал, моя сила — управление электричеством. Я научился делать это, не задевая мозга. Ток на мгновение прервался, я вошел в новое тело Муругана, а Муруган отправился в ад.

— Тот факт, что ты рассказал мне все это, указывает, кажется, на то, что ты намерен отправить и меня вслед за Муруганом.

— Мне очень жаль, Кубера, потому что я люблю тебя. Если ты

дашь мне слово, что забудешь все то, что узнал, и будешь ждать, пока это дело обнаружит кто-то другой, тогда я позволю тебе уйти живым.

— Рискованно.

— Я знаю, что ты никогда не нарушал данного тобою слова, хотя ты так же стар, как холмы Неба.

— Кого первого ты хочешь убить?

— Конечно, Лорда Яму, потому что он ближе всех за мною по пятам.

— Тогда тебе придется убить меня, Сэм, потому что он брат Локапаласа и мой друг.

— Уверяю тебя, мы оба пожалеем, если я вынужден буду убить тебя.

— Не получил ли ты от знакомства с Ракшей его пристрастия к пари?

— Какого рода пари?

— Твоя победа — я дам тебе слово молчать; моя — ты полетишь со мной на спине Гаруды.

— И в чем состязание?

— Ирландский отбой.

— С тобой, жирный Кубера? Мне, в моем прекрасном новом теле?

— Да.

— Тогда бей первым.

* * *

На темном холме в дальнем конце Неба Сэм и Кубера стояли лицом к лицу.

Кубера отвел назад правый кулак и выбросил его в челюсть Сэма.

Сэм упал, полежал секунду и медленно поднялся на ноги.

Потирая челюсть, он встал на прежнее место.

— Ты сильнее, чем кажешься, Кубера,— сказал он и нанес удар.

Кубера лежал на земле, со свистом втягивая воздух.

Он изо всех сил пытался встать, застонал, но все-таки поднялся.

— Я не думал, что ты встанешь,— сказал Сэм.

Кубера повернулся к нему. Темная влажная полоса спускалась по его подбородку. Когда он встал твердо, Сэм вздрогнул.

Беги под серой стеной ночи. Спасайся! Под скалу. Прячься! Ярость обратит твои кишки в воду. Решетки трут твой позвоночник...

— Бей! — сказал Сэм.

Кубера улыбнулся и ударил.

Сэм лежал, дрожа, и голос ночи, смешанный со звуками насекомых, ветром и вздохами травы, доносился до него.

Трепещи, как последний упавший лист. В твоей груди глыба льда. В твоем мозгу нет слов, а только цвета паники...

Сэм потряс головой и встал на колени.

Упади снова, свернись в клубок и рыдай. Ибо каково у человека начало, таков и его конец. Мир — это черный катящийся шар. Он давит все, чего коснется. Он катится на тебя. Беги! Ты выиграешь минуту, может быть, час, прежде чем он навалится на тебя...

Он поднял руки к лицу, опустил их, взглянул на Куберу и встал.

— Ты построил в Павильоне Тишины комнату, называемую страхом. Теперь я вспомнил твою силу, старый бог. Но ее недостаточно.

Невидимая лошадь бежит по пастбищам твоего мозга. Ты узнаешь ее по отпечаткам копыт: каждый из которых — рана ...

Сэм встал в позицию, сжал кулак.

Небо трещит над тобой. Земля может разверзнуться под твоими ногами. А что за высокая, похожая на тень, фигура, что хочет встать за твоей спиной?

Кулак Сэма вздрогнул, но он выбросил его вперед.

Кубера покачнулся, голова его дернулась в сторону, но он устоял на ногах.

Сэм стоял, трепеща, когда Кубера занес руку назад для последнего удара.

— Старый бог, ты плутуешь,— сказал Сэм.

Кубера улыбнулся кровоточащим ртом, и его кулак вылетел вперед, как черный шар.

* * *

Яма разговаривал с Ратри, когда тишину ночи нарушил крик проснувшейся Гаруды.

— Такого еще не бывало,— сказал он.

Небеса медленно стали раскрываться.

— Может, Лорд Вишну собирается выехать...

— Он никогда не ездит ночью. Я совсем недавно говорил с ним, и он ничего не сказал насчет этого.

— Значит, какой-то другой бог рискнул сесть на нее.

— Нет! К загону, Леди! Быстро! Мне может понадобиться твоя сила.

Он потянул ее за собой к воздушному стойлу Птицы.

* * *

Гаруда была разбужена и отвязана, но колпак еще оставался на ее глазах.

Кубера принес потерявшего сознание Сэма в загон и привязал к сиденью седла. Затем он спустился и повернул последнюю рукоятку. Верх клетки откатился. Кубера взял длинный металлический крюк и пошел обратно к веревочной лестнице. От Птицы невыносимо воняло. Гаруда беспрерывно двигалась и топорщила перья длиной в два человеческих роста.

Кубера медленно взобрался на нее.

Как раз когда он привязывался к седлу, к клетке подошли Яма и Ратри.

— Кубера! Что за безумие? — закричал Яма.— Ты же никогда не любил высоты!

— Важное дело, Яма,— ответил Кубера,— а ехать в громовой колеснице — потратить целый день.

— Какое дело? И почему бы не взять гондолу?

— На Гаруде быстрее. Я расскажу тебе, когда вернусь.

— Может, я могу помочь тебе?

— Нет. Спасибо.

— А Лорд Муруган может?

— В этом случае, да.

— Вы никогда не были в хороших отношениях.

— Мы и сейчас не в хороших. Но мне нужны его услуги.

— Эй, Муруган! Ты почему молчишь?

— Он спит, Яма.

— Но у тебя лицо в крови, брат!

— Со мной произошел небольшой несчастный случай.

— И Муруган тоже плохо выглядит...

— От того же несчастного случая.

— Что-то тут неладно, Кубера. Подожди, я войду в клетку.

— Отойди, Яма!

— Локапаласы не приказывают друг другу. Мы равны.

— Отойди, Яма! Я снимаю колпак Гаруды!

— Не делай этого!

Кубера внезапно наклонился с крюком и снял колпак с высокой головы Птицы. Гаруда закинула голову и снова крикнула.

— Ратри,— сказал Яма,— наложи тьму на глаза Гаруды, чтобы она не могла видеть.

Яма двинулся к входу в клетку. Тьма, как грозовая туча, окутала голову Птицы.

— Ратри! — сказал Кубера.— Сними этот мрак и наложи его на Яму, или все пропало.

Ратри поколебалась секунду, но послушалась.

— Иди быстрее ко мне! — крикнул Кубера.— Поднимайся на Гаруду и поедешь с нами! Ты нам чертовски нужна!

Ратри вошла в клетку и пропала из виду, потому что тьма распространялась, как чернильная лужа, и Яма ощупью искал дорогу.

Веревочная лестница была сброшена, и Ратри поднялась на Гаруду.

Гаруда завизжала и подскочила в воздух, потому что Яма двигался вперед с кинжалом в руке и резанул первое, что попало под руку.

Ночь окутала их, и Небо осталось далеко внизу.

Когда они набрали высоту, начал приближаться купол. Гаруда спешила к воротам, не переставая визжать.

Они прошли через ворота, и Кубера поторопил Птицу.

— Куда мы едем? — спросила Ратри.

— В Кинсет, на реке Ведра,— ответил он.— А это Сэм. Он жив.

— Что случилось?

— Он тот, кого ищет Яма.

— Он найдет его в Кинсете?

— Без сомнения, Леди. Без сомнения. Но прежде, чем он найдет его, мы, возможно, подготовимся получше.

* * *

В дни, предшествующие Великой Битве, в Кинсет пришли защитники. Кубера, Сэм и Ратри дали предупреждение. Кинсет уже знал, что его соседи поднимаются, но не знал о небесных мстителях, готовых прийти.

Сэм обучал войска, которые должны были сражаться с богами, а Кубера — тех, кто будет сражаться с людьми.

Для богини Ночи были выкованы черные доспехи, на которых было написано: «Охраняй нас от волка и волчицы и от ночного вора».

А на третий день перед палаткой Сэма на равнине за городом поднялась огненная башня.

— Владыка Адского Колодца пришел сдержать свое обещание, о Сиддхарта,— сказал голос в его голове.

— Тарака! Как ты нашел меня... и как узнал меня!

— Я смотрю на пламя, что является истинной твоей сущностью, а не на плоть, скрывающую его. Ты же знаешь.

— Я думал, что тебя нет в живых.

— Почти так и было. Эти двое действительно пьют жизнь глазами! Даже жизнь такого существа, как я.

— Я же тебе говорил. Ты привел с собой свои легионы?

— Да. Привел.

— Это хорошо. Боги скоро будут здесь.

— Я знаю. Я много раз бывал в Небе на ледяных шапках его гор, а мои шпионы и сейчас там. Поэтому я знаю, что они готовы идти сюда. Они также приглашают людей принять участие в сражении. Хотя они и не считают, что им нужна людская помощь, но думают, что люди пригодятся для разгрома Кинсета.

— Да, это понятно,— заметил Сэм, созерцая громадный вихрь желтого пламени.— Еще что нового?

— Идет Красный.

— Я его ждал.

— Идет к своей смерти. Я должен победить его!

— У него будет с собой репеллент.

— Тогда я найду способ убрать репеллент или убить Красного на расстоянии. Он будет здесь с наступлением ночи.

— Как он идет?

— На летающей машине — не такой большой, как громовая колесница, которую мы пытались украсть — но очень скоростной. Я не мог бы напасть на нее в полете.

— Он один?

— Да, если не считать того, кто при машинах.

— Какие машины?

— Много машин. Его летающая машина битком набита странным оборудованием.

— Плохое предзнаменование.

Башня полыхнула оранжевым.

— Но едут также и другие.

— Ты только что сказал, что он один.

— Правильно.

— Тогда поясни мне истинный смысл твоих слов.

— Другие не с Неба.

— Откуда же?

— С тех пор, как ты уехал с Неба, я много путешествовал по миру и искал связи с теми, кто тоже ненавидит богов. Кстати, в твоем прошлом воплощении я пытался спасти тебя от кошек Канибурхи.

— Я знаю.

— Боги сильны. Сильнее, чем были раньше.

— Теперь скажи, кто идет помогать нам.

— Бог Пиррити Черный, который ненавидит все, но больше всего — Богов Неба. Так что он посылает тысячу неживых сражаться на равнине возле Ведры. Он сказал, что после битвы мы, Ракшасы, можем выбрать себе тела из тех выращиваемых им безмозглых существ, которые уцелеют.

— Мне не улыбается помощь Черного, но выбора у меня нет. Когда они прибудут?

— Ночью. Но Далисса будет здесь раньше. Я уже чувствую ее приближение.

— Далисса? Кто...

— Последняя из Матерей Страшного Жара. Она единственная скрылась в глубинах, когда Дурга и Лорд Калкин ехали морем в купол. Все ее яйца были передавлены, и она больше не может откладывать их, но она несет в своем теле пылающую энергию Морского Жара.

— И ты думаешь, она станет помогать мне?

— Она никому не станет помогать. Она последняя в роду. Она будет только наблюдателем.

— Имей в виду, что особа, которую знали под именем Дурги, теперь носит тело Брамы, главного нашего врага.

— Да, это делает вас обоих мужчинами. Она могла принять другую сторону и остаться женщиной. Но теперь она связала себя. Она сделала выбор из-за тебя.

— Эта помощь чуточку уравнивает положение.

— Сейчас Ракша гонит слонов, слизардов и больших кошек, чтобы выпустить их на наших врагов.

— Хорошо.

— И призвали элементалей огня.

— Очень хорошо.

— Далисса уже близко. Она будет ждать на дне реки и выплывет, когда понадобится.

— Передай ей привет от меня,— сказал Сэм, поворачиваясь к входу в палатку.

— Передам.

Сэм опустил за собой клапан.

* * *

Когда Бог Смерти спустился с Неба на равнину возле Ведры, Тарака Ракша кинулся на него в образе большой кошки из Канибурхи, но тотчас же отлетел назад. На Яме был демонский репеллент, из-за которого Тарака не мог подойти близко.

Ракша откатился, сбросил кошачью форму и стал вихрем серебряных пылинок.

— Бог Смерти! — взорвалось в голове Ямы. — Помнишь Адский Колодец?

И тут же камни и песок втянулись в вихрь и метнулись по воздуху к Яме, который запахнул плащ, прикрыл его полой глаза, но не тронулся с места.

Через некоторое время буря утихла. Яма не шевелился. Вокруг него все было усыпано обломками, но рядом с ним не было ни камешка.

Яма опустил край плаща и посмотрел на вихрь.

— Что за колдовство? — услышал он. — Как тебе удается устоять?

Яма продолжал смотреть на Тараку.

— Как тебе удается кружиться? — спросил он.

— Я — величайший из Ракшасов. Я однажды вынес твой смертельный взгляд.

— А я — величайший из богов. Я устоял против всего твоего легиона в Адском Колодце.

— Ты лакей Тримурти.

— Ты ошибаешься. Я пришел сюда сражаться против Неба во имя Акселерационизма, ненависть моя велика, и я принес оружие, чтобы использовать его против Неба.

— Тогда, я полагаю, что придется отказаться от удовольствия продолжать сейчас нашу битву.

— Я бы счел это разумным.

— И ты в самом деле хочешь, чтобы тебя проводили к нашему вождю?

— Я и сам найду дорогу.

— Тогда — до встречи, Бог Яма!

— До свидания, Ракша.

Тарака взлетел, как горящая стрела, в небо и исчез из виду.

* * *

Некоторые говорят, что Яма разрешил свою задачу, когда стоял в темноте в большой птичьей клетке. Другие же полагают, что он сдублировал соображения Куберы, пользуясь лентами в Большом Зале Смерти. Как бы то ни было, он, войдя в палатку на равнине у Ведры, приветствовал находящегося там человека, назвав его Сэмом. Этот человек положил руку на свое лезвие и встал перед Ямой.

— Смерть, ты предвосхищаешь битву,— сказал он.

— Были изменения,— ответил Яма.

— Какого рода?

— Изменение позиции. Я пришел сюда воспротивиться воле Неба.

— Каким образом?

— Сталью. Огнем. Кровью.

— С чего такая перемена?

— В Небе произошел развод. И предательство. И позор. Леди зашла слишком далеко, и теперь я знаю причину, Лорд Калкин. Я не одобряю твой Акселерационизм, но и не отрицаю его. Для меня важно лишь то, что это единственная сила в мире, могущая противостоять Небу. И, понимая это, я присоединюсь к тебе, если ты примешь мой меч.

— Я приму твой меч, Лорд Яма.

— Я подниму его против любого из небесной шайки, за исключением лишь самого Брамы, против которого я не встану.

— Договорились.

— Тогда позволь мне быть твоим возничим.

— Я бы не против, но у меня нет боевой колесницы.

— Я привез специальную колесницу. Я долгое время работал над ней, и она еще не вполне закончена, но и такой будет достаточно. Я должен собрать ее в эту ночь, потому что сражение начнется завтра утром на заре.

— Так я и думал. Ракша предупредил меня о приближении войск.

— Да, я видел их, когда пролетал над ними. Главная атака будет с северо-востока, через равнину. Боги присоединятся позднее. Но, без сомнения, войска идут со всех сторон, включая и реку.

— Мы контролируем реку. Далисса из Жара ждет на дне. Когда придет время, она поднимет волны, заставит их кипеть и захлестывать скамьи их галер.

— Я думал, что Жар весь вымер.

— Да, кроме Далиссы. Она последняя.

— Как я понял, Ракшасы будут сражаться вместе с нами?

— Да, и другие...

— Кто другие?

— Я принял помощь... безмозглых тел, их боевой отряд... от Бога Пиррити.

Яма прищурился и раздул ноздри.

— Это плохо, Сиддхарта. Рано или поздно его нужно будет уничтожить, и нехорошо быть в долгу у такого типа.

— Я знаю, Яма, но я в отчаянном положении. Они прибывают ночью...

— Если мы победим, Сиддхарта, опрокинем Небесный Город, сломаем древнюю религию, освободим людей для технического прогресса, то оппозиция все равно будет. Пиррити, который все эти столетия ждал смерти богов, будет атакован и побит сам. Будет ли так, или все начнется сначала — во всяком случае, Боги Города несколько более тактичны в своих некрасивых действиях.

— Я думаю, мы должны принять помощь независимо от того, просили мы о ней, или нет.

— Да, но приглашая его или принимая его предложение, ты в любом случае будешь обязан ему.

— Ну, когда дело дойдет до расплаты, тогда и посмотрим.

— Это политично, согласен. Но мне это не нравится.

Сэм налил сладкого темного кинсетского вина.

— Я думаю, Кубера захочет позднее с тобой повидаться,— сказал он, предлагая Яме стаканчик.

— Что он делает?— спросил Яма, выпив вино одним глотком.

— Тренирует войска и ведет класс по двигателям внутреннего сгорания для местных ученых,— сказал Сэм.— Даже если мы проиграем, что-то останется и будет совершенствоваться.

— Если это принесет какую-то пользу, то им нужно знать не только описание машины...

— Он в эти дни говорил до хрипоты, и писцы все записывали за ним — геологию, рудное дело, металлургию, химию нефти...

— Будь у нас больше времени, я бы помог. А сейчас, если хоть десять процентов сохранится, и то будет достаточно. Не завтра-послезавтра, но...

Сэм допил свое вино и снова наполнил стаканчик.

— За завтрашний день, возничий!

— За кровь, Связующий, за кровь и убийство!

— Часть крови может быть и нашей собственной, бог смерти. Но все равно, мы возьмем с собой достаточное количество врагов...

— Я не могу умереть, Сиддхарта, иначе как по собственному желанию.

— Как это может быть, Лорд Яма?

— Позволь Смерти иметь свои маленькие секреты, Связующий. А то я могу отказаться выполнить свою долю работы в этой битве.

— Как угодно, Лорд.

— За твое здоровье и долгую жизнь!

— За твои.

* * *

День сражения заалел зарей, как только что ущипнутое бедро девушки. С реки потянулся легкий туман. Мост Богов сиял золотом на востоке, тянулся обратно, темнел в уходящей ночи, разделял небо как бы горящим экватором.

Воины Кинсета ждали за городом, на равнине у Ведры. Пять тысяч человек с мечами, луками, пиками и пращами ждали сражения. В первых рядах стояла тысяча зомби под предводительством живых сержантов Черного, которые направляли все их движения барабанным боем и полотнищами черного шелка, вьющимися по ветру, как длинные змеи, над шлемами зомби.

Пятьсот копьеносцев держались в тылу. Серебряные циклопы — Ракшасы — висели в воздухе. Время от времени вдали слышался рев зверей джунглей. Пять элементалей сверкали на остриях пик и на столбе для флага.

В небе не было ни облачка. Трава на равнине была еще влажной и блестящей. Воздух был холодный, земля еще достаточно мягкая, чтобы видны были отпечатки ног. Серый, зеленый и желтый цвета под небом били в глаза. Ведра кружилась в берегах, собирая листья деревьев. Говорят, что каждый день повторяет историю мира: выходит из темноты и холода в начинающееся тепло и смутный свет, сознательно щурит глаза в середине утра, пробуждает мысли скачком нелогичной и несвязной эмоции, спешит к полуденному теплу, медленно, болезненно склоняется в пыль, к таинственному полусвету, к концу энтропии, которая есть ночь.

Начался день.

Далеко в конце поля стала заметна темная линия. Звук трубы прорезал воздух, и эта линия двинулась вперед.

Сэм стоял в своей боевой колеснице во главе строя, в сверкающей броне и с длинным серым копьем смерти. Он услышал слова Смерти, который бросил красное и был его возничим.

— Их первая волна кавалерии на слизардах.

Сэм искоса взглянул на далекую линию.

— Это она,— сказал возничий.

— Прекрасно.

Он сделал жест копьем, и Ракшасы двинулись вперед, как приливная волна белого света. Двинулись и зомби.

Когда белая волна и темная линия сошлись, послышалась сумятица голосов, шипение и грохот оружия.

Темная линия остановилась, над ней дымились громадные сгустки пыли.

Затем пришли звуки поднимающихся джунглей, когда собранные хищные звери были выпущены на фланг врагов.

Зомби шли медленно, в такт барабанному бою, а огненные элементали летели перед ними, и там, где они пролетали, трава засыхала.

Сэм кивнул Смерти, и колесница медленно двинулась вперед на воздушных подушках. За ней двигалась армия Кинсета. Лорд Кубера спал в наркотическом сне, подобном смерти, в тайном подвале под городом. Леди Ратри ехала на черной кобыле позади строя копьеносцев.

— Их атака отбита,— сказал Смерть.

— Да.

— Вся их кавалерия сброшена на землю, а звери все еще свирепствуют среди них. Они до сих пор не перестроили свои ряды. Ракшасы обрушились лавиной, как дождь с неба, на их головы. Теперь на них идет волна огня.

— Да.

— Мы уничтожим их. Уже сейчас они видят безмозглых ставленников Пиррити, идущих на них, как обычные люди, ровным шагом и без страха, и барабаны отбивают такт, и в их глазах нет ничего, вообще ничего. А глядя поверх их голов, враги видят здесь нас в грозовом облаке, и видят, что твоей колесницей правит Смерть. Их

сердца бьются чаще, холодеют бицепсы и бедра. Видишь, как звери проходят среди них?

— Да.

— Пусть не будет звуков рога в наших рядах, потому что это не сражение, а убийство.

— Да.

Зомби убивали все на своем пути, и если падали, то падали без слова, потому что для них все было одинаково, а слова для неживых не имеют никакого значения.

Они очистили поле, и свежая волна воинов пошла на них. Но кавалерия была разбита. Пешие солдаты не могли устоять перед копьями и Ракшасами, перед зомби и пехотой Кинсета.

С острыми, как бритвы, краями, боевая колесница, ведомая Смертью, врезалась во врага, как пламя прокатывается по полю. Стрелы и копья в полете поворачивали под прямым углом, не задевая ни колесницы, ни стоявших в ней. Темные огни плясали в глазах Ямы, когда он сжимал двойное колесо, управляющее ходом колесницы. Снова и снова безжалостно направлял он колесницу на врага, а копье Сэма разило как змеиный язык, когда они проезжали через ряды воинов.

Неизвестно откуда прозвучал сигнал к отступлению, но уже мало кто мог ответить на призыв.

— Протри глаза, Сиддхарта,— сказал Яма,— и прикажи строиться заново. Нам надо усилить атаку. Маджусри Меч должен отдать приказ. Боги наблюдают и оценивают наши силы.

— Да, Смерть, я знаю.

Сэм поднял копье, как сигнал, и в отрядах началось новое движение. Затем над ними нависла тишина. Вдруг не стало ни ветра, ни звука. Небо было ясное. Земля была серо-зеленая, утоптанная. Вдали призрачной оградой поднималась пыль.

Сэм оглядел ряды и показал копьем вперед. И в то же мгновение раздался удар грома.

— Боги сейчас войдут на поле,— сказал Яма, глядя вверх.

Наверху пронеслась громовая колесница. Однако разрушительного дождя не последовало.

— Почему мы еще живы?— спросил Сэм.

— Я думаю, они больше хотят нашего позорного поражения. А может, боятся использовать громовую колесницу против ее создателя... и справедливо боятся.

— В таком случае...— сказал Сэм и подал сигнал к атаке.

Колесница повезла его вперед.

Сзади шли силы Кинсета.

* * *

Раздался звук небесной трубы.

Линия человеческих воинов противника расступилась. Вперед выехали пятьдесят полубогов.

— Сиддхарта,— сказал Смерть,— Лорд Калкин никогда не бывал побит в сражении.

— Знаю.

— У меня с собой Талисман Связующего. На погребальном костре сожгли поддельный, а настоящий я оставил у себя для изучения. Но мне никогда не везло: минутку подержал — и вот, сейчас надену на тебя.

Сэм поднял руки, и Смерть застегнул на его талии пояс из раковин.

Сэм дал знак армии Кинсета остановиться, и Смерть повез его одного навстречу полубогам.

Над головами некоторых полубогов играли нимбы раннего Аспекта. У других было странное оружие для фокусировки их странного Атрибута. Пламя шло понизу и лизало колесницу. Ветры хлестали ее. Грохочущий шум падал на нее. Сэм сделал жест копьем — первые три противника зашатались и упали наземь со своих слизардов.

Смерть направил колесницу в гущу полубогов. У нее были острые, как бритва края, а ее скорость втрое превышала скорость лошади и вдвое — слизарда.

Пока он ехал, вокруг него возникал туман, окрашенный кровью. Тяжелые метательные снаряды летели к нему и исчезали, свернув в ту или другую сторону. Ультразвук штурмовал его уши, но каким-то образом частично гасился.

Сэм с бесстрастным лицом поднял копье высоко над головой. Внезапная ярость пробежала по его лицу, и с верхушки копья выскочили молнии.

Слизарды и всадники загорелись и скорчились.

Запах горелой плоти ударил в его ноздри. Он засмеялся, и Смерть повернул колесницу для второго захода.

— Вы наблюдаете за мной? — крикнул Сэм в небо.— Продолжайте! Вы сделали ошибку!

— Не надо! — сказал Смерть.— Рано еще! Никогда не насмехайся над богом, пока он не умер!

И колесница снова понеслась через ряды полубогов, и никто не мог коснуться ее.

Звуки трубы наполнили воздух, и святая армия хлынула на помощь своим чемпионам.

Воины Кинсета выступили вперед, чтобы вступить с нею в бой.

Сэм стоял в колеснице, и снаряды тяжело падали вокруг него, не попадая в цель. Смерть вез ее через ряды врагов теперь уже как клин, а не как рапиру. Сэм запел, и его копье было похоже на змеиный язык, а иногда трещало, когда с него сыпались яркие вспышки. Талисман на его талии горел бледным огнем.

— Мы возьмем их! — сказал Сэм.

— На поле только полубоги и люди,— сказал Смерть.— Боги все еще проверяют твою силу. Из них мало кто помнит полную мощь Калкина.

— Полная мощь Калкина? Она никогда не выпускалась, о Смерть. Ни в одном веке. Пусть выйдут против меня теперь, и небеса будут плакать над их телами, и Ведра станет цвета крови!... Вы

слышите меня, Боги? Выходите против меня! Я вызываю вас сюда, на это поле! Здесь вы встретитесь с моей силой!

— Нет! — сказал Смерть. — Еще не время.

Громовая колесница вновь пронеслась над ними.

Сэм поднял копье, и пиротехнический ад разверзся вокруг проходившего судна.

— Не следовало бы показывать им, что ты можешь это делать. Еще рано!

Затем в мозгу Сэма зазвучал голос Тараки:

— Они теперь идут по реке, о Связующий. А другой отряд штурмует ворота города!

— Скажи Далиссе, чтобы поднялась и энергией Жара заставила Ведру кипеть! Пошли Ракшасов к воротам Кинсета, чтобы уничтожить захватчиков!

— Слушаюсь, Связующий! — И Тарака исчез.

Луч слепящего света вылетел из громовой колесницы и врезался в ряды защитников.

— Время настало, — сказал Смерть и махнул плащом.

В самом заднем ряду Богиня Ратри привстала на стременах и подняла черный вуаль, который был накинут на броню.

С обеих сторон раздались вопли, потому что солнце скрыло свое лицо, и темнота спустилась на поле. Стебель света исчез из-под громовой колесницы, и сияние прекратилось.

Но из неведомого источника возникла слабая фосфоресценция, когда Бог Мара влетел на поле в своей многоцветной колеснице, запряженной изрыгающими реки крови конями.

Сэм повернулся к нему, но между ними вклинилось громадное количество воинов; однако, прежде чем они успели пробиться к Маре, он уже ехал через поле, убивая всех на своем пути.

Сэм поднял копье, но его мишень расплылась и изменилась, и молнии пролетали либо позади нее, либо по сторонам.

Вдали, в реке появился мягкий свет. Он жарко пульсировал, и что-то вроде щупальцев на миг всколыхнулось над водой.

Из города донеслись звуки сражения. Воздух был полон демонов. Земля, казалось, шевелилась под ногами воинов.

Сэм поднял копье и прочертил светящуюся линию, которая поднялась в небо, вызывая еще дюжину богов спуститься на поле.

Звери рычали, кашляли и выли, бегая по тем и другим рядам и убивая людей обеих сторон.

Зомби продолжали убивать; черные сержанты подгоняли их непрерывным боем барабанов; огненные элементали вцеплялись в грудь мертвых, как будто питались ими.

— Полубогов мы разбили, — сказал Сэм. — Давай теперь попробуем разбить Лорда Мару.

Они высматривали его на другом конце поля среди воплей и стонов, едущего по тем, кто скоро будет трупом, и по тем, кто уже был им.

Увидев цвета его колесницы, они бросились преследовать его. Наконец он повернулся к ним в коридоре тьмы. Смутно и издалека

доносились звуки битвы. Смерть уже остановил колесницу, и они смотрели сквозь ночь в глаза друг другу.

— Ты будешь сражаться, Мара? — крикнул Сэм. — Или мы должны гнать тебя, как собаку?

— Не говори мне о своих родителях — кобеле и суке, о Связующий! — ответил Мара. — Это ведь ты, Калкин? Твой пояс и твоя манера воевать. Твои молнии поражают одинаково и друзей, и врагов. Ты и в самом деле каким-то образом жив, а?

— Это я, — сказал Сэм, уравновешивая копье.

— И дохлый бог правит твоей тележкой?

Смерть поднял левую руку ладонью вперед.

— Я обещаю тебе смерть, Мара, — сказал он. — Если не от руки Калкина, то от моей. Если не сегодня, то в другой день, но она все равно между нами.

Пульсация на реке стала учащаться.

Смерть наклонился вперед, и колесница быстро поехала к Маре. Кони Мастера Снов попятились и выпустили огонь из ноздрей.

Сэм и Смерть прыгнули вперед. Стрелы Рудры искали их в темноте, но, приближаясь к Смерти или его колеснице, сворачивали в сторону и взрывались, давая на мгновение слабое освещение.

Вдалеке тяжело шагали слоны, гонимые Ракшей через равнину.

Послышался мощный ревущий звук.

Мара стал гигантом, а его колесница — горой. Его кони, скакавшие вперед, вытянулись в бесконечность. С копья Сэма сорвалась молния, как струя с фонтана. Над Марой внезапно закрутилась снежная метель, космический холод проник в его кости. В последний момент Мара повернул свою колесницу и выскочил из нее.

Сэм и Мара столкнулись на борту колесницы. Раздался скрежет, и оба медленно опустились на землю.

С оглушительным ревом и пульсацией света река вспучилась, готовая взорваться. Стремительная волна пронеслась через поле, когда Ведра вышла из берегов. Вопли усилились. Лязг оружия продолжался. Барабаны Пиррити все еще бухали в темноте, а сверху донесся странный звук, когда громовая колесница быстро неслась к земле.

— Куда он делся? — закричал Сэм.

— Скрылся. Но он не может прятаться вечно.

— Черт побери! Так мы победили или проиграли?

— Хороший вопрос. Ответа на него у меня пока нет.

Вода пенилась над стоявшей колесницей.

— Мы можем снова пустить ее в ход?

— В темноте и в захлестывающей воде — нет.

— Что же будем делать?

— Курить и набираться терпения.

Через некоторое время над ними завис Ракша.

— Связующий! — рапортовал он. — Новые нападающие на город имеют на себе этот чертов репеллент!

Сэм поднял копье, и с острия слетела линия молнии. Поле на мгновение осветилось, как от фотовспышки.

Всюду лежали мертвые, кучками и по отдельности. Между ними валялись трупы животных. Несколько больших кошек еще бродили, выбирая пищу. Огненные элементали улетели от воды, которая покрывала грязью упавших и хлестала на тех, кто еще мог стоять. На поле лежали холмы из разбитых колесниц и мертвых слизардов и лошадей. По полю все еще шли, повинуясь приказу, зомби с пустыми глазами, убивая все живое перед собой. Барабаны все еще били, но уже иногда запинались. Из города слышались звуки битвы.

— Найди Леди в черном,— приказал Сэм Ракше,— и скажи, чтобы сняла темноту.

Снова засияло солнце, и Сэм прикрыл глаза рукой.

Под голубым небом и золотым мостом резня выглядела еще ужаснее.

В дальнем конце поля на возвышении стояла громовая колесница.

Зомби убили последнего человека в поле зрения. Когда они повернулись, ища оставшихся в живых, барабаны смолкли, и зомби сами упали на землю.

Сэм и Смерть стояли в колеснице и оглядывались в поисках живых.

— Никакого движения,— сказал Сэм.— А где боги?

— Может быть, в громовой колеснице.

Вернулся Ракша.

— Защитники не могут удержать город!

— Боги участвуют в штурме?

— Там Рудра, и его стрелы производят страшную панику. Бог Мара там. Брама, я думаю, тоже, и много других. Очень большое смятение. Я спешил доложить.

— Где Госпожа Ратри?

— Она вошла в Кинсет, в свой Храм.

— Где остальные боги?

— Не знаю.

— Я приеду в город,— сказал Сэм,— и помогу защитникам.

— А я — к громовой колеснице,— сказал Смерть,— чтобы взять ее и использовать против врагов — если ею еще можно пользоваться. Если нет — остается Гаруда.

— Да,— сказал Сэм и левитировал.

Смерть выскочил из колесницы.

— Удачи тебе.

— И тебе тоже.

Они проехали по месту резни, каждый по-своему.

* * *

Он поднялся на небольшую возвышенность. Его красные кожаные сапоги бесшумно ступали по траве.

Он перекинул через плечо свой алый плащ и осмотрел громовую колесницу.

— Она повреждена молниями.

— Да,— согласился он и посмотрел на хвостовую часть, на того, кто говорил.

Броня бога сияла как бронза, хоть не была бронзовой, и украшена фигурами змей. На сверкающем шлеме — бычьи рога, а в левой руке — трезубец.

— Брат Агни, ты появился на земле.

— Я больше не Агни, а Шива, Бог Разрушения.

— Ты надел его доспехи на новое тело и взял его трезубец. Но никто не может так быстро овладеть трезубцем Шивы. Вот поэтому ты и носишь на правой руке белую перчатку и очки на лбу.

Шива поднял руку и опустил очки на глаза.

— Это правда, я знаю. Убери свой трезубец, Агни. Дай мне твои перчатку и жезл, твой пояс и твои очки.

Шива покачал головой.

— Я уважаю твою мощь, Бог Смерти, твою скорость и твою силу, твою ловкость. Но ты стоишь слишком далеко, чтобы любое из этого помогло бы тебе сейчас. Ты не можешь подойти ко мне, потому что я сожгу тебя раньше. Смерть, ты умрешь! — Он потянулся к жезлу и поясу.

— Ты хочешь повернуть дар Смерти против дарителя? — Кроваво-красный ятаган появился в руке Смерти.

— Прощай, Дхарма. Твои дни кончились.— Агни потянул жезл.

— Во имя прошлой дружбы,— сказал Красный,— я сохраню тебе жизнь, если ты сдашься.

Жезл закачался.

— Ты убил Рудру, защищая имя моей жены!

— Я сделал это, чтобы сохранить честь Локапаласа. А теперь я Бог Разрушения и один из Тримурти!

Он нацелил огненный жезл, а Смерть завертел перед ним своим алым плащом.

Вспышка света была так ослепительна, что за две мили, на стенах Кинсета, защитники увидели ее и удивились.

* * *

Враги вошли в Кинсет. Теперь здесь были пожары, вопли, удары металла о дерево, металла о металл.

Ракшасы опрокидывали дома на врагов, к которым не могли подойти близко. Врагов, как и защитников, осталось очень мало. Основная масса обеих армий погибла на равнине.

Сэм стоял на вершине самой высокой башни Храма и смотрел вниз, на павший город.

— Я не мог спасти тебя, Кинсет,— сказал он.— Я пытался, но недостаточно.

Далеко внизу, на улице, Рудра натянул свой лук.

Молнии упали на Рудру, и стрела взорвалась.

Когда воздух очистился, и Рудра встал, в центре обугленной земли был маленький кратер.

На дальней крыше появился бог Вайю и призвал ветры, чтобы

раздувать пожары. Сэм снова поднял копье, но на дюжине крыш стояла дюжина Вайю.

— Мара! — закричал Сэм.— Покажись, Мастер Снов! Если осмелишься!

Вокруг него слышался смех.

— Когда я буду готов, Калкин,— раздался голос из дымного воздуха,— я осмелюсь. Но я могу выбрать... У тебя не кружится голова? Что, если ты свалишься оттуда на землю? Подхватят ли тебя Ракшасы? Станут ли твои демоны спасать тебя?

Молнии полетели вниз на все близкие к Храму здания, но сквозь шум слышался смех Мары. Он замер в отдалении, и затрещали новые пожары.

Сэм сел и смотрел на горящий город. Звуки сражения прекратились. Осталось только пламя.

Резкая боль возникла в его голове и исчезла. Затем появилась снова и осталась. Она распространилась на все тело, и Сэм вскрикнул.

Брама, Вайю, Мара и четверо полубогов стояли внизу на улице.

Сэм пытался поднять копье, но его рука так дрожала, что копье выпало, загрохотало на камнях и исчезло.

Скипетр с черепом и колесом был направлен на Сэма.

— Спускайся, Сэм! — сказал Брама, легко двигая скипетром, отчего боль усилилась и стала жгучей.— В живых остались только ты и Ратри. Ты последний! Сдавайся!

Сэм с трудом поднялся и вцепился руками в свой сверкающий пояс. Покачнувшись, он сказал сквозь стиснутые зубы:

— Прекрасно! Я спущусь, как бомба, прямо на вас!

Но небо то темнело, то светлело, то снова темнело.

Над звуками пожара поднялся мощный крик.

— Это Гаруда! — сказал Мара.

— Зачем бы Вишну приходить сейчас?

— Гаруду украли, разве ты забыл?

Громадная птица пикировала на горящий город, как гигантский феникс на свое охваченное огнем гнездо.

Сэм повернул голову кверху и увидел, что на глаза Гаруды внезапно опустился колпак. Птица взмахнула крыльями и нырнула вниз, к богам, которые стояли у Храма.

— Красный! — закричал Мара.— Наездник в красном!

Брама повернул свой визжащий скипетр, держа его обеими руками, к голове пикирующей птицы.

Мара сделал жест, и крылья Гаруды, казалось, загорелись.

Вайю поднял руки, и ураганный ветер обрушился на верховое животное Вишну, разбивающее клювом колесницы.

Птица снова закричала и распахнула крылья, замедляя спуск. На ее голову обрушились Ракшасы, тычками и уколами принуждая птицу спускаться.

Она замедлила спуск, но не остановилась. Боги бросились врассыпную.

Гаруда ударилась о землю, и земля задрожала.

Яма выбрался из ее спинных перьев, соскочил с ятаганом в руке, сделал три шага и упал. Мара появился из развалин и ударил Яму по затылку ребром ладони.

Сэм прыгнул еще до того, как был нанесен удар, но опоздал. Скипетр снова завизжал, и все завертелось вокруг Сэма. Он старался прервать свое падение, но лишь замедлил его.

Земля в сорока футах, в тридцати, в двадцати...

Земля была окутана тусклым кровавым туманом, затем почернела.

— Лорд Калкин наконец побежден в бою,— тихо сказал кто-то.

* * *

Брама, Мара и два оставшихся полубога понесли Сэма и Яму из умирающего города Кинсета на берегу Ведры. Леди Ратри шла за ними с веревкой на шее.

Они положили Сэма и Яму в громовую колесницу, которая была в значительно худшем состоянии, чем они оставили ее: в правом борту зияла громадная дыра, а часть хвостового оборудования отсутствовала. Они заковали пленников в цепи, сняв Талисман Связующего и малиновый плащ Смерти. Затем послали сообщение на Небо, и через некоторое время пришла небесная гондола и увезла их в Небесный Город.

— Мы победили,— сказал Брама.— Кинсета больше нет.

— Дорого он обошелся нам, я считаю,— сказал Мара.

— Но мы победили.

— И Черный снова шевелится.

— Он хочет проверить наши силы.

— И что он думает о них? Мы потеряли целую армию, и даже боги умирали в этот день.

— Мы сражались со Смертью, с демонами и с Калкиным, с Ночью и с Матерью Жара. Пиррити больше не поднимет руки против нас после такой победы, как эта.

— Могуч Брама,— сказал Мара и отвернулся.

* * *

Боги Кармы были вызваны, чтобы судить пленников.

Богиня Ратри была изгнана из Небесного Города и приговорена жить на земле как смертная, и перевоплощаться всегда в немолодые тела наиболее некрасивой внешности, которые не могли бы нести полную силу ее Аспекта и Атрибута. Ей была оказана такая милость, потому что ее признали лишь случайной соучастницей, обманутой Куберой, которому она доверяла.

Когда пошли за Богом Ямой, чтобы привести его на суд, то обнаружили, что он умер в камере. В его тюрбане был маленький металлический ящичек. Он взорвался.

Боги Кармы провели вскрытие тела и совещались.

— Почему он не принял яд, если хотел умереть?— спросил Брама.— Пилюлю спрятать куда легче, чем эту коробку.

— Вполне возможно,— сказал один из Богов Кармы,— что где-

то на земле у него было припрятано другое тело, и он намеревался переселиться в него с помощью радиоприбора, который был поставлен на самоуничтожение после использования.

— Разве это можно сделать?

— Конечно, нет. Оборудование пересадки сложное и объемное. Но Яма хвастался, что может сделать все. Он однажды пытался убедить меня, что такой прибор можно сделать. Но между двумя телами должен быть прямой контакт с помощью грифелей и проводов. А такой крошечный прибор не мог бы генерировать достаточной энергии.

— Кто сделал твой психо-зонд? — спросил Брама.

— Лорд Яма.

— А громовую колесницу Шивы? А огненный жезл Агни? Твой страшный лук, Рудра? Трезубец? Сверкающее Копье?

— Яма.

— Тогда я скажу тебе, что приблизительно в то же время, когда действовал этот крохотный ящик, в Большом Зале Смерти вроде бы сам по себе крутился громадный генератор. Он действовал не более пяти минут, а потом сам собой выключился.

— Радиоволны?

Брама пожал плечами.

— Пора приговаривать Сэма.

Это было сделано. Поскольку Сэм уже однажды умер, но без большого эффекта, решили, что приговаривать его к смерти не имеет смысла.

По общему решению он был переселен. Но не в другое тело. Была воздвигнута радиобашня. Одурманенного сидативами Сэма положили на место, передаточные провода были присоединены к нему, как полагается, только не было другого тела. Вместо него провода были присоединены к конвертеру башни.

Его *атман* проецировался вверх, через открытый купол в громадное магнитное облако, которое окружало всю планету и называлось Мостом Богов.

Затем ему был дан единственный знак отличия: вторичные похороны в Небе. Лорд Яма получил первые, и Брама, следя за поднимающимся от погребального костра дымом, задумался, где сейчас Яма на самом деле.

— Будда ушел в Нирвану, — сказал Брама. — Объявите это в Храмах! Пойте на улицах! Славен был его путь! Он реформировал старую религию, и мы стали лучше, чем были! А те, кто думает иначе, пусть вспомнят о Кинсете!

Так и было сделано.

Но Бога Куберу они так и не нашли.

Демоны были свободны.

Пиррити был силен.

И где-то в мире были те, кто помнил бифокальные очки и смывные туалеты, химию нефти и двигатели внутреннего сгорания, и тот день, когда солнце спрятало свое лицо от правосудия Неба.

Вишну слышал, что дикость, наконец, вошла в Город.

Глава 7

Его иногда называли Майтрейя, что значит Бог Света. После возвращения из Золотого Облака он поехал во Дворец Камы в Кейпур, где занимался планами и укреплял свою силу против Дня Юги. Мудрец сказал однажды, что никто никогда не видел Дня Юги, но узнает его, когда он пройдет. Ибо день этот начинается так же, как всякий другой, и проходит так же, повторяя историю мира.

Иногда его называли Майтрейя, что означает Бог Света...

Мир есть жертвенный костер, солнце — его топливо, солнечные лучи — его дым, день — его пламя, стрелки компаса — его угли и искры. В этот костер боги приносят веру, как возлияние. Из этой жертвы родится Король Луны.

Дождь, о Гаутама, есть костер, год — его топливо, тучи — его дым, молнии — его пламя, угли, искры. В этот костер боги приносят Короля Луны, как возлияние. Из этой жертвы родится дождь.

Этот мир, о Гаутама, есть костер, земля — его топливо, огонь — его дым, ночь — его пламя, луна — его угли, звезды — его искры. В этот костер боги приносят дождь, как возлияние. Из этой жертвы происходит пища.

Мужчина, о Гаутама, это костер, его открытый рот — топливо, его дыхание — дым, его глаза — угли, его уши — искры. В этот костер боги кладут пищу, как возлияние. Из этой жертвы родится сила поколений.

Женщина, о Гаутама, есть костер, ее волосы — пламя, ее прелести — угли и искры. В этот костер боги приносят силу поколений, как возлияние. Из этой жертвы родится человек. Он живет, пока живется.

Когда человек умирает, его приносят, чтобы предложить костру. Костер становится его костром, топливо — его топливом, дым — его дымом, пламя — его пламенем, угли — его углями, искры — его искрами. В этот костер боги приносят человека, как возлияние. Из этой жертвы человек возникает в сияющей пышности.

Брихадараниака Упанишад (VI, ии, 9—14)

В высоком голубом дворце со стройными шпилями и филигранными воротами, где пахнет солью моря, и крики морских существ летят в чистом воздухе сезона ощущений жизни и наслаждения, Лорд Пиррити Черный разговаривал с человеком, которого привели к нему.

— Морской капитан, как тебя зовут? — спросил он.

— Ольвигг, Господин, — ответил капитан. — Почему ты убил мою команду, а меня оставил в живых?

— Потому что я хотел бы спросить тебя, капитан Ольвигг.

— О чем?

— О многом. О том, что старый морской капитан может знать из своих путешествий. Как держится мой контроль над южными морскими путями?

— Сильнее, чем я думал, иначе меня бы здесь не было.

— Другие боятся рисковать, или нет?

— Боятся.

Пиррити подошел к окну оглядеть море. Через некоторое время, стоя спиной к пленнику, он сказал:

— Я слышал, что на севере после битвы в Кинсете идет большой научный прогресс.

— Я тоже слышал, и знаю, что это правда. Я видел паровую машину. Печатный пресс прочно вошел в жизнь. Ноги мертвого слизарда дергаются от гальванического тока. Теперь выплавляют лучшую сталь. Снова изобретены микроскоп и телескоп.

Пиррити снова повернулся лицом к нему, и они изучающе смотрели друг на друга.

Пиррити был невысок, с подмигивающим глазом, с легкой улыбкой, темными волосами, схваченными серебряным обручем, курносым носом и глазами цвета его дворца. Он носил черное, и ему недоставало загара.

— Почему Богам Города не удалось остановить этот прогресс?

— Я думаю, потому что они ослабели, если это то, что ты хочешь услышать, Лорд. После бедствия у Ведры они почему-то боятся подавить прогресс силой. Говорят также, что в Городе постоянные раздоры между полубогами и оставшимися старшими. Это дело новой религии. Люди больше не боятся Неба, как боялись раньше. Они больше хотят защищаться; и теперь, когда они лучше экипированы, боги не очень желают встать против них.

— Значит, Сэм победил. Через столько лет, но все-таки он побил их.

— Да, Рэнфри. Я чувствую, что это правда.

Пиррити глянул на двух стражников, стоявших по бокам Ольвагги.

— Выйдите,— приказал он и, когда те вышли, спросил:— Ты знаешь меня?

— Да, капеллан. Потому что я — Ян Ольвигг, капитан «Звезды Индии».

— Ольвигг? Сомнительно что-то.

— Однако это правда. Я получил это теперь уже старое тело в тот день, когда Сэм разгромил Мастеров Кармы в Махартхе. Я был там.

— Один из Первых, и... да, христианин!

— Иногда. Когда у меня истощается запас клятвенных слов хинди.

Пиррити положил руку ему на плечо.

— Тогда твоя истинная сущность должна очень страдать от того богохульства, которое они произвели!

— А я не слишком вникаю в них... И они в меня.

— Надеюсь. Но Сэм сделал то же самое — смешал множество ересей, похоронил истинное Слово даже глубже...

— Оружие, Рэнфри,— сказал Ольвигг.— Ничего более. Я уверен, что он хотел быть богом не больше, чем ты или я.

— Возможно. Но я хотел бы, чтобы он выбрал другое оружие. Если он победит, их души все равно пропали.

Ольвигг пожал плечами.

— Я не теолог, как ты.

— Но ты поможешь мне? За века я создал могучую армию. У меня есть люди и машины. Ты говоришь, что наши враги ослабели. Мои бездушные создания — не рожденные от мужчины и женщины — не знают страха. У меня есть небесные гондолы — много. Я могу добраться до их города на полюсе. Я могу разрушить их храмы здесь, на земле. Я думаю, пора очистить мир от их скверны. Истинная вера должна взойти снова! Скоро! Это *должно быть* скоро...

— Я уже сказал, что я не теолог. Но я тоже хотел бы видеть Город побежденным,— сказал Ольвигг.— Я помогу тебе, чем смогу.

— Тогда мы захватим несколько городов, осквернim их храмы и посмотрим, какое действие это окажет.

Ольвигг кивнул.

— Ты будешь советовать мне. Будешь осуществлять моральную поддержку,— сказал Пиррити и наклонил голову.— Давай помолимся вместе.

* * *

Старик долгое время стоял перед Дворцом Камы в Кейпуре, глядя на его мраморные столбы. Наконец девушка пожалела его и вынесла ему хлеба и молока. Хлеб он съел.

— Выпей и молоко, дедушка. Оно питательно и поддержит твое тело.

— К черту! — сказал старик.— К черту молоко! К черту мое тело! Главное — это мой дух!

Девушка отпрянула.

— Разве так отвечают на милостыню?

— Я возражаю не против твоей милостыни, девушка, а против твоего выбора напитка. Не можешь ли ты уделить мне глоток хоть самого дрянного вина из кухни?.. Каким гости пренебрегают, а повар даже не плеснет его на обрезки мяса? Я жажду выжимок из винограда, а не из коровы.

— Может, тебе еще меню принести? Убирайся, пока я не позвала слуг!

Он пристально поглядел ей в глаза.

— Не обижайся, леди, прошу тебя. Нищенство мне трудно дается.

Она посмотрела в черные глаза на морщинистом, загорелом лице. В уголках его губ играла чуть заметная улыбка.

— Ладно... Иди за мной. Я провожу тебя в кухню и посмотрим, что там найдется. Хотя я, собственно, не понимаю, почему я должна это делать.

Улыбка его стала шире, когда он пошел за девушкой, следя за ее походкой.

— Потому что я хотел, чтобы ты это сделала,— ответил он.

* * *

Тарака, Ракша, был не в духе. Летя над облаками, он думал о путях власти. Когда-то он был самым могущественным. До дней связывания не было никого, кто мог бы устоять перед ним. Затем пришел Сиддхарта Связующий. Тарака знал его раньше, еще как Калкина, и знал, что он силен. В конце концов, он решил, что они должны встретиться, что он, Тарака, должен проверить силу Атрибута, который, как говорили, собирается поднять Калкин. Когда они сошлись вместе в тот давно прошедший день, когда от их ярости пылали вершины гор, в тот день победил Связующий. А при второй их встрече, столетия спустя, Тараке удалось побить Связующего даже более полно. Но Связующий был единственным, и теперь он ушел из мира. Из всех живых только Связующий взял верх над Владыкой Адского Колодца. Затем боги бросили вызов его силе. В прежние времена они были слабы, старались тренировать свои мутантские силы наркотиками, гипнозом, медитацией, нейрохирургией, и выковывали свои Атрибуты. И вот, века спустя, их силы выросли. Четверо их вошло в Адский Колодец, всего лишь четверо, и все легионы Тараки не смогли отбросить их. Один из них, Шива, был силен, но позднее Связующий убил его. Так и должно было быть, ибо Тарака считал Связующего равным себе. Женщину Тарака не учитывал. Она всего лишь женщина, и она требовала помощи от Ямы. Но Бога Агни, чей дух был ярким, слепящим пламенем — этого Бога Тарака, можно сказать, боялся. Он вспомнил, как однажды Агни вошел один во дворец Паламайдсу и бросил ему, Тараке, вызов. Тарака не смог остановить его, хоть и пытался, и увидел, как сам дворец был разрушен силою огня Агни. И в Адском Колодце ничто не могло остановить его. Тарака обещал тогда себе, что со временем проверит силу Агни, как сделал это с силой Сиддхарты, чтобы либо победить ее, либо быть связанным ею. Но обещание это Тарака так и не выполнил: Бог Огня сам пал перед Красным, который был четвертым в Адском Колодце. Красный каким-то образом повернул пламя Агни против него же в день битвы за Кинсет. Это означало, что величайшим был Красный. Ведь даже Связующий предупреждал Тараку насчет Ямы-Дхармы, Бога Смерти. Да, тот, чьи глаза выпивают жизнь, был самым могущественным из оставшихся в мире. Тарака чуть не погиб от этой силы в громовой колеснице. Однажды он хотел еще раз проверить эту силу, но быстро отступился, потому что он и Яма оказались союзниками в битве. Говорили, что Яма вскоре после этого умер в Городе. Позднее же говорили, что он все еще бродит по земле. Говорят, что как Бог Смерти он не может умереть иначе, как по своему желанию. Тарака принял это как факт, понимая, что это означает. Это значит, что он, Тарака, вернется на юг, на остров голубого дворца, где Бог Зла, Пиррити Черный, ждет его ответа. Тарака даст свое согласие. Начиная с Махартхи и дальше от

моря на север, Ракшасы добавят свою мощь к мощи Черного, разрушат Храмы в шести самых больших городах юго-запада, зальют улицы этих домов кровью их жителей и беспламенных легионов Черного — чтобы боги пришли защищать и встретили бы свою гибель. Если боги не придут, они покажут этим свою слабость. Тогда Ракшасы будут штурмовать Небо, и Пиррити снесет Небесный Город; Шпиль в милю высотой упадет, купол будет разбит вдребезги, большие белые кошки Канибурхи будут смотреть на развалины, павильоны богов и полубогов покроются полярными снегами. И все это, в сущности, по одной причине, помимо скуки, помимо приближения последних дней богов и людей в мире Ракшасов: когда бы ни пришла эта великая битва и могучие деяния, кровавые деяния и огненные деяния — придет и он. Тарака знал, придет Красный, где бы он ни был, обязательно придет, потому что его Аспект потянет его к его королевству. Тарака знал, что будет искать, ждать, ничего не делать до того дня, когда он посмотрит в темные огни, горящие в глазах Смерти...

* * *

Брама уставился на карту, затем оглянулся на хрустальный экран, вокруг которого обвился бронзовый Наг, зажавший в зубах хвост.

— Пожар, о жрец?

— Пожар, Брама... Весь район складов!

— Прикажи людям гасить.

— Они уже делают это, Могучий.

— Тогда зачем ты беспокоишь меня с этим делом?

— Боимся, Великий.

— Чего боитесь?

— Черного, чье имя я не могу назвать в твоем присутствии, чья сила неуклонно растет на юге, того, кто контролирует морские пути, подрывая торговлю...

— Почему ты опасаешься назвать предо мною имя Пиррити? Я знаю Черного. Ты думаешь, что пожары — его затея?

— Да, Великий — через какого-нибудь негодяя, которому он заплатил. Многие говорят, что он хочет отрезать нас от остального мира, отнять наши богатства, уничтожить наши склады и истощить наш дух, и поэтому он собирается...

— Захватить тебя, конечно.

— Ты сказал это, Могучий.

— Это вполне возможно, жрец. Так скажи, ты думаешь, что твои боги не встанут рядом с тобой, если Бог Зла нападет?

— В этом никогда не было никакого сомнения, Могущественнейший. Мы только хотели напомнить тебе о такой возможности и возобновить наши постоянные мольбы о милосердии и божественной защите.

— Ты это сделал, жрец. Не бойся.

На этом Брама закончил передачу.

— Он нападет.

— Конечно.

— Хотел бы я знать, насколько он силен. Кто-нибудь знает, Ганеша?

— Ты спрашиваешь меня, Милорд? Своего скромного политического советника?

— Никого другого я здесь не вижу, скромный бог-творец. Ты знаешь кого-нибудь, кто имеет информацию?

— Нет, Повелитель. Не знаю. Все избегают отвратительного существа, как будто оно само реальная смерть. Вообще-то, так оно и есть. Как тебе известно, три полубога, посланные мною на юг, не вернулись.

— А ведь они тоже были сильны, верно? Давно это было?

— По крайней мере год назад, когда мы послали нового Агни.

— Да, он был не очень хорош — пользовался зажигательными гранатами... но силен.

— Морально, возможно. Когда богов мало, приходится выбирать из полубогов.

— В старину я взял бы громовую колесницу...

— В старину громовой колесницы не было. Лорд Яма...

— Заткнись! Сейчас у нас громовая колесница есть. Я думаю о трубочисте, который наклонится над дворцом Пиррити.

— Брама, я думаю, что Пиррити может остановить громовую колесницу.

— Почему ты так думаешь?

— По некоторым рапортам из первых рук я понял, что он пользовался самонаводящимися ракетами против военных судов, посланных за его разбойниками.

— Почему ты не сказал мне об этом раньше?

— Эти рапорты получены совсем недавно. И это первый случай, что я мог завести разговор об этом.

— Значит, ты не думаешь, что мы должны напасть?

— Нет. Подожди. Пусть он двинется первый, чтобы мы могли судить о его силе.

— Но что это означает — пожертвовать Махартхой?

— Ну и что? Ты никогда не видел павшего города? Какую пользу принесет ему Махартха сама по себе, и надолго ли понадобится ему? Если мы не сможем снова вытребовать ее — вот *тогда* пусть трубочист наклонит свою широкополую шляпу... над Махартхой.

— Ты прав. Это будет полезно — правильно оценить его силы и оттянуть часть их назад. Но нам надо подготовиться.

— Да. Что ты прикажешь?

— Подними все силы Города. Вызови Лорда Индру с восточного континента, и немедленно!

— Твоя воля будет исполнена.

— И подними тревогу в остальных пяти городах на реке — в Лананде, Кейпуре, Кильбаре...

— Немедленно.

— Тогда иди.

— Я уже ушел.

* * *

Время — океан; пространство — его вода; Сэм решительно встал в середине.

— Бог Смерти,— окликнул он,— перечисли наши силы.

Яма потянулся и зевнул, затем поднялся с алого ложа, на котором дремал, почти невидимый. Он перешел комнату и пристально посмотрел в глаза Сэму.

— Здесь мой Атрибут, без подъема Аспекта.

Сэм встретил его взгляд, выдержал его.

— Это ответ на мой вопрос?

— Частично. Но в основном это проба твоей силы. Похоже, что она вернулась. Ты выносишь мой смертельный взгляд дольше любого смертного.

— Я знаю, что моя сила возвращается. Я ее чувствую. Сейчас многое возвращается. В течение тех недель, что мы прожили во дворце Ратри, я размышлял о своих прежних существованиях. Не все они были пропащими, бог Смерти. Я решил это сегодня. Хотя Небо побивало меня в каждом обороте, каждая из побед дорого им стоила.

— Да, ты, очевидно, человек предназначения. Теперь они явно слабее, чем в то время, когда ты бросил им вызов в Махартхе. Но слабость эта относительная, потому что люди стали сильнее. Боги разбили Кинсет, но не разбили Акселерацию. Они пытались похоронить буддизм в своих собственных учениях, но не смогли. Может, твоя религия на сюжет написанной тобою легенды помогла поддержать Акселерацию в каком-то смысле — я не знаю, и боги тоже не знают. Это послужило хорошим затемнением, оно отвлекло их внимание от вреда, который оно могло нанести, а поскольку это было принято как учение, их усилия подавить его вызвали некоторый подъем антидеикратических чувств. Можно подумать, что тебе это было внушение свыше, если бы ты не был так умен.

— Спасибо. Не желаешь ли моего благословения?

— Нет. А ты моего не желаешь?

— Позднее — возможно, Смерть. Но ты не ответил на мой вопрос. Пожалуйста, скажи, какими силами мы располагаем?

— Хорошо. Скоро прибудет Лорд Кубера.

— Кубера? Где он?

— Он много лет жил в потаенном месте, позволяя просачиваться в мир научным знаниям.

— Сколько лет! Его тело, вероятно, совсем уж древнее! Как он ухитрился?

— Ты помнишь Нараду?

— Моего бывшего врача из Капила?

— Его самого. Когда ты распустил своих копьеносцев после битвы в Махартхе, он ушел со слугами в глухие места. Он взял с собой все оборудование, которое ты отобрал в Зале Кармы. Я нашел его много лет назад. После Кинсета, после моего побега с Неба с помощью Пути Черного Колеса, я вывел Куберу из подвала под разрушенным городом. Позднее он сам связался с Нарадой, который теперь держит в холмах тайную мастерскую тел. Они с Куберой работают вместе. Мы также устроили еще несколько таких мастерских в разных местах.

— И Кубера идет сюда? Хорошо!

— А Сиддхарта все еще Принц Капи, и его призыв к отрядам в принципе должен быть услышан. И мы дали этот призыв.

— Их, вероятно, горсточка. Но все равно приятно знать...

— И Лорд Кришна.

— Кришна? Что ему делать на нашей стороне? Где он?

— Был здесь. Я нашел его на другой день после нашего прибытия. Он действительно путался тут с одной из девушек. Жалко смотреть.

— Как так?

— Стар. До жалости стар и изношен, но все еще выпивоха и юбочник. Его Аспект пока служит ему, периодически показывая кое-что от его былой гениальности и колоссальной жизнеспособности. Его выгнали с Неба после Кинсета за то, что он не пожелал сражаться против меня и Куберы, как это сделал Агни. Он полстолетия бродил по миру, пил, любил, играл на свирели и старел. Кубера и я несколько раз пытались найти его, но он все время перемещался. Это общая потребность талантливых божеств-ренегатов.

— Зачем он нам?

— Как только я нашел его, я послал его к Нараде за новым телом. Он должен был поехать туда с Куберой. Его силы тоже всегда быстро восстанавливаются после пересадки.

— Но *зачем* он нам?

— Не забывай, что именно он победил черного демона Вану, против которого боялся выступить даже Индра. Трезвый, он один из самых страшных бойцов в мире. Яма, Кубера, Кришна и, если хочешь, Калкин! Мы станем новым Локапаласом и будем держаться вместе.

— Я бы не прочь.

— В таком случае так и будет. Пусть боги высылают против нас своих стажеров! Я был Мастером Нового Оружия. Просто стыд, что здесь должно быть так много индивидуального и экзотического оружия. Я трачу свою гениальность и свое искусство на каждый предмет в отдельности, вместо массового производства главным образом наступательных средств. Но большинство паранормальных способностей требует как раз этого. У некоторых всегда имеется Атрибут, чтобы противостоять любому общему оружию. Пусть-ка встанут перед Адской Пушкой и будут разнесены по волокнам, или скрестят мечи с Электромечом, или окажутся перед Фонтанным Щитом с его

струями цианида и диметилсульфоксида — вот тогда узнают, что перед ними встал Локапалас!

— Теперь я понимаю, Смерть, почему любой бог, даже Брама, может умереть и быть заменен другим — любой, кроме тебя.

— Спасибо. У тебя есть какой-нибудь план?

— Пока нет. Мне нужно больше информации о силах внутри Города. Небо демонстрировало свою мощь в последние годы?

— Нет.

— Нет ли какого-нибудь способа проверить их, не обнаруживая себя? Может, Ракшасы?...

— Нет, Сэм, я не доверяю им.

— И я тоже. Но иногда с ними можно иметь дело.

— Как ты имел с ними дело в Адском Колодце или в Паламайдсу?

— Хорошо сказано. Может, ты и прав. Я подумаю об этом. Интересно, как обстоят дела с Черным?

— За последние годы он овладел морями. Говорят, что его легионы растут, и что он строит военные машины. Я однажды говорил тебе о своих опасениях на этот счет. Давай-ка держаться от Пиррити подальше, насколько это возможно. Общее с нами у него только одно: желание сокрушить Небо. Он не Акселерационист и не Деикрат, и в случае успеха он может установить Темный Век еще хуже того, из которого мы начали вылезать. Лучше всего было бы спровоцировать драку между Пиррити и Богами Города, выждать, а затем стрелять в победителей.

— Пожалуй, ты прав, Яма. Но как это сделать?

— Мы не можем, но, возможно, скоро это произойдет само собой. Махартха раболепно встала на колени, закрыв лицо от моря. Ты стратег, Сэм, а я только тактик. Мы вернули тебя, чтобы ты сказал нам, как действовать. Прошу тебя, подумай об этом хорошенько, раз уж ты снова стал самим собой.

— Ты всегда подчеркиваешь эти последние слова.

— Угу, молитвенник. Потому что ты не пробовал битвы с тех пор, как вернулся из Нирваны... Скажи-ка, ты можешь заставить буддистов сражаться?

— Вероятно, но для этого я опять должен стать той личностью, которую теперь нахожу неприятной.

— Ну... может, и не придется, но держи это в уме на случай, если нам будет туго. Однако, надежнее было бы каждую ночь упражняться перед зеркалом в этой эстетической речи, которую ты выдал в монастыре Ратри.

— Не склонен.

— Понятно. Ну, делай это как-то по-другому.

— Лучше я буду практиковаться с рапирой. Принеси мне ее, и я дам тебе урок.

— Хо! Отлично! Получу урок и сам стану новообращенным.

— Тогда перейдем во двор, и я буду просвещать тебя.

* * *

Когда Пиррити в своем голубом дворце поднял руки, с палуб его боевых кораблей поднялись к небу ракеты и по дуге понеслись над городом Махартхой.

Когда он застегнул свою черную нагрудную пластину, ракеты спустились на город, и начались пожары.

Когда он надел сапоги, его флот вошел в гавань.

Когда его черный плащ был застегнут у горла, а черный стальной шлем надет на голову, его сержанты начали бить в барабаны под палубами кораблей.

Когда он подвесил меч к поясу, бездушные существа зашевелились в трюмах судов.

Когда он натянул перчатки из кожи и стали, его флот под ветром, направляемым Ракшасами, подошел к порту.

Когда он жестом приказал младшему стюарду Ольвиггу следовать за ним во двор, всегда молчащие воины поднялись на палубы и встали перед горящей гаванью.

Когда заурчали машины в черной небесной гондоле, и дверь открылась, первый из его кораблей бросил якорь.

Когда Пиррити и Ольвигг вошли в гондолу, первый отряд вошел в Махартху.

Когда они долетели до Махартхи, город был взят.

* * *

В зеленых участках сада пели птицы. Рыбы, похожие на старинные монеты, лежали на дне голубого бассейна. Цветы были в основном красные, с крупными лепестками, но вокруг ее каменной скамьи попадались и желтые.

Она положила руку на белую стальную спинку скамьи и смотрела, как по плитам скользили его сапоги, когда он шел в ее направлении.

— Сэр, это частный сад,— сказала она.

Он остановился и взглянул на нее. Он был мускулистым, загорелым, с темными глазами и бородой. Его лицо ничего не выражало до тех пор, пока он не улыбнулся. Одет он был в голубое и кожаное.

— Гости не ходят сюда,— добавила она,— для них есть сады в другом крыле. Пройдите через ту арку...

— В *моем* саду, Ратри, ты всегда была желанной гостьей,— сказал он.

— Ты...

— Кубера.

— Лорд Кубера! Но ты не...

— Не жирный. Знаю. Новое тело, и оно тяжело работало. Изготовляло оружие Ямы, транспортировало его...

— Когда ты прибыл?

— Сию минуту. Я привел обратно Кришну вместе с грузом взрывателей, гранат, осколочных мин...

— Боги! Это было так давно...

— Да. Очень. Но я должен перед тобой извиниться, поэтому

и пришел. Меня это мучило много лет. Прости меня, Ратри, за ту давнюю ночь, когда я втравил тебя в это дело. Мне необходим был твой Атрибут, и я втянул тебя. Вообще-то я не люблю таким образом пользоваться людьми.

— Я в любом случае скоро оставила бы Город, Кубера, так что не чувствуй себя чрезмерно виноватым. Конечно, я предпочла бы более приятную форму, чем та, в которой я сейчас. Но это не главное.

— Я дам тебе другое тело, Леди.

— В другой раз, Кубера. Прошу, садись. Сюда. Ты голоден? Хочешь пить?

— Да и да.

— Вот фрукты, вот сома. Может, предпочтешь чай?

— Спасибо, сома лучше.

— Яма говорил, что Сэм излечился от своей святости.

— Хорошо. Он очень нужен. Он составлял какие-нибудь планы для нас... как действовать?

— Яма не говорил. Но, может быть, Сэм не сказал Яме.

На ближайшем дереве сильно затряслись ветви, и Тэк приземлился на четвереньки. Он пробежал по плитам и остановился перед скамьей.

— Эта болтовня разбудила меня,— заворчал он.— Кто этот парень, Ратри?

— Лорд Кубера, Тэк.

— Если ты не разыгрываешь меня, то... ох, какая перемена!

— То же самое можно сказать и о тебе, Тэк из Архивов. Почему ты все еще обезьяна? Яма мог бы переселить тебя.

— Как обезьяна я более полезен,— ответил Тэк.— Я отличная обезьяна, куда лучше, чем собака. Я сильнее человека. И кто отличит одну обезьяну от другой? Я останусь в этой форме до тех пор, пока не будет более нужды в моих специальных услугах.

— Похвально. Были еще известия о передвижениях Пиррити?

— Его корабли подходят ближе к большим портам, чем в прошлом,— сказал Тэк.— И их стало гораздо больше. Больше пока ничего не известно. Похоже, что боги боятся его, раз не уничтожают.

— Да,— сказал Кубера,— потому что он — неизвестная величина. Я склонен думать, что это ошибка Ганеши. Именно он позволил Пиррити без помех оставить Небо и взять с собой свое оборудование. Я думаю, Ганеша хотел иметь какого-нибудь доступного врага Неба, чтобы Небо не расслаблялось. Но он, видимо, никогда не думал, что не техник сможет так использовать оборудование, как это сделал Пиррити, и создать армию, которой он теперь командует.

— Логичное рассуждение,— сказала Ратри.— Даже я слышала, что Ганеша часто действовал таким образом. Что он сделает теперь?

— Отдаст Пиррити первый город, который тот атакует, и будет наблюдать за средствами нападения и оценивать его силы... если сможет убедить Браму держаться подальше, а затем ударит по Пир-

рити. Махартха должна пасть, и мы должны быть поблизости. Интересно будет последить.

— Но ты чувствуешь, что мы должны делать что-то большее, а не только наблюдать? — спросил Тэк.

— Да, конечно. Сэм знает, что мы должны иметь в руках как можно больше деталей, а затем соединить их. Мы выступим так же быстро, как всякий другой, Тэк, и это будет скоро.

— В сущности, — сказал Тэк, — я всегда мечтал сражаться на стороне Связующего.

— В ближайшее время, я уверен, почти все желания либо будут выполнены, либо нарушены.

— Еще сомы? Еще фруктов?

— Спасибо, Ратри.

— А тебе, Тэк?

— Банан, если можно.

* * *

В тени леса, на вершине высокого холма восседал Брама, как статуя бога на гаргулье, и смотрел вниз, на Махартху.

— Они оскверняют Храм.

— Да, — сказал Ганеша. — Чувства Черного не изменились с годами.

— С одной стороны это внушает жалость. С другой — пугает. У его армии винтовки и пистолеты.

— Да. Он очень силен. Давай вернемся в гондолу.

— Минутку.

— Я боюсь, Повелитель, не чрезмерно ли они сильны... в этом смысле.

— На что ты намекаешь?

— Они не могут переплыть реку. Если они хотят атаковать Алананду, им придется идти по суше.

— Это верно. Если только у него нет достаточного количества небесных кораблей.

— А если они хотят атаковать Кейпур, они должны идти еще дальше.

— Ну, да! А если они хотят атаковать Кильбар, то должны опять же идти еще дальше. Объясни, что ты хочешь сказать.

— Чем дальше они идут, тем сильнее их логические проблемы, тем уязвимее они становятся для партизанской войны на их пути...

— Ты, кажется, предполагаешь, что я ничего не делаю, а только беспокою их? Что я позволю им идти и захватывать города один за другим? Они окопаются тут, пока не придет подкрепление для удержания того, что они захватили; только *тогда* они двинутся дальше. Разве что не хватит пищи. Если мы подождем...

— Посмотри вниз!

— Что там?

— Они готовятся уходить.

— Не может быть!

— Брама, ты забыл, что Пиррити фанатик, сумасшедший. Ему не нужны ни Махартха, ни Лананда, ни Кейпур. Он хочет уничтожить наши Храмы и нас самих. В этих городах его интересуют не тела, а души. Он пойдет по стране, уничтожая каждый символ нашей религии, какой встретит, пока мы не станем с ним драться. Если мы ничего не сделаем, он, скорее всего, пошлет миссионеров.

— Значит, мы должны что-то сделать!

— Ослабим его, пока он идет. Когда он ослабеет достаточно — ударим! Отдай ему Лананду, и Кейпур тоже, если понадобится. Даже Кильбар и Хамсу. Когда он ослабеет, разобьем его. Мы обойдемся без этих городов. Сколько их мы сами уничтожили? И не вспомнить?

— Тридцать шесть,— сказал Брама.— Давай вернемся в Небо, и я обмозгую это дело. Если я последую твоему совету, а он уйдет прежде, чем достаточно ослабеет, мы многое потеряем.

— Хотел бы поспорить, что не уйдет.

— Ты не свои кости бросаешь, Ганеша, а мои. Смотри, с ними эти проклятые Ракшасы. Давай-ка уедем побыстрее, пока они нас не засекли.

— Да. Быстро!

Они повернули своих слизардов вглубь леса.

* * *

Кришна отложил свирель, когда к нему прибыл посланец.

— Да? — спросил он.

— Махартха пала...

Кришна встал.

— И Пиррити готовится идти на Лананду.

— Что делают боги для защиты городов?

— Ничего. Вообще ничего. Пойдем со мной. Локапаласы собираются совещаться.

Кришна оставил свирель на столе.

* * *

В эту ночь Сэм стоял на самом высоком балконе дворца Ратри. Дождь с ветром бил его, как холодными гвоздями. Железное кольцо на его левой руке горело изумрудным блеском.

Молния падала, падала, падала и остановилась.

Он поднял руку, и гром ревел и ревел, похожий на смертный крик всех драконов, которые жили когда-то, где-то...

Спустилась ночь, когда огненные элементали встали перед Дворцом Камы.

Сэм поднял обе руки, и элементали, как один, поднялись в воздух и зависли высоко в ночи.

Он сделал жест, и они полетели над Кейпуром, с одного конца города до другого.

Там они закружились кольцом, затем разделились и стали танцевать в грозе.

Он опустил руки. Элементали вернулись и снова встали перед ним.

Он не двигался. Он ждал.

После ста ударов сердца из ночи пришло и сказало ему:

— Кто ты, чтобы командовать рабами Ракшасов?

— Приведи ко мне Тараку,— сказал Сэм.

— Смертные мне не приказывают!

— Тогда посмотри на пламя моей истинной сущности, пока я не привязал тебя к металлическому флагштоку на то время, пока он стоит.

— Связующий! Ты жив?

— Приведи мне Тараку,— повторил Сэм.

— Сейчас, Сиддхарта. Твоя воля будет исполнена.

Сэм хлопнул в ладоши, и элементали взвились к небу, и над Сэмом снова была темная ночь.

* * *

Владыка Адского Колодца принял человеческую форму и вошел в комнату, где в одиночестве сидел Сэм.

— Последний раз я видел тебя в день Великой Битвы,— сказал Тарака.— Потом я слышал, что боги нашли способ обезвредить тебя.

— Как видишь, они этого не сделали.

— Как ты пришел снова в мир?

— Лорд Яма — Красный — вернул меня обратно.

— Его сила и в самом деле велика!

— Это достаточно доказано. Как дела у Ракшасов?

— Хорошо. Мы продолжаем нашу борьбу.

— Да? Какими методами?

— Мы помогаем твоему старому союзнику — Черному, Лорду Пиррити и его кампании против богов.

— Я так и думал. Поэтому я и вызвал тебя.

— Хочешь поехать с ним?

— Я обдумал это очень основательно и, несмотря на возражения моих товарищей, очень хочу ехать с ним, но при условии, что он заключит договор с нами. Я хочу, чтобы ты передал ему мое предложение.

— Какое предложение, Сиддхарта?

— Что Локапалас — Яма, Кришна, Кубера и я — будем сражаться вместе с ним против богов и приведем с собой всех поддерживающих нас, всю силу и оборудование, если он согласится не воевать с последователями буддизма или индуизма, пока они существуют в мире, с целью обращения их в его веру, и, кроме того, не станет подавлять Акселерационизм, как делали боги. Когда он даст тебе ответ, посмотри на его пламя и скажешь мне, искренне ли он говорил.

— Ты думаешь, он согласится?

— Думаю. Он знает, что если боги не будут больше силой наса-

ждать индуизм, как они это делают, Пиррити получит обращенных. Он знает, что я сумел сделать с буддизмом, несмотря на оппозицию богов. Он считает, что его путь единственно правильный и предназначен для выигрыша в соревновании. Я думаю, он согласится на *честное* соревнование. Передай ему это предложение и принеси ответ. Идет?

Тарака пошел волнами. Лицо его и левая рука стали дымом.

— Сэм...

— Что?

— Какой путь правильный?

— Ты спрашиваешь *меня*? Откуда мне знать?

— Смертные называют тебя Буддой.

— Это только потому, что у них недостаток языка и избыток невежества.

— Нет. Я смотрю на твое пламя и называю тебя Богом Света. Ты связываешь смертных, как связал нас. Ты отпускаешь их, как отпустил нас. Твоя сила наложила на них веру. Ты тот, кем называл себя.

— Я лгал. Я сам никогда в это не верил и сейчас не верю. Я мог бы так же легко выбрать другой путь — скажем, религию Пиррити — только распятие мешает. И мог бы выбрать религию, называемую исламом, только знаю, как она смешивается с индуизмом. Мой выбор был основан на расчете, а не на внушении, и я — никто.

— Ты — Бог Света.

— Ладно, иди, передай мое предложение, а о религии поговорим в другой раз.

— Локапаласы, ты сказал, это Яма, Кришна, Кубера и ты?

— Да.

— Значит, Яма действительно жив. Скажи, Сэм, пока я не ушел... ты можешь победить Яму в битве?

— Не знаю. Но не думаю. И не думаю, что кто-нибудь может.

— А он может победить тебя?

— Вероятно, в честном бою. В прошлом, когда мы встречались как враги, мне всякий раз либо везло, либо удавался какой-нибудь трюк. Недавно я фехтовал с ним, и ему нет равных. Он чрезвычайно разносторонен в способах уничтожения.

— Понятно, — сказал Тарака; его правая рука и половина груди расплылись. — Ну, спокойной ночи тебе, Сиддхарта. Я уношу с собой твое послание.

— Спасибо, и тебе тоже доброй ночи.

Тарака весь превратился в дым и вылетел в грозу.

* * *

Тарака кружился высоко над миром. Гроза бушевала вокруг него, но он почти не обращал внимания на ее ярость.

Гремел гром, падал дождь, и Моста богов не было видно.

Но Тараке ничто не мешало.

Ибо он был Тарака Ракша, Властелин Адского Колодца...

И он был самым могущественным существом в мире после Связующего.

Теперь Связующий сказал ему, что есть существо еще более великое... И они будут сражаться вместе, как раньше.

Как вызывающе он держался в своем Красном и в своей Мощи! В тот день. Полстолетия назад. У Ведры.

Уничтожить Яму-Дхарму, победить Смерть, чтобы доказать превосходство Тараки...

Доказать превосходство Тараки было куда важнее, чем победить богов, которые так или иначе должны когда-то умереть, поскольку они не Ракшасы.

Следовательно, предложение Связующего к Пиррити — с которым, как сказал Связующий, Черный должен согласиться — нужно передать только грозе, и Тарака посмотрит на ее пламя и узнает, что гроза сказала правду.

Потому что гроза никогда не лжет... И всегда говорит НЕТ!

* * *

Черный сержант привел его в лагерь.

Он выглядел роскошно в своих сверкающих доспехах, и он не был взят в плен: он сам подошел к сержанту и заявил, что у него есть сообщение для Пиррити. По этой причине сержант решил не убивать его немедленно. Он отобрал у пришельца оружие и провел его в лагерь — в лес неподалеку от Лананды — оставил его под охраной, а сам пошел доложить вождю.

Пиррити и Ольвигг сидели в черной палатке. Перед ними была развернута карта Лананды.

Разрешив привести пленника в палатку, Пиррити оглядел его и отпустил сержанта.

— Кто ты? — спросил он.

— Ганеша из Города. Тот самый, что помог тебе в твоей борьбе с Небом.

Пиррити, по-видимому, задумался.

— Ну, я помню своего друга прежних дней. Зачем ты пришел ко мне?

— Потому что для этого настало время. Ты наконец предпринял великий крестовый поход.

— Да.

— Я хотел бы частным образом посоветоваться с тобой насчет этого.

— Говори.

— А как насчет этого парня?

— Говори при Яне Ольвигге все, что хочешь сказать мне. Говори, что у тебя на уме.

— Ольвигг?

— Да.

— Точно. Я пришел сказать тебе, что Боги Города слабы. Слишком слабы, я думаю, чтобы победить тебя.

— Я тоже так думаю.

— Но они не настолько слабы, чтобы не повредить тебе, и крепко, когда выступят. Если они соберут все свои силы в подходящий момент, неизвестно, куда качнутся весы.

— Я имел это в виду, когда начал борьбу.

— Лучше, если твоя победа будет стоить менее дорого. Ты знаешь, что я симпатизирую христианам.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я провел кое-какую партизанскую войну только для того, чтобы сказать тебе: Лананда твоя. Боги не станут защищать ее. Если ты пойдешь дальше, как сейчас — не закрепляя своих завоеваний — и пойдешь на Кейпур — Брама и его не станет защищать. Но когда ты пойдешь на Кильбар, а силы твои истощатся в боях за первые три города и с нашими рейдерами по пути — тогда Брама ударит полной силой Неба, так что ты можешь пасть, не дойдя до стен Кильбара. Все силы Небесного Города наготове и ждут, когда ты подойдешь к воротам четвертого города по реке.

— Понятно. Это полезно знать. Значит, они боятся того, что я несу.

— Конечно. Ты понесешь это до Кильбара?

— Да. И возьму Кильбар. Я пошлю за своим самым мощным оружием, прежде чем атаковать этот город. Силы, которые я держу в запасе для самого Небесного Города, будут выпущены на моих врагов, когда они явятся защищать обреченный Кильбар.

— Они тоже принесут мощное оружие.

— В таком случае, когда мы встретимся, выход, в сущности, не будет зависеть ни от них, ни от меня.

— Есть способ подтолкнуть весы, Рэнфри.

— Да? Что ты еще придумал?

— Многие полубоги недовольны ситуацией в Городе. Они жаждут продолжать кампанию против Акселерационизма и против последователей Татагатхи. Они были разочарованы, что это не последовало за Кинсетом. И бог Индра вызван с западного континента, где он ведет войну с ведьмами. Индра может оценить чувства полубогов, и его последователи охотно перейдут на другое поле битвы.

Ганеша поправил свой плащ.

— Говори дальше,— сказал Пиррити.

— Когда боги придут в Кильбар,— сказал Ганеша,— может случиться, что они не станут сражаться в защиту его.

— Понятно. А что ты выиграешь от всего этого, Ганеша?

— Удовлетворение.

— И больше ничего?

— Я хотел бы, чтобы ты запомнил день, в который я нанес тебе визит.

— Так и будет. Я не забуду, и ты получишь от меня вознаграждение... Стража!

Полотнище палатки откинулось, и вошел тот, кто привел Ганешу.

— Проводи этого человека, куда он пожелает, и отпусти невредимым,— приказал Пиррити.

— Ты веришь ему?— спросил Ольвигг, когда Ганеша ушел.

— Да,— сказал Пиррити,— но придется впоследствии отдать ему его сребренники.

* * *

Локапаласы совещались в комнате Сэма во Дворце Камы в Кейпуре. Присутствовали также Тэк и Ратри.

— Тарака сказал мне, что Пиррити не хочет договариваться с нами,— сказал Сэм.

— Хорошо,— сказал Яма.— Я все-таки опасался, что он согласится.

— А сегодня утром они напали на Лананду. Тарака уверен, что они возьмут город. Это будет чуть потруднее, чем с Махартхой, но он уверен в их победе. Я тоже.

— И я.

— И я.

— Затем он пойдет сюда, на Кейпур. А потом на Кильбар, Хамсу, Гайятри. Он знает, что где-то на этом пути боги выступят против него.

— Наверняка.

— Так что мы в середине, и перед нами несколько возможностей. С Пиррити мы не можем иметь дела. Как вы думаете, можем мы иметь его с Небом?

— Нет!— сказал Яма, стукнув кулаком по столу.— На чьей стороне ты, Сэм?

— На стороне Акселерации. Если бы дело можно было свести к переговорам, а не обязательно к кровопролитию, было бы лучше всего.

— Я скорее соглашусь иметь дело с Пиррити, чем с Небом!

— Так давайте проголосуем, как голосовали за установление контакта с Пиррити.

— И ты потребуешь единогласного решения?

— Таковы были мои условия при вступлении в Локапалас. Вы просили меня руководить вами, и я требую власти разрубать узы. Позволь мне объяснить мою аргументацию, прежде чем говорить о голосовании.

— Давай объясняй.

— Насколько я понимаю, Небо в последние годы заняло более либеральную позицию по отношению к Акселерации. Официально ничего не изменилось, но против Акселерации не делалось ни шагу — предположительно из-за разгрома, который они учинили в Кенсете. Я прав?

— По существу, да,— сказал Кубера.— Они, похоже, решили, что слишком дорого производить подобные действия всякий раз, когда Наука поднимет свою опасную голову. В той битве с ними сражался

народ, люди. Против Неба. А люди, в противовес богам, имеют семьи, связи, которые их ослабляют, и к тому же они связаны обязанностью хранить в чистоте кармическую запись, если хотят нового рождения. И все-таки они сражались. Поэтому Небо в последние годы проявляло несколько большую терпимость. Поскольку такая ситуация реально существует, богам нечего терять. В сущности, они могли бы показать свою благосклонность, дать Акселерации благословляющий жест милосердия. Я думаю, они захотят сделать уступку, чтобы Пиррити не...

— Я хочу видеть, как падет Небо,— сказал Яма.

— Понятно. И я тоже. Но подумай хорошенько. При том, что ты дал человечеству за последние полстолетия, может ли Небо держать его по-прежнему в кабале? Небо почувствовало это в тот день в Кинсете. Еще одно-два поколения — и их власть над смертными пропадет. В этой битве с Пиррити они очень повредят себе, даже если победят. Дай им еще несколько лет клонящейся к упадку славы. С каждым сезоном они будут становиться все более бессильными. Они достигли своего пика. Теперь они идут под уклон.

Яма закурил.

— Ты хочешь, чтобы кто-нибудь убил за тебя Браму? — спросил Сэм.

Яма молчал, возбужденно затягиваясь. Затем сказал:

— Может быть. Не знаю. Не хочу думать об этом. Но, наверное, это все-таки так.

— Ты хотел бы получить мою гарантию, что Брама умрет?

— Нет! Если ты попробуешь это сделать, я тебя убью!

— Ты сам не знаешь, хочешь ли ты видеть Браму живым или мертвым. Видимо, твоя любовь и ненависть равны. Ты состарился еще до молодости, Яма, и она была единственным существом, о котором ты когда-нибудь заботился. Я прав?

— Да.

— Значит, я не могу отвечать за тебя, за твои личные проблемы, но ты сам должен отделить их от проблемы насущной.

— Ладно, Сиддхарта. Я голосую за то, чтобы остановить Пиррити здесь, в Кейпуре, если Небо поддержит нас.

— У кого-нибудь есть возражения?

Все молчали.

— Тогда отправимся в Храм и потребуем связи.

Яма отбросил сигарету.

— Я не буду говорить с Брамой.

— Разговор поведу я,— сказал Сэм.

* * *

Или, пятая нота арфы, зазвенела в Саду Пурпурного Лотоса.

Когда Брама включил экран в своем Павильоне, он увидел мужчину в сине-зеленом тюрбане Уратхи.

— Где жрец? — спросил Брама.

— Лежит в сторонке, связанный. Я могу его притащить, если ты желаешь услышать одну-две молитвы...

— Кто ты такой, что носишь тюрбан Первого и входишь в Храм с оружием?

— У меня странное ощущение, что все это однажды происходило со мной,— ответил человек.

— Отвечай на мои вопросы!

— Хочешь ли ты, Леди, чтобы Пиррити остановили? Или отдашь ему все города по реке?

— Ты испытываешь терпение Неба, смертный. Ты не выйдешь из Храма живым.

— Твои угрозы смерти ничего не значат для главы Локапаласа, Кали.

— Локапаласа больше нет, и у них не было главы.

— Ты смотришь на него, Дурга.

— Яма? Это ты?

— Нет, но он здесь, со мной, а также Кришна и Кубера.

— Агни умер. Каждый новый Агни умирал после.

— Кинсета. Я знаю, Канди. Я не был членом первоначальной группы. Ральд не убил меня. Призрачная кошка, оставшаяся безымянной, хорошо поработала, но все-таки недостаточно хорошо. А теперь я вернулся обратно по Мосту Богов. Локапалас выбрал меня своим лидером. Мы будем защищать Кейпур и бить Пиррити, если Небо поможет нам.

— Сэм! Не может быть, чтобы это был ты!

— Тогда называй меня Калкиным или Сиддхартой, Связующим, Буддой, Майтрейей, но все это — Сэм. Я пришел поклониться Трем и заключить сделку.

— Назови ее.

— Люди могут ужиться с Небом, но Пиррити — дело другое. Яма и Кубера доставили в город оружие. Мы можем укрепить город и создать хорошую защиту. Если Небо добавит свою мощь, Пиррити встретит в Кейпуре свое падение. Мы это сделаем, если Небо санкционирует Акселерацию, религиозную свободу и конец правления Богов Кармы.

— Не много ли, Сэм...

— Первые два условия требуют согласия на то, чтобы кое-что существовало и имело право на развитие; третье же произойдет независимо от того, нравится это тебе или нет, так что я даю тебе возможность проявить милосердие.

— Мне надо подумать...

— Даю тебе минуту. Я подожду. Если ты скажешь — нет, мы удаляемся и позволяем Рэнфри взять город и разорить этот Храм. После того, как он возьмет еще несколько городов, мы встретимся с ним. Здесь нас, конечно, не будет. Мы подождем, пока все кончится. Если ты к тому времени все еще будешь при исполнении обязанностей, у тебя уже не будет никакой возможности решать насчет условий, которые я только что тебе поставил. Если тебя не будет, мы, я думаю, сумеем взяться за Черного, помириться с ним и с теми, что останется от его зомби. В любом случае мы получаем, что хотим. Последний способ для тебя даже легче.

— Ладно, договорились! Я немедленно соберу армию. Мы поедем вместе в эту последнюю битву, Калкин. Пиррити умрет в Кейпуре! Оставь кого-нибудь в помещении коммуникатора, чтобы мы могли быть в контакте.

— Я сделаю эту комнату своей штаб-квартирой.

— Теперь развяжи жреца и давай его сюда. Он получит несколько божественных приказов, а вскоре и божественное посещение.

— Хорошо, Брама.

— Сэм, подожди! После сражения, если мы останемся живы, я хотел бы поговорить с тобой... насчет общего культа.

— Ты хочешь стать буддистом?

— Нет, снова женщиной...

— Для всего есть место и время; для этого сейчас нет ни того, ни другого.

— Когда настанет время, я буду здесь.

— Я сейчас дам тебе твоего жреца. Не выключай коммуникатор.

* * *

После падения Лананды Пиррити служил молебен в развалинах этого города, моля о победе над другими городами. Его темные сержанты медленно ударили в барабаны, и зомби упали на колени. Пиррити молился до тех пор, пока пот не покрыл его лицо как бы блестящей стеклянной маской и не проник внутрь его протезной брони, которая умножала его силу. Тогда только он поднял лицо к небесам, посмотрел на Мост Богов и сказал:

— Аминь!

* * *

Когда Пиррити шел к Кейпуру, боги ждали.

Войска из Кильбара ждали, как и войска Кейпура.

Ждали полубоги, герои и благородные.

Ждали брамины высокого разряда, ждали многочисленные приверженцы Махасаматмана. Эти последние носили название Божественной Эстетики.

Пиррити посмотрел на заминированное поле, ведущее к городским стенам, и увидел у ворот четырех конных всадников — Локапаласов; рядом с ними полоскалось на ветру знамя Неба.

Он опустил подзорную трубу и повернулся к Ольвиггу.

— Ты был прав. Интересно, Ганеша там, внутри?

— Скоро узнаем.

Пиррити продолжал движение вперед.

* * *

В этот день поле удерживал Бог Света. Клевреты Пиррити так и не вошли в Кейпур. Ганеша пал от меча Ольвигга, когда пытался нанести удар в спину Браме, дравшемуся с Пиррити на холме. Затем Ольвигг упал, зажав живот, и пополз к скале.

Брама и Черный переглянулись, когда голова Ганеши покатилась вниз.

— Это он говорил мне о Кильбаре,— сказал Пиррити.

— Ему нужен был Кильбар,— сказал Брама,— и он хотел приобрести Кильбар. Теперь я знаю, почему.

Они бросились друг на друга, и броня Пиррити сражалась за него с силой многих.

Яма пришпорил коня на подъеме и неожиданно был засыпан песком и пылью. Он поднес к глазам край плаща и услышал над собой смех.

— Где теперь твой смертельный взгляд, Яма-Дхарма?

— Ракша! — закричал Яма.

— Да. Это я, Тарака.

И Яма внезапно был охвачен галлонами воды: лошадь его встала на дыбы и опрокинулась на спину.

Яма стоял на ногах с мечом в руке, когда крутящееся пламя приняло человеческую форму.

— Я смыл с тебя этот проклятый репеллент, бог смерти. Теперь я уничтожу тебя своими руками!

Яма сделал выпад. Он разрубил своего противника от плеча до бедра, но на Тараке не оказалось ни крови, ни следа удара.

— Меня ты не убьешь, как убил бы человека, о Смерть! Но гляди, что я сделаю с тобой!

Тарака прыгнул на Яму, прижал его руки к бокам и швырнул его на землю. Поднялся фонтан искр.

Брама наступил коленом на спину Пиррити и оттянул его голову назад, от энергии черной брони. Как раз в это время Бог Индра спрыгнул со своего слизарда и занес свой меч Громовую Стрелу над Брамой. Он услышал, как хрустнула шея Пиррити.

— Тебя защищает твой плащ! — закричал Тарака, борясь с Ямой на земле, и взглянул в глаза Смерти...

Яма сбросил с себя обессиленного Тараку, отшвырнул его прочь и бросился к Браме, даже не подобрав свой меч. Когда он поднялся на холм, Брама парировал удары Громовой Стрелы; кровь струилась из обрубка его левой руки, из ран на голове и груди. Пиррити стальным захватом сжимал его лодыжку.

Яма закричал и вытащил кинжал. Индра отступил, чтобы его не достал меч Брамы, и повернулся к Яме.

— Кинжал против Громовой Стрелы, Красный? — спросил он.

— Ага,— сказал Яма и взмахнул правой рукой, перекинув кинжал в левую руку для истинного удара.

Острие вошло в предплечье Индры. Индра выронил Громовую Стрелу и ударил Яму в челюсть. Яма упал, но при падении подсек ноги Индры и увлек его за собой.

Теперь Аспект Ямы полностью владел им, и под его взглядом Индра стал как бы засыхать. Как раз в момент смерти Индры Тарака прыгнул на спину Яме. Яма пытался освободиться, но на его плечи словно навалилась гора.

Брама, лежавший рядом с Пиррити, сорвал с себя броню, смо-

ченную демонским репеллентом, и швырнул ее через разделявшее их пространство; броня упала рядом с Ямой.

Тарака отскочил, Яма повернулся и взглянул на него. Тогда Громовая Стрела прыгнула с того места, где упала, и полетела в грудь Ямы.

Яма схватил обеими руками лезвие, когда острие было в нескольких дюймах от его тела. Оно продвигалось вперед, и кровь из ладоней Ямы капала на землю.

Брама обратил смертельный взгляд на Властелина Адского Колодца, и этот взгляд вытягивал из Тараки саму силу жизни.

Острие коснулось груди Ямы. Яма рванулся в сторону, и лезвие прошло от грудной кости к плечу.

Глаза Ямы стали как два копья. Ракша потерял свою человеческую форму и обратился в дым. Голова Брамы упала на грудь.

Тарака завизжал, когда Сиддхарта подскакал к нему на белой лошади, а в воздухе слышался треск и запах озона.

— Нет, Связующий! Удержи свою силу! Моя смерть принадлежит Яме...

— О, глупый демон! — сказал Сэм.— Не надо было...

Но Тарака больше не существовал.

Яма упал на колени рядом с Брамой и стал затягивать жгут на остатке левой руки Брамы.

— Кали! — говорил он.— Не умирай! Поговори со мной, Кали!

Брама задыхался. Глаза его открылись, но тут же закрылись снова.

— Слишком поздно,— пробормотал Пиррити, повернул голову и взглянул на Яму.— Или, вернее сказать, как раз вовремя. Ведь ты Азраил? Ангел Смерти?

Яма хлестнул его, и кровь на его руке размазалась на лице Пиррити.

— «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное,— сказал Пиррити.— Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю...»

Яма снова хлестнул его.

— «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо и они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят...»

— «И блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами божьими»,— сказал Яма.— Входишь ты в этот кадр, Черный? Чей ты сын по той работе, что ты сделал?

Пиррити улыбнулся.

— «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное».

— Ты сумасшедший,— сказал Яма,— и только поэтому я не возьму твою жизнь. Отдай ее сам, когда будешь готов, и это произойдет скоро.

Он поднял Браму на руки и пошел обратно к городу.

— «Блаженны вы, когда будут поносить вас и всячески неправедно злословить за Меня...»

— Воды? — спросил Сэм, откупоривая фляжку и приподнимая голову Пиррити.

Пиррити взглянул на него, облизнул губы и слегка кивнул. Тонкая струйка воды медленно полилась ему в рот.

— Кто ты? — спросил Пиррити.

— Сэм.

— Ты? Ты снова возродился?

— Это не в счет, — сказал Сэм. — Мне это не составило труда.

Слезы брызнули из глаз Черного.

— Однако, это означает, что ты победил. — Он задохнулся. — Я не понимаю, почему Он допустил это...

— Это только один мир, Рэнфри. Кто знает, что делается на других? И я желал выиграть, в сущности, не сражение. Ты это знаешь. Мне жаль тебя и жаль все. Я согласен со всем, что ты говорил Яме, и с этим также согласны последователи того, кого они называли Буддой. Я уж не помню теперь, я ли был Буддой, или им был другой. Но теперь я отошел от этого. Я снова буду человеком и позволю людям хранить того Будду, который живет в их сердцах. Каков бы ни был источник, послание было чистым, поверь мне. Только по этой причине оно пустило корни и стало расти.

Рэнфри проглотил еще немного воды.

— «Всякое дерево доброе приносит и плоды добрые», — сказал он. — Воля более сильная, чем моя, определила мне умереть на руках Будды, избравшего этот Путь для *этого* мира... Дай мне свое благословение, о Гоутама. Я умираю...

Сэм наклонил голову.

— «Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги своя. Все реки текут в море, но море не переполняется; к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь. Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после...»

Затем Сэм покрыл Черного его белым плащом, потому что Пиррити умер.

* * *

Ян Ольвигг был принесен на носилках в город. Сэм послал за Куберой и Нарадой, чтобы они встретили его в Зале Кармы, потому что Ольвигг явно не мог остаться живым в его теперешнем теле.

Когда они вошли в Зал, Кубера споткнулся о мертвое тело человека, лежавшее в проходе.

— Кто это?

— Мастер.

Еще трое носителей желтого колеса лежали в коридоре, ведущем в их передаточные комнаты. Все трое были вооружены.

Возле аппаратуры они нашли еще одного. Удар меча поразил его точно в центр желтого круга, и человек казался хорошо использованной мишенью. Рот его был открыт для крика, который он так и не издал.

— Не могли ли это сделать горожане? — спросил Нарада.— В последние годы Мастера Кармы стали очень непопулярны.

— Нет,— сказал Кубера, когда приподнял запятнанную простыню, покрывавшую тело на операционном столе, заглянул под нее и снова опустил.— Нет, не горожане.

— А кто же?

Кубера бросил взгляд на стол.

— Там Брама,— сказал он.

— Ох!

— Видимо, кто-то сказал Яме, что он не может пользоваться оборудованием, чтобы делать пересадку.

— Тогда где же Яма?

— Не имею представления. Но нам лучше побыстрее заняться делом, если мы хотим помочь Ольвиггу.

— Да. Давай!

* * *

Высокий молодой человек вошел во Дворец Кармы и спросил Лорда Куберу. Он нес на плече длинное сверкающее копье и, пока ждал, без устали ходил взад и вперед.

Кубера вошел, глянул на копье, на юношу, и сказал только одно слово.

— Да, это Тэк,— подтвердил копьеносец.— Новое копье, новый Тэк. Теперь уже нет надобности оставаться обезьяной, вот я и не остался. Близится время отъезда, и я зашел проститься с тобой и Ратри...

— Куда ты едешь, Тэк?

— Хочу посмотреть остальной мир, Кубера, прежде чем наши механики отнимут у него всю магию.

— Этот день близок, Тэк. Не могу ли я уговорить остаться тебя здесь подольше?

— Нет, Кубера, спасибо, но капитан Ольвигг торопится идти. Мы идем вместе.

— Куда же вы хотите идти?

— На запад, на восток... кто знает? В какую-нибудь из четырех сторон... Скажи, Кубера, кто сейчас владеет громовой колесницей?

— Первоначально она принадлежала Шиве. Но Шивы больше нет. В первый раз Небо без Брамы — правит Вишну, охранитель. Так что...

— Колесницу построил Яма. Если она принадлежит кому-нибудь, то, конечно, ему...

— И он не пользуется ею,— закончил Тэк.— Вот я и думаю, не могли бы мы с Ольвиггом позаимствовать ее для нашего путешествия?

— Что ты имеешь в виду, говоря, что Яма не пользуется ею? За эти три дня, прошедшие после битвы, его никто не видел...

— Привет, Ратри,— сказал Тэк, и в комнату вошла богиня Ночи.— «Храни нас от волка и волчицы, оберегай нас от вора, о Ночь, и будь добра к нам на нашем пути».

Он поклонился, и она коснулась его головы. Затем он посмотрел ей в лицо, и на один великолепный миг богиня заняла все пространство, глубины и высоты. Ее сияние разгоняло темноту...

— Теперь я должен идти,— сказал Тэк.— Спасибо, спасибо тебе за твое благословение.

Он быстро повернулся и пошел из комнаты.

— Подожди! — сказал Кубера.— Ты говорил о Яме. Где он?

— Видел его в гостинице «Трехголовой Огненной Курицы»,— сказал Тэк через плечо.— Если ты хочешь искать его, то он там. Но лучше бы подождать, пока он сам придет к тебе.

И Тэк ушел.

* * *

Когда Сэм подошел к Дворцу Кармы, он увидел Тэка, быстро сбегавшего по лестнице.

— Тэк, доброе утро! — сказал Сэм, но Тэк ответил только, когда почти налетел на него и резко остановился, заслонив рукой глаза от солнца.

— Сэр! Доброе утро!

— Куда спешишь, Тэк? Свежий даже без завтрака от пользования новым телом?

Тэк засмеялся.

— Ну да, Лорд Сиддхарта. У меня свидание с приключением.

— Да, я слышал. Я разговаривал прошлой ночью с Ольвиггом. Желаю вам всех благ в вашем путешествии.

— Я хотел бы сказать тебе,— сказал Тэк.— Я знал, что ты победишь. Я знал, что ты найдешь ответ.

— Это был не общий ответ, а только частный. Этого мало. Это и в самом деле была маленькая битва. Ее могли выиграть и без меня.

— Я имею в виду все вообще,— сказал Тэк.— Ты фигурировал во всем, что привело к этому. Ты должен был быть здесь.

— Полагаю, что должен был. Да, наверное, должен был быть... Всегда все случается так, что меня тянет к дереву, в которое вскоре ударит молния.

— Предназначение, сэр.

— Боюсь, что скорее случайная общественная совесть и некоторое право на совершение ошибок.

— Что хочешь теперь делать, Лорд?

— Не знаю, Тэк. Еще не решил.

— Поедем с нами? Вокруг мира? С приключениями?

— Спасибо, нет. Я устал. Может, я попрошусь на твою прежнюю работу и стану Сэмом из Архивов.

Тэк снова засмеялся.

— Сомневаюсь. Я еще увижусь с тобой, Лорд. А пока, до свиданья.

— До свиданья. Да, еще кое-что...

— Что?

— Нет, ничего. На одну минутку ты напомнил мне кого-то, кого я когда-то знал. Это неважно. Удачи тебе!

Он хлопнул Тэка по плечу и прошел мимо.

Тэк заторопился дальше.

* * *

Содержатель гостиницы сказал Кубере, что у них есть гость, подходящий по описанию; он на втором этаже, в задней комнате, но, кажется, не хочет, чтобы его беспокоили.

Кубера поднялся на второй этаж.

На его стук никто не ответил, и он дернул дверь. Она была закрыта на засов изнутри. Кубера налег на дверь.

Наконец он услышал голос Ямы:

— Кто там?

— Кубера.

— Уходи, Кубера.

— Нет. Открой. Я буду ждать, пока ты не откроешь.

— Минутку.

Через некоторое время засов отодвинулся, и дверь слегка приоткрылась.

— Выпивкой от тебя не пахнет, так что, я бы сказал, у тебя девка.

— Нет,— ответил Яма, не глядя на Куберу.— Что тебе надо?

— Найти нелады. Помочь тебе, если смогу.

— Не сможешь, Кубера.

— Откуда ты знаешь? Я ведь тоже мастер — правда, в другом роде.

Яма подумал, затем открыл дверь шире и отступил.

— Входи.

На полу сидела девушка, едва вышедшая из детского возраста. Перед ней лежала куча различных предметов. Она прижала к себе коричневую с белым куклу и смотрела на Кубера широко раскрытыми испуганными глазами, но он сделал жест, и она улыбнулась.

— Кубера,— сказал Яма.

— Куб-ра,— сказала девочка.

— Это моя дочь,— сказал Яма.— Ее зовут Дурга.

— Я не знал, что у тебя есть дочь.

— Она умственно отсталая. Какое-то повреждение мозга.

— Врожденное, или эффект пересадки?

— Эффект пересадки.

— Понятно.

— Это моя дочь,— повторил Яма.— Дурга.

— Да,— сказал Кубера.

Яма опустился на колени рядом с девочкой и взял кубик.

— Кубик,— сказал он.

— Кубик,— повторила она.

Он взял ложку.

— Ложка.

— Ложка.

Он взял мячик и держал его перед ней.

— Мячик.

— Мячик,— сказала девочка.

Он снова взял кубик и показал ей.

— Мячик,— сказала она.

Яма бросил кубик.

— Помоги мне, Кубера.

— Охотно, Яма. Если есть какой-нибудь способ, мы найдем его.

Он сел рядом с девочкой и поднял руки.

Ложка пошла к ложкам, мячик к мячикам, кубик — к кубикам, и девочка засмеялась. Казалось, даже кукла изучала предметы.

— Локапаласы никогда не пропадут,— сказал Кубера, и девочка подняла кубик, долго смотрела на него и затем назвала.

* * *

Стало известно, что после событий в Кейпуре Лорд Варуна вернулся в Небесный Город. Примерно в то же время система продвижения в рангах Неба стала нарушаться. Боги Кармы были заменены Хранителями Передачи, и их функции были отделены от Храмов. Был снова изобретен велосипед. Было воздвигнуто семь буддийских гробниц. Дворец Пиррити сделался галереей искусства и Павильоном Кармы. Фестиваль в Аландиле открывается каждый год, и его танцорам нет равных. Пурпурная роща все еще существует, и верующие ухаживают за ней.

Кубера остался в Кейпуре с Ратри. Тэк уехал с Ольвиггом в громовой колеснице в неизвестном направлении. В Небе правит Вишну.

Те, кто молится семерым Рикши, благодарят их за велосипед и за своевременное воплощение Будды, которого они называют Майтрейя — Бог Света, то ли потому, что он управлял молниями, то ли потому, что он воздерживался от этого. Другие продолжают называть его Махасаматманом и говорят, что он был богом. Сам он попрежнему предпочитает отбрасывать Маха- и -атман и продолжает называть себя Сэмом. Он никогда не уверял, что он бог, однако же никогда не говорил, что он не бог. Обстоятельства были таковы, что ни то, ни другое утверждение не могло быть полезным. И он не остался со своим народом на достаточно долгое время, чтобы оправдать многие теологические сцены. О его последних днях ходит несколько противоречивых рассказов.

Общим для всех этих легенд является одно: однажды в сумерках, когда он ехал на лошади по берегу реки, к нему явилась громадная красная птица, хвост которой был втрое длиннее ее тела.

В ту же ночь перед рассветом он уехал из Кейпура, и никто его больше не видел.

Некоторые говорят, что появление птицы случайно совпало с его отъездом, и что эти два события никак не связаны. Он уехал искать анонимный покой шафрановой мантии, потому что выполнил задачу, ради которой вернулся, и, говорят, уже устал от шума и славы своей победы. Может быть, птица напомнила ему о том, как быстро проходит такой блеск. А может, и нет, если он уже и так настроился уезжать.

Другие говорят, что он вовсе не надевал снова шафрановую мантию, а птица была посланцем Потусторонних Сил, вызывавших его обратно в мир и покой Нирваны, чтобы он познал Вечный Великий Покой, и вечное блаженство, и слушал песни звезд на берегах великого океана. Думают, что он перешел Мост Богов... И говорят, что он не вернется.

Кое-кто говорит, что он принял новую личность и все еще ходит среди людей, чтобы охранять их и поправлять во времена раздоров, предупреждать эксплуатацию низших классов власть имущими.

А еще говорят, что птица была посланцем, но не другого мира, а этого, и что послание было не ему, а держателю Громовой Стрелы, Лорду Индре, который посмотрел в глаза Смерти. Такую красную птицу никто никогда раньше не видел, хотя теперь стало известно, что они существуют на восточном континенте, где Индра воевал с ведьмами. Если эта птица имела какое-то подобие разума в своей огненной голове, она могла нести сообщение о какой-то большой нужде этой отдаленной страны. Следует помнить, что Леди Парвати, которая была то ли женой, то ли матерью, то ли сестрой, то ли дочерью, то ли всеми ими Сэму, улетела с Неба во времена призрачных кошек, чтобы жить с ведьмами, своими родственницами. Если птица несла такое сообщение, рассказывающие эту легенду ничуть не сомневаются, что Сэм немедленно отправился на восточный континент спасать Парвати от какой-то опасности.

Таковы четыре версии о Сэме и о Красной Птице, которая вызвала Его Отъезд, высказанные моралистами, мистиками, социальными реформаторами и романтиками. Каждый может, осмелюсь сказать, выбрать версию по своему вкусу. Однако, пусть не забывает, что таких птиц на западном континенте нет, а на восточном, похоже, они в изобилии.

Приблизительно через полгода Яма-Дхарма уехал из Кейпура. Об отъезде бога смерти многие люди имели достаточную информацию, но ничего специфического не известно. Он оставил свою дочь Дургу на попечение Ратри и Куберы, и она выросла в поразительно красивую женщину. Возможно, он поехал на восток, а может, и за море, потому что в других местах есть легенда о том, как Красный выступил против власти Семи Лордов Комлата в стране ведьм. Но об этом никто точно не знает, как и о реальном конце Бога Света...

Но поглядите вокруг...

Смерть и Свет всюду, всегда, они начинают, кончают, борются, ждут в Сновидении Безымянности, которое есть мир, слова, горящие внутри Самсары, могущие творить вещи красоты.

В то время как носители шафрановых мантий все еще размышляют о Пути Света, девушка по имени Дурга ежедневно посещает Храм, чтобы положить перед своим тайным светом в его гробнице единственное принимаемое им поклонение — цветы.

Конец.

ЭТОТ БЕССМЕРТНЫЙ

Глава 1

— Ты из Калликанзаридов,— неожиданно сказала она. Я повернулся на левый бок и улыбнулся в темноте.

— Свои лапы и рога я оставил в Управлении...

— Так ты слышал это предание!

— Моя фамилия — Номикос! — Я повернулся к ней.

— На этот раз ты намерен уничтожить весь мир? — спросила она.

— Об этом стоит подумать,— я рассмеялся и прижал ее к себе.— Если именно таким образом Земля погибнет...

— Ты ведь знаешь, что в жилах людей, родившихся здесь на Рождество, течет кровь Калликанзаридов,— сказала она,— а ты как-то говорил мне, что твой день рождения...

— Все именно так!

Меня поразило то, что она совсем не шутит. Зная о том, что время от времени случается в древних местах, можно без особых на то усилий поверить в различные легенды — вроде тех, согласно которым похожие на древнегреческого бога Пана эльфы собираются каждую весну вместе, чтобы провести десять дней, подпиливая Дерево Жизни, и исчезают в самый последний момент с первыми ударами пасхального перезвона колоколов.

У меня не было обыкновения обсуждать с Кассандрой вопросы религии, политики или эгейского фольклора в постели, но, поскольку я родился именно в этой местности, многое все еще оставалось в моей памяти.

Через некоторое время я пояснил:

— Давным-давно, когда я был мальчишкой, другие сорванцы поддразнивали меня, называя «Константином Калликанзарос». Когда я подрос и стал уродливее, они перестали это делать. Во всяком случае, в моем присутствии...

— Константин? Это было твое имя? Я думала...

— Теперь оно Конрад! Забудь о моем старом имени!

— Оно мне нравится. Мне бы хотелось называть тебя Константином, а не Конрадом.

— Если это тебе доставит удовольствие...

Я выглянул в окно. Ночь стояла холодная, туманная, влажная — как и обычно в этой местности.

— Специальный уполномоченный по вопросам искусства, охра-

ны памятников и Архива планеты Земля, вряд ли станет рубить Дерево Жизни,— пробурчал я.

— Мой Калликанзарос,— отозвалась она неспешно,— я не говорила этого. Просто с каждым днем, с каждым годом, все меньше становится колокольного звона. У меня предчувствие, что ты каким-то образом изменишь положение вещей. Может быть...

— Ты заблуждаешься, Кассандра.

— Мне и страшно, и холодно...

Она была прекрасна даже в темноте, и я долго держал ее в своих объятиях, чтобы прекратить ее болтовню, чтобы прикрыть ее от тумана и студеной росы...

* * *

Пытаясь восстановить события этих последних шести месяцев, я теперь понимаю, что, пока мы стремились окружить стеной страсти наш октябрь и остров Рос, Земля уже оказалась в руках тех сил, которые уничтожают все октябри. Возникнув извне, силы окончательного разрушения медленно шествовали среди руин — обезличенные и неотвратимые. В Порт-о-Пренсе приземлился Корт Мистиго, привезя в допотопном «Планетобусе-9», наряду с другими грузами, рубахи и башмаки, нижнее белье, носки, отборные вина, медикаменты и свежие магнитные ленты из центров цивилизации. Он был богатым и влиятельным галактотуристом. Насколько он был богат, мы не узнали и через множество недель, а насколько влиятелен — я обнаружил всего пять дней тому назад.

Бродя среди одичавших оливковых рощ, пробираясь среди развалин средневековых французских замков или мешая свои следы с похожими на иероглифы отпечатками лапок чаек, здесь, на морском песке пляжей острова Кос, мы просто убивали время в ожидании выкупа, который мог не прийти, который фактически никогда и не пришел...

Волосы у Кассандры были цвета сливок из Катамара, и такие же блестящие. У нее мягкие руки, крохотные нежные пальцы. У нее очень темные глаза. Она всегда хороша собой. И всего лишь на четыре дюйма ниже меня, и потому, если учесть, что мой рост немного превышает шесть футов, ее изящество является немаловажным достоинством.

Конечно, любая женщина кажется изящной, когда идет рядом со мной, потому что я начисто лишен всех этих качеств. Моя левая щека напоминает карту Африки, сотканную из разноцветных лоскутков — дикое мясо, последствия лишая, который я подцепил, раскапывая один курган, под которым теперь музей Гугленгейма в Нью-Йорке с его знаменитыми полотнами.

Глаза у меня разного цвета (я гляжу на людей правым жестким голубым глазом, а когда мне хочется познакомиться с кем-нибудь, я смотрю карим глазом — воплощение искренности и доброжелательности). У меня волосы настолько покрывают лоб, что между ними и бровями остается незаросшая полоса шириной всего в палец. Я ношу ортопедическую обувь, поскольку моя правая нога короче левой.

Кассандра вовсе не нуждается в том, чтобы быть контрастом на моем фоне. Она на самом деле красива.

Я повстречался с ней случайно, отчаянно гонялся за ней, женился на ней против собственной воли (последнее было ее идеей).

Сам я, по сути, об этом не думал даже в тот день, когда вошел в гавань на своей шлюпке, увидел ее на берегу и понял, что жажду ее. Калликанзариды никогда не были образцом в семейных делах. В этом я тоже какое-то исключение.

Утро было ясное — утро нашего третьего месяца вместе и последнего моего дня на острове Кос — минувшим вечером я получил вызов.

После ночного дождя все еще было влажно — мы сидели на крыльце и пили турецкий кофе, закусывая апельсинами. Дул свежий бриз, и от него кожа покрывалась пупырышками даже под свитером.

— Отвратительно себя чувствую,— сказал я и закурил, так как с кофе было уже покончено.

— Понимаю,— сказала она,— успокойся.

— Я ничего не могу с собой поделать. Приходится уезжать отсюда и оставлять тебя здесь. И от этого все кажется мерзким.

— Возможно, это продлится всего лишь пару недель. Ты сам об этом как-то говорил. А затем ты вернешься.

— Надеюсь, что так и будет,— кивнул я,— если не потребуется больше времени. До сих пор я не знаю, где буду.

— Кто это, Корт Мистиго?

— Актер с Веги, журналист. Важная персона. Хочет написать о том, что осталось на Земле. Поэтому-то я и должен показать ему ее. Я! Лично! Черт возьми!

— А разве можно жаловаться на перегрузку в работе, беря десятимесячный отпуск и плавая праздно из одной местности в другую?

— Да, я имею право жаловаться — и буду! Предполагалось, что эта моя должность будет синекурой.

— Почему?

— Главным образом потому, что я сам все подобным образом обставил. Двадцать лет я тяжело трудился над тем, чтобы музеи, памятники и Архив были такими, какими являются теперь. Десять лет назад я все устроил так, что мой персонал сам по себе может справиться с чем угодно. Мне же остается только время от времени возвращаться, чтобы подписывать бумаги, в промежутках занимаясь тем, что мне самому заблагорассудится. Теперь этот подхалимный жест — заставить самого управляющего сопровождать писаку с Веги, хотя это мог бы с успехом сделать кто угодно из персонала! Ведь обитатели с Веги вовсе не боги!

— Ну-ка, погоди минутку, пожалуйста,— перебила она меня.— Что за двадцать лет?

Я почувствовал, что тону.

— Тебе же нет и тридцати лет,— продолжала она.

Я почувствовал, что опустился еще глубже. Я немного выждал, затем стал подниматься наверх.

— Э-э... Есть кое-что, о чем я никогда прежде не говорил тебе... Сам не знаю, почему... А сколько тебе лет, Кассандра?

— Двадцать.

— Хо-хо. Что ж... я почти в четыре раза старше тебя.

— Не понимаю?

— Я и сам не понимаю... так же, как и врачи. Я как будто остановился где-то в возрасте от двадцати до тридцати лет и таким остаюсь до сих пор. Мне кажется, что это нечто вроде... какой-то только мне свойственной мутации. Да разве все это имеет какое-нибудь значение?

— Не знаю... А впрочем, да.

— Но тебя не волнует ни то, что я хромаю, ни моя избыточная волосатость, ни даже мое лицо. Почему же тебя беспокоит мой возраст? Я молод во всех отношениях!

— Это далеко не одно и то же по сравнению со всем остальным,— сказала она не допускающим возражения тоном.— А что, если ты никогда не состаришься?

Я закусил губу.

— Обязательно состарюсь! Рано или поздно, но это все же произойдет!

— Но если это будет поздно? Я ведь люблю тебя и я не хочу состариться раньше!

— Ты проживешь сто — сто пятьдесят лет. Пройдешь специальный курс омоложения. Это от тебя никуда не уйдет.

— Но все равно я не буду такой молодой, как ты!

— И вовсе я не молодой. Я родился стариком.

Но это не подействовало. Она расплакалась.

— До этого момента еще долгие и долгие годы,— старался утешить ее я,— кто знает, что может случиться за эти годы?

От этих слов она расплакалась еще больше.

Я всегда был импульсивным. Голова у меня работает, как правило, весьма неплохо, но мне всегда кажется, что я сначала действую, а потом все обдумываю, что сказать. Вот и на этот раз я испортил всю основу для дальнейшего разговора.

Именно это еще одна из причин, почему я выбрал компетентный персонал, обзавелся хорошей радиосвязью и стараюсь большую часть времени проводить на воле. Хотя и есть, конечно, некоторые обязанности, которые нельзя никому перепоручить. Поэтому я сказал:

— Смотри. В какой-то степени радиация коснулась и тебя тоже. Целых сорок лет я не мог понять, что я вовсе не сорокалетний. Возможно, нечто подобное произойдет и с тобой.

— Тебе что, известны другие случаи, подобные твоему?

— Ну...

— Неизвестны?

Помню, что тогда мне больше всего хотелось оказаться на борту своего судна. Не того огромного великолепного корабля, а в своей старой лоханке под названием «Золотой Идол». Оказаться где-нибудь подальше отсюда, ну хотя бы в гавани. Помню, что мне хо-

телось снова вот так стоять на мостике и опять увидеть Кассандру во всем ее великолепии. Хотелось начать все еще раз с самого начала — и либо сказать ей обо всем прямо тогда, либо все это время, пока я с ней был, даже рта не раскрывать о своем возрасте.

Это была прекрасная мечта, но, черт возьми, медовый месяц уже заканчивался.

Я молчал, пока она не перестала плакать.

— Так что же? — спросил я в конце концов.

— Все хорошо, не обращай внимания.

Я взял ее за руку и поднес ее пальцы к губам.

— Может быть, это все же неплохая мысль,— сказала она,— что ты должен уехать на некоторое время.

Холодный бриз снова обдал нас ледяной влагой, заставив съежиться. Наши руки задрожали. Бриз стряхнул листья с деревьев и они закружились над нашими головами.

— Не преувеличил ли ты свой возраст? — спросила она.— Ну хоть чуть-чуть?

Судя по ее тону, с моей стороны сейчас самым умным было согласиться с ней. Поэтому я ответил:

— Да,— стараясь, чтобы голос мой звучал как можно более убедительно.

Она улыбнулась мне в ответ, как бы благодаря за это признание.

Вот так мы и сидели, держась за руки и наблюдая за тем, как разворачивается утро. Через некоторое время она начала напевать, почти не открывая рта. Это была печальная песня, ей было много сотен лет. Баллада о молодом борце по имени Фомоклос, борце, которого никто не мог победить. Постепенно тот стал считать себя величайшим из всех живущих тогда борцов. Он бросил вызов, взобравшись на вершину горы. Поскольку обитель богов была неподалеку, она не заставила себя ждать. Уже на следующий день появился мальчик-калека верхом на огромном, дикого вида псе. Они боролись три дня и три ночи, Фомоклос и мальчик. А на четвертый день мальчик сломал спину гордецу. Там, где появилась кровь не знающего поражения богатыря, вырос цветок без корней, с лопатовидными листьями, питавшихся кровью, который стал ползать по ночам в поисках утраченного духа павшего человека. Но дух Фомоклоса покинул Землю, и поэтому эти цветы обречены вечно ползать и искать.

Все это сейчас излагалось попроще, чем у Эсхила, но ведь и мы, простые люди, не те, что были некогда, особенно живущие в материковой части. А кроме того, все на самом деле было иначе.

— Почему ты плачешь? — неожиданно спросила она.

— Я думаю о картине, изображенной на щите Ахиллеса,— сказал я.— И о том, насколько ужасно быть образованным зверем... И к тому же я не плачу. Это влага падает на меня с листьев.

— Я приготовлю еще кофе.

Пока она готовила кофе, я вымыл чашки. Потом я сказал ей, чтобы она присматривала за «Идолом», пока я буду отсутствовать. Если я вызову ее к себе, то нужно будет вытащить лодку на берег.

Она внимательно все выслушала и обещала исполнить.

Солнце поднималось все выше. Высоко в небе, как вестник чего-то страшного, появился летучий паук-крысс. Мне страшно захотелось сжать пальцами рукоятку своего пистолета 38-го калибра, открыть шумную пальбу и увидеть, как падает это чудовище. Но огнестрельное оружие сейчас было на борту «Идола», и поэтому я просто наблюдал за ним, пока он не скрылся из виду.

— Говорят, что они внеземного происхождения,— сказала она мне, глядя на исчезающего вдали крысс-паука,— и что их завезли сюда с Титана для показа в зоопарках и подобных заведениях.

— Верно.

— И что они очутились на воле в течение трех дней и одичали. Они стали крупнее и более агрессивными, чем у себя на родине.

— Однажды я видел животное, имевшее размах крыльев почти десять метров.

— Мой двоюродный дед однажды рассказал мне историю, которую он слышал об Афинах,— начала она,— об этом человеке, который убил одного крысс-паука безо всякого оружия. Чудовище схватило человека прямо на пристани, где он стоял — в Пирее — и взлетело с ним. Но человек голыми руками сломал ему шею. Они оба упали с высоты тридцать метров в залив, и человек остался жив.

— Это было очень-очень давно,— кивнул я,— задолго до того, как Управление развернуло кампанию по истреблению этих бестий. Тогда их было повсюду великое множество, и в те дни они были гораздо смелее. Теперь же они стараются избегать городов.

— Насколько я помню, того человека звали Константином. Может быть, это был ты?

— Его фамилия была Карагиозис.

— Ты тоже Карагиозис?

— Если тебе так хочется. Только почему?

— Потому что позже он помогал разыскать в Афинах возвращенца Рэдпола, и потому, что у тебя очень сильные руки.

— Ты что, заодно с возвращенцами?

— Да, а ты?

— Я работаю в Управлении. У меня нет политической ориентации.

— Карагиозис подверг бомбардировке курорты.

— Да, он совершил это.

— Ты желаешь повторения бомбардировки?

— Нет.

— Я почти ничего о тебе не знаю.

— Ты знаешь обо мне все, что угодно. Если хочешь узнать что-то неизвестное тебе, только спроси.

Она засмеялась.

Я поднял голову к небу и произнес:

— Мое воздушное такси приближается.

— Я ничего не слышу,— пожала она плечами.

— Сейчас услышишь.

Через мгновение оно скользнуло с небосвода прямо к острову

Кос, следуя сигналу радиомаяка, который я установил во внутреннем дворике.

Я встал и поднял ее на ноги.

Шестиместный скиммер жужжал уже совершенно низко. Лучи солнца играли на его прозрачном плоском днище.

— Ты хотел бы взять что-нибудь с собой? — спросила она.

— Ты знаешь, что хотел бы, но не могу.

Скиммер совершил посадку, открылась дверь пилота, и человек в очках повернулся к нам лицом.

Я помахал ему рукой.

— У меня такое чувство, — сказала она, — что тебе грозят какие-то опасности.

— Весьма сомневаюсь, Кассандра, — рассмеялся я. — Прощай!

— Прощай, мой Калликанзарос.

Я залез в скиммер, который тут же взмыл в небо. Мне осталось только вознести молитву Афродите, полагаясь на умение пилота управлять машиной.

Внизу Кассандра махала мне.

За моей спиной все ярче разбрасывало сеть своих лучей Солнце. Мы летели на запад. От Коса до Порт-о-Пренса четыре часа лета — четыре часа серых волн, бледных звезд и моего безумия...

Глава 2

Зал кишел людьми, сверху сияла огромная луна тропиков, и причиной того, что я одновременно видел и то, и другое, было то, что мне удалось выманить Эллен на балкон, все двери которого были настежь распахнуты.

— Снова возвращение из мертвых? — слегка улыбнувшись, она поздоровалась со мной. — За год всего лишь одна открытка с Цейлона.

— Неужели вы скучали обо мне?

— Могла бы...

Она была маленькая, и подобно всем, кто ненавидел день, густо кремовая. Несмотря на свой искусственный загар, она мне напоминала искусно выполненную живую куклу с неисправным механизмом.

У нее были пышные, очень пышные красно-каштановые волосы, завязанные в такой гордиев узел, что казалось невозможным его развязать. Цвет ее глаз было трудно определить. Все зависело от ее мимолетного каприза, но все же они были глубоко-глубоко синими. Что бы она ни одевала, одежда ее была всегда коричневой и зеленой. Этой одежды было столько, что, казалось, ее можно завернуть в нее с ног до головы, отчего эта женщина казалась каким-то бесформенным растением.

Это было ее странной прихотью, если только она не стремилась скрыть свою беременность, в чем я, правда, очень сомневался.

— На Цейлоне я был совсем недолго. Большую часть времени я провел на Средиземноморье.

Внутри раздались аплодисменты. Я был рад, что меня там не было. Актеры только что закончили «Маску Деметры» Гребера, сочиненную им в честь наших гостей с Веги. Пьеса была продолжительностью в два часа: нудная и плохая. К тому же написана она была пятистопным ямбом.

Гребер писал длинные, пронизанные метафизикой поэмы. Он много рассуждал о просвещении и ежедневно выполнял на пляже упражнения для дыхания. Во всем же остальном он был вполне пристойным человеком.

Аплодисменты утихли, послышалась негромкая музыка, как будто играли стеклянные бубенцы, и стал слышен тихий говор.

Эллен облокотилась о перила.

— Я слышала, что вы женились.

— Да,— кивнул я.— А зачем меня позвали сюда?

— Спросите у своего босса.

— Я спрашивал. Он сказал, что мне предоставляется роль гида. Но я хотел бы узнать: почему? Мне нужна истинная причина. Я все время думаю об этом, но тем не менее причина этого становится для меня все более загадочной.

— Но откуда же мне знать истинную причину?

— Вам известно все.

— Вы переоцениваете меня, дорогой. А как она из себя?

Я пожал плечами:

— Похожа на наяду.

— А на кого похожа я?— спросила с усмешкой Эллен.

— Я бы не стал говорить кому-либо, на кого вы похожи.

— Я оскорблена. Я просто должна быть на кого-то похожа, так как в противном случае...

— Да, именно так. Вы — уникальны!

— Тогда почему же в прошлом году вы не забрали меня с собой?

— Потому что вы любите быть на людях. Требуется, чтобы весь город был перед вами. Вы могли бы быть счастливы только здесь, в Порт-о-Пренсе.

— Но я несчастна здесь!

— Но вы здесь менее несчастны, чем были бы в любом другом месте на этой планете.

— Мы могли бы попытаться,— сказала она и повернулась ко мне спиной, чтобы взглянуть на огни в районе гавани.— Вы знаете,— продолжала она, немного погодя,— вы настолько дьявольски уродливы, что поэтому даже и привлекательны...

Я замер рядом с ней, в нескольких сантиметрах от ее плеча.

— Поймите,— продолжала она ровным голосом,— вы — кошмар, который шествует как человек.

Я опустил руку и слегка кивнул:

— Я знаю об этом. Приятных сновидений.

Я уже повернулся, но она удержала меня за рукав:

— Подождите.

Я посмотрел на ее руку, перевел взгляд на ее глаза, затем опять на руку.

Она отпустила рукав.

— Вы же знаете, что я никогда не говорю правду,— начала она.— И я подумала кое о чем, что вам следовало бы знать в отношении этой поездки. Здесь Дональд Дос Сантос, и я думаю, что он также собирается в путь.

— Дос Сантос? Любопытно!

— Он сейчас в библиотеке вместе с Джорджем и каким-то арабом.

— Что?— воскликнул я.— Арабом? С руками, покрытыми шрамами? Желтоглазый? Как его имя? Хасан?

— Да. Вы что, с ним уже встречались?

— В прошлом он кое-что сделал для меня,— признался я.

Я улыбнулся, хотя внутри меня все похолодело, ибо я терпеть не могу, когда мой собеседник догадывается, о чем я думаю.

— Вы улыбаетесь?— спросила она.— О чем вы думаете?

— Я думаю о том, что вы относитесь ко многому гораздо более серьезно, чем это казалось мне раньше.

— Чепуха! Я уже не один раз говорила вам, что я трусливая лгунья. Даже всего несколько секунд назад — а ведь речь идет о небольшой стычке во время большой войны. И вы совершенно правы, что я здесь менее несчастна, чем где-нибудь в другом месте Земли. Поэтому-то, может быть, вы поговорите с Джорджем и уговорите его взяться за работу на Галере или на Бакабе. Это возможно?

— Безусловно,— кивнул я.— Кстати, как там коллекция жуков Джорджа?

Некоторое подобие улыбки.

— Растет,— ответила она,— и очень быстро. И так же живут и ползают, а некоторые из этих тварей радиоактивны. Я ему говорю: «Джордж, а почему бы тебе не поволочиться за другими женщинами вместо того, чтобы проводить свое время с этими жуками?» Но он только трясет головой. Тогда я говорю: «Джордж, когда-нибудь одна из этих уродин укусит тебя, и ты станешь импотентом. Что ты тогда станешь делать?» Тогда он объясняет, что этого не может случиться, и снова читает лекции о ядах насекомых. Может быть, он и сам какой-нибудь огромный паук в личине человека? Мне кажется, что ему доставляет удовольствие, определенное сексуальное удовлетворение наблюдать за тем, как они копошатся в своих банках. Не знаю, что еще...

Я повернулся и заглянул в зал, потому что ее лицо уже не было ее лицом. Когда мгновением позже я услышал ее смех, я снова повернулся к ней и сжал ее плечо.

— О'кей. Я теперь знаю немного больше, чем прежде. Спасибо. Мы еще встретимся.

— Мне подождать?

— Нет. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Конрад.

И я побрел прочь...

* * *

Пересечь зал — трудное и продолжительное занятие, если он полон людей и они знакомятся с вами. Если все они держат в руках бокалы, а у вас к тому же заметная тенденция прихрамывать.

Так вот, все это было здесь, и я прихрамывал.

Я пробирался вдоль стены по периметру людской толпы и внезапно очутился среди молодых дам, окружавших старого холостяка.

У него не было подбородка, почти не было губ и волос. Выражение, которое имела некогда плоть, покрывавшая его череп, давным-давно перешло к его темным глазам. И оно появилось в этих глазах, как только они увидели меня. Насмешливое выражение надвигающейся ярости.

— Фил,— произнес я, поклонившись.— Никто иной не может расписать маску, подобную этой. Я слышал, что говорят, будто это умирающее искусство, но теперь я понял, что это не так.

— Вы все еще живы?— удивился он, причем голос у него был на семьдесят лет моложе, чем все остальное.— И снова, как обычно, опоздали.

— Я униженно раєкланиваюсь,— сказал я ему,— но меня задержали на именинах одной дамы семи лет от роду, в доме моего старого знакомого.

— Все ваши приятели — старые приятели, не так ли?— рассмеялся он, и это был удар ниже пояса. Именно потому, что я когда-то был знаком с его родителями и водил их вдоль Южного фасада Эрехтейона в Афинском акрополе, показывая, что вывез оттуда лорд Элджин.

Посадив их отпрысков на колени, я рассказывал им сказки, которые были как мир стары еще в те времена, когда возводился этот акрополь.

— И мне нужна ваша помощь,— добавил я, не обращая внимания на насмешку и нежное и пикантное женское окружение.— У меня весь вечер уходит на то, чтобы пересечь этот зал и выйти туда, где Сэндо разместился со своими придворными с Веги... Простите меня, мисс,— сказал я,— вечер уже закончился, и очень жаль, что я спешу и не могу задержаться возле вас.

— Вы — Номикос!— выдохнула одна прелестная крошка, уставившись на мою щеку.— Мне давно хотелось...

Я поймал ее руку, прижал к своим губам, заметил, как порозовели ее щечки, и усмехнулся:

— Не судьба!— с этими словами я отпустил ручку.— Ну так как же?— спросил я Гребера.— Уведете меня отсюда в максимально быстрый срок в вашей придворной манере, продолжая разговор, чтобы никто не осмелился нас перебить. О'кей? Давайте двигаться.

Он резко кивнул.

— Простите меня, дамы. Я скоро вернусь.

Мы начали продвижение через зал, мимо множества беседующих друг с другом людей. Высоко над головой плыли поворачивающиеся люстры, похожие на многогранные глыбы из хрусталя. Тихо

звучала телистра-арфа, расшвыривая звуки своей песни, напоминавшие звуки цветного стекла.

Люди жужжали и копошились, словно насекомые Джорджа, и мы избегали столкновений с ними, переставляя без остановки одну ногу за другой.

Нам, слава богу, удалось ни на кого не наступить.

Вечер был теплый. Большинство мужчин было одето в легкую, как пух, черную форму, предписанную для персонала в случае торжественных вечеров. Те, что были одеты иначе, не были представителями администрации.

Черное одеяние, несмотря на всю свою легкость, было весьма неудобным. На груди слева красовалась зелено-голубая эмблема Земли — кружок диаметром в два дюйма. Чуть ниже его — символ одного из департаментов, еще ниже — значок, обозначающий ранг. Воротник униформы через небольшой промежуток времени начинал казаться гарретой. Мне, по крайней мере, чудилось, что я вот-вот задохнусь, сдавленный этим железным ошейником.

Дамы были одеты, или зачастую раздеты, по своему собственному усмотрению, обычно во что-то яркое, сопровождаемое мягкими полутонами, если только не принадлежали к персоналу администрации. В этом случае они были плотно упакованы в короткие черные платья, но все же со свободным воротничком.

— Я прослышал о том, что здесь находится Дос Сантос? — поинтересовался я.

— Так оно и есть.

— С какой целью?

— Не знаю, да меня это и не интересует.

— Ай-яй-яй! Что же произошло с вашей замечательной гражданской совестью? Департамент литературной критики не раз расхваливал вас за это.

— В моем возрасте запах смерти ввергает меня в состояние все большей и большей тревоги, стоит мне только ее почуять.

— Неужели Дос Сантос источает именно такой запах?

— Он весь им пропитан!

— Я слышал, что он нанял одного из ваших прежних партнеров еще во время Мадагаскарского дела.

Фил склонил набок голову и стрельнул в меня взглядом, полным насмешки.

— Слухи очень быстро доходят до вас. Вы ведь друг Эллен? Да, Хасан здесь. Он наверху вместе с Досом.

— И кого же он на этот раз хочет избавить от бремени жизни?

— Я ведь вам уже сказал раньше, что ничего не знаю об этом, и не хочу знать.

— И все-таки, может быть, решитесь угадать?

— Не имею особого желания.

Мы наконец-то выбрались в часть зала, где было не столь многолюдно, и я остановился, чтобы пропустить одну-другую рюмочку рома.

— Вы не откажетесь, Фил? — спросил я, протягивая своему напарнику бокал.

— Мне показалось, что вы страшно торопитесь?

— Верно, тороплюсь, но все хочу прикинуть, какое сложилось положение.

— Ну-ну. А пока, что ж. Давайте выпьем. Мне пополам с кока-колой.

Я украдкой взглянул на него. Когда он отвернулся, я мысленно последовал за его взглядом в направлении легких кресел, расположенных в нише северо-восточной части зала, рядом с телинстой. На ней играла пожилая дама с металлическими глазами. Рядом попыхивал трубкой Управляющий планетой Земля, Лорел Сэндо.

Эта трубка — одна из интересных граней личности Лорела. Настоящая трубка, изготовленная в мастерской Меерохалума. На планете таких трубок осталось совсем немного. Что же касается всего остального в его личности, то его можно было бы назвать чем-то вроде антикомпьютера. Закладываешь в него несколько самых различных, тщательно собранных фактов, цифр и статистических данных, и он превращает все это в сплошной мусор.

Проницательные темные глаза, медленная всепонимающая манера говорить, цепко держа собеседника одним лишь взглядом. Редкие, но выразительные жесты, когда кажется, что он прямо-таки режет воздух ладонью или тычет воображаемых дам под бок своей трубкой.

Темные волосы с седыми висками, высокие скулы, загар под стать цвету его твидового костюма (он умышленно избегал темной одежды).

На свою политическую должность он назначен Управляющим по делам Земли на Тапера, и он со всей серьезностью относится к исполнению своих функций, зачастую даже чрезмерно демонстрируя свою самоотверженность, несмотря на периодические приступы язвы.

Он далеко не самый умный человек на Земле. Но он — мой босс! И кроме того, он один из лучших моих друзей.

Рядом с ним сидит Корт Миштиго. Я почти ощущаю физическую ненависть, которую питал к нему Фил — от его бледно-синих пяток с шестью пальцами, до повязки на лбу, алый цвет которой весьма красноречиво свидетельствует о принадлежности к верховной касте. Причем он ненавидел его не столько из-за него самого, сколько, я был уверен, из-за того, что он был ближайшим родственником, а именно внуком самого Татрема Миштиго, который сорока годами раньше начал показывать всему миру, что величайшими современными писателями являются уроженцы Веги. Старый джентльмен до сих пор не отдает ему пальму первенства, и я ни за что не поверю, что Фил способен простить ему это.

Краем глаза я заметил Эллен, которая поднималась по широкой, богато украшенной лестнице в другом конце зала.

Краем другого глаза я увидел, что Лорел смотрит в мою сторону.

— Меня,— сказал я,— уже обнаружили, и я должен теперь идти засвидетельствовать свое почтение этому Вильяму Синбруку. Идем вместе?

— Да... Прекрасно,— кивнул Фил.— Страдания — это как раз то, что нужно для души.

Мы прошли к нише и встали между двумя креслами. Здесь, в этом месте, было сосредоточение власти.

Лорел медленно поднялся и пожал нам руки. Миштиго поднялся еще медленнее и не протянул руки. Выражение его янтарных глаз оставалось равнодушным, когда нас представили ему. Его оранжевая рубашка свободного покроя постоянно трепетала, так же как и его многокамерные легкие непрерывно выдавливали воздух через передние ноздри, расположенные у основания его широкой грудной клетки.

Он коротко кивнул и повторил мое имя, затем повернулся к Филу, изображая на лице гримасу вроде улыбки.

— Вы не могли бы изложить значение своей маски по-английски? — попросил он.

Голос его напоминал звон затухающего камертона.

Фил повернулся на пятках и побрел прочь.

Затем мне показалось, что представителю Веги на мгновение стало дурно, однако я вовремя вспомнил, что смех обитателей Веги напоминает отчаянное блеяние козла, когда его душат. Я стараюсь держаться подальше от уроженцев Веги...

— Садитесь,— предложил Лорел, стараясь скрыть смущение.

Я подтянул к себе кресло и сел напротив них.

— О'кей.

— Корт намерен написать книгу,— сказал Лорел.

— Вы уже сообщили об этом.

— Книгу о Земле!

Я поклонился.

— Он еще хотел бы, чтобы вы были его проводником в поездке по некоторым Старым местам.

— Я польщен,— мой голос прозвучал несколько натянуто.— Кроме того, меня очень разбирает любопытство: почему именно меня он решил избрать в качестве своего гида?

— А также любопытство относительно того, что ему, возможно, известно о вас, не так ли?

— Да. Не стану этого скрывать,— вынужден был согласиться я.

— Все, что могла сказать Уэллина.

— Отлично. Теперь я удовлетворен,— усмехнулся я.

Откинувшись на спинку кресла, я стал медленно цедить содержимое своего бокала.

— Я начал с того, что навел справки о записях Актов Гражданского Состояния Земли, как только во мне созрел замысел осуществить этот проект — просто ради общего ознакомления с данными о людях; затем, после того, как я нашел подходящую кандидатуру, я обратился к Личным делам Земной Администрации.

— Гм-м...— протянул я.

— И на меня произвело большое впечатление то, чего в нем не было, чем то, что было записано в личном деле.

Я пожал плечами.

— В вашем послужном списке есть немало пробелов. Даже теперь никто толком не знает, чем вы занимались почти всю свою жизнь. И, между прочим, когда вы родились?

— Не знаю. Я родился в маленькой крохотной деревушке, где в том году потеряли счет дням. Во всяком случае, как мне потом сказали, это случилось на Рождество.

— Согласно вашему личному делу, вам сейчас семьдесят семь лет. Согласно записям актов Гражданского состояния, вам либо сто одиннадцать, либо сто тридцать лет.

— Я приврал относительно своего возраста: чтобы получить работу. В те годы все еще продолжалась депрессия.

— Поэтому я составил краткий биографический очерк Номикоса, который в своем роде выдающийся, и, воспользовавшись описанием его физических данных, проследил, имеются ли его аналоги во всех хранилищах информации, включая и закрытую.

— Один собирает древние монеты, другие сооружают модели ракет,— сказал я спокойно.

— И я обнаружил, что вы могли бы еще тремя-четырьмя, даже пятью лицами обзавестись: все они были греками, и один из них, по крайней мере, был очень знаменитый человек. Это Константин Коронос, один из наиболее старших из них. Он родился двести тридцать четыре года назад... И тоже на Рождество. Один глаз голубой, другой — карий. Такая же правая нога, такие же волосы на голове, когда ему было двадцать три года. Такого же роста, такого же примерно веса.

— Те же отпечатки пальцев? Такая же структура сетчатки глаза? — живо поинтересовался я.

— Этих данных не было во многих старых записях. Возможно, в те времена люди были более необразованными? Не знаю. Более легкомысленными, наверное, в отношении тех, кто имел доступ к Гражданским записям.

— Вам известно, что на нашей планете в настоящее время более четырех миллиардов человек? Прослеживая записи в течение трех-четырех веков, я абсолютно уверен в том, что вы могли найти двойников очень многих из ныне живущих людей. Что же здесь такого особенного?

— Вы просто чем-то заинтересовали меня, вот и все! Как будто бы вы дух своей планеты, и вы столь же любопытно изучены, как и сама эта планета. Я не сомневаюсь в том, что мне никогда не достичь ваших лет, каков бы ни был ваш возраст, и мне было бы очень интересно узнать: какого же рода чувства владеют человеком, прожившим столько лет — особенно если учесть ваше положение хранителя истории и искусства вашего мира. И вот почему я остановил на вас свой выбор,— закончил он.

— А теперь, когда вы повстречались со мной, калекой, и все такое прочее, я могу отправиться домой?

— Конрад! — трубка угрожающе метнулась ко мне. — Нет, мистер Номикос. Здесь имеются также и чисто политические и практические соображения. Это суровый мир, а у вас очень высокий потенциал выживаемости. Я хочу, чтобы вы были со мной, потому что я хочу выжить!

Снова я пожал плечами:

— Что ж, ладно. И что вы хотите еще?

Он раскудахтался:

— Я чувствую, что не нравлюсь вам.

— Что привело вас к такой мысли? Только из-за того, что вы оскорбили моего друга и задали мне неуместные вопросы, создав впечатление, что нуждаетесь в моих услугах из чистой прихоти...

— Что эксплуатировал ваших соотечественников. Что превращал вашу планету в бордель и дал всей человеческой расе понять ее глубокую провинциальность в сравнении с Галактической культурой, неизмеримо более старой...

— Я ни слова не говорил — ваша раса, моя раса! Я говорю только от своего имени. И я повторяю, вы оскорбили моего друга, задали мне неуместные вопросы и создали у меня такое впечатление, что хотите, чтобы я служил вам просто из вашей прихоти.

Снова звуки, издаваемые козлом, когда его душат.

— Целых три пункта! Да ведь это не оскорбление памяти Гомера или Данте, после чего человек может выступать от имени всей человеческой расы.

— В настоящее время Фил — наилучший из тех, которыми мы располагаем.

— В таком случае уж лучше обходиться без них.

— Нет причин, чтобы обращаться с ним подобным образом.

— Полагаю, что есть. В противном случае я не поступил бы так. А во-вторых, я задаю любые вопросы, какие мне хочется, а ваше право — отвечать или нет, если последние покажутся вам оскорбительными. И наконец, никто не собирался производить на вас какое-либо впечатление. Вы находитесь на гражданской службе. Вам дано поручение. Спорьте со своим начальством, а не со мной! Кроме того, мне только что пришло в голову, что вряд ли вы располагаете соответствующими знаниями, чтобы говорить слово «прихоть» столь свободно, как вы себе только что позволили.

Судя по выражению лица Лорела, его язва молчаливо комментировала происходящее.

— Тогда называйте свою грубость чистосердечностью, если хотите, или продуктом другой культуры, и оправдывайте свое влияние на Землю софистическими упражнениями или чем-нибудь другим, что вам взбредет в голову в самый последний момент, и, используя любые средства, снабдите меня соответствующими сведениями о вас всех, чтобы я мог вынести ответное суждение. Вы ведете себя, как представитель монарха в подвластной ему колонии, — сказал я ради того, чтобы остановить его, — и мне это не нравится. Я прочел все ваши книги. Я прочел также и все книги вашего деда. Взять для примера хотя бы его нашумевшую «Глаз земной проститутки».

Так вот, вам никогда не стать таким специалистом, как он. Он обладал чувством, обычно называемым состраданием. А у вас его нет. Все, что вы ощущаете, например, в отношении такого старого Фила, в двойном размере относится и к вам — в моей книге...

Та часть моего выпада, в которой говорилось о его деде, должно быть, затронула больное место, так как он вздрогнул, не выдержав укола моего голубого глаза.

— Поэтому, пожалуйста, поцелуйте меня в локоть,— сказал я по-веганski нечто эквивалентное земному выражению для подобных случаев.

Сэндос не знает в достаточной степени веганский язык, поэтому он не мог уловить смысл моих слов, однако он сразу стал сокрушенно озираться в надежде, что нас никто не подслушивает.

— Конрад, пожалуйста, не пренебрегайте обязанностями своей профессии. Господин Миштиго, давайте приступим к планированию путешествия.

Миштиго улыбнулся.

— И сведем к минимуму различия между нами? — спросил он.— Ладно.

— Тогда давайте перейдем в библиотеку, там тихо. И там мы сможем воспользоваться картой-экраном.

Я почувствовал, как во мне все напряглось, когда мы поднялись, ибо наверняка наверху был Дос Сантос, ненавидящий веганцев, и, конечно же, где Дос Сантос, там и девушка с красивым париком, ненавидящая всех. Знал я и то, что наверху был Эммет и Эллен тоже. Вероятно, туда же мог забрести и Фил, устроив там второй форт Самтер. И, наконец, там был Хасан, который просто сидит и курит с непроницаемым видом. Если вы станете подле него и сделаете несколько глубоких вздохов, то вам будет уже все равно, что там говорят веганцы, да и люди тоже...

Глава 3

Я надеялся, что у Хасана будет не все в порядке с памятью и он будет витать в своих мыслях высоко среди облаков. Надежда эта рассеялась, как только мы вошли в библиотеку. Ему было лет 60—80, если не больше, но на вид не более сорока, а в действительности он еще мог действовать, как тридцатилетний. Курс лечения Спранга-Сэнсера по отношению к нему был особенно эффективен. Такое случается редко. По сути дела, почти никогда. Во время лечения некоторые пациенты испытывают внезапный анафилактический шок, без видимых причин на это, и даже после вливания адреналина не всегда удается вывести их из этого состояния. Очень многие застывают в возрасте от 50 до 60 лет.

Но некоторые редкие экземпляры по-настоящему молодеют после полного курса — примерно один из сотни тысяч.

Меня поразило то, что именно к нему было благосклонно колесо Фортуны. Со времени событий на Мадагаскаре прошло более пятидесяти лет, когда Хасана наняли люди из Рэдпола в своей вендетте

против телеритов. Платил ему (да покоится прах его с миром) сам большой К., поручивший Хасану разделаться с Афинской компанией «Недвижимое имущество» Управления по делам Земли. Ему это удалось, причем довольно неплохо. С помощью одного крохотного расщепляющего устройства. Все произошло мгновенно. Некоторые называли после этого Хасана убийцей-наймитом, и он действительно был последний наемник на Земле.

Кроме того, за исключением Фила, (который не всегда был владельцем шпаги без лезвия и эфеса) Хасан был одним из тех, кто помнил старого Гарагиоза.

Поэтому, выставив вперед свой лишай и задрав подбородок, я сразу же попытался затуманить его сознание. То ли здесь были замешаны какие-то древние инстинкты, в чем я сомневался, то ли он был выше, чем я полагал, что вполне возможно, то ли он просто забыл мое лицо, это также было невероятным, хотя и в очень малой степени — или он придерживался профессиональной этики, или доверился звериному инстинкту (в различной степени он обладал и тем и другим, хотя в большей мере низменным звериным коварством). Когда же нас представили друг другу, он и бровью не повел.

— Мой телохранитель, Хасан,— сказал Дос Сантос, одаривая меня своей самой липкой улыбкой, когда я пожимал ему руку, которая однажды (можно и так сказать) потрясла мир.

Еще и сейчас это была очень сильная рука.

— Конрад Номикос,— сказал Хасан, скосив взгляд, как будто он читает мое имя с бумажки, зажатой в руке.

Со всеми остальными я был знаком, поэтому, выбрав кресло подальше от Хасана, я почти все время старался держать перед своим лицом бокал, чтобы чувствовать себя в большей безопасности.

Диана стояла рядом со мной.

— Доброе утро, мистер Номикос.

— Добрый вечер, Диана,— я чуть-чуть опустил свой бокал.

Высокая, стройная, одетая почти во все белое, она стояла рядом с Дос Сантосом, напоминая свечку. Я понимал, что такое впечатление создается главным образом из-за красного парика, который она носила.

Мне несколько раз доводилось видеть, как этот парик задирается в сторону, обнажая часть безобразного и мигрирующего шрама, который она всегда прятала под париком. Я частенько задумывался над происхождением этого шрама, обычно в тех случаях, когда бросал якорь где-нибудь во время своих морских странствований и разглядывал фрагменты созвездий сквозь дыры в облаках, либо когда выкапывал из земли поврежденные временем статуи.

У этой девушки были пурпурные губы — скорее всего, я полагаю, татуировка — я никогда не видел, чтобы она улыбалась. Мышцы ее челюстей были всегда натянуты, как канаты, так как она почти никогда не разжимала зубов. Она едва шевелила ртом, когда отрывисто разговаривала. Было очень трудно определить ее настоящий возраст. Во всяком случае, ей уже несомненно было за тридцать.

Она и Дос составляли весьма интересную пару. Он смуглый, го-

ворливый, вечно курящий, неспособный спокойно посидеть более двух минут. Она выше его на добрые десять сантиметров. Мне и сейчас неведома полная истина ее жизни. Полагаю, что никогда она не станет известной до конца.

Она подошла поближе и встала рядом с моим креслом, пока Лорел представлял Корта Сантосу.

— Вы! — процедила она.

— Да, я.

— Будете проводником во время поездки.

— Об этом известно всем, кроме меня,— кивнул я.— Уверен, что в этом вопросе вы могли бы довольно легко поделиться со мной частичкой своей осведомленности.

— Ничего не знаю ни по какому вопросу.

— Вы говорите точно так же, как Фил.

— И мысли такой не было.

— И тем не менее это так. Так почему же?

— Что «почему»?

— Почему вы и Дос здесь сегодня вечером?

Она немного просунула язык между зубами, затем сделала движение, будто собирается выдавить сок из него или сдержать пытавшееся сорваться с губ слово. Затем она посмотрела на Доса, но он был слишком далеко, чтобы услышать сказанное, да и смотрел он в другую сторону. Он был занят тем, что наливал Миштиго настоящую коку из графина, стоявшего на изысканно выгнутом подносе.

Находка формулы кока-колы была главной археологической сенсацией века, как утверждали веганцы. Она была утрачена в течение Трех Дней и вновь открыта где-то через добрый десяток лет. Имелось большое количество напитков, сходных по составу, но ни один из них не воздействовал на метаболизм веганцев так, как настоящая кока-кола.

Другой «важнейший вклад Земли в Галактическую культуру» — так называл ее один из современных историков. Первым вкладом, разумеется, были в высшей степени изысканные социальные проблемы такого рода, что возникновения их потерявшие терпение философы на Веге ждали в течение многих поколений.

— Пока не знаю,— сказала она, снова глядя на меня.— Спросите у Доса.

— Обязательно.

И я спросил. Хотя позже. И не был разочарован, несмотря на то, что ничего особенного не ожидал.

Но пока я все еще сидел, изо всех сил пытаясь что-либо подслушать. И тут мне припомнилось, что когда-то, давным-давно один сморщенный старичок заметил, что мне свойственно телепатическое исполнение желаний.

Вкратце его гипотеза звучала так:

— Мне хочется узнать о том, что же где-то происходит. Я располагаю почти достаточной информацией, чтобы угадать. Следовательно, я догадываюсь. Только догадки эти приходят ко мне так, будто я увидел или услышал все это посредством глаз и ушей...

Это не настоящая телепатия, как я полагаю, потому что догадки оказываются иногда неверными. И все же, несмотря на это, у меня было ощущение, что телепатия здесь все же присутствует.

Старик мог мне многое рассказать об этом, но он не знал причин.

И вот я стою посредине комнаты и смотрю на Миштиго.

Я — Дос Сантос.

И я говорю:

— Отправится вместе со мной. И не забывайте, что он будет не как посланник Рэдпола, а просто как частное лицо.

— Я и не выпрашиваю у вас покровительство мне,— произнес веганец.— Однако я весьма вам благодарен. Я приму ваше предложение, чтобы избежать смерти от рук ваших соотечественников,— произнеся эти слова, он улыбнулся,— если только они захотят этого во время всего путешествия, в чем я, однако, весьма сомневаюсь. И все же, я был бы глупцом, если бы отказался от защиты.

— Очень разумно с вашей стороны,— сказал Дос, слегка поклонившись.

— Разумеется,— сказал Корт.— А теперь скажите мне,— он кивнул в сторону Эллен, которая только-только закончила спор с Джорджем и теперь гордо отошла от него.— Кто это?

— Эллен Эммет, жена Джорджа Эммета, руководителя Министерства охраны дикой природы.

— Какова ее цена?

— Мне неизвестно, какую последнюю плату она назначила.

— Ну, а какова была предпоследняя?

— Такой никогда не было.

— Все на Земле имеет какую-нибудь цену.

— В данном случае, я полагаю, вам придется самому это выяснить.

— Непременно,— кивнул он.

Женщины Земли всегда обладали какой-то странной привлекательностью для обитателей Веги. Какой-то веганец сказал мне однажды, что они заставляют его ощущать себя в какой-то связи с другими животными.

Весьма интересная мысль, ибо такую же точно идею высказала в отношении веганцев одна девушка для развлечений на одном из модных курортов. У нее тоже каждый раз возникало ощущение, что она является другом животных. Мне кажется, что эти характерные выводы веганцев щекочут грудь и возбуждают обоих партнеров.

— Между прочим,— сказал Дос,— вы в конце концов перестали избивать свою жену?

— Какую именно?— спросил Миштиго.

Все расплылось, и я снова очутился в своем кресле...

— Что,— спрашивал меня Джордж Эммет,— вы думаете об этом?

Я пристально посмотрел на него. Всего лишь секунду назад его здесь не было. Он неожиданно подошел ко мне и пристроился на широком подлокотнике моего кресла.

— Повторите, пожалуйста, я что-то задремал.

— Я сказал, что мы должны уничтожить всех крысс-пауков. Что вы думаете об этом?

— Как мы это сделаем?

Он стал смеяться. Я подождал, пока этот смех прекратится.

— Я вывел новую породу... Это на самом деле грациозно и грандиозно! Эта порода называется «слиши».

— А что это такое? — поинтересовался я.

— «Слиши» — это паразит с планеты Бакаба,— пояснил он, наклонившись ко мне.— Это вроде крупного клеща. Мои красавицы имеют в длину почти сантиметр. Они надежно зарываются в плоть и выпускают в высшей степени ядовитые вещества в качестве отходов своей жизнедеятельности.

— Смертельные?

— Мои — да.

— Вы не могли бы мне лично одолжить один экземпляр? — спросил я у него.

— Зачем?

— Мне хотелось бы подбросить его кое-кому на спину. Вернее, мне пригодилась бы парочка дюжин. У меня ведь уйма друзей...

— Моя порода не действует на друзей. А только на крысс-пауков. На людях они просто-напросто подохнут,— он явно получал удовольствие, говоря об этих тварях.— Их организм должен иметь в качестве основы скорее медь, а не железо,— пояснил он, заметив мой недоуменный взгляд.— А крысс-пауки как раз принадлежат к таким созданиям. Именно поэтому мне надо было отправиться в это путешествие вместе с вами.

— Вы хотите, чтобы я отыскал для вас крысс-паука и держал его, пока вы не прицепите к нему своих «слиши»? Именно этого вы хотите?

— Мне хотелось бы собрать пару крысс-пауков — за последний месяц я израсходовал всех своих. Но я уверен, что «слиши» поработают на славу. Мне хочется возбудить эпидемию.

— Какую эпидемию?

— Эпидемию среди крысс-пауков. «Слиши» в земных условиях размножаются слишком быстро; если мы предоставим им подходящий организм и если начать в определенное время, то зараза распространится очень быстро. Я имею в виду просто пору размножения юго-западного крысс-паука. Она начинается через шесть-восемь недель на территории Калифорнии, в месте, некогда называемом Капистрано. Сейчас там уровень радиоактивности в норме. Я знаю, что именно там вы окажетесь к тому времени, совершая путешествие с Миштиго. А я буду ждать вас со своими «слиши».

— Гм-м... Вы говорили об этом с Лорелом?

— Да. И он считает, что это отличная мысль. Он даже встретится с вами там и сделает фотографии. Не так уж много есть возможностей поглазеть на них в естественных условиях их обитания — как они затмевают небо, кружа над своими гнездами, как копошатся среди руин, пожирая диких свиней, разбрасывая по улицам забро-

шенных городов свои зеленые экскременты — довольно занимательно, не правда ли?

— Что-то вроде празднества всех Святых. А что же произойдет с дикими кабанами, если мы полностью уничтожим крысс-пауков?

— Их всюду станет гораздо больше. Но я считаю, что пумы позаботятся о том, чтобы они не стали такими же многочисленными, как кролики в Австралии. В любом случае, уж лучше свиньи, чем крысс-пауки, не так ли?

— Я не в восторге ни от тех, ни от других, но в данное время, я полагаю, свиньи все-таки лучше, чем крысс-пауки. Я думаю, вы сможете побывать там.

— Спасибо. Я был уверен, что вы поможете мне.

Лорел извиняющимся тоном пригласил присутствующих взглянуть на широкий экран, медленно опустившийся к столу посреди комнаты, где стоял Лорел. Он нажал кнопку на столе и свет в комнате погас.

— Я сейчас намерен показать вам серию карт,— сказал он.— Если мне только удастся засинхронизировать эту штуку. Вот. Все отлично.

На экране появились очертания северной части Африки и большей части Средиземноморья.

— Именно здесь вы хотели бы побывать вначале, не так ли?— спросил он у Миштиго.

— Да, как раз здесь,— ответил веганец, оторвавшись от неслышного для других разговора с Эллен, которую он прижал в нише с бюстом Вольтера.

Освещение в комнате совсем погасло, и Миштиго подошел к столу. Он взглянул на карту, затем на присутствующих, однако не выделяя кого-нибудь взглядом.

— Мне хотелось бы посетить некоторые ключевые местности, по той или иной причине игравшие важную роль в истории вашей планеты,— сказал он.— Мне хотелось бы начать с Египта, Греции и Рима. Затем хотелось бы посетить ненадолго Мадрид, Париж и Лондон.— По мере того, как он все больше углублялся в маршрут своего путешествия, картина на экране соответственно менялась.— Затем мне хотелось бы посетить Берлин, Брюссель, Ленинград, Москву. Потом пересечь Атлантический океан и сделать остановку в Бостоне, Нью-Йорке, Вашингтоне, Чикаго. Затем отправиться на юг, на полуостров Юкатан, а потом снова на север, на этот раз в Калифорнию.

— Именно в таком порядке?— поинтересовался я.

— Да.

— Почему вы не включили в свой маршрут Ближний Восток, Индию и Дальний Восток?— послышался голос Фила. Он подошел незаметно, так как в комнате было достаточно темно.

— Я ничего не имею против этих районов, однако сейчас они в основном покрыты болотами и лесами, и к тому же там довольно большая радиоактивность. Могу добавить, что эти районы в основном не отвечают моей цели.

— Какова же ваша главная цель? — Фил не унимался.

— Написать книгу.

— О чем?

— Я пришлю вам экземпляр со своим автографом.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

— Когда вы хотите отправиться в путь? — спросил я у веганца, так как этой перепалке не было видно конца.

— Послезавтра.

— Хорошо.

— Я приготовил для вас подробные карты, — продолжал Миштиго, — всех вышеназванных районов. Лорел обещал мне, что завтра днем они будут доставлены в вашу контору.

— Прекрасно. Однако здесь есть во всем этом что-то общее, о чем вы, видимо, не осведомлены. Это связано с тем, что все названные вами местности находятся внутри материка.

В наши дни у нас на Земле культура носит большей частью островной характер, и для этого есть веские основания. В течение Трех Дней материки получили особенно большую дозу облучения, и почти все места, которые вы назвали, до сих пор нельзя считать соответствующими норме. Они еще имеют достаточно высокую степень радиоактивности. Однако, это не единственная причина угрожающей опасности...

— Я хорошо знаком с вашей историей и прекрасно знаю о том, что нужно предпринимать меры предосторожности против радиации, — прервал он меня. — Кроме того, мне известно, что в Древних местностях живет большое количество мутированных организмов. Я и это не сбрасываю со счета, но вовсе не обеспокоен этим.

Я пожал плечами:

— Раз так, то я не возражаю.

— Прекрасно, — он в очередной раз отхлебнул кока-колу из своего бокала. — Можете включить свет, Лорел.

Экран постепенно погас, загорелись лампы.

— Это правда, что вы знакомы с несколькими «емамба», здесь, в Порт-о-Пренсе? — спросил у меня веганец.

— Правда, — ответил я. — Почему они вас заинтересовали?

Он подошел поближе к моему креслу.

— Насколько мне известно, колдовские обряды, совершаемые местными «вуду», почти не претерпели каких-нибудь изменений за прошедшие столетия.

— Возможно. Только вот меня здесь не было, когда они начались, и поэтому я не уверен, так ли это на самом деле.

— Я знаю, что участников не очень-то смущает присутствие чужаков...

— Это верно. Однако они разыгрывают для вас на самом деле первосортное представление, если вам удастся найти подходящий «хоупфер» и предложить небольшие подарки.

— Мне очень хотелось бы стать свидетелем обряда. Если бы мне удалось посетить с кем-нибудь, кто не является для них чужаком, по-

сетить их... э-э... представление, то тогда я, вероятно, смог бы увидеть именно то, настоящее...

— Чем вызвано ваше такое сильное желание? Нездоровое любопытство к обычаям дикарей?

— Нет. Я изучаю различия религий с целью сравнения.

Я внимательно смотрел на его лицо, но оно абсолютно ничего не выражало.

Прошло много времени с тех пор, как я в последний раз посещал нечто подобное с Мамашей Джулией и Папашей Джо и некоторыми другими, и хотя «хоупфер» был отсюда недалеко, я не был уверен в том, что они согласятся взять вместе со мной обитателя Веги. Хотя, разумеется, у них никогда не было возражений, когда я приводил с собой людей.

— Что ж...— начал я.

— Я хочу только понаблюдать,— сказал он,— сам оставаясь в стороне. Они вряд ли ощутят мое присутствие.

Я промямлил нечто невразумительное и сдался. Я хорошо знал Мамашу Джулию, и полагал, что в этом не будет ничего плохого. Поэтому я сказал:

— О'кей, я поведу вас. Сегодня вечером, если хотите.

Он согласился, поблагодарил меня и ушел на поиски еще одной бутылки кока-колы.

Джордж, который все это время не слезал с подлокотника моего кресла, наклонился ко мне и тихо заметил, что было бы очень интересно произвести рассечение веганца.

Я согласился с ним.

Когда Миштиго вернулся, Дос Сантос был рядом с ним.

— Вы собираетесь повести мистера Миштиго на языческие церемонии?— спросил он, дрожа от негодования и раздувая ноздри.

— Это так,— кивнул я.— Собираюсь.

— Только вместе с телохранителями, а вы таковым не являетесь.

Я поднял вверх ладони.

— Я в состоянии справиться со всем, что бы ни произошло.

— Вас будут сопровождать Хасан и... я.

Я попробовал было протестовать, но незаметно между нами втиснулась Эллен.

— Я хотела бы тоже пойти с вами,— сказала она.— Я никогда еще не была на подобных обрядах.

Я пожал плечами.

Если идет Дос Сантос, это значит, что идет и Диана. Нас становится весьма много. Поэтому один лишний посетитель особого значения не имеет. Все это было испорчено еще до того, как началось.

— А почему бы и нет?— вот и все, что оставалось мне сказать...

* * *

«Коупфер» был расположен внизу, в районе гавани, возможно, вследствие того, что был посвящен Агве Вейс, морскому божеству. Хотя скорее всего из-за того, что сородичи Мамаши Джулии всегда ютились в гавани.

Агве Вейс не очень-то ревнивый божок, поэтому множество других божеств украшали стены своими ярко раскрашенными изображениями. Чуть поодаль от берега были гораздо более искусно выполненные «хоупферы», но они мало-помалу все более переходили в собственность коммерческих заведений.

Огромная ладья Агве переливалась яркими синими, оранжевыми, желтыми, зелеными и черными цветами и внешне выглядела несколько неподходящей для моря.

Противоположная их стена была почти полностью занята изображениями пурпурно-малинового Дамбала Ведо, со множеством затейливых колец и завитков. Впереди Папаша Джо ритмично отбивал такт, едва раскачиваясь, на нескольких барабанах «рада». Он сидел чуть правее двери, через которую мы вошли — кстати, единственной. Среди ярких изображений сердец, фаллосов и крестов, на нас загадочно глядели христианские святые.

Флаги, мачете, багровые сердца — заполняли все свободное пространство стен, и как ко всему этому относились христианские святые, невозможно было прочесть на их напряженных лицах, заключенных в дешевые рамки для литографий, напоминавших окна в какой-то чужой мир из этого сюрреалистического окружения.

На небольшом алтаре теснились многочисленные бутылки со спиртным: бутылки, созданные из тыкв, священные сосуды для духов «лоа», талисманы, трубки, флаги, стереографии каких-то неизвестных людей, а среди всего прочего — пачка сигарет для Папаши Легба.

Служба шла полным ходом, когда молодой «хоуязи» по имени Луис ввел нас.

Комната имела в длину около восьми метров и около пяти в ширину, высокий потолок и грязный пол.

Танцоры двигались около центрального столба замедленно, неестественно важно. Их черная плоть блестела в тусклом свете керосиновых ламп. Когда мы вошли в комнату, в ней стало темно.

Мамаша Джулия взяла меня за руку и улыбнулась. Она отвела меня почти к алтарю и сказала:

— Эзрум был добр.

Я кивнул.

— Ты нравишься ему, Номикос. Ты долго живешь, много путешествуешь и ты возвращаешься.

— Всегда,— согласился я.

— Эти люди с тобой? — она движением своих темных глаз указала на моих спутников.

— Это друзья. Они не побеспокоят.

Она рассмеялась, услышав мои слова. Я тоже рассмеялся.

— Я буду держать их подальше от вас, если вы разрешите им остаться. Мы будем оставаться в тени у стен комнаты. Если же вы скажете, чтобы я увел их, мы уйдем. Вижу, что вы уже изрядно натанцевались и осушили немало бутылок.

— Оставайся. Приходи как-нибудь поболтать со мной днем.

— Обязательно приду.

Она ушла в круг танцоров. Мамаша Джулия была довольно крупной, хотя голос у нее был весьма тихий. Двигалась она, как огромная резиновая кукла, не без грации, ступая в такт с многочисленными звуками барабанов, отбиваемыми Папашей Джо.

Через некоторое время барабанный бой заставил все — мою голову, землю, воздух — закружиться. Я наблюдал за танцорами и следил за теми, кто смотрел на танцоров. Я выпил поллитра рома, пытаясь не отстать, но угнаться за присутствующими было тяжело. Миштиго продолжал потягивать коку прямо из бутылки, которую он принес с собой. Никто не заметил, что он синий, но пока мы добирались сюда, было уже довольно поздно, и я решил, что пусть будет что будет, пусть все идет своим чередом.

Красный парик стояла в углу. Она казалась надменной и одновременно испуганной. Она держала в руке бутылку, но не поднимала ее.

Миштиго держался за Эллен, прижав ее к себе, но не более того. Дос Сантос стоял у двери и следил за всеми, даже за мной. Хасан, припав к стене справа от двери, курил трубку с длинным черенком и крохотной головкой. Он казался умиротворенным.

Мамаша Джулия, полагаю, именно она, начала петь. Ее поддержали голоса остальных. Пение продолжалось довольно долго, навевая дремоту. Я выпил еще, но жажда не утолялась, и поэтому я выпил еще.

Не знаю, сколько времени мы здесь находились, когда это произошло.

Танцоры поцеловали столб, затем снова стали петь, гремя бутылками, выливая из них воду. Пара «хоуизи», казалось, стала одержимой, их речь стала бессвязной. Воздух был наполнен дымом, я прислонился к стене спиной и мне казалось, что мои глаза сомкнулись на секунду-другую.

Звук раздался на самом неожиданном месте.

Кричал Хасан.

Этот долгий вопль заставил меня рвануться вперед. Голова моя закружилась, я едва удержал равновесие и громко стукнулся спиной о стену.

Барабанный бой продолжался. Ни один такт не был пропущен. Однако несколько танцоров остановились, озираясь.

Хасан вскочил на ноги — с оскаленными зубами, прищурив глаза. От дикого напряжения его потное лицо избороздили морщины, борода вскинулась вверх, полы его плаща, зацепившись за какие-то мелкие украшения на стене, напоминали черные крылья. Руки его в замедленном гипнотическом ритме душили несуществующего и стоявшего будто бы рядом с ним человека. Из его глотки исторгался звериный рык. Он продолжал кого-то душить.

Наконец он дернулся, руки его обвисли. Почти сразу же рядом с ним оказался Дос Сантос и стал что-то говорить ему. Но, казалось, они находятся в разных мирах.

Один из танцоров стал тихо стонать. К нему присоединился еще один. Затем все остальные.

Мамаша Джулия отделилась от круга танцующих, подошла ко

мне — как раз тогда, когда Хасан начал все сначала, но на этот раз его жесты были не столь убедительны. Скорее, они были сейчас театральны.

Барабаны продолжали свой монотонный ритм. Папаша Джо даже не удосужился поднять свой взор.

— Плохой знак,— сказала Мамаша Джулия.— Что ты знаешь об этом человеке?

— Многое,— сказал я, напрягаясь, чтобы усилием воли прояснить свое сознание.

— Ангилсоу,— сказала она.

— Что?

— Ангилсоу. Это темный бог. Бог, которого нужно бояться. Твоим другом овладел Ангилсоу.

— Объясни, пожалуйста.

— Он редко посещает наш «хоупфер». Он здесь нежеланный. Те, кто им одержим, становятся убийцами.

— Мне кажется, что Хасан накурился какой-то дряни, что-то вроде мутированной махорки, вот почему он...

— Нет,— перебила она меня,— здесь Ангилсоу. Твой друг станет убийцей, потому что Ангилсоу — бог смерти и он навещает только свои собственные капища.

— Мамаша Джулия,— произнес я,— Хасан и есть убийца. Если вам дать кусочек жевательной резинки за каждого, кого он убил, и вы захотите все это сжевать, то вы рискуете превратиться в бурундука. Он профессиональный убийца, обычный, в рамках закона. Поскольку Кодекс Дуэлей распространен на материках, то обычно он зарабатывает себе на хлеб подальше от морских берегов. Ходят слухи, что при случае он совершает и незаконные убийства, но этого никому не удалось доказать. Поэтому скажи мне вот что. Ангилсоу — бог каких убийц? Профессионалов или просто любителей крови? Ведь есть между ними разница, не так ли?

— Для Ангилсоу все равно, какого рода убийца,— покачала она головой.

Дос Сантос, чтобы прекратить спектакль, схватил Хасана за запястья. Он попытался развести ему руки в стороны. Попробуйте представить себе, что вы в клетке и пытаетесь голыми руками разогнуть ее прутья.

Я пересек комнату, то же сделали еще несколько человек. Это оказалось очень своевременным, так как Хасан наконец-то заметил, что кто-то стоит перед ним, и уронил руки. Затем он вытащил клинок с длинным узким лезвием из-под своего плаща.

Пустил бы он его против Доса или против кого-нибудь другого — дело темное, потому что в этот момент Миштиго закупорил свою бутылку с кокой большим пальцем и ударил ею Хасана около уха. Хасан упал лицом вперед. Дос подхватил его, и я выхватил клинок из пальцев убийцы, после чего Миштиго начал прерванное занятие — приканчивать свою бутылку коки.

— Интересный обряд,— заметил через мгновение веганец.— Я

никогда не подозревал, что у этих обитателей гавани такие сильные религиозные чувства.

— Это просто указывает на то, что вам ни в чем и никогда не следует быть абсолютно уверенным, не так ли?

— Да.— Жестом он указал в сторону зрителей.— Все они пантеисты!

Я покачал головой.

— Нет. Это первобытные анимисты.

— Разве между этими религиями существует какая-нибудь разница?

— Придется объяснить. Вот эта бутылочка коки, которую вы только что осушили, займет место на алтаре или «пе», как они его называют, как сосуд для Ангилсоу, поскольку она испытала темномистическое соприкосновение с этим богом. Вот так пантеист трактует то, что сейчас произошло. А вот анимисты могут даже сойти с ума от того, что кто-то незваный появился во время церемонии и стал причиной беспокойства вроде того, которое мы только что совершили. Анимист, возможно, будет доведен до такого состояния, что принесет в жертву непрошенных гостей, поразбивав им головы подобным же образом, но теперь уже торжественно выполненным способом, и швырнув их тела в дальний закуток бухты. Это будет жертва Агве Вейс, морскому божеству. Следовательно, лучше бы мне не объяснять Мамаше Джулии, что все эти люди, которые стоят вокруг и глядят на нас, являются анимистами. Простите меня, я отлучусь на минутку...

Все на самом деле было не так уж плохо, но мне хотелось слегка встряхнуть его. Думаю, что мне это вполне удалось.

После того, как я извинился перед хозяевами и пожелал им доброй ночи, я подхватил Хасана. Он изрядно похолодел, и я был единственным, кто был достаточно сильным, чтобы тащить его.

На улице, кроме нас, никого не было. Огромная ослепительная ладья Агве Вейс пересекала волны где-то у самого восточного края мира, расплескав по небу все его любимые цветы.

Дос Сантос шел рядом со мной.

— Пожалуй, вы были правы. Нам, наверное, не следовало приходить.

Я не удосужился ответить ему, но Эллен, которая шагала впереди всех с Миштиго, остановилась, обернулась и сказала:

— Чепуха! Если бы мы не пошли, то никогда не стали бы зрителями этого замечательного драматического монолога без слов.

К тому времени я почти догнал ее. Обе ее руки взметнулись и обхватили мое горло. Она не собиралась усиливать давление, но корчила ужасные гримасы.

— Я одержима Ангилсоу,— дурачилась она,— и вы это сейчас почувствуете! О-о! — Она рассмеялась.

— Отпустите мое горло или я швырну на вас этого араба,— спокойно произнес я, сравнивая каштановый цвет ее волос с пунцово-оранжевым цветом неба над нею.— Он, между прочим, очень тяжелый.

Затем, секундой раньше, чем отпустить, она усилила хватку, причем намного сильнее, чем мгновение назад, но я знал, что это шутка. Через мгновение она опять оказалась рядом с Миштиго, и мы снова двинулись в путь.

Что ж, женщины никогда не дают мне пощечин, потому что я всегда успеваю подставить лицо нужной щекой, а они боятся лишая. Поэтому, как мне кажется, им остается единственное в этом случае — слегка придушить меня.

— Ужасающе интересно,— сказала Красный Парик.— Очень непривычное ощущение. Будто внутри меня что-то танцевало вместе с ними. Странное это ощущение. Я, по сути дела, не люблю танцы — какого угодно рода...

— Какой у вас акцент?— прервал я ее.— Никак не могу определить, какой местности он соответствует.

— Сама не знаю,— засмеялась она.— Я в некотором роде франко-ирландского происхождения. Жила на Гебридах, потом в Австралии, Японии...

Хасан застонал и напряг свои мышцы. Я ощутил резкую боль в плече.

Я усадил его у порога какого-то дома и стал вытряхивать из него различные орудия его ремесла. Здесь были два метательных ножа, еще один кинжал с тяжелой рукояткой, длинный охотничий нож с зазубренным лезвием, шнурки-удавки и небольшая металлическая коробка, содержавшая различные порошки и пузырьки с жидкостями, которую я опасался проверять. Мне очень понравилась острая свайка, и я оставил ее себе...

* * *

На следующий день — вернее, вечер — я поил старого Фила, чтобы прихватить его с собой, намереваясь использовать его в качестве оплаты за допущение в свиту Дос Сантоса в «Ройале». Рэдпол все еще относился к нему с почтением, считая его чем-то вроде второго Ома Нейка, сторонника возврата к старому, хотя он начал убеждать в своей непричастности к этому движению еще полвека назад, когда напустил на себя мистицизм и респектабельность.

В то время как его «Зов Земли» — по всей вероятности, лучшее из всего, что он написал — гремел по всей матушке-Земле, увидели свет несколько статей о Возврате, что помогло вызвать именно то волнение, которое я сам хотел начать.

Сейчас он может сколько угодно отрекаться от этого, но тогда он был настроен возмутителем спокойствия, и я уверен, что он и сейчас с удовольствием вернулся бы к своей прежней мысли.

Кроме того, мне нужен предлог: я хотел бы посмотреть, как чувствует себя Хасан после прискорбной взбучки, которую он получил на «хоупфере». На самом же деле я жаждал получить возможность переговорить с этим арабом и выяснить, что он соблагоизволит, если только найдет нужным, рассказать мне о своем последнем поручении.

Идти от здания Управления до «Ройала» было совсем немного. У нас с Филом ушло всего семь минут неспешного шага.

— Вы закончили писать элегию в мою честь? — спросил я.

— Я все время работаю над ней.

— Вы повторяете это добрых двадцать лет. Мне хотелось бы, чтобы вы поспешили, потому что я боюсь, что не смогу прочесть ее.

— Я бы мог показать некоторые другие отличные вещи: посвященные Лорелу, Джорджу, даже одна в честь Дос Сантоса. У меня есть еще множество знаменитых имен. Ваше же для меня представляет проблему.

— Почему?

— Мне хочется, чтобы она была современной. Вы же не стоите на месте, все время что-то делаете, меняетесь...

— Вы не одобряете этого?

— У большинства людей хватает благодушия совершить что-либо в течение первой половины своей жизни и остановиться на достигнутом. Элегия в их честь не представляет для меня особых хлопот. У меня их полным-полно. Но я опасаюсь того, что ваша элегия будет совершенно не соответствовать вашему облику на тот момент, когда она будет закончена. Такая работа меня не устраивает. Я предпочитаю обдумывать тему на протяжении многих лет, тщательно взвешивая все стороны человеческой индивидуальности, не подгоняя себя. Вы, люди, чья жизнь подобна песне, вызываете у меня тревогу. Я считаю, что вы пытаетесь вынудить меня написать о вас нечто эпическое, а я становлюсь слишком стар для этого. Иногда я что-то упускаю.

— Я полагаю, что вы становитесь несправедливым, — сказал я ему. — Другим уже посчастливилось прочитать оды в их честь, а на мою же долю осталось выполнить лишь пару эпиграмм.

— Могу вам сказать, что у меня есть предчувствие, что я совсем скоро закончу элегию в вашу честь. И я постараюсь своевременно прислать вам экземпляр.

— О! А откуда у вас такое предчувствие?

— Разве можно определить источник вдохновения?

— И все-таки расскажите...

— Это пришло мне в голову, когда я размышлял. Я тогда составлял элегию для одного веганца — просто, разумеется, чтобы поупражняться. И вот тут я понял, что думаю о том, что скоро закончу элегию в честь грека. — Он на мгновение задумался. — Представьте себе чисто умозрительно, как двух разных людей, каждый из которых выше другого, пытаются сравнить друг с другом.

— Это можно сделать, если я встану перед зеркалом и буду переминаться с ноги на ногу. У меня одна нога короче другой. Так что я могу себе представить. И что же из этого?

— Ничего. У вас совершенно иной подход к проблеме.

— Это культурная традиция, от которой мне никак не избавиться. Вспомните узлы, лошадей — Горашиб, Трою. Понимаете? Коварство и хитрость у нас в крови.

Десяток шагов он молчал.

— Так что же: орел или решка? — спросил я у него наконец.
— Простите?
— Это загадка Калликанзаридов. Выбирайте!
— Решка!
— Неправильно.
— А если бы я сказал «орел»?
— Хо-хо. У вас был только один шанс. Правильный ответ тот, который угоден Калликанзариду. Вы проиграли бы в любом случае.
— В этом есть определенный произвол, не так ли?
— Именно таковы Калликанзариды. Это скорее греческое, а не восточное искусство утонченного коварства. И они не такие загадочные, потому что наша жизнь часто зависит от ответа, а Калликанзариды, как правило, желают, чтобы противник проиграл.
— Почему?
— Спросите у следующего Калликанзарида, которого встретите. Если только такая возможность вам еще предоставится.
Мы вышли на нужный нам перекресток.
— Почему вы неожиданно снова связались с Рэдполом? Вы же давно должны были уйти в отставку.
— Я ушел в подходящее время и все, что меня с ним связывает, эта мысль: удастся ли снова возвратиться, как в добрые старые времена? Появление Хасана всегда что-то означает, и я хочу знать, каково это что-то.
— Вас не тревожит, что я вас разыскал?
— Нет. Это может вызвать определенные неудобства, но я сомневаюсь в том, что ожидается фатальный исход.
Здание «Ройяла» возвышалось над нами. Мы вошли внутрь, постучали в дверь из темного дерева и услышали:
— Входите.
— Привет, — произнес я, заходя туда.
Добрых десять минут прошло прежде, чем мне удалось повернуть разговор к прискорбному случаю с бедуином, но тут же Красный Парик отвлекла меня, появившись в комнате.
— Доброе утро, — сказала она.
— Добрый вечер, — усмехнулся я.
— Что нового в мире искусства?
— Ничего.
— Памятники?
— Нет.
— Архивы?
— Нет.
— Какой, интересно, работой вам приходится заниматься?
— О, она слишком разрекламирована благодаря усилиям нескольких романтиков в бюро Информации. На самом деле все, что мы делаем — это таскаем, восстанавливаем и сохраняем записи материальной культуры, которые составлены на Земле человечеством.
— Что-то вроде мусорщиков культуры?

— Что-то вроде этого. Я думаю, что более верное сравнение вряд ли можно было бы придумать.

— Ну, а зачем?

— Что «зачем»?

— Почему вы это делаете?

— Кто-то же должен этим заниматься, потому что это все-таки мусор культуры. Поэтому-то его и стоит собирать. Я уверен, что мой мусор — лучшее, чем что-либо другое на Земле.

— Вы преданы этому делу настолько же, насколько скромны! Это тоже довольно неплохо.

— Кроме того, тогда выбор был не таким уж и большим — когда я предложил свои услуги. Нельзя забывать, что тогда этого мусора было очень много.

Она предложила мне бокал, немного отпила из своего и сказала:

— Они на самом деле еще здесь?

— Кто?

— Боги и Компания. Старые боги. Вроде Ангилсоу. Я считаю, что они все давно покинули нашу Землю.

— Нет, они не покинули ее. Только то, что большинство из них похожи на нас, не означает вовсе, что они поступают подобно нам. Когда люди покидают нашу Землю, они не предлагают своим богам отправиться вместе с собой, а у Бога есть своя собственная гордость. А кроме того, возможно, они должны были оставаться в любом случае, это называется «апанке» — судьба смерти. От нее не уйти.

— Так же, как и от прогресса?

— Да... Если уж говорить о прогрессе, то не улучшилось ли состояние Хасана? В последний раз, когда я его видел, он был совсем плох.

— Улучшилось. С таким толстым черепом нечего бояться. Как с гуся вода...

— А где он?

— В зале для игр.

— Мне хотелось бы лично выразить ему свое сочувствие. Вы меня извините?

— Извиняю,— сказала она, поклонившись.

Повернувшись, она направилась послушать, о чем беседуют Дос Сантос и Фил. Фил, разумеется, очень обрадовался ее приходу.

И никто не обратил внимания на мой уход.

Зал для игр был расположен в другом конце длинного коридора. Приближаясь, я услышал, как один резкий звук отрывисто следовал за другим примерно через равные промежутки времени.

Я открыл дверь и заглянул внутрь.

Кроме него в зале никого не было. Он стоял спиной ко мне, но, услышав, как дверь открылась, быстро обернулся. На нем был длинный пурпурный плащ-халат, в правой руке нож. Затылок его прикрывал здоровенный кусок пластыря.

— Добрый вечер, Хасан.

Рядом с ним находился поднос с ножами. Мишень он разместил

у противоположной стены. Из мишени торчало два лезвия — одно в центре и одно примерно в шести дюймах от центра, слева от него.

— Добрый вечер,— не спеша ответил он.— Как ваши дела?— спросил он, немного помолчав.

— О, прекрасно. Я пришел, чтобы задать этот же вопрос. Как ваша голова?

— Очень сильно болит, но уже не так, как прежде.

Я закрыл за собой дверь.

— Прошлым вечером вам, видимо, что-то пригрезилось?

— Да. Мистер Дос Сантос рассказал мне, как я боролся с привидениями... Но, к сожалению, этого я сейчас не помню.

— Не накурились ли вы той дряни, которую толстяк доктор Эммет называет каннабасисом?

— Нет, Карачи. Я курил одно растение, которое питается человеческой кровью. Я нашел его возле древнего Константинополя и постарался очень тщательно высушить его цветы. Одна старуха сказала мне, что с его помощью можно заглядывать в будущее. Но она мне солгала, это...

— Так что, выпитая цветком-вампиром кровь побуждает к насилию? Это нечто новое, достойное того, чтобы записать. Между прочим, вы только что назвали меня Карачи. Я бы хотел, чтобы вы называли меня в дальнейшем таким образом как можно реже. Меня зовут Номикос Конрад.

— Да, Карачи. Я был удивлен, увидев вас. Я полагал, что вы давным-давно умерли, когда ваша лодка взорвалась в заливе.

— Карачи тогда и умер. Вы никому не рассказывали, что я на него похож?

— Нет. Я не болтлив.

— Это очень хорошая черта.

Я пересек комнату, выбрал нож, взвесил его на руке и метнул. Он вонзился дюймах в десяти от центра мишени.

— Вы давно работаете на господина Дос Сантоса?— спросил я его.

— Примерно месяц,— ответил араб и тоже метнул нож. Он воткнулся в пяти дюймах от центра мишени.

— Вы его телохранитель?

— Да. Мне поручено также заботиться о синекожем.

— Дос говорит, что опасается за жизнь Миштиго. Такая угроза существует на самом деле или же он просто перестраховывается?

— Возможно и то, и другое. Не знаю. Он платит мне только за то, чтобы я нес охрану.

— А если я заплачу вам больше, вы скажете мне, кого вас наняли убить?

— Меня наняли только как телохранителя, но будь по-иному, я вам бы все равно ничего не сказал.

— Я так не считаю. Давайте заберем ножи.

Мы пересекли зал и повытаскивали ножи из мишени.

— А теперь, если все-таки я буду вашей жертвой, что вполне возможно,— продолжал я,— почему бы вам не уладить все прямо

сейчас? Каждый из нас держит по два клинка. Тот, кто выйдет живым из этой комнаты, скажет, что на него напал другой, и ему пришлось прибегнуть к самообороне. Свидетелей нет. Но вас вчера видели пьяным и очень расстроенным.

— Нет, Карачи.

— Что нет? Нет — значит, что это не я? Или нет — потому что вы не можете выполнить свою работу подобным образом?

— Я мог бы сказать, что это не вы. Но все равно вы не знали бы, правду ли я сказал или нет. Разве это не так?

— Верно.

— Я еще мог бы сказать, что не хочу так поступать.

— И это действительно так?

— Но я вам ничего же не сказал, Карачи. И все же, чтобы вы были удовлетворены ответом, я скажу вам вот что. Если бы я пожелал убить вас, я не сделал бы этого, имея в руке нож. И я бы не выбрал в качестве оружия борьбу.

— Почему?

— Потому, что много лет раньше, когда я был еще мальчишкой, я работал на курорте в Керчи, обслуживал столики состоятельных клиентов, негоциантов. Тогда вы обо мне ничего не знали. Я только-только покинул свой Памир. Тогда вы и ваш друг прибыли в Керчь.

— Теперь я вспомнил. Да... В том году умерли родители Фила. Они были моими хорошими друзьями — и я собирался отправить Фила в университет. Но тут подвернулся какой-то веганец, который увел у него первую жену и отправился с ней в Керчь. Да, это был... Забыл его имя.

— Это был Прильпай Диго. И он был похож на гору, возвышающуюся на краю огромной долины — высокий, казалось, его невозможно было сдвинуть с места. Он боксировал на веганский манер, кулаками, обвязанными кожаными ремнями с десятью заостренными шипами, торчащими вокруг всей руки.

— Да, я помню...

— Вы никогда прежде не дрались таким способом, но боролись с ним за эту девушку. Собралась огромная толпа из веганцев и земных женщин, даже я забрался на стол, чтобы лучше видеть происходящее. Уже через минуту ваша голова была в крови. Он все хотел, чтобы кровь потекла по вашим глазам, но вы упорно стряхивали ее. Мне было тогда пятнадцать лет. И к тому времени я убил всего лишь троих. Я думал, что вы вот-вот умрете и я так и не дождусь, что вы дотронетесь до него. А затем ваша правая рука молотом обрушилась на него с непостижимой быстротой! Вы ударили его прямо в середину той двойной кости, которая есть на груди синекожих — а кости у них более прочные, чем у нас, а вы раскололи его, как яйцо. Я бы никогда не смог бы сделать ничего подобного. В этом-то уж я уверен — и вот я узнал, что вы сломали хребет крысс-паука... Нет, Карачи, я убивал бы вас только с почтительного расстояния...

— Но ведь это же было так давно... Я считал, что никто не помнит этого.

— И вы отвоевали девушку!

— Да. Правда, я сейчас уже забыл ее имя.

— Но вы не вернули ее назад, поэтому, наверное, он и ненавидит вас.

— Фил? Из-за этого... Я даже забыл, какой она была на вид.

— Зато он ничего не забыл. Вот почему, как мне кажется, он вас ненавидит. Я чую эту ненависть, чую ее источник. Вы отобрали у него его первую жену! И я был этому свидетель.

— Это была ее собственная мысль.

— Вот он и страдает, а вы остаетесь молодым! Печально, Карачи, когда у друга есть причины ненавидеть друга.

— Да.

— Вот почему и я не отвечаю на ваши вопросы.

— Может ли случиться такое, чтобы вас наняли убить веганца?

— Может.

— Почему?

— Я сказал, что это возможно, а не то, что это свершившийся факт.

— Тогда я задам вам еще вопрос, и делу конец. Ну что хорошего, если веганец умрет? Его научная книга, может быть, была бы очень полезной для улучшения взаимоотношений между людьми и веганцами.

— Не знаю, что здесь могло бы быть хорошего, Карачи. Я предлагаю вот что: давайте лучше перейдем к нашим ножам.

Мы так и сделали. Я наконец уловил особенности этих ножей и воткнул два подряд в центр мишени. После этого два ножа просвистели рядом с моими, причем я даже слышал, как последний лязгнул о лезвие одного из моих ножей, и он завибрировал, как защемленная пила.

— Скажу вам вот что,— произнес я, снова вытаскивая нож.— Я старший в этой поездке и отвечаю за безопасность всех ее участников. Поэтому я так же буду охранять и веганца.

— Это было бы довольно неплохо, Карачи. Защита ему будет нужна.

Я положил ножи на поднос и двинулся к двери.

— Мы отправляемся, да будет вам известно, завтра в десять часов утра. Конвой скиммеров ждет нас на первой взлетной площадке на территории Управления.

— Хорошо. Спокойной ночи, Карачи.

— Я же вас просил: зовите меня Конрад. Хорошо?

— Да.

Я закрыл дверь, но эхо ударов ножей о мишень долго и неотступно преследовало меня...

Глава 4

Пока шесть больших скиммеров пересекали океан, держа курс на Египет, я в своих мыслях перенесся на остров Кос, к Кассандре, а затем не без труда оторвался от своих мыслей и стал думать о поджидающей нас таинственной стране песков Ниле, о крокодилах, мутан-

тах, о мертвых фараонах, вечный сон которых ныне был потревожен одним из моих недавних проектов.

Затем я стал размышлять о человечестве, устроившемся на посадочной станции на Титане, работающем в Земном Управлении, терпящем унижения на Галере и Бакабе, гнущем спины на Марсе и перебивающемся случайной работой на Рильпахе, Витане, Дивбахе и добром десятке планет Веганской Лиги. После этого мысли мои вернулись к самим веганцам.

Эта раса синекожих людей, с их чудными лицами и смешными фамилиями, пригрела и накормила нас, холодных и голодных. Она высоко оценила тот факт, что наши колонии на Марсе и Титане были неожиданно вынуждены перейти на самообеспечение и сумели выстоять целое столетие — после тех злополучных Трех Дней, прежде чем был изобретен достаточно надежный межзвездный транспорт.

Подобно жуку-вредителю (сравнение Джорджа Эммета) мы стали искать себе второй дом, потому что испоганили свой прежний. Прибегали ли тогда веганцы к инсектицидам? Нет! Это была древняя мудрая раса, она позволила нам поселиться на их планетах, жить и работать в их городах, на их материках и посреди моря. Потому что даже такой высокоразвитой цивилизации, как веганская, требуется ручной труд существ с отдельным большим пальцем.

Хороших домашних слуг нельзя заменить никакими машинами. Неменьший спрос имеется также на механиков, обслуживающих машины. А также хороших садовников, рыбаков, шахтеров, работников искусств, особенно если речь шла об искусстве ранее неведомой расы. Разумеется, было общепринято, что наличие мест проживания людей понижало стоимость смежных районов, населенных веганцами, но с лихвой компенсировалось вкладами людей в увеличение общего благосостояния привилегированных веганцев в целом.

Мысль об этом вернула меня на Землю. Веганцы никогда прежде не сталкивались с совершенно разоренной цивилизацией, и поэтому наша родная культура произвела на них довольно глубокое впечатление.

Они были очарованы нами, очарованы настолько, что даже решили терпеть находящееся на Галере наше правительство. Очарованы настолько, что за баснословные деньги покупали билеты для посещения Земли, и это только для того, чтобы поглазеть на развалины некогда богатой цивилизации. Очарованы даже в такой степени, что покупали на Земле обширные территории и устраивали там курорты.

Есть какая-то особая притягательная сила у планеты, постепенно превращающейся в музей (нечто подобное некогда сказал о Риме Джеймс Джойс).

Вот таким-то образом мертвая Земля все еще приносит своим внукам небольшой, но весьма ощутимый доход каждый финансовый веганский год. Вот почему существует управление. С этим живут Лорел, Джордж, Фил и все остальные.

В какой-то мере даже я сам.

Далеко внизу серо-голубой ковер океана казался темно-бурой

землей материка, а вскоре он и на самом деле кончился. Мы приближались к Новому Каиру.

Посадка была произведена за пределами города. По сути дела здесь не было взлетно-посадочной полосы. Мы просто опустились на шести скиммерах на свободную площадку и оставили Джорджа в качестве часового.

В старом Каире уровень радиации все еще был высок, поэтому люди, с которыми приходилось иметь дело, живут главным образом в Новом Каире. Это облегчало проведение экскурсии.

Миштиго хотел посмотреть мечеть Конг-бай в Городе Мертвых, уцелевшую после Трех Дней. Он настоял на том, чтобы я пустил его в свой скиммер, и мы сделали несколько кругов на небольшой высоте.

Миштиго при этом делал фотоснимки и любовался видами развалин. Что касается памятников, то ему хотелось осмотреть пирамиды Лукеса и Карнака в долине царей и цариц.

К нашему счастью мы осмотрели мечеть только с воздуха. Внизу под нами сновали какие-то быстрые темные тени, останавливаясь только для того, чтобы швырнуть камни в наши аппараты.

— Кто это? — поинтересовался Миштиго.

— Пораженные радиацией,— ответил я.— Люди-мутанты. Они очень различаются размерами, формами и степенью умственной и моральной деградации.

После нескольких кругов он удовлетворенно улыбнулся, и мы вернулись в лагерь. Отсюда мы двинулись по разбитой дороге — два временных помощника, я, Миштиго, Дос Сантос, Красный Парик, Эллен и Хасан.

Постепенно дорога становилась шире. То тут, то там стали попадаться пальмы, дававшие некоторую тень. Коричневые дети с огромными глазами смотрели нам вслед. Они присматривали за обширной территорией, на которой паслась шестиногая корова, которая, как и тысячу лет назад, подобно всем этим существам, вертела водоподъемное колесо, причем единственным отличием при этом было то, что она оставляла на песке не четыре, а шесть отпечатков копыт.

Мой уполномоченный в этой местности Рамзес Смит встретил нас на постоялом дворе. Его загорелое лицо было покрыто густой сетью морщин. У него были типичные для таких людей печальные глаза, однако он время от времени весело смеялся, что несколько скрашивало общее грустное впечатление, которое он производил.

Мы сидели, потягивая пиво в главной комнате двора, дожидаясь Джорджа. Местные часовые должны были сменить его у скиммеров.

— Работа продвигается довольно быстро,— сообщил мне Рамзес.

— Хорошо,— кивнул я, весьма довольный тем, что никто не спрашивал меня, в чем, собственно, состоит эта «работа». Мне хотелось уловить удивление на лицах присутствующих.

— Как поживают ваши жена и дети? — спросил я у управляющего.

— Спасибо. Вполне прилично.

— А новорожденный?

— Он выжил, и без каких-либо дефектов,— с гордостью сказал Рамзес Смит.— Я отправил свою жену на Корсику на время ее беременности. Вот это фото.

Я сделал вид, что внимательно изучаю карточку, издавая при этом одобрительные, как и положено, междометия.

— Если уж мы заговорили о снимках,— начал я,— то не нуждаетесь ли вы в дополнительном оборудовании?

— Нет, нет. У нас хорошая аппаратура. Все идет как по маслу. Когда вы хотели бы посмотреть работу?

— Сразу же после того, как что-нибудь перекусим.

— Вы — мусульманин? — вмешался в разговор Миштиго.

— Я испанской веры,— серьезно ответил Рамзес.

— На самом деле? Это ведь та самая метафизическая ересь, которая отрицает тройственную природу Христа?

— Мы не считаем себя еретиками!

Я сидел, размышляя о том, насколько правы были мы, греки, выпустив на свободу логику в этот несчастный мир. Ход моих мыслей прервал Миштиго, пустившись в перечисление забавного перечня изречений христианской ереси.

В порыве ярости за то, что мне пришлось быть гидом в этом путешествии, я записал их все в журнал путешествий.

Позднее Лорел сказал мне, что это был отличный, хорошо отработанный документ, что лишний раз доказывает, насколько мерзко я должен был чувствовать себя тогда. Я даже случайно занес туда анекдот о случайной канонизации Будды как святого Иософата в шестнадцатом столетии.

В конце концов, пока веганец сидел здесь и высмеивал нас, я понял, что или сейчас нагрублю ему, или переменю тему для разговора. Поскольку я сам христианином не был, эта теологическая комедия ошибок вовсе не оскорбляла мои религиозные чувства. Меня гораздо больше тревожило то, что представитель чужой нам расы снизошел до того, чтобы потрудиться над исследованием с целью выставить нас в качестве скопища идиотов.

Еще раз осмысливая все это сейчас, я понял, что был неправ. Успех видеоленты, которую я тогда делал, подтверждает более позднюю мою гипотезу в отношении веганцев: они сами себе настолько дьявольски наскучили, а мы были для них настолько новы и неизвестны, что они в равной степени ухватились как за наши извечные философские проблемы, так и за религиозные.

Это в полной мере относилось и к их представителю, бывшему тогда перед нами во плоти. Они мало разбирались в истинности тех или иных проблем и порядком погрязли в разбирательстве: кто на самом деле писал пьесы Шекспира, действительно ли Наполеон умер на острове Святой Елены, кто первый из европейцев вступил на американский континент и является ли книга Гарри Деникена свидетельством посещения Земли разумными существами, им неизвестными, и так далее.

Высокоразвитое общество Веги прямо-таки с аппетитом набрасывалось на наши средневековые теологические споры. Забавно!

— О вашей книге, Миштиго,— перебил я веганца.

— Да?

— У меня впечатление,— начал я,— что вы не желаете никоим образом никогда и нигде нарушать ее обсуждение. Я уважаю, разумеется, подобные чувства, но это ставит меня в несколько неудобное положение как главу этой поездки.

Мы оба поняли, что подобный вопрос мне следовало поднять, будучи с ним наедине, особенно после его ответа Филу на приеме в Порт-о-Пренсе, но я хотел расшевелить его своими придирками и переменить тему разговора.

— Меня очень интересует, будет ли это прежде всего отчет о тех местах, которые мы посетили, или вы хотели бы, чтобы вам оказали помощь, обращая внимание на местные особенности различного рода... ну, скажем, политические или культурные.

— Меня прежде всего интересует составление описания дневника путешественника,— сказал веганец.— Однако, я буду очень благодарен вам за то, что вы сможете сопровождать нашу поездку. Я считаю, что в этом, в любом случае, заключалась ваша работа. У меня ведь только общие представления о земных традициях и текущих событиях, и я не очень-то силен в этих подробностях.

Дос Сантос, раскуривая свою трубку, не преминул задать вопрос:

— Сэр Миштиго, как вы относитесь к движению за Возвращение? Сочувственно или считаете, что это — мертвое дело?

— Да,— ответил веганец,— именно так я и считаю. Я уверен, что игра не стоит свеч. Я отношусь с уважением к таким намерениям, но не представляю, каким образом вы надеетесь их осуществить. Почему ваши люди должны отказаться от уверенности в будущем, которым они ныне располагают, ради того, чтобы вернуться на эту, некогда пусть даже и породившую их планету? Большинство представителей ныне живущего поколения никогда в жизни не видели Земли, они знают ее только по видеоснимкам, и вы должны признать, что они вряд ли являются достаточно убедительными документами...

— Я с вами не согласен,— перебил веганца Дос Сантос,— и нахожу ваше отношение к нам до отвращения аристократическим.

— Таким ему и надлежит быть,— ответил Миштиго.

Джордж и Диана появились почти одновременно. Официанты стали расставлять тарелки.

— Я бы предпочел есть за отдельным столиком,— сказал Дос Сантос официанту.

— Вы здесь потому, что сами напросились,— напомнил я.

Он украдкой взглянул на Диану, которая, как оказалось, сидела справа от меня. Я заметил едва заметное движение ее головы сначала влево, потом вправо.

Дос Сантос овладел собой после моего критического замечания, слегка поклонился и улыбнулся:

— Простите мой латино-американский темперамент,— сказал

он.— Мне вряд ли следовало ожидать, что я обращу кого-нибудь в сторонников Возвращения всего лишь за пять минут — и мне всегда трудно скрывать свои чувства.

— Это нечто очевидное,— улыбнулся я.— А сейчас давайте есть.

Он сел напротив нас, рядом с Джорджем.

— Взгляните-ка на этого сфинкса,— сказала Красный Парик, указывая на гравюру на дальней от нее стене.— Речь его чередовалась длинными промежутками молчания и загадки, старая, как сама природа. Он уже не открывает рта, а просто выжидает. Чего он ждет? Кто знает?

Дос Сантос быстро взглянул на веганца, затем снова на Диану, но так ничего и не сказал.

Я попросил передать мне соль. Мне хотелось, очень хотелось осыпать ее солью так, чтобы она стала неподвижной, и изучать ее без особой спешки, но вместо этого я посолил картофель.

Почаще глядите на Сфинкса!..

* * *

Солнце высоко в небе, короткие тени, жара — вот как это было. Я не хотел, чтобы сцена была испорчена скиммерами или песчаными вездеходами, поэтому я заставил всех отправиться пешком. Идти было недалеко, и я сделал небольшой крюк, чтобы добраться до места с ожидаемым эффектом.

Мы прошли гораздо больше мили — дорога шла то вверх, то вниз. Я отобрал у Джорджа его сачок для бабочек, чтобы предоставить ему паузы, когда мы несколько раз проходили мимо полей, лежавших на нашем пути.

Над головой пролетали птицы с ярким оперением, далеко, почти у самого горизонта, была видна пара верблюдов. Невысокая смуглая женщина прошла семенящей походкой мимо нас, держа на голове высокий кувшин. Миштиго отметил этот факт в своей карманной книжке с запоминающим устройством.

Я кивнул женщине и поздоровался с ней. Женщина поздоровалась в ответ, но головой, естественно, даже не пошевелила.

Эллен, вся взмокшая, обвязала себя большим треугольным веером из перьев. Красный Парик шла не сгибаясь, крохотные бусинки пота скопились на ее верхней губе, глаз не было видно из-за стекол поляроидов.

Наконец мы добрались, взойдя на последний невысокий холм.

— Смотрите! — показал рукой Рамзес.

— Матерь божья! — по-испански воскликнул Дос Сантос.

Хасан что-то пробурчал.

Красный парик быстро повернулась ко мне, затем снова отвернулась. Из-за очков я не уловил выражения ее лица.

Эллен не переставала обмахиваться веером.

— Что это они там делают? — спросил Миштиго.

Я впервые видел, что он искренне удивлен.

— Они разбирают великую пирамиду Хеопса,— сказал я.

Немного выждав, Красный Парик спросила:

— Почему?

— Как раз сейчас,— сказал я ей,— существует острая нехватка строительных материалов в этой местности, а развалины старого Каира все еще радиоактивны. Поэтому и нарушается правильность геометрических форм этого древнего сооружения.

— Они же оскверняют памятник величия человеческой расы!— воскликнула она.

— Нет ничего дешевле былой славы,— заметил я.— Настоящее — вот что интересует нас сейчас, и нам именно сейчас нужны строительные материалы.

— И сколько же времени длится это безобразие?— скороговоркой спросил Миштиго.

— Разборку начали три дня назад,— пояснил Рамзес.

— Что дает вам право поступать подобным образом?

— Имеется разрешение Земного филиала Департамента искусств, памятников и архитектуры.

Миштиго повернулся ко мне, его янтарные глаза странно сверкали.

— Вы?..— выдохнул он.

— Я,— удостоверил я,— являюсь уполномоченным по подобным делам. Все правильно.

— Почему же никому не известно о подобных ваших акциях?

— Потому что очень немногие забираются в эту глушь,— разъяснил я.— И это является еще одной веской причиной разборки этой штуковины. На нее теперь почти никто не смотрит. И я на самом деле имею полномочия разрешать подобные акции.

— Но я прибыл с другой планеты, чтобы увидеть ее!

— Что ж, смотрите, да побыстрее,— сказал я ему,— скоро ее не станет.

Он обернулся и впился в меня взглядом.

— Вы, очевидно, не имеете ни малейшего представления о действительной ценности этого сооружения. Либо, если и имеете...

— Как раз наоборот. Я точно знаю, какова ее ценность.

— И эти несчастные создания, которых вы заставляете так трудиться,— голос веганца становился все выше по мере того, как он наблюдал происходящее,— под палящими лучами Солнца, вашего гнусного Солнца — ведь они работают в самых примитивных условиях! Вы хоть слышали когда-нибудь о простейших механизмах?

— Разумеется. Но и они довольно дороги.

— А ваши надсмотрщики не расстаются с бичами,— указывающий перст инопланетянина гневно дрожал в жарком воздухе.— Как вы только можете так обращаться со своими соотечественниками! Это же извращенность!

— Все эти люди согласились работать добровольно, за символическую плату. Да и совесть актера не позволяет им пускать в ход плети, даже в том случае, если люди будут сами просить об этом. Все, что мы позволяем им делать — это шумно рассекать бичами воздух...

— Совесть актеров?

— Они — члены союза. Хотите взглянуть на кое-что интересное? — Я сделал знак рукой. — Взгляните-ка вон на тот холм.

— Что там происходит?

— Мы снимаем фильм.

— Зачем?

— Когда мы закончим разборку, мы собираемся смонтировать из полученной пленки фильм под названием «Строительство Великой Пирамиды». Ведь если прокрутить пленку назад, то должно получиться кое-что интересное. Это может оказаться смешным, но нам нужны деньги. Ваши историки высказывают различные предположения о том, каким же, собственно, образом нам удавалось возводить подобные сооружения. Этот фильм может доставить им некоторое удовлетворение. Я решил, что лучше всего здесь подходит грубая сила и невежество масс.

— Грубая сила? Невежество?

— Да, да. Смотрите, как они наваливаются друг на друга, как быстро вскакивают. В фильме все будет наоборот. Вес камней будет их давить, они будут падать от неимоверных усилий. Это будет первый снятый фильм за многие годы! И я уверен, что им очень нравится участвовать в съемке величественного произведения искусства!

— Вы — безумец! — провозгласил Дос Сантос, глядя на пирамиду.

— Нет, — покачал я головой. — Отсутствие монумента может быть в своем роде само по себе чем-то таким вроде монумента.

— Монумента в честь Конрада Номикоса? — засмеялся веганец.

— Нет, — вмешалась Красный Парик. — В такой же мере, как искусство созидания, существует также искусство разрушения. Я думаю, он как раз в нем и собирается преуспеть. Он изображает из себя нового Калигулу. Похоже, я даже начинаю понимать почему!

— Благодарю вас, — поклонился я.

— Я вовсе не одобряю это, хотя актеры с любовью играют свою роль.

— Любовь — это отрицательная форма ненависти, — пожал я плечами.

— Я умираю. Египет умирает, — нараспев произнесла Эллен.

Миштиго рассмеялся.

— Вы более трудный человек, Номикос, чем я. Нельзя было даже такого предположить. Но вы вовсе не незаменимы.

— Ну, так попробуйте уволить Гражданскую службу, в том числе и меня.

— Это может быть легче, чем вы думаете.

— Посмотрим.

— Обязательно!

Мы снова повернулись к пирамиде Хеопса. Миштиго принялся за свои записи.

— Мне хотелось бы, чтобы вы лучше смотрели на все происходящее через... Вообще, давайте пока покинем это место. Наше присутствие мешает работе и тем самым вызывает напрасную трату драго-

ценной для нас пленки. Как только фильм будет готов, я обязательно приглашу вас на первый просмотр.

— Да. Я посмотрел все, что хотел. Давайте вернемся в гостиницу. Мне хочется побеседовать с кем-нибудь из местных жителей.— Он немного помолчал, а потом, будто размышляя, добавил.— Мне хотелось бы посетить Луксор, Карнак и Долину Царей раньше, чем это предусматривается графиком. Я надеюсь, что вы еще не начинали демонтаж этих заповедных мест?

— Пока еще нет.

— Хорошо. Значит, мы должны побывать там, опережая ранее составленные графики.

— Только бы не оставаться здесь,— устало произнесла Эллен.— Эта жара сводит меня с ума.

По дороге на постоялый двор, Диана спросила у меня:

— Вы действительно имели в виду именно то, что говорили сегодня?

— В определенном смысле. Для меня это естественно.

— И как же вы относитесь к этому?

— Совершенно спокойно.

Всю остальную часть пути на ее лице не было прежнего выражения. Оно было слегка забавное...

Глава 5

Наша феллука скользила вдоль величественного вида колоннады Луксора. Миштиго сидел ко мне спиной, не отрывая глаз от этих колонн, и время от времени записывал на диктофон свои впечатления.

— Позвольте рассказать вам о боадилах,— сказал я.

— Где мы высадимся на берег?— спросил у меня Миштиго.

— Примерно в миле выше течения. Мне очень хочется рассказать вам кое-что о боадилах.

— Я знаю, что это такое. Нечто вроде помеси удава с крокодилом, не так ли? Я уже не раз упоминал, что изучил все, что есть на вашей планете.

— Читать о них — это одно...

— Но я видел их и живыми. В земном парке на Галере имеются четыре экземпляра животных.

— ...а видеть их на свободе — совсем другое дело.

— Вы и Хасан располагаете полным арсеналом. У вас за поясом три гранаты, у Хасана — четыре!

— Гранатой нельзя воспользоваться, когда боадил окажется рядом с вами. Это будет скорее самоубийство, а не самозащита. Да и передвигаются они довольно быстро!

Он наконец обернулся ко мне.

— А чем вы воспользуетесь в таких случаях?

Я вытащил оружие, которое всегда стараюсь иметь под рукой, когда попадаю в тропические области Земли.

Он внимательно осмотрел его.

— Как оно называется?

— Это автомат. Он стреляет метацианидовыми пулями. У них сила удара не менее тонны. Точность стрельбы небольшая, но в этом и нет необходимости. Прототипом этого оружия является так называемый «Шмайсер» — огнестрельное оружие двадцатого века.

— Он довольно громоздкий,— недоуменно заметил Миштиго.— Неужели с его помощью можно убить боадила?

— Если посчастливится,— усмехнулся я.— У меня еще есть пара штук в одной из коробок. Хотите один?

— Нет, благодарю вас.— Некоторое время он молчал, а затем произнес.— Но вы все-таки расскажете все известные сведения о боадилах? Тогда, когда я наблюдал за ними, они почти не высовывались из воды и казались весьма медлительными.

— Так вот... Голова этого зверя напоминает голову крокодила, только больше. Длина около двенадцати метров. Способны сворачиваться в огромный шар, ощетинившийся массой зубов. Они проворны как на суше, так и в воде. И наконец, у них множество маленьких ножек с каждой стороны, что обеспечивает им такую...

— Сколько ног?

— Гм-м... — я задумался.— По правде говоря, я никогда не считал их. Эй, Джордж,— обратился я к самому видному биологу Земли, в данный момент дремавшему в тени паруса.— Сколько ног у боадила?

— А-а,— голова его повернулась в нашу сторону.

Он поднялся, слегка потянулся, затем подошел к нам.

— Боадилы,— он как бы размышлял вслух.— Они, разумеется, из класса пресмыкающихся — в этом нет никаких сомнений. Однако относятся они к отряду чешуйчатых, что со всей серьезностью утверждают мои коллеги на Галере, но тут есть о чем поговорить. Лично я считаю, что они напоминают фоторепродукции, выполненные художником незадолго до Трех Дней, мезозойских фитозавров — разумеется, с дополнительным количеством ног и способностью сжиматься в клубок. Поэтому я предпочитаю относить их к отряду крокодилов.

Он облокотился о борт и стал смотреть на мелькающие воды реки. Я понял, что больше он не собирается говорить, и еще раз спросил:

— Так все-таки сколько ног у боадилов?

— Ног? Никогда не подсчитывал. Если нам повезет, то, возможно, такой случай предоставится. Они здесь водятся в изобилии. У меня был один молодой боадильчик, но он в неволе недолго протянул.

— И что же с ним случилось?

— Его сожрал мой гигантский утконос.

— Гигантский?

— Гораздо больше обычного — высотой более трех метров,— пояснил я.— Да и к тому же с зубами. Представляете? Насколько нам известно, их встречали всего раза три-четыре... в Австралии. Нам один достался совершенно случайно. Вероятно, как вид, они

скоро исчезнут — в отличие от боадилов. Они — яйцекладущие млекопитающие. Яйца их слишком малы, чтобы голодная планета позволила им существовать какое-то продолжительное время. Возможно, их сейчас осталось считанные единицы.

— Похоже, что так, — подтвердил Джордж. — Хотя, может быть, что и не так.

Миштиго отвернулся, качая головой.

Хасан частично распаковал своего робота-голема, и возился с его настройкой. Эллен в конце концов перестала обнажать свое тело под жгучими лучами по частям и теперь лежала на солнце, загорая нагишом.

Красный Парик и Дос Сантос о чем-то сговаривались. Эти двое никогда не уединялись просто так — у них всегда было что-то на уме. Величественные колонны остались за кормой, и я решил направить феллуку к берегу, чтобы посмотреть, что нового среди гробниц и развалин храмов...

* * *

Следующие шесть дней были хотя и небогаты событиями, однако в чем-то незабываемыми: они были заполнены активной деятельностью и были даже прекрасными в своем роде...

Похоже было, что Миштиго должен был брать интервью у каждой каменной глыбы, попадающейся нам на протяжении четырех миль пути до Карнака. В сиянии дня и при свете факелов мы пробирались среди руин, пугая летучих мышей, змей и насекомых, вынужденно слушали монотонную речь веганца, делившегося своими впечатлениями с диктофоном.

Ночью мы располагались лагерем на песчаных пляжах, устраивали двухсотметровую зону, снабженную электросигнализацией и выставляли двух часовых. Боадилы — животные хладнокровные, и поскольку ночи здесь были довольно прохладные, особенная опасность нам не угрожала.

Ночи озарялись огромными кострами всюду, где мы располагались на ночлег, в основном из-за того, что веганцу хотелось, чтобы все было как можно более примитивным — для создания надлежащей атмосферы, как мне кажется.

Мы отогнали наши скиммеры далеко на юг в одно хорошо знакомое мне место, и оставили их на попечение нескольких служащих Управления, сами же наняли феллуку.

Миштиго хотел путешествовать именно так. По вечерам Хасан либо упражнялся с асегаем, который он выменял у одного великана-убийцы, либо раздевался до пояса и часами боролся со своим не знающим усталости роботом. Он был настоящим противником. Хасан отрегулировал его так, чтобы силой он вдвое превосходил среднестатистического мужчину, а реакция была на 50% быстрее. Память робота содержала сотни борцовских приемов, а регулятор теоретически не давал ему возможности убить или покалечить своего партнера. Робот был высотой в полтора метра и весил добрых сто

двадцать килограммов. Изготовлен он был на Бакабе и стоил довольно больших денег.

Он был в какой-то мере карикатурой на человека, а мозг его, если такой имеется, размещался ниже того места, где располагался пупок у настоящего человека. Несмотря на все ухищрения конструкторов, несчастные случаи все-таки случались. Либо погибали от рук роботов, когда что-то портилось в их электронных мозгах, а зачастую вследствие собственных ошибок. Однажды я сам приобрел такую штуковину, и почти в течение целого года боксировал с ним по пятнадцать минут ежедневно. Я привык относиться к своему роботу, как к человеку. И все же, в один прекрасный день, он стал драться нечестно, и мне пришлось добрый час колотить его, пока я не вышиб из него остатки его поврежденного мозга. После этого я не заводил роботов, а этого продал одному торговцу верблюдами, притом, за немалую цену, хотя и неисправного. Не знаю, удалось ли тому починить робота, мне это было уже безразлично, потому что торговец был турком.

Хасану же очень нравилось возиться со своим спаринг-партнером при свете костра, а мы, сидя на одеялах вокруг костра, наблюдали за ними.

На третий вечер рассудок оставил меня.

Я вспоминал об этом отдельными фрагментами — как серию не связанных, освещенных молниями, моментальных снимков...

Я разговаривал с Кассандрой почти целый час и под конец передачи обещал ей на следующее утро вызвать скиммер, чтобы вечер провести с ней на острове Кос.

Я запомнил ее последние слова:

— Будь осторожен, Константин. Мне снятся дурные сны.

— Вздор, Кассандра. Спокойной ночи.

И кто знает, может быть, ее плохие сны были следствием ударной волны, двигавшейся назад во времени из точки отсчета, имевшей 9,6 баллов по шкале Рихтера.

Какой же жестокой злобой сверкали глаза Дос Сантоса, когда он аплодировал Хасану, швырнувшего своего робота на землю могучим броском. Однако земля продолжала трястись и после того, как робот поднялся на ноги и стал кружить вокруг араба, согнув руки в локтях. Земля еще долго тряслась и вибрировала.

— Какая мощь! Я еще до сих пор ощущаю, как дрожит земля! — воскликнул Дос Сантос.

— Это сейсмическое волнение,— усмехнулся Джордж,— хотя я не специалист в этой области.

— Землетрясение! — завопила его жена, освободившись из объятий Миштиго.

Причины бежать не было, да и убегать в общем-то было некуда. Вокруг не было ничего, что могло бы упасть на нас. Земля вокруг была ровная и почти гладкая. Поэтому мы просто сидели, а нас швыряло из стороны в сторону. Несколько раз нас даже опрокидывало. Невообразимой была пляска пламени костра.

Хасан отключил Голема и сел рядом со мной и Джорджем. Толч-

ки не затихали почти в течение часа, затем через некоторое время толчки, после небольшого перерыва, возобновились, но на этот раз с меньшей силой.

Так продолжалось всю ночь, а после того, как вторая волна землетрясения успокоилась, мы связались с Порт-о-Пренсом. Расположенные там приборы указывали на то, что эпицентр землетрясения находился на порядочном расстоянии от нас к северу. Это было очень плохим признаком, ибо это означало, что землетрясение произошло где-то в Средиземноморье. Скорее всего, в Эгейском море.

Неожиданно мне стало не по себе. Я старался связаться с островом Кос. Никакого ответа.

Моя Кассандра, моя любимая! Где она сейчас?

В течение двух часов я старался выяснить это. Затем снова связался с Порт-о-Пренсом. И мне ответили. И не кто-нибудь, а сам Лорел!

— Конрад! Я не знаю, как вам это сказать... То, что произошло...

— Ну, говорите же! — нетерпеливо потребовал я, чуть не крича в микрофон.— Говорите!!!

— Спутник-наблюдатель прошел над нашим районом около двадцати минут назад (эфир был заполнен треском помех). На телевизионном изображении, которое он передает в настоящее время, уже нет кое-каких островов в Эгейском море...

— Что?— закричал я.

— Боюсь, что Кос — один из них.

— Нет!!!

— Я очень сожалею,— сказал Лорел,— но именно это передает спутник. Даже не знаю, что еще сказать...

— Этого достаточно,— сказал я.— Вполне. До свидания. Мы еще поговорим с вами позже.

— Подождите, Конрад!

— Нет!!!

Я совсем потерял голову. Вокруг меня носились перепуганные летучие мыши. Я стал отмахиваться от них и даже убил одну, когда она устремилась ко мне.

Через некоторое время двумя руками я обхватил огромный камень и чуть было не разбил вдребезги радио, но Джордж положил мне руку на плечо, и я опустил камень, а тыльной стороной ладони ударил по его лицу.

Не знаю, что с ним стало, так как только я нагнулся, чтобы снова поднять камень, за моей спиной послышался звук шагов.

Я опустился на одно колено и повернулся, зачерпнув в ладонь горсть песка, чтобы швырнуть его в чьи-то глаза. Все остальные были уже здесь — Миштиго, Красный Парик, Дос Сантос, Рамзес, Эллен, трое местных служащих, Хасан — все они приближались ко мне.

Кто-то крикнул:

— Рассыпайтесь в разные стороны!

Увидев выражение моего лица, они развернулись веером. Затем все они слились в одно существо, которое я изо всех сил ненавидел какой-то животной ненавистью.

Мне хотелось колотить, бить, кромсать всех их. Они улыбались, скалили белые зубы, подступая ко мне, словно неясные черные тени. Казалось, с их губ слетали убедительные слова, казалось, что сама судьба руководит ими. И поэтому я швырнул песок в самого ближайшего из них и набросился на него.

Мой удар снизу перевернул его вверх тормашками, но сбоку на меня насели два египтянина. Я стряхнул их с себя и увидел краем глаза, что искусный в бою араб держит в руке нечто похожее на плод акала. Он размахнулся им в мою сторону, и поэтому я мгновенно нагнулся. Тогда он сам набросился на меня, но мне удалось ударить его головой в живот, он растянулся на земле.

Затем те двое, которых я расшвырял, снова схватили меня. Где-то в стороне громко кричала женщина, но нигде не было видно ни одной из них, по крайней мере я не видел ни одну из них.

Я вырвал правую руку и с размаху ударил кого-то. Противник полетел прочь, но его место занял другой. Прямо впереди какой-то синий человек запустил в меня камнем и попал в плечо. От боли я обезумел еще больше. Подняв чье-то сопротивляющееся тело, я со всей силы швырнул его в другого нападающего, затем нанес удар кулаком в чье-то лицо.

Я встряхнулся и осмотрелся. Все остальные тоже замерли. Это было нечестно, что они все застыли, когда мне так хотелось крушить всех и вся. Поэтому я поднял одного из них, что валялся у меня под ногами, и сильным ударом в челюсть еще раз свалил его на землю. Затем опять поднял, но кто-то завопил:

— Карагиозис!.. — и начал на ломаном греческом языке перечислять другие имена.

Я опустил свою жертву и обернулся.

Там, возле костра, находились двое: один высокий и бородатый, другой — приземистый, тяжелый, с лысой головой, будто вылепленный из смеси земли и замазки.

— Мой друг говорит, что он раздавит тебя, грек! — отозвался высокий, что-то делая за спиной другого.

Я двинулся на них, но человек из замазки и грязи метнулся на меня. Он сделал мне подножку, но я быстро вскочил, схватил противника под мышки и бросил его через бедро. Но тот вскочил на ноги так же быстро, как и я, и снова бросился на меня, схватив меня одной рукой за шею. Я тоже схватил его за шею и еще за локоть — наши объятия сомкнулись, но его были сильнее.

Я стал переносить вес своего тела то на одну, то на другую ногу, пробуя его силы. Он был таким же быстрым, как и я, и отвечал на каждое мое движение, едва я только усиливал свое действие.

Я протянул свои руки, сделал шаг назад и изо всех сил дернул его на себя. Освободившись на мгновение, мы стали кружить друг около друга, отыскивая слабое место в противнике. Я хотел дернуть его за ноги, поэтому я держал свои руки как можно ниже, сильно наклонившись вперед, потому что мой противник был невысок. На мгновение мои руки оказались слишком близко к нему, и он метнулся ко мне быстрее, чем кто-либо, кого мне удавалось видеть. Он схватил меня

за туловище, сжав так, что мне показалось, будто изо всех моих пор проступила выжатая из тела влага. Острая боль пронзила все мое тело. Он стал давить все сильнее, и я понял, что если мне не удастся сейчас же освободиться, то вскоре он мне сломает хребет.

Я сжал кулаки, уперевшись ими в его живот и стал отталкивать свое тело. Хватка его стала еще крепче. Я сделал шаг назад и изо всех сил рванул руки. Рванул вверх. Мои ладони оказались у его лица, я толкнул их под его подбородок, прямо в горло, и дернул вверх.

Он отлетел назад. Любому другому этот резкий рывок сломал бы шею. Однако он быстро вскочил на ноги, и я понял, что он не смертный боец, а одно из тех существ, которых рожают не женщины, а которых, подобно Антею, порождает чрево самой матери-Земли.

Я навалился всем своим весом ему на плечо, и он упал на колени. Я ударил его ребром ладони по горлу, сразу же отступив вправо, и, упершись коленом в нижнюю часть спины, стал тянуть его за плечи к себе, стараясь сломать ему позвоночник.

Но это мне не удалось. Он все больше прижимал свою голову вниз к земле и оторвать ее от нее не было никакой возможности. И стоило только мне слегка зазеваться, как он сразу же вскочил и снова набросился на меня.

Я изменил тактику и решил задушить его. Руки мои были гораздо более длинными, чем его. Я впился в горло моего противника обеими руками и изо всех сил стал давить его кадык большими пальцами. Он попытался оттолкнуть меня, упершись локтями в мою грудь. Но я продолжал сдавливать его горло, ожидая, когда же его лицо потемнеет и выкатятся из орбит глаза. Локти мои стали сгибаться под напором его рук. Еще мгновение... и он тоже вцепился мне в горло.

Так мы и стояли некоторое время, пытаясь задушить друг друга. Только вот его задушить было невозможно. Мое лицо стало багровым под усилием его мышц. В висках откуда-то как будто издалека я услышал крик:

— Прекратите это, Хасан! Ему не положено делать это!..

Мне показалось, что это был голос Красного Парика. Во всяком случае, это имя первым пришло мне в голову. И это означало, что Дос Сантос где-то поблизости. И она произнесла «Хасан» — имя мне очень знакомое. И, благодаря этому, картина происходящего со мной стала постепенно проясняться.

Я понял, что зовут меня Конрад, что я нахожусь сейчас в Египте, что лишенное всякого выражения лицо передо мной — просто лицо робота. Голова создания, которое можно отрегулировать так, чтобы он был в пять раз сильнее человека, и что скорее всего так оно и было. Было на самом деле. Это было создание, реакция которого намного быстрее, и которому было разрешено использовать все свои возможности. Только вот считается, что робот может убить разве что по чистой случайности. Это же создание всерьез пыталось отправить меня на тот свет.

А это означало скорее всего то, что регулятор робота был неисправен.

Я освободил его шею, схватил его за правую кисть и локоть, и потянул так, чтобы он оказался как можно ниже. Как только равновесие моего противника оказалось нарушенным, он отпустил меня, но я удвоил усилия и стал выкручивать ему руку, ожидая, что в конце концов сломается его локтевой сустав.

Но ничего не произошло. Ничего не хрустнуло. Рука робота просто неестественно искривилась.

Я отпустил его запястье, и он упал на одно колено, а рука его сама по себе раскрутилась и опять приняла нормальный вид.

Если бы я мог читать мысли Хасана, то я узнал бы, что робот включен на максимальный срок, максимально возможную длительность непрерывного действия — на два часа! Это было очень много.

Единственное, что я знал, так это то, кто я и что я делаю. Кроме того, я знал, что моим противником является робот-борец. А это означало, что боксировать он не станет.

Я бросил мимолетный взгляд через плечо на то место, где я стоял, когда это все началось — на палатку с рацией. Теперь она была метрах в пятнадцати отсюда.

За эту секундную паузу робот-борец едва не прикончил меня, рванувшись ко мне и схватив меня одной рукой за шею сзади, а другой обхватив меня ниже подбородка. Он мог бы сломать мне шею, если бы успел швырнуть меня назад, но в это мгновение земля снова задрожала. Подземный толчок был настолько силен, что нас обоих швырнуло на землю и мы невольно отпустили друг друга.

А через несколько секунд я был уже на ногах. Земля все еще дрожала. Но робот тоже был на ногах и снова двинулся на меня. Мы были как два пьяных моряка, затеявших драку на корабле, который трепал страшный шторм.

Робот сделал выпад, но я успел отойти. Через мгновение я ударил его прямым левым и, пока он пытался схватить меня за левую руку, я нанес ему сильный удар правой рукой. А затем я снова отступил.

Он опять бросился на меня, но я удерживал его на дистанции короткими ударами. Бокс был для него то же самое, что четвертое измерение для меня — он был просто не в состоянии постичь его. Но робот продолжал наступать, отражая и пропуская мои удары, я же пятился назад к стоящей позади меня палатке.

Земля все еще дрожала. Где-то далеко кричала женщина. Я нанес удар правой ниже пояса, надеясь выбить ему мозги. И вот я увидел то, что хотел увидеть — здоровенный камень, которым я хотел разбить рацию. Я сделал ложный выпад левой, затем, схватив робота за плечо и бедро, поднял его высоко над головой, отклонился назад и швырнул его прямо на камень.

Он ударился о него животом. Затем робот вновь стал подниматься, но теперь уже медленнее, чем прежде. Поэтому я успел ударить его ногой в живот, после чего робот грузно опустился на песок. Странное жужжание послышалось из его туловища.

Земля затряслась снова. Робот сник, вытянувшись, и единственным признаком того, что он еще функционирует, было то, что паль-

цы его левой руки продолжали шевелиться. Они продолжали сгибаться и разгибаться, делая причудливые движения.

Я медленно повернулся и увидел, что все они стоят здесь — Миштиго, Эллен, Дос Сантос, Рамзес, Красный Парик, Хасан, Джордж и три облепленных пластырями египтянина.

Я сделал шаг в их направлении, и они снова разошлись по сторонам. Лица их были искажены ужасом. Но я покачал головой.

— Нет, теперь я уже пришел в себя,— сказал я.— Только оставьте меня в покое. Я хочу спуститься к реке, чтобы выкупаться...

Сделав несколько шагов вперед, я почувствовал, что земля вокруг меня завертелась и внезапно наступила темнота...

* * *

Все последующие ночи были одной сплошной пыткой огнем и каленым железом. Дух, который был вырван из моей души, оказался погребен глубже, чем любая из мумий, лежавших под этими песками. Говорят, что мертвецы забывают других мертвецов в царстве Аида. Но я надеялся, что Кассандра меня не забудет!

Время лечит, и вот по истечении нескольких дней я снова возглавил экспедицию. Правда, Лорел предложил мне передать руководство кому-нибудь другому, а самому отправиться в отпуск. Но я не мог так поступить. Что бы я стал делать, предоставленный самому себе? Сидеть и думать о каком-нибудь из древних мест? Нет! В таких случаях всегда очень важно продолжать что-то делать, чтобы хоть чем-то заполнить образовавшуюся пустоту. Поэтому я остался гидом, и все время свои мысли переключал на те маленькие тайны, к которым мы прикасались во время путешествия.

Я разобрал робота и осмотрел регулятор. Он был, как я и предполагал, сломан — это означало, что это сделал я на ранней стадии единоборства, либо Хасан, чтобы охладить мой разрушительный пыл. Если это сделал Хасан, то значит он хотел, чтобы я был не просто избит, а забит до смерти. Однако в этом случае возникает вопрос: зачем? Интересно, известно ли его работодателю, что когда-то я был карагиозисом? Если это так, то для чего ему хотелось убить основателя и первого Секретаря его собственной партии, человека, который поклялся, что он не потерпит, чтобы при его жизни Земля была распродана и превращена в место для развлечения банды синих пришельцев. Человека, который поклялся бороться за освобождение Земли до последнего. Человека, который организовал вокруг себя ядро единомышленников, систематически снижавшего до нуля стоимость собственности на Земле, принадлежащей веганцам, и даже пошел на то, чтобы уничтожить процветающее агенство таллеритов по покупке недвижимости, основавшееся на Мадагаскаре.

Человека, идеалам которого он был сам предан, хотя в настоящее время и старался направить свою деятельность в более мирное законное русло.

Почему ему вдруг захотелось, чтобы этот человек погиб?

Следовательно, он либо изменил делу Партии, либо не знает, кем

я являюсь на самом деле, и на уме у него что-то другое, когда он поручил Хасану прикончить меня.

Или, может быть, Хасан подчиняется приказу кого-то еще?

Но кто же мог быть этим его таинственным хозяином? И опять же, для чего ему моя смерть?

Ответа у меня не было. И я решил, что его надо найти немедленно!..

* * *

Первым меня стал утешать Джордж.

— Очень жаль, Конрад,— сказал он, стараясь не смотреть на меня.

Говорить что-нибудь человеческое всегда было для него трудно. Он расстраивается и старается побыстрей покончить с этим. Вряд ли моя с Эллен выходка прошлым летом привлекла его внимание. Все его страсти прекращаются за пределами биологической лаборатории. Я помню, как он делал вскрытие последней собаки на Земле. После того, как он в течение четырех часов чесал ее за ухом, вычесывая блох из хвоста и умиляясь ее лаем, он повел Вольфа к себе в лабораторию. Вольф медленно плелся, волоча в зубах кухонное полотенце, с которым он очень любил забавляться. В лаборатории Джордж сделал укол животному и произвел вскрытие. Ему, как он потом говорил, было очень интересно сделать вскрытие, пока Вольф был еще здоров.

Скелет любимца Джорджа до сих пор стоит у него в лаборатории. Поэтому вряд ли у этого человека было особое желание снять с меня мерку для деревянного спального мешка подземного рода.

Если бы он и желал моей смерти, то это должна быть утонченная, быстрая и экзотическая смерть. Однако к подобной экзотике — с помощью робота — он не питал особого пристрастия.

В этом я был уверен.

Эллен же, хотя и способна была на сильные чувства, по сути ведет себя, как неисправная кукла с автоматическим заводом. Что-то всегда заскакивает в ее механизме как раз перед тем, как ее чувства должны вырваться, а уж на следующий день ее столь же страстно влечет к чему-нибудь другому.

Ее соболезнование звучало, насколько я помню, приблизительно так:

— Конрад, вы даже не представляете себе, как я удручена! В самом деле! Хотя я даже не встречалась с вашей женой, но я так понимаю ваши чувства!

Ее голос то поднимался, то опускался, принимая всевозможные оттенки, и я знал, что она свято верит во все, о чем сейчас говорит. И за это я был ей благодарен.

— Нет вашей женщины, и у вас на сердце тяжесть. Словами не облегчить эту тяжесть. Что на роду написано, то нельзя зачеркнуть. Я скорблю вместе с тобой, Карачи.

Ее слова не удивили меня. Этим человеком никогда не владела злоба или ненависть. У нее не было личных мотивов убить меня.

Поэтому я был уверен, что ее соболезнование было самым искренним.

Миштиго не сказал ни слова в мое утешение. Это чуждо самой природе веганцев. Для синеоких смерть — событие радостное. В соответствии с их этическими воззрениями, она означает акт завершения — рассеивание духов мира человека на мельчайшие частицы, воспринимающие наслаждения в огромном всеобщем организме. Материально смерть — это торжественная ревизия всего того, чем обладал покойник. Это торжественный раздел его состояния, сопровождаемый пиршеством в глобальной пьянке.

— Печально, что так получилось, друг мой,— сказал Дос Сантос.— Утрата женщины — все равно, что потеря собственной крови. Печаль ваша велика и безутешна. Она подобна тающему огню, который никак не может потухнуть. Все это прискорбно и ужасно. Смерть — настоящая жестокая и темная штука,— заключил он, и его глаза стали влажными.— Кем бы вы ни были — веганцем, евреем, мавром — для испанца Сантоса жертва есть жертва, нечто воспринимаемое на недоступном для меня туманном мистическом уровне.

Затем ко мне подошла Красный Парик и сказала:

— Ужасно... Очень жаль. Что тут говорить еще.

Я кивнул:

— Спасибо.

— Есть кое-что, о чем я должна у вас спросить. Но не сейчас, позднее.

— Как хотите,— сказал я и, когда все ушли, стал снова глядеть на реку и размышлять об этих последних днях.

Она, казалось, была опечалена не меньше других, но у меня было ощущение, что эта пара — Дос Сантос и Диана — в чем-то причастны к тому, что связано с роботом. Хотя я сам уверен, что именно Диана кричала Хасану, когда робот душил меня, чтобы он его остановил. Значит, остальные молчали. Но я почти уверен, что прежде, чем что-либо предпринять, Дос всегда советуется с ней.

В результате не осталось никого, кого я мог бы подозревать. И не было каких-либо очевидных мотивов. Все это могло быть чистой случайностью. Однако...

Однако чувство того, что кто-то хотел меня убить, покинуть меня не могло. Я знал, что Хасан вовсе не прочь заняться двумя поручениями сразу от различных заказчиков, если только интересы их не пересекаются. И от этого я почувствовал себя счастливым.

Это давало мне какую-то цель, с этим уже можно было что-то делать. На самом деле, ничто так не вызывает желание жить, как уверенность в том, что кто-то хочет тебя убить. Я должен был определить, кто это! Выяснить причину. И остановить убийцу!..

Глава 6

Второй выпад со стороны смерти произошел очень скоро, и как бы мне ни хотелось увязывать его с деятельностью кого-либо из людей, этого я не мог сделать. На этот раз это был просто один из ка-

призов слепой судьбы, который иногда сваливается на голову, подобному незваному гостю к обеду.

Финал же этого случая, тем не менее, совершенно ошеломил меня и придал ходу моих мыслей новый поворот, спутав прежние догадки.

Вот как это было.

Веганец сидел у самой реки, делая зарисовки противоположного берега. Я полагаю, что, окажись он на том берегу, то он делал бы зарисовки этого берега, на котором сидел сейчас. Это предположение весьма цинично, но меня обеспокоил сам факт того, что он ушел один в это душное болотистое место, не сказав никому о том, что он уходит, и не взяв с собой ничего более существенного, чем карандаш.

И это случилось.

Старое замшелое бревно, которое несло по течению рядом с берегом, внезапно перестало быть старым замшелым бревном. Длинный змеиный хвост взметнулся вверх, на другом конце появилась огромная пасть, полная зубов, и множество крохотных ножек коснулись твердой почвы и понесли чудовище вперед так быстро, как будто оно катилось на колесах.

Я завопил, что было мочи, и рванулся вперед, схватившись за свой пояс. Миштиго выронил блокнот и стал удирать. Однако боадил был уже в непосредственной близости к нему, и я не мог стрелять. Поэтому я стремительно бросился к нему, но к тому времени, когда я оказался возле веганца, чудовище уже дважды обвило его... и пришелец стал на два порядка еще более синим.

Теперь оставался только один способ заставить чудовище разжать свои объятия, по крайней мере в этот момент.

Я схватил боадила за голову как раз в тот момент, когда в его крохотном мозгу мысли о завтраке приняли законченную форму. Мне удалось просунуть свои пальцы под чешуйчатые наросты, расположенные по бокам головы чудовища. Затем я стал изо всех сил сдавливать своими большими пальцами его глаза. Боадил, будто гигантская плеть, хлестнул меня хвостом.

На ноги я поднялся метрах в трех от того места, где находился прежде. Миштиго был отброшен еще дальше. К тому времени, когда чудовище напало снова, он был уже на ногах.

Однако боадил напал не на веганца, а на меня. Он встал на дыбы, приподнявшись над землей метра на три, и обрушился на меня сверху. Я бросился в сторону, и огромная плоская голова промахнулась всего на несколько дюймов, обдав меня фонтаном камешков и грязи.

Я попытался подняться, но на этот раз был сбит с ног ударом хвоста. Я встал на карачки и попытался отползти назад, но было уже слишком поздно. Я оказался внутри петли, охватившей меня вокруг бедер.

Две синие руки вцепились в тело боадила, но они не смогли сдержать дьявольские объятия дольше двух-трех секунд. Теперь мы оба были завязаны узлами.

Я сопротивлялся, как мог, но что можно сделать толстому бронированному кабелю, снабженному множеством рвущих кожу ног?

Мою правую руку могучее объятие пригвоздило к туловищу, а левую руку я даже не мог вытянуть, чтобы как-то воздействовать на глаза чудовища. Кольца все больше сжимались. Я стал отбиваться и царапаться, пока мне в конце концов не удалось, страшно ободрав руку, освободить ее. Этой рукой я закрылся, чтобы схватить нижнюю часть чудовищного туловища, и огромным усилием отодвинул голову боадила немного в сторону. Гигантское кольцо обвилось вокруг моей талии, оно сжимало меня все сильнее, и даже сильнее, чем несколько дней назад робот-борец.

Затем боадил рванул свою голову от меня, вырвался из моей руки и, широко распахнув пасть, мотнул головой вниз.

Сопротивление, которое оказывал Миштиго, в какой-то степени отвлекало чудовище и замедляло его расправу со мной. А это дало мне возможность приготовиться к защите.

Я воткнул свои руки в его пасть и стал раздвигать челюсти в разные стороны. Небо боадила было покрыто слизью, и моя ладонь через мгновение начала медленно соскальзывать вниз. Я изо всех сил старался давить на нижнюю челюсть. Пасть приоткрылась еще сантиметров на двадцать и застыла в таком положении.

Боадил решил немного отодвинуться, чтобы освободить свою пасть, а поэтому хватка его колец немного ослабела. Мне удалось встать на колени. Миштиго так и остался придавленным к земле. Моя правая рука еще немного соскользнула, и голова чудовища вот-вот могла вырваться. И в следующее мгновение я услышал громкий крик и почти сразу же по телу боадила пробежала дрожь. Я рванул руки, почувствовав, как на секунду сила этой твари резко уменьшилась. Раздалось ужасное щелканье зубов и последнее напряжение тела. На мгновение я потерял сознание.

Затем я стал освобождаться из объятий обмякшего тела боадила, пронзенного острием деревянного копья. Жизнь стала покидать чудовище, и движения его стали скорее судорожными, чем агрессивными.

Еще дважды его удары повергали меня наземь, но мне удалось высвободить Миштиго, после чего мы отбежали метров на пятнадцать и стали наблюдать за его агонией. Смерть наступила далеко не сразу.

Рядом с чудовищем невозмутимо стоял Хасан. Асегай, на упражнения с которым он потратил столько времени, сделал свое дело.

Когда Джордж произвел вскрытие этой твари, мы узнали, что острие пронзило тело в двух дюймах от сердца, прервав главную артерию.

Кстати, у него оказалось две дюжины ног, которые, как и можно было ожидать, были поровну распределены по обеим сторонам тела.

Рядом с Хасаном стоял Дос Сантос, а рядом с испанцем, как всегда, находилась Диана. Здесь же были и все остальные из нашего лагеря.

— Прекрасный спектакль,— сказал я, тяжело дыша.— Отличный удар. Спасибо.

— Не за что, Карачи,— пожал плечами Хасан.

* * *

«Не за что»,— сказал он. Если бы тогда он хотел убить меня, то для чего ему понадобилось спасать меня сейчас от боадила? Если только не было на самом деле правдой то, что он сказал еще тогда, в Порт-о-Пренсе — то, что его наняли, чтобы он охранял веганца. Если в этом у него главное задание, а убить меня лишь побочное, то ему нужно было спасать меня в качестве еще одного средства сохранения жизни Миштиго.

Но тогда...

Пожалуй, лучше, черт возьми, забыть это.

Наш скиммер должен был прилететь к нам в лагерь на следующий день, и мы должны были отправиться в Афины, сделав одну промежуточную остановку для того, чтобы посадить Рамзеса и его товарищей в Новом Каире.

Я был рад тому, что покидаю эту страну, с ее плесенью, пылью, мертвыми божествами, наполовину являющимися животными. Я уже по горло был сыт этими местами.

Из Порт-о-Пренса на связь вышел Фил, и Рамзес позвал меня в рубку.

— Да,— произнес я в микрофон.

— Конрад, это Фил. Я только что написал элегию в ее честь, и мне хотелось бы прочесть ее вам. Даже несмотря на то, что я никогда с ней не встречался, я старался изо всех сил, и, как я полагаю, поработал довольно-таки неплохо...

— Фил, пожалуйста, как раз именно сейчас мне совсем не до поэтических соболезнований. Может быть, как-нибудь в другое время...

— Но это вовсе не что-нибудь, напоминающее анкету. Я знаю, что вы недолюбливали такого рода поэзию и в некоторой мере я не могу порицать вас за это.

Моя рука потянулась к выключателю, но через мгновение я остановился и, вместо того, чтобы отключить связь, взял одну из сигарет Рамзеса.

— Ну, что ж, валяйте. Я слушаю.

И он начал декламировать. Работа была совсем неплохая. Я многое позабыл, помню только то, что почти через всю планету неслись четкие и ясные слова, а я, стоя, слушал их, весь покрытый ранами. Он расписывал добродетели нимфы, за которой охотился Посейдон, но которую был вынужден уступить своему брату Аиду. Поэт оплакивал ее судьбу. И пока он читал свою поэму, мой рассудок совершал путешествие во времени, в те два счастливых месяца на острове Кос. И не было в нем ничего такого, что случилось позже.

Мы стояли на палубе моей лодки, купались и загорали вместе, держась за руки, ничего не говоря друг другу, здесь, на бесконечном пляже, который навсегда остался в наших сердцах.

Мы стояли на палубе моей лодки — он кончил этим. Затем он несколько раз прокашлялся, и мой остров растаял, унося частицу моего «я», именно ту частицу, которая была связана с островом Кос.

— Спасибо, Фил,— очнулся я.— Все было прекрасно.

— Я польщен твоей оценкой,— сказал он.— Сегодня днем я вылетаю в Афины. Мне захотелось присоединиться к вам в этой части путешествия. Если только на это будет ваше согласие...

— Пожалуйста,— ответил я.— Только позвольте, Фил, один вопрос: почему? Откуда такое желание?

— Я решил, что мне надо еще раз увидеть Грецию. Так как вы собираетесь быть там, то это, возможно, напомнит мне некоторые старые времена. Мне бы хотелось бросить последний взгляд на некоторые древности.

— Что-то фатальное в ваших словах, Фил.

— Я чувствую, что дни мои клонятся к закату. И поэтому мне хочется еще раз побывать там. У меня предчувствие, что это моя последняя возможность.

— Я уверен, что вы ошибаетесь. Однако, все мы будем обедать в «Саду у Алтаря» завтра вечером, около восьми.

— Отлично. Тогда и увидимся.

— До свидания.

— До свидания, Конрад.

— Не опаздывайте.

Я принял душ, обмазал целебными мазями раны и переоделся в чистую одежду. Затем я разыскал веганца, который только что закончил такую же процедуру. Я окинул его зловещим взглядом.

— Поправьте меня, если я ошибусь,— заявил я.— Есть одна причина, по которой вы захотели, чтобы я был ведущим этого спектакля, а именно — что у меня высокий потенциал выживания. Правильно?

— Да, это так.

— Пока я старался изо всех сил, чтобы мой потенциал способствовал общему благосостоянию.

— Вы так расцениваете то, что в одиночку, безо всякого оружия, набросились на всю группу в целом?

Мне захотелось вцепиться ногтями в его горло, но я сумел сдержаться и опустил руки. Наградой мне была искра страха, промелькнувшая в его расширившихся глазах и заставившая слегка вздрогнуть уголки рта. Он сделал шаг назад.

— Я больше не буду оправдывать ваши надежды на это,— сказал я ему.— Я здесь только для того, чтобы переправить вас в любое место, куда вы захотите отправиться, и доставить вас назад в целости и сохранности. Сегодня утром вы меня поставили перед проблемой, заделавшись легко доступной приманкой для боадила. Я вас предупреждаю, что не собираюсь для вас таскать каштаны из огня или опускаться в ад только для того, чтобы взять огонь для раскуривания вашей сигареты. Если вы теперь пожелаете пойти куда-нибудь один, то сначала проверьте, насколько безопасно то место, куда вы идете.

Он смущенно отвел глаза в сторону.

— Если же вы не проверили этого,— продолжал я,— то берите с собой вооруженный эскорт, поскольку сами вы оказываетесь без оружия. Вот все, что я должен вам сказать. Если же вы не пожелаете прислушаться к этому совету, то скажите мне это сейчас же, и я оставлю вас и найду вам другого проводника. Между прочим, Лорел уже предложил мне поступить подобным образом. Так каково же будет ваше слово?

— Лорел на самом деле так сказал?

— Да.

— Как это все странно. Я подчиняюсь вашему требованию. Я понимаю, что оно очень благоразумно.

— Великолепно. Вы говорили, что хотите посетить Долину Царей. Может быть, сегодня? Вас мог бы свести туда Рамзес. Мне не очень-то хочется делать это самому. Что-то я устал. И к завтрашнему отлету, который, кстати, намечен на десять утра, я хотел бы немного отдохнуть. Так что?

Так и не дождавшись от него ответа, я пошел прочь.

Веганец промолчал.

К счастью как для тех, кто спасся, так и для еще ненародившихся, Шотландия не очень сильно пострадала в течение Трех Дней.

Я достал из холодильника ведерко со льдом и бутылку содовой, включил охлаждающий змеевик рядом со своей койкой, открыл виски из своих запасов и провел весь остаток дня, размышляя о тщетностях всех людских устремлений...

Позже, в этот вечер, когда я протрезвел до допустимого уровня и слегка покачивался, я взял себя в руки и пошел подышать свежим воздухом.

Приближаясь к восточному краю предупредительного ограждения, я услышал голоса и сел, облокотившись о крупную скалу и стараясь подслушать, о чем говорят. Я различил монотонный голос Миштиго, и мне очень захотелось узнать, с кем он говорит.

Но это не удалось.

Собеседники были довольно далеко от меня, а акустика в пустыне не всегда наилучшая. И все же я сидел, напряженно прислушиваясь, и как уже не раз бывало, это произошло.

Я сижу на одеяле рядом с Эллен. Моя рука обнимает ее плечи. Моя синяя рука...

Картина немного затуманилась, как только я внутренне отпрянул от отождествления себя с веганцем. Но я преодолел это и вновь прислонился к скале.

Мне было одиноко: Эллен казалась все-таки помягче, чем скала и, кроме того, меня распирало любопытство. Поэтому я превозмог свое отвращение и снова очутился там...

— ...нельзя увидеть отсюда,— говорил я,— но если вы хотите знать, то могу сказать, что наша звезда, вы называете ее Вегой, является звездой первой величины на вашем бедном небосводе и находится в созвездии, которое вы, люди, называете Лирой.

— А каков из себя Таллер?— спросила Эллен.

Наступила длительная пауза. Затем:

— Самое важное, как это часто бывает, передать труднее всего. Проблемой при общении является то, что у собеседника нет понятий, эквивалентных тем, о которых приходится говорить. Таллер совсем не похож на планету. Там нет пустынь. Вся планета имеет упорядоченный ландшафт. Но... позвольте взять из ваших волос этот цветок. Взгляните на него. Что вы видите?

— Прелестный белый цветок. Вот почему я его выбрала и приколола к своим волосам...

— Но это вовсе не так. Это не цветок. Во всяком случае для меня. Ваши глаза восприимчивы к свету с длиной волны от четырех тысяч до семи тысяч двухсот ангстрем. Глаза же веганцев восприимчивы к ультрафиолетовым частям почти до трех тысяч ангстрем — с одной стороны. С другой стороны, мы не различаем цвета, который вы называете «красным», а в этом «белом» цветке я различаю два цвета, которых нет в вашем диапазоне зрения. Мое тело покрыто узором, который вы не видите, но он очень похож на узор на коже других представителей моей семьи, и поэтому другой веганец, знакомый с родом Штиго, при первой же нашей встрече может назвать мою фамилию и местность, откуда я родом. Некоторые наши картинки вам, землянам, кажутся кричащими или даже одноцветными, обычно синими, так как земной глаз не различает тех оттенков, которые различаем мы. Почти вся наша музыка покажется вам заполненной довольно длительными промежутками тишины. На самом же деле эти пробелы заполнены мелодиями, неразличимыми вашими ушами. У нас чистые города, логически распланированные. Они улавливают дневной свет и долго удерживают его ночью. Эти места, заполненные замедленными движениями, очень приятны для уха. Все это очень много значит для нас, но я не знаю, как все это описать... человеку.

— Однако люди... я имею в виду людей Земли, живущих на ваших планетах...

— Но на самом деле они не видят их. Они не слышат или не чувствуют так же, как мы! Существует пропасть, которую мы можем оценить и понять, но которую не можем переступить. Вот почему я не в состоянии рассказать вам, каков на самом деле Таллер. Для вас это совершенно другой мир, чем для меня.

— И все же, мне хотелось бы увидеть его. Очень сильно. Я думаю, что мне даже понравилось бы там жить.

— Я не уверен в этом. В том, что вы были бы там счастливы.

— Но почему?

— Потому, что эмигранты на Веге есть эмигранты не с Веги. Вы здесь не являетесь представителем низшей касты или расы. Я знаю, что вы не пользуетесь этим термином, но именно он наиболее подходящий. Персонал вашего Управления и его семьи являются наивысшей кастой на этой планете. Затем идут состоятельные люди, не входящие в штат Управления, затем те, кто работает на этих состоятельных людей. Еще ниже те, кто зарабатывает себе на жизнь, обрабатывая землю. Затем, у самого подножия пирамиды, те неудачни-

ки, которые обитают в Старых местах. Здесь, на этой планете, вы на вершине пирамиды. На Таллере же вы будете на самом дне общества.

— Почему же?

— Да потому, что вы цветок видите именно белым...

И он вернул ей цветок.

Наступило долгое молчание, прерываемое шелестом прохладного ветерка.

— И все-таки я счастлива, что вы сюда приехали,— сказала она.

— Да, здесь очень интересно.

— Рада, что вам здесь нравится.

— Человек, которого зовут Конрад, на самом деле был вашим любовником?

Я был ошарашен таким неожиданным вопросом.

— Я понимаю, почему,— сказал он, и мне стало не по себе, будто я попал в положение человека, подглядывающего физическую близость мужчины и женщины (или еще хуже — наблюдая за тем, кто подглядывал).

— И почему же?

— Потому что вы стремитесь к необычному, полному сил, экзотическому. Потому что вы никогда не испытываете счастья, где бы то ни было. Просто вы такая, какая есть.

— Неправда... А может быть, так оно и есть. Да, однажды он сказал мне нечто подобное.

В этот момент даже мне было очень жаль ее. Затем, не сознавая того, поскольку я хоть как-то хотел утешить ее, я протянул руку и взял ее руку в свою. Только рука эта была рукой Миштиго, а он вовсе не думал действовать ею. А я заставил его!

Неожиданно мне стало страшно. Хотя скорее это чувство возникло у него и я почувствовал это. Я ощутил, что в его мозгу все поплыло, как после мертвецкой пьянки, как только он почувствовал чье-то присутствие в своем разуме.

Я быстро отпрянул назад и снова оказался спиной к стене, но только после того, как она уронила цветок и я услышал, как она прошептала:

— Держите меня...

«Ох уж эта чертова псевдотелепатия! Это исполнение желаний! — подумал я.— Когда-нибудь я перестану верить в то, что это свойство мне присуще...»

И тем не менее я все-таки на самом деле видел два цвета на том цветке... цвета, для которых у меня не было слов.

Я побрел назад в лагерь. Пройдя через него, я двинулся дальше. Добрался до противоположного конца нашего незримого, но охраняемого периметра, сел на землю и закурил.

Ночь была прохладной и черной.

После того, как я выкурил две сигареты, я услышал позади себя голос, но не обернулся.

— В огромном здании, Здании Огня, в тот далекий день, когда

все дни и годы получат свой номер, о, пусть тогда мое имя будет возвращено мне,— произнес голос.

— Очень для вас неплохо,— сказал я.— Цитата вполне подходящая. Только вы зря здесь цитируете «Книгу мертвых».

— Почему зря? В этот великий день, когда все дни и годы получат свой номер, если и вам вернут ваше имя, то каково же оно будет?

— Не вернут! Я намерен опоздать на эту церемонию. Да и что толку в имени.

— Ну, это зависит от того... Предположим, оно... «Карагиозис».

— Извольте сесть так, чтобы я мог вас видеть. Я не люблю, когда кто-нибудь стоит у меня за спиной.

— Хорошо. Ну так как?

— Что «как»?

— Как вы относитесь к имени «Карагиозис»?

— Почему оно должно меня волновать?

— Потому, что оно кое-что значит для вас. По крайней мере, некогда значило.

— Карагиозис был одним из персонажей греческого театра теней, нечто вроде Петрушки средневекового театра Европы. Он был неряхой и шутом.

— Он был греком и очень умным притом.

— Ха! Он наполовину был трусом, слюнтяем и вообще каким-то скользким типом.

— Но также был наполовину героем. Коварным. В чем-то необузданным. С чувством юмора. Он сорвал с места пирамиду. И кроме того, когда ему хотелось быть сильным, он был сильным!

— И где же он теперь?

— Мне самому хотелось бы это знать. Но почему же об этом вы спрашиваете у меня?

— Потому что этим именем вас называл Хасан в тот вечер, когда вы боролись с роботом.

— О... понимаю... Что ж, это было просто к месту сказано. Это просто синоним дурачка. Кличка, что ли. Подобно тому, что я называл вас «Красный Парик». Вот теперь я думаю о том, как вы выглядите в глазах Миштиго? Веганец ведь не видит цвета ваших волос. Вам это неизвестно?

— Мне безразлично, какой я представляюсь веганцу. Меня больше занимает то, как выглядите вы. Я понимаю, что у Миштиго заведено на вас весьма пухлое досье. Он как-то говорил, что думает, что вы живете уже несколько столетий.

— Преувеличение. Без всяких сомнений, преувеличение. Но, похоже, вам многое известно. А у Миштиго есть ваше досье?

— Да, но пока не такое пухлое.

— Кажется, что вы ненавидите Миштиго больше, чем кого-либо. Это правда?

— Да.

— Почему?

— Он с Веги.

— Ну так что же?
— Я ненавижу веганцев — вот и все.
— Нет. Здесь что-то еще.
— Правда. Вы очень сильны, вы знаете это?
— Знаю.
— Фактически, вы самый сильный из людей, которых я когда-либо видела. Сильный в такой мере, чтобы сломать шею крысс-пауку, а затем, свалившись в залив, доплыть до берега и спокойно после этого позавтракать.
— Вы взяли очень странный пример.
— Разве?
— Почему вы выбрали именно его?
— Я хочу знать! Мне нужно знать...
— Простите!
— Извинениями вы не отделаетесь. Поговорим еще.
— Я сказал все, что хотел сказать.
— Нет. Нам нужен Карагиозис.
— Кому это нам?
— Рэдполу... Мне...
— И все-таки, почему?
— Хасан стар, как само время. Карагиозис еще старше. Хасан был с ним знаком, помните и вы его. И он окликнул вас этим именем. Значит, вы и есть! Ты — убийца, мститель, защитник Земли — вы нам сейчас крайне нужны. Очень нужны! Армагедон уже грянул, но не с громом и молнией, а с чековой книжкой. Веганцы должны погибнуть, другой альтернативы нет. Помоги нам!
— Что вы хотите от меня?
— Пусть Хасан его уничтожит.
— Нет!
— Почему? Кто он вам?
— Никто. Мне он очень не нравится, поверь. Но кто он для вас? — недоуменно спросил я.
— Наш разрушитель.
— Тогда скажите, почему и как, и тогда, возможно, я дам вам ответ получше.
— Я не могу.
— Но почему?
— Потому, что не знаю.
— Тогда пожелаю вам спокойной ночи. И это все.
— Подождите! Я действительно не знаю. Это мнение пришло с Таллера через тамошнего связного Рэдпола. Приказ — он должен умереть! Его книга вовсе не книга. Да и личность — это не личность, а много... Я не знаю, что означают эти слова, но наша агентура никогда прежде не ошибалась. Вы были когда-то на Таллере, на Бакабе и на других планетах — вы ведь Карагиозис. Вы знаете, что наши агенты никогда не лгут. Если ты Карагиозис, то сам знаешь, почему так. Ведь вы сами устанавливали эту шпионскую сеть. Теперь вы слышите их слова, но уже не обращаете на них внимания. Я говорю вам, что они сказали — он должен умереть. Он представляет из себя

сосредоточение всего того, с чем мы боремся. Они говорят, что он инспектирует то, что не должно подлежать инспекции. Вы знаете их систему. Деньги против Земли. Еще большее усиление эксплуатации со стороны веганцев. Что-либо более определенное нашим агентам выяснить не удалось.

— Мне очень жаль, но я связан обещанием оберегать его. Изложите мне более веские причины, и я, может быть, дам вам другой ответ. Кстати, почему Хасан пытался убить меня?

— Ему было приказано только остановить вас. Лишить вас возможности помешать нам уничтожить этого веганца.

— Ну, разве так... но все равно. Идите своим путем, и я все позабуду.

— Нет! Вы должны нам помочь! Что для Карагиозиса жизнь одного веганца?

— Я не допущу его гибели без определенной на то причины. А пока вы мне так ничего и не сказали.

— Но я больше ничего не знаю.

— Тогда спокойной ночи.

— Нет! У вас два профиля. Справа — вы полубог, слева — вы демон. Один из них должен помочь мне. И мне все равно, кто из них.

— Даже не пытайтесь причинить вред веганцу. Мы будем защищать его...

Вот так мы сидели и разговаривали. Она взяла предложенную сигарету и закурила.

— Ненавидеть вас, должно быть, очень легко,— сказала она немного погодя,— но я не могу.

Я промолчал.

— Я много раз видела вас, как вы ковыляли в своей черной форме. Такой самоустраненный, высокомерный и гордый своей великолепной силой. Вы бы, наверное, раздавили все, что только движется, не так ли?

— Только не красных муравьев и шмелей.

— У вас есть какой-нибудь коварный план, о котором нам ничего не известно? Расскажите нам, и мы будем помогать вам в его осуществлении.

— Это ваше предположение, заметьте, что я Карагиозис. Я уже объяснил, почему Хасан окликнул меня этим именем. Фил был знаком с Карагиозисом, а Фила вы хорошо знаете. Он вам когда-нибудь говорил о том, что я...

— Вы же знаете, что нет,— перебила она меня.— Он ведь ваш друг и никогда не предаст вас.

— У меня тогда к вам всего один вопрос. Есть ли у вас еще какие-нибудь указания на мою тождественность, кроме этого случайного оклика Хасана?

— Записей с описанием Карагиозиса не существует. Вы постарались, чтобы их не было.

— Значит, все в порядке. Ступайте и не беспокойтесь.

— Нет!

— Хасан пытался меня убить!

— Да. Он, должно быть, решил, что вас легче убить, чем держать в стороне. Ведь он все-таки знает о вас значительно больше, чем мы все.

— Тогда почему же он спас меня от боадила? Спас вместе с Миштиго?

— Мне бы не хотелось об этом говорить.

— Тогда давайте закончим наш разговор.

— Нет! Я вот что вам скажу. Асегай был единственным оружием, оказавшимся у него под рукой. И он еще не очень-то искусно владеет им. Должна вам сказать, что он не намеревался поразить боадила.

— Да?

— Он и не целился в него или в вас. Тварь слишком уж корчилась. Он хотел убить веганца, а потом просто бы сказал, что пытался спасти вас обоих, а под рукой ничего не оказалось, и что это не что иное, как несчастный случай. К сожалению, этого ужасного несчастья не случилось. Он промахнулся.

— Почему же он просто не позволил боадилу удавить веганца?

— Потому, что вы так отчаянно боролись с этой тварью, что он совсем испугался того, что вы, возможно, спасете его. Он ничего так не боится, как ваших рук.

— Очень приятно сознавать это. Он не прекратит свои попытки, даже если я откажусь сотрудничать?

— Боюсь, что это так.

— Это очень плохо, моя дорогая, потому что я не допущу этого.

— Вы его не остановите, и мы не отзовем его. Даже несмотря на то, что вы — Карагиозис. И как бы я вас ни оплакивала, Хасана вы не сможете остановить. Он настоящий убийца с большой буквы. И у него еще не было неудач.

— У меня тоже.

— Были. Вы только что изменили Рэдполу и Земле, всему, что хоть чем-нибудь с этим связано.

— Мне не нужны ваши утешения, женщина. Ступайте своей дорогой.

— Не могу.

— Почему?

— Если вы этого не знаете, тогда, значит, Карагиозис и на самом деле дурак, фигляр и персонаж комедии теней.

— Некто по имени Томас Карлийн писал когда-то о героях и о поклонении им. Он тоже был дураком. Он верил в то, что имеются такие существа. Героизм — это всего лишь вопрос обстоятельств и целесообразности.

— Иногда к этому добавляются и идеалы.

— Что такое идеал? Призрак призрака, и не более того.

— Только, пожалуйста, не говорите такие вещи мне.

— Вынужден. Ведь это сущая правда.

— Вы лжете, Карагиозис!

— Я не... а если и лгу, то это к лучшему, дорогая.

— Я достаточно стара, чтобы быть кому угодно бабушкой, по-

жалуй, разве что кроме вас, так что не называйте меня этим дурацким словом — дорогая и так далее. Вам известно, что у меня на голове парик?

— Да.

— Вам известно, что я подхватила одну болезнь с Веги и поэтому теперь вынуждена носить парик?!

— Нет. Простите меня, я не знал этого.

— Когда я была моложе, а это было давным-давно, я работала на курорте для веганцев. Я была девушкой для развлечений. Мне никогда не забыть пыхтения их жестких легких, я не могу забыть прикосновения их синих рук... синих, как у трупа, цвета рук. Я ненавидела их, ненавидела так, как только такой человек, как вы, может понять это — человек, ненавидящий их люто, всем своим существом.

— Простите меня, Диана. Мне очень жаль, что это до сих пор причиняет вам страдания. Но я еще не готов к тому, чтобы выступать на вашей стороне. Не подталкивайте меня.

— Так вы — Карагиозис?

— Да.

— Тогда... я в некотором роде удовлетворена.

— Но веганец должен жить!

— Посмотрим...

— Ну, что ж, посмотрим. А пока, спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Конрад.

Я поднялся, оставив ее сидеть, и вернулся в свою палатку. Позже, этой же ночью, она пришла ко мне. Послышался шелест брезента, и она вошла. Я все могу забыть, связанное с ней — и ее красный парик, и туго сжатые челюсти, и ее отрывистую речь, и слегка напускные жесты, и ее горячее тело, и страшные обвинения в мой адрес. Но я всегда буду помнить это — то, что она пришла ко мне, когда я больше всего в ней нуждался, что она была теплой, податливой, но главное, что она пришла ко мне...

Глава 7

После завтрака, на следующий день, я уже отправился было искать Миштиго, как он первым нашел меня. Я был внизу, у реки, разговаривая с людьми, на попечение которых мы оставили фелуку.

— Конрад,— начал вкрадчиво веганец.— Я хотел бы поговорить с вами.

Я кивнул и указал в сторону оврага.

— Давайте пройдемся. Я уже закончил здесь все свои дела.

Мы пошли пешком. Через минуту он начал:

— Вам известно, что на моей планете существует несколько систем дисциплины мозга, систем, которые время от времени приводят некоторых особ к экстрасенсорным способностям?

— Я слышал об этом,— кивнул я.

— Большинство веганцев, в большей или меньшей степени, знакомы с этими системами. Некоторые имеют даже определенные спо-

собности в этом направлении. Многие их не имеют. Но почти все мы одинаково можем ощущать наличие экстрасенсорных способностей в других, узнаем, когда они проявляются. Сам я не телепат, но понял, что у вас есть подобная способность, потому что, воспользовавшись ею прошлым вечером, вы использовали ее на мне. Я смог почувствовать это. Среди ваших соплеменников это мало распространенное явление, и я не ожидал, что такое может случиться со мной и поэтому не предпринял мер предосторожности, чтобы предотвратить подобное. Да к тому же, вы выбрали очень удобный момент — вечер, в результате чего мой разум был открыт для вас. Я должен знать, с чем вы столкнулись в моем разуме?

Значит, на самом деле было нечто экстрасенсорное в моих видениях. Обычно в них было то, что казалось непосредственным ощущением объекта, плюс особо выдающиеся мысли и чувства, которые он затем излагал на словах — и притом далеко не всегда я получал истинную картину.

Вопрос Миштиго указывал на то, что он не знает, насколько глубоко я проник в его мысли, а я слышал, что некоторые профессиональные психологи с Веги могли пробиться даже в подсознание. Поэтому я решил блефовать.

— Я понял, что вы собираетесь написать не просто путевые заметки.

Он промолчал.

— К сожалению, я не один знаю вашу истинную цель вояжа на Землю,— продолжал я свое вранье,— и вследствие чего вы подвергаетесь определенной опасности.

— Почему?

— Вероятно, они неправильно поняли вашу истинную цель путешествия,— сказал я наугад.

Он покачал головой.

— Кто это они?

— Простите?!

— Но мне нужно это знать!

— Еще раз простите. Если вы все-таки узнаете, то я сегодня же доставлю вас в Порт-о-Пренс.

— Нет, я не могу этого допустить. Я должен продолжать. Что же мне делать?

— Расскажите мне подробнее обо всем, и я смогу тогда вам что-нибудь посоветовать.

— Нет, вы и так знаете слишком много,— он замолчал, а затем встрепенулся.— Тогда именно в этом настоящая причина, почему здесь Дос Сантос. Он из умеренных. Радикальное крыло Рэдпола, должно быть, что-нибудь узнало об этом и, как вы говорите, неправильно истолковало. Он, должно быть, знает об опасности. По-видимому, мне стоило бы пойти к нему...

— Нет,— поспешно произнес я.— Я не думаю, что так следует поступить. По сути, это ничего не изменит. И все же, что бы вы сказали ему?

— Я понимаю, что вы имеете в виду,— сказал он после некото-

рой паузы.— Мне тоже пришла в голову мысль, что, возможно, он не такой уж и умеренный, как мне показалось. Если это так, то тогда...

— Вы хотите вернуться?

— Не могу.

— Значит, вам придется довериться мне. Вы можете мне сейчас рассказать более подробно...

— Нет! Я не знаю, что вам известно и что вам неизвестно. Совершенно очевидно, что вы пытаетесь извлечь как можно больше информации, поэтому не думаю, что вам известно слишком много. То, что я думаю, должно пока остаться в тайне.

— Я стараюсь защитить вас и поэтому стараюсь узнать как можно больше.

— Тогда защищайте мое тело и оставьте мне заботу о моих побуждениях и моих мыслях. Мой разум в будущем будет для вас закрыт, поэтому вам нет необходимости тратить свое время на то, чтобы рыться в нем.

Я вручил ему пистолет.

— Я посоветовал бы вам носить с собой оружие все оставшееся время нашего путешествия. Для защиты ваших побуждений.

— Очень хорошо.

Пистолет исчез под его вздувшимся материалом рубашки.

— Собирайтесь,— сказал я,— мы скоро отправляемся...

* * *

Проходя назад в лагерь по другой дороге, я анализировал свои собственные мотивы.

Книга сама по себе не могла ни восстановить, ни разрушить Землю. Рэдпол или движение за Возрождение, даже «Зов Земли» Фила, по сути мало чем повлияли на все это. Но это творение Миштиго нечто большее, чем просто книга. Исследование? Чего? В каком направлении? Этого я не знал, хотя должен был знать. Потому что Миштиго мог оказаться мертвым, если книга была направлена против нас — и все же я не могу допустить его гибели, если это произведение хоть в какой-то мере могло нам помочь. И это весьма вероятно.

Следовательно, кто-то должен объявить отсрочку, пока мы не будем уверены, что нас ждет...

— Диана,— сказал я, когда мы стояли в тени скиммера,— ты говоришь, что я кое-что значу для тебя, именно я, Карагиозис.

— Разве это не очевидно?

— Только послушай меня. Я уверен, что в отношении веганца вы можете допустить ошибку. Не на все сто процентов, но, если вы неправы, то его убийство будет непростительной ошибкой. И по этой причине я не могу его допустить. Воздержитесь от чего бы то ни было, пока не приедем в Афины. Затем запросите разъяснение этого послания Рэдпола.

— Хорошо.

— А как поступит Хасан?

— Он подождет.

— Он сам выбирает место и время, не так ли? Он ждет наиболее благоприятного момента, чтобы наверняка нанести удар?

— Да.

— Тогда ему нужно сказать, чтобы он воздержался от акции, пока не выяснится все во всех подробностях.

— Очень хорошо.

— Ты ему скажешь?

— Ему скажут...

— Ну, что ж, этого вполне достаточно.

Я повернулся.

— А когда придет второе послание,— сказала она,— и там будет сказано то же, что и в первом, что тогда?

— Посмотрим,— ответил я, не оборачиваясь.

Я оставил ее возле скиммера и вернулся к своему аппарату. Когда послание придет и в нем будет говориться то же самое, я думаю, что мне это еще больше прибавит хлопот. По той причине, что я уже принял решение...

Далеко к юго-востоку от нас, на значительной части Мадагаскара, счетчики Гейгера до сих пор захлебываются воплем боли и отчаяния — и это результат искусства одного из нас.

Хасан, я это точно знал, все еще мог преодолевать любые препятствия, не моргнув своими, привыкшими к смерти, глазами.

Остановить его будет очень трудно...

* * *

Вот и Эгейское море. Далеко внизу. Смерть, жар, грязевые потоки, новые очертания берегов. Вулканическая деятельность на Хиосе, Икари, Папоссе...

Галикарнос весь ушел под воду.

Западный край Коса показался над водой, но что из этого.

Смерть, грязевые потоки, жар.

Новые очертания берегов...

Я изменил путь всего нашего конвоя, чтобы собственными глазами увидеть смену декораций. Миштиго делал заметки, а также фотографировал.

— Продолжайте турне,— сказал Лорел.— Материальные разрушения не столь велики, поскольку Средиземное море является скопищем никому не нужного хлама. О тех, кто пострадал, уже позаботились. Кроме, разумеется, тех, кто погиб. Так что продолжайте турне.

Я пронесся низко над остатками Коса, над западной оконечностью острова. Дикая вулканическая местность, свежие, еще дымящиеся кратеры, следы приливных волн, пересекающих сушу.

Единственное, что еще осталось — это древняя столица. Фукиций поведал мне, что когда-то она была разрушена землетрясением. Ему нужно было бы увидеть это землетрясение. Мой город на севере Коса был основан еще в 365 году до Нашей эры. Теперь от него ничего не осталось. Ничего и никого. Никто не спасся — ни древо Гиппократа, ни мечеть Лоджия, ни замок Родосских рыцарей, ни фонтаны, ни мой дом, ни моя жена. Все было сметено волнами или провалилось

в морскую пучину. Исчезло... навсегда... мертвое... и все же для меня лично такое бессмертное.

Чуть дальше к востоку из воды торчали несколько вершин, которые еще совсем недавно были вершинами прибрежного холма. Теперь это были крохотные островки, и пока еще некому было взбираться на их отвесные стены.

— Вы жили здесь? — поинтересовался Миштиго.

Я кивнул.

— Хотя и родились в деревушке Какринша, среди холмов Феодосии?

— Да.

— Но дом свой устроили здесь?

— Совсем недавно.

— Дом — универсальное понятие, — сказал он. — Я высоко ценю его.

— Спасибо...

Я продолжал смотреть вниз, чувствуя попеременно печаль, тревогу, тоску, почти безумие, затем полную отрешенность.

Афины после долгого отсутствия показались мне все тем же неожиданным местом, которое действует всегда освежающе, очень часто обновляюще и очень часто возбуждающе.

Фил как-то прочел мне несколько строк одного из последних великих греческих поэтов, Георгия Сафериса, утверждая, что он ссылался именно на мою Грецию, когда писал:

«Страна, которая больше не является нашей страной, не является и вашей...»

Когда я указал ему, что веганцев еще и духа не было, когда были написаны эти строки, Фил находчиво возразил, что поэзия существует независимо от времени и пространства и что смысл ее заключается в том, что она означает для конкретного читателя.

Это действительно наша страна. Ее не могли отнять у нас ни готы, ни гунны, ни болгары, ни сербы, ни франки, ни турки, ни, наконец, веганцы.

Народ, как и я сам, выжил. Хотя материковая Греция для меня остается такой же, как и прежде. И это несмотря на то, что Афины, как и я, мы изменились вместе, каждый по-своему.

Что бы ни происходило со мной, все такими же неизменными оставались холмы Греции, запах поджаренных бараньих ног, смешанный с запахом крови и вина, вкус сладкого миндаля, холодный ветер по ногам и ярко-голубые небеса.

Вот почему я чувствовал себя преображенным каждый раз, когда возвращался сюда. Но, так как теперь я был человеком, оставившим после себя много лет, подобные чувства я испытывал и ко всей Земле в целом.

Именно поэтому я и боролся, убивал и бросал бомбы. Именно поэтому к каким только уловкам не прибегал я, чтобы помешать веганцам скупить всю Землю. Ради этого я составлял один заговор за другим от имени правительства, находившегося в эмиграции на Таллере. Вот почему я продолжал свое дело, но уже под другим, новым

именем, став одной из деталей одного огромного механизма Гражданской службы, ныне правившей этой планетой — и почему, в частности, посвятил себя искусству, памятникам и архивам.

На этой должности я мог бороться за сохранение того, что еще оставалось, и ждать очередного Возрождения.

Вендетта, организованная Рэндполом, испугала эмигрантов в такой же степени, как и веганцев. Они не понимали того, что потомки тех, кто пережил Три Дня, по всей вероятности не уступят лучшие места по береговой полосе морей для организации веганских курортов. Не понимали, что они не станут водить веганцев среди развалин их городов, показывая ради развлечений пришельцам наиболее интересные места земной истории. Вот почему Управление для большей части его персонала является чем-то вроде службы здоровья.

Мы призывали возвращаться потомственных жителей, основателей колоний на Марсе и Титане, но никто не пожелал вернуться. Они сильно размягчились, паразитируя на теле цивилизации, которая возникла задолго до нашей. Они растеряли свою тождественность с Землей. Они бросили ее.

И все же именно они были правительством Земли, избранным законным образом отсутствующим уже большинством.

Почти в течение более чем половины столетия дело не сдвинулось с мертвой точки. Не было новых веганских курортов, прекратились акты насилия Рэдпола. И никто не возвращался на Землю. Возможно, вот-вот начнется новое Возрождение, оно уже как бы висело в воздухе — если чутье Миштиго не изменило ему.

В Афинах мне все казалось тусклым. Шел холодный, моросящий дождь, недавнее землетрясение оставило немало следов на афинских улицах. Однако, несмотря на все это, несмотря на шрамы на моем теле и застрявший в горле вопрос, я чувствовал себя освеженным.

Все так же стоял Национальный музей. Акрополь был еще более разрушен, чем прежде, а гостиница «Сад у Алтаря» (прежде это был Королевский дворец) хотя и покосилась немного, но стояла на месте и функционировала как обычно.

Мы прошли внутрь и зарегистрировались.

Как Уполномоченный по делам искусства, памятников и архивов, я претендовал на особый номер, номер 19.

Он был совсем не таким, как в тот день, когда я покинул его. Он был чистым и отремонтированным.

Небольшая металлическая пластинка на двери гласила:

«ЭТОТ НОМЕР БЫЛ ШТАБ-КВАРТИРОЙ КОНСТАНТИНА КАРАГИОЗИСА ВО ВРЕМЯ ОСНОВАНИЯ РЭДПОЛА И БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ ВОССТАНИЯ ЗА ВОЗРОЖДЕНИЕ»

Внутри номера, над кроватью, красовалась надпись:

«В ЭТОЙ КРОВАТИ СПАЛ КОНСТАНТИН КАРАГИОЗИС»

Точно такую же табличку я заприметил на дальней стенке узкой продолговатой прихожей:

«ПЯТНО НА ЭТОЙ СТЕНЕ ПОЯВИЛОСЬ В РЕЗУЛЬТАТЕ ТОГО, ЧТО ЗДЕСЬ РАЗБИЛАСЬ БУТЫЛКА С ЛИКЕРОМ, КОТОРУЮ ШВЫРНУЛ ЧЕРЕЗ ВСЮ КОМНАТУ КОНСТАНТИН КАРАГИОЗИС, ПРАЗДНУЯ БОМБАРДИРОВКУ МАДАГАСКАРА. ЕСЛИ ХОТИТЕ, МОЖЕТЕ ЭТО ПРОВЕРИТЬ»

«КОНСТАНТИН КАРАГИОЗИС СИДЕЛ НА ЭТОМ СТУЛЕ»,— уверяла еще одна табличка.

После всего этого я с ужасом подумал о том, что меня ждет в ванной...

* * *

Обед был прекрасным. Джордж и Фил как всегда стали спорить, на этот раз предметом их спора была эволюция.

— Неужели вы не заметили, как здесь, на нашей планете, происходит конвергенция жизни и мифов в последние дни жизни?— спросил Фил.

— Что вы имеете в виду?— поинтересовался Джордж.

— Я имею в виду то, что когда человечество поднялось из тьмы первобытного состояния, оно вынесло с собой легенды, мифы и воспоминания о сказочных созданиях. Теперь мы снова погрузились почти в такую же тьму. Жизненная сила стала слабой и неустойчивой, и наметился возврат к тем первоначальным формам, которые до сих пор существуют только как смутные образы в воображении...

— Чепуха, Фил. Жизненная сила? В каком столетии вы заблудились? Вы говорите так, будто все живое является цельным, единым разумным существом.

— Так оно и есть.

— Пожалуйста, продемонстрируйте.

— В нашем музее имеются скелеты трех сатиров и фотографии живых. Они живут среди холмов этой страны.

— Кентавров здесь также наблюдали, а также цветы-вампиры, и лошадей с зачатками крыльев. В любом море теперь водятся морские змеи, завезенные к нам крысс-пауки бороздят небеса. Имеются даже клятвенные заверения очевидцев, которые встречали Черного Фессальского Зверя — пожирателя людей, костей и всего прочего. Оживают практически все существовавшие в прошлом в народе легенды,— закончил он.

Джордж вздохнул:

— То, о чем вы говорите, ничего не доказывает, кроме того, что в бесконечности времени существует возможность возникновения любой формы жизни, если только присутствуют ускоряющие факторы и подходящее окружение. Существа земного происхождения, о которых вы говорите, являются просто-напросто мутантами, созданиями, возникающими в различных «горячих» местах, разбросанных по всей Фессалии. Мое мнение не изменится даже если в эту дверь вломится Черный Зверь с сатиром, восседающим на его спине.

И при этом я считаю, что это не доказательство ваших утверждений...

В это мгновение я бросил взгляд в сторону двери, надеясь, разумеется, увидеть не Черного Зверя, а какого-нибудь не вызывающего внешне никаких подозрений старичка или официанта, который принесет Диане вместе с заказанным питьем записку, припрятанную внутри сложенной салфетки.

Но ничего подобного не произошло.

Несколько дней я бродил по афинским улицам и оставался в неведении.

Диана вышла на связь с Рэдполом, но ответа до сих пор не было. Через тридцать шесть часов мы отправились на скиммерах из Афин в Ламию, а затем пешком по местности, где растут причудливые новые деревья с длинными бледными, в красноватых прожилках, листьями и стволами, увитыми лианами.

Мы пройдем по опаленным солнцем равнинам, испещренным извилистыми козьими тропами. Мы двинемся по высоким каменистым местам с глубокими расщелинами, мимо разрушенных монастырей. Эта затея была явно нелепа, однако Миштиго снова настоял, чтобы все было именно так.

Только потому, что я родился здесь, он считает себя в безопасности. Я пытался рассказать ему о диких зверях, о каннибалах-куретах — диком племени, бродившем здесь. Он хотел уподобиться Павсанию и странствовать пешком. Ну, что ж, решил я, если не Рэдпол, так дикая фауна может позаботиться о нем.

Однако, для пущей безопасности я зашел в ближайшее правительственное почтовое отделение, чтобы получить разрешение на дуэль и уплатить полагающийся смертный налог. Если Хасана нужно будет убить, то я сделаю это на законном основании...

Из небольшого кафе на противоположной стороне улицы, доносились звуки музыки. Чувствуя с одной стороны какую-то внутреннюю тягу, а с другой — что кто-то меня преследует, я перешел улицу и уселся за маленьким столиком спиной к стене.

Не переставая присматриваться, я заказал турецкий кофе и пачку сигарет, и стал слушать песни о смерти, изгнании, бедствии и извечной неверности женщин и девушек.

Внутри кафе оказалось еще меньше, чем я предполагал — низкий потолок, грязный пол — настоящий сумрак. Певица была невысокой женщиной в желтом платье и сильно накрашенным лицом. В кафе было душно и пыльно, под ногами чавкали влажные опилки.

Мой столик был расположен почти у самого бара. Посетителей было около дюжины: три девушки с заспанными глазами что-то пили, сидя за стойкой бара, там же восседал мужчина в грязной феске, а другой уже уронил голову на вытянутую руку. Четверо мужчин смеялись за столиком наискось от меня. Остальные посетители сидели поодиночке, пили кофе, слушали песни, взгляд их был рассеянный, они ждали, а может быть, уже перестали ждать, что что-либо произойдет.

Но ничего не произошло. Поэтому, после третьей чашки, я расплатился с тучным усатым хозяином и вышел на улицу.

Снаружи, казалось, стало на пару градусов прохладнее. Я повернул направо и, плохо соображая, долго шел, пока не добрался до обшарпанного забора, который шел вдоль высокого склона Акрополя.

Где-то далеко сзади послышались шаги. Я постоял полминуты, но вокруг простиралась только тишина и очень темная ночь. Пожав плечами, я вошел в ворота. От храма Диониса остался только фундамент. Не останавливаясь, я пошел к театру.

Однажды Фил высказал мысль, что история движется гигантскими циклами, подобно часовой стрелке часов, проходя одни и те же цифры изо дня в день.

— Историческая биология свидетельствует о том, что вы заблуждаетесь,— возразил ему Джордж.

— Я не имею в виду повторение того, что было.

— Тогда нам следует договориться относительно языка, на котором мы будем разговаривать, прежде чем начать дальнейшую беседу.

Миштиго рассмеялся:

— И никаких известий, никаких!

Я шел среди руин, в которые время превратило былое величие. Наконец я оказался в старом театре и стал спускаться вниз...

Я никак не думал, что Диана совершенно серьезно отнесется к глупым надписям, украшавшим мой номер.

— Им здесь и положено быть. Они на своих местах.

— Ха-ха.

— Когда-то это были головы убитых вами животных. Или щиты поверженных врагов. Теперь же мы цивилизованные люди и живем по-новому.

Я решил изменить тему разговора:

— Какие-нибудь новости в отношении веганцев?

— Нет.

— Вам до сих пор нужна его голова?

— Скажите мне, Константин, Фил всегда был вашим другом? И таким дураком?

— Он вовсе не такой уж дурак. Просто это бич недостаточного таланта. Сейчас его считают последним поэтом-романтиком, вот и лезет он из кожи вон. Он вкладывает свой мистицизм во всякую чепуху, потому что он, подобно Вордоворту, пережил свое время. Сейчас он живет в искаженном прекрасном прошлом. Подобно Байрону, он однажды переплыл пролив Дарданеллы, и теперь единственное, чего недостает ему для полного удовольствия — это общество юных дам, которым он докучает своей философией и воспоминаниями. Он стар. В его произведениях время от времени появляются вспышки его прежней мощи, но весь стиль его теперь уже безнадежно устарел.

— Неужели?

— Я вспоминаю один пасмурный день, когда он стоял в театре Джонса и декламировал гимн, написанный в честь бога Пана. Его слушали человек 200-300 — одни только боги знают, откуда их столько здесь взялось — но это его не смутило. Тогда его греческий не был еще достаточно хорош, но у него был весьма внушительный голос, и от всего его облика веяло каким-то вдохновением. Через некоторое время пошел мелкий дождь, но никто не ушел. Гром аплодисментов раздался, когда он закончил свое чтение. Слушатели прямо дрожали от восторга. Уходя, многие на него оглядывались. На меня это чтение также произвело глубокое впечатление. Затем, через несколько дней, я перечитал эту поэму — и, представьте себе, никакого впечатления. Сплошной собачий бред, набор избитых фраз. Просто важно было то, как он читал это произведение. А сейчас, вместе со своей молодостью, он растерял часть этой своей мощи, и из того, что осталось и что можно было бы назвать искусством, не содержит в себе той силы, какая сделала бы его великим, которая превратила бы его в легенду. Он этим очень обижен и утешает себя туманными выражениями. И все же, если отвечать на ваш вопрос — то нет, он не всегда был таким глупым. Возможно даже, что часть его философии верна.

— Что вы имеете в виду?

— Большие циклы. Век причудливых зверей наступает снова. А также век героев, полубогов и демонов.

— Мне пока что только встречались причудливые звери.

— «КАРАГИОЗИС СПАЛ НА ЭТОЙ КРОВАТИ»,— разве это не подтверждение моих слов?

Глава 8

Я прошел на авансцену. Со всех сторон меня окружали рельефные скульптуры. Вот Гермес, представляющий Зевсу новорожденного бога. Икарий, которого Дионис научил разводить виноград — он готовился принести в жертву барана, а его же дочь предлагала пирог богу, который стоял в стороне, беседуя с Сатиром. А вот пьяный Силен, пытающийся поддержать небо подобно Атланту, но у него это получается немного хуже. Здесь были и все остальные боги — покровители различных городов, на чьи средства сооружался этот театр, и среди них я различил Гестию, Тезия, Эрину с рогом изобилия...

— Ты хочешь совершить жертвоприношение богам? — прозвучал неподалеку от меня голос.

Я не обернулся. Источник голоса был за моим правым плечом, но я не обернулся, ибо я узнал этот голос.

— Возможно,— ответил я.

— Прошло много времени с тех пор, как твоя нога ступала на землю Греции.

— Верно.

— Это из-за того, что не было бессмертной Пенелопы —

терпеливой, как эти горы, верящей в возвращение своего калликанзарида?

— Ты решил заделаться деревенским сказочником?

Он рассмеялся.

— Я пасу овец высоко в горах, куда первыми простираются пальцы Авроры, сыплющие розы на небосвод...

— Да, ты плохой сказитель. Почему же ты сейчас не в горах, не развращаешь молодежь своими песнями.

— Виной тому сны.

— Да?

Я обернулся и посмотрел в сторону старого лица — морщины, похожие на почерневшую от времени рыбацкую сеть, белоснежная борода, голубые глаза, цветом под стать слегка пульсирующим на висках венам. Он опирался на свой посох, как воин опирается на свое копье. Я знал, что ему уже больше ста лет и он не прибегал к омоложению.

— Недавно мне приснилось, что я стою посередине черного храма,— начал рассказывать он,— и бог Аид подошел и встал рядом со мной. Он схватил меня за руку и стал умолять уйти вместе с ним. Но я решительно отказался и... проснулся. Этот сон встревожил меня.

— Что ты ел в тот вечер? Ягоды из «горячего» места?

— Не смейся, пожалуйста. Затем как-то поздней ночью мне приснилось, что я стою среди песков во тьме. Я налит силой древних горцев и борюсь с самим Антеем, сыном Земли, и побеждаю его. Затем снова ко мне подходит Аид, берет меня за руку и говорит: «Пойдем со мной сейчас же». Но я снова отказываюсь и снова просыпаюсь. Вокруг дрожала земля...

— И это все?

— Нет. Затем, совсем уже недавно и не ночью, я сидел под деревом, присматривая за стадом, и мне пригрезилось, хотя я и бодрствовал, что я, подобно Аполлону, сражаюсь с чудовищем Парфенона и мне вот-вот уже конец. Однако на этот раз Аид не пришел ко мне, но когда я обернулся, то заметил рядом с собой Гермеса, его слугу. Он улыбнулся и направил ко мне свой жезл, будто винтовку. Я покачал головой, и он опустил свое оружие. Затем он снова поднял его, и я посмотрел туда, куда он его направил. Там передо мной открылись Афины, именно это место, этот театр — и здесь сидела старуха. Та, которая отмеряет нить земной жизни, сидела, надув губы, недовольная, так как нить тянулась до самого горизонта и конца ей не было видно. Но та, которая прядет, разделила ее на две очень тонкие нити. Одна прядь бежала через моря и исчезала из виду, другая же уходила в холмы. Возле первой, на возвышенности, стоял мертвец, который держал нить в своих огромных белых руках. За ним, возле следующего холма, она проходила через раскаленную скалу. На холме за скалой находился Черный Зверь и он тряс и терзал нить зубами. И вдоль всей длины пряди крался иноземный воин. Его глаза были желтыми, а в руках он держал обнаженный меч. Несколько раз он угрожающе поднимал свое оружие. Поэтому-то я и оказался здесь, чтобы встретиться с тобой в этом месте и сказать тебе, чтобы

ты вернулся за море. Я хотел предупредить тебя, чтобы ты не шел в холмы, где тебя поджидает смерть, ибо я знаю, что когда Гермес поднимает свой жезл, то эти сны относятся не ко мне, а к тебе. Мой отец сказал, что я обязан разыскать тебя и предупредить. Уходи отсюда сейчас же, пока еще можешь. Возвращайся. Иди к себе, пожалуйста...

Я обхватил его за плечи.

— Я не поверну назад, так как всецело в ответе за свои поступки — правильные или неправильные, включая свою собственную жизнь. Я должен идти в горы, где находятся «горячие» точки. Спасибо тебе за твое предупреждение. В нашей семье часто снятся необычные сны и не менее часто они только вводят нас в заблуждение. У меня тоже бывают видения, когда я смотрю глазами других людей, иногда четкие, иногда туманные. Спасибо тебе за твое предупреждение. Просто я вынужден пренебречь им.

— Тогда я вернусь к своему стаду.

— Пошли со мной в гостиницу. Мы завтра могли бы тебя подбросить по воздуху в Ламию.

— Нет, я не сплю в больших зданиях. И я уже больше не летаю.

— Мы могли бы заночевать лагерем. Я как раз уполномоченный этого памятника.

— Я слышал, что ты снова важная шишка в большом правительстве. Снова начнутся убийства?

— Надеюсь, что нет.

Мы отыскали ровное место и расположились на его плаще.

— Как ты истолковываешь эти сны? — спросил я его.

— Каждый год до нас доходят твои подарки, но когда ты сам в последний раз посетил нас?

— Около девятнадцати лет назад.

— Значит, тебе ничего неизвестно о мертвеце?

— Нет.

— Он выше большинства людей, выше и толще. Его плоть имеет цвет медузы, а зубы — как у зверя. Слухи о нем начались около пятнадцати лет назад. Он появляется только по ночам. Он питается кровью, а смеется, как ребенок, рыская по окрестностям в поисках крови — ему все равно, людей или животных. Он улыбается, заглядывая в спальни людей поздней ночью. Он поджигает церкви, вызывает свертывание молока у кормящих матерей и выкидыш у рожениц. Днем, говорят, он спит в гробнице, охраняемый дикарями-куретами.

— Ему приписывают все несчастья, как когда-то приписывали калликанзаридам.

— Отец, он существует на самом деле. Некоторое время назад что-то стало причиной смерти моей овцы. Что бы это ни было, но значительная часть ее была съедена и выпита вся кровь. Меня взяло любопытство, и поэтому я выкопал укромное убежище, прикрыл его ветками и устроился на ночь. После многих часов ожидания он появился, и я был так напуган, что не решился заступиться за себя и запустить в него камнем из своей пращи — ибо он был как раз такой,

каким я его тебе описал: большой, больше, чем ты. Очень толстый. У него был цвет свежевыкопанного трупа. Он скрутил голыми руками шею одной овце и стал жадно пить кровь из ее горла. Я плакал, видя это, но боялся что-либо предпринять. На следующий день я перегнал стадо в другую местность, и больше меня никто не беспокоил. Эту историю я рассказываю, когда слишком уж расшалятся мои внучата — твои правнуки. И вот он ждет там, между холмами...

— М-м-да. Если ты говоришь, что сам видел, то значит так оно и есть. Многие страшные вещи появляются вблизи «горячих» мест. И мы знаем об этом.

— Там, где Прометей разбросал слишком много искр Огня Созидания!

— Нет, там, где негодяи разбрасывали свои кобальтовые бомбы, а мальчишки и девочки с горящими глазами приветствовали выпадение радиоактивных осадков... А каков из себя Черный Зверь?

— Он тоже существует, я уверен в этом, хотя сам никогда его не видел. Он размером со слона и очень быстр. Он, говорят, питается плотью, охотясь на равнинах. Может быть, когда-нибудь он и Мертвец повстречаются и погубят друг друга...

— Обычно такого не бывает, но мысль сама по себе хороша. Это все, что о нем известно?

— Да. Все, кого я знаю, видели его только мельком.

— Что ж, иногда приходилось начинать даже с меньшими сведениями.

— Я должен рассказать тебе о Бортане.

— Бортане? Это имя мне знакомо. Так звали моего пса. Я, бывало, катался на его спине, когда был ребенком, и колотил ножками по его огромным бронированным бокам. В этих случаях он рычал и хватал меня за ногу, но осторожно. Мой Бортан подох так давно, что даже кости его давно уже успели истлеть.

— Я тоже так думал. Но через два дня после того, как ты в последний раз уехал от нас, он с шумом ворвался в нашу хижину. Повидимому, он шел по твоему следу через половину Греции.

— Ты уверен, что это был Бортан?

— Разве еще была другая собака размером с небольшую лошадь с роговыми шишками по бокам и челюстями, будто капканы на медведя?

— Нет, я так не думаю. Возможно, именно поэтому они и вымерли. Зачем собакам броня по бокам, если они всю жизнь ошиваются среди людей? Если он до сих пор жив, то, наверное, он последний пес на Земле. Мы с ним оба были когда-то малышами, и знаешь, это было так давно, что сердце ноет, стоит только подумать об этом. В тот день, когда он исчез, мы охотились, и я решил, что с ним произошел несчастный случай. Я искал его, а не найдя, подумал, что он погиб. Уже тогда он был по собачьим меркам довольно стар.

— Наверное, он получил какую-то рану и побрел куда-то подыхать, но это заняло у него многие годы. Однако он остался самим собой и учуял твой след в тот твой последний к нам приезд. Когда же он увидел, что тебя нет, он взвыл и исчез — снова бросился вслед за

тобой. С тех пор мы его не видели, хотя иногда по ночам я слышу его завывание среди холмов.

— Собаки очень своеобразны...

— Да, только вот теперь их уже нет на Земле.

Но тут дуновение холодного ветерка коснулось моих век и... они сомкнулись...

* * *

Греция кишит легендами и полна опасностей. Обычно опасны районы материковой Греции, расположенные вблизи «горячих» мест. Одной из причин этого является то, что хотя Управление теоретически руководит всей Землей, по сути оно занимается только островами.

Персонал Управления на материках очень напоминает сборщиков подати в отдаленных районах двадцатого века. И это вполне объяснимо, так как острова претерпели меньшие разрушения, чем весь остальной мир в течение Трех Дней, и, следовательно, именно они стали аванпостами, где расположились религиозные управления, когда таллериты решили, что нам можно предоставить некоторое самоуправление. На протяжении всей последней истории жители материков решительно противились этому.

В районах, окруженных «горячими» местами, местные жители не всегда являются людьми в полном смысле этого слова. В связи с этим возникает антипатия между двумя ветвями человечества, усугубляется аномалия в быту и в поведении. Вот почему Греция — особо опасная страна.

Мы могли добраться до места назначения разными способами — по воде, по воздуху. Миштиго же хотел от Дамии идти пешком, наслаждаясь атмосферой легенд и чуждого ему окружения. Вот почему мы оставили скиммеры в Ламии и отправились в Волос пешком. Вот почему мы окунулись в мир легенд.

Я распрощался с Ясоном в Афинах, откуда он морем отправился к себе, на север. Фил настоял на том, что он выдержит это путешествие и пойдет с нами вместо того, чтобы где-нибудь потом с нами встретиться. Тоже неплохо в определенном смысле.

Дорога на Волос пролегала через места как с обильной, так и со скудной растительностью. Она идет вдоль огромных скал, редких скоплений бараков, мимо засеянных маком полей. Она пересекает небольшие ручьи, вьется среди холмов, иногда их пересекает.

Стояло раннее утро. Небо было похоже на голубое зеркало, потому что свет Солнца, казалось, наполнял его отовсюду. В темных местах на траве блестели капельки росы. Здесь, по дороге на Волос, я повстречался со своим тезкой.

Когда-то в старину здесь было нечто вроде места поклонения. В юности я часто заходил сюда, ибо мне нравилась какая-то умиротворенность, характерная для этого места. Иногда мне здесь попадались полу-люди или вообще не люди, иногда снились приятные сны или я находил какую-нибудь старую керамику, голову статуи

или вообще что-нибудь такое, что можно было продать в Ламии или в Афинах.

К этому месту нет тропы. Нужно просто знать, где оно находится. Если бы с нами не было Фила, я бы не повел туда никого. Я знал, что ему нравится все, что обещает уединение, безлюдную многозначительность, что сулит приоткрывшийся вид на туманное прошлое и тому подобное.

Сойдя с дороги и пройдя полмили через рощу, а затем мимо груды скал, пройдя через расщелину между ними (нужно знать, в каком точно месте), можно выйти на широкую прогалину, где всегда неплохо передохнуть, прежде чем двинуться дальше. Затем следует короткий крутой спуск и внизу появится поляна в виде яйца длиной около пятнадцати метров, а в поперечнике около двадцати. В одном из ее концов — обширная пещера, обычно пустая. На поляне наугад разбросаны наполовину погрузившиеся в землю, почти квадратные, камни. Деревья и скалы отчасти увиты диким виноградом, а в центре возвышается огромное старое дерево, ветви которого, будто зонтик, закрывают почти все пространство поляны, благодаря чему почти весь день здесь сумрачный. Благодаря этому же данное место трудно разглядеть с расположенной наверху прогалины.

Однако, мы смогли различить посреди этого места сатира, ковырявшего в носу. Я увидел, что у Джорджа рука потянулась к пистолету, заряженному усыпляющими пулями, и схватил его за плечо. Пристально посмотрев в его глаза, я посмотрел в сторону и покачал головой. Он пожал плечами и опустил руку.

Я вытащил из-за пояса пастушью свирель, которую выпросил у Ясона. Остальным я показал жестом, чтобы они пригнулись и старались не шевелиться. Сам же я сделал несколько шагов назад и поднес свирель к губам. Первые звуки, которые я извлек из свирели, были для пробы. Прошло очень много лет с тех пор, как я последний раз играл на этом инструменте.

Уши сатира поднялись торчком, и он стал озираться. Он сделал быстрые движения в трех разных направлениях, как застигнутая врасплох белка, еще не взобравшаяся на дерево, на котором она надеется получить убежище. Затем он застыл, дрожа мелкой дрожью, как только я завел старую мелодию и будто повесил ее в воздухе. Я продолжал играть, все вспоминая и вспоминая другие мелодии, которые когда-то играл, выводя какие-то опьяняющие мотивы, которые, как оказалось, столько лет скрывались в подвалах моего сознания. Все это снова вернулось ко мне, пока я стоял здесь, играя для этого малого с мохнатыми ногами.

В городе я бы не сумел выводить эти переливающиеся трели, каскады звуков, издавать которые может только свирель, но здесь внезапно я снова стал самим собой. Я увидел новые листья среди деревьев и услышал цокот копыт.

Я медленно пошел вперед.

Будто во сне я заметил, что стою, опираясь спиной о ствол дерева, и они находятся вокруг меня. Они переминались с копытца на копытце, не в состоянии оставаться без движения, а я играл для

них, как играл когда-то, много лет назад, не зная, на самом ли деле они те же, что слушали меня тогда, да и не ощущая необходимости знать это. Они скакали вокруг меня, они смеялись, обнажая белые зубы, глаза их сверкали, они кружились, толкались, тыкая друг друга своими ножками и рожками, высоко вверх подбрасывая свои козлиные ноги, наклоняясь далеко вперед. Они подпрыгивали вверх, громко топали, трамбуя землю.

Я кончил играть и опустил свирель. На этот раз я играл последнюю сочиненную мною песню. Это была погребальная песня, которую я играл в тот вечер, когда решил, что Карагиозису необходимо умереть. Тогда я осознал провал движения за Возвращение. Они не вернутся, не вернутся никогда. Земля погибнет. Я сошел вниз, в парк, примыкающий к гостинице, и играл эту последнюю мелодию.

На следующий день огромная ладья Карагиозиса покинула Пирей...

Они расселись на траве. Время от времени то один, то другой косили свои глаза. Все они скорбели со мной, слушая эту песню.

Я не знаю, сколько времени длились мои наигрывания. Когда песня закончилась, я опустил свирель и сел. Через некоторое время один из них протянул руку, дотронулся до свирели и быстро отдернул ее. Затем он посмотрел на меня.

— Ступайте,— сказал я.

Но они, казалось, не поняли меня.

Я поднял свирель и проиграл снова несколько последних тактов.

«Земля гибнет, гибнет. Вскоре она станет мертвой... Расходитесь, бал окончен. Поздно, поздно, очень поздно...»

Самый крупный из них покачал головой.

«Расходитесь, расходитесь, расходитесь... Цените тишину. Жизнь сделала свой первый ход и сама себя сгубила. Цените тишину. На что надеются боги, на что? Нити порваны. Им не на что надеяться. Все это была просто игра. Расходитесь, расходитесь, расходитесь. Поздно, поздно, так поздно...»

Они продолжали сидеть, и поэтому я резко встал, хлопнул в ладоши и громко крикнул:

— Иду!

Потом повернулся и быстро пошел прочь.

Собрав своих спутников, я повел их к дороге...

Глава 9

Из Ламии до Волоса около шести с половиной километров, включая обход одного «горячего» места. В первый день мы прошли, наверное, одну пятую часть этого расстояния. Вечером мы расположились лагерем на поляне, немного в стороне от дороги. Ко мне подошла Диана и сказала:

— Ну, так что?

— Что «что»?

— Я только что вызывала Афины. Рэдпол молчит. И я поэтому хотела бы знать ваше решение сейчас.

— Что-то ты настроена очень решительно. Почему бы нам не подождать еще немного?

— Мы и так ждали слишком долго. Предположим, ему взбредет в голову достаточно быстро завершить турне? Эта местность вполне может подвести его к этому. Здесь очень часто бывают несчастные случаи... Ты ведь знаешь, что скажет Рэдпол — то же, что и раньше. И это будет означать только то, что и раньше — смерть!

— Мой ответ остается тот же — нет!

Она быстро-быстро заморгала, опустив голову.

— Пожалуйста, пересмотри свое решение...

— Нет.

— Тогда забудь о нашем разговоре. Обо всем забудь. Откажись от роли проводника, и пусть Лорел пришлет нового. Ты сможешь улететь отсюда на скиммере даже завтра утром..

— Нет.

— Ты что, на самом деле, всерьез? Ты всерьез думаешь, что можешь защитить Миштиго?

— Да.

— Мне не хотелось бы, чтобы ты пострадал или еще хуже...

— Мне и самому все это не по нутру. Поэтому ты можешь значительно облегчить жизнь нам обоим, если настоишь на отмене предыдущего решения.

— Но я не могу этого сделать.

— Дос Сантос может это сделать, если ты его об этом попросишь.

— Проблема вовсе не в выполнении приказа, черт возьми! Лучше бы никогда не встречаться с тобой!

— Прости.

— Ставкой является Земля, и ты находишься по другую сторону...

— А я полагаю, что это ты.

— Что же ты собираешься сейчас предпринять?

— Так как я не в состоянии переубедить тебя, то мне остается только одно — помешать вам.

— Ты не сможешь убрать секретаря Рэдпола и его супругу без шума. Не забывай, что мы очень обидчивы.

— Я знаю об этом.

— Поэтому ты не сможешь причинить вред Досу, и я не верю, что ты сможешь причинить вред мне.

— Ты права.

— Значит, остается Хасан.

— Еще раз правда на твоей стороне.

— Но Хасан есть Хасан! Что ты можешь предпринять против него?

— Почему бы вам прямо сейчас не дать ему увольнительную и избавить меня таким образом от хлопот?

— Мы не можем этого сделать.

Она подняла взор. Глаза ее были влажными, но лицо и голос ничуть не изменились.

— Если окажется, что ты был прав, а мы заблуждались,— произнесла она,— то уж постарайся простить нас.

— Простите и вы меня тоже,— кивнул я.

* * *

Всю эту ночь я почти не спал, находясь рядом с Миштиго, но ничего не случилось.

Следующее утро прошло без особых событий, как и большая часть дня.

— Миштиго! — произнес я, как только мы остановились с целью фотосъемки склонов очередного холма.— Почему бы вам не уехать домой? Вернуться на Таллер, а? Или куда-нибудь еще? Просто уйти отсюда и написать какую-нибудь другую книгу. Чем дальше мы удаляемся от цивилизации, тем меньше мои возможности защитить вас.

— Вы дали мне пистолет, понятно? — Он изобразил правой рукой, будто стреляет.

— Очень рад за вас, что вы так решительно настроены. Но все же подумайте хорошенько.

— Этот козел находится на нижней ветке вон того дерева?

— Да. Им очень нравятся молодые зеленые побеги на ветках.

— Я хотел бы сфотографировать его. То дерево называется оливковым?

— Да.

— Хорошо. Я хотел бы знать, как правильно подписать этот снимок: «Козел, объедающий зеленые побеги оливкового дерева». Неплохой заголовок?

— Прекрасный. Снимайте побыстрее, пока козел еще там.

Если бы он не был таким коммуникабельным, таким четким, таким безразличным к самому себе. Я ненавидел его. Я не мог его понять. Он разговаривал только тогда, когда о чем-то спрашивал или отвечал на вопрос. И всякий раз, когда он удостаивал вопрос ответом, он был кратким, уклончивым, высокомерным, причем зачастую все это одновременно. Он был самодовольным, тщеславным, синим, во всем проявлялась его власть. Он заставил меня глубоко задуматься о традициях рода Штиго в области философии, филантропии и просвещенной журналистики.

Однако в этот вечер я разговаривал с Хасаном, после того, как не спускал с него глаз весь день. Он сидел у костра, будто сошел с картины Делакруа. Эллен и Дос Сантос сидели поблизости, попивая кофе.

— Мои поздравления!

— Поздравления?

— За то, что вы не попытались убить меня.

— Нет.

— Вероятно, завтра?

Он пожал плечами.

— Хасан, посмотрите на меня!

Он повернулся в мою сторону.

— Вас наняли убить этого синего?

Он снова пожал плечами.

— Не нужно этого отрицать, да и признаваться не нужно. Я уже

и так все знаю. И поэтому я не могу допустить, чтобы вы это сделали. Верните деньги, которые заплатил вам Дос Сантос и ступайте своей дорогой. Я могу раздобыть для вас скиммер к утру. Он доставит вас в любое место, какое вы только пожелаете.

— Но я счастлив здесь, Карачи.

— Ваше счастье тотчас же прекратится, как только с этим синим что-нибудь случится.

— Я телохранитель, Карачи.

— Нет, Хасан. Вы сын верблюда диспентика.

— Что такое диспентик, Карачи?

— Я не знаю эквивалента в арабском, а вы не знаете греческого. Обождите минуточку, и я подыщу другое оскорбление. Вы трус, пожиратель падали, крадущийся по темным закоулкам, потому что вы — помесь шакала и обезьяны...

— Возможно, это именно так, Карачи, так как мой отец говорил мне, что я родился для того, чтобы с меня живого содрали кожу и четвертовали.

— Почему?

— Я был связан с дьяволом.

— Да?

— Да. Это чертям вы играли вчера? У них были рога, копыта.

— Нет, это были не черти. Это результат воздействия радиации на детей несчастных родителей, которые бросили умирать их в этой глуши. Они же, тем не менее, выжили, но потому, что глушь для них — это настоящий родной дом.

— О! А я-то считал их чертями. Я до сих пор так о них думаю, потому что один из них улыбнулся мне, когда я молился о том, чтобы они простили меня.

— Простили? За что?

В глазах араба вспыхнула отрешенность.

— Отец мой был человеком добрым, порядочным, религиозным. Он поклонялся Малаку Тавсу, которого невежды шииты (здесь он сплюнул) называют Иблисом или Шайтаном, или Сатаной. Его благочестие было широко известно, наряду со многими другими добродетелями. Я любил его, но в меня, еще в мальчишку, вселился какой-то бес. Я стал атеистом и не верил в дьявола. Я был дурным ребенком, так как подобрал где-то мертвого цыпленка, насадил его на палку и назвал Ангелом-Павлином. Я дразнил его, швырял в него камни и выщипывал перья. Один из мальчиков постарше перепугался и рассказал об этом моему отцу. Отец выпорол меня прямо на улице и сказал, что с меня сдерут кожу живьем и четвертуют за богохульство, если только я еще раз позволю себе подобное. Он заставил меня отправиться на гору Занджар вымаливать там прощение. Я пошел туда, но бес не оставил меня. Несмотря на порку, я не верил в свои молитвы. Теперь, когда я уже стал старым, бес этот пропал, но мой отец умер много лет назад и я не мог сказать ему: «Прости меня за то, что я богохульствовал». Становясь старше, я стал ощущать необходимость веры. Надеюсь, что Дьявол в своей великой мудрости и милосердии поймет это и простит меня...

— Хасан, вас трудно оскорбить,— сказал я,— но я предупреждаю вас, поймите меня — ни один волос не должен упасть с головы этого синего.

— Я здесь всего лишь скромный телохранитель...

— Ха-ха! У вас хитрость и коварство.

— Нет, Карачи. Благодарю вас, но это не так. Я горжусь тем, что всегда выполняю принятые на себя обязательства. Таков закон, согласно которому я живу. Кроме того, вы не сможете оскорбить меня до такой степени, чтобы я вынужден был вызвать вас на поединок, тем самым позволив вам выбрать род оружия. Нет, этого никогда не будет. Я не восприимчив к вашим оскорблениям.

— Тогда остерегайтесь,— покачал я головой.— Ваш первый ход против веганца будет и самым последним.

— Если так записано в Книге Судеб, Карачи, то...

— И зовите меня Конрад!

Хасан замолчал, а я поднялся и побрел прочь, обуреваемый тяжелыми мыслями...

* * *

На следующий день все мы были еще живы. Мы быстро собрались и прошли около восьми километров, прежде чем произошла непредвиденная задержка.

— Похоже, что где-то плачет ребенок,— внезапно сказал Фил.

— Вы правы.

— Откуда он доносится?

— Похоже слева, вон оттуда.

Мы пробежали сквозь заросли кустов и вышли к руслу пересохшего ручья. На первом же повороте мы увидели ребенка, лежавшего между камнями, завернутого в грязное одеяло. Его лицо и руки сильно покраснели под палящими лучами Солнца, что говорило о том, что он находится здесь довольно продолжительное время. На его крохотном влажном личике были видны многочисленные укусы насекомых.

Я опустился на колени, чтобы получше закутать его в одеяльце.

Эллен слегка вскрикнула, когда одеяло спереди приоткрылось и она увидела тело ребенка. На груди его был врожденный свищ, и что-то копошилось внутри него.

Красный Парик закричала, отвернулась и начала всхлипывать.

— Что?— недоуменно спросил веганец.

— Один из покинутых,— сказал я, занимаясь ребенком.— Это один из меченных.

— Как ужасно!— с чувством произнесла Красный Парик.

— Это видимость или факт, что он брошен?— поинтересовался Миштиго.

— И то, и другое!

— Передайте его мне,— сказала Эллен, протягивая руки.

— Не прикасайтесь,— Джордж отодвинул ее немного в сторону и сам нагнулся ко мне.— Возьмите скиммер,— приказал он, обращаясь к обступившим его людям.— Мы должны немедленно отпра-

вить его в больницу. У меня нет оборудования, чтобы прооперировать здесь. Эллен, помоги мне.

Она заняла место рядом с ним, и они вместе стали рыться в его медицинском наборе.

— Напишите, что я сделал ему, и приколите эту записку к чистому одеялу, чтобы врачи в Афинах знали об этом.

Эллен стала наполнять шприцы для Джорджа, затем промыла укусы и смазала ожоги. Они вместе накачали ребенка витаминами, антибиотиками и еще черт знает чем.

Дос Сантос связался с Ламией и попросил прислать один из наших скиммеров.

Эллен и Джордж в это время уже завернули ребенка в чистое одеяло и подкололи к нему записку.

— Как это ужасно! — сказал Дос Сантос. — Выбрасывать такое дитя. Ведь ему предстояла такая мучительная смерть...

— Здесь это практикуется давно, — сказал я, обращаясь ко всем. — Особенно вблизи «горячих» мест. В Греции всегда существовала традиция детоубийства. Меня самого вынесли на вершину холма в тот же день, когда я увидел этот мир.

Миштиго закурил свою очередную сигарету, но, услышав мои слова, замер и посмотрел на меня.

— Вас? Но зачем это сделали?

Я рассмеялся и стал рассматривать свои ноги.

— Это запутанная история. Я сейчас ношу специальную обувь, потому что у меня одна нога короче другой. Кроме того, насколько я понимаю, для ребенка я был слишком волосатым. Ну, и глаза у меня разные. Но я думаю, что на все это не обратили бы внимания, не родись я на Рождество, а это очень плохо.

— А что тут плохого — родиться на Рождество?

— Боги, согласно местным поверьям, считают это большим нахальством. По этой причине дети, которые рождаются в это время, не являются детьми людей. Они зачаты от различных злых духов, которые пугают местное население, расстраивают их планы и все такое прочее. Этих духов называют здесь калликанзаридами. Они очень похожи на тех ребят с рогами и копытами, но, правда, некоторые все же бо́льше похожи на людей. Они могут быть внешне похожи на меня, поэтому мои родители, если только они в самом деле были моими родителями, решили избавиться от меня. Вот почему я был оставлен на вершине холма. Этим был сделан широкий жест — мол, возвращаем дитя его настоящему родителю.

— И что же было потом?

— В нашей деревеньке жил старенький православный священник. Он услышал об этом и пришел к ним. Он им сказал, что они совершили смертный грех и будет лучше, если они побыстрее заберут своего ребенка назад и подготовят его для того, чтобы он, священник, окрестил новорожденного на следующий день.

— О! Так вы еще и крещены?!

— Да... — Я закурил сигарету. — Они вернулись за мной. Все правильно. Но потом стали утверждать, что я не тот самый ребенок, ко-

торого они оставили на холме. Они оставили обычного ребенка, на счет которого у них возникли сомнения, что он мутант, а забирать им пришлось уже настоящего урода. Вот что они потом говорили. Взамен они получили гораздо худшего Рождественского ребенка. Никто меня не видел, и поэтому их утверждения нельзя было полностью проверить. Однако священник настоял на том, чтобы они оставили у себя этого ребенка. И как только они смирились со случившимся, они стали бесконечно добры ко мне. Рос я очень быстро и был очень силен для своих лет.

— Но крещение...

— О, это было для них... как бы наполовину.

— Как это наполовину?

— Во время моего крещения священника хватил удар и через день он умер. Во всей нашей округе он был один, поэтому я не знаю, все ли было выполнено так, как положено.

— Может быть, лучше проделать это еще раз, на всякий случай?

Я внимательно посмотрел на веганца, но не заметил на его лице и капли иронии.

— Нет. Если небо не захотело меня тогда, то второй раз я просить не собираюсь.

Мы расположились на ближайшей поляне и стали ждать скиммера...

* * *

В тот день мы прошли примерно с дюжину километров, что можно считать прекрасным, если учесть состав нашей группы. Ребенок был погружен в скиммер и отправлен прямо в Афины. Когда все было готово к отлету, я громко спросил, не хочет ли еще кто-нибудь уехать. Но никто, однако, не отозвался.

Именно в этот вечер все и случилось...

Мы полумесяцем лежали вокруг костра. Было тепло и приятно. Хасан прочищал свой обрез с алюминиевым стволом. Приклад оружия был из пластика, и поэтому оно было очень легким и удобным.

Возясь с оружием, Хасан наклонил дуло вперед и медленно стал перемещать его прямо на Миштиго.

Должен признаться, проделал он это все мастерски. Длилось это полчаса и он перемещал дуло едва уловимым движением.

Но, когда положение дула зафиксировалось в моей голове, я вскочил и в три прыжка оказался около араба. Я выбил обрез из его рук, и оружие, отлетев метра на три, стукнулось о камень. Рука моя заныла от удара.

Хасан тотчас же вскочил. Зубы его щелкали, словно курок кремниевого оружия. Мне даже показалось, что из его рта посыпались искры.

— Объяснитесь! — закричал я. — Валяйте, скажите что-нибудь! Все, что угодно! Вы ведь чертовски прекрасно знаете, что собирались только что сделать!

Руки Хасана задрожали.

— Давайте! — подбодрил я его. — Ударьте меня! Всего лишь прикоснитесь ко мне! Затем то, что я с вами сделаю, будет называться самообороной. Даже Джордж тогда не сможет сложить то, что от вас останется.

— Я всего лишь чистил оружие. И вы повредили его, Карачи.

— Случайно оружие не направляется в цель. Вы собирались убить веганца!

— Вы ошибаетесь.

— Ударьте меня! Или вы трус?

— Я не хотел бы ссориться с вами, Карачи.

— Тогда вы действительно трус!

— Нет, Карачи, я не трус!

Через несколько секунд он улыбнулся и спросил:

— Вы не боитесь бросить мне вызов?

Следующий ход был за мной. Я надеялся, что до этого не дойдет. Я надеялся, что смогу вывести его из себя настолько, что он ударит меня или вызовет на дуэль. Но теперь я понял, что этого мне не удалось сделать.

И это было плохо. Очень плохо!

Я был уверен в том, что смог бы одолеть любого врага оружием, которое выбрал лично. Но если оружие будет выбирать он, то все может сложиться совершенно иначе. Каждый знает, что существуют люди с обычными музыкальными способностями, и есть люди с особыми способностями. Последним достаточно один раз прослушать какое-нибудь произведение, и они тотчас же сумеют проиграть его на пианино или на талинсторе. Они могут взять какой-нибудь новый для них инструмент, и через несколько часов он будет звучать в их руках так, словно они играли на нем несколько лет подряд. Это особый, присущий им талант — способность быстрого проникновения в суть того, что им предстоит сделать.

Именно такой способностью обладал Хасан в отношении различных видов оружия. Может быть, таким талантом обладают и другие, однако этот араб в течение многих десятилетий оттачивал грани своего мастерства, в равной степени учась обращаться с пистолетом и гранатометом.

Кодекс поединков дает возможность ему выбрать средства дуэли, и он был самым искусным из убийц, с которыми мне довелось когда-либо встречаться.

Но я должен был помешать ему, и единственный способ, который оставался в моем распоряжении, сделать это на представленных мне им условиях.

— Аминь! — сказал я. — Я вызываю вас на дуэль.

Он продолжал улыбаться.

— Согласен, перед этими свидетелями. Назовите своего секунданта.

— Фил Гребер. А ваш?

— Дос Сантос.

— Прекрасно. Разрешение на убийство и пошлина одного чело-

века находятся в моей сумке. Поэтому нет нужды откладывать это занятие надолго. Когда, где и как вы желаете?

— Мы прошли мимо хорошей поляны в километре отсюда.

— Да. Помню.

— Возвращаемся туда завтра на заре.

— Договорились,— кивнул я.— Что касается оружия...

Он достал свой ранец и открыл его. Там было полно всяких интересных штуковин, поблескивающих при свете. Он вытащил два предмета и захлопнул ранец.

Сердце мое упало.

— Праща Давида,— провозгласил он.

Я осмотрел оружие.

— Расстояние пятьдесят метров,— добавил араб.

— Что ж, вы сделали хороший выбор,— сказал я ему, поскольку не держал этого оружия в руках уже более столетия.— Мне бы хотелось позаимствовать у вас одну на ночь, чтобы поупражняться. Но, если вы возражаете, то я сумею сделать ее сам.

— Можете взять любую и тренируйтесь хоть всю ночь.

— Спасибо.

Я выбрал пращу и подвесил ее к поясу. Затем взял один из наших фонарей.

— Если я кому-нибудь понадоблюсь, то ищите меня на той поляне, у дороги. Но не забудьте на ночь поставить часовых. Это опасная местность.

— Может быть, мне пойти с вами?— поинтересовался Фил.

— Нет, спасибо. Я пойду один. Увидимся завтра.

— Тогда спокойной ночи.

— Спокойной ночи...

* * *

Я отыскал поляну, установил фонарь на одном ее краю так, чтобы свет от него падал на несколько молодых деревьев, а сам пошел на противоположный край. Затем я подобрал несколько камней и запустил их в дерево.

Промах!

Я бросил еще дюжину и сделал только четыре попадания.

Я продолжал метать камни. Примерно через час мои успехи стали более значительными. И все же на расстоянии пятьдесят метров я, по-видимому, не мог бы состязаться с Хасаном.

Наступила ночь, а я все продолжал тренироваться. Я достиг через некоторое время, видимо, пределов своей точности. Примерно шесть из семи моих бросков попадали в цель.

Однако один фактор, как я понял, был для меня благоприятным. Камни, пущенные мною, били в цель с невероятной силой. Я уже совершенно сломал несколько молодых деревьев и был уверен в том, что Хасану это не удастся сделать, даже при значительно больших попаданиях.

Если бы мне только удалось попасть в него, все было бы прекрасно. Но какая угодно могучая сила бесполезна, если ее не направить

в нужное русло. И я был уверен в том, что он сможет часто попадать в меня. Я задумался над тем, сколько времени я смогу оставаться в строю и продержаться. Это зависело, разумеется, от того, куда он попадет.

Я бросил пращу и рванулся к автомату за поясом, когда услышал хруст веток за спиной справа от меня. На поляну вышел Хасан.

— Что вам нужно? — спросил я.

— Я пришел взглянуть на вашу тренировку,— сказал он, рассматривая сломанные деревья.

Я пожал плечами, вернул автомат в чехол и поднял пращу.

— Наступит восход солнца и вы увидите...

Мы пересекли поляну и я подобрал фонарь. Хасан внимательно осмотрел молодое дерево, которое теперь напоминало скорее зубочистку, и ничего не сказал.

Мы побрели назад к лагерю. Все, кроме Дос Сантоса, забрались уже в свои палатки. Дос был нашим часовым. Он шагал вдоль предупредительного периметра, держа в руках автомат. Он помахал нам рукой, и мы вошли в лагерь.

Я сел на бревно около костра, а Хасан нырнул к себе в палатку. Через несколько секунд он вновь появился с трубкой и бруском какого-то, похожего на резину, вещества, которое стал измельчать. Затем он смешал его с небольшим количеством ячменя и этой смесью набил трубку. После того, как он раскурил ее, он сел рядом со мной.

— Я не хочу убивать вас, Карачи,— произнес он.

— Я разделяю это чувство. Мне что-то не хочется быть убитым.

— Но ведь завтра мы должны сражаться.

— Да.

— Вы можете взять назад свой вызов.

— А вы могли бы улететь на скиммере?

— Нет. Я останусь здесь.

— А я не возьму назад свой вызов.

— Печально,— покачал он головой и, немного помолчав, добавил.— Печально, что двое таких, как мы, должны сражаться из-за такого... синего... Он не стоит ни вашей, ни моей жизни.

— Верно,— кивнул я,— но здесь затронуто нечто большее, чем его жизнь. Будущее нашей планеты каким-то образом связано с тем, что он делает.

— Я ничего об этом не знаю,— бесстрастно произнес Хасан.— Я дерусь ради денег, у меня нет другого способа добывать себе пропитание.

— Да, я знаю.

Пламя костра начало гаснуть. Я бросил несколько веток сушняка.

— Вы помните то время, когда мы бомбардировали Золотой Берег во Франции? — спросил он, глядя на костер.

— Помню.

— Кроме синих мы убили тогда многих невинных людей...

— Да.

— И от этого будущее планеты не изменилось ни на йоту, Кара-

чи. Вот мы здесь через много лет после того, а все осталось по-старому.

— Я знаю это.

— А помните ли вы те дни, когда мы сидели в окопе на склоне холма, выходящего к Пирейскому заливу? Время от времени мы меняли ленты в моем пулемете, а я поливал свинцом лодки. А когда я уставал, вы сами становились за пулемет. У нас тогда было мало патронов. Гвардия Управления не смогла тогда высадиться, да впрочем, и в последующие дни ей это тоже не удалось. Они так и не сумели захватить Афины, и им так и не удалось уничтожить Рэдпол. И мы беседовали друг с другом, сидя там два дня и ночь, в любую минуту ожидая, что огненный шар уничтожит нас. Вы тогда рассказывали о великих державах в небесах.

— Не помню.

— А я не забыл... Вы говорили, что там тоже есть люди, подобные нам, которые живут на планетах возле далеких звезд. Кроме того, там обитают и синие. Многие из людей, говорили вы, заискивают перед этими чужаками, чтобы заслужить их благосклонность, и они продали бы нашу Землю синим, чтобы те смогли превратить ее в музей. Другие же, говорили вы, не хотят допустить этого, но они хотят, чтобы все осталось по-прежнему, как сейчас — их собственность, которой распоряжается Управление. Синие тоже разделились во мнениях, поскольку перед ними встал вопрос, насколько это законно, и соответствует ли покупка Земли их этическим нормам. Стороны пришли к компромиссу, и синим были проданы некоторые нетронутые радиацией местности, которыми они стали пользоваться как курортами, и из которых они стали путешествовать по всей Земле. Но вы хотели, чтобы Земля принадлежала только людям. Вы говорили тогда, что если мы уступим синим хотя бы один дюйм, они захотят и все остальное. Вы хотели тогда, чтобы люди со звезд вернулись и возродили города, перепахали «горячие» места, истребили диких зверей, охотившихся на людей. Мы сидели в окопе, готовые каждую секунду принять смерть, и вы говорили, что мы можем видеть, слышать, осязать или пробовать на вкус смерть только из-за небесных держав, которые никогда не видели нас, и которых мы никогда не увидим. Небесные державы начали все это, и из-за этого людям придется умирать здесь, на Земле. Вы говорили тогда, что вследствие гибели людей и синих эти державы могут вернуться на Землю. Но они, однако, не вернулись. Нам досталась только смерть. И все-таки державы в небе спасли нас в конце концов, потому что с ними нужно было посоветоваться, прежде чем можно было взорвать огненный шар над Землей. И они напомнили Управлению о старом законе, принятом во времена, последовавшие за Тремя Днями, согласно которому на вечные времена запрещалось зажигать огненные шары в небе над Землей. Вы считали, что они все-таки зажгут его, но они не посмели этого сделать. А они хотели это сделать, потому что мы остановили их у Пирея. Затем я сжег Мадагаскар ради вас, но державы так и не снизошли на Землю. И когда у оставшихся людей заводится больше денег, чем на-

до, они покидают нашу планету — и больше никогда не возвращаются. И что бы мы сейчас ни делали, мы не сможем предотвратить этого...

— Только вследствие того, что мы действовали, а не сидели сложа руки, все осталось, как прежде, а не превратилось в дерьмо,— покачал я головой.

— Но что случилось бы, если этот синий умер бы?

— Не знаю. Возможно, станет еще хуже. Если он рассматривает районы, которые мы посетили, как свою потенциальную недвижимость, то тогда, верно, все начнется сначала.

— Рэдпол будет снова сражаться и бомбить их?

— Думаю, что да.

— Тогда давайте убьем его сейчас, прежде чем он пойдет дальше и увидит больше. Кроме того, могут последовать репрессии — возможно, массовые аресты членов Рэдпола. Рэдпол в наше время находится на переднем крае общественной жизни, как в те дни. Но люди еще не готовы. Им нужно время. А вот с этим синим... Я могу следить за ним, узнать его намерения. Затем, если возникнет необходимость, я сам могу его уничтожить.

Я принюхался к запаху дыма из его трубки. Чем-то этот запах напоминал запах сандалового дерева.

— Что это вы курите?

— Это одно из новых растений, которых раньше не было на Земле. Оно растет в моих краях. Я там побывал недавно. Попробуйте.

Я сделал несколько полных затяжек. Сначала я ничего не почувствовал. Продолжая курить, только через минуту я почувствовал, что во мне стало нарастать спокойствие и расслабленность.

Я вернул трубку Хасану. Однако это ощущение продолжало становиться все сильнее и сильнее. Мне стало очень приятно. Таким спокойным, таким умиротворенным я не был в течение уже многих недель. Огонь, тени, земля, все, что окружало нас — неожиданно стало более реальным. Ночной воздух, далекая луна, звуки шагов Дос Сантоса стали отчетливее, стали заслонять те мысли, которые теснились в моей голове. Борьба казалась нелепой. Все равно мы потерпим поражение. У человечества на роду написано, что ему суждено стать собаками, кошками и дрессированными шимпанзе у по-настоящему разумных людей, веганцев — в определенном смысле это была не такая уж и плохая в целом идея. По-видимому, нам нужен был более мудрый, чем мы, народ, чтобы присматривать за нами и направлять ход нашей жизни. Мы превратили свою собственную планету в грандиозную скотобойню в течение трех злосчастных дней. А эти веганцы создали очень цельное, умеренное, но не очень эффективное межзвездное правительство, объединившее под своей властью десятки планет.

За что бы они ни брались, они все делали эстетически, красиво. Их собственная жизнь была размеренной, счастливой и очень тщательно отрегулированной. Зачем же мешать им обладать Землей?

Они, по всей вероятности, преобразуют ее намного лучше, чем это совершили бы мы, и почему бы нам не стать их рабами? Ведь

жизнь эта не так уж и плоха? Почему бы не отдать им этот старый ком грязи, полный радиоактивных язв и населенный калеками?

В самом деле, почему?

Я еще раз взял у Хасана трубку и вдохнул в себя новую порцию спокойствия. Ведь это так приятно — вообще не думать обо всех этих неприятных вещах, не думать о том, где фактически бессилен что-либо сделать. Ведь это так хорошо — просто сидеть у костра, дышать свежим ночным воздухом, прислушиваться к шорохам в лесу — этого вполне достаточно для нормальной человеческой жизни.

Но я потерял свою Кассандру, свою смуглую колдунью с острова Кос. Ее отняли у меня неразумные силы, приводящие в движение Землю и воздух. Ничто не могло убить ощущение утраты. Она казалась отдаленной, как бы заключенной в хрустальный сосуд, но от этого не перестала быть утратой.

Никакая трубка Востока не могла убить боль этой утраты. И я уже не хотел никакого покоя. Я жаждал ненавидеть. Мне хотелось сорвать маску со всей Вселенной — с Земли, с небес, с Таллера, с земного правительства, с Управления — чтобы на одного из них найти ту силу, которая отняла у меня ее, и заставить их тоже познать, что такое боль. Я уже не хотел никакого мира. Я не хочу быть заодно с чем угодно. Я хотел хотя бы на десять минут стать Карагиозисом, смотрящим на все это сквозь прорезь прицела и держащим палец на спусковом крючке.

«О, Зевс Громовержец,— молился я,— дай мне свою силу, чтобы я мог бросить вызов небесам...»

Я вернул трубку.

— Спасибо тебе, Хасан, но мне этого мало.

Затем я встал и поплелся к тому месту, куда бросил свою поклажу.

— Очень жаль, что мне придется убить вас утром,— услышал я его слова, сказанные мне вслед.

* * *

Потягивая пиво в горной сторожке на планете Дисбах вместе с веганским продавцом информации по имени Крим (который сейчас уже мертв), я смотрел сквозь широкое окно на высочайшую вершину в обследованной части Вселенной. Называлась она Касла, и на нее еще никто не мог взобраться.

Причина, по которой я упомянул об этом, заключалась в том, что утром перед дуэлью я ощущал глубокое раскаяние в том, что я никогда не пытался ее покорить. Это была одна из тех безумных мыслей, о которых иногда размышляешь и обещаешь себе, что когда-нибудь попытаешься это совершить, но затем, в одно прекрасное утро, просыпаешься и понимаешь, что никогда ты уже не сделаешь этого.

В это утро у всех были какие-то пустые, лишенные какого бы то ни было выражения лица. Мир, окружавший нас, был ярким, чистым, прозрачным и наполнен пением птиц.

Для того, чтобы нельзя было воспользоваться рацией, пока не завершится поединок, я вынул несколько важных деталей и для гарантии передал их Филу. Лорел не будет об этом знать. Об этом не будет знать и Рэдпол. Никто не узнает об этом, пока не завершится поединок.

Подготовка закончилась, расстояние было отмерено. Мы заняли свои места на противоположных концах поляны. Восходящее Солнце было слева от меня.

— Вы готовы, господа? — раздался голос Дос Сантоса.

— Да! — одновременно сказали мы.

— Я делаю последнюю попытку отговорить вас от проведения дуэли. Желает ли кто-нибудь из вас пересмотреть точку зрения?

— Нет! — сказали мы оба.

— У каждого из вас по десять камней одинакового размера и веса. Первым начинает, разумеется, тот, кого вызвали на поединок. Хасан — первый!

Мы оба кивнули.

— Начинайте!

Он отступил в сторону, и теперь нас разделяло пятьдесят метров пустого пространства. Мы оба встали боком, чтобы уменьшить вероятность попадания.

Хасан заложил в пращу первый свой камень. Я следил за тем, как он быстро вращает ею позади себя, затем за его рукой, внезапно взметнувшейся вперед.

Позади меня раздался треск.

Больше ничего не произошло.

Он промахнулся.

Я вложил камень в свою пращу и стал рассекать ею воздух, затем отпустил руку и швырнул камень, вложив при этом всю силу своей руки.

Камень скользнул по его левому плечу, едва коснувшись. Он потерял точку опоры. Но камень повредил только одежду.

Все вокруг замерло. Даже птицы прекратили свой утренний концерт.

— Господа! — обратился к нам Дос Сантос. — Каждому из вас было предоставлено по шансу уладить свои разногласия. Теперь можно сказать, что вы достойно встретили друг друга и дали возможность испариться своему гневу и, должно быть, уже удовлетворены. Не желаете ли вы прекратить поединок?

— Нет! — сказал я.

Хасан потер свое плечо и покачал головой. Затем он подошел к праще, взял второй камень и, сильно размахнувшись, метнул его в меня.

Камень попал точно между бедром и грудной клеткой.

Я упал на землю, и все вокруг померкло. Секундой позже зрение вернулось ко мне, но я лежал, скорчившись, и что-то тысячей зубов вцепилось мне в бок и не отпускало.

Все побежали ко мне, но Фил, размахивая руками, велел им вернуться на прежнее место.

Хасан занял свою позицию. Дос Сантос приблизился к нему.

— Ты можешь подняться? — спросил у меня Фил.

— Да. Мне нужна всего минута, чтобы перевести дух...

— Как вы себя чувствуете? — закричал Дос Сантос, находясь рядом с Хасаном.

Фил направился в их сторону.

Я приложил руку к своему боку и медленно поднялся. Пара дюймов ниже или выше и, возможно, какая-нибудь кость была бы сломана. А так только сильная боль, как при ожоге.

Я потирал кожу и разминал свою правую руку. Потом сделал несколько пробных кругов для проверки работы мышц. Все было в порядке.

Затем я поднял камень и вставил его в пращу. На этот раз все должно сойтись, я чувствовал это.

Праща вращалась все быстрее и быстрее, а затем с силой выстрелила камень.

Хасан упал на спину, схватившись за левое бедро. Дос Сантос подбежал к нему. Они обменялись несколькими словами.

Одежда Хасана смягчила удар. Кость не была сломана. Он сможет продолжать поединок, как только встанет на ноги.

Почти пять минут он массировал свое бедро, затем поднялся. За это время боль моя поутихла.

Хасан выбрал третий камень. Он долго и тщательно готовился к броску, несколько раз целился...

Почти все время у меня было предчувствие, и оно непрерывно нарастало, что следовало отклониться чуть-чуть вправо, что я и сделал. Он в это время отпустил камень. Метательный снаряд царапнул левое ухо и задел мой лишай. Щека моя внезапно стала влажной.

Эллен вскрикнула.

Не отклонись я чуть-чуть вправо, и я никогда бы не услышал ее.

Теперь снова была моя очередь.

Гладкий серый камень прямо-таки испускал дух смерти... «Я буду ею», — казалось говорил он. На сей раз предчувствие не могло меня обмануть.

Я вытер кровь с лица, приладил камень. В моей правой руке была смерть, когда я поднял ее. Хасан, видимо, тоже почувствовал это, так как слегка вздрогнул. И я заметил это!

— Оставайтесь точно на тех местах, где стоите, и бросайте оружие! — раздался внезапно незнакомый голос.

Сказано это было по-гречески, поэтому, кроме Фила, Хасана и меня, никто не мог сразу понять эти слова. Но все мы прекрасно видели, что в руках человека, который оказался на поляне, был автомат. За незнакомцем стояло три дюжины людей и полулюдей, вооруженных мечами, дубинками и ножами.

Это были куреты. Куреты были опасны. Мы знали, что им обязательно нужно каждый день хотя бы килограмм мяса... обычно поджаренного. Хотя иногда и тушеного...

Говоривший, казалось, был единственным, кто обладал огнестрельным оружием.

...А над моим плечом все еще крутилась неотвратимая смерть. И я решил подарить ее этому человеку.

Его голова разлетелась на куски.

— Убивайте их! — закричал я.

Повторять уже не было необходимости.

Джордж и Диана открыли огонь первыми, затем свой пистолет навел Фил. Дос Сантос побежал к своему ранцу, Эллен бросилась к своей палатке.

Хасану мой приказ убивать был ни к чему. Единственным оружием, которым он располагал, была праща. Куреты были гораздо ближе наших пятидесяти метров, и к тому же нападали неорганизованно. Хасан уложил двоих, прежде чем они поняли, в чем дело. Я также попал в одного.

Однако бандиты уже пересекли поляну, перепрыгивая через своих убитых.

Как я уже сказал, не все из них были людьми. Среди них было одно высокое худое существо с метровыми крыльями, покрытыми язвами, пара микрофалов, которые казались совсем безголовыми, так как на их черепах было некоторое количество волос.

Были среди них и сиамские близнецы, несколько уродов с огромными курдюками и трое огромных неуклюжих скотоподобных верзил, которые продолжали двигаться несмотря на то, что их груди и животы были буквально изрешечены пулями. У одного из таких зверей были, наверное, кисти длиной с полметра и шириной в треть метра. У другого же конечности были слоноподобными. Среди остальных были и такие, которые внешне выглядели как обычные люди, однако все они были грязными и отвратительными, на всех висели лохмотья, некоторые были совсем нагие. От одного их запаха можно было потерять сознание.

Я метнул еще один камень, однако так и не увидел, попал ли в кого-нибудь, так как уже оказался окружен дикарями. Я начал отбиваться как мог — ногами, кулаками, локтями. Огонь из автоматов постепенно прекратился, видимо, необходимо было перезарядить их, если была такая возможность.

Мой бок болел. И все же мне удалось повалить троих, прежде чем меня стукнули чем-то тяжелым по затылку, и я потерял сознание...

Глава 10

Воздух был горячим и спертым. Вокруг царила тишина. Мне совсем не хотелось приходить в себя, ибо я лежал на грязном смрадном полу, лицом вниз. Я застонал, потрогал свое тело — целы ли кости. Потолок был совсем низким. Единственное крохотное окно было отделено от окружающего мира решеткой.

Мы лежали на полу в углу небольшого деревянного барака. Присмотревшись, я обнаружил в противоположной стене еще окно, но оно выходило не наружу, а вовнутрь какой-то большой комнаты.

Джордж и Дос Сантос переговаривались через него с кем-то, кто

стоял по ту сторону окна. Хасан лежал пока без сознания. Фил, Миштиго и женщины тихо разговаривали между собой в дальнем углу.

Мой левый бок болел, чертовски болел, да и остальные части тела, казалось, не хотели отставать от него в этом отношении.

— Он пришел в себя,— неожиданно произнес Миштиго.

— Всем привет, я снова с вами,— я постарался сказать это с ноткой оптимизма в голосе.

Они подошли ко мне, и я попытался подняться.

— Мы в плену,— сказал Миштиго.

— Неужели? А я и не догадался бы.

— Подобное никогда не случается на Таллере,— заметил веганец,— так же, как и на любой другой планете Федерации.

— Очень плохо, что вы там не остались,— усмехнулся я.— Вы не забыли, сколько раз я говорил вам, чтобы вы вернулись?

— Этого бы не случилось, если бы не ваш поединок!

Я ударил его по лицу. Всякому терпению должен быть какой-то предел. Я еще раз ударил его тыльной стороной ладони и отшвырнул к стене.

— Вы что, пытаетесь доказать мне, что не знаете, почему я стоял в это утро там, на поляне, подобно мишени?

— Знаю. Из-за вашей ссоры с моим телохранителем,— сказал он вызывающе громко, потирая щеку.

— Который намеревался вас убить!

— Меня? Убить?

— Забудем об этом, теперь это уже не имеет никакого значения. Во всяком случае сейчас... Вы все еще в мыслях своих пребываете на Таллере и с таким же успехом можете несколько часов своей жизни оставаться там.

— Мы что, так и умрем здесь, да?— удивился он.

— Таков обычай этой страны.

Я повернулся и стал разглядывать человека, который внимательно смотрел на меня с наружной стороны решетки. Хасан уже сидел, прислонившись к дальней стене, и держался руками за голову.

— Добрый день,— поздоровался человек по ту сторону решетки. Произнес он эти слова по-английски.

— Разве уже день?— спросил я.

— А как же,— ответил он.

— А почему же мы все еще живы?

— Потому, что этого захотел я,— заявил незнакомец,— мне захотелось, чтобы вы, Конрад Номикос, Уполномоченный по делам музеев, охраны памятников и архива, и все ваши друзья, включая и этого поэта-лауреата, остались пока в живых. Мне захотелось, чтобы любых пленников, доставшихся им в руки, приводили сюда живыми. Ваши индивидуальности будут, скажем, приправой...

— С кем имею удовольствие разговаривать?— поинтересовался я.

— Это доктор Морби,— вставил Джордж.

— Он их шаман,— заметил Дос Сантос.

— Я предпочел бы термин «врачеватель»,— улыбаясь, поправил его Морби.

Я приблизился к решетке и увидел, что это довольно худой человек, очень загорелый и чисто выбритый. Все свои волосы он заплел в огромную черную косу, которая как бы коброй обвилась вокруг его головы. У него были близко посаженные глаза очень темного цвета, высокий лоб. На ногах были лапти, одет он был в чистое сари зеленого цвета, на шее — ожерелье из косточек человеческих пальцев. С каждого уха свисало по серьге в форме толстой змеи.

— Ваш английский весьма неплох,— сказал я,— и Морби совсем не греческая фамилия.

— Какая наивность! — он изобразил на своем лице насмешливое удивление.— Я не местный! Неужели вы совершили такую непростительную ошибку, приняв меня за местного?

— Извините! — я тоже усмехнулся.— Вот теперь я вижу, что вы слишком хорошо одеты.

Он расхохотался.

— Э, это старое рванье. Я просто одел то, что под руку попало. Нет, родом я с Таллера. Я начитался всякой удивительно воодушевляющей литературы с призывом вернуться и решил осесть здесь и помочь Возрождению Земли...

— Да? И что же из этого вышло?

— Управление тогда не приняло меня на работу, и я попытался подыскать ее сам. Поэтому-то я и решил заняться исследованиями. Эта планета предоставляет массу возможностей для этого.

— Какого рода исследованиями?

— Я разработал два учения — по первобытной культуре и антропологии в новом Гарварде. Потом я решил изучить жизнь «горячего» племени где-нибудь в глубинке — и после долгих уговоров я добился своего. Племя приняло меня к себе, и я начал их просвещать. Вскоре, однако, мне стали мешать, мешали все, кто только мог. Это был удар по моему честолюбию. Через некоторое время я пришел к выводу, что мои исследования, моя общественная деятельность, практически не интересует никого и никому не нужна. Я осмелюсь предположить, что вы читали «Сердце Тьмы»? Если это так, то вы понимаете, что я имею в виду. Постепенно я стал находить гораздо в большей степени интересным принимать участие в местных обрядах и укладе жизни, чем просто наблюдать их. Я принял на себя труд перестроить некоторые из их наиболее ужасных обычаев, придав им определенное эстетическое содержание. Вот теперь-то я стал по-настоящему просвещать их! Теперь все, что они делают, выполняется с гораздо большей уверенностью.

— Что же именно стало более утонченным?

— Во-первых, раньше они просто были людоедами. Во-вторых, они были очень простодушными в деле использования своих пленников, прежде чем зарезать их. А теперь все это — очень важные вещи. Если над ними должным образом поработать, то результатом будет высший класс выполнения обрядов и обычаев — вы должны понимать, что я имею в виду. И вот я здесь, с полным набором обрядов,

суеверий, почерпнутых из многих культур, многих эпох, даже многих планет. Разве можно представить лучшее поле деятельности для доктора антропологии? Люди, даже полулюди, даже мутанты — это создания, обожающие различные ритуалы, а голова моя напичкана самыми различными обрядами и всякими другими подобными штучками. Поэтому я приложил свои знания для общей пользы и теперь занимаю среди них очень почетное и высокое положение...

— Какое это имеет отношение к нам? — спросил я.

— Жизнь здесь за последнее время стала довольно скучной. И туземцы обеспокоены. Поэтому я решил, что настало время хорошей церемонии. Я переговорил с Прокрустом — вождем — и предложил ему подыскать нам несколько пленников. Насколько я помню, на 575 странице сокращенного издания «Золотого Храма» говорится: «Галаки пользуются дурной славой: охотники за головами, пьют кровь и выедают мозги своих жертв, чтобы стать храбрыми. Шталоны на Филиппинах выпивают кровь убитых ими врагов и съедают в сыром виде часть их головы, чтобы перенять их смелость..» Что ж, здесь у нас язык поэта, кровь двух наиболее грозных воинов, мозг выдающегося ученого, железная печень пламенного политического деятеля и необычно окрашенная плоть неземного создания — и все это здесь, в одной единственной комнате! Великолепный улов, что ни говори.

— Вы в высшей степени откровенны, — заметил я. — А что ждет женщин?

— О, для них мы исполним длительный ритуал плодородия, который завершится долгим жертвоприношением.

— Понятно.

— Все это относится, правда, только к тому случаю, если вас не отпустят подобру-поздорову, не причинив особого вреда.

— О!?

— Да. Прокрусту нравится давать людям шанс проверить себя на соответствие определенным требованиям. Пройдете определенные испытания и вполне вероятно, что вы все получите долгожданную свободу. В этом отношении он почти что христианин.

— И соответствует, я полагаю, своему имени?

Хасан подошел ко мне и встал рядом, пристально разглядывая через решетку Морби.

— Хорошо, хорошо, — внезапно воскликнул «старший врачеватель». — Мне на самом деле хочется подольше сохранить вам жизнь, понимаете? У вас есть чувство юмора. У большинства куретов его нет, вернее, не хватает, хотя во всем остальном это существа, достойные подражания. Возможно, они могли бы научиться у вас этому...

— Не стоит. Расскажите-ка лучше о способах искупления.

— Да? Впрочем, ладно. Вы являетесь моими гостями и все увидите. Мы являемся попечителями, — тут Морби усмехнулся, — мертвяка. Я уверен в том, что один из вас двоих поймет это за время краткого своего знакомства с ним. — Он перевел взгляд с меня на Хасана, затем снова на меня.

— Я слышал о нем,— заметил я.— Расскажите, что нужно сделать?

— Вам предлагается выставить в круг бойца, который через некоторое время, вернее вечером, встретится с ним, когда он снова восстанет из мертвых.

— Что он из себя представляет?

— Представляет? Гм-м... Если так можно сказать... Вампир!

— Чушь! Я спрашиваю, кто он на самом деле?

— Я говорю, что он настоящий вампир. Вот увидите.

— О'кей. Пусть будет по-вашему. Вампир так вампир. Но один из нас все же должен с ним драться.

— Вы согласны?

— Еще один вопрос... Условия?

— Голыми руками. Разрешается все, что угодно, как в кэтче. Поймать его совсем не трудно. Он будет просто стоять и ждать вас. Его будет мучить страшная жажда, а также голод. Его можно только пожалеть.

— И если он потерпит поражение, вы отпустите пленников на свободу?

— Таков закон. Но такого еще никогда не случалось.

— Понятно. Вы хотите меня убедить в том, что он очень сильный.

— О, он непобедим. В этом-то и вся загвоздка. Разве можно получить хорошую церемонию, если она заканчивается как-то иначе, чем это ожидает устроитель? Я излагаю всю историю боя перед тем, как он начнется, а затем мои люди становятся свидетелями правдивости моих слов. Это укрепляет их веру в судьбу и мою собственную связь с тем, как она действует.

Хасан взглянул на меня:

— Что он имеет в виду, Карачи?

— Это заранее предопределенная схватка,— сказал я ему.

— Как раз наоборот,— замахал руками Морби.— Вовсе нет. Этого не требуется. Когда-то на этой планете существовала старинная поговорка, связанная со спортом древних: «Никогда не ставь против чертовых яиц или останешься без денег». Мертвяк непобедим, потому что он рожден с определенными способностями, которые потом были искусно развиты мною. Он отобедал многими борцами и поэтому, разумеется, его сила равна силе всех их вместе взятых. Всякий, кто читал Фрейзера, знает об этом.

Он зевнул, прикрывая рот:

— Если вы согласны на поединок, то я пойду и посмотрю, как готовится место для церемонии. Сегодня днем вы должны выставить своего бойца. А вечером...— Он опять ухмыльнулся и пошел прочь.

— Чтобы ты споткнулся и сломал себе шею,— вырвалось у меня.

Он улыбнулся и помахал мне рукой...

* * *

Я собрал совещание.

— У них здесь есть мутант по прозвищу Мертвяк, который счи-

тается очень сильным. Я намерен бороться с ним сегодня вечером. Если мне удастся его одолеть, то нас, может быть, отпустят на свободу. Но я не очень-то верю в эти слова. Поэтому я предлагаю выработать план бегства, в противном же случае нас подадут на горячее. Фил, вы помните дорогу до Волоса?

— Думаю, что да. Но это было так давно. А где мы находимся?

— Если это может нам хоть немного помочь,— ответил Миштиго, расположившийся у окна,— то я вижу сияние. В вашем языке нет соответствующего слова, которым можно было бы передать этот цвет, однако оно вон в том направлении.— И он показал рукой.— Этот цвет я обычно вижу там, где поблизости есть радиоактивный материал или если воздух содержит значительное количество радиоактивных элементов. Это сияние простирается здесь на довольно значительное расстояние.

Я подошел к окну и посмотрел в указанном направлении.

— Это, возможно, «горячее» место,— сказал я.— И если это так, то они, значит, пронесли нас дальше вдоль берега, что уже неплохо. Кто-нибудь был в сознании, когда нас несли?

Никто не отозвался.

— Хорошо. Будем исходить из допущения, что это в самом деле «горячее» место и дорога на Волос должна быть там,— я указал в противоположном направлении от того, которое указал Миштиго.— Поскольку луч солнца падает с этой стороны барака, а сейчас примерно полдень, держитесь противоположной стороны, как только окажетесь на дороге. Вам надо двигаться на восток. До Волоса не более двадцати пяти километров.

— Они могут пойти по нашему следу,— сказал Дос Сантос.

— Здесь есть лошади,— вмешался Хасан.

— Что?

— Выше по улице. В вагоне. Я видел троих возле самой ограды. Возможно, что их больше, хотя на вид это не очень сильные животные, но...

— Кто умеет ездить верхом?— спросил я.

— Я никогда в жизни не ездил на лошади,— сказал Миштиго,— но у нас есть животное, похожее на них, и я ездил верхом.

Все остальные были знакомы с приемами верховой езды.

— Значит, сегодня вечером. Садитесь по двое, если нельзя будет иначе. Если лошадей окажется больше, чем понадобится, то выпустите остальных и разгоните. Пока они будут наблюдать, как я борюсь с Мертвяком, вы сделаете пролом в вагоне. Хватайте какое сможете оружие и пробирайтесь к лошадям. Фил, ведите их в Нариницу и повсюду упоминайте фамилию Коронес. Вас примут и защитят.

— Очень жаль,— сказал Дос Сантос,— но ваш план нам не подходит.

— Если у вас есть что-то получше, давайте послушаем,— заметил я.

— Прежде всего,— сказал он,— мы не можем всецело полагаться на господина Гребера. Пока вы были без сознания, он очень сильно

страдал от ран и был довольно-таки слаб. Джордж считает, что у него был в конце концов сердечный приступ после нашей схватки с куретами. Если с ним что-нибудь случится, то мы пропали. Нам нужны вы, и только вы способны вырвать нас отсюда, если нам удастся вырваться на свободу. Вы просто не имеете права рассчитывать на господина Гребера. Во-вторых, вы — не единственный, кто способен драться с этим экзотическим зверем. Я думаю, что Хасан тоже справится с этим...

— Я не могу просить его об этом,— сказал я.— Даже если он победит его, его самого скорее всего тотчас же разлучат с нами, и, несомненно, эти дикари очень быстро с ним расправятся. Скорее же всего он поплатится жизнью. Вы наняли его, чтобы он убивал для вас, но не умер ради вас!

— Я буду драться, Карачи,— заявил Хасан.

— Вам не следует драться, мой друг,— покачал я головой.

— Но я хочу.

— Как вы себя чувствуете?— спросил я у Фила, игнорируя заявление Хасана.

— Лучше, гораздо лучше. Я думаю, что это был всего-навсего какой-то пустяк. Пусть вас мое здоровье не тревожит.

— Вы чувствуете себя настолько прилично, что сможете добраться верхом до Макриницы?

— Не может быть и сомнения в этом. Лучше уж верхом, чем пешком. Я практически рожден для верховой езды. Вы должны помнить, как когда-то...

— Помнить?— удивился Дос Сантос.— Что вы имеете в виду, господин Гребер? Как может Конрад помнить...

— Помнить его известную балладу о всаднике,— вставила Красный Парик.— Когда-то господин Гребер написал отличную балладу о «красном всаднике».

— А в общем все,— прекратил я все разговоры.— Здесь только я за все в ответе. Я даю распоряжения и только я решаю, что драться с вампиром буду я.

— В подобной ситуации, я считаю, нам следует быть более демократичными,— пожала плечами Красный Парик.— Не забывайте, что только вы родились в этой стране. Как бы ни была хороша память Фила, вы с большим успехом сможете вывести нас отсюда в ту деревню. Учтите, что мы будем очень спешить. Вы не приказываете Хасану умереть и не бросаете его на произвол судьбы. Он вызывается на все это исключительно, подчеркиваю, исключительно добровольно.

— Я убью Мертвяка,— сказал Хасан,— а затем догоню вас. Я знаю множество способов укрыться от преследования. А затем я пойду по вашему следу.

— Это мое дело — убить вампира!

— Тогда, раз мы не можем договориться, то пусть нас рассудит жребий,— заявил Хасан.— Если только у нас не забрали деньги вместе с оружием.

— У меня есть кое-какая мелочь,— сказала Эллен.

— Подбросьте ее вверх,— попросил я и, когда монета стала падать,— произнес.— Орел!

Хасан пожал плечами. Он оказался удачливее меня... и мне оставалось только пожелать ему удачи.

Хасан усмехнулся:

— Так у меня на роду написано...

Затем он сел, прислонившись спиной к стене, вытащил узкий нож и начал подрезать ногти. Он всегда был очень опрятным убийцей и всегда считал, что опрятность в чем-то сродни с черной магией.

Когда солнце стало медленно клониться к западу, Морби снова навестил нас, приведя с собой целый конвой куретов с мечами.

— Пришло время,— торжественно объявил он,— и вы должны сказать нам, кто из вас рискнет сразиться с нашим богатырем?

— Хасан! — сказал я.

— Очень хорошо. Тогда пошли. Только, пожалуйста, без всяких там глупостей. Меня коробит от мысли, что на праздник будет доставлен испорченный товар...

Окруженные со всех сторон мечами, мы вышли из барака и пошли вдоль деревни. Прошли мимо вагона и увидели там лошадей. Даже несмотря на то, что лошади были далеки от совершенства, их бока к тому же были покрыты язвами. Каждый из нас, проходя мимо них, все же внимательно осмотрел каждую, как бы уже примеряясь, какую выбрать.

Деревня состояла примерно из тридцати бараков, таких же, как и тот, в котором нас держали. Мы шли по грязной дороге, усеянной мусором. Отовсюду воняло потом, мочой, гнилыми фруктами, едким дымом.

Пройдя около ста метров, мы повернули налево. Улица здесь заканчивалась, и дальше мы шли по тропе вниз с холма к большому расчищенному месту.

Толстая лысая женщина, с невероятно огромной грудью и разъеденными раковыми наростами на лице, возилась около очага, предназначенного для поджаривания туш. Увидев нас, она улыбнулась и громко причмокнула.

Впереди, чуть дальше, была расположена площадка с хорошо утрамбованной голой землей. Огромное, обвитое лианами тропическое дерево, приспособившееся к нашему климату, стояло на одном краю площадки, а вокруг него были расположены в несколько рядов более чем двухметровые факелы, пламя которых развевалось на ветру, подобно знаменам.

На другом конце был виден наиболее аккуратный из всех бараков, видимых нами здесь, высотой в пять метров и метров десять шириной по фасаду. Он был выкрашен в ярко-красную краску и весь покрыт магическими символами, похожими на языческие письмена северо-американских индейцев. Посреди фасада была высокая дверь, которую охраняли два автоматчика-курета.

Солнце уже почти зашло за горизонт. Морби заставил нас прошагать через всю площадку к дереву. Около ста зрителей восседало на земле по обе стороны площадки с зажженными факелами.

Морби величественно показал в сторону красного барака.

— Как вам нравится мой дом? — спросил он.

— Просто прелесть,— ответил я.

— Со мной живет один мой приятель, но днем он спит. С ним вы и должны будете встретиться.

Мы подошли к подножию большого дерева. Морби оставил нас там на попечение стражи, а сам вышел на середину площадки и обратился к куретам по-гречески.

Мы договорились между собой, что будем ждать почти до самого конца поединка, каков бы ни был его исход. Когда дикари будут более всего возбуждены и все их внимание будет сосредоточено на последнем аккорде поединка, мы попытаемся вырваться. Мы поставили женщин в центре нашей группы. Сам я пробрался к воину, державшему меч в правой руке. Я намеревался при удачном случае прикончить его на месте. Но очень плохо было то, что мы находились на дальнем конце площадки. Чтобы пробиться к лошадям, нам нужно было проложить себе путь через все это пространство.

— И тогда, тем вечером,— говорил Морби,— Мертвый поднялся, сокрушив этого могучего воина, Хасана, переломав ему кости и бросив его на наше место для пиршества. Затем, после того как он убил этого страшного врага, он выпил его кровь прямо из горла, съел его печень, сырую и еще дымящуюся. Вот что он сделал в ту ночь. Велико было его мужество...

— Могучий! О, могучий! — взревела толпа, и кто-то начал колотить в барабан.

— Теперь мы будем звать его, чтобы он снова был с нами! — закричал Морби.

Толпа одобрительно взревела.

— Чтобы снова был с нами!

— Ура! Ура! Ура!

— С острыми белыми зубами!

— С белой, белой кожей!

— Руками, которые все крушат!

— Ртом, который пьет!

— Кровь жизни!

— Великое наше племя!

— Великий Мертвый! Великий Мертвый!

Глотки людей, полулюдей и нелюдей дружно обрушили этот кровавый гимн на площадку, как могучую волну прилива.

Наши стражники также ревели во всю глотку.

Миштиго закрыл свои чувствительные уши, лицо его выражало крайнее мучение. Голова моя тоже зазвенела. Дос Сантос перекрестился, но один из стражников покачал головой и поднял свой меч. Дос пожал плечами и снова повернул голову в сторону дикарей.

Морби подошел к бараку и трижды постучал по двери. Один из стражников распахнул ее перед ним. Внутри виднелся огромный черный катафалк в окружении черепов людей и животных. На нем покоился огромный гроб черного дерева, украшенный яркими изогнутыми полосками.

По приказу Морби стражники подняли крышку.

В течение следующих двадцати минут он делал множество уколов во что-то, что было внутри гроба. Движения его были медлительными и полными торжественности. Один из стражников отложил в сторону меч и начал помогать ему.

Барабанщики продолжали отбивать на своих барабанах прежний ритм. Толпе стало интересно, и она притихла.

Наступила абсолютная тишина.

Затем Морби повернулся к племени.

— Сейчас Мертвый поднимется! — торжественно провозгласил он.

— Восстанет! — завопила толпа.

— Сейчас он придет, чтобы принять новую жертву!

— Сейчас он придет... — вторила толпа.

— Воскресни, Мертвый! — заорал Морби, повернувшись к катафалку.

И он воскрес!

Огромный и необъятный!

Похоже, что он весил не менее полутора центнеров.

Он присел в своем гробу и стал озираться. Потом потер грудь, под мышками, шею и поясницу. Выбравшись из своего огромного ящика-гроба, он тяжело облокотился о катафалк. Морби теперь казался рядом с ним карликом. На великане была только набедренная повязка и огромные сандалии из козьей шкуры. Кожа его была белая, мертвенно белая... белая, как медуза...

— Альбинос! — прошептал Джордж, и голос его стал слышен в каждом углу площадки, потому что это был единственный звук.

Морби бросил взгляд в нашу сторону и улыбнулся. Он взял Мертвяка за руку с короткими тупыми пальцами, и вышел из барака на площадку.

Мертвяк отпрянул назад, испугавшись света факелов, но затем снова выпрямился. Когда он подошел поближе, я с интересом начал изучать его лицо.

— На его лице нет следов разума, — тихо сказала Красный Парик.

— Вы видите его глаза? — спросил Джордж, щурясь. Его очки были разбиты в драке.

— Да, они розоватые.

— У него есть складка эпикантуса?

— Гм... Да.

— Ха-ха. Он монголоид и, держу пари, полнейший идиот. Вот почему Морби так легко управляется с ним. И посмотрите на его зубы! Похоже, что они подпилены!

Я присмотрелся. Мертвяк оскалился, потому что начал осматривать цветастую верхушку головы Красного Парика, и я увидел уйму отличных острых зубов.

— Его альбинизм является главной причиной ночного образа жизни. Смотрите! Он уклоняется от света факелов! Он чрезвычайно чувствителен ко всей видимой части спектра.

— А что вы можете сказать о его гастрономических наклонностях? — поинтересовался я.

— Они приобретены в процессе воспитания. Многие примитивные народы пили кровь своего скота. Некоторые сохранили этот обычай вплоть до начала Двадцатого века. Вы обратили внимание на тех лошадей, мимо которых мы проходили? Кровь, как вам известно, очень питательна, если только вы сможете предохранить ее от свертывания, и я уверен, что Морби наверняка держит этого идиота на подобной диете с самого детства. Поэтому он, конечно, вампир — так он был воспитан.

— Мертвый воскрес! — закричала толпа.

— Мертвый велик!..

Морби медленно огляделся и внезапно направился к нам, оставив вампира одного среди площади с идиотской ухмылкой на лице.

— Мертвый велик! — произнес он, подойдя к нам и ухмыляясь точно так же, как и его воскресшее дитя. — Он изумителен, не так ли?

— Что вы сделали с этим несчастным существом? — спросила Красный Парик.

— Почти ничего, — махнул рукой Морби. — Он родился уже подготовленным для такой роли.

— Что за инъекции вы ему делали? — спросил Джордж.

— О, перед тем, как выпустить его на этот поединок, я накачал его болевые нервы новокаином. Отсутствие реакции на боль только усилит его ореол несокрушимости. Кроме того, я сделал несколько гормональных уколов. За последнее время он набрал вес и поэтому стал несколько неуклюж. Так что уколы послужат некоторой компенсацией излишнего веса.

— Вы говорите о нем и относитесь к нему, словно к механической игрушке! — взорвалась Диана.

— А он и есть игрушка, к тому же бесценная. Вы здесь, Хасан? Готовы?

— Да, — кивнул араб, снимая плащ и бурнус.

На его плечах вздувались огромные мышцы, он несколько раз согнул и разогнул пальцы и вышел вперед. На плечах и спине Хасана я заметил несколько рубцов.

— Великий воин Хасан! — провозгласил Морби.

— Великий воин Хасан! — взревела толпа.

— Велика его сила!

— Велика его сила! — орала толпа.

— Но Мертвый все же сильнее!

— Но Мертвый все же сильнее!

— Он сломает Хасану кости и расшвыряет их по пиршественному полю.

— Он сломает Хасану кости... — бушевала толпа.

— Он выпьет кровь из его глотки. — Морби от удовольствия закатил глаза.

— Он выпьет кровь из его глотки!!! — толпа уже не кричала, а визжала.

— Неодолима его сила!

— Велик Мертвый!

— Сегодня ночью,— тихо произнес Хасан,— он на самом деле станет мертвым...

— Мертвый! — воскликнул Морби, как только Хасан встал рядом с ним.— Я приношу тебе в жертву этого человека!

Затем Морби отошел в сторону и дал знак стражникам, чтобы они оттеснили нас к самому краю площадки.

Идиот улыбнулся еще шире и медленно двинулся к Хасану.

— Бисмалла! — сказал Хасан, делая вид, что он поворачивается к нему спиной.

Через мгновение Хасан нагнулся, зачерпнул горсть земли и бросил в Мертвяка, затем быстро развернулся и нанес сильный удар ногой в челюсть вампира.

Огромная белая голова отклонилась самое большее на десять сантиметров. Улыбка все еще оставалась на его лице. Затем вверх взметнулись обе короткие руки и схватили Хасана под мышки.

Араб схватил Мертвяка за плечи, оставив на коже ярко-красные царапины, но тут же отдернул свои пальцы. И там, где они были погружены в мертвенную плоть чудовища, выступили алые капли крови.

При виде крови своего любимца толпа яростно закричала. Возможно, запах крови возбуждал их. Как, впрочем, новый крик толпы всколыхнулся, когда Мертвяк поднял Хасана на добрых два фута вверх и побежал с ним вперед, сжимая его в своих объятиях.

На пути оказалось большое дерево. Голова Хасана обвисла, когда вампир ударил его головой о ствол.

Затем Мертвяк врезался всем телом в тело Хасана, заблокированное деревом, медленно отступил назад, встряхнулся и стал избивать араба.

Это было настоящее избиение. Он молотил человека своими почти уродливыми короткими толстыми руками, как настоящая ветряная мельница. Хасан закрыл лицо руками и прижал локти к животу. Тем не менее Мертвяк продолжал наносить удары по его голове и бокам. Его руки методически поднимались и опускались. И все это время с его лица не сходила идиотская улыбка.

В конце концов руки Хасана упали и он сцепил их впереди живота. Из уголков его рта сочилась кровь.

Непобедимая игрушка продолжала свою игру...

А затем, откуда-то издалека, как будто с другого края этой ночи, настолько издалека, что только я смог это услышать, раздался голос, который я узнал. Это был знаменитый охотничий рык моего адского цербера — Бортана. Он все-таки где-то набрел на мой след и теперь спешил сюда, пересекая ночь, делая гигантские прыжки, словно горный козел, перепрыгивая реки, как лошадь. Глаза его горели, как два раскаленных угля во мраке ночи.

Он никогда не уставал бегать, мой Бортан. Такие, как он, рождаются без страха, созданные для охоты, отмеченные печатью разносимой ими смерти.

Мой цербер спешил мне на выручку, и никто не мог бы его остановить.

Но пока что он был далеко, слишком далеко, по ту сторону ночи...

Толпа снова закричала. Вряд ли Хасан сможет продержаться еще хоть немного. Никто не смог бы этого совершить!

Краешком глаза (карего) я заметил неуловимое движение Эллен, будто она что-то бросила правой рукой.

Прошло две секунды. И это случилось! Я быстро отвел глаза от ослепительной вспышки, которая полыхнула позади идиота.

Мертвяк издал ужасный вопль и ослабил хватку.

Добрый старый параграф 237-1, предложенный мной: «Любой гид и любой член туристической группы обязан иметь при себе не менее трех магниевых вспышек во время путешествия...»

Это означало, что сейчас у Эллен осталось только две.

Идиот перестал колотить Хасана. Он попытался отшвырнуть вспышку ногой, закричал, прикрыл глаза, упал и покатился по земле.

Едва переведя дух, за ним наблюдал Хасан.

Вторая вспышка разорвала темноту на поле боя. Мертвяк снова закричал.

Хасан привстал на носки и уцепился за толстую лиану, свисавшую с дерева. Он потянул ее на себя, но она не поддалась. Он потянул сильнее.

Наконец она оборвалась.

Движения араба стали увереннее, когда он обмотал концы лианы вокруг своих запястьев.

Третья вспышка зашипела и ярко вспыхнула. Хасан опустился на колени перед Мертвяком и быстрым движением набросил лиану вокруг его горла.

Вспыхнула еще одна вспышка и тут Хасан начал затягивать петлю. Идиот обхватил его за талию. Мышцы Хасана-убийцы вздулись, пот смешался с кровью на его лице.

Мертвяк привстал, подняв вместе с собой Хасана. Но тот не переставал затягивать петлю. Лицо идиота больше уже не было белым, оно покрылось разноцветными пятнами. На лбу и на шее, как канаты, вздулись вены. Но, чем выше он поднимался и чем выше поднимал Хасана, тем сильнее лиана врезалась в его шею.

Толпа вопила и беспорядочно кричала. Без устали рокотали барабаны. И тогда я снова услышал вой Бортана и снова очень-очень далеко.

Мертвяк покачнулся, затем по его телу судорожно побежали подергивания и он отшвырнул Хасана от себя. Лиана соскользнула с его горла, как только она вырвалась из рук Хасана.

Араб перевернулся через голову, но подняться с колен ему не хватило сил.

Мертвяк направился к нему.

Затем походка его стала нетвердой, он весь начал трястись. Издав клокочущий звук, великан схватился за горло, привалился

к дереву и стал глотать воздух. Рука его скользнула по стволу и он медленно опустился на землю. Затем он снова поднялся, наполовину скорчившись.

Хасан встал и поднял лиану. Затем подошел к идиоту. Но на этот раз его хватку разорвать было невозможно.

Тело Мертвяка обмякло и больше уже он не поднимался...

Глава 11

То, что произошло, можно сравнить разве что с тем, когда включают радиоприемник, у которого звук работает на полную мощность, а затем выключают его. Щелк... И полная тишина. Все это произошло очень быстро.

Я бросился вперед и одним ударом сломал воину шею. Схватив его меч, я повернул налево и сразу же раскроил череп второго нашего часового.

Затем снова «щелк», и восстановилась громкость звучания, но на этот раз искаженная чудовищными помехами. Казалось, ночь разорвалась надвое.

Миштиго повалил своего охранника отличным ударом в затылок и лягнул другого в голень. Джорджу удалось нанести удар коленкой прямо в пах ближайшему к нему дикаря и полностью отключить его.

Дос Сантос, настолько быстрый, или настолько везучий, получил две тяжелые раны в грудь и плечо.

Толпа со своих мест бросилась на нас.

Эллен швырнула бурнус Хасана на голову дикаря, который вот-вот должен был выпотрошить кишки из ее мужа. Поэт-лауреат добил его ударом камня по голове.

К этому времени Хасан присоединился к нашей маленькой группе, и ловким приемом самураев, который, как мне всегда казалось, был навсегда утерян, быстрым ударом головы выбил меч у ближайшего к нему воина. Схватив оружие, он стал разить дикарей направо и налево.

Мы убили или покалечили всех наших стражников раньше, чем толпа успела пробежать половину расстояния, разделяющего нас, и Диана бросила свои три магниевые вспышки в набегавшую толпу.

После этого мы побежали сами. Эллен и Диана поддерживали шатавшегося Дос Сантоса.

Но куреты отрезали нас от деревни, и нам пришлось бы бежать на север, в противоположную сторону.

— Нам не удастся прорваться, Карачи,— сказал Хасан.

— Я знаю.

— Если только ты и я не задержим их, дав остальным возможность оторваться от погони.

— Хорошо. Где?

— Возле той ямы с очагом. Деревья там подступают к самой тропе, и они не смогут навалиться на нас скопом.

— Хорошо! — Я повернулся к остальным.— Вы слышали? Про-

бирайтесь к лошадям! Вас поведет Фил! Хасан и я будем сдерживать их!

Красный Парик повернула голову и начала что-то говорить.

— Не спорьте! Идите!

И они ушли.

Хасан и я повернули. Здесь, возле ямы, мы решили дать дикарям бой. Оставшиеся члены нашей группы медленно поднимались по лесистому склону, направляясь в обход деревни, чтобы попасть к загону с лошадьми. Толпа валила прямо на нас.

Первая волна нападающих захватила нас на равнине, где тропа выходила со склона на ровную местность. Слева от нас была яма, на дне которой тлел огонь, справа — густые деревья. Мы убили троих и пустились прочь. Дикари отступили и начали обходить нас с флангов.

Мы стояли спина к спине и отражали все их наскоки.

— Будь хоть у одного из них оружие, мы давно бы стали мертвецами, Карачи.

— Но его у них нет, и в этом пока наше счастье! — рассмеялся я.

Еще один получеловек пал под ударом моего меча. Хасан столкнул на дно ямы другого.

Но теперь они все насели на нас. Один из них решил кинуться на меня и ранил меня в плечо, другой рубанул по бедру.

— А ну назад! Назад, уроды!

Услышав этот голос, дикари отступили за пределы досягаемости наших мечей.

Человек, который произнес эти слова, был ниже среднего роста. Его нижняя челюсть двигалась так, будто она была на шарнирах, словно она принадлежала кукле. Его зубы были похожи на костяшки домино — такие же черные и издающие характерный щелкающий звук, когда он открывал или закрывал рот.

— О, Прокруст! — услышал я чей-то шепот.

— Несите сети! — заорал вождь. — Живо! И берите их живьем! Только держитесь подальше от их мечей. Они и так слишком дорого нам обошлись!

Морби был рядом с ним и хныкал:

— Я не знал, мой повелитель...

— Молчи! Твоя поспешность стоила нам бога и многих людей.

— Ринемся вперед? — шепотом спросил Хасан.

— Нет. Но будь готов резать сети, когда они начнут кидать их.

— Нехорошо, что они хотят взять нас живыми, — ответил Хасан.

— Мы многих из них послали в ад, чтобы облегчить себе путь туда, — усмехнулся я, — и пока мы еще держимся и у нас в руках оружие. Чего еще желать?

— Если мы бросимся на них, то заберем с собой еще двоих, возможно, четверых. Если же будем ждать, то они в конце концов накроют нас сетью и мы погибнем, не забрав с собой эти две жизни.

— Какая разница нам, если все равно погибнем? Давайте подождем. А вдруг случится что-нибудь совершенно невероятное?

— Будь по-вашему.

Дикари принесли сети и стали набрасывать их на нас. Нам удалось порезать на куски три сетки, прежде чем мы запутались в четвертой. Куреты затянули сеть и потащили нас.

Мы упали на землю и нас начали избивать. Больше всех усердствовал Морби.

— Теперь вы умрете так, как мало кто еще умирал,— наконец сказал он, утирая пот с лица.

— Но остальные убежали! — прохрипел Хасан.

— Ненадолго! — усмехнулся Морби.— Мы выследим их и вернем назад.

Я рассмеялся.

— Вы проиграли, Морби. Они обязательно убегут.

Он снова лягнул меня.

— Вот как вы выполняете ваши обязательства? — спросил я.— Ведь Хасан победил Мертвяка?

— Он сплутовал, ваш Хасан. Ваша баба бросила вспышку.

Прокруст появился рядом с Морби и тот обратился к вождю:

— Давайте отнесем их в Долину Спящих,— сказал он.— Я там уж дам себе волю, а потом оставим, чтобы они не пропали до будущего пиршества.

— Хорошо,— сказал Прокруст.— Так и сделаем.

Хасан, должно быть, сумел освободить свою левую руку, потому что рывком выбросил ее вперед и чуть-чуть не достал до Прокруста.

Прокруст несколько раз ударил его, да и меня раз стукнул ногой для порядка. Затем наклонился и потер царапины на ноге.

— Зачем вы это сделали, Хасан? — спросил я, как только Прокруст отвернулся и приказал привязать нас к кольям, чтобы удобнее было нести.

— Возможно, на моих ногтях еще осталось немного метавинила,— сказал он.

— Что? Где вы его достали?

— Из пуль в моем поясе, Карачи, который у меня не отобрали. Я покрыл им свои ногти после того, как сегодня заострил их.

— О! Так вы царапали Мертвяка еще в самом начале вашей встречи.

— Да, Карачи. И оставалось только дождаться, пока он не свалится. Правда, самое главное было остаться в живых к этому времени.

— А вы образцовый убийца, Хасан!

— Спасибо, Карачи.

Нас привязали к кольям, не снимая сетей. Четверо подняли и понесли нас.

Морби и вождь шли впереди, показывая дорогу. Нас несли почти всю ночь...

* * *

Мир вокруг нас стал постепенно меняться. Это вполне обычно, когда приближаешься к «горячим» местам, и напоминает путешествие во времени в прошлые геологические эпохи. Деревья вдоль

тропы становились все более разнообразными. Все чаще стали попадаться огромные папоротники. В пробелы между листьями на нас смотрели незнакомые желтые глаза. Похожие на птиц создания пролетали над нами, где-то далеко впереди тропу закрывало что-то темное.

Чем дальше нас несли, тем деревья становились все ниже и ниже, а промежутки между ними все шире. Но это уже были не те деревья, которые росли в окрестностях деревни. У этих были искривленные стволы, перепутанные, словно водоросли, ветки. Стволы были покрыты наростами, корни деревьев часто шли над поверхностью земли.

Мелкие невидимые твари с жужжанием разлетались, напуганные светом электрического фонарика Морби.

Подняв голову, я различил слабое пульсирующее свечение как раз на самой границе видимого спектра. Оно исходило откуда-то спереди. Под ногами носильщиков было множество темных стелющихся стеблей неизвестных растений. Они корчились каждый раз, когда кто-то из дикарей наступал на них.

Вскоре из деревьев остались только папоротники, но через несколько минут и они исчезли, их сменили огромные пустоши, покрытые лохматыми красноватого цвета лишайниками.

Исчезли всякие звуки, издаваемые животными и насекомыми. Здесь стояла уже полная тишина, нарушаемая только тяжелым дыханием наших четверых носильщиков, звуками шагов и приглушенным стуком автомата Прокруста, когда он задевал прикладом о камни.

За поясом нескольких носильщиков были кинжалы. Несколько кинжалов нес Морби, у которого к тому же был и пистолет.

Тропа круто пошла вверх. Один из наших носильщиков споткнулся, и мы больно стукнулись о землю. Там, где небосвод смыкался с горизонтом, стало отчетливо видно изображение самого пурпурного свечения. Очень высоко по нему проплыл черный силуэт крысс-паука, закрыв на мгновение луну.

Прокруст внезапно упал.

Морби помог ему подняться на ноги, но вождь покачнулся и бессильно повис на плечах «старшего врачевателя».

— Что у тебя болит, повелитель?

— Вдруг... головокружение... ноги... немеют. Возьми мой автомат. Он стал... тяжелым...

Хасан тихо хихикнул.

Прокруст повернулся к арабу, его нижняя челюсть куклы упала вниз. Затем он упал и сам. Морби едва успел подхватить автомат. Стражники поспешно опустили нас на землю и бросились к своему вождю.

— Воды,— прошептал тот и закатил глаза.

Больше он их уже не открывал...

Морби прижал ухо к его груди.

— Он мертв...— медленно произнес он.

— Мертв?!

Носильщик, тело которого было покрыто чешуей, заплакал.

— Он был хорошим,— всхлипывал он.— Великим вождем. Что мы сейчас будем без него делать?

— Он умер,— повторил Морби,— я теперь ваш вождь... пока не будет объявлен новый. Набросьте на него свои плащи. Оставьте тело на том плоском камне впереди. Зверю сюда не зайти, так что его тело осквернено не будет. Мы подберем его по дороге назад. А теперь мы должны отомстить этим двоим.— Он сделал знак своим жезлом.— Долина Спящих здесь совсем рядом. Вы приняли таблетки, которые я вам дал?

— Да.

— Очень хорошо. Накройте Прокруста своими плащами.

Вскоре нас подняли и вынесли на вершину гряды, откуда тропинка сбегала в флюоресцирующую, покрытую воронками впадину. Огромные скалы, окружавшие это место, казалось, были раскалены.

— Это место,— сказал я Хасану,— мой сын описал как место, в котором нить жизни бежит по раскаленному камню. Ему привиделось, что моей жизни угрожает Мертвяк, но богиня Судьбы передумала и столкнула нас с этой напастью. Видимо, когда я снился Смерти, это место было выбрано ею, как одно из мест, где я могу умереть...

Носильщики опустили нас на дно выемки, положили на камни и с интересом уставились на Морби. Тот щелкнул предохранителем автомата и отступил назад.

— Освободите грека и привяжите его вон к той колонне,— дулом автомата он показал, к какой именно.

Так они и сделали, крепко связав мои руки и ноги. Скала была гладкая, сырая, и, как мне показалось, немного светилась.

То же самое они проделали с Хасаном, привязав его в трех метрах от меня.

Морби поставил фонарь на землю, чтобы мы оказались в желтом полукруге. Четверо куретов, как статуи демонов, стояли сбоку от него. В шести метрах позади себя он поставил автомат, а потом подошел к нам.

На его лице играла улыбка.

— Это Долина Спящих,— обратился он к нам.— Те, кто засыпает здесь, больше уже никогда не просыпаются. Тем не менее мясо их хорошо сохраняется, здорово помогая нам в тяжелые годы. Прежде чем мы вас здесь оставим,— он повернулся в мою сторону.— Вы видите, где лежит мой автомат?

Я ничего не ответил.

— Это оружие мне ни к чему,— продолжал он.— Я сейчас проверю, у кого из вас длиннее кишки. Как вы думаете,— резко обратился он к своим полулюдям,— у кого из них? У грека или у араба?

Дикари молчали.

Тогда Морби вытащил длинный тонкий кинжал и приблизился ко мне.

Мы не произнесли ни слова.

— Приготовьтесь оба увидеть это сами,— процедил он сквозь зубы.— Я, пожалуй, начну с вас...

Он рванул мою рубашку и разрезал ее сверху донизу. Затем стал многозначительно вертеть у меня под носом кинжалом. Потом он опустил свое оружие к моему животу и слегка уколол там кожу, как бы прикидывая, где легче всего начать, чтобы причинить максимально больше боли. При этом он не отводил от меня своего взгляда.

— Вы боитесь?— усмехнулся он.— Пока что ваше лицо не выдает этого, но сейчас выдаст. Взгляните на меня! Я намерен вонзить острие этого кинжала вам в живот очень медленно. Когда-нибудь я пообедаю вашей плотью и уверен, что не разочаруюсь. Что вы на это скажете?

Я рассмеялся.

Его лицо исказилось злобной гримасой, и он недоуменно спросил:

— Вы что, со страха потеряли рассудок, Уполномоченный?

— «Орел» или «решка»?— спросил я его.

Он понял, что я имею в виду. Он начал что-то говорить, но, услышав тяжелый стук о камень, раздавшийся совсем рядом с ним, резко обернулся назад.

Истошный вопль заполнил последнюю секунду его жизни. Сила прыжка Бортана повергла его наземь, а еще через секунду его голова покатилась по камням.

Мой Бортан, мое исчадье ада, наконец-то ты нашел меня...

Куреты испуганно закричали, ибо глаза собаки были как раскаленные угли, а в пасти сверкали два ряда острых, как кинжалы, зубов. Голова его была вровень с плечами высокого мужчины. Дикари схватились за свои мечи и напали на него — но что значат эти легкие железки против брони на его боках!

Ему понадобилось не больше минуты, после чего они все были разорваны на части...

— Кто это?— изумленно спросил Хасан.

— Щенок, которого я однажды нашел в мешке в море. Он уже тогда был так силен, что долго не шел ко дну с большим камнем на шее,— ответил я.— Мой Бортан такой же старый, как и я.

У него на лапе была небольшая рана, которую, видимо, он получил во время этой схватки.

— Сначала он искал нас в деревне,— продолжал я,— и жители пытались его остановить. И я не сомневаюсь, что очень много куретов погибло в этом бою.

Бортан подбежал ко мне сзади и облизал шею. Он радостно вилял хвостом, как щенок, делая вокруг меня быстрые круги. Он прыгнул ко мне на грудь и снова облизал лицо.

— Ты вернулся, мой старый грязный пес,— тихо сказал я.— Ты знаешь, что все остальные собаки исчезли с Земли?

Он стал вилять хвостом, подошел ко мне и облизал руку.

— Руки, Бортан! Нужны руки, чтобы освободить меня. Ты должен отыскать их, Бортан, и привести сюда.

Он поднял кисть, валявшуюся на земле, и положил у моих ног. Затем он снова стал смотреть мне в глаза и махать своим хвостом.

— Нет, Бортан. Живые руки. Руки друзей. Руки, которые развяжут меня, понимаешь?

Он лизнул мою руку.

— Иди и найди руки, которые освободят меня. Живые руки! Давай! Живо! Беги!

Он повернулся и побежал прочь. Затем остановился, огляделся и снова выскочил на тропу.

— Он понял? — спросил Хасан.

— Думаю, что да.

Я посмотрел ему вслед.

— У него не совсем обычный для собаки мозг, и он так много прожил, что, наверное, очень многому научился.

— Тогда будем надеяться, что он отыщет кого-нибудь настолько быстро, что мы не успеем уснуть...

Глава 12

Ждали мы очень долго. Ночь была холодной. Время от времени нам казалось, что время остановилось для нас. Наши мышцы затекли и тупо ныли. От усталости и недоедания у нас кружилась голова. Веревки грубо впились в наши тела.

— Как ты думаешь, им удалось добраться до нашей деревни? — спросил Хасан.

— Мы дали им неплохой запас времени. Думаю, что они не могли упустить такой возможности.

— С вами всегда было трудно работать, Карачи...

— Я знаю. И сам давно заметил это.

— Как мы все лето гнили на Корсике в темноте...

— Ага.

— Или наш марш в Чикаго, после того, как мы потеряли все наше оборудование в Овайо.

— Да, это был очень неудачный год.

— С вами всегда найдешь неприятности, Карачи. «Рожденный вязать узлы на хвосте тигра» — вот поговорка о таких людях. С такими быть очень трудно. Что касается меня, то я люблю тишину и уединение. Томик стихов и свою трубку.

— Тсс... Я что-то слышу.

Раздался цокот копыт. В узком секторе света от опрокинутого фонарика появился сатир. Движения его были нервными. Глаза его перебегали с Хасана на меня, потом опять на Хасана. Казалось, он не понимал, что здесь произошло.

— Помоги нам, маленький рогатик, — сказал я по-гречески.

Он осторожно приблизился. Увидев кровь на растерзанных телах дикарей, он повернулся, как бы собираясь бежать.

— Вернись! Ты мне нужен! Это я, игрок на свирели!

Он остановился и повернулся к нам. Ноздри его дрожали. Заостренные уши стояли торчком.

Он вернулся. На его почти человеческом лице было написано не-

измеримое страдание, когда он переступал через разбросанные останки куретов и лужи крови.

— Кинжал, кинжал у моих ног,— сказал я, опустив глаза.— Подними его.

Казалось, что ему совсем не нравится прикасаться к чему-либо, созданному человеком, особенно к оружию.

Я просвистел последние такты моей новой мелодии на свирели. «Поздно, поздно, так поздно...»

Его глаза покрылись влагой. Он вытер тыльной стороной своей поросшей шерстью ладони эту влагу и зашмыгал носом.

— Подними кинжал и разрежь веревки. Подними его. Нет, не так. За другой конец. Да, да...

Он правильно взял кинжал и посмотрел на меня. Я пошевелил своей правой рукой.

— Веревки. Режь их!

Он подчинился. У него ушло на это около двадцати минут.

— А теперь дай мне нож, об остальном я сам позабочусь.

Он вложил кинжал в мою правую руку.

Я сжал оружие и через несколько секунд был свободен. После чего я спешно освободил Хасана.

Когда я обернулся, малыша уже не было, и только частый цокот его копыт еще долго стучал в наших ушах.

— Дьявол простил меня...— прошептал Хасан.

Мы постарались побыстрее убраться отсюда. Как ни как, все же «горячее» место. Мы сделали крюк вокруг деревни куретов и двинулись на север, пока не вышли на тропинку, в которой я признал дорогу на Волос.

То ли Бортан нашел сатира и каким-то образом заставил его пойти к нам, то ли он случайно набрел на нас — этого я не знал. Бортан, однако, не вернулся, поэтому я был склонен ко второму варианту.

Ближайшим безопасным местом был городишко Волос, примерно в двадцати километрах отсюда. Если Бортан убежал туда, где его могли узнать многие мои родственники, то до его возвращения должно было пройти еще немало времени. То, что я послал его за помощью, было чем-то вроде жеста отчаяния. Если бы он отправился в любое другое место, кроме Волоса, то я не имел бы ни малейшего представления, когда он вернется. Но в любом случае я надеялся на то, что он снова найдет меня.

Пока что мы старались идти как можно быстрее.

Но уже примерно через десять километров мы стали шататься от усталости. Мы понимали, что идти дальше, не отдохнув, мы уже были не в состоянии и поэтому внимательно следили за окрестностями дороги, стараясь отыскать безопасное место, где можно было бы выспаться.

В конце концов я узнал один крутой скалистый холм, где я еще мальчишкой пас овец. Небольшая пещера пастуха, расположенная неподалеку от вершины, была сухой и пустой. Мы натолкали в нее немало сухой и чистой травы для подстилки, забросали ветками

вход и с облегчением растянулись на земле. Уже через несколько секунд Хасан начал мерно похрапывать. Мой мозг еще несколько секунд бодрствовал, и в эти секунды я понял, что из всех удовольствий — глоток холодной воды после жажды, спиртное, секс и сигарета, после многих дней воздержания — ничто не может сравниться со сном.

Сон — лучше всего!

* * *

Я мог бы сказать о том, что, если бы наш отряд избрал бы более долгий путь из Ламии до Волоса — прибрежную дорогу — то всего того, что с нами приключилось, скорее всего, никогда бы не произошло, и Фил сегодня был бы еще жив. Но я не могу реально судить о том, что произошло бы в этом случае: даже теперь, оглядываясь назад, я не могу с уверенностью сказать, плохо или хорошо то, что мы поступили именно так, а не иначе. В любом случае, следом за нами, простирая к нам руки, среди руин, шествовали силы окончательного раскола...

К Волосу мы вышли в полдень следующего дня. После того как мы пересекли глубокое ущелье, возле Макриницы, мы и обнаружили всех остальных членов нашей группы.

Фил вывел их к Макринице, попросил бутылку вина и экземпляр своего перевода «Прометей Раскованный», а затем расположился провести с ними вечер.

Утром Диана нашла его давно похолодевшим, с улыбкой на устах.

Погребальный костер я устраивал в кедровой роще вблизи от разрушенного монастыря. Он не хотел, чтобы его тело было погребено в земле. И в тот вечер он должен был загореться, а я прощался с еще одним другом. Кажется, если оглянуться назад, то вся моя жизнь в основном была чередой приходов и уходов близких мне людей. То я говорил: «Здравствуйте», то «До свидания». И только Земля остается.

Днем я пошел вместе с группой в Паласаве, который расположен на месте древнего Малка, на мысу напротив Волоса. Мы стояли в тени маленьких деревьев на холме, откуда открывался великолепный вид на море и на скалистые склоны.

— Именно отсюда аргонавты отправились на поиски Золотого Руна,— сказал я, не обращая свои слова ни к кому.— Это точно.

— Кто был среди них? — спросила Эллен.— Я читала рассказ об этом в школе, но сейчас уже забыла.

— Среди них был Геракл и Лисей, певец Орфей, сыновья бога северных ветров и Ясон, их предводитель, который был учеником кентавра Хирона — пещера которого как раз находится неподалеку отсюда, около самой вершины Пелион.

— Правда?

— Я покажу ее когда-нибудь.

— О, как интересно!

— В окрестностях этих мест боролись также боги и титаны,— заметила Диана, став рядом со мной.— Разве титаны не вырвали из земли гору Пелион и не взгромоздили ее на Оосу, пытаясь добраться до Олимпа?

— Да, об этом говорят мифы. Однако боги были добры и после окончания кровавой битвы восстановили это место таким, каким оно было прежде.

— Парус!

На горизонте действительно появилось белое пятнышко.

— Да, этим местом до сих пор пользуются в качестве гавани.

— А может быть, это ватага героев,— заметила Диана,— возвращается с еще одним руном? Если это так, то было бы очень интересно узнать, что они делали бы с ним?

— Важно не само по себе руно,— пояснила Красный Парик,— а то, как оно добывалось. Каждый хороший рассказчик отчетливо понимает это.

— По ту сторону дороги,— сказал я громко,— находятся развалины византийского монастыря, который, по утвержденному мною графику, будет реставрирован через два года. Считается, что именно здесь проходил свадебный пир Пелея, одного из аргонавтов, и морской нимфы Фелиты. Вероятно, вы слышали саму историю этого пира? Были приглашены все, кроме богини Раздора, но она все-таки пришла и подбросила яблоко с надписью: «Самой прекрасной». Парис присудил его Афродите и этим была предрешена судьба Трои. Впоследствии все, кто встречал Париса, видели, что он был очень несчастен. О, так тяжело принимать решения. Как я уже говорил, эта земля полна мифов.

— Сколько времени мы здесь пробудем?— спросила Эллен.

— Мы хотели провести еще пару дней в Макринице,— сказал я,— а затем мы могли бы двинуться на север. В Греции мы, значит, проведем еще примерно неделю, а потом отправимся в Рим.

— Нет!— сказал Миштиго, который все это время сидел на камне и что-то диктовал в свою машинку.— Нет, путешествие на этом можно считать законченным. Это была наша последняя остановка.

— Как же так?

— Я полностью удовлетворен и намерен отправиться домой.

— А как же ваша книга?

— Я вышлю вам по экземпляру с автографом, когда она будет закончена. Мне очень дорого время, и я собрал почти весь необходимый материал. Сегодня утром я вызвал Порт-о-Пренс, и скиммер будет послан за мной сегодня вечером. Вы можете продолжать путешествие, но я его уже закончил.

— Что-нибудь было не так?

— Нет, все в порядке, но мне пора уезжать. У меня еще довольно много работы.

Он встал и потянулся.

— Мне еще нужно кое-что упаковать, поэтому я собираюсь вернуться сейчас. У вас здесь действительно красивая страна, Конрад, несмотря ни на что. Мы еще встретимся за обедом.

Он повернулся и стал спускаться с холма.

Я сделал несколько шагов за ним, следя за тем, чтобы он благополучно спустился.

— Интересно, что это его побудило так спешить? — громко спросил я.

— Он умирает... — тихо отозвался Джордж.

* * *

Мой сын Ясон, который опередил нас на несколько дней, исчез. Соседи сказали, что он вечером отправился в царство Аида, за день до нашего прихода. Он отправился туда на спине огромной собаки с огненными глазами. Она мчалась, как бешеная, и быстро исчезла в ночной тьме.

Мои родственники очень хотели, чтобы мы остались на обед. Дос Сантос все еще отдыхал. Джордж лечил раны и считал, что вовсе необязательно отправлять его в госпиталь в Афинах.

Всегда приятно возвращаться домой.

Сначала я пошел на главную площадь и провел всю вторую половину дня, беседуя со своими потомками. Я им рассказал о Таллере, о Гаити, об Афинах. Они же рассказывали мне о том, что произошло за последние несколько лет в Макринице.

Затем я выбрал цветы и направился на кладбище, немного там побыл, вернулся домой к Ясону. Там я нашел бутылку вина и выпил ее всю. Выкурил сигарету. Затем заварил полный кофейник и выпил кофе.

И тем не менее мое уныние не проходило, так же как и неопределенность. Окончательный исход всего происходящего до сих пор был мне неясен.

Джорджу его болезнь однако была известна. Он сказал, что у веганца все симптомы тяжелого нервного расстройства. Неизлечимого. Безусловно со смертельным исходом.

Хасан был здесь совершенно ни при чем. «Причины этой болезни неизвестны,— таков был диагноз Джорджа. В связи с этим все требовало полнейшего пересмотра.

Джордж узнал о болезни Миштиго еще до нашего путешествия. Что навело его на этот след? Фил попросил его понаблюдать за веганцем с целью выяснения, нет ли у него признаков какой-то неизлечимой болезни.

Почему?

Что ж, он не сказал, почему. И теперь я уже не могу спросить об этом. Проблему эту предстояло решать мне. Завершил ли Миштиго свою работу или у него не осталось времени, чтобы это сделать? Он сказал, что закончил. Если же он ее не закончил, то получается, что все это время я оберегал фактически мертвеца без всякой на то пользы! Если же он ее закончил, то мне необходимо знать результат этой

работы для того, чтобы очень быстро принять решение, касающееся того срока жизни, который ему еще остался.

Обед не дал ничего нового. Миштиго сказал все, что хотел сказать, и не обращал внимания ни на какие вопросы, либо отмахивался от них. Поэтому, как только мы выпили кофе, я и Красный Парик вышли наружу покурить.

— Что случилось? — спросила она.

— Не знаю. Я думал сначала, что, возможно, он это сделал.

— Нет. Что же теперь?

— Не знаю.

— Убить его?

— Возможно, да. Хотя сначала нужно выяснить — зачем?

— Он завершил свою работу.

— Ну и что? В чем она заключается?

— Откуда мне знать?

— Черт побери? Я должен знать! Мне хочется знать, потому что я убиваю кого-то. Меня это очень интересует.

— Интересует? Очень? Да ведь это же очевидно. Веганцы хотят скупить у нас всю Землю. Поэтому Миштиго должен срочно дать отчет о тех местах, которые интересуют их больше всего...

— Тогда почему он не посетил все намеченные места? Почему он ограничился только Египтом и Грецией? Пески, скалы, джунгли, ужасные чудовища — вот и все, что он успел увидеть. Вряд ли все это может привлечь внимание инопланетян.

— Он испугался! И поэтому бежит! Он прямо дрожит от счастья, что остался в живых. Ведь его свободно могли слопать и куреты, и боадил, и черт знает кто еще!

— Ну, что ж, хорошо. Тогда пусть себе бежит. Пусть он передаст им плохой отчет.

— А этого он не может допустить. Если они на самом деле хотят возвратиться к покупке, они не станут раскошеливаться на основании обрывочных данных. Они просто пришлют еще кого-нибудь посмелее, чтобы завершить дело. Если мы убьем Миштиго, они поймут, что мы сейчас представляем реальную силу. Что будем делать попытки бороться против всякого...

— Но он не боится за свою жизнь, — задумчиво произнес я.

— Не боится? Тогда как же это все объяснить?

— Не знаю... Я, однако, обязан все это скорейшим образом выяснить.

— Как?

— А что если я спрошу у него?

— Ты псих! — сказала она и отвернулась от меня.

Она стояла неподвижно, как статуя. Потом я взял ее за плечи и поцеловал в шею.

— Иди домой, — наконец вымолвила она. — Уже поздно.

Я вернулся в просторный дом Ясона Короноса, где расположились я и Миштиго. И где провел свою последнюю ночь Фил. В комнате, где он не проснулся, томик «Прометея» все еще лежал на письменном столе рядом с пустой бутылкой. У меня, пока он

еще был жив, было неотступное ощущение, что он что-то недоговаривает.

Поэтому я открыл книгу.

Его последнее произведение было написано на чистых листах в конце книги, по-гречески, но не на современном греческом, а на старом, классическом.

Вот оно:

«Дорогой друг! Я плохо себя чувствую, и Джордж хочет переправить меня в Афины. Я не возражаю и отправлюсь туда уже завтра, когда прибудет скиммер. Поэтому сейчас я должен прояснить многое, касающееся наших насущных дел.

Веганец должен покинуть Землю во что бы то ни стало живым — живым любой ценой. Это очень важно. Я боялся вам рассказывать об этом раньше, так как опасался того, что Миштиго мог оказаться телепатом. Поэтому я присоединился к вам позже, в Греции, хотя с радостью посетил бы и Египет. Именно поэтому я притворился, что ненавижу его, чтобы быть от него как можно дальше, и только после того, как я получил неопровержимые доказательства того, что он не телепат, я решил присоединиться к вам.

Я подозревал, что раз здесь оказался Дос Сантос, Диана и Хасан, значит, Рэдпол жаждет его крови. Если бы он был телепатом, полагал я, то он бы об этом быстро узнал и сам предпринял бы необходимые меры предосторожности. Если же он телепатом не был, то я всецело полагался на ваши способности защитить его от чего угодно, включая и Хасана. Но мне не хотелось, чтобы он узнал о том, что мне известно. Однако я пытался предупредить вас, если помните.

Татрам Миштиго, его дети — один из прекраснейших, наиболее благородных разумных обитателей Вселенной, когда-либо в ней живших. Он философ, великий писатель, бескорыстный служитель общества. Я познакомился с ним во времена моего пребывания на Таллере тридцать с лишним лет назад, и впоследствии мы были с ним большими друзьями. Мы поддерживали переписку друг с другом до тех пор, пока он сам не приехал на Землю, и еще тогда он делился со мной намерениями Федерации Веги относительно будущего Земли. Я поклялся, что буду держать все в тайне, даже Корт не знает, что я обо всем осведомлен. Старик мог бы поплатиться своим авторитетом и положением, если бы это вышло наружу раньше времени.

Веганцы находятся в весьма щекотливом положении. Наши соотечественники-эмигранты своим трудом добились того, что Вега очень сильно зависит от них и в культурном, и в экономическом отношении. Веганцам дали понять — и притом недвусмысленно, во время восстания Рэдпола — что имеется туземное население, располагающее мощной организацией и желающее возрождения своей планеты. Веганцам тоже этого хотелось. Им Земля не нужна. И на что она им: если им нравится эксплуатировать землян, то на Таллере

их гораздо больше, чем на самой Земле — а ведь они в общем-то не эксплуатируют, во всяком случае умышленным образом.

Наши бывшие соотечественники и сами решили, что лучше пользоваться плодами своего труда на планете другой системы, чем возвращаться на Землю. Но что это означает? То, что движение за Возвращение зашло в тупик! Никто не возвращается! Вот почему я и отошел от этого движения. По этой причине, я уверен, отошли от него и вы. Веганцы хотят, чтобы проблема нашей родной планеты не висела камнем на их шее. Хотя с другой стороны, они хотят посещать Землю. Для них очень поучительно смотреть на наше настоящее лицо — протрезвляющий и устрашающий урок того, что можно сделать с целой планетой.

Что нам нужно было сделать — так это найти способ обойти наше правительство, наше эмигрантское правительство, расположенное на Таллере. Таллериты вовсе не хотят просто так отказаться от правления, их единственного налога для сбора с Земли и источник существования этого кукольного правительства.

После долгих переговоров и серьезных экономических обещаний, включая предоставление землянам на других планетах полного статуса. гражданства Веги, казалось, такой способ был найден. Осуществление этого плана было поручено представителю рода Штиго, и в частности самому Татраму, так как он был уверен, что в конце концов нашел способ возвращения Земле ее автономии и сохранения ее культурной целостности! Вот почему он послал своего внука Корта в эту «инспекторскую» поездку. Корт — существо весьма необычное. Его подлинным талантом является эгоизм, им наделены все Штиго в немалой степени, и он обожает перевоплощения.

Я уверен в том, что он хочет разыграть роль пришельца — этого ужасного и грубого существа, и я не сомневаюсь, что в этом он преуспел блестяще. Татрам также сообщил мне, что это будет последняя роль Корта. Он умирает от неизлечимой болезни. Я уверен, что это та причина, по которой для этой поездки был выбран именно он.

Поверьте мне, Константин Карагиозис (Коронес, Номикос) плюс все остальные известные мне имена; Конрад, что он вовсе не обозревает недвижимость, оставшуюся на Земле. Нет.

Поверьте мне на слово, что он должен жить, и обещайте мне выполнить мою просьбу: сохраните все в тайне. Вы не пожалеете, когда все узнаете.

Мне очень жаль, что я так и не удосужился закончить элегию в вашу честь, и будьте прокляты за то, что вы не вернули мою Дару, тогда, в Греции...

Фил».

«Что ж, очень хорошо,— решил я,— жизнь, а не смерть веганцу!»

Я не сомневался в том, что Фил знает, о чем просит!

Я вернулся к обеденному столу Коронеса и остался с Миштиго, пока он не ушел. Я сопровождал его, когда мы возвращались к до-

му Ясона Коронеса и помогал ему упаковаться. За все это время мы обменялись не более чем десятью словами. Затем мы вынесли его вещи и поставили перед домом, на том месте, где должен был приземлиться скиммер. Перед тем, как остальные, включая и Хасана, подошли попрощаться с ним, он повернулся и сказал:

— Скажите мне, Конрад, для чего вы разрушили пирамиду?

— Чтобы вызвать раздражение у Веги,— произнес я.— Чтобы вы поняли, что если вы все еще желаете эту планету, то вы получите ее еще в худшем состоянии, чем после Трех Дней. На ней не останется ничего, на что можно было бы поглядеть. Мы уничтожим все, что осталось от нашей истории, не оставив вам ни крошки...

Воздух с присвистом вышел из глубины его легких.

— Я полагаю, что это похвально,— сказал он,— но мне так хотелось взглянуть на нее. Вы думаете, что когда-нибудь вам удастся восстановить ее? Может быть, даже скоро?

— Почему вы так думаете?

— Я заметил, что ваши люди помечают каждый камень.

Я пожал плечами.

— У меня есть только один серьезный вопрос относительно вашей страсти к разрушению,— сказал он.

— Какой же?

— Это на самом деле искусство?

— Идите к черту!

Затем к нам подошли все остальные. Я медленно покачал головой, так что видела только Диана, и схватил кисть Хасана. Затем, незаметно для других, я отцепил приклеенную к его ладони тонкую иглу. И только после этого я позволил ему обменяться рукопожатием с веганцем.

В темнеющем небе зажужжал скиммер. Я помог Миштиго взобраться в него, передал ему его личные вещи и основательно прихлопнул дверь скиммера. Все!

Отлет прошел безо всяких происшествий. Я вернулся домой и сменил одежду.

Пришла пора хоронить друга...

Глава 13

Хасан помог мне погрузить труп на подводу и взялся за вожжи. Дос Сантос, который не одобрял кремации, решил остаться в деревне, сказав, что болят его раны. Диана осталась вместе с ним. После нашей последней беседы она больше не разговаривала со мной.

Когда пламя костра достигло вершины деревянной конструкции, на которую мы водрузили тело Фила, я увидел невдалеке от нашей подводы Ясона и сидевшего рядом с ним Бортана. От неожиданности я отпрянул назад. Бортан подбежал ко мне и лизнул руку.

— Могучий охотник, мы потеряли друг друга,— сказал я.

Он кивнул своей огромной головой.

Пламя начало пожирать доски. Воздух наполнился ароматом благовоний и запахом горящей смолы.

Ясон подошел ко мне.

— Отец,— сказал он,— Бортан довел меня до того места, со светящимися скалами, но там уже никого не было.

Я кивнул:

— Друг — получеловек освободил нас. А перед этим вот этот человек,— я указал на Хасана,— убил Мертвяка. Так что твой сон был верным и неверным.

— Он и есть Желтоглазый воин из моего сна.

— Знаю, но это уже в прошлом.

— А Черный Зверь?

— Ни слуху, ни духу.

— Хорошо.

Мы долго смотрели на всепожирающее пламя. Несколько раз уши Бортана тревожно поднимались и расширялись ноздри. Джордж и Эллен сидели не шевелясь. Хасан невозмутимо смотрел на яркий огонь каким-то отрешенным взглядом.

— Что вы теперь будете делать, Хасан?— спросил я у него.

— Вернусь к горе Зинджар,— сказал он.— И надолго.

— А потом?

Он пожал плечами.

— Не знаю, что еще написано мне на роду...

И вдруг устрашающий вой наполнил ночь, подобно стону безумного гиганта, и он сопровождался звуками ломающихся деревьев.

Бортан весь напрягся и зарычал. Ослы, которые были запряжены в повозку, беспокойно задергались. Один из них стал громко и резко кричать. Ясон выхватил палку из костра, и осел замолчал.

И тут прямо на поляну вырвалось нечто такое огромное и уродливое, что не могло бы даже присниться в самом кошмарном сне.

Пожиратель людей...

Могучий и отвратительный. Черный Фессальский Зверь.

Наконец-то можно было увидеть, что он представляет из себя на самом деле. Его привлек, видимо, запах горящей плоти. Он был огромен. Размером со слона, не меньше.

Каков был четвертый подвиг Геракла? Дикий зверь из Аркадии! Мне вдруг захотелось, чтобы рядом со мной возник Геракл.

Огромный кабан... Щетина острая, как кинжал. Клыки длиной с человеческую руку. Крохотные свинячьи глазки, безумно бегающие из стороны в сторону.

Деревья валились там, где он бежал.

Когда Хасен выхватил из костра горящее полено, он взвизгнул. А когда араб ткнул чудовищу прямо в рыло, вепрь отпрянул и зарычал.

Я схватил палку, которую все еще держал в руках Ясон, и побе-

жал вперед. Никто не успел ничего сообразить, а я уже воткнул свое оружие в глаз кабана.

Он снова отклонился и пронзительно взревел, как сирена. Бортан бросился на него и вцепился зубами в ногу.

Я дважды ткнул своим колом в горло, но раны эти оказались поверхностными. Тварь изогнулась, несколько раз метнулась из стороны в сторону, и в конце концов стряхнула с себя Бортана.

Хасан был рядом со мной, размахивая горящей веткой.

Вепрь бросился на него.

Откуда-то сбоку Джордж выпустил в него весь диск из автомата. Хасан швырнул факел, Бортан снова прыгнул, на этот раз с другой стороны, где он имел ослепленный глаз. Все это заставило вепря еще раз прыгнуть в сторону. Теперь он вдребезги разломал пустую подводу и убил двоих ослов.

Я подбежал к нему, тыча своим колом снизу вверх в его левую переднюю ногу. Кол переломился надвое. Бортан продолжал кусать зверя, яростно крутясь вокруг него и тем самым отвлекая его от нас. Мы с Хасаном непрерывно тыкали в него наиболее острыми палками. Гигантские копыта вепря рыли землю. Единственный выпученный глаз искал нас, чтобы поднять нас на свои огромные клыки.

В конце концов чудовищу удалось так отшвырнуть от себя Бортана, что тот не полностью смог прийти в себя, и, пока тот не успел еще вскочить на ноги, набросился на него, низко наклонив голову.

Я отшвырнул палку и прыгнул к нему как раз в тот момент, когда он приготовился нанести смертельный удар. Я схватился за оба бивня, но вепрь яростно мотнул головой, и я взлетел в воздух. Еще сверху я увидел, что Бортану удалось подняться и отскочить в сторону.

Падение оглушило меня, но все же я расслышал дикий визг обезумевшего кабана. Хасан тоже что-то кричал, пытаясь перекричать рычание.

...Яркая молния Зевса дважды расколола черное небо, после чего наступила тишина.

Я медленно поднялся на ноги.

Хасан стоял у погребального костра, держа в руках горящую палку.

Бортан обнюхивал корчившуюся в смертельной агонии гору плоти.

Под кипарисом, рядом с трупом осла, стояла Кассандра, упершись спиной в ствол дерева, держа в руке все еще дымящуюся винтовку для охоты на слонов. На ней были кожаные штаны и синий шерстяной свитер.

Она улыбалась.

— Кассандра!!!

Она выронила винтовку и побледнела и сама стала медленно опускаться на землю. Но прежде чем она коснулась земли, я сумел подхватить ее на руки.

— О, я о многом спрошу тебя, дорогая, но сейчас молчи. Давай просто сядем с тобой под этим деревом и посидим у костра до конца...

* * *

Через месяц Дос Сантос был изгнан из Рэдпола. О нем и о Диане я больше ничего не слышал, кроме разве что слухов о том, что они поселились на Таллере и теперь живут там.

Я надеялся, что это неправда, судя по событиям этих пяти дней. Я знаю о Красном Парике далеко не все и думаю, что никогда большего не узнаю. Но, если доверяешь кому-либо, я имею в виду, надеешься на него, и если он тебе не безразличен, все же будешь стараться быть неподалеку от этого человека, чтобы убедиться — прав он был или нет, несмотря на размолвку. Она, однако, могла поступить иначе, и я уверен, что теперь, в этот момент, может уже раскаивается.

Не думаю, что еще когда-нибудь увижу ее.

Вскоре после чистки в рядах Рэдпола, Хасан покинул свою гору Зинджар и некоторое время был в Порт-о-Пренсе. Затем он приобрел большое судно и однажды утром ушел на нем в море, не попрощавшись и ничего не сказав о цели своей поездки. Полагали, что он где-то нашел себе новую работу. Через несколько дней после этого пронесся слух из Тринидада, что его выбросило на берег Бразилии и он нашел смерть от рук кровожадных дикарей, обитавших в тех местах. Я попытался было проверить это, но у меня так ничего и не получилось.

Тем не менее через два месяца Рикардо Бонавентура, председатель Союза против разрядки и прогресса одной из фракций, отколовшихся от Рэдпола (партия радикальной политики), умер от апоплексического удара прямо на заседании одной из секций своей партии. Ходили слухи, что будто бы его отравили. На следующий день после отравления председателя исчез один из его боевиков вместе с содержимым партийного сейфа. Говорят, что это был крупный желтоглазый мужчина с восточными чертами лица...

Ясон продолжает пасти своих многочисленных овец среди холмов и, несомненно, развращает молодежь своими песнями.

Эллен снова беременна и ни с кем не разговаривает, кроме Джорджа. А тот хочет, пока еще не поздно, провести над зародышем какую-то фантастическую операцию, чтобы его очередной ребенок мог дышать как на суше, так и под водой, ибо ему хочется стать основателем новой расы людей, которые смогут освоить океанские глубины. Эллен не очень-то воодушевлена этой идеей, и, как мне кажется, глубины океана еще долго будут оставаться девственными.

Некоторое время назад я отвез Джорджа в Капистрано, понаблюдать брачные игры крысс-пауков. Это действительно внушительное зрелище — их полет среди развалин, их охота на диких кабанов. Лорен показывает фильм об этом, в цвете и объеме, на каждом званом ужине в Управлении, ибо теперь это что-то вроде исторического

документа о крысс-пауках, которых становится все меньше, благодаря эпидемии, которая вспыхнула среди них после того, как Джордж серьезно занялся их истреблением. Они теперь стали дохнуть, как мухи. Только на прошлой неделе один из них шлепнулся прямо посреди улицы, когда я спешил к Мамаше Джулии за бутылкой рома и ящиком шоколада. Упавший мутант подыхал у меня на глазах. Он даже не успел сообразить, что с ним произошло. Он вполне счастливо летел себе, думая, как бы закусить, и вдруг внутри у него что-то щелкает и он камнем падает вниз.

Я решил поддержать Управление, во всяком случае, в обозримом будущем. В мои намерения входило также создать партию оппозиции к Рэдполу — что-то вроде партии независимого Возрождения.

Добрые старые политические интриги... Мы не в состоянии отказаться от них даже среди развалин.

А Кассандра — моя принцесса, мой ангел, мой идеал — я без лишая нравлюсь ей еще больше. Он исчез после нескольких часов, проведенных в Долине Спящих. Моя госпожа была как раз в той лодке, парус которой Хасан увидел на берегу моря. Это не был корабль, полный героев. Зато на нем был почти весь мой арсенал. Она успела выйти в море, как только раздались первые подземные толчки, а лодка, которую я собственноручно построил, выдержала цунами, последовавшие после того, как большая часть острова Кос рухнула в море.

После этого она направилась в Волос, потому что помнила, что в Макринице полно моих родственников. И какое счастье, что у нее было предчувствие, что там ее поджидает какая-то опасность, и поэтому она не поленилась попрактиковаться в употреблении тяжелого оружия.

Я приобрел такую же виллу на противоположном от Порт-о-Пренса берегу Гаити. Она всего лишь в двадцати минутах полета на скиммере от столицы. Там есть огромный пляж и дремучие джунгли вокруг него. Мне нужно некоторое время и расстояние между собой и цивилизацией. На следующий день, когда на меня посыпались различные поверенные, они не поняли надписи: «Остерегайтесь собаки!» Сейчас эта надпись уже излишня.

И вот я, как и все мы, оказался в самой обыкновенной ситуации. Вся планета Земля была приобретена у правительства на Таллере. Приобретена огромным и могущественным кланом Штиго. Подавляющее число эмигрантов желали, чтобы им было предоставлено гражданство Великой Федерации Веги. Для них было намного лучше это, чем оставаться в подчинении у правительства и работать в Федерации на правах зарегистрированных инопланетян. К этому они стремились довольно долго, и передача Земли как таковой, сводилась к тому, чтобы найти покупателя получше — из-за того, что наше правительство в изгнании лишилось единственной причины своего существования в ту же минуту, когда был решен вопрос его гражданства. Его существование можно было оправдать лишь до тех пор, пока существовали на планетах Федерации земляне. Но теперь

они стали полноправными гражданами Веги, и у правительства не осталось подданных, кроме горстки жителей самой Земли, практически его не признававших.

Итак, с молотка шла крупнейшая недвижимость, и единственным покупателем был — клан Штиго.

Однако мудрый Татрам понимал, что клану Штиго вовсе незачем владеть целой планетой. Покупка была оформлена на имя его внука, Корта Миштиго, вскоре после чего новый владелец скончался. В его завещании, согласно последней воле усопшего, в качестве его наследника... был назван я!

Таким образом я унаследовал целую планету, название которой — Земля!

Что ж, я этого не добивался, умышленно, во всяком случае, хотя все, что я ни делал за свою жизнь, вне зависимости от моей воли, предопределяло именно этот исход.

Все началось с того, что Татрам начал изучать всю информацию о землянах, заключенную в четырех огромных компьютерах, и акты записи гражданского состояния. Он искал туземного администратора, в управление которого можно было бы передать Землю с последующим образованием представительного правительства, которому этот администратор, с течением времени, должен был передать свои права на владение планетой, предоставленные ему кланом Штиго. Ему нужен был кто-нибудь, кто долгое время жил на этой Земле, обладал организаторскими способностями и у которого не было бы желания навечно закрепить за своими потомками полученную собственность.

Среди других имен машины назвали сначала мое имя, затем другое, причем это второе — как «возможно, еще не умершего». Затем было просмотрено мое личное дело, затем дело, соответствующее второму имени. Вскоре машина выдала еще несколько имен, и все они были моими именами. Машина начала сортировать несоответствия и те признаки, которые совпадали, и по мере накопления данных, начала делать выводы. Ответ был ошеломляющий! Добрых полдюжины, считавшихся разными людьми, слились в одном...

Конраде Номикосе.

Поэтому Татрам и решил, что меня нужно хорошенько обследовать, как весьма удивительного феномена.

Миссия эта была возложена на Корта. Он должен был окончательно решить, являюсь ли я добрым, честным, благородным, благонадежным, безупречным, преданным, достойным доверия, бескорыстным, благонравным, лишенным всяческого честолюбия.

Результат этого обследования гласит:

«Да, он обладает всеми этими качествами!»

Я, безусловно, одурачил его.

Хотя, возможно, он был прав в отношении отсутствия честолюбия. Я чертовски ленив, и мне совсем не улыбается тащить на

плечах груз всех земных страданий изо дня в день, без сна и отдыха.

Но, тем не менее я обязательно добьюсь для себя определенных привилегий в обеспечении своих личных удобств. И, по всей вероятности, установлю, что отпуск мой будет длиться не менее шести месяцев.

И один из поверенных, конечно, не первый (тот долго еще отлеживался в больнице), доставил мне послание Корта Миштиго.

Вот оно:

«Дорогой... Не-знаю-каким-именем-вас-называть!

Очень неудобно таким образом начинать письмо, поэтому я уважу ваши пожелания и буду называть вас Конрадом.

Так, вот, Конрад, теперь вы поняли истинную сущность моего визита. Я чувствую, что я совершил правильный выбор, назвав вас в качестве наследника собственности, общепринятой называться — Земля! Нельзя отрицать вашу глубочайшую к ней привязанность.

Как Карагиозис вы вдохновляли людей на то, чтобы они проливали свою кровь, защищая Землю. Вы восстановили ее исторические памятники, сохранили произведения искусства (одно из обязательных условий моего завещания, между прочим в том, что я настаиваю на восстановлении пирамиды Хеопса), а ваша изобретательность, так же как и ваша несгибаемость — физическая и духовная — в высшей степени уникальна и удивительна.

Вы также оказались наиболее близким к бессмертию изо всех возможных кандидатов, (многое я бы отдал за то, чтобы выяснить настоящий ваш возраст) и это, вместе с вашей высокой потенциальной выживаемостью, делает вас по сути единственным кандидатом. Если же даже ваша мутация начнет вам изменять, то всегда есть возможность восстановить ее и прибегнуть к курсу Спранга-Самсера, чтобы продолжить гигантскую череду дней вашей жизни.

Меня так и подмывает назвать вас самым старым из всех известных мне плутов, но это будет невежливо по отношению к вам, ибо насколько мне известно, вы хоть и законченный обманщик, но все же не плут, ибо не из корысти вы подделали все эти записи в личном деле. Вы довели компьютеры до безумия своими подделками. Сейчас в их программах нет, не считая метрических свидетельств, ни одного грамма документов, удостоверяющих ваш возраст.

Я верю, что делаю правильно, передавая Землю в руки калликанзарида. Согласно легенде, это может быть роковой ошибкой. Тем не менее я рискну утверждать, что даже это вы присвоили себе, причем просто из озорства скорее всего. Вы разрушаете только то, что намереваетесь восстановить. Вероятно, вы и есть тот великий бог Пан, который только притворяется, что умирает. Какими бы огромными ни были необходимые вам средства, ваши потребности будут удовлетворены. Уже в этом году на Землю будет выслано большое количество самых разнообразных и сложнейших механизмов, и каталоги

для заявки на любое другое оборудование, которое может вам понадобиться.

Ступайте и плодитесь, становитесь вновь хозяевами своего дома. Не стесняйтесь просить помощь — она будет предоставлена.

У меня не осталось времени написать про вас книгу. Очень жаль. А вот автограф я, как и обещал, вам высылаю...

Корт Миштиго».

Вот в чем суть: бог Пан!

Надеюсь, что все-таки не бог.

Земля — жуткое место для обитания — дикое и жестокое. Руины должны быть расчищены, квартал за кварталом, только после этого можно приниматься и за постройку. Это означает работу, много работы. Это означает, что мне понадобятся услуги Управления, а так же самого Рэдпола, для того, чтобы начать работу. Сейчас я никак не могу решить, сохранить ли экскурсии по нашим руинам. Думаю, что лучше пусть они продолжаются, потому что когда-нибудь у нас будет что показать туристам, показать новое и замечательное.

Человеку свойственно, удовлетворяя свое любопытство, останавливаться на дороге и смотреть сквозь дырки в любом заборе: какое строительство за ним ведется. Теперь у нас есть деньги, что создает совершенно новую ситуацию. Возможно, даже движение за Возвращение снова возродится. Однако, если бывшие земляне все захотят остаться веганцами, то и пусть! Мы против них ничего не имеем и можем обойтись и без них. Уход населения Земли на другие планеты прекратится, как только у ее обитателей появится новое дело, как только они поймут, что у них появилось будущее. Мы добьемся своего. Я устал уже быть кладбищенским сторожем.

Кассандра влюблена в нашу виллу на этом волшебном месте. Я тоже. Она уже больше не возражает против моего неопределенного возраста. И это очень хорошо. Как раз сегодня утром, когда мы лежали на пляже, любуясь, как восходящее солнце разгоняет с небосвода звезды, я повернулся к ней и напомнил, что нам предстоит тяжелая и большая работа, полная мелких хлопот и неприятностей.

— Нет, это не так,— ответила она.

— Не преуменьшай того, что нас ждет. Ты слишком оптимистична, Кассандра.

— Нет! Я говорила тебе раньше, что тебе будут угрожать различные напасти и так оно и было, но тогда ты мне не верил. Теперь же я чувствую, что все будет хорошо.

— Согласен, в прошлом твои предсказания сбывались. Но все равно у меня ощущение, которое я тоже чувствую, что ты недооцениваешь те трудности, которые нам предстоят.

Она вскочила и топнула ногой.

— Ты никогда мне не верил!

— Конечно, верил. Только вот на этот раз ты ошибаешься!

Она ушла прочь от меня, моя сумасшедшая русалка, налево в черные воды. Через некоторое время она вернулась.

— Хорошо,— сказала она, улыбаясь и стряхивая струйки воды с волос.— Может быть, ты и прав.

Я поймал ее за ногу и потянул к себе.

— Прекрати!

— Я верю тебе, Кассандра! На самом деле! Слышишь? Я в самом деле верю тебе! Ты всегда...

— А ты всегда был противным, хитрым калликанзаридом.

Я думаю, что здесь самое подходящее время закончить свой рассказ...

Конец

ДЖЕК-
ИЗ-
ТЕНИ

Глава 1

Произошло это, когда Джек, чье имя произносят в тени, отправился в Иглес, в Сумеречные Земли, показаться на Адских Играх. Там-то, пока он прикидывал, как расположен Пламень Ада, его и заметили.

Пламень Ада представлял собой узкий сосуд из изящно перевитых язычков пламени, которые на самых кончиках удерживали рубин величиной с кулак. Они держали мертвой хваткой холодно сверкавший драгоценный камень.

На сей раз Пламень Ада был выставлен на всеобщее обозрение. Видели, что Джек рассматривал его — и это стало причиной для серьезного беспокойства. Не успел он прибыть в Иглес, как его увидали проходящим под фонарями в толпе зевак, которая двигалась через открытый с боков павильон. В нем демонстрировался Пламень Ада. Джека опознали Смейдж и Квазер, которые покинули места, где были сильны, чтобы вступить в спор за этот приз. Они тут же отправились к Распорядителю Игр.

Смейдж переминался с ноги на ногу и дергал себя за усы до тех пор, пока в его квадратных глазах не появились слезы и он не заморгал. Он уставился на своего огромного спутника, Квазера, волосы, глаза и тело которого были одинакового серого цвета, вместо того, чтобы рассматривать живописную персону Бенони, Распорядителя Игр.

— Что вам нужно? — спросил тот.

Смейдж продолжал таращить глаза и моргать, пока Квазер не заговорил, наконец, голосом, похожим на флейту:

— Мы хотим кое-что сообщить.

— Я слушаю. Говорите, — ответил Бенони.

— Мы кое-кого узнали. Он здесь, и это может причинить некоторое беспокойство.

— Кто же это?

— Прежде, чем я смогу ответить, подойдем ближе к свету.

Распорядитель Игр покрутил головой на толстой шее. Когда он по очереди посмотрел на них, его янтарные глаза блеснули.

— Если вы решили пошутить... — начал он.

— Нет, — не дрогнув, ответил Квазер.

— Ну, ладно. Следуйте за мной. — Он вздохнул, и взмахнув

оранжево-зеленым плащом, повернулся, направляясь к ярко освещенному навесу.

Там он вновь обернулся к ним.

— Здесь вам довольно света?

Квазер огляделся.

— Да,— сказал он.— Здесь ему нас не подслушать.

— О ком вы говорите?— спросил Распорядитель Игр.

— Известен ли вам некий Джек, который всегда слышит свое имя, если его произнесли в тени?

— Джек-из-Тени? Вор?... Да, я слыхал о нем.

— Потому-то мы и хотели говорить с вами на ярком свету. Он здесь. Мы со Смейджем видели его всего несколько минут назад. Он разглядывал Пламень Ада.

— Господи!— Распорядитель Игр вытаращил глаза и забыл закрыть рот.— Он украдет его!— сказал Бенони.

Смейдж перестал теребить усы ровно на столько времени, чтобы несколько раз кивнуть.

— А мы явились, чтобы попытаться выиграть его,— засопел он.— Если его украдут, мы не сможем этого сделать!

— Надо его остановить,— сказал Распорядитель Игр.— Как вы думаете, что делать?

— Ваша воля тут закон,— сказал Квазер.

— Верно... Возможно, следует засадить его в тюрьму до окончания Игр.

— Тогда,— сказал Квазер,— нужно убедиться, что там, где его схватят или там, где его запрут, не будет никакой тени. Говорят, его чрезвычайно трудно удержать где-либо — особенно, если там есть тень.

— Но тут везде тень!

— Да. В том-то главная сложность, когда сажаешь его под замок.

— Ну, тогда решение проблемы — яркий свет или полная тьма!

— Но если вы не установите все светильники под нужными углами и вне его досягаемости,— сказал Квазер,— он сможет создать тени и воспользоваться ими. А если ему удастся зажечь хоть крохотный огонек, тени тоже появятся.

— Какую силу черпает он из теней?

— Не знаю никого, кто знал бы точно.

— Значит, он человек тьмы? Не простой смертный?

— Поговаривают, что он — порождение сумерек, тех, что предшествуют тьме. Там всегда множество теней.

— Ну, тогда в нашей программе — Навозные Ямы Глива.

— Жестоко,— сказал Смейдж и хихикнул.

— Пошли, покажите мне его,— сказал Распорядитель Игр.

Они вышли из-под навеса. Серый цвет неба у них над головой переходил в серебряный на востоке и в черный на западе. Небо было чистым. Тьма над вздымавшейся горной грядой была усеяна звездами.

Они шли по освещенной факелами дорожке через территорию ла-

геря, направляясь к павильону, в котором находился Пламень Ада. На западе трепетали огоньки — казалось, у той черты, за которой находились храмы беспомощных богов.

Когда они подошли к открытому с боков павильону, Квазер тронул Бенони за руку и мотнул головой. Распорядитель Игр проследил направление его жеста. Там, прислонясь к подпирающему навес столбу, стоял высокий худой человек. Он был темноволосым, смуглым, а в чертах его лица было что-то орлиное. Он был в сером, через правое плечо был переброшен черный плащ. Человек курил какую-то травку из тех, что растут в царстве тьмы, и дым в свете факелов казался голубым.

Некоторое время Бенони рассматривал его. Он испытывал чувство, знакомое человеку, столкнувшемуся с существом, рожденным не женщиной, а чем-то темным и загадочным. Люди в таких случаях держатся подальше.

Он сглотнул, потом сказал:

— Можете идти.

— Мы бы хотели помочь...— начал Квазер.

— Можете идти!

Бенони посмотрел им вслед, потом пробормотал: «Бьюсь об заклад, один продаст другого.»

Он отправился за яркими факелами и стражей.

Во время ареста Джек не пытался ни спорить, ни сопротивляться. Пойманный в центр светового круга, окруженный вооруженными мужчинами, он медленно кивнул и подчинился их приказаниям, не сказав за все это время ни слова.

Его отвели в ярко освещенный шатер Распорядителя Игр. Джека вытолкнули к столу, за которым сидел Бенони. Стражники задвигались, чтобы снова окружить его с фонарями и зеркалами, уничтожающими тень.

— Тебя зовут Джек,— сказал Распорядитель Игр.

— Я этого не отрицаю.

— А иногда — Джек-из-Тени.

Молчание.

— Ну?

— Мало ли, как можно называть человека,— ответил Джек.

Бенони бросил взгляд в сторону.

— Приведите их,— велел он одному из стражников.

Тот вышел и вскоре вернулся со Смейджем и Квазером. Джек быстро взглянул на них, но его лицо по-прежнему ничего не выражало.

— Вы знаете этого человека? — спросил Бенони.

— Да,— хором сказали они.

— Назовите его имя.

— Его зовут Джек-из-Тени.

Распорядитель Игр улыбнулся.

— И правда, мало ли как можно называть человека,— сказал он.— Но в твоем случае, похоже, все сходятся на одном. Я — Бенони, Распорядитель Адских Игр, а ты — Джек-из-Тени, вор. Бьюсь об заклад, ты здесь, чтобы похитить Пламень Ада.

Снова молчание.

— Можешь отрицать, можешь соглашаться,— продолжал Бенони,— твое присутствие здесь говорит само за себя.

— Я мог явиться для участия в Играх,— рискнул Джек.

Бенони расхохотался.

— Конечно! Разумеется! — сказал он, смахивая рукавом слезу.— Но здесь не состязаются в воровстве, так что тебе не в чем соревноваться.

— Вы предубеждены против меня, это нечестно,— сказал Джек.— Даже если я — тот, о ком идет речь, я не сделал ничего, чтобы нападать на меня.

— Пока,— сказал Бенони,— Пламень Ада и впрямь отличная штука, а?

Глаза Джека, казалось, на миг вспыхнули, а рот дернулся в невольной усмешке.

— С этим никто не спорит,— быстро сказал он.

— И ты явился сюда выиграть его... по-своему. Человек тьмы, тебя знают, как закоренелого вора.

— И это лишает меня права быть честным зрителем на общедоступном празднестве?

— Когда речь идет о Пламени Ада — да. Он не имеет цены. Его алчут и те, кто привык к дневному свету, и люди тьмы. Как Распорядитель Игр я не могу терпеть тебя поблизости от него.

— Что за беда с дурными репутациями,— сказал Джек.— Что бы ты ни делал, все равно подозревают тебя.

— Хватит! Ты приехал, чтобы похитить его?

— Только дурак сказал бы «да».

— Значит, добиться от тебя честного ответа невозможно?

— Если «честный ответ» — сказать то, что вы хотите от меня услышать, то вы правы.

— Свяжите ему руки за спиной,— сказал Бенони.

Что и было сделано.

— Сколько у тебя жизней, человек тьмы? — спросил Распорядитель.

Джек не отвечал.

— Ну, ну! Все знают, что людям тьмы дана не одна жизнь. Сколько их у тебя?

— Мне не нравится, как это звучит,— сказал Джек.

— Но ведь ты умрешь не насовсем?

— Путь из Навозных Ям Глива на западном полюсе планеты долог, а не идти нельзя. Иногда на создание нового тела уходят годы.

— Значит, ты бывал там раньше?

— Да,— сказал Джек, проверяя свои путы.— И я бы не хотел попасть туда снова.

— Значит, ты признаешь, что у тебя есть еще самое меньшее одна жизнь. Это хорошо! Тогда меня не будет мучить совесть, если я прикажу немедленно наказать тебя!

— Погодите! — сказал Джек, откинув голову назад и оскалившись.— Это же смешно! Я еще ничего не сделал. Забудьте про это,

ладно? Прибыл я сюда украсть Пламень Ада или нет, сейчас-то я не в состоянии сделать это. Освободите меня, и я добровольно подвергну себя изгнанию на время Игр. Я вообще не появлюсь в Сумеречных Землях, а останусь в царстве тьмы.

— Чем же ты можешь поручиться?

— Своим словом.

Бенони снова рассмеялся.

— Слово человека тьмы, который к тому же стал героем легенд о преступниках? — сказал он наконец. — Нет, Джек. Я не вижу иного способа обезопасить наш приз, как только убить тебя. И поскольку в моей власти отдать такой приказ, я сделаю это. Писец! Запиши: в этот час я судил его и вынес ему приговор.

Горбун с кудрявой бородой расписал перо и начал писать. Его склонности оставили заметные следы на его похожем на пергамент лице.

Джек выпрямился во весь рост и пристально посмотрел на Распорядителя из-под полуопущенных век.

— Вы, смертные, — начал он, — боитесь меня потому, что не понимаете. Вы привыкли к дневному свету, и жизнь вам дана только одна, а когда она проходит, ждать больше нечего. Мы, люди тьмы, по слухам не имеем души — так же, как о вас говорят, будто у вас она есть. Но благодаря процессу, который вам недоступен, мы проживаем несколько жизней. Я полагаю, вы завидуете нам — вот почему вы хотите убить меня. Вы знаете, что умирать нам так же тяжело, как и вам!

Распорядитель Игр опустил взгляд.

— Это не...

— Примите мое предложение, — перебил его Джек. — Я покину ваши состязания. Но если вы допустите до исполнения своего приказа, то в итоге проиграете сами!

Горбун перестал записывать и обернулся к Бенони.

— Джек, — сказал Распорядитель, — ведь ты же собирался похитить его, а?

— Конечно.

— Зачем? От него было бы трудно избавиться. Он такой приметный.

— Он предназначался одному моему другу, перед которым я в долгу. Ему понадобилась эта побрякушка. Отпустите меня, а я скажу ему, что потерпел неудачу — это и впрямь так.

— Я не хочу обрушить на себя твой гнев, когда ты вернешься...

— Чего вы не хотите — ерунда по сравнению с тем, что вам предстоит, если вы сделаете мое путешествие неизбежным...

— ...но человек в моем положении не может так легко заставить себя поверить тому, кто известен как Джек-Обманщик.

— Значит, мое слово для вас — ничто?

— Боюсь, что так.

Писцу он сказал:

— Продолжай записывать.

— ...И мои угрозы тоже?

— Они беспокоят меня. Но на одной чаше весов — твоя месть несколько лет спустя, а на другой — наказание, которое я понесу немедленно, укради ты Пламень Ада. Попробуй понять, в каком я положении, Джек.

— Пытаюсь,— сказал тот, оборачиваясь к Смейджу и Квазеру:

— Ну, ослиные уши и ты, гермафродит, вас-то я не забуду! Обоих!

Смейдж посмотрел на Квазера, а тот заморгал и улыбнулся.

— Скажи это нашему господину, Повелителю Нетопырей,— сказал он.

При звуке имени своего старинного врага лицо Джека изменилось.

Поскольку в Сумеречных Землях, где процветают науки, колдовство слабеет, то прошло целых полминуты прежде, чем в шатер влетел нетопырь и пронесся между ними. Квазер продолжал:

— Мы состязаемся под знаменем Нетопыря!

При появлении этой твари Джек перестал смеяться.

Увидев ее, он склонил голову и его подбородок затвердел.

Только царапанье пера нарушало наступившую тишину.

И Джек сказал: «Да будет так».

Его вывели в центр площадки, где стоял человек по имени Блайт с тяжелым топором в руках. Джек быстро отвел глаза и облизал губы. Блестящий край лезвия неодолимо притягивал его взгляд.

Его еще не успели попросить преклонить перед плахой колени, а воздух уже наполнился кожистыми «снарядами». Он знал, что это — рой пляшущих летучих мышей. С запада появлялись все новые и новые твари, но они двигались слишком быстро для того, чтобы создать достаточно тени.

Тогда Джек выругался, зная, что его враг прислал своих приспешников поиздеваться над ним в его последний час.

Когда дело касалось краж, удача обычно сопутствовала ему. То, что приходилось терять одну из жизней из-за такой скверной работы, раздражало его. В конце концов, он был тем, кем был...

Джек стал на колени и нагнул голову.

Ожидая, он размышлял, верно ли, что голова, отделенная от тела, сохраняет сознание еще пару секунд. Он попытался избавиться от этой мысли, но она возвращалась.

«А может быть, это не просто сорвавшееся дело?» — недоумевал Джек. Если бы Повелитель Нетопырей пожелал устроить ему ловушку, все это могло бы означать только ее.

Глава 2

Тьму прочерчивали тонкие лучи света — белые, серебристые, голубые, желтые, красные, в основном прямые, иногда — колеблющиеся. Они пронизывали тьму насквозь. Некоторые были ярче прочих.

Медленнее, медленнее...

Наконец, они перестали походить на нити паутины.

Лучи превратились в тонкие длинные прутья... затем в палочки... огненные черточки...

А потом стали мерцающими точками.

* * *

Долгое время он лежал, уставившись на звезды, ничего не воспринимая. Лишь много позже в его сознании откуда-то возникло слово «звезды», а перед глазами появилось слабое мерцание.

Тишина и способность видеть — больше ничего...

И снова, спустя много времени, он почувствовал, что летит. Летит вниз, будто с большой высоты, обрастая плотью,— а потом понял, что лежит на спине лицом вверх и груз его бытия вновь вернулся.

— Я — Джек-из-Тени,— произнес он про себя, все еще не в состоянии пошевелиться.

Он не знал ни где лежит, ни как попал в эту звездную тьму. Ощущения казались знакомыми, возвращение было чем-то, уже пережитым раньше — давным-давно.

По телу от сердца разлилось тепло, и Джек ощутил покалывание, обострившее все его чувства. Тогда пришло знание.

«Черт!» — было первое слово, которое он произнес, потому что с возвращением разума пришло и полное осознание ситуации.

Он лежал в Навозных ямах Глива, на Западном полюсе планеты, во владениях злокозненного барона Дреккхейма, через царство которого обязаны пройти все, желающие воскреснуть.

Тогда он сообразил, что валяется на огромной куче отбросов посреди целого озера грязи. Джек в сотый раз повторил себе, что для смертных этим все и начинается, и заканчивается, в то время как подобные ему не могут желать ничего лучшего — и лицо Джека озарила злая улыбка.

Когда он сумел пошевелить правой рукой, то принялся растирать горло. Боли не было, но перед глазами отчетливо встало недавнее ужасное происшествие. Давно ли это было? Скорей всего, несколько лет назад, решил Джек. Это был обычный для него срок. Он вздрогнул и отогнал внезапную мысль о том времени, когда истратит свою последнюю жизнь. Потом его охватила дрожь, и он не сумел ее подавить. Одежда исчезла, и Джек выругался. Она или разрушилась вместе с его прежним телом, или же, что было куда вероятнее, была изношена в клочья кем-нибудь другим.

Он медленно поднялся. Воздуха не хватало, но хотелось, чтобы некоторое время можно было не дышать. Джек отбросил в сторону камень яйцевидной формы, который обнаружил у себя в руке. Теперь, когда он почти совсем стал самим собой, не годилось долго оставаться на одном месте.

Куда ни глянь был восток. Скрипнув зубами, Джек избрал путь, который, как он надеялся, будет самым легким.

Долго ли он добирался до берега, Джек не знал. Хотя его привыкшие к тени глаза быстро приспособились к свету звезд, он не видел настоящих теней, которыми мог бы воспользоваться.

Что такое время? Год — это полный оборот планеты вокруг ее солнца. Внутри таких отрезков времени даты всегда определяются более сложно: по звездам, которые всегда видны, и с помощью магических принципов для того, чтоб определить настроения духов, повелевающих звездами. Он знал, что у смертных есть механические и электрические приспособления, чтобы следить за ходом времени, потому что когда-то украл несколько штук. Но в царстве тьмы они не работали и были никчемными. Разве что годились девчонкам из таверны, которым он выдавал их за предохранительные, очень действенные амулеты.

Ободранный и воняющий, Джек стоял на тихом и темном берегу. Он перевел дух и набрался сил, а потом направился на восток.

Дорога шла в гору, вокруг было полно луж грязи. Она потоками стекала в озеро — ведь в конце концов вся грязь попадает в Глив. Время от времени грязь вздымала высокие фонтаны, забрызгавшие его. Из трещин и расселин все время пахло сернистым газом. Джек торопливо зажал нос и воззвал к своим божествам. Однако он сомневался, что его мольбы будут услышаны. Он не думал, что боги обратят внимание на что бы то ни было, если оно исходит из этой части света.

Он шел вперед, почти не отдыхая. Дорога все поднималась в гору, а через некоторое время начали попадаться камни. Дрожа, Джек пробирался между ними. Он забыл — разумеется, нарочно,— многие из самых скверных особенностей этих краев. Острые камешки впивались в его ступни, поэтому он знал, что оставляет на земле кровавый след. Позади он слышал неясный топот каких-то многоногих тварей, явившихся, чтобы слизывать кровь. Но он слыхал, что оглядываться в этих местах — дурная примета.

Джек всегда испытывал легкую грусть, когда теряло кровь какое-нибудь новое тело, особенно, если оно было его собственным. Он шел вперед, а характер почвы менялся, и вскоре он уже шел по гладкому камню.

Позже, заметив, что топот затих вдали, он обрадовался.

Поднимаясь все выше в гору, Джек был приятно удивлен тем, что запах стал слабее. Он подумал, что это, возможно, просто потому, что у него от непрерывной сильной вони притупилось обоняние. Как бы там ни было, это позволило его телу — и разуму тоже — заняться другими проблемами. Мало того, что он был усталым, грязным и ноги его болели. Он понял, что к тому же хочет есть и пить.

Сражаясь со своей памятью, как с запертой дверью, он вошел и начал искать. Джек как можно подробнее восстановил в памяти свои прежние возвращения из Глива, но, рассматривая на ходу окрестности, не нашел никаких знакомых ориентиров.

Он обошел небольшую рощу металлических деревьев и сообразил, что раньше никогда не ходил этой дорогой.

«Здесь на множество миль не будет чистой воды,— подумал он.— Разве что фортуна мне улыбнется и я найду яму с дождевой водой. Но тут так редко идет дождь... Это страна грязи, а не чистоты. Если же я попытаюсь немножко поколдовать, чтобы вызвать дождь,

кто-нибудь это заметит, и меня найдут. Тогда либо меня ожидает гнусная жизнь, либо я погибну и вернусь в Навозные Ямы. Нет, буду идти, пока смерть не замаячит перед носом, и только тогда попрошу дождя».

Позже он заметил вдали предмет, явно созданный не силами природы. Он осторожно приблизился и увидел, что тот был в два раза выше него и в два обхвата шириной. Это был камень; сторона, обращенная к Джеку, была гладкой. Джек прочел высеченную крупными буквами надпись, которая на языке царства тьмы гласила: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, РАБ».

Ниже стояла Великая Печать Дреккхейма.

Джек почувствовал огромное облегчение. Некоторым — тем немногим, кто избежал служения барону и с кем Джек беседовал об этом,— было известно, что такие знаки устанавливают в наименее охраняемых областях. Идея была такова, что возвращающийся повернет назад и попадет туда, где будет больше шансов его поймать.

Джек прошел мимо камня и плюнул бы, но рот слишком пересох. Он шел вперед, а силы покидали его. Каждый раз, как он поскальзывался, восстановить равновесие было все труднее. Он знал, что в норме за столько времени он бы уже несколько раз поспал. Но он все еще не нашел достаточно безопасного места для ночлега.

Не спать становилось все труднее и труднее. В какой-то момент, споткнувшись и упав, Джек был уверен, что только что очнулся после того, как во сне прошел огромное расстояние, не сознавая, что за местность вокруг. Земля была здесь менее ровной, чем в том месте, которое он запомнил последним. Это родило в нем крошечную надежду, а она, в свою очередь, придала ему достаточно решимости, чтобы еще раз подняться.

Почти сразу он увидел место, которое должно было стать его приютом. Идти дальше он не мог.

Там, у самого подножия отвесной скалы, было полным-полно обрушенных и косо торчащих камней. Скала вела на более высокое плато. Из последних сил, ползком, Джек исследовал окрестности в поисках признаков живых существ.

Ничего не обнаружив, он забрался в камни, сумел дотащиться до каменного лабиринта, нашел относительно ровное местечко, рухнул и уснул.

Сколько времени прошло прежде, чем это случилось, он не мог сказать. В глубинах его сна возникло нечто... некое известие. Словно утопающий, он рванулся к далекой поверхности.

На горле Джек ощутил поцелуй, а ее длинные волосы легли ему на плечи, как стихарь.

Мгновение он отдыхал, собирая остаток сил. И пока его правая рука двигалась вдоль ее тела, левая ухватила гостью за волосы. Стоило ему проснуться, как он вспомнил, что следует делать, и, с силой оторвав ее от себя, откатился влево. Его голова склонилась вперед всего лишь с десятой долей своей прежней быстроты.

Когда все было кончено, он утер губы, встал и посмотрел на безжизненное тело.

— Бедная кровопийца,— сказал он.— Немного же в тебе было крови. Вот почему ты так отчаянно жаждала моей и так неудачно пыталась добыть ее. Но и я был отчаянно голоден. Все мы делаем то, что приходится...

* * *

Облачившись в черные одежды, плащ и облегающие сапоги, Джек перебрался на плато повыше и время от времени проходил через заросшие черной травой поля. Трава обвивалась вокруг щиколоток и пыталась его остановить. Привычный к этому, Джек пинками отбрасывал ее, расчищая путь, прежде, чем она успевала обвиться слишком крепко. Ему вовсе не хотелось становиться удобрением.

Наконец, он увидел дождевую воду. Несколько часов он с разных точек наблюдал за водоемом, так как это было идеальное место для поимки возвращающегося. Придя к выводу, что охраны нет, Джек подошел ближе, присмотрелся, потом упал на землю и долго пил. Он отдохнул, снова напился, снова отдохнул и напился еще раз, жалея, что с собой нет ничего, в чем можно было бы унести немного воды.

Все еще жалея об этом он разделся и смыл грязь с тела.

Потом он проходил мимо цветов, похожих на змей, пустивших корни. А может, это и были змеи — они шипели и распластывались, пытаясь достать его.

Он спал еще два раза, а потом нашел еще один водоем. Этот водоем охраняли, и ему пришлось применить всю воровскую ловкость, чтобы заполучить воду. Заодно он стянул и меч дремлющего стражника, поскольку тому он вряд ли теперь был нужен. Джек забрал еще хлеб, сыр, вино и одежду на смену — это было кстати.

Еды было на один раз. Это, а также то, что поблизости не было гор, навело Джека на мысль, что пост где-то неподалеку и смена может прийти в любой момент. Джек выпил вино и наполнил флягу водой, проклиная ее за малую вместительность.

Потом, так как рядом не было ни пещеры, ни расселины, чтобы спрятать труп, он быстро пошел прочь.

На ходу он медленно ел, но сначала его желудок воспротивился этому. Тем не менее он съел половину, а половину оставил. Время от времени ему попадались маленькие зверюшки. Но то ли они были слишком шустрыми, то ли Джек слишком нерасторопным. Надеясь убить хоть одну, он набрал камней. Все-таки, когда он в седьмой раз пополнял запас камней, ему удалось подобрать кремень приличных размеров.

Через некоторое время он услышал цокот копыт и спрятался, но мимо никто не проехал. Джек знал, что к этому времени он уже сильно углубился во владения Дреккхейма и задумался, к которой же из границ идет. При мысли, что с одной стороны эти земли граничат с безымянным царством, которым из Хай-Даджен правит Повелитель Нетопырей, его передернуло.

С темной земли он послал к ярким звездам еще один призыв.

* * *

Он продвигался вперед петляя, карабкаясь, иногда бегом, а ненависть росла быстрее, чем голод.

Смейдж. Квазер. Бенони. Блайт-палач. Повелитель Нетопырей.

Он по очереди разыщет их и отомстит, начав с малого и набирая силу, пока не рассчитается с тем, кто и сейчас может оказаться слишком близко для того, чтобы Джек мог спать спокойно.

Ему снилось, что он снова в Навозных Ямах. На этот раз, однако, он был в цепях, так что подобно Утренней Звезде, неотлучно находящейся у Врат Зари, должен был оставаться там всегда.

Джек проснулся в поту несмотря на то, что было прохладно, казалось, зловоние Глива вернулось к нему со всей остротой.

Поесть он смог лишь гораздо позже.

Но ненависть поддерживала его силы, питала его. Она избавляла Джека от жажды или заставляла забыть о ней. Она давала ему силы пройти еще часть пути всякий раз, как тело умоляло его лечь.

Он представлял себе их конец снова и снова. Ему виделась дыба, клещи, огонь и цепи. Он слышал их вопли и мольбы. Он видел куски плоти, моря крови и реки слез, которые он выжмет из них прежде, чем позволит им умереть.

...И он сознавал, что, несмотря на все трудности пути, больше всего его мучает уязвленная гордость. Быть пойманным так легко, между делом, погибнуть так быстро — словно они избавились от надоедливого насекомого! С ним обошлись не как с наделенным Силой человеком тьмы, а как с обыкновенным вором!

Поэтому его мысли были не о простом ударе мечом, а о пытках. Они оскорбили его, покончив с ним подобным образом. Сделай они это иначе, он был бы обижен меньше. Повелитель Нетопырей — вот чье вероломство, возбуждаемое завистью и желанием отомстить, нанесло ему такое оскорбление. Он отплатит!

Джек шел, кипя от ненависти. Но, хоть она и согревала его, это не спасало от надвигающегося холода. Несмотря на то, что он вряд ли сильно продвинулся к северу, стало заметно прохладнее.

Джек улегся на спину и принялся рассматривать темный шар, загородивший звезды посреди неба. Эту сферу — средоточие Сил Щита — держали подальше от дневного света, и нужно было все время следить, чтобы с ней ничего не случилось. Где те семь Сил, внесенные в Расчетную Книгу, чья очередь была нести службу у Щита? Какая бы ни шла междоусобица — нет такой Силы, которая отказалась бы соблюдать перемирие Щита, от которого зависят судьбы мира. Самому Джеку приходилось нести эту службу много раз, и пару раз даже вместе с Повелителем Нетопырей.

Ему очень хотелось увидеть страницу, на которой сейчас была раскрыта Книга, и прочесть записанные там имена. Ему пришло в голову, что одним из них может оказаться его собственное имя. Но с тех пор, как он вышел из Навозных Ям, Джек не слыхал, чтобы кто-нибудь звал его. Нет, на этот раз не я, решил Джек.

Открыв свое существо, он ощутил жуткий холод. Он просачивался

из внешней тьмы, обтекая сферу, венчающую Щит в его высшей точке. Это было лишь начало утечки, но чем дольше пришлось бы ждать, тем труднее было бы остановить ее. Дело было слишком серьезным, чтобы рисковать. Щит не давал царству тьмы оледенеть среди Вечной Зимы, так же, как силовые экраны жителей дневной стороны планеты не давали им изжариться в немилосердном сиянии солнца. Джек закрыл свое существо. Остался лишь небольшой внутренний озноб.

Немного позже ему удалось убить маленькое животное с темным мехом, которое взбиралось вверх по скале. Джек снял шкурку, разделал его ножом и, так как огня не было, съел мясо сырым. Он дробил зубами кости и высасывал мозг. Такая суровая жизнь была ему не по вкусу, хотя среди его знакомых были и такие, которые предпочли бы ее цивилизованной.

Он порадовался, что никто не видел, как он ест.

Он шел вперед, и вдруг в ушах у него зазвенело.

ДЖЕК-ИЗ-ТЕНИ, И...

И все.

Кто бы это ни произнес, в тот момент на губы ему упала тень. Но на слишком короткое время.

Джек медленно покрутил головой, определяя направление. Источник находился справа от него, далеко впереди. Если бы он знал, где сейчас находится, то, по крайней мере, смог бы догадаться, откуда это исходило. Тогда бы он сумел услышать все — от кабацкой болтовни до планов того, кто уже понял, что Джек вернулся. Это последнее долго занимало его.

Он ускорил шаг и не стал отдыхать, хотя и собирался. Джек решил, что это приблизит его успех. Вдруг он обнаружил яму с дождевой водой. Охраны не было и он, оглядевшись, напился.

Он не мог как следует разглядеть свое отражение в темной воде, поэтому напрягал глаза, пока черты лица не стали более четкими: смуглый, вместо глаз — слабые огоньки. Силуэт человека на фоне звезд.

— Ах, Джек! Ты и впрямь стал тенью,— пробормотал он.— Затерялся в суровом краю... И все потому, что пообещал Неумирающему Полковнику эту проклятую побрякушку. Ты ведь не думал, что дойдет до такого, правда?

Джек рассмеялся — впервые с тех пор, как воскрес.

— Ты тоже смеешься, тень тени? — спросил он свое отражение.— Возможно,— решил он.— Но будь повежливее. Ты — мое отражение и тебе известно, что стоит мне узнать, где этот проклятый камень, как я отправлюсь за ним снова. Он того стоит.

На миг ненависть покинула его, и он улыбнулся. Языки пламени, стоявшие перед его взором, исчезли, и вместо них возникла девушка.

Ее лицо было бледным, а глаза — зелеными, как кромка старинного зеркала. Короткая верхняя губка влажно смыкалась с нижней. Подбородок мог уместиться в кольцо из его большого и указательного пальцев, а по лбу были раскиданы пряди цвета меди. Звали ее Ивен, а ростом она была Джеку по плечо. До талии она была в зеле-

ном бархате. Шея напоминала очищенный от коры стройный ствол молодого деревца. Пальцы, танцуя, летали по струнам пальмирины. Такова была Ивен из крепости Холдинг.

Она была плодом редкостного союза тьмы и света. Отцом ее был Неумирающий Полковник, а матерью — смертная женщина по имени Лорет. Не в том ли ее очарование? — снова подивился он. Раз она отчасти порождение света, у нее должна быть душа? Наверное, решил Джек. Он не смел вызвать ее образ силами тьмы сейчас, когда шел от Навозных Ям Глива. Нет! Он прогнал эту мысль.

Пламень Ада был ценой, назначенной ее отцом за их брак, и Джек поклялся снова вернуться за ним. Сперва, конечно, он отомстит... Но Ивен поймет. Она знала, до чего он горд. Она подождет. В тот день, когда он отправлялся в Иглес на Адские Игры, она сказала, что будет ждать вечно. Для нее, дочери своего отца, время значило мало. Она переживет смертных женщин, сохранив молодость, красоту и изящество. Она будет ждать.

— Да, тень тени,— сказал он своему отражению в луже.— Она того стоит.

Джек торопился сквозь тьму, жалея, что его ноги — не колеса. Он услыхал топот копыт и снова спрятался. И вновь всадники проскакали мимо, только на этот раз гораздо ближе.

Имени своего он не услышал, но задумался, нет ли связи между тем, что он услышал раньше, и всадниками.

Не холодало, но и теплее не становилось. Его все время немного знобило, и, когда бы он не открыл свое существо, он чувствовал, как сверху, от Щита, что-то медленно и неуклонно перетекает к нему. Навозные Ямы Глива находятся прямо под высшей точкой Щита, сферой, потому-то больше всего это ощущаешь здесь. Может быть, дальше к востоку это будет не так заметно.

Он продолжил свой путь, поспал, но больше не слыхал ничего, что можно было бы счесть выходом на связь. Устав, он стал отдыхать чаще и время от времени отклонялся от маршрута, выбранного по звездам, чтобы поискать воду или дичь. Воду он раза два нашел, но ничего съедобного не попадалось.

Во время одной из таких экспедиций Джека привлекло слабое красное свечение, шедшее из трещины в скале справа от него. Если бы он шел быстрее, то миновал бы его, не заметив — так слаб был исходивший из расселины свет. Джек как раз поднимался по склону, пробираясь между камней.

Заметив свечение, он остановился и задумался. Огонь? Если там что-то горит, то должны быть и тени. А если там тени...

Он обнажил клинок и повернулся к камню. Сперва Джек сунул в расселину лезвие, затем, держа меч перед собой, начал пробираться по узкому коридору, через каждый шаг прижимаясь спиной к камню и отдыхая.

Поглядев наверх, он прикинул, что скала выше него раза в четыре. Над камнем, который был чернее неба, плыла звездная река.

Проход понемногу сворачивал влево, а потом резко оборвался,

открывшись на широкий уступ, расположенный примерно в трех футах над ложбиной. Джек стоял, оглядывая это место.

Со всех сторон были высокие каменные стены, похоже, естественного происхождения. У их подножия рос черный кустарник, а поодаль — черные травы и сорняки. Однако по периметру круга никакой растительности не было.

Круг находился в дальнем конце ложбины, его диаметр составлял примерно восемь футов. Он был идеально очерчен, но никаких признаков живых существ не было. В центре круга стоял большой, поросший мхом, валун и слабо светился.

Джеку стало не по себе, хотя почему — он не понимал. Он оглядел отвесные камни, огораживавшие ложбину. Потом он посмотрел на звезды.

Действительно ли сияние мигнуло, пока он смотрел в другую сторону, или это ему только почудилось?

Он спустился с уступа. Потом осторожно начал двигаться вперед, держась стены слева.

Мох покрывал валун целиком. Он был розоватого цвета и, похоже, сияние исходило именно от него. Подойдя ближе, Джек заметил, что в ложбине вовсе не так холодно, как снаружи, возможно, стены создавали некоторую изоляцию.

С мечом в руке Джек вошел в круг и двинулся вперед. В чем бы ни заключалась необычность этого места, он рассудил, что сможет извлечь из этого выгоду.

Но не успел он пройти и полдюжины шагов, как почувствовал что-то вроде жужжания в голове.

— *Новый приятель! Меня не удержишь!* — возникла мысль.

Джек остановился.

— Кто ты? Где ты? — спросил он.

— *Я перед тобой, малыш. Иди ко мне!*

— Я вижу только заплесневелый камень.

— *Скоро увидишь больше. Иди ко мне!*

— Нет, спасибо, — сказал Джек, а дурное предчувствие росло. Ему не нравился обращавшийся к нему разум.

— *Это не приглашение. Это приказ. Я так велю.*

Джек ощутил, как в него вливается чуждая сила, а с ней — желание идти вперед. Он изо всех сил воспротивился и спросил:

— Что ты такое?

— *Я то, что ты видишь перед собой. Иди же!*

— Камень? Плесень? — спросил он, стараясь оставаться на месте. Джек чувствовал, что теряет контроль над собой. Если только он сделает хоть один шаг, то второй дастся уже легче. Его воля будет сломлена, и каменная штуковина сделает с ним, что пожелает.

И верно — правая нога Джека пыталась сделать шаг без его ведома, сама, и он понял, что так оно и случится. Поэтому он пошел на компромисс.

Развернувшись в сторону, он поддался давлению, но шаг получился скорее вбок, чем вперед.

Тогда его левая нога начала медленно ползти в сторону камня. Подчиняясь и сопротивляясь одновременно, он продвинулся вперед и в сторону.

— Прекрасно. Ты придешь ко мне не по прямой — но все равно придешь.

Шаг за шагом, Джек продолжал бороться, на лбу выступил пот. Но шаг за шагом он по спирали против часовой стрелки приближался к тому, что требовало его. Он не знал, как долго сражается, он позабыл все: ненависть, голод, жажду, любовь. Во вселенной остались только он да розовый валун. Напряжение, возникшее между ними, заполнило атмосферу подобно надоевшей мелодии, которая звучит постоянно — привыкая к ней, перестаешь ее замечать. Похоже было, что Джеку придется бороться со своим противником вечно.

Затем в тесную маленькую вселенную их конфликта вошло что-то еще.

Сорок или пятьдесят шагов, давшихся с трудом... Он сбился со счета. Джек оказался в таком положении, что стала видна дальняя часть валуна. Тут его сосредоточенность чуть не поддалась минутному всплеску эмоций, и он почти подчинился чужой воле.

Джек споткнулся, увидев перед светящимся камнем груду костей.

— Да. Мне пришлось поместить их здесь, чтобы вновь прибывшие не пугались и могли попасть в радиус моего влияния. И ты, теплокровный, будешь тут лежать.

Восстановив контроль над собой, Джек продолжил поединок. Груда костей сильно подвинула его на это. Он медленно, кругами прошел мимо валуна, миновал кости и двинулся дальше, но теперь был футов на десять ближе. Движение по спирали продолжалось, и он обнаружил, что снова приближается к тыльной стороне камня.

— Должен сказать, что ты продержался дольше, чем все прочие. Но в таком случае ты — первый, кто так мне сопротивляется.

Джек не ответил, но, совершая очередной круг, еще раз наткнулся на ужасающие останки. Теперь он заметил, что мечи, кинжалы, уздечки, металлические пряжки лежат нетронутыми, а одежда и прочее тряпье наполовину сгнили. На земле валялась разная мелочь, вывалившаяся из сумок и мешков, но что именно — он не мог разобрать в слабом свете звезд. Если он и вправду увидел то, что, как ему показалось, лежало среди костей, то можно было позволить себе капельку надежды.

— Еще кружок — и ты придешь ко мне, малыш. Тогда ты коснешься меня.

По мере своего движения, Джек все больше и больше приближался к скользкой розовой поверхности этого существа. Оно, казалось, вырастало с каждым шагом, а бледный свет, испускаемый им, становился все более рассеянным. Он шел не из одной определенной точки, а со всей поверхности сразу.

Снова вперед. Уже можно доплюнуть...

Двигаясь теперь сбоку от камня, он уже мог дотронуться до него, вытянув руку.

Джек перекинул меч в левую руку и нанес удар, обдирая мшистую поверхность. Из царапины потекла жидкость.

— *Ты мне ничего не сделаешь. Ты вообще не можешь мне ничего сделать.*

Снова стали видны скелеты. Джек был совсем рядом от напоминающей раковую опухоль поверхности. Он чувствовал, как она голодна, и пинками расшвыривал кости в стороны, слыша, как они хрустят под сапогами, когда он идет к центру круга. Он увидел то, что хотел увидеть, и заставил себя сделать три шага, чтобы до него дотянуться, хотя это напоминало движение навстречу урагану. Теперь от смертоносной поверхности его отделяли только дюймы.

Джек бросился к сумкам. Он подтащил их к себе, пользуясь и мечом, и рукой. Заодно он прихватил и лежавшие возле него сгнившие куртки и плащи.

Затем он почувствовал, что под действием непреодолимой силы движется назад — и плечо Джека коснулось покрытого лишайником камня.

Какое-то время Джек ничего не чувствовал. Потом в том месте, где он касался камня, он ощутил леденящий холод. Это быстро прошло. Боли не было. А потом он понял, что плечо полностью онемело.

— *Это не так страшно, как ты думал, правда?*

Потом в глазах потемнело и волной нахлынуло головокружение — словно, просидев много часов кряду, он резко встал. Это прошло, но возникло новое ощущение. В его плечо словно вонзили что-то. Джек чувствовал, как силы покидают его. С каждым ударом сердца становилось все труднее сохранять ясность мысли. Онемение начало распространяться на спину и руку. Было очень трудно поднять правую руку и схватить сумку, висевшую у пояса. Время, пока он шарил в ней, показалось вечностью.

Сопротивляясь сильному желанию закрыть глаза и опустить голову на грудь, Джек швырнул на землю собранную им кучу тряпья. Ноющей левой рукой он дотянулся до кремня возле нее и ударил мечом. По сухим тряпкам заплясали искры, но Джек продолжал высекать их и после того, как закурился дымок.

Когда появились первые языки пламени, Джек с их помощью зажег свечу, которую держал один из мертвецов.

Джек держал ее перед собой, и возникали тени.

Поставив свечу на землю, он понял, что его тень упала на валун.

— *Что ты делаешь, еда?*

Джек отдыхал в своем сером царстве, голова его вновь прояснилась, в кончиках пальцев возникло знакомое покалывание.

— *Я — камень, пьющий человеческую кровь! Отвечай! Что ты делаешь?*

Свеча горела, тени ласкали его. Джек положил правую руку на левое плечо. Покалывание перешло в него и онемение исчезло. Затем, укутавшись тенью, он поднялся.

— Что я делаю? — сказал он.— Нет. Сделал. Ты погостил в моем сознании и я думаю, будет только справедливо, если я отплачу тебе тем же.

Он отошел от валуна и повернулся к нему лицом. Тот попытался снова завладеть им, но на сей раз Джек шевельнул рукой и на поверхность камня упали тени. Он вложил в возникший калейдоскоп теней все силы.

— *Где ты?*

— Везде,— сказал он.— И нигде.

Он вытер меч и вернулся к валуну. Когда от свечи остался огарок, Джек понял, что действовать надо быстро. Он положил руки на губчатую поверхность.

— Я здесь,— сказал он.

Не в пример прочим власть имущим в царстве тьмы, области влияния которых были географически фиксированы, владения Джека были разбросаны в разных местах и их можно было перегруппировывать, но возникали они только, если можно было создать хоть малейшую тень.

Джек начал подчинять валун своей воле.

Они поменялись ролями и, конечно, возникло сопротивление. Сила, вынудившая его сражаться, сама превратилась в жертву. Джек наращивал в себе голод, открывая свое существо во внешнее пространство, вакуум. Поток, струйка... объем был заполнен.

А Джек кормился.

— *Ты не имеешь права ничего мне сделать. Ты — вещь.*

Но Джек рассмеялся. Он становился все сильнее, а сопротивление валуна ослабевало.

Вскоре тот был не в состоянии даже протестовать.

Мох стал коричневым раньше, чем, ярко вспыхнув, догорела свеча, а сияние исчезло. Что бы ни обитало там прежде, оно было мертво.

Прежде чем покинуть ложбину, Джек много раз вытер руки о плащ.

Глава 3

Сила, перешедшая в Джека, поддерживала его долго, и он начал надеяться, что вскоре выберется из вонючего царства. Холоднее не становилось, а когда он собрался спать, прошел небольшой дождик. Джек свернулся калачиком возле скалы и натянул на голову плащ. Плащ защищал его очень слабо, но Джек смеялся даже, когда вода добралась до его тела. Это был первый дождь с тех пор, как он ушел из Глива.

После дождя осталось достаточно луж, чтобы он смог вымыться, напиться и снова наполнить флягу. Джек решил не спать, а идти дальше, чтобы одежда побыстрее просохла.

Оно пронеслось мимо его лица так стремительно, что Джек едва успел отреагировать. Это случилось, когда он поравнялся с разру-

шенной башней. От нее отделился клочок тьмы и, быстро вращаясь, начал падать прямо на него.

У Джека не хватило времени обнажить меч. Оно пронеслось мимо него и метнулось прочь. Правда, он успел запустить в него теми камнями, что нес с собой, и вторым камнем чуть не попал. После этого он поник головой и добрых две минуты изрыгал проклятия. Тварь была летучей мышью.

Джек бросился бежать, мечтая о тени.

На равнине было множество разрушенных башен. Возле одной из них начиналась дорога, которая вела между холмов к горам. Джек, не любивший ходить возле построек — разрушенных ли, нет ли — все равно, потому что в них могли найти приют враги, старался держаться от них подальше.

Миновав башни, он подходил к расселине, как вдруг услыхал свое имя.

— Джек! Мой Джекки-Тень! — донесся крик. — Это ты! Это и впрямь ты!

Держа руку на рукояти меча, Джек повернулся в ту сторону, откуда доносились слова.

— Нет! Нет, Джек! Со старушкой Рози меч тебе ни к чему!

Она стояла так неподвижно, что он чуть не прошел мимо. Сморщенная старуха в черном опиралась на посох возле разрушенной стены.

— Откуда ты знаешь мое имя? — наконец, спросил он.

— Ты что же, забыл меня, миленький? Забыл? Скажи, что нет.

Он глядел на сгорбленную фигуру, на копну спутанных седых волос.

— Сломанная метла, — подумал он. — Она похожа на сломанную метлу.

И все же...

Что-то знакомое в ней было. Он не мог понять, что.

Джек убрал руку с меча и подошел.

— Рози?

Он подошел совсем близко. Наконец, он заглянул ей в глаза.

— Скажи, что помнишь, Джек.

И он вспомнил.

— Дорога вдоль побережья. «Под Знаком Огненного Пестика». Розали... Но это было в Сумеречных землях так давно...

— Да, — сказала она, — это было давным-давно и очень далеко отсюда. Но я всегда помнила тебя, Джек. У девушки из таверны бывает много мужчин... но помнила я тебя. Что с тобой стало, Джек?

— Ах, моя Розали! Мне отрубили голову... спешу заметить, несправедливо... и сейчас я как раз возвращаюсь из Глива. А ты как? Ты ведь смертна. Что ты делаешь в жутком царстве Дреккхейма?

— Я — Ведунья с Восточных границ, Джек. Признаюсь, в молодости я была не больно-то умна... Потерять голову из-за одних только твоих обещаний! Но чем старше я становилась, тем больше умнела. Мне пришлось ухаживать за одной старой развратницей, когда та уже не могла работать, и она обучила меня кой-какому Искус-

ству. Когда я узнала, что барону нужна Ведунья охранять эту часть владений, я пошла и поклялась ему в верности. Говорят, он злой, но к старой Рози он всегда был добрым. Добрее многих, кого она знала... Хорошо, что ты помнишь меня.

Потом она вытащила из-под плаща какой-то тряпичный сверток и развернула его на земле.

— Садись, поешь со мной, Джек,— сказала она.— Как в старое доброе время.

Джек расстегнул перевязь и уселся напротив нее.

— Прошло немало времени с тех пор, как ты съел живой камень,— сказала она, протягивая ему кусок сушеного мяса с хлебом.— Поэтому я знаю, что ты голоден.

— Откуда ты знаешь о моем приключении с камнем?

— Я уже сказала тебе, что я — Ведунья. В буквальном смысле слова. Я не знала, что ты делаешь, знала только, что с камнем покончено. Я стерегу эти места для барона и знаю обо всем, что происходит. Я вижу всех, кто идет по этой дороге. Все это я сообщаю ему.

— О,— сказал Джек.

— Должно же было быть что-то в твоей болтовне о том, что ты не просто человек тьмы, а один из облеченных властью, хотя и бедных,— сказала Рози.— Мне кажется, только тот, кто обладает Силой, может съесть этот камень. Значит, когда ты распускал хвост перед бедной девушкой, ты не врал. Остальное, может, и враки, но это...

— Что остальное?— спросил он.

— Например, то, что в один прекрасный день ты за ней вернешься и вы вместе поселитесь в Шедоу-Гард — замке, которого не видел никто из смертных. Ты пообещал ей это, и она много лет ждала. Потом однажды ночью в гостинице заболела старая распутница. Девушка — а лет ей было уже немало — задумалась о своем будущем. И заключила сделку, чтобы научиться ремеслу получше.

Некоторое время Джек молча смотрел в землю. Он проглотил хлеб, который жевал, а потом сказал:

— Я возвращался. Я вернулся, но никто не помнил мою Розали. Все изменилось, люди были не те. И я снова ушел.

Она хихикнула.

— Джек! Джек! — сказала она.— Твоя утешительная ложь теперь вовсе ни к чему. Для старухи ничего не значит то, чему верила молоденькая девчонка.

— Ты говоришь, ты стала Ведуньей,— сказал он.— Ты что же, отличаешь ложь от правды только по догадкам?

— Я не хотела бы применять Искусство против Силы...— начала она.

— А ты примени,— сказал Джек и еще раз заглянул ей в глаза.

Она прищурилась и наклонилась вперед, не отрывая своего взгляда от его глаз. Это вызвало у Джека ощущение падения. Стоило ей отвести глаза — и оно исчезло. Рози склонила голову к правому плечу.

— И правда, ты возвращался,— сказала она.

— Я же сказал тебе.

Джек взял хлеб и начал шумно жевать, чтобы не замечать, как ее щеки стали мокрыми.

— Я забыла,— наконец, сказала она.— Я уже забыла, как мало значит время для людей тьмы. Вы просто не считаете годы. Ты однажды решил вернуться к Рози и не подумал, что она может состариться, умереть или уехать. Теперь я поняла, Джекки. Ты привык к вещам, которые не меняются. Сила остается Силой. Ты можешь сегодня убить кого-нибудь, а спустя десять лет обедать с ним, хохоча над вашей дуэлью и пытаясь вспомнить, что было ее причиной. Да, хорошая у тебя жизнь!

— У меня нет души. А у тебя есть.

— Душа?— она засмеялась.— Что такое душа? Я никогда не видала ее. Почем я знаю, есть она или нет? А даже если есть, что мне от нее было проку? Я бы мигом продала ее, если бы могла стать такой, как ты. Хотя тут мое Искусство бессильно.

— Прости,— сказал Джек.

Некоторое время они ели молча.

— Я хочу тебя кое о чем спросить,— сказала она.

— О чем?

— Шедоу-Гард и правда существует?— сказала она.— Замок с высокими стенами, залами, полными теней, невидимый для твоих врагов... и для друзей тоже... Ведь ты хотел забрать ту девушку туда?

— Конечно,— ответил он и стал смотреть, как она ест. У нее не хватало многих зубов, она часто облизывала губы и причмокивала. Но вдруг сквозь сетку морщин Джек увидел лицо той девчонки, какой она была когда-то. Когда она улыбалась, сверкали белые зубы, волосы были длинными и блестящими, как небо между звезд. А голубые глаза были как небо над дневной стороной планеты, как небо, на которое он частенько смотрел. Ему нравилось думать, что все это было только для него.

— Ей долго не протянуть,— подумал он. Девичье лицо исчезло, и он увидел дряблую кожу у нее под подбородком.

— Конечно,— повторил он.— А теперь я тебя нашел. Ты вернешься со мной? Прочь из этой проклятой страны, в царство уютных теней. Проведи остаток своих дней со мной. Я буду добр к тебе.

Она разглядывала его лицо.

— И ты сдержишь свое слово через столько лет... теперь, когда я стала уродливой старухой?

— Давай перейдем границу и вернемся в Сумеречные Земли вместе.

— Зачем тебе это?

— Ты знаешь.

— Дай руки, быстро!— сказала она.

Он протянул руки и она ухватилась за них, повернув ладонями вверх. Наклонившись вперед, Рози изучала их.

— А! Бесполезно!— сказала она.— Я не могу читать по твоей руке, Джек. Руки вора слишком много работают — все линии неверные. Хотя это сильно настрадавшиеся руки...

— Рози, ты увидела там что-то, о чем не хочешь говорить. Что это?

— Не доедай. Бери хлеб и беги. Я слишком стара, чтобы пойти с тобой. Очень мило с твоей стороны меня пригласить. Той девчонке понравился бы Шедоу-Гард, но я собираюсь провести остаток своих дней здесь... Теперь иди. Торопись! И прости меня, если сможешь.

— Простить? За что?

Она поднялась и поцеловала его руки.

— Увидев, что сюда идет тот, кого я ненавидела все эти годы, я с помощью Искусства послала сообщение и решила задержать тебя здесь. Теперь я знаю, что была неправа. Но стражники барона, должно быть, уже спешат сюда. Иди по этой дороге и ни за что не останавливайся. Ты можешь обойти их с другой стороны. Я постараюсь вызвать бурю и сбить их с твоего следа.

Он вскочил и помог ей подняться.

— Спасибо,— сказал он.— Но что ты увидела на моей ладони?

— Ничего.

— Розали, скажи.

— Не имеет значения, поймают ли они тебя,— сказала она,— потому что тебе предстоит встреча с Силой страшнее барона... а с ним ты тоже встретишься. Что бы ни случилось — это будет решающим. Не давай своей ненависти привести тебя к машинам, которые думают как люди, только быстрее. Слишком большие силы вовлечены в игру, а они не могут идти рядом с ненавистью.

— Такие машины существуют только на дневной стороне.

— Я знаю. Иди же, Джекки. Иди!

Он поцеловал ее в лоб.

— Как-нибудь встретимся,— сказал он, и, повернувшись, бросился к дороге.

Рози смотрела, как он уходит, и вдруг почувствовала, что над долиной пронесся холодный ветер.

Холмы, склоны которых сперва были пологими и поднимались медленно, теперь стояли вокруг Джека, как башни. Он бежал и видел, как их сменяют высокие каменные стены. Дорога ширилась, сужалась, опять становилась широкой. Наконец, он справился со своей паникой и взял себя в руки. Джек перешел на шаг. Не было смысла быстро уставать — медленный, ровный шаг позволил бы ему пройти немало, прежде чем усталость возьмет верх.

Он глубоко дышал и прислушивался, нет ли погони. Ничего не было слышно.

По скале справа от него скользнула длинная черная змея. Она исчезла в расселине и больше не появилась. В небе горела одинокая звезда. В ее свете вкрапления разных пород блестели, как стекло.

Он подумал о Рози и удивился: что значит иметь родителей, быть ребенком, зависеть от кого-то, чтобы жить. Джек задумался, каково быть старым, знать, что умрешь и больше не вернешься. Вскоре эти мысли, как и все прочее, утомили его. Ему очень хотелось завернуться в плащ, лечь и уснуть.

Чтобы не заснуть, он считал шаги — тысячу, потом еще тысячу.

Он тер глаза, спел несколько песенок, думал о еде, женщинах, о своих самых крупных кражах, проигрывал в уме пытки и, наконец, подумал об Ивен.

Стены вскоре стали ниже.

Он шел у подножия холмов — таких же, как те, от которых началась дорога. Погони все еще не было. Джек надеялся, что это означает, что его не схватят в пути. Только бы добраться до открытой местности, а уж там он сумеет найти множество укрытий.

Над головой загремело и, посмотрев наверх, он увидел, что звезды начали скрываться в тучах. Джек сообразил, что облака собираются очень быстро, и вспомнил обещание Розали постараться вызвать бурю и замести его следы. Когда блеснула молния, грянул гром и первые капли дождя упали на землю, он улыбнулся.

Сойдя с тропы, Джек еще раз вымок насквозь. Буря, казалось, не собиралась утихать. Видно было скверно, но ему показалось, что он вышел на такую же равнину, с разбросанными по ней скалами, как та, которую он оставил по ту сторону гор.

Джек почти на милю отклонился от своего курса — самый выгодный маршрут, чтобы уйти из владений барона. Потом он заметил несколько валунов. Джек устроился на сухой стороне самого большого и уснул.

Разбудил его цокот копыт. Он полежал, прислушиваясь, и определил, что звук идет от дороги. Джек вытащил меч и положил рядом. Дождь еще шел, хотя и потише. Издалека время от времени доносились раскаты грома.

Цокот копыт затихал. Он прижал ухо к земле, вздохнул, потом улыбнулся. Он все еще был в безопасности.

Несмотря на то, что все тело болело и протестовало, Джек поднялся и пошел дальше. Он решил идти, пока идет дождь, чтоб уничтожить как можно больше следов.

В темной грязи сапоги Джека оставляли углубления, одежда липла к телу. Он несколько раз чихнул и вздрогнул от холода. Ощутив странную боль в правой руке, он опустил глаза и увидел, что все еще сжимает меч. Джек насухо вытер клинок полой плаща и спрятал его в ножны. В просветах между тучами он отыскал знакомые созвездия. По ним он снова взял курс на восток.

Дождь постепенно перестал. Джек был весь в грязи, но продолжал идти. Одежда начала просыхать, а бивший его озноб почти прошел.

Позади него снова возник и затих цокот копыт. Зачем тратить столько сил на поимку одного человека, удивился он. Когда он возвращался в прошлый раз, все было иначе. Правда, раньше он никогда не ходил этой дорогой.

«То ли, пока я был мертв, я стал очень важной персоной,— решил Джек,— то ли люди барона охотятся на возвращающихся просто из спортивного интереса». В любом случае Джек счел за лучшее не связываться с ними. Что имела в виду Розали, когда говорила, что неважно, поймают его или нет. Если это действительно так, это очень странно.

Время шло. Он оказался на еще более высокой и каменистой террасе. Грязь осталась внизу позади него. Джек начал искать место для отдыха, но это была равнина, и он предпочел идти дальше нежели быть пойманным на открытой местности.

Продвигаясь вперед, он заметил в отдалении нечто, напоминающее каменную изгородь. Приблизившись, Джек увидел, что эти камни были светлее соседних, а промежутки между ними, казалось, были одинаковыми. Похоже, форма камней не была результатом действия сил природы, скорее, их вытесал какой-то маньяк, зациклившийся на пятиугольниках.

Джек нашел себе место для отдыха у ближайшего камня, где было сухо, и заснул.

Ему снова снились дождь и гром. Гром гремел, не переставая, и от этого содрогалась вся вселенная. Потом Джек очень долго находился на грани сна и бодрствования. И все равно он чувствовал, что чего-то не хватает, хотя точно не знал, чего и почему.

— Вот оно что, я не промок! — удивленно и раздраженно решил он.

Потом, вслед за громом, он вернулся в свое тело. Голова его покоилась на откинутой руке. Мгновение он лежал, совсем проснувшись, а потом вскочил на ноги, сообразив, что на его след напали.

Показались всадники. Джек насчитал семерых.

Он отбросил плащ за спину, в руке очутился меч. Потом он пальцами взъерошил волосы и протер глаза. И стал ждать.

Высоко в небе, за его левым плечом, разгоралась звезда.

Джек решил, что удирать пешему от всадников смысла нет, особенно, когда негде спрятаться. Они просто будут гнать его, пока он не свалится на землю, а тогда усталость не даст ему достойно сразиться и хоть нескольких из них отправить в Глив.

Поэтому он ждал, раздосадованный, что небо светлеет. Кони дьявольских всадников в черном высекали копытами искры из камней. Высоко над землей на него, как горсть раскаленных углей, неслись их глаза. Из ноздрей вырывались струйки дыма, а иногда — пронзительный свист. С ними, опустив к земле голову и вытянув хвост, молча бежала похожая на волка тварь. Там, где Джек, подходя к камням, сворачивал, она тоже меняла направление.

— Ты — первая, — сказал он, поднимая меч.

При звуке его голоса тварь подняла морду, завыла и рванулась, обгоняя всадников. Пока она приближалась, Джек отступил на четыре шага и прижался спиной к камню. Он высоко занес меч, словно собираясь рубить, и обеими руками стиснул рукоять.

Из открытой пасти этой твари свешивался язык, а почти человеческая ухмылка открывала огромные зубы.

Когда она прыгнула, Джек опустил меч, описав им полукруг, и задержал его перед собой, упершись локтями в камень.

Тварь не рычала, не выла и не лаяла — напоровшись на меч, она завизжала.

Удар выжал из Джека воздух и раскровянил упиравшиеся в ка-

мень локти. На мгновение он начал отключаться, но визг и едкий запах, исходивший от твари, удержали его в сознании.

Мгновение — и тварь замолчала. Она дважды дернулась на лезвии, содрогнулась и издохла.

Джек стал на труп ногой и, с силой повернув, вытащил меч. Потом он снова занес его и повернулся лицом к подъезжавшим всадникам.

Они сбавили темп, натянули поводья и остановились в какой-нибудь дюжине шагов от него.

Их предводитель — лысый, маленького роста и совершенно необъятный, — спешился и пошел вперед. Увидев окровавленную тварь, он покачал головой.

— Не стоило убивать Шандера, — сказал он. Голос был хриплым и грубым. — Он не хотел причинить тебе вред — только обезоружить.

Джек рассмеялся.

Мужчина посмотрел на него снизу вверх. Желтый огонь в глазах говорил о таящейся в нем силе.

— Ты дразнишь меня, вор! — сказал он.

Джек кивнул.

— Если вы возьмете меня живым, я, несомненно, много претерплю от твоей руки, — сказал он. — Не вижу причин скрывать свои чувства, барон. Я смеюсь над тобой, потому что ненавижу. Что, тебе нечего делать, кроме как гоняться за возвращающимися?

Барон отступил и поднял руку. По этому знаку спешились остальные. Ухмыляясь, он вытащил меч и сказал:

— Ты нарушил границу моих владений, верно?

— Это единственный путь из Глива, — сказал Джек. — Всем, кто возвращается, приходится пройти через них.

— Да, — сказал барон, — и те, кого я арестую, должны заплатить пошлину. То есть прослужить мне несколько лет.

Всадники обошли Джека с флангов, образовав полукруг.

— Отдай меч, человек-тень, — сказал барон. — Если мы отнимем у тебя оружие, ты вряд ли сумеешь покалечиться в схватке. Мне бы не хотелось иметь увечного слугу.

Пока барон говорил, Джек сплюнул. Двое из людей барона посмотрели наверх — да так и остались таращиться в небо. Подозревая, что так они хотят отвлечь его внимание, Джек не стал смотреть, что там такое.

Но тут задрал голову еще один, и, увидев это, сам барон посмотрел на небо.

Краем глаза Джек заметил появившееся высоко в небе свечение. Тогда он поднял голову и увидел быстро приближавшийся к ним большой шар. Чем ближе он был, тем больше и ярче становился.

Джек быстро опустил глаза. Что бы это ни было, такой шанс упускать было нельзя.

Он бросился вперед и снес голову крайнему справа, который стоял, глазея на шар.

Ему удалось раздробить череп еще одному — тот слишком мед-

ленно поворачивался. После этого барон и четверка оставшихся развернулись и кинулись на него.

Джек отступал, парируя удары со всей возможной быстротой, не решаясь на ответные выпады. Он попытался обойти камень слева от себя, желая вымотать их. Но они двигались слишком быстро, и Джек обнаружил, что окружен. Каждый удар, который он отражал с близкого расстояния, теперь причинял ладони мучительную боль, а по руке пошли мурашки. С каждым ударом меч казался все тяжелее.

Они начали прорывать оборону. На плечах, руках и бедрах Джека появились небольшие порезы. В его мозгу возникло и исчезло видение Навозных Ям. По тому, с какой яростью они нападали, он понял, что теперь они хотят не взять его в плен, а отомстить за погибших.

Сообразив, что еще немного — и его изрубят в куски, Джек твердо решил при малейшей возможности захватить с собой в Глив барона. Он приготовился кинуться на него, как только в обороне Дреккхейма наметится брешь. Лучше бы это случилось поскорее, подумал Джек, потому что с каждой проклятой минутой он слабел.

Словно чувствуя это, барон дрался осторожно, все время защищаясь. Нападали его люди. Хватая ртом воздух, Джек решил, что больше ждать не может.

И все кончилось. Мечи стали слишком горячими, чтобы их удерживать, когда по клинкам заплясало синее пламя. Они с криком выпустили их из рук, и тогда вспышка белого света прямо над головами ослепила их. От мечей летели искры, а ноздри щекотал запах горелого.

— Барон,— раздался сладкий, как мед, голос,— ты нарушил границы моих владений и пытался убить моего пленника. Что ты скажешь в свое оправдание?

Когда Джек узнал этот голос, его охватил страх.

Глава 4

Джек искал тени, а перед его глазами плясали точки.

Свет исчез так же быстро, как появился, и наступившая за ним тьма казалась почти абсолютной. Он попытался воспользоваться этим и добраться до скалы. Он начал ее обходить.

— *Твоего* пленника?— услышал он вопль барона.— Он мой!

— Мы долго были добрыми соседями, барон — с тех пор, как я в последний раз давал тебе урок географии,— сказала фигура, стоявшая на вершине скалы. Теперь ее можно было различить.

— Возможно, требуется повторное обучение. Эти скалы — граница между нашими владениями. Пленник стоит на моей стороне... и должен добавить, ты со своими людьми — тоже. Ты, конечно, уважаемый гость, а пленник, разумеется, мой.

— Лорд,— сказал барон,— эта граница всегда была спорной. Да будет тебе известно, что я преследовал этого человека на своей земле. Вряд ли честно с твоей стороны влезать в это.

— Честно? — донесся в ответ смех. — Не говори мне о честности, сосед... И не называй этого пленника «человеком». Мы оба знаем, что на границе кончается наша сила — сила, а не законы или договоры. Там, куда из Хай-Даджен достает моя сила, земля — моя. То же самое касается тебя в твоих владениях. Если ты хочешь состязаться, чтобы пересмотреть границу — давай. Что касается пленника, тебе известно, что и сам он наделен Силой — одной из немногих подвижных сил. Он черпает ее не из определенного источника, а из сочетания света и тьмы. Тот, кто изловит его, не может не получить выгоды, поэтому он мой. Ты согласен со мной, повелитель падали? Или мы немедленно начнем пересмотр границы?

— Я вижу, Сила не покинула тебя...

— И значит, мы на моей территории. Иди домой, барон.

Обойдя вокруг скалы, Джек спокойно отправился в темноту. Ему представился случай проскочить обратно через границу и, может быть, вызвать драку, но в любом случае он становится чьим-то пленником. Путь только один — лучше удрать. Он пошел быстрее.

Оглянувшись, Джек увидел нечто, что могло означать продолжение спора, поскольку барон топал ногами и бурно жестикулировал. Он слышал его сердитые крики, хотя отошел слишком далеко для того, чтобы разбирать слова. Зная, что его отсутствие будет оставаться незамеченным еще недолго, Джек побежал. Он взобрался на небольшой холм и, проклиная потерю меча, сбежал с его восточного склона.

Он быстро устал, но заставил себя идти, остановившись только, чтобы вооружиться парой нетяжелых камней.

Потом на какое-то мгновение перед ним упала его длинная тень и он остановился, оглядываясь. Над холмом появилось сияние, в котором, поднимаясь и опускаясь словно пепел или сорванные ветром листья, плясали рои летучих мышей. Прежде, чем он сумел использовать тень, свет потускнел и опять воцарилась тьма. Определяясь, Джек посмотрел на звезды, и заторопился дальше, отыскивая по дороге убежище. Он знал, что будет погоня.

Он продолжал оглядываться, но сияние больше не появлялось. Он задумался, чем же закончился конфликт. Барон, несмотря на свою звериную внешность, был известен как довольно чувствительный субъект. Кроме того, ситуация на границе указывала на то, что оба спорщика были одинаково далеки от источников своей Силы.

Неплохо было бы, решил он, если бы они уничтожили друг друга. Хотя вряд ли. А жаль.

Понимая, что к этому моменту его отсутствие там уже заметили и что единственное, что может остановить погоню, это начавшаяся драка, он взмолился, чтобы скандал оказался затяжным. Заодно он отметил, что идеальным выходом была бы смерть или тяжкие повреждения у обеих участвующих сторон.

Словно в насмешку над его мольбой очень скоро мимо промелькнул темный силуэт. Джек запустил в него оба камня, но оба раза промахнулся.

Решив не идти по прямой, он свернул влево и пошел в этом на-

правлении. Шел он медленно, экономя силы, пот высох, и он снова почувствовал озноб. Но только ли поэтому?

Кажется, темный силуэт преследовал его слева на некотором расстоянии. Стоило повернуть голову, как он исчезал. Все-таки, глядя прямо перед собой, Джек уголком глаза уловил некоторое движение.

Вскоре силуэт очутился рядом с ним. Джек почувствовал его присутствие, хотя едва различал его. Поскольку тот больше не двигался, Джек приготовился защищаться при первом же прикосновении.

— Можно узнать, как ты себя чувствуешь?— раздался мягкий приятный голос.

Подавив дрожь, Джек сказал:

— Я голоден, хочу пить и устал.

— Какая жалость. Я прослежу, чтобы вскоре это прошло.

— Почему?

— Мой обычай — оказывать гостям все почести.

— Я не знал, что я чей-то гость.

— Все, кто попадает в мои владения, мои гости, Джек. Даже те, кто раньше пренебрег моим гостеприимством.

— Приятно слышать. Особенно, если это значит, что ты поможешь добраться до восточной границы твоих владений по возможности быстро и спокойно.

— Мы обсудим это после обеда.

— Отлично.

— Сюда, пожалуйста.

Он взял вправо, и Джек последовал за ним, понимая, что больше ничего не остается. По дороге ему удалось мельком увидеть смуглое красивое лицо, наполовину освещенное светом звезд, наполовину скрытое высоким круглым воротом плаща. Глаза напоминали лужицы воска, которые натекают вокруг фитилей черных свечек — горячие, темные и влажные. С неба все время срывались летучие мыши и исчезали в складках плаща. После долгого молчания спутник Джека указал на видневшееся впереди возвышение.

— Сюда,— сказал он.

Джек кивнул и посмотрел на холм со срезанной вершиной. Малое средоточие Силы, решил он, и находится в пределах досягаемости хозяина.

Медленно карабкаясь вверх, они приближались к нему. Когда Джек поскользнулся, то почувствовал на своем локте сильную руку, вернувшую ему равновесие. Он заметил, что сапоги его спутника ступали бесшумно, хотя под ногами был гравий.

Наконец, он спросил:

— А что с бароном?

— Барон — умный человек, он поехал домой,— блеснув мгновенной белозубой усмешкой, ответил его спутник.

Они добрались до вершины и направились к ее центру.

Темная фигура вытащила меч и начертила им на земле знаки. Некоторые были знакомы Джеку. Затем он отстранил Джека движением руки и провел большим пальцем по клинку так, чтобы его кровь попала в центр узора. При этом он произнес несколько слов.

Потом он обернулся и жестом велел Джеку подойти и снова стать рядом с ним. Он очертил вокруг них окружность и снова повернулся к узору.

После произнесенных слов тот вспыхнул у них под ногами. Джек старался не смотреть на пылающие линии, но узор притягивал его взгляд и он начал следить за ним глазами.

Когда рисунок полностью овладел его разумом, вытеснив все остальное, он почувствовал оцепенение. Казалось, он движется внутри узора, он — его часть...

Кто-то подтолкнул его, и он упал.

Он стоял на коленях среди сияния и блеска и множество людей дразнили его. Нет.

Те, кто передразнивал его малейшее движение, были всего лишь отражениями.

Джек потряс головой, желая вернуть ясность мысли, и тогда понял, что окружен зеркалами и ярким светом.

Он встал, рассматривая неясную панораму. Он находился почти в центре большой многогранной комнаты. Все грани были зеркальными, так же как бесчисленные ячейки потолка и сияющий пол. Откуда шел свет, Джек не знал. Может быть, его источали сами зеркала. Неподалеку у стены справа был накрыт стол. Идя к нему, Джек понял, что поднимается в горку, хотя избыточного напряжения мышц не чувствовал и равновесия не терял. Тогда он торопливо миновал стол и продолжал идти, как полагал, по прямой. Стол был позади него, затем — над ним. Через несколько сот шагов Джек свернул направо и опять пошел к столу. Результат был прежним.

Ни окон, ни дверей не было. Имелись: стол, кровать и стулья. Они стояли возле разбросанных по комнате небольших столиков. Похоже было, что его заключили в огромный драгоценный камень, полный сияния. Его отражения и отражения отражений уходили в бесконечность и, куда бы он ни посмотрел, везде был свет.

Тени нигде не должно было быть — и не было.

Узник того, кто однажды уже убил тебя, подумал он. Конечно, неподалеку от источника его Силы, в клетке, сделанной специально для тебя. Скверно. Очень скверно.

Вдруг повсюду началось движение. Зеркала на мгновение показали его бесконечность, потом все опять замерло. Джек огляделся, отыскивая результат этих перемещений.

Теперь на висевшем перед ним столе стояли мясо, хлеб, вино и вода.

Встав на ноги, он почувствовал легкое прикосновение к плечу. Джек мигом обернулся, и ему с поклоном улыбнулся Повелитель Нетопырей.

— Кушать подано,— сказал он, указывая на стол.

Джек кивнул, подошел вместе с ним к столу, уселся и принялся наполнять тарелку.

— Как тебе квартира?

— Очень забавная,— ответил Джек.— Кроме всего прочего, как я заметил, тут ни окон, ни дверей.

— Да.

Джек принялся за еду. Его аппетит был подобен пламени, которое невозможно унять.

— После своего путешествия ты выглядишь не слишком хорошо.

— Знаю.

— Позже я пришлю тебе ванну и чистую одежду.

— Спасибо.

— Не за что. Я хочу, чтобы ты чувствовал себя комфортно, а пробыть здесь тебе придется, несомненно, долго.

— Как долго? — спросил Джек.

— Кто знает? Возможно, годы.

— Понятно.

Джек задумался. Если я нападу на него с ножом для мяса, сумею ли я его убить? Или сейчас он слишком силен для меня? Сумеет ли он мгновенно умножить свои силы? А если я добьюсь своего, найду ли я выход отсюда?

— Где мы? — спросил Джек.

Повелитель Нетопырей улыбнулся.

Он расстегнул тяжелую серебряную цепь, которую носил на шее. С нее свисал сверкающий драгоценный камень. Он наклонился вперед и протянул руку.

— Посмотри-ка на него, Джек,— сказал он.

Джек дотронулся до камня кончиками пальцев, взвесил его, повертел.

— Ну, стоит он того, чтобы его украсть?

— Само собой. Что это за камень?

— Собственно говоря, это не камень. Это — эта комната. Погляди, какой он формы.

Джек проделал это, переводя взгляд с камня на стены и обратно.

— Его форма очень напоминает эту комнату...

— Они идентичны. Так и должно быть, ведь это — одна и та же вещь.

— Не понимаю...

— Возьми. Поднеси к глазам. Посмотри, что у него внутри.

Джек поднес камень к глазам, прищурился и уставился внутрь.

— Внутри...— сказал он.— Крохотная копия этой комнаты.

— Посмотри на стол.

— Вижу! Я вижу, как мы сидим за столом! Я... Я рассматриваю... Этот камень!

— Отлично! — Повелитель Нетопырей зааплодировал.

Джек выпустил камень из рук, и его собеседник вернул тот на место.

— Посмотри, пожалуйста,— сказал он.

Он взял камень свободной рукой и стиснул в кулаке.

Наступила тьма. Она пришла лишь на миг и исчезла, как только он разжал пальцы.

Тогда он достал из-под плаща свечу, закрепил в подсвечнике на

столе и зажег. Потом поднес свисающий с цепочки камень к пламени.

В комнате стало тепло, даже слишком. Через некоторое время жара стала угнетающей, и Джек почувствовал, что на лбу выступили капли пота.

— Хватит! — сказал он.— Вовсе ни к чему нас поджаривать!

Повелитель Нетопырей убрал пламя и окунул камень в графин с водой. Сразу же стало прохладно.

— Где мы? — повторил Джек.

— Да вот — я ношу нас на шее,— ответил Повелитель Нетопырей, снова надевая цепочку.

— Хороший фокус. И где же ты сейчас?

— Здесь.

— В камне?

— Да.

— А камень у тебя на шее?

— Конечно. Да, фокус неплохой. Выдумать и осуществить это мне удалось быстро. В конце концов, я, несомненно, один из способнейших. Хотя много лет назад несколько моих самых ценных манускриптов по Искусству были украдены.

— Какое несчастье. Я полагал, ты более тщательно охраняешь подобные документы.

— Их хорошо охраняли. Но был пожар. Во время замешательства вор сумел взять их и исчезнуть в тени.

— Ага,— сказал Джек, прикончив последний кусок хлеба и потягивая вино.— Вора поймали?

— О да. И казнили. Но я с ним еще не покончил.

— Да? — сказал Джек.— И что же ты думаешь делать?

— Я собираюсь свести его с ума,— сказал Повелитель Нетопырей, играя вином в своем кубке.

— Может быть, он уже сошел с ума. Разве клептомания — не болезнь психики?

Его собеседник покачал головой.

— Не в этом случае,— сказал он.— Для этого вора это — вопрос гордости. Ему нравится перехитрить власть имущих и завладеть их собственностью. Это, похоже, укрепляет его уверенность в себе. Если подобные желания — психическое расстройство, значит, им страдает большинство. Хотя в его случае желание часто бывает удовлетворено. Удача сопутствует ему, поскольку он обладает кой-какой Силой и применяет ее жестко и без жалости. Я с огромным наслаждением пронаблюдаю, как постепенно он спятит вконец.

— Чтобы укрепить свою гордость и уверенность в себе?

— Отчасти. Кроме того, это вселит в него некоторое почтение к богине правосудия и пойдет на пользу обществу в целом.

Джек засмеялся. Его собеседник только улыбнулся.

— Как же ты намерен этого добиться? — наконец, спросил он.

— Я заточу его в тюрьму, откуда нет выхода. Там ему совершенно нечего будет делать — он будет просто существовать. Время от времени я стану помещать туда определенные вещи и удалять их,—

вещи, которые с течением времени начнут все сильнее завладевать его мыслями. Начнутся приступы ярости и периоды депрессии. Я сломаю самоуверенность этого задаваки и с корнем вырву его гордыню.

— Ясно, ясно,— сказал Джек,— это звучит так, будто ты давно собирался проделать это.

— Можешь не сомневаться.

Джек оттолкнул пустую тарелку, откинулся на спинку стула и пересчитал окружавшие их отражения.

— По-моему, дальше ты, пожалуй, заявишь, что твою побрякушку легко невзначай потерять во время океанской прогулки, зарыть в землю, сжечь или скормить свиньям.

— Нет, как ты только что сообразил.

Повелитель Нетопырей поднялся, небрежно махнув рукой куда-то наверх.

— Я вижу, тебе доставили ванну,— сказал он,— и, пока мы обедали, приготовили чистую одежду. Я удаляюсь. Займись собой.

Джек кивнул и поднялся.

Тут под столом раздался глухой стук, за которым последовало дребезжание и короткий резкий вопль. Джек почувствовал, что его ухватили за лодыжку. Потом он очутился на полу.

— Прочь! — крикнул Повелитель Нетопырей, быстро обойдя вокруг стола.— Назад, я сказал!

Из складок его плаща вырвались тучи нетопырей и ринулись на то, что было под столом. Оно от ужаса завизжало и так стиснуло лодыжку Джека, что ему почудилось, будто кости разваливаются в порошок.

Он поднялся и начал нагибаться вперед. Потом, увидев это, он на миг остолбенел, и тут была бессильна даже боль.

Существо было белым, голым, блестящим и все в синяках. Повелитель Нетопырей пнул его и оно выпустило Джека, но прежде, чем оно успело загородиться скрещенными руками, Джек мельком увидел его перекошенное лицо.

Похоже, это создание было задумано, как человек, но так до конца им и не стало. По нему словно прошлись, перекрутили его, а в оплывшей голове, как в сыром тесте, проткнули дыры. Сквозь прозрачную плоть его торса виднелись кости; короткие ноги были толщиной с дерево и заканчивались дискообразными ступнями. С них свисало множество длинных пальцев, похожих на червей или на корни. Руки были длиннее тела. Это был раздавленный слизняк; нечто, замороженное и оттаявшее прежде, чем пропеклось. Это было...

— Это — Боршин,— сказал Повелитель Нетопырей, протягивая руки к визжащему существу, которое, казалось, не могло решить, кого боится больше — летучих мышей или их хозяина. Оно колотилось головой о ножки стола, пытаясь ускользнуть от обоих.

Повелитель Нетопырей сорвал с груди камень и запустил им в существо, бормоча при этом проклятия. Оно исчезло, оставив после себя лужицу мочи. Мыши вновь пропали в одеждах своего господина. Он улыбнулся Джеку.

— Что,— спросил Джек,— такое Боршин?

Некоторое время Повелитель Нетопырей рассматривал свои ногти. Потом он сказал:

— На дневной стороне планеты ученые уже некоторое время пытаются создавать искусственную жизнь. До сих пор безуспешно. Я собирался добиться успеха с помощью волшебства там, где их наука бессильна,— продолжал он.— Я долго экспериментировал, потом попробовал. Ничего не вышло... или, скорее, вышло наполовину. Результат ты только что видел. Я избавился от своего мертвого гомункулуса, отправив его в Навозные Ямы Глива, но однажды он ко мне вернулся. Я не могу приписать себе честь его оживления. Силы, питающие нас здесь, каким-то образом стимулировали его. Я не думаю, что Боршин и вправду живое существо... в обычном смысле слова.

— Это — одна из тех вещей, предназначенных, чтобы пытать твоего врага, о которых ты говорил?

— Да, поскольку я обучил его двум вещам: бояться меня и ненавидеть моего врага. Правда, на этот раз я его сюда не приводил. Он приходит и уходит сам, своими путями. Но я не думал, что они достигают этого места. Этим я еще займусь.

— А пока что он сможет являться сюда, когда вздумает?

— Боюсь, что так.

— Тогда нельзя ли мне иметь при себе оружие?

— Увы — у меня нет оружия, чтобы тебе одолжить.

— Понятно.

— Теперь я лучше пойду. Купайся на здоровье.

— И еще одно,— сказал Джек.

— Что?— спросил тот, лаская пальцами камень.

— У меня тоже есть враг, которому я должен отомстить. Не стану утомлять тебя подробностями, но должен сказать, что моя месть превзойдет твою.

— Правда? Интересно узнать, что у тебя на уме.

— Я постараюсь, чтобы ты непременно узнал.

Оба улыбнулись.

— Тогда — до скорого.

— Пока.

Повелитель Нетопырей исчез.

Джек вымылся, долго просидев в теплой блестящей воде. Накопившаяся за время его путешествия усталость, казалось, овладела им мгновенно. Только мощным усилием воли ему удалось встать, вытереться и дойти до постели, на которую он рухнул. Он слишком устал для того, чтобы должным образом ненавидеть или обдумывать побег.

Он спал и видел сны.

Ему снилось, что он держит Великий Ключ, Кольвинию,— ключ от хаоса и порядка,— и им отпирает небо и землю, море и ветер, приказывая им обрушиться на Хай-Даджен и ее хозяина со всех концов света. Ему снилось, что родилось пламя и Властелин тьмы оказался навеки в его сердце, как муравей в янтаре, но живой, способ-

ный чувствовать и лишенный сна. Он, будучи возбужден до предела, вдруг услышал бормотание Великой Машины. От этого знамения он застонал, а по стенам, на пропитанных потом постелях, заметалось множество Джеков.

Глава 5

Джек сидел на стуле возле постели, вытянув ноги и сцепив пальцы под подбородком. Он был одет в красно-черно-белый костюм шута, украшенный бриллиантами. Носки туфель винного цвета были загнуты и заканчивались шнурками, от которых Джек оторвал бубенчики. Колпак с бубенчиками он выбросил в помойное ведро.

— Теперь — когда угодно,— решил он.— Надеюсь, Боршин за ним не пойдет.

На столе стояли остатки завтрака — его тридцать первой трапезы в этих стенах. Воздух был холоднее, чем ему бы хотелось. С тех пор, как Джек очутился здесь, Боршин приходил трижды. Он появлялся внезапно и, пуская слюни, пытался схватить Джека. Каждый раз Джек отгонял его стулом, крича изо всех сил, и каждый раз через несколько минут являлся Повелитель Нетопырей и забирал эту тварь, извиняясь за причиненные неудобства. После первого же такого визита Джек стал плохо спать, зная, что в любой момент он может повториться.

Еду доставляли регулярно. Она была весьма однообразной, но он машинально съедал ее, думая о другом. Позже он так и не смог вспомнить, что это было — да и не хотел вспоминать.

Он размышлял: теперь скоро.

Чтобы не раскиснуть, Джек делал гимнастику. Он уже набрал часть потерянного им веса. Он боролся со скукой, выстраивая и отвергая множество вариантов побега и мести. Потом он вспомнил слова Розали и решил, что делать.

Воздух словно наполнился мерцанием, а рядом возник такой звук, словно по кубку постукивали ногтем.

Рядом с ним очутился Повелитель Нетопырей — и на этот раз он не улыбался.

— Джек,— сразу же приступил он к делу,— ты разочаровываешь меня. Что ты пытался сделать?

— Прости.

— Ты только что проговорил какое-то слабое заклинание. Ты и правда думаешь, что здесь, в Хай-Даджен, я не замечу попытку воспользоваться Искусством?

— Только в том случае, если она будет успешной,— сказал Джек.

— Что явно не так. Ты все еще здесь.

— Конечно.

— Ты не можешь ни разрушить эти стены, ни пройти сквозь них.

— Я уже понял.

— Тебе не кажется, что ты поправился?

— Немного.

— Тогда, наверное, пора ввести в твое окружение дополнительные элементы.

— Ты не сказал мне, что есть еще один Боршин.

Его собеседник издал смешок, и откуда-то появилась летучая мышь. Она несколько раз облетела вокруг него и повисла на цепочке, которая была у него на шее.

— Нет, я имел в виду не это,— сказал он.— Я размышлял, насколько у тебя хватит чувства юмора.

Джек, лениво оттирая с указательного пальца правой руки пятнышко сажи, пожал плечами.

— Когда ты это выяснишь, дай мне знать,— сказал он.

— Ты будешь одним из первых. Даю слово.

Джек кивнул.

— Я бы предпочел, чтоб ты оставил свои упражнения в магии,— сказал Повелитель Нетопырей.— В такой сильно изменившейся атмосфере последствия могут быть весьма суровыми.

— Буду иметь это в виду,— сказал Джек.

— Великолепно. Извини, что помешал. Занимайся своими делами. Адью.

Джек не ответил — потому что был один.

Через некоторое время в его окружении появился дополнительный элемент.

Осознав, что он не один, Джек внезапно поднял глаза. При виде ее рыжих волос и полуулыбки он на миг от неожиданности чуть не поверил.

Потом он встал, подошел к ней, отошел в сторону и рассмотрел ее с нескольких точек.

Наконец, он сказал:

— Отличная работа. Передай своему создателю мои поздравления. Ты — прекрасная копия моей леди Ивен из крепости Холдинг.

— Я не копия. И не твоя леди,— сказала она, делая реверанс.

— Как бы там ни было, ты принесла мне свет,— сказал он.— Могу я предложить тебе сесть?

Усадив ее, он пододвинул второй стул и уселся слева от нее. Откинувшись на спинку, он внимательно разглядывал ее.

— Ну, а теперь ты, может быть, объяснишь то, что сказала?— сказал он.— Если ты — не моя Ивен и не двойник, созданный моим врагом, чтобы досадить мне, то что ты такое? Или, выражаясь более деликатно, кто ты?

— Я? Ивен из крепости Холдинг, дочь Лорет и Неумирающего Полковника,— ответила она, все еще улыбаясь, и только тогда он заметил, что с ее серебряной цепочки свисает странный драгоценный камень, схожий по форме с его тюрьмой.— Но я — не т в о я леди,— закончила она.

— Он отлично поработал,— сказал Джек.— Даже голос похож, как две капли воды.

— Я даже могу посочувствовать лорду-бродяге из несуществующего Шедоу-Гард,— сказала она.— Джек-врун, ты настолько зна-

ком со всеми формами обмана, что тебе стало трудно различать, где же правда.

— Шедоу-Гард существует! — сказал он.

— Тогда не стоит так волноваться, когда это упоминают, верно?

— Он хорошо выучил тебя, существо. Смеяться над моим домом значит смеяться надо мной!

— Что я и собиралась сделать. Но я — не творение того, кого ты называешь Повелителем Нетопырей. Я — его женщина. Я знаю его тайное имя. Он показал мне мир внутри сферы. Я видела из Хай-Даджен все. Я знаю, что Шедоу-Гард не существует.

— Никто, кроме меня, никогда не видал его,— сказал он,— потому что он всегда скрыт тенью. Это — огромный замок с залами, освещенными факелами, с высокими потолками, с подземными лабиринтами и множеством башен. Там с одной стороны — немного света, а с другой — полная тьма. Он полон памятных вещиц с самых крупных краж, какие когда-либо совершались. Там много очень красивых безделушек и бесценных вещей. В его коридорах пляшут тени, а множество драгоценных камней сияет ярче, чем солнце над другой половиной планеты. Вот над чем ты смеешься — над Шедоу-Гард, по сравнению с которым замок твоего хозяина просто свинарник. Верно, иногда там бывает одиноко, но настоящая Ивен оживит его своим смехом, зажжет своим изяществом так, что он сохранит свое великолепие много времени спустя после того, как твой хозяин сойдет в вечную тьму — когда я отомщу.

Она тихонько поаплодировала.

— Нетрудно вспомнить, как однажды твои речи и твоя страстность убедили меня, Джек. Теперь-то я понимаю, что, говоря о Шедоу-Гард ты говоришь слишком хорошо для того, чтобы описывать реальное место. Я ждала тебя долго, а потом узнала, что тебе отрубили голову в Иглесе. Я все-таки собиралась ждать твоего возвращения, но мой отец решил иначе. Сперва я думала, что им движет желание обладать Пламенем Ада. Но я ошибалась. Он сразу понял, что ты — лжец и бродяга. Я плакала, когда он обменял меня на Пламень Ада, но я полюбила того, кому меня отдали. Мой повелитель добр тогда, когда ты ни о чем не думаешь, он умен там, где ты просто жесток. Его замок существует на самом деле, он один из самых могущественных в стране. В нем — все то, чего тебе недостает. Я люблю его.

Джек смотрел ей в лицо, которое теперь было серьезно, а потом спросил:

— Как он завладел Пламенем Ада?

— Его человек завоевал для него в Иглесе этот камень.

— Имя этого человека?

— Квазер,— сказала она.— Чемпионом Адских Игр стал Квазер.

— Для двойника это умеренно бесполезная информация,— заметил Джек,— если это все правда. Хотя мой враг весьма тщателен. Очень жаль, но я не верю, что ты — настоящая.

— Вот пример эгоизма, который не дает заметить очевидное.

— Нет. Я знаю, что ты — не настоящая Ивен, а нечто, посланное

мучить меня. Настоящая Ивен — моя Ивен — не стала бы судить меня за глаза. Она дождалась бы моего ответа, что бы про меня ни говорили.

Тогда она отвела взгляд.

— Еще одна умная фраза,— сказала она, наконец.— Она ничего не значит.

— Можешь идти,— сказал он.— И скажи своему хозяину, что у вас ничего не вышло.

— Он не хозяин мне! Он — мой повелитель и возлюбленный!

— ...Или, если не хочешь уходить, можешь остаться. Мне все равно.

Он встал, подошел к постели, растянулся на ней и закрыл глаза.

Когда он снова открыл их, ее уже не было.

Но он заметил то, что она хотела скрыть.

«...Я ничего им не дам,— решил он.— Неважно, какие доказательства они представят. Я буду объяснять это трюками. Пока что я упрячу знание туда же, куда и чувства».

Через некоторое время он уснул. Ему снилось красочное будущее — таким, каким он себе его представлял.

Потом он долго был один. Это его вполне устраивало.

Он чувствовал, что загнал Повелителя Нетопырей в угол и дал отпор первому покушению на свой здравый рассудок. Иногда, меряя шагами полы, стены и потолки своей тюрьмы, он посмеивался. Он обдумывал свой план — его опасные стороны,— и прикидывал, сколько лет уйдет на его осуществление. Он ел. Он спал.

Потом ему пришло в голову, что, если Повелитель Нетопырей может видеть его в любую минуту, возможно, он находится под наблюдением постоянно. Ему немедленно представилось, как слуги его врага передают этот странный камень из рук в руки. Мысль была стойкой. Независимо от того, чем Джек занимался, у него появилось назойливое ощущение, что за ним подглядывают. Он приобрел привычку подолгу сидеть, уставясь на предполагаемых соглядатаев за зеркалами. Он внезапно оборачивался и делал жесты в сторону своих невидимых спутников.

«Господи! Сработало!— решил он однажды, проснувшись и быстро оглядев комнату.— Он и правда добирается до меня! Я везде подозреваю его присутствие, и это начинает выводить меня из равновесия. Но я буду действовать тайком. Если только он даст мне нужный выход, а все прочее останется по-прежнему, я, возможно, получу шанс. Впрочем, лучший способ отыскать выход — оставаться внешне спокойным. Я должен прекратить расхаживать и бормотать».

Он лежал, раскрыв свое существо, и ощущал отрезвляющий холод высоты.

После этого случая он замолчал и начал двигаться медленно. Подавить более мелкие реакции оказалось труднее, чем он думал. Но он подавлял их — иногда для этого приходилось сесть, стиснуть руки и считать до нескольких тысяч. Зеркала говорили ему, что у него выросла борода приличных размеров. Его шутовской наряд обносился и стал грязным. Частенько он просыпался в холодном поту, не

в состоянии вспомнить, что за кошмар мучил его. Хотя рассудок его порой помрачался, теперь он поддерживал в своей вечно сияющей зеркальной тюрьме видимость нормы.

— В заклятии ли тут дело? — думал он.— Или это просто результат длительного однообразия? Наверное, дело в последнем. Я думаю, что почувствовал бы это заклятие, хотя в колдовстве он сильнее меня. Ну, теперь-то уж скоро. Скоро он ко мне придет. Он почувствует, что тратит слишком много времени на то, чтобы меня расстроить. Начнется обратный эффект. Забеспокоится он сам. Теперь скоро. Скоро он придет.

Когда тот пришел, Джек сделал полезное наблюдение.

Он проснулся и обнаружил, что ему доставили ванну — второй раз с тех пор, как он тут очутился (тысячу лет назад) — и чистый костюм. Он отдраил себя и влез в бело-зеленые одежды. На этот раз он оставил бубенцы на носках туфель, а колпак напялил под вызывающим углом.

После этого он уселся, хлопнул в ладоши над головой и слабо улыбнулся. Нельзя было показывать, как он нервничает.

Когда внезапно раздался знакомый звук и воздух замерцал, Джек, глядя в том направлении, чуть наклонил голову.

— Привет,— сказал он.

— Привет,— ответил тот.— Как дела?

— Да вроде бы пришел в себя. И хотел бы вскоре тебя покинуть.

— Когда дело касается здоровья, излишняя осторожность не вредит. По-моему, тебе все еще требуется отдых. Но это мы обсудим позже.

— Очень жаль, что я не мог уделить тебе больше времени,— продолжал он.— Я был занят делами, которые требуют моего полного внимания.

— Ничего страшного,— сказал Джек.— Вскоре все твои усилия будут сведены к нулю.

Повелитель Нетопырей изучал его лицо, словно выискивал в нем признаки безумия. Потом он уселся и спросил:

— Что ты имеешь в виду?

Джек повернул левую руку ладонью кверху и сказал:

— Если все когда-нибудь кончается, значит, любые усилия сведутся к нулю.

— Почему это все должно кончиться?

— Ты в последнее время не обращал внимания на температуру, любезный лорд?

— Нет,— ответил тот, озадаченный.— Физически я довольно давно не покидал своего замка.

— Тебе было бы полезно проделать это. Или лучше открой свое существо эманациям Щита.

— Пожалуй... Когда я буду один... Но какая-то утечка существует все время. Те семеро, чье присутствие необходимо, чтобы ее прекратить, узнают об этом и примут меры. Нет причин для дурных предчувствий или беспокойства.

— Нет, есть. Если кто-то из этой семерки не в состоянии отозваться.

Его собеседник широко раскрыл глаза.

— Я тебе не верю,— сказал он.

Джек пожал плечами.

— Когда ты предложил мне свое... гм... гостеприимство, я искал тихое местечко, откуда мог бы высадиться. Конечно, проверить это очень легко.

— Почему же ты раньше молчал?

— Почему?— переспросил Джек.— Если я должен был сойти с ума, то какое мне дело, продолжит ли свое существование остальной мир или тоже погибнет?

— Весьма эгоистическая позиция,— сказал Повелитель Нетопырей.

— Такова моя позиция,— сказал Джек и звякнул бубенчиками.

— Полагаю, надо проверить твою историю,— его собеседник со вздохом поднялся.

— Я подожду здесь,— сказал Джек.

Повелитель Нетопырей отвел его в зал с высоким потолком, находившийся за железной дверью, и там перерезал его путы.

Джек осмотрелся. На мозаичном полу он заметил знакомые символы, по углам — кучи тряпья, темные занавеси на стенах. В центре зала находился маленький алтарь, а рядом — столик с инструментами. Пахло ладаном.

Джек шагнул вперед.

— Твое имя странным образом попало в Расчетную Книгу,— сказал Повелитель Нетопырей.— А другое имя было вычеркнуто.

— Возможно, ангелы-хранители передумали.

— Насколько мне известно, раньше такого не бывало. Но если ты — один из семи избранных, пусть будет так. Послушай, что я скажу, прежде чем ты отправишься нести свою службу у Щита.

Он хлопнул в ладоши, и занавес зашевелился. Вошла Ивен. Она подошла к своему господину и стала рядом с ним.

— Хотя для этого понадобится твоя Сила,— сказал он Джеку,— не думай, что она столкнется с моей здесь, в Хай-Даджен. Скоро мы зажжем огни, и появятся тени. Даже если я недооценил тебя, знай, что у моей леди были годы, чтоб изучить Искусство, и что она оказалась исключительно одаренной. Попробуй только устроить что-нибудь помимо того, зачем я тебя сюда привел, и мы с ней объединим свое умение. Неважно, в чем ты уверился, она — не двойник.

— Знаю,— сказал Джек.— Двойники не плачут.

— Когда это ты видел, чтобы Ивен плакала?

— Спросишь ее когда-нибудь.

Когда он посмотрел на алтарь и пошел вперед, она опустила глаза.

— Я лучше начну. Будьте любезны, станьте в малый круг,— сказал он.

Он по очереди раздувал угли в десяти чашах, которые стояли в три ряда — три чаши, четыре и три. Джек добавил ароматические порошки, и они вспыхнули, пуская разноцветный дым. Потом он

прошел в дальний конец алтаря и начертил на полу лезвием железного ножа узор. Он заговорил, и тень его разделилась на несколько теней, потом снова собралась в одно целое, заколебалась, застыла, потемнела и, словно бесконечная дорога на восток, простерлась через зал. Несмотря на мигающий свет, она после этого уже не двигалась и потемнела настолько, что, казалось, обрела глубину.

Джек услыхал, как Повелитель Нетопырей шепнул Ивен:

— Мне это не нравится! — и быстро посмотрел в их сторону.

Стоя в кругу, в мигающем свете и клубящемся дыму, он, казалось, становился все темнее и двигался все увереннее. Когда он взял с алтаря маленький колокольчик и зазвонил в него, Повелитель Нетопырей крикнул: «Перестань!» — но не нарушил малый круг, потому что возникло ощущение присутствия в зале кого-то еще — напрягшегося, приглядывающегося.

— Ты прав в одном, — сказал Джек. — Что касается Искусства, ты — мой хозяин. Я не собираюсь скрестить с тобой мечи, тем более там, где ты — властелин. Скорее, я просто хочу на некоторое время занять тебя и обеспечить свою безопасность. Вам, даже обоим вместе, потребуется несколько минут, чтобы сломать Силу, которую я здесь накопил... Ах, тогда вам будет о чем подумать помимо этого. А, вот!

Он схватил за ножку ближайшую чашу и швырнул ее через весь зал. Угли рассыпались по тряпью. Оно загорелось, и языки пламени лизнули край занавесей. Джек продолжал:

— Меня не призывали нести службу у Щита. Когда обломки стола обугливались в пламени свечи, горевшей у нас за обедом, я изменил запись в Расчетной Книге. Запись, которую ты обнаружил — моих рук дело.

— Ты посмел нарушить Великий Договор и играть судьбами мира?

— Да, — сказал Джек. — Какой прок от мира сумасшедшему? Ты же хотел свести меня с ума. А на договор мне плевать.

— Значит, отныне ты навсегда становишься вне закона, Джек. Не считай больше другом никого из людей тьмы.

— Я никогда и не считал.

— Договор и его исполнитель, Книга, — единственное, к чему мы все относились с почтением... Всегда относились с почтением. Несмотря на все прочие различия, Джек. Теперь ты в итоге движешься к своему уничтожению.

— Ты здесь и так чуть меня не уничтожил. А таким образом я могу с тобой распрощаться.

— Я уничтожу то представление о тебе, которое ты создал, и потушу пламя, которое ты зажег. Потом я восстановлю против тебя полмира. У тебя больше не будет ни минуты покоя. Ты кончишь свою жизнь несчастным.

— Ты однажды убил меня. Ты отнял мою женщину и сбил ее с пути. Ты сделал меня своим пленником, носил меня на шее, напускал на меня Боршина. Знай, когда мы снова встретимся, не меня будут пытать и сводить с ума. У меня длинный список... и ты возглавляешь его.

— Мы встретимся снова, Джекки-тень, может, даже через несколько минут. Тогда ты сможешь позабыть о своем списке.

— О, ты сказал «список». Это напомнило мне кое о чем. Тебе не интересно узнать, чье имя я вычеркнул, когда вносил в Книгу свое?

— Что же это было за имя?

— Как ни странно — твое. Право, тебе нужно почаще выбираться из дома. Если бы ты не сидел тут постоянно, то ощутил бы холод, обратил бы внимание на Щит и прочел бы запись в Книге. Потом ты отправился бы нести службу у Щита, а я не стал бы твоим пленником, и всех этих неприятностей можно было бы избежать. Отсюда мораль: побольше упражнений на свежем воздухе. Так-то.

— Тогда ты стал бы пленником барона или опять вернулся бы в Глив.

— Спорный вопрос,— сказал Джек, бросив взгляд через плечо.— Теперь занавес занялся, как надо, и можно отправляться. Через... скажем, три сезона, может, меньше, как знать?.. когда закончится твоя служба у Щита, ты, конечно же, отыщешь меня. Если сразу не получится, не теряйся. Добивайся своего. Когда я буду готов, мы встретимся. Я отберу у тебя Ивен. Я отберу у тебя Хай-Даджен. Я уничтожу твоих нетопырей. Я буду смотреть, как ты идешь от жизни к смерти и обратно — не один раз. Ну, а пока прощай.

Он повернулся и пристально осмотрел свою тень.

— Я не буду твоей, Джек,— услышал он голос Ивен.— Все, что я говорила, правда. Я скорее убью себя, чем стану твоей.

Он глубоко вдохнул ароматный воздух, потом сказал:

— Посмотрим.

И шагнул вперед, в тень.

Глава 6

С сумкой за плечами он шел на восток, а небо тем временем просветлело. Воздух был прохладным, меж серых трав вились струйки тумана. Туманом были полны долины и глубокие ущелья. Сквозь прозрачную пелену облаков пробивался свет звезд. Налетавшие с ближайшего озера ветерки влажно бились о каменистую землю.

Джек на минуту остановился и перебросил ношу на правое плечо. Он обернулся и посмотрел на страну тьмы, которую покидал. Шел он быстро и ушел далеко. Но нужно было уйти еще дальше. С каждым шагом, который Джек делал к свету, силы его врагов, способные сокрушить его, ослабевали. Вскоре он станет для них недосягаем. Но враги и дальше будут искать его, они не забудут. Значит, удрав, он поступил правильно. Он будет тосковать по царству тьмы с его жестокостью и ведьмовством, восторгами и чудесами. Оно было его жизнью: в нем было и то, что он ненавидел, и то, что любил. Джек знал, что ему придется вернуться и принести с собой то, что удовлетворит оба эти чувства.

Повернувшись, он продолжил свой путь.

Тени перенесли его в тайник неподалеку от Сумеречных Земель, где он хранил накопленные за многие годы магические рукописи. Он бережно завернул их и понес с собой на восток. Как только он попадет в Сумеречные Земли, то окажется в безопасности, а когда минует их, то будет вне всякой опасности.

Карабкаясь, он пробирался по Рениссалским горам. Там, где горная цепь ближе всего подходила к Сумеречным землям, Джек увидел самую высокую гору — Паникус.

Поднявшись выше тумана, Джек увидал вдали неясный силуэт Утренней Звезды на фоне Эвердон — Вечного Рассвета. Там, на своем утесе, Утренняя Звезда лежал неподвижно, с поднятой головой, лицом к востоку. Непосвященному он показался бы скульптурой, созданной ветром на вершине Паникуса. В самом деле, больше, чем наполовину он был камнем, его кошачий торс был со скалой одним целым. Сложенные крылья были прижаты к спине. Джек знал, хотя подходил к нему сзади, что руки Утренней Звезды все еще скрещены на груди, левая поверх правой; что ветер не спутал его похожие на проволоку волосы и бороду, и что лишенные век глаза все еще уставлены на восточный горизонт.

Тропинки не было. Последние несколько сот футов подъема Джеку пришлось преодолевать почти отвесный каменный склон. Тени здесь были густыми, и Джек как всегда шагал вверх, будто шел по равнине. Не успел он достичь вершины, как вокруг завизжали ветры, но и они не заглушили голос Утренней Звезды, который шел словно из недр горы.

— Доброе утро, Джек.

Тот стоял слева от него и смотрел наверх, где черную, как покинутая им ночь, голову Утренней Звезды закрыло облачко.

— Утро? — сказал Джек.

— Почти. Всегда почти утро.

— Где?

— Везде.

— Я принес тебе выпить.

— Я пью дождевую воду из туч.

— Я принес вино, сделанное из винограда.

Огромная, испещренная шрамами от ударов молний фигура тут же повернулась к нему, рога склонились вперед. Джек отвел взгляд от немигающих глаз, цвет которых никак не мог запомнить. В глазах, никогда не видавших того, на что должны были бы смотреть, есть что-то жуткое.

Он опустил левую руку, и перед Джеком оказалась покрытая шрамами ладонь. Джек поставил на нее мех с вином. Утренняя Звезда поднял его, выпил и уронил к ногам Джека. Он утер рот тыльной стороной ладони, легонько срыгнул и снова уставился на восток.

— Что тебе нужно, Джек-из-Тени? — спросил он.

— От тебя? Ничего.

— Тогда почему же ты всякий раз, как идешь этой дорогой, приносишь мне вино?

— По-моему, ты его любишь.

— Да.

— Ты, наверное, мой единственный друг,— сказал Джек.— У тебя нет ничего, что мне хотелось бы украсть. У меня нет ничего, что тебе было бы действительно нужно.

— Может, тебе жаль меня? Я ведь привязан к этому месту.

— Что такое жалость?— спросил Джек.

— То, что удерживает меня здесь в ожидании зари.

— Ну так во мне ее нет,— сказал Джек,— потому что у меня есть нужда не сидеть на одном месте.

— Знаю. Полмира узнало, что ты нарушил Договор.

— А знают они, почему?

— Нет.

— А ты?

— Конечно.

— Откуда?

— По форме облака я узнал, что далеко отсюда, в одном городе три сезона спустя кто-то поссорится с женой и убийцу повесят раньше, чем я закончу говорить. Падает камень, и по его падению я узнаю, сколько девиц лишилось чести и как движутся айсберги на другом краю света... По тому, каков ветер, я определяю; куда в следующий раз ударит молния. Я так долго смотрел и настолько сам часть всего этого, что от меня ничего нельзя скрыть.

— Ты знаешь, куда я иду?

— Да.

— А что я буду там делать?

— И это тоже.

— Тогда, если знаешь, скажи — сбудется ли мое желание?

— Твой план удастся, но к тому времени может получиться так, что ты уже захочешь совсем другого.

— Я не понимаю тебя, Утренняя Звезда.

— Я знаю и это. Но так со всеми оракулами, Джек. Когда происходит то, что было предсказано, тот, кто спрашивал,— уже не тот же самый человек, каким был, когда задавал вопрос. Невозможно заставить человека понять, каким он станет с течением времени, а тот, для кого пророчество действительно верно, всего лишь его будущее «я».

— Очень мило,— сказал Джек.— Но я-то — не смертный. Я — человек тьмы.

— Вы все смертны, неважно, какую часть мира зовете своей родиной.

— Я не меняюсь. У меня нет души.

— Меняешься,— сказал Утренняя Звезда.— Все, что живет, меняется или умирает. Ваш народ холоден, но ваш мир — теплый, имеющий и обаяние, и очарование, и чудеса. Вы не можете понять тех, кто обитает на освещенной стороне планеты — но их наука так же холодна, как ваши сердца. Они бы приняли ваш мир, если бы так его не боялись, а вам пришлись бы по вкусу их чувства, если бы не та же причина. Тем не менее, в каждом из вас заложены способности. Только страх мешает открыть дорогу пониманию — ведь вы зер-

кальное отражение друг друга. Поэтому не говори мне о душе, человек. Ты никогда ее не видал.

— Ты прав. Я не понимаю.

Джек уселся на камень и стал смотреть на восток вместе с Утренней Звездой.

Через некоторое время он сказал:

— Ты говоришь, что ждешь здесь рассвета, чтобы увидеть, как над горизонтом встает солнце.

— Да.

— Мне кажется, тебе придется ждать вечно.

— Возможно.

— Ты не знаешь? Я думал, ты знаешь все.

— Многое — но не все. Это не одно и то же.

— Тогда скажи мне вот что. Я слышал, что смертные считают сердце земли расплавленным демоном; говорят, когда спускаешься к нему, жар усиливается. Если земная кора лопнет, вырвутся языки пламени, а расплавленные минералы образуют вулканы. А я знаю, что вулканы — дело рук духов огня, которые, если их побеспокоить, плавят вокруг себя почву и выбрасывают ее наверх. Живут они в маленьких норках. Мимо них можно спуститься довольно далеко, и жара усиливаться не будет. Если зайти достаточно далеко, попадешь в самое сердце земли — оно вовсе не расплавленное. Там находится Машина с огромными пружинами, как в часах; с механизмами, рычагами, противовесами. Я знаю, что это правда, поскольку бывал в тех краях и был неподалеку от Машины. Но смертные все равно находят способ доказать, что верна их точка зрения. Один человек почти убедил меня, хотя я-то знал лучше. Как такое может быть?

— Вы оба были правы,— сказал Утренняя Звезда.— И говорили об одном, хотя ни один из вас не видит того, что есть на самом деле. Все вы расцвечиваете реальность в соответствии со своими средствами наблюдения за ней. А если пронаблюдать за ней невозможно, вы ее боитесь. Иногда вы непостижимо приукрашиваете ее. Для тебя это Машина. Для них — демон.

— Я знаю, что звезды — прибежище духов и богов... Иногда дружественных, иногда нет, а чаще — равнодушных. Все они рядом, их легко отыскать. Если правильно воззвать к ним, они откликнутся. А те, кто живет на дневной стороне планеты, твердят, что звезды очень далеко и ничего разумного там нет. Опять...

— Опять это не что иное, как два способа видеть реальность. И оба — верные.

— Если существует два способа, может ли не быть третьего? Или четвертого? Или, получается, что их столько же, сколько людей?

— Да,— сказал Утренняя Звезда.

— Тогда какой же из них правильный?

— Все.

— Но можно ли, несмотря на это, видеть все так, как оно есть на самом деле?

Утренняя Звезда не ответил.

— А ты,— сказал Джек.— А ты видел реальность?

— Я вижу облака и падающие камни. Я чувствую ветер.

— Но по ним ты каким-то образом узнаешь про остальное?

— Я... Однажды... Я жду восхода солнца. Вот и все.

— Ты знаешь, куда я иду и что собираюсь делать,— сказал Джек немного спустя.— Ты знаешь, что произойдет и каким я стану много позже. Ты способен видеть все это отсюда, со своей горы. Может быть, ты даже знаешь, когда я, наконец, умру в последний раз и как это случится. Из-за тебя моя жизнь начинает казаться бесполезной, а рассудок — чем-то, что просто существует и не в состоянии влиять на события.

— Нет,— сказал Утренняя Звезда.

— Я чувствую, ты сказал это просто, чтобы я не был несчастен.

— Нет. Я сказал это потому, что на твою жизнь падают тени, сквозь которые я не могу пробиться.

— Почему не можешь?

— Может быть, наши жизни каким-то образом переплетаются. От меня всегда скрыто то, что влияет на мое существование.

— В любом случае, это кое-что,— сказал Джек.

— ...Или это, может быть, потому, что, когда ты получишь то, что ищешь, то станешь непредсказуемым.

Джек рассмеялся.

— Это будет приятно,— сказал он.

— Возможно, не так приятно, как ты думаешь.

Джек пожал плечами.

— Как бы там ни было, выбора у меня нет — я могу только ждать. А там посмотрим.

Далеко внизу, слева от него, слишком далеко для того, чтобы услышать мерный рев, водяной вал промчался сотни футов и исчез за остроконечной скалой. Еще ниже, на равнине, через сумрачный лес текла широкая река. Еще дальше, на берегу, Джек увидал дымы деревни. На мгновение, непонятно почему, ему захотелось пройтись по ней, заглядывая во дворы и окна.

— Почему же,— спросил он,— Упавшая Звезда, который дал нам знание Искусства, не дал его и смертным тоже?

— Может быть,— сказал Утренняя Звезда,— те смертные, что наиболее склонны к теологии, спрашивают, отчего он не дал людям тьмы знание науки. Какая разница? Я слышал, что ни то, ни другое не было даром Упавшей Звезды, что это — изобретение человека и что его дар, скорее, заключался в разуме, сознании, которое само создает свои собственные системы.

Потом пыхтя, сопя и сильно пульсируя темно-зелеными сосудами, на их каменный уступ опустился дракон. Они не услышали его приближения из-за ветра. Он лежал, часто выдыхая короткие языки пламени. Через некоторое время глаза, похожие на красные яблоки, повернулись вверх.

— Здравствуй, Утренняя Звезда,— сказал он шелковым голосом.— Надеюсь, тебе не помешает, если я тут минутку отдохну. Ш-ш-ш! — он выдохнул длинный язык пламени, осветил весь уступ.

— Отдыхай, ладно,— сказал Утренняя Звезда.

Дракон заметил Джека, сосредоточил на нем взгляд и не отводил глаз.

— Я стал слишком стар, чтоб перелетать через эти горы,— сказал он.— Но ближайшее стадо овец пасется возле деревни на той стороне.

Джек поставил ногу в тень, которую отбрасывал Утренняя Звезда, и спросил:

— Так почему ты не переберешься на ту сторону?

— Мне причиняет беспокойство свет,— ответил дракон.— Мне нужно отлеживаться в темноте.

И спросил Утреннюю Звезду:

— Это твой?

— Что — мой?

— Человек.

— Нет. Он сам по себе.

— Тогда я могу сэкономить силы на путешествии и заодно очистить твой уступ. Он больше овцы, хотя, несомненно, не такой вкусный.

Когда дракон выдохнул в его сторону огненный фонтан, Джек полностью переместился в тень. Он вдохнул, и пламя исчезло. Джек выпустил его назад в дракона.

Тот удивленно фыркнул, прижимая крылья к увлажнившимся глазам. Тогда тень подползла к нему и упала ему на морду. Это пресекло вторую попытку испепелить Джека.

— Ты! — сказал дракон, глядя на укутанную в тени фигуру.— Я думал, ты — житель Сумеречных земель, пришедший надоедать бедняге Утренней Звезде. Но теперь я узнал тебя. Ты — тот неизвестный, который ограбил мою тайную сокровищницу. Что ты сделал с моей диадемой из бледного золота с бирюзой, и моими четырнадцатью серебряными браслетами великолепной работы, с мешком лучших драгоценных камней числом двадцать семь?

— Теперь это — часть моих сокровищ,— сказал Джек,— а сейчас тебе лучше отправиться в дорогу. Хоть ты и больше куска баранины и, несомненно, не такой вкусный, я могу тобой разговеться.

Он опять выдохнул пламя, и дракон подался назад.

— Прекрати! — сказал дракон.— Дай мне отдохнуть здесь еще немного, и я отправлюсь.

— Сейчас же! — сказал Джек.

— Ты жесток, человек-тень,— дракон вздохнул.— Ну, ладно.

Он поднялся, балансируя длинным хвостом и пыхтя, вразвалку направился к краю. Оглянувшись, он сказал:

— Ты полон ненависти! — и, перевалившись через край, исчез из вида.

Джек подошел к краю и смотрел, как тот падает. Когда казалось, что сейчас он разобьется насмерть о склон горы, дракон расправил крылья и, подхваченный воздушным потоком, набрал высоту и скользнул по направлению к деревеньке на берегу реки в лесу.

— Удивительно, зачем нужен разум,— сказал Джек,— если он не меняет природы зверя.

— Этот дракон когда-то был человеком,— сказал Утренняя Звезда.—Его алчность сделала его таким, каков он сейчас.

— Это мне знакомо,— сказал Джек,— поскольку, коротко говоря, однажды мне пришлось быть крысой.

— Тем не менее, ты одолел свою страсть и вернулся к людям, как, возможно, в один прекрасный день вернется и он. С помощью своего разума ты преодолел кое-что из того, что заставляет тебя быть предсказуемым. Разум обычно меняет своего обладателя. Почему ты не убил дракона?

— Ни к чему было,— начал Джек. Потом он рассмеялся:

— Его труп провонял бы тебе все скалы.

— Может, ты решил, что нет необходимости убивать того, кого не собираешься съесть или того, кто на самом деле тебе не угрожает?

— Нет,— сказал Джек,— поскольку теперь я несу ответственность за смерть овцы и за то, что в будущем кто-то из жителей деревни останется без пищи.

Чтобы распознать возникший звук, Джеку понадобилось несколько секунд. Раздался звенящий, клацающий шум. Утренняя Звезда сжал зубы. Налетел холодный ветер. Свет на востоке потускнел.

— ...Может быть, ты был прав,— услышал он тихий голос Утренней Звезды, словно тот обращался не к нему,— насчет разума.

И он слегка наклонил большую темную голову.

Джек, чувствуя неловкость, не смотрел на него. Утренняя Звезда следил взглядом за немигающей белой звездой, которая всегда его тревожила. Она пересекала небо на востоке справа налево.

— Тот, кто управляет этой звездой,— сказал он,— противится любому общению. Она движется не так, как другие, быстрее. Она не мерцает. Почему?

— Это — не настоящая звезда, это искусственный объект, помещенный на орбиту Твилайта учеными с дневной стороны.

— Для чего?

— Чтобы наблюдать за границами.

— Зачем?

— Ты ее боишься?

— У нас нет никаких таких штук на их стороне.

— Я знаю. Но разве ты сам не наблюдаешь за границей — по-своему? — спросил Джек.

— Конечно.

— Зачем?

— Чтобы знать обо всем, что пересекает ее.

— И только? — фыркнул Джек.— Если эта штука и вправду летает над Твилайтом, то она будет подчиняться волшебству так же, как своим законам. Достаточно сильное заклятие ее достанет! Когда-нибудь я сшибу ее оттуда.

— Зачем? — спросил Утренняя Звезда.

— Чтобы показать, что мое волшебство сильнее их науки... Станет сильнее в один прекрасный день.

— Поиски превосходства не пойдут на пользу ни одной из сторон.

— Пойдут — если оказаться на стороне, у которой пальма первенства.

— И все-таки, чтобы рискнуть, ты воспользуешься их методами.

— Я буду пользоваться всем, что понадобится для достижения моей цели.

— Интересно, каков будет результат.

Джек отошел к восточному склону вершины, перепрыгнул через край, отыскал ногой выступ и посмотрел наверх.

— Ладно. Ждать с тобой восхода солнца я не могу. Мне надо идти... и стащить вниз эту штуковину. Пока, Утренняя Звезда.

— Доброе утро, Джек.

С мешком на плече, словно разносчик, Джек пошел навстречу свету. Он прошел через разрушенный город Дедфут и даже не поглядел на опутанные паутиной изваяния бесполезных богов — его самую главную достопримечательность. С их алтарей красть было нечего. Плотно обернув голову шарфом, он торопливо прошел по знаменитой Улице Поющих Статуй, каждая из которых, будучи по натуре индивидуалисткой, заслышав шаги, начинала свою собственную песню. Перестав, наконец, бежать (а было это много позже) Джек вышел из города запыхавшись, отчасти оглохнув и с больной головой.

Опустив кулак, он растерял слова и замер на середине проклятия. Он не мог придумать, какую карту призвать на эти заброшенные руины, чтобы она была для них внове.

«Когда я стану править, все будет иначе,— решил он.— Города не будут строиться так хаотично, чтобы потом превращаться в такое».

Править?

Мысль была непрошенной.

«А почему бы и нет? — спросил он себя.— Если я обрету силу, которую ищу, почему бы не использовать ее для достижения всего, чего я ни пожелаю? Потом, когда я отомщу, мне придется иметь дело со всеми, кто сейчас против меня. Почему бы не выступить в роли завоевателя? Я — единственный, чьи силы не сосредоточены в определенном месте. Если только я заполучу Утерянный Ключ — Кольвинию — то сумею выгнать всех прочих с их земель. Наверное, я все время думал об этом. Я награжу Розали за то, что она подсказала мне путь... А к своему списку я кое-кого добавлю. Отомстив Повелителю Нетопырей, Бенони, Смейджу, Квазеру и Блайту, я доберусь до барона, а также прослежу за тем, чтобы у Неумирающего Полковника появились причины сменить имя».

Джека забавляло, что, помимо прочего, в его мешке лежали те самые рукописи, что вызвали гнев Повелителя Нетопырей. Какое-то время он действительно прикидывал, не предложить ли их в обмен на свою свободу. Единственная причина, по которой он этого не сде-

лал, заключалась в осознании того, что либо Повелитель Нетопырей примет их, но его не выпустит, либо — что было бы еще хуже — станет торговаться. Необходимость вернуть украденное стала бы для него самой большой потерей лица, чем когда-либо. А избежать этого можно было только сделав то, чем он теперь и занимался: получить силу, которая даст ему удовлетворение. Конечно, без рукописей это было бы куда труднее, и...

У него закружилась голова. Он решил, что был прав, поговорив с Утренней Звездой. Головная боль была результатом того, что в его сознании возник диссонанс, подобный шуму от двух сотен статуй Дедфута.

Вдали, справа от него, опять появился спутник жителей дневной стороны планеты. По мере того, как Джек шел вперед, становилось светлее. В далеких полях курились дымки. Он заметил впереди первые ростки зелени. Облака на востоке засветились ярче. Впервые за много лет его слуха достигла песня птицы, а когда он отыскал на ветках певца, то увидел яркое оперение.

Добрый знак, решил он, когда тебя встречают песней.

Он затоптал костер, забросал его вместе с косточками и перьями, и двинулся навстречу дню.

Глава 7

Примерно в середине семестра Джек ощутил медленное приближение. Каким образом, он не был уверен. Здесь, казалось, его восприятие было ограничено так же, как у его товарищей. Тем не менее, нечто искало Джека — ощупью, прячась, петляя, возвращаясь и снова выправляя свой путь. Джек это знал. Что касается природы этого, у Джека не было на этот счет ни малейшего представления. Хотя в моменты, подобные этим, он с недавних пор ощущал, что это существо все ближе.

Джек прошел восемь кварталов от университетского городка к Дагауту, минуя высокие здания с окнами, похожими на дырочки в перфокарте, по улицам, где, несмотря на прошедшие годы, выхлопные газы все еще были невыносимыми для его носа. Он, петляя, шел по улицам. На тротуарах валялись банки из-под пива, а из промежутков между домами вываливался мусор. Из окон, с лестниц, из дверей люди с равнодушными лицами наблюдали, как он проходит. Высоко над головой небо разрезал пассажирский лайнер, а потом вечно неподвижное солнце попыталось пригвоздить его к раскаленной мостовой, не давая тени. Возившиеся у открытого пожарного крана дети бросили игру и смотрели, как он идет мимо. Потом появилось что-то вроде намека на ветер, журчание воды, под одним из карнизов раздался хриплый птичий крик. Он швырнул сигарету в сточную канаву и стал смотреть, как она уплывает. Везде сплошной свет, никакой тени, подумал он. Странно, никто ничего не заметил. Где же я это оставил?..

Там, где свет был тусклее, кое-что переменилось. То ли нечто пришло в этот мир, то ли исчезло из него. Поэтому возникло неосо-

знанное чувство разобщенности — его не было, когда день сиял во всей красе. С ним возникли и другие чувства и образы. Словно тени, несмотря на его невосприимчивость к ним, все еще пытались воззвать к нему. Потому-то, заходя в малоосвещенный бар, Джек понял, что нечто, искавшее его, приближается.

Когда он очутился на окраине Дагаута, дневная жара спала. Там, в падавшем сквозь стекло розовом свете свечи, он заметил ее темные волосы, тронутые кое-где оранжевыми отсветами. Пробираясь между столиками, он почувствовал, как спадает напряжение — в первый раз с тех пор, как он оставил свою аудиторию.

Он проскользнул в кабину напротив нее и улыбнулся.

— Привет, Клэр.

Она уставилась на него, широко раскрыв темные глаза.

— Джон! Ты в своем репертуаре,— сказала она.— Просто раз — и вот он ты.

Джек продолжал улыбаться, разглядывая ее тяжеловатые черты, след от очков, легкую припухлость под глазами, несколько упавших на лоб соломенных прядей.

— Как коммивояжер,— сказал он.— А вот и официант.

— Пиво.

— Пиво.

Оба со вздохом откинулись на спинки стульев и стали смотреть друг на друга.

Потом она засмеялась.

— Ну и год! — заявила она.— До чего же я рада, что семестр кончился!

Он кивнул.

— Все еще самый большой выпускной класс...

— ...И несданные книжки, которых мы уже не увидим.

— Поговори с кем-нибудь из канцелярии,— сказал он.— Подай им список...

— Выпускники игнорируют штрафы.

— Когда-нибудь им понадобятся копии диплома. Если они начнут просить их, поставь их перед фактом, что они ничего не получат, пока не расплатятся.

Она наклонилась вперед.

— Хорошая мысль!

— Конечно. Если речь пойдет об устройстве на работу, они родят эти книги.

— Когда ты устраивался на кафедру антропологии, ты не услышал зов. Тебе надо было стать администратором.

— Я работал там, где хотел.

— А почему ты говоришь в прошедшем времени? — спросила она.

— Не знаю.

— Случилось что-нибудь?

— Честное слово, ничего.

Но ощущение оставалось. Уже близко...

— Твой контракт,— сказала она.— Были какие-нибудь неприятности?

— Нет,— сказал он.— Никаких.

Принесли пиво. Он взял свою кружку и начал пить. Скрестив под столом ноги, он коснулся ноги Клэр. Она не отодвинулась — но, в конце концов, она всегда вела себя так. Со мной ли, с кем-то другим, подумал Джек. Хорошая девочка, но слишком хочет замуж. За семестр она потеряла со мной всякое терпение. Теперь в любой день...

Он отбросил эту мысль. Встреть он ее раньше, он мог бы жениться на ней, потому что возвращаясь туда, где он должен был быть и оставляя жену здесь, был бы абсолютно спокоен. Но он встретил ее только в этом семестре, а его дело близилось к завершению.

— Как насчет часов по субботам, о которых ты говорил?— спросила она.— Уже что-нибудь решил?

— Не знаю. Это зависит кое от каких исследований, которыми я как раз сейчас занят.

— И насколько ты продвинулся?

— Узнаю, когда получу машинное время. Я поэтому и пришел.

— Скоро?

Он посмотрел на часы и кивнул.

— Так скоро?— спросила она.— Если результат будет благоприятным?..

Он закурил.

— Тогда это может случиться в следующем семестре,— сказал он.

— Но ты говорил, что твой контракт...

— ...в полном порядке,— сказал он.— Но я его не подписал. Еще не подписал.

— Ты как-то сказал, что тебе кажется, будто Квилиэн тебя не любит.

— Не любит. Он старомоден. Ему кажется, что я провожу слишком много времени у компьютера. И слишком мало в библиотеках.

Она улыбнулась.

— Я тоже.

— Как бы там ни было, я слишком популярный лектор, чтобы не предложить мне возобновить контракт.

— Тогда почему ты не подписал его? Хочешь прибавки?

— Нет,— сказал он.— Но если я попрошу часы по субботам, забавно будет сказать ему, чтобы он выкинул этот контракт. Не то чтобы я отказался подписать контракт и ушел, если это нужно будет для моих исследований, но я с удовольствием скажу доку Квилиэну, куда ему запихать его предложение.

Она потягивала свое пиво.

— Значит, у тебя на подходе что-то важное?

Он пожал плечами.

— Как твой семинар?

Она рассмеялась.

— Ты — как кость в горле у профессора Уизертона. Он почти всю лекцию посвятил тому, чтобы расправиться с твоим курсом «Философия и обычаи царства тьмы».

— Мы расходимся во мнении по многим вопросам, но он там никогда не бывал.

— Он намекал, что ты тоже. Он согласен с тем, что там феодальное общество и что некоторые из тамошних лордов действительно могут считать, будто в своих владениях имеют непосредственную власть над всем. Он отрицает саму идею их объединения Договором, который основан на положении, что небеса упадут, если их не поддерживать чем-то вроде Щита, сотрудничая в области магии.

— Но что же тогда поддерживает жизнь в этой части мира?

— Кто-то задал такой вопрос. Он сказал, что это проблема для физиков, а не для социологов-теоретиков. Хотя лично он считает, что к этому имеет отношение утечка энергии из наших силовых экранов на больших высотах.

Джек фыркнул.

— Надо бы взять его разок в экспедицию. И его дружка Квилиэна тоже.

— Я знаю, что ты бывал в царстве тьмы, — сказала она. — Фактически я думаю, что твоя связь с ним куда сильнее, чем ты говоришь.

— Это как?

— Если бы ты сейчас мог себя видеть, ты бы понял. Я долго не могла сообразить, в чем дело, но когда заметила, отчего у тебя в таких местах как это, странный вид, все стало ясно... Твои глаза. Они более чувствительны к свету, чем у всех, кого мне приходилось видеть раньше. Стоит тебе попасть из света в полумрак, как здесь, и зрачки делаются огромными. Вокруг них остается только тоненькая полоска радужки. И еще я заметила, что темные очки, которые ты почти не снимаешь, куда темнее обычных.

— У меня глаза не в порядке. Вижу я неважно, а яркий свет их раздражает.

— Вот я и говорю.

В ответ он улыбнулся.

Джек смял сигарету и, словно это было сигналом, из колонки высоко над ними раздалась тихая расслабляющая музыка. Он отхлебнул еще глоток.

— Я полагаю, Уизертон фотографировал выкапывание трупов?

— Да.

«А если я умру здесь? — подумал он. — Что будет со мной? Лишусь ли я Глива и возвращения?»

— Что-то не так? — спросила она.

— В смысле?

— У тебя раздуваются ноздри. А брови нахмурены.

— Ты слишком внимательно на меня смотришь. Все из-за этой жуткой музыки.

— Мне нравится на тебя смотреть, — сказала она. — Давай допьем и пойдем ко мне. Я сыграю тебе что-нибудь другое. И потом,

у меня есть кое-что, что я бы хотела показать тебе. И спросить тебя об этом.

— Что?

— Давай подождем.

— Ладно.

Они допили пиво, и Джек расплатился. Они ушли. Когда они вышли на свет, его опасения уменьшились.

Они поднялись на третий этаж и вошли в ее квартиру. Едва переступив порог, Клэр остановилась и тихонько откашлялась.

Джек, быстро передвинувшись влево, протиснулся мимо нее и остановился.

— Что это? — спросил он, обшаривая комнату взглядом.

— Я уверена, что, когда я уходила, этого не было. Бумаги на полу... По-моему, этого стула здесь не было. И ящик был закрыт. И дверца шкафа...

Он вернулся к ней, поискал царапины на дверном замке и не нашел. Тогда он пересек комнату. Когда он зашел в спальню, она услышала звук, который мог быть только щелканьем складного ножа.

Через минуту он вышел, исчез в соседней комнате, а оттуда пошел в ванную. Когда он снова появился, то спросил:

— Окно возле столика было открыто, как сейчас?

— Наверное,— сказала она.— Наверное, да.

Он вздохнул. Потом осмотрел подоконник и сказал:

— Может быть, бумаги сбросило порывом ветра. Что касается ящика и шкафа, держу пари, ты утром сама оставила их открытыми. И вероятно, забыла, что переставила стул.

— Я очень педантичный человек,— сказала она, закрывая входную дверь. А потом обернулась и добавила:

— Но я думаю, ты прав.

— Почему ты нервничаешь?

Она ходила по комнате, собирая бумаги.

— Откуда у тебя нож? — спросила она.

— Какой нож?

Она захлопнула шкаф, повернулась и посмотрела на него.

— Который был у тебя в руке минуту назад!

Он вытянул руки ладонями кверху.

— У меня нет ножа. Если хочешь, обыщи меня. Оружия ты не найдешь.

Она подошла к комоду и задвинула ящик. Нагнувшись, Клэр открыла нижний ящик и вынула что-то, завернутое в газету.

— Это не все,— сказала она.— Почему я нервничаю? Вот почему!

Она положила сверток на стол и развязала веревочку.

Джек подошел к ней и смотрел, как она разворачивает газеты. Внутри оказались три очень старых книги.

— Я думал, ты уже забрала их обратно!

— Я собиралась...

— Мы же договорились!

— Я хотела узнать, где и как ты их заполучил.

Он покачал головой.

— А еще мы договорились, что, если мне надо будет их вернуть, ты не станешь задавать подобные вопросы.

Она уложила книги рядом. Потом указала на корешок одной из них и на обложку другой.

— Раньше тут этого не было, я уверена,— сказала она.— Это же пятна крови, правда?

— Не знаю.

— Я пыталась сырой тряпкой стереть пятна поменьше, и то, что сошло, было очень похоже на засохшую кровь.

Он пожал плечами.

— Когда я сказала тебе, что эти книги были украдены из Хранилища Редких Книг, ты предложил вернуть их, и я сказала — о'кей.

Она продолжала:

— Я согласилась, что, если ты хочешь их вернуть, я прослежу, чтобы возврат был анонимным. Никаких вопросов. Но я и подумать не могла, что это означало кровопролитие. Одни только пятна не заставили бы меня думать, что произошло именно это. Но тогда я начала задумываться о тебе и поняла, как мало я на самом деле знаю. Тогда-то я и начала замечать вещи вроде твоих глаз, того, как тихо ты двигаешься. Я слыхала, что ты в дружбе с преступниками... но тогда ты написал несколько статей по криминологии и преподавал курс этого предмета. То есть тогда, когда я задумывалась об этом, это казалось нормальным. Теперь я вижу, как ты с ножом в руке расхаживаешь по комнатам, явно готовый убить того, кто сюда залез. Ни одна книга не стоит человеческой жизни. Наш договор потерял силу. Расскажи, как они к тебе попали.

— Нет,— сказал он.

— Я должна знать.

— Ты устроила эту сцену к нашему приходу просто, чтобы посмотреть, что я стану делать, так?

Она покраснела.

«Думаю, теперь она попытается шантажировать меня, чтобы я женился на ней,— подумал он,— если считает, что сумеет раздуть это дело в достаточно крупное».

— Хорошо,— сказал он, сунув руки в карманы и отворачиваясь к окну.— Я нашел того, кто это сделал и потолковал с ним. Произошло недоразумение — мы не поняли друг друга. Я разбил ему нос. К несчастью, кровь залила книги. Мне не удалось отмыть ее всю.

Он услышал, как она сказала: «О», потом повернулся и посмотрел ей в лицо.

— Вот и все,— сказал он.

Потом он шагнул вперед и поцеловал ее. Через минуту она расслабилась в его объятиях. Он гладил ей спину и плечи, потом положил руки на ягодицы.

«Весь набор развлечений»,— решил он, поглаживая ее бока и медленно поднимаясь к пуговицам на блузке.

— Извини,— она вздохнула.

— Ничего, все нормально,— сказал он, расстегивая пуговицы.— Все в порядке.

Позже, уставившись через сетку ее волос в подушку и анализируя свою реакцию на более ранние события, он еще раз ощутил, что оно приближается. На сей раз оно было так близко, что Джеку казалось, будто за ним наблюдают. Он быстро оглядел комнату, но ничего не заметил.

Слушая шум уличного движения внизу, он решил вскоре заняться делами... вот только сигарету выкурит.

Наверху раздался акустический удар, словно рукой, распахнувший окно.

Медленно наползающие облака отчасти приглушили солнце. Джек знал, что приехал раньше времени. Он поставил машину в факультетском дворе и достал из багажника тяжелый дипломат. В машине лежали три тяжелых дорожных сумки.

Он развернулся и пошел в дальний конец двора. Джек чувствовал необходимость быть в движении, быть готовым бежать, если будет нужно. Тут он подумал про Утреннюю Звезду, наблюдающего за птицами, скалами и облаками, чувствующего молнии, дождь и ветер, и удивился: правда ли тот знает о каждом его шаге. Джек чувствовал, что так оно и есть, и ему очень захотелось, чтобы его друг оказался рядом и мог дать совет. Узнал ли он — а может быть, давно уже знает — каков будет результат того, что Джек собрался предпринять?

Трава и листья приобрели то слабое белое свечение, которое иногда предвещает грозу. Все еще было очень тепло, но теперь легкий ветерок с севера уменьшал жару. Университетский городок был почти пустынным. Джек миновал группу студентов, которые сидели у фонтана и сравнивали только что полученные на экзамене оценки. Ему показалось, что двоих он узнал — они посещали курс «Введение в культуру антропологии», который он читал несколько семестров назад. Но они не обратили на него внимание.

Проходя мимо Дрейк-Холла он услышал, что его окликают.

— Джон! Доктор Шейд!

Остановившись, он увидел приземистую грузную фигуру молодого инструктора по фамилии Пойндекстер, выходящего из дверей. Его тоже звали Джоном, но, так как он был у них новичком, они решили обращаться к нему по фамилии, чтобы не вносить путаницу в разговоры.

Когда тот подошел, кивая в знак приветствия, Джек заставил себя улыбнуться.

— Привет, Пойндекстер. Я думал, вы в отпуске, восстанавливаете силы.

— Мне еще надо проверить несколько лабораторных работ, черт их возьми,— сказал он, тяжело дыша.— Я подумал, надо выпить чего-нибудь горячего, и только закрыл дверь в свой кабинет, как понял, что я натворил. Ключи — на моем столе, а замок защелкивается, когда захлопываешь дверь. В здании больше никого нет, канце-

лярия тоже закрыта. Вот я и стоял тут, ждал, не пройдет ли вахтер. Я думал, может, у него есть ключ. Вы его не видели?

Джек покачал головой.

— Нет. Я приехал только что. Но я знаю, что у вахтеров нет доступа к ключам... Ваш кабинет в дальнем крыле, да?

— Да.

— Как насчет того, чтобы забраться через окно? Я, правда, не помню, высоко ли там.

— Слишком высоко. Лестницы нет... А потом, все равно оба окна закрыты.

— Идемте внутрь.

Пойндекстер утер красноватый лоб и кивнул.

Они вошли в здание и прошли в дальнее крыло. Джек вытащил из кармана связку ключей и вставил один из них в замок той двери, на которую указал Пойндекстер. Ключ повернулся, послышался щелчок, Джек толкнул дверь, и она открылась.

— Повезло,— сказал он.

— Откуда у вас ключ?

— Это от моего кабинета. Я же говорю — вам повезло.

Лицо Пойндекстера осветилось улыбкой.

— Спасибо,— сказал он.— Большущее спасибо. Вы спешите?

— Нет, я приехал раньше, чем нужно.

— Тогда давайте я принесу вам что-нибудь из автомата. Мне все еще хочется передохнуть.

— Согласен.

Он вошел в кабинет, поставил дипломат за дверь. Шаги Пойндекстера постепенно затихли вдали.

Джек смотрел из окна, как собирается гроза. Где-то зазвонил звонок.

Через некоторое время Пойндекстер вернулся, и Джек взял дымящуюся чашку, которую он принес.

— Как ваша мама?

— Поправляется. Скоро ее отпустят.

— Передавайте ей привет.

— Конечно. Спасибо. Очень мило, что вы ее навестили.

Они потягивали питье. Потом Пойндекстер сказал:

— Слава богу, что я вас встретил. Возможно, во всем здании одинаковые замки только в наших кабинетах. Черт, я бы согласился, даже если бы мне могло отпереть это привидение.

— Привидение?

— Да вы знаете. Самая последняя штука.

— Боюсь, я про это ничего не слыхал.

— Как утверждают, это — нечто белое. Его заметили недавно, когда оно перепархивало с дерева на дерево и с крыши на крышу.

— А когда это началось?

— Естественно, совсем недавно. В прошлом семестре это были камни-мутанты в геологическом корпусе. До этого, по-моему, были усиливающие половое влечение средства в водопроводе. Как всегда,

закрытие семестра — это конец света. По-моему сплошь слухи и дурные предзнаменования. А в чем дело?

— Ни в чем. Хотите сигарету?

— Спасибо.

Джек услышал гром, словно громыхала жесть, а вечный лабораторный запах вызвал неприятные воспоминания. «Поэтому-то я всегда терпеть не мог этот корпус,— понял он.— Из-за запахов».

— В следующем семестре вы с нами?— спросил Пойндекстер.

— Думаю, нет.

— А, ваш уход одобрили. Поздравляю!

— Не совсем так.

За толстыми стеклами очков промелькнуло беспокойство.

— Но вы же не насовсем уходите, нет?

— Это зависит... от нескольких обстоятельств.

— Если вы позволите мне побыть самоуверенным, я надеюсь, вы решите остаться.

— Спасибо.

— Но если вы уйдете, я думаю, мы останемся в контакте?

— Конечно.

«Оружие,— решил он.— Нужно что то получше, чем то, что я достал. Но его я просить не могу. Хотя неплохо, что я зашел».

Он затянулся и посмотрел в окно. Небо делалось все темнее, мостовая стала влажной. Он допил и выбросил стаканчик в корзину для мусора. Сминая сигарету, Джек поднялся.

— Побегу, а то мне надо отнести это в Уокер до дождя.

Пойндекстер встал и пожал ему руку.

— Ладно, всего хорошего. Может, какое-то время мы не увидимся,— сказал он.

— Спасибо... Ключи.

— Что?

— Ключи. Почему бы вам не взять их со стола и не положить в карман прямо сейчас?

Пойндекстер покраснел и последовал его совету. Потом он хихикнул.

— Да. Еще раз мне не захочется такое сделать, верно?

— Надеюсь, что нет.

Джек забрал дипломат. Пойндекстер зажег над столом светильник. В небе что-то вспыхнуло и раздалось низкое ворчание.

— Пока.

— До свидания.

Джек вышел и заторопился к Уокер Билдинг, задержавшись только, чтобы заскочить в лабораторию и стащить бутылку серной кислоты, закупорив ее.

Глава 8

Он оторвал первые листы распечатки и разложил на столике, который занял. Машина продолжала позвякивать, заглушая дождь.

Джек вернулся к ней, оторвал следующий лист. Он поместил его рядом с остальными и смотрел на них.

Со стороны окна раздался звук, похожий на царапанье. Джек вскинул голову и раздул ноздри.

Ничего. Там ничего не было.

Он закурил и уронил спичку на пол. Он ходил по комнате. Он проверил, который час. В подсвечнике, мигая, горела свеча, воск стекал вниз. Он подошел к окну, послушал ветер.

У двери раздался щелчок, он повернулся туда лицом. В комнату вошел крупный мужчина и посмотрел на Джека. Он снял темную от дождя шапочку, положил на стул возле двери и пригладил редкие седые волосы.

— Доктор Шейд,— сказал он, кивая и расстегивая плащ.

— Доктор Квилиэн.

Мужчина повесил плащ на дверь, вынул носовой платок и начал протирать очки.

— Как дела?

— Спасибо, хорошо. А у вас?

— Отлично.

Доктор Квилиэн закрыл дверь, а Джек вернулся к машине и оторвал еще несколько страниц.

— Что вы делаете?

— Считаю кое-что для той работы, о которой говорил вам... по-моему, недели две назад.

— Понятно. Я только что узнал, что вы тут договорились, он жестом указал на машину.— Стоит кому-нибудь отказаться — и вы тут как тут, чтобы забрать его машинное время.

— Да. Я тут со всеми в контакте.

— В последнее время стало отказываться жуткое количество народа.

— По-моему, это грипп.

— Понятно.

Он затянулся. Когда машина перестала печатать, он уронил сигарету и наступил на нее. Повернувшись, он забрал последние распечатки и отнес их на стол к остальным.

Доктор Квилиэн наблюдал за ним.

— Можно посмотреть, что тут у вас такое?— спросил он.

— Конечно,— ответил Джек, передавая ему бумаги.

— Не понимаю,— сказал Квилиэн через минуту.

— Я был бы очень удивлен, если бы это было не так. Это имеет очень отдаленное отношение к реальности, и для статьи мне придется это перевести.

— Джон,— сказал его собеседник,— у меня к вам стали появляться странные чувства.

Тот кивнул и, прежде чем свернуть листы, закурил еще одну сигарету.

— Если вам самому нужен компьютер, то я закончил,— сказал он.

— Я много думал о вас. Сколько вы у нас проработали?

— Лет пять.

Со стороны окна еще раз донесся какой-то звук. Оба повернули головы.

— Что это было?

— Не знаю.

Через некоторое время Квилиэн сказал, надевая очки:

— Вы тут делаете чертовски много того, что вам хочется, Джон...

— Верно. Признаю.

— Вы пришли к нам вроде бы с хорошими рекомендациями. И оказались отличным специалистом в вопросах культуры царства тьмы.

— Благодарю.

— Я это задумывал не как комплимент.

— Да, правда? — по мере того, как он изучал последнюю страницу, Джек начал улыбаться.— А как же?

— У меня странное ощущение, что вы не тот, за кого себя выдаете, Джон.

— В каком смысле?

— Когда вас брали на эту должность, вы заявили, что родились в Нью-Лейдене. В этом городе ваше появление на свет не зарегистрировано.

— Да? Как же вы это обнаружили?

— Этим недавно занимался доктор Уизертон.

— Ясно. Это все?

— Помимо того, что про вас известно, будто вы водите компанию с преступниками, существуют сомнения относительно вашей степени.

— Снова Уизертон?

— Источник не имеет значения. Заключение таково: ваша степень ничего не стоит. Мне кажется, вы не тот, кем претендуете быть.

— А почему вы решили излить свои сомнения здесь и сейчас?

— Семестр закончился. Я знаю, что вы хотите уехать. Сегодня вы в последний раз брали машинное время... согласно количеству времени, которое вы запрашивали. Я хочу знать, что вы забираете с собой и куда.

— Карл,— сказал он,— что, если я признаюсь, что немного неверно представился? Вы уже отметили, что в своей области я специалист. Мы оба знаем, что я — популярный лектор. Что бы ни выкопал Уизертон... что с того?

— У вас какие-то неприятности, Джон? Может, я могу чем-нибудь помочь?

— Нет. Ничего, все в порядке.

Квилиэн пересек комнату и уселся на низкую скамью.

— Я впервые вижу одного из вас так близко,— сказал он.

— К чему вы клоните?

— К тому, что вы — не человек, а нечто иное.

— Например?

— Вы родились в царстве тьмы. Не так ли?

— Почему вы так полагаете?

— Предполагается, что при определенных обстоятельствах вам подобных следует сажать в тюрьму.

— Я вас понимаю так, что, если я скажу «да», возникнут и определенные обстоятельства?

— Может быть,— сказал Квилиэн.

— А может быть и нет? Что вам нужно?

— Пока что все, чего я хочу — узнать, кто вы.

— Вы меня знаете,— сказал он, складывая листы и беря дипломат.

Квилиэн покачал головой.

— Из всего, что меня беспокоит,— сказал он,— я только что выделил нечто новое, серьезно меня тревожащее. Допустим на минуту, что вы — человек из царства тьмы, перебравшийся на дневную сторону. Есть определенные моменты, указывающие на это и заставляющие меня выяснить вопрос о вашем происхождении. Существует некто, кто, как я полагал, всего лишь персонаж мифов царства тьмы. Я раздумываю — способен ли легендарный вор осмелиться выйти на солнечный свет? А если да, то зачем? Может ли Джонатан Шейд быть смертным эквивалентом Джека-из-Тени?

— А если может, то что? — спросил он, пытаясь не смотреть в сторону окна, где теперь нечто заслоняло почти весь тусклый свет.

— Вы приготовились арестовать меня? — спросил он, медленно перемещаясь влево так, чтобы Квилиэну пришлось повернуть голову.

— Да.

Тогда он сам поглядел в окно и, когда увидел, что прижималось к стеклу, к нему вернулось прежнее отвращение.

— Поэтому я полагаю, вы вооружены?

— Да,— сказал тот, доставая из кармана и показывая маленький пистолет.

«Я могу швырнуть в него дипломат и рискнуть провести один раунд,— решил Джек.— В конце концов, пистолет не такой уж большой. И потом, если я выиграю время и подберусь поближе к свету, это может и не понадобиться».

— Странно, что вы пришли один, если задумали такое. Даже если вы имеете полномочия произвести в университете арест в интересах безопасности...

— Я не сказал, что я один.

— ...Хотя, когда я обдумал, это не так уж странно.

Он шагнул к мигавшему свету.

— Я говорю, что вы один. Вам бы хотелось проделать все это самому. Может быть, вы просто хотите убрать меня без свидетелей. Или, может быть, вы желаете, чтобы мое задержание было полностью вашей заслугой. Я полагаю, однако, дело в последнем. Вы ведь, кажется, меня терпеть не можете. Не могу точно сказать, почему.

— Боюсь, вы переоцениваете свою способность не нравиться и мое стремление к насилию... Нет, власти поставлены в известность

и направляются сюда, чтобы арестовать вас. Я намерен только обеспечить ваше присутствие здесь до их появления.

— Можно подумать, вы ждали чуть ли не до последнего момента.

Свободной рукой Квилиэн указал на дипломат.

— Я заподозрил, что, если расшифровать вашу последнюю работу, она не будет иметь ничего общего с социологией.

— Какой вы недоверчивый. Знаете, существуют законы против тех, кто арестовывает людей без доказательств.

— Да. Потому-то я и выжидал. Бьюсь об заклад, доказательства у вас в руках... и я уверен, что найдутся другие. Я заметил также, что, когда речь идет о вопросах безопасности, законы куда менее строги.

— Тут вы правы,— ответил Джек, поворачиваясь так, что свет упал ему на лицо.

— Я — Джек-из-Тени! — выкрикнул он.— Хозяин Шедоу-Гард! Я — Джекки-Тень, вор, крадущийся в тени и тишине! Мне отрубили голову в Иглесе, но я вновь восстал из Навозных Ям Глива! Я выпил кровь вампира и съел камень! Я нарушил Договор. Я тот, кто подделал имя в расчетной Книге. Я — узник драгоценного камня. Я однажды оставил в дураках хозяина Хай-Даджен и вернусь отомстить ему. Я — враг своих врагов. Ну, поймай меня, грязная тварь, если любишь Повелителя Нетопырей или ни в грош не ставишь меня, потому что я назвал свое имя — Джек-из-Тени!

При этом взрыве эмоций лицо Квилиэна приняло озадаченное выражение и, хотя он открыл рот, пытаясь заговорить, его слова утонули в криках Джека.

Потом окно разлетелось, свеча погасла, а в комнату прыгнул Боршин.

Обернувшись, Квилиэн увидел в дальнем конце комнаты израненную, мокрую от дождя тварь. Он издал невнятный вопль и остолбенел. Джек уронил дипломат, отыскал склянку с кислотой и откупорил ее. Он выплеснул содержимое твари на голову и, не задержавшись чтоб увидеть результат, подхватил дипломат и проскочил мимо Квилиэна.

Джек был у двери раньше, чем тварь испустила первый крик боли. Он выскочил в холл, заперев за собой дверь и задержавшись ровно настолько, чтобы стащить с гвоздя плащ Квилиэна.

Когда он услышал первый выстрел, то был уже на середине лестницы. Потом последовали другие, но к этому времени он уже пересек двор, придерживая на плечах плащ и проклиная лужи, поэтому он их не слышал. Кроме того, гремел гром. Он боялся, что скоро добавятся еще и сирены.

Он бежал, и мысли его были бурными.

Кое в чем погода помогала ему, а кое в чем мешала.

Движение на улицах сильно замедлилось, а когда он достиг открытой дороги, ее сухая длинная поверхность оказалась достаточно скользкой, чтобы помешать ему идти так быстро, как хотелось. Сумерки, вызванные грозой, заставили водителей при первой же возможности покинуть улицы, а тех, кто уже был дома, в безопасности,

при свете множества свечей, заставили там задержаться. Пешеходов не было видно. Все это позволило ему с легкостью сменить свою машину на другую, не отъезжая слишком далеко.

Выбраться из города было нетрудно, другое дело — обогнать грозу. Казалось, они движутся в одном и том же направлении, по одной и той же дороге, давным-давно проложенной им по карте и заученной. Она была одновременно и короткой, и уединенной и вела назад в царство тьмы. В любом другом случае он бы приветствовал ослабление того постоянного сияния, которое сперва пекло, а потом обжигало его не желавшую этого кожу. Теперь же это заставляло его медлить, а рисковать уже было нельзя. Гроза заливала машину дождем, ветер раскачивал ее, а вспышки молний показывали ему линию горизонта, которую он оставил позади.

Полицейские фонари, установленные на шоссе, заставили его значительно сбавить скорость в поисках места, где можно было бы свернуть с шоссе. Он вздохнул и слабо ухмыльнулся, проплывая мимо трех столкнувшихся машин. Оттуда на носилках к открытой скорой помощи несли двоих, мужчину и женщину.

Он покрутил радио, но слышен был только треск разрядов. Джек закурил и приоткрыл окно. Изредка ему на щеку падала капля. Только сейчас осознав, в каком напряжении пребывал, Джек глубоко задышал, пробуя расслабиться.

Только гораздо позже гроза стала затихать, превратилась в непрерывный мелкий дождь, а небо немного прояснилось. В это время он уже ехал по открытой местности в пригороде, испытывая смешанные чувства: облегчение и предчувствие, что случится что-то скверное. Это последнее возникло с момента его отъезда. «Чего я добился?» — спросил он себя, думая о проведенных на дневной стороне годах.

Чтобы освоиться на местности, получить необходимые документы, вникнуть в преподавательскую рутину, потребовалось довольно много времени. Потом возникла проблема устройства на работу в университет, где находилось необходимое оборудование, несущее информацию. В свободное время ему пришлось научиться пользоваться им, а потом разобраться в планах, чтобы управляться с машиной, не задавая вопросов. Потом ему пришлось пересмотреть все полученные первичные данные в соответствии с его подлинными проблемами, получить информацию и привести ее в необходимую форму. Все это, в целом, заняло годы. И он много раз ошибался.

Но на этот раз... на этот раз он был так близко, что мог понюхать это, попробовать на вкус. На этот раз ему стало ясно, что ответы, которые он искал, рядом.

Теперь он удирал с дипломатом, полным бумаг, которые у него не было случая просмотреть. Возможно, он опять ошибся и возвращался без искомого оружия — возвращался в логово врага. Если дела обстояли таким образом, то он лишь отсрочил свой приговор. Но все равно, остаться он не мог — ведь он приобрел врагов и здесь. Он на миг задумался, не было ли какого-нибудь скрытого предостережения, какого-то доступного ему предчувствия, которым он прене-

брег и которое больше сказало бы ему о нем самом, чем о его врагах. Если так, то оно от него ускользнуло.

Еще немного... Если бы у него было еще немного времени, он мог бы проверить данные, еще раз сформулировать и при необходимости составить программу заново. Сейчас времени уже не оставалось. Если бы это был затупившийся меч, который он нес, то нельзя было бы вернуться и наточить его. И потом, были и иные проблемы — личные, которые он хотел бы решить оптимальным образом. Например, Клэр...

Потом дождь утих, хотя тучи по-прежнему были сплошными и выглядели угрожающе. Тогда он рискнул прибавить скорость и еще раз попробовал включить приемник. Все еще был слышен треск разрядов, но музыку стало слышно лучше, и он оставил радио включенным.

Он съезжал с крутого холма, когда начался выпуск новостей, и только Джек подумал, что услыхал свое имя, как звук настолько ослаб, что нельзя было быть ни в чем уверенным.

Сейчас он был на дороге один. Он начал периодически оглядываться через плечо и всматриваться во все ответвления дороги, мимо которых проезжал. То, что у смертных все еще была прекрасная возможность поймать его раньше, чем он обретет силу, приводила его в ярость. Заезжая на более высокий холм, он увидел вдалеке слева завесу дождя, и несколько слабых вспышек молнии, но так далеко, что гром был не слышен. Продолжая рассматривать небо, он заметил, что движения на дороге все еще не было, и поблагодарил за это Короля Бурь. Закурив еще одну сигарету, он отыскал станцию, которую было слышно лучше, и стал ждать выпуска новостей. Когда он начался, о Джеке не было сказано ни слова.

Джек подумал о том далеком дне, когда он стоял у водоема с дождевой водой и обсуждал со своим отражением, что должен сделать. Теперь он пытался представить себе то свое «я», теперь уже мертвое,— усталое, истощенное, замерзшее, голодное, с израненными ногами и дурно пахнущее. Теперь все это сгладилось, стерлось, не считая легкого чувства голода, которое возникло только что и вряд ли стоило того, чтобы равнять его с тем, прежним, больше всего напоминавшим голодную смерть. Но все же, было ли полностью мертво его прежнее «я»? Как изменилось его положение? Тогда он выбирался с Западного полюса Мира, борясь за свою жизнь, стараясь убежать от преследователей и добраться до Сумеречных Земель. Сейчас он бежал в Сумеречные Земли с сияющего Восточного полюса. Питаемая ненавистью и отчасти любовью, в его сердце горела жажда мести, поддерживая и согревая его. Да и сейчас она не исчезла. Он узнал науки и искусства дневной стороны планеты, но это никоим образом не меняло того, кто тогда стоял у водоема. Он все еще стоял там — внутри Джека — и его мысли были прежними.

— Утренняя Звезда,— сказал он, открывая окошко и адресуясь к небу,— раз ты все слышишь, услышь и это: со времени нашей последней беседы я не изменился.

Он рассмеялся.

— Хорошо это или плохо? — спросил он. Эта мысль пришла ему в голову только что. Он закрыл окно и обдумал этот вопрос. Хотя Джек и не любил самоанализ, тем не менее, он был любознателен.

Во время работы в университете он замечал, как меняются люди. Лучше всего это было заметно по студентам и происходило так быстро — за короткий промежуток времени между поступлением и выпуском. Но и его коллеги тоже менялись — в мелочах, например, в чувствах, оценках. Только он один не изменился. Он подумал: что же, это — нечто, присущее ему? Не в том ли одно из основных различий между людьми тьмы и смертными? Они меняются, а мы — нет. Важно ли это? Вероятно, хотя мне непонятно, почему. Нам нет необходимости меняться, а им, похоже, есть. Отчего? Продолжительность жизни? Разное отношение к ней? Возможно, и то, и другое. Но все-таки, чем важны эти перемены?

Послушав еще один выпуск новостей, он свернул на дорогу, казавшуюся заброшенной. На этот раз объявили, что он разыскивается, чтобы дать показания в связи с убийством.

Он развел небольшой костер и сжег все документы, какие у него были. Пока они горели, он открыл сумку и переложил в бумажник новые документы, которые заготовил несколько семестров назад. Джек пошевелил пепел и развеял его.

Перейдя через поле, он разорвал плащ Квилиэна в нескольких местах и затолкал в канаву, по которой текла грязная вода. Возвращаясь к машине, он решил побыстрее сменить ее.

Потом, торопливо двигаясь по шоссе, он обдумал ситуацию — так, как понимал ее в данный момент. Боршин убил Квилиэна и удрал — несомненно так же, как и пришел, через окно. Властям было известно, почему Квилиэн там оказался, а Пойндекстер подтвердит, что он был в университете и скажет, где именно. Клэр и многие другие засвидетельствуют, что они с Квилиэном не жаловали друг друга. Вывод ясен. Хотя при необходимости Джек мог бы убить Квилиэна, он возмутился при мысли, что пострадает за то, чего не совершал. Ситуация напомнила ему происшествие в Иглесе и он, почти не сознавая, что делает, потер шею. Несправедливость причиняла боль.

Он удивился: думал ли Боршин, неистовствуя от боли, что убивает Джека, или же просто хотел защититься, зная, что он сбежал. Как сильно он был ранен? Джек ничего не знал о способности этой твари к самовосстановлению. Может быть, она и сейчас искала его след, по которому так долго шла? Послал ли его Повелитель Нетопырей или Боршина вело собственное чувство ненависти к Джеку? Вздрогнув, он прибавил скорость.

Стоит мне вернуться, это станет безразлично, сказал он себе.

Но он задумался.

На окраине следующего города, через который он проезжал, Джек взял другую машину. На ней он поспешил в Сумеречные Земли, туда, где распевала яркая птица.

Он долго сидел на вершине холма, скрестив ноги, и читал. Его одежда была пыльной, под мышками — пятна пота, под ногтями — грязь. Глаза закрывались сами собой. Он все время вздыхал и делал пометки в своих бумагах. На западе над горами слабо светили звезды.

Свою последнюю машину он бросил за много миль от этого холма, на западе, и пришел сюда пешком. Машина, прежде, чем остановиться окончательно, сперва начала работать с перебоями. Тогда он понял, что миновал то место, где Силы-соперники поддерживали перемирие, и ступил в темноту, прихватив только дипломат. Джек всегда любил забраться повыше. За время своего путешествия он спал только один раз и, так как сон его был крепким, глубоким, без видений, то Джек, не переставая жалеть свое тело, поклялся не повторять этого, пока не окажется вне досягаемости людских законов. Теперь, достигнув своей цели, нужно было сделать еще только одно, а потом уже позволить себе отдохнуть.

Хмуря брови, он переворачивал страницы, отыскал то, что хотел, сделал пометку на полях и вернулся к тому месту, где были пометки в оригинале.

Похоже, все было верно. Вроде бы это подходило...

Над вершиной холма пронесся холодный ветер. Он принес запахи дикой природы, почти позабытые Джеком в городе. Не было больше городских шумов и запахов, рядов лиц в аудиториях, скучных собраний, монотонного шума машин; не было ярких до непристойности красок — все это казалось тающим сном, а над ним неистовым светом сиял Эвридей. Эти бумаги были его единственным достоянием. Обратный перевод, сделанный им с распечатки, так и бросался в глаза, ускоряясь в мозгу, словно внезапно понятые стихи.

Да!

Взгляд Джека пошарил по небу и нашел белую немигающую звезду, которая пересекала небосклон.

Он поднялся, позабыв про усталость. Правая нога Джека оставила в грязи короткую цепочку следов. Он указал пальцем на спутник и произнес слова, которые записал в своих бумагах.

Какое-то время ничего не происходило.

Потом спутник остановился.

Джек продолжал указывать на него, но молча. Тот сделался ярче и начал расти.

Потом он вспыхнул подобно звезде — и исчез.

— Новое знамение,— сказал Джек и улыбнулся.

Глава 9

Когда проклятая тварь вернулась в Хай-Даджен, она заметалась по комнатам в поисках своего господина. Наконец, отыскав его, когда он отмерял серу в бассейн, заполненный ртутью, в центре восьмиугольной комнаты, Боршин обратил на себя внимание хозяина. Ему протянули палец, и он перевесился через него. Потом (конечно, по-своему) он сообщил новости.

После этого его хозяин отвернулся, проделал любопытные действия со свечой, сыром и перышком и покинул комнату.

Он перебрался в высокую башню и долго смотрел оттуда на восток. Потом он быстро повернулся и посмотрел на единственный оставшийся неприступным подступ к его крепости — на северо-восток.

Да, и там тоже! Но это невозможно.

Если только это, конечно, не иллюзия...

Он поднялся по лестнице, которая шла вдоль стены против движения солнца, открыл люк и выбрался наружу. Подняв голову, он разглядывал огромный черный шар, окруженный яркими звездами. Он втягивал носом ветер. Глянув вниз, он изучал свой массивный замок — Хай-Даджен, вознесенный его Силой вскоре после того, как он сам был создан на этой горной вершине. Когда он узнал, в чем разница между «быть созданным» и «родиться», когда он обнаружил, что его Сила была сосредоточена именно здесь, он вытянул ее через корни горы и обрушил вниз ураганом с небес так, что тот сиял, подобно вспыхнувшей спичке, и сам занялся творением. Если его Сила жила здесь, значит, это место должно быть его домом и крепостью. Так оно и было. Те, кто причинял ему зло, умирали, получив свой урок, или же носились в Вечной Тьме на кожистых крыльях, пока не заслуживали его благоволения. С последними он обращался сравнительно неплохо, так, что снова превратившись в людей, многие предпочли остаться у него на службе. Прочие Силы, в своих сферах, возможно, равные его Силе, мало тревожили его с тех пор, как были установлены приемлемые границы.

Но чтобы кто-то сейчас двинулся на Хай-Даджен... Невозможно подумать! На это мог решиться только дурак или безумец.

И все-таки сейчас там, где была равнина, встали горы... горы или их видимость. Он отвел взгляд от своего дома и поглядел на силуэты вдали. Его беспокоило, что он не может ощутить в себе тот подъем сил, который был бы нужен, чтобы создать хотя бы видимость гор в своих владениях.

Услышав шаги на лестнице, он обернулся. Из проема появилась Ивен, перешагнула порог и подошла к нему. На ней было свободное черное платье с короткой юбкой, перетянутое в талии поясом и схваченное на левом плече серебряной брошью. Когда он одной рукой обнял ее и притянул к себе, она задрожала, почувствовав поднимающиеся в нем токи Силы; она знала, что он предпочел бы не разговаривать.

Он указал на горы, которые рассматривал, а потом на другие, на востоке.

— Да, я знаю,— сказала она.— Посланец мне рассказал. Вот почему я поспешила сюда. Я принесла твою волшебную палочку.

Она приподняла черный шелковистый футляр, висевший у нее на поясе.

Он улыбнулся и тихонько качнул головой слева направо.

Левой рукой он поднял и снял цепь с драгоценным камнем, висев-

шую у него на шее. Высоко держа ее, он раскачивал перед ними яркий камень.

Она почувствовала водоворот Силы. Мгновение казалось, что она вот-вот начнет падать вперед, внутрь камня. Он рос, заполняя все ее поле зрения.

И вот она смотрит уже не на драгоценный камень, а на неожиданно возникшую гору на северо-западе. Она долго смотрела на нее — высокую, величественную, серо-черную.

— Как настоящая,— сказала она.— Она кажется такой вещественной...

Молчание.

Потом, когда звезда за звездой, небесные огни стали исчезать за вершинами и склонами, Ивен воскликнула:

— Она... она растет! — а потом:

— Нет... Она движется, движется к нам,— сказала она.

Гора исчезла, и Ивен, как и раньше, смотрела на камень. Потом он обернулся, повернув и ее, и они посмотрели на восток.

Снова кружение, падение, рост.

Теперь перед ними лежала одна из восточных гор — словно нос огромного странного корабля. Ее контуры были очерчены холодными огнями. Она тоже бороздила небо, продвигаясь вперед. Пока они смотрели, из-за горы поднялись высокие языки пламени и запылали перед ней.

— Тут что-то на... — начала Ивен.

Но рубин разлетелся вдребезги, а цепочка, внезапно ставшая красной от жары, выпала из руки ее господина. Дымясь, она лежала у ног Ивен. При этом Повелитель Нетопырей внезапно толкнул ее, и она отстранилась.

— Что случилось?

Он не ответил, только протянул руку.

— Что?

Он указал на волшебную палочку.

Она подала ее. Он, подняв палочку, молча созывал своих слуг. Так он стоял долго, потом появился первый из них. Вскоре его слуги, нетопыри, роились вокруг него.

Кончиком волшебной палочки он тронул одного из них, и к его ногам упал человек.

— Господин! — воскликнул он, склонив голову.— Какова твоя воля?

Тот указал на Ивен. Человек поднял глаза и повернул к ней голову.

— Доложись лейтенанту Квазеру,— сказала она.— Он вооружит тебя и скажет, что делать.

Она посмотрела на своего повелителя. Он кивнул.

Потом он начал касаться палочкой прочих, и они становились теми, кем и были прежде.

Над башней образовался зонт из летучих мышей, а колонна более крупных существ, казавшаяся бесконечной, двигалась мимо Ивен вниз по лестнице в центральную часть замка.

Когда все прошли, Ивен повернулась лицом на восток.

— Прошло столько времени,— сказала она.— Посмотри, как она приблизилась.

Она почувствовала на плече руку и, обернувшись, подняла лицо. Он поцеловал ее глаза и губы, а потом оттолкнул ее от себя.

— Что ты хочешь делать?

Он указал на люк.

— Нет,— сказала она.— Я не уйду. Я останусь и буду помогать тебе.

Он продолжал указывать на выход.

— Ты знаешь, что там такое?

— Иди,— произнес он (или, может быть, она только подумала, что произнес). Стоя в своей комнате в северо-западном крыле замка, она вспоминала об этом, неуверенная в том, что же произошло с того момента, как слово заполнило ее разум и тело. Она подошла к окну, но за ним были только звезды.

Потом вдруг, каким-то образом, она поняла.

И заплакала по тому миру, который они теряли.

Они были настоящими, теперь он это знал. Потому что, приблизившись, они разбивались, а он всем телом ощущал вибрацию от их движения. Пока звезды говорили ему, что не за горами худшие — долгие — времена, он не требовал их совета по этому поводу. Он продолжал стягивать к себе Силу, которая воздвигла Хай-Даджен, и теперь он должен был защищать ее. Он начал чувствовать себя так, как бывало в те давние времена.

На востоке, на вершине новой горы стала возникать змея. Она была огненной, и он не мог понять, каких же она размеров. В те времена, когда его еще не было, по слухам, существовали подобные Силы. Но те, кто владел ими, в конце концов, окончательно расстались с жизнью, и Ключ был потерян. Он и сам искал его — как и почти все, кто имел власть. Теперь же было похоже, что там, где он потерпел неудачу, кому-то повезло... или же древняя Сила вновь зашевелилась.

Он смотрел, как змея появилась полностью. Очень хорошая работа, решил он. Он смотрел, как змея поднялась в воздух и поплыла к нему.

Ну, начинается, сказал он себе.

Он поднял палочку и начал битву.

Прежде, чем змея, дымясь и вывалив кишки, упала, прошло немало времени. Он слизнул пот, выступивший на верхней губе. Змея была сильной. Гора приближалась. Пока он сражался с насланной на него тварью, она не сбавила скорость.

Теперь, решил он, мне надо быть таким, каким я был вначале.

Смейдж расхаживал туда-сюда на своем посту в холле у центрального входа в Хай-Даджен. Он ходил так медленно, как только мог, чтобы не выдать пятидесяти с лишним воинам, ожидавшим его распоряжений, что ему не по себе. Вокруг него пыль оседала и снова поднималась. Каждый раз, как где-то внутри замка на пол со своего места на стене с грохотом срывалось оружие, среди его подчиненных

начиналось движение. Он выглянул в окно и быстро отвел глаза. Снаружи все загораживала гора, которая теперь была совсем рядом. Что-то постоянно громыхало, тьму разрывали неестественные крики. Перед глазами Смейджа, подобно молниям, проносились и исчезали видения — обезглавленные рыцари, многокрылые птицы, звери с человеческими головами и еще нечто, не оставшееся в памяти. Но ни одно из них не задержалось, чтобы напасть на него. Скоро. Теперь это скоро кончится. Он знал это, потому, что гора должна была приблизиться к башне, где находился его повелитель.

Когда раздался треск и хруст, его сбило с ног, и он испугался, что холл обрушится на него. В стенах появились трещины, а все центральные укрепления замка, казалось, откачнулись на шаг назад. Донесся звук падающих камней и ломающихся балок. Потом, через несколько ударов сердца, он услышал высоко над головой крик. Где-то во дворе слева от него раздался заключительный треск. Потом воцарились пыль и тишина.

Он поднялся и объявил своему воинству сбор.

Протирая от пыли глаза, он осмотрелся.

Все они лежали на полу и ни один не шевелился.

— Встать! — заорал он и потер плечо.

Постояв неподвижно еще минуту, он подошел к тому, кто лежал ближе всех, и осмотрел его. Повреждений вроде бы не было. Смейдж слегка похлопал его, но тот не реагировал. Он принялся за следующего, потом потряс еще двоих. То же самое. Они едва дышали.

Обнажив меч, он двинулся в сторону двора. Кашляя, Смейдж вышел на двор.

Половина небесной тверди была затенена горой, которая уже не двигалась. Двор был завален руинами башни. Выступавшая вперед часть горы сломалась. Теперешняя неподвижность казалась более жуткой, чем прежний грохот и шум. Все видения исчезли. Ничто не шевелилось.

Он пошел вперед. И увидел ожоги, словно тут порезвилась молния.

Когда Смейдж увидел простертую на камнях фигуру, то остановился. Потом он рванулся вперед. Лезвием меча он перевернул тело.

Выронив меч, он упал на колени, судорожно прижимая к груди искалеченную руку. У него вырвался один-единственный всхлип. Он услышал, что за спиной внезапно затрещали языки пламени. Его обдало жаром. Он не двинулся.

Он услыхал смешок.

Тогда он поднял глаза и огляделся. Никого не было видно.

Опять раздался смешок — где-то справа от него.

Здесь!

Среди пляшущих по накренившейся стене теней.

— Привет, Смейдж. Помнишь меня?

Тот покосился туда и начал тереть глаза.

— Но я... Я не могу увидеть тебя...

— Зато я отлично тебя вижу... как ты тут сжимаешь этот кусок мяса.

Смейдж осторожно выпустил руку и поднял с вымощенного плитами двора меч. Он поднялся.

— Кто ты?

— Иди сюда, выясни это.

— Это все твоя работа? — он сделал жест свободной рукой.

— Да.

— Тогда я подойду.

Он приблизился к силуэту и взмахнул мечом. Меч рассек только воздух, а Смейдж потерял равновесие. Восстановив его, он прицелился и снова нанес удар. Снова безрезультатно.

После седьмой попытки он заплакал.

— Теперь я знаю, кто ты! Выходи из теней, посмотрим, что ты за птица!

— Ладно.

Движение — и тот появился перед ним. На миг он показался высоченным, пугающим, величественным.

Рука Смейджа замерла на эфесе меча. Эфес загорелся. Он выпустил его, и когда меч упал между ними, его противник улыбнулся.

Смейдж поднял руки, и их парализовало. Он видел лицо того, другого, сквозь свои пальцы, как сквозь кривые сучья.

— Как ты и предлагал,— услышал он.— Похоже, дела мои неплохи. Лучше, чем твои. Приятно было снова увидеться,— добавил он.

Смейджу захотелось плюнуть, но слюны не было, да и руки мешали.

— Убийца! Зверь! — прохрипел он.

— Вор,— любезно подсказал тот.— К тому же я колдун и завоеватель.

— Если бы я только мог двигаться...

— Сможешь. Подбери меч и постриги своему околевшему хозяину ногти на ногах...

— Я не...

— Отруби ему голову! Сделай это одним ударом — быстро и чисто! Как палач топором...

— Никогда! Он был мне хорошим господином. Он был добр ко мне и к моим товарищам. Я не оскверню его тело.

— Он не был хорошим господином. Он был жестоким садистом.

— Только со своими врагами... А они этого заслуживали.

— Ну, теперь ты видишь нового господина в его владениях. Доказать ему свою лояльность ты можешь только одним — принеси голову своего прежнего хозяина.

— Я этого не сделаю.

— Я сказал: сделать это по своей воле — единственный способ сохранить жизнь.

— Нет.

— Сказано — сделано. Теперь слишком поздно спасаться. И все равно ты выполнишь мой приказ.

После этого в тело Смейджа словно вселился чужой дух и он об-

наружил, что нагибается за мечом. Меч жег ему руки, но он поднял его, взял и обернулся.

Изрыгая проклятия, всхлипывая, он подошел к телу, встал над ним и рывком опустил поющее лезвие вниз. Голова откатилась на несколько футов, и камни потемнели от крови.

— Теперь принеси ее мне.

Он поднял голову за волосы и, держа на вытянутой руке, вернулся туда, где стоял Джек. Тот принял ее и небрежно отбросил в сторону.

— Благодарю,— сказал он.— Сходство вовсе неплохое.— Он поднял ее, оглядел и снова начал раскачивать.— Нет, правда. Интересно, что стало с моей прежней головой? Ладно, неважно. Ей я найду достойное применение.

— Теперь убей меня,— сказал Смейдж.

— Извини, но с этой неприятной задачей придется повременить. А сейчас ты можешь составить компанию останкам своего прежнего господина, присоединившись к прочим спящим... кроме двоих.

Он сделал движение рукой, и Смейдж, захрапев, повалился на землю. Пока он падал, пламя исчезло.

Дверь отворилась, но Ивен не повернулась к ней.

После долгого молчания она услышала его голос и вздрогнула.

— Ты должна была знать,— сказал он,— что рано или поздно я приду за тобой.

Она не отвечала.

— Ты должна вспомнить, что я обещал,— сказал он.

Тогда она обернулась, и Джек увидел, что она плачет.

— Так ты явился украсть меня?— спросила она.

— Нет,— сказал он.— Я пришел, чтобы сделать тебя хозяйкой Шедоу-Гард, моей леди.

— Украсть меня,— повторила она.— Только так ты теперь можешь завладеть мной, а ведь это твой любимый способ получать желаемое. Только любовь ведь не украдешь, Джек.

— Обойдусь без нее,— сказал он.

— Что теперь? В Шедоу-Гард?

— Зачем? Шедоу-Гард здесь. Это и есть Шедоу-Гард, и я не собираюсь покидать его.

— Я знала это,— очень тихо произнесла она.— ...И ты собираешься править тут, в замке моего господина. Что ты сделал с ним?— прошептала она.

— Что он сделал со мной? Что я обещал ему?— сказал он.

— ...А с остальными?

— Они все спят — кроме тех, кто может немного развлечь тебя. Идем-ка к окну.

Она неловко подошла. Он откинул штору и указал вниз. Наклонив голову, она проследила за его жестом.

Внизу, по равнине, которой, насколько ей было известно, раньше не было, шел Квазер. Серый двуполый гигант шел сложным шагом Хелланса. Несколько раз он падал, вставал и шел дальше.

— Что он делает?— спросила Ивен.

— Повторяет тот подвиг, который принес ему Пламень Ада. Он будет повторять момент своего триумфа до тех пор, пока у него не лопнет сердце или один из крупных сосудов и он не умрет.

— Какой ужас! Останови его!

— Нет. Это не ужаснее того, что он сделал со мной. Ты обвинила меня в том, что я не держу слова. Что ж, я обещал отомстить ему — и ты можешь посмотреть, что я не замедлил исполнить свое обещание.

— Какой Силой ты владеешь? — спросила она. — Ты не был способен на такое, когда... когда мы были неплохо знакомы.

— Я владею Потерянным Ключом, — сказал он. — Кольвинией.

— Как ты заполучил его?

— Неважно. Важно то, что я могу заставить горы ходить, а землю — развернуться, я могу обрушить на нее молнии и призвать себе на помощь духов. Я могу уничтожить любого властителя там, откуда он черпает свою Силу. Я стал самым могущественным существом в царстве тьмы.

— Да, — сказала она. — Ты сам назвал себя: существо. Ты им и стал.

Он обернулся, чтобы увидеть, как Квазер снова упал, а потом позволил шторе опуститься.

Она отвернулась.

— Если ты смилостивишься над всеми, кто здесь остался, — сказала она, наконец, — я сделаю все, что ты скажешь.

Он протянул свободную руку, словно собираясь коснуться ее. Вверху за окном раздался визг, и он замер. Улыбаясь, Джек опустил руку. Слишком хорошо, решил он.

— Я узнал, что жалость — такая штука, которой всегда не хватает, каждый раз, как она больше всего нужна, — сказал он. — А когда человек в таком положении, что может жалеть сам, те, кто раньше отказал ему в жалости, рыдая, умоляют о ней.

— Я уверена, — сказала она, — что здесь никто не просил пощады.

Она снова повернулась к нему и вгляделась в его лицо.

— Нет, — сказала она. — Никакой жалости. Когда-то в тебе были зачатки приятного обхождения. Теперь это ушло.

— Как ты думаешь, что я собираюсь делать с Потерянным Ключом, когда отплачу своим врагам?

— Не знаю.

— Я намерен объединить царство тьмы в единое владение...

— ...И, конечно, править в нем?

— Конечно, поскольку никто другой этого не сможет. Я установлю эру мира и законности.

— Твоей законности. Твоего мира.

— Ты все еще не понимаешь. Я долго размышлял над этим и, хотя я действительно сперва разыскивал Ключ, чтобы отомстить, я передумал. Я использую Ключ, чтобы положить конец вечным стычкам между лордами и обеспечить благоденствие государства, которое возникнет.

— Тогда начни отсюда. Обеспечь хоть какое-нибудь процветание в Хай-Даджен... или в Шедоу-Гард, если тебе нравится так его называть.

— Верно и то, что я уже по большей части отплатил за то, как со мной обошлись,— задумчиво сказал он,— но все же...

— Начни с милосердия — и в один прекрасный день твое имя будет в почете,— сказала она.— Забудь о нем — и можешь быть уверен, тебя проклянут.

— Может быть... — начал он, отступив на шаг.

При этом Ивен смерила его взглядом с головы до ног.

— Что ты сжимаешь под плащом? Ты, верно, принес это, чтобы показать мне?

— Так, ничего,— сказал он.— Я передумал, да и дела у меня еще есть. Я вернусь к тебе позже.

Но она быстро шагнула вперед и, когда Джек повернулся, вцепилась ему в плащ.

Потом раздался вопль, и Джек выронил голову, чтобы успеть схватить Ивен за запястья. В правой руке у нее был кинжал.

— Мерзавец! — крикнула она, укусив его за щеку.

Он собрал волю, пробормотал одно-единственное слово и кинжал превратился в темный цветок. Он поднес этот цветок к лицу Ивен. Она плевалась, ругалась и пинала его, но через несколько минут стала слабеть, а глаза начали закрываться. Когда она почти спала, Джек отнес ее на постель. Ивен продолжала сопротивляться, но ослабла окончательно.

— Говорят, эта Сила может уничтожить все хорошее, что есть в человеке,— выдохнула она.— Но тебе нечего бояться. Даже не будь этой силы, ты был бы тем, что ты есть: злом.

— Пусть будет так,— сказал он.— Но все, о чем я тебе рассказал, произойдет, и ты будешь тому свидетельницей. Со мной вместе.

— Нет. Я покончу с собой задолго до этого.

— Я подчиню себе твою душу, и ты полюбишь меня.

— Тебе никогда не получить ни моей души, ни тела.

— Сейчас ты уснешь,— сказал он,— а когда проснешься, мы уже будем мужем и женой. Бороться ты будешь недолго и сдашься мне... сперва твое тело, а потом душа. Ты будешь лежать смирно, а потом я приду к тебе, и еще. После этого ты придешь ко мне. Спи, пока я не принесу Смейджа в жертву на алтаре его хозяина и не очищу это место от всего, что мне неприятно. Спи крепко. Тебя ждет новая жизнь.

И он вышел, и все стало так, как он сказал.

Глава 10

После того, как Джек решил все проблемы, связанные с границами, то есть завоевал владения Дреккхейма, присоединив их к своим, и отправил барона в Навозные Ямы, он обратил свое внимание на крепость Холдинг — дом Неумирающего Полковника. Крепость оправдывала свое название недолго, и Джек вошел в нее.

Они с Полковником сидели в библиотеке, потягивая легкое вино, и долго предавались воспоминаниям.

Наконец, Джек коснулся деликатного вопроса союза Ивен с тем, кто заполучил Пламень Ада.

Полковник, на чьих впалых щеках виднелись подобные лунным серпам шрамы и чьи волосы поднимались вверх от переносицы подобно рыжему смерчу, покачал головой над кубком. Он опустил блеклые глаза.

— Ах, ты это понял так,— тихо сказал он.

— Так это понял не я,— сказал Джек.— Я воспринял это, как задачу, которую вы поставили передо мной — передо мной, а не перед любым желающим.

— Ты должен признать, что потерпел неудачу. Поэтому, когда объявился другой поклонник и принес назначенную цену, я...

— Вы могли бы дождаться моего возвращения. Я украл бы камень и принес вам.

— Возвращение занимает много времени. Мне не хотелось, чтобы моя дочь осталась старой девой.

Джек покачал головой.

— Признаюсь, я весьма доволен тем, как повернулось дело,— продолжал Полковник.— Теперь ты — могущественный лорд, и моя дочь принадлежит тебе. Я думаю, она счастлива. Я владею Пламенем Ада, и это меня радует. Мы все получили то, чего желали...

— Нет,— сказал Джек.— Я могу предположить, что вы никогда не желали видеть меня своим зятем и сговорились с бывшим хозяином Хай-Даджен, как это все получше устроить.

— Я...

Джек поднял руку.

— Я сказал только, что могу предполагать это. Конечно, я так не считаю. Я точно не знаю, что вы там решили... или не решили... кроме вопроса об Ивен и Пламени Ада... И знать не хочу. Я знаю только, что произошло. Учитывая это, а также то, что вы теперь мой родственник, я позволю вам самому покончить с собой, не отдавая свою жизнь в чужие руки.

Полковник вздохнул и улыбнулся, еще раз подняв глаза.

— Спасибо,— сказал он.— Очень мило с твоей стороны. Я беспокоился, что ты мне в этом откажешь.

Они попивали вино.

— Придется мне сменить имя,— сказал Полковник.

— Еще рано,— сказал Джек.

— Верно. У тебя есть какие-нибудь предложения?

— Нет. Хотя, пока вас не было, я думал над этим.

— Благодарю,— сказал Полковник.— Знаешь, раньше мне не приходилось проделывать ничего подобного... Тебе не трудно будет предложить мне что-нибудь особенное?

Джек немного помолчал.

— Яд — хорошая штука,— сказал он.— Но эффект для каждого индивидуума настолько различается, что иногда это может оказаться болезненным. По-моему, вы добьетесь своего наилучшим

образом, если усядетесь в горячую ванну и вскроете под водой вены. Это почти не больно. Как будто вы заснули.

— Тогда, пожалуй, я так и сделаю.

— В таком случае,— сказал Джек,— позвольте мне дать вам кое-какие инструкции.

Он наклонился вперед, взял Полковника за запястье и повернул внутренней стороной вверх. И вытащил кинжал.

— Ну,— начал он почти забытым преподавательским тоном,— не повторите ошибки, которую совершают практически все, кто в этом деле не профессионал.

Используя лезвие, как указку, он продолжал:

— Не режьте поперек, вот так. Свертывание крови, которое последует, может оказаться достаточным для повторного пробуждения. Тогда придется повторить процесс. Так может произойти несколько раз. Несомненно, в результате вы будете до некоторой степени травмированы — как если бы вам сделали недостаточную анестезию. Надо резать вдоль, по синим линиям, вот так,— сказал Джек, демонстрируя.— Если сосуды окажутся слишком скользкими, вам следует приподнять их кончиком своего орудия и быстро повернуть лезвие. Не надо просто тянуть вверх. Это неприятно. Помните об этом. Этот поворот — важный момент, если вам не удалось добиться своего при продольном разрезе. Вопросы есть?

— Мне кажется, нет.

— Тогда повторите.

— Дай мне кинжал.

— Держите.

Джек слушал, кивая, делая только мелкие замечания.

— Очень хорошо. По-моему, вы поняли,— сказал он, принимая кинжал обратно и снова пряча его в ножны.

— Хочешь еще вина?

— Да. У вас отличные погреба.

— Спасибо.

Высоко над миром тьмы, под темной сферой, сидя на спине ленивого дракона, которому он скормил Бенони и Блайта, Джек смеялся на ветру, и сильфиды смеялись вместе с ним, потому что теперь он был их господином.

Время шло, а Джек продолжал решать споры о границах заново, в свою пользу. А споров становилось все меньше и меньше. Он принялся, сперва лениво, а потом с возрастающим пылом применять полученные на дневной стороне знания для составления толстого тома под названием «Оценка культуры царства тьмы». Поскольку теперь его власть простиралась почти на все царство ночи, он принялся собирать ко двору тех, чьи знания или особое искусство могли дать для его работы историческую, техническую или художественную информацию. Он больше чем наполовину решил после завершения опубликовать свой труд на дневной стороне. Теперь, когда он установил контрабандные пути и заполучил агентов в главных городах на дневной стороне, он знал, что это выполнимо.

Он сидел в Хай-Даджен, ныне Шедоу-Гард, в просторном замке

с высокими, освещенными факелами, залами, подземными лабиринтами и множеством башен. Здесь было полным-полно прекрасных вещей, вещей бесценных. В коридорах плясали тени, а грани бесчисленных драгоценных камней сверкали ярче, чем солнце над другой половиной мира. Он сидел в библиотеке Шедоу-Гард, держа череп его прежнего хозяина на столе вместо пепельницы, и работал над своим исследованием.

Он закурил (одна из причин, по которым он установил тайную торговлю с дневной стороной), поскольку находил этот обычай как приятным, так и трудным для отвыкания. Он глядел, как дым смешивается с дымом свечи и поднимается к потолку, когда Стэб — летучая мышь, превращенная обратно в человека, теперь его личный слуга — вошел и остановился на предписанном расстоянии.

— Господин,— сказал он.

— Да?

— Тут у ворот старуха, она хочет говорить с вами.

— Я не посылал ни за какими старухами. Скажи ей, чтобы убиралась.

— Она говорит, вы ее приглашали.

Джек поглядел на низенького черного человечка. Длинные руки и ноги и пучки белых волос, похожие на антенны над слишком длинным лицом, делали его похожим на насекомое. Он уважал его, потому что когда-то тот был удачливым вором, попытавшимся ограбить прежнего хозяина этого замка.

— Приглашал? Ничего такого я не припоминаю. Что ты о ней думаешь?

— Похоже, она с запада, сэр.

— Странно...

— ...и она требует, чтобы я сказал вам, что это Рози.

— Розали! — сказал Джек, убирая ноги со стола и выпрямляясь.— Приведи ее ко мне, Стэб!

— Да, сэр,— ответил Стэб, отшатываясь, как всегда, когда его господин неожиданно выказывал эмоции.

Джек стряхнул пепел в череп и посмотрел на него.

— Интересно, твой дух тут еще бродит? — пробормотал он.— У меня такое чувство, что это возможно.

Он нацарапал записку, припомнив, что надо приговорить к смерти несколько групп людей с жестокими головными болями и отправить их патрулировать Навозные Ямы.

Джек вытряхнул пепел из черепа и расправлял на столе бумаги, когда Стэб ввел ее в комнату. Поднимаясь, он посмотрел на Стэба, который быстро вышел.

— Розали! — сказал Джек, идя ей навстречу.— Как хорошо...

Она не ответила на его улыбку, но когда он предложил ей кресло, уселась, кивнув.

О боги! Она и впрямь похожа на сломанную метлу, снова решил он, вспоминая. И все же... Это Розали.

— Так ты все-таки пришла в Шедоу-Гард,— сказал он.— За то, что ты тогда дала мне хлеба, тебя всегда будут хорошо кормить. За

то, что ты дала мне добрый совет, ты всегда будешь в чести. У тебя будут слуги, которые станут купать и одевать тебя и прислуживать тебе. Если ты желаешь овладеть Искусством, я приобщу тебя к высшей магии. Чего бы ни пожелала, тебе нужно только попросить. Мы устроим в твою честь праздник... как только подготовим его! Добро пожаловать в Шедоу-Гард!

— Я ведь пришла не насовсем, Джек, только поглядеть на тебя еще разок... на тебе новые серые одежды и отличный черный плащ! А сапоги какие блестящие!... Ты в таких никогда не ходил...

Он улыбнулся.

— Я не хожу так много, как когда-то.

— ...и не крался тайком. Теперь в этом нет нужды,— сказала она.— Значит, ты обзавелся собственным королевством, Джек... самым большим из всех, что я знаю. Теперь ты счастлив?

— Вполне.

— Значит, ты ходил к машине, которая думает, как человек, только быстрее. К той машине, от которой я тебя предостерегала. Верно?

— Да.

— ...И она дала тебе Потерянный Ключ, Кольвинию.

Он отвернулся, схватил сигарету, закурил, затянулся. Потом он поглядел на Розали и кивнул.

— Но это я не обсуждаю,— сказал он.

— Конечно, конечно,— сказала Розали, кивая.— Ведь с ним ты получил Силу, которая подходит твоим амбициям, а ведь когда-то ты даже не знал, что они у тебя есть.

— Должен сказать, ты права.

— Расскажи мне о той женщине.

— О какой женщине?

— В холле я прошла мимо красивой женщины в зеленом — под цвет ее глаз. Я поздоровалась, и губы ее улыбнулись мне, но ее дух следовал за ней в слезах. Что ты с ней сделал, Джек?

— Я поступил так, как было необходимо.

— Ты что-то украл у нее... не знаю, что... так же, как воровал у всех, кого знал. Есть ли кто-нибудь, кого ты считаешь своим другом, Джек? У кого ты ничего не взял, а наоборот, дал ему что-то?

— Да,— ответил он.— Он сидит на вершине горы Паникус — наполовину камень, наполовину не знаю что. Я много раз приходил к нему и всеми силами пробовал освободить. Но даже от Ключа не было толку.

— Утренняя Звезда... — сказала она.— Да, твоему единственному другу только и быть богом проклятым.

— Рози, за что ты наказываешь меня? Я предлагаю любым доступным способом вознаградить тебя за страдания, которые ты приняла из-за меня... и не только из-за меня.

— Женщина, которую я видела... Сумел бы ты сделать ее такой, какой она была до того, как ты обокрал ее... если бы я больше всего хотела этого?

— Может быть,— сказал Джек,— но я сомневаюсь, чтобы ты по-

просила об этом. Даже соберись я это сделать, она, я чувствую, стала бы безнадежно безумной.

— Почему?

— Потому, что ей пришлось многое увидеть и перечувствовать.

— И в ответе за это ты?

— Да, но это и так надвигалось.

— Ни одна человеческая душа не заслуживает того страдания, которое я заметила, проходя мимо нее.

— Душа! Не говори мне о душе! И о страданиях! Ты что, намекаешь, что у тебя душа есть, а у меня нет? Или ты думаешь, мне незнакомы страдания? ...Хотя ты права в том, что касается ее. Она отчасти человек.

— Но у тебя есть душа, Джек. Я принесла ее с собой.

— Боюсь, я не понимаю.

— Ты оставил свою душу в Навозных Ямах Глива, как все люди тьмы. Я вытащила ее оттуда — на случай, если в один прекрасный день она тебе понадобится.

— Ты, конечно, шутишь.

— Нет.

— А как ты узнала, что это — моя душа?

— Я — Ведунья.

— Дай мне поглядеть на нее.

Он потушил сигарету, а Рози тем временем развернула свой узелок с вещами. Она извлекла небольшой предмет, завернутый в чистую полотняную тряпку. Она развернула его и положила на ладонь.

— Вот эта штука? — спросил он и захохотал.

Это был серый шарик, который на свету стал делаться ярче, просветляться, сперва став блестящим и похожим на зеркало, а потом прозрачным. Поверхность заиграла разными красками.

— Это же просто камень,— сказал он.

— Он был с тобой в момент твоего пробуждения в Ямах, правда?

— Да. Он был у меня в руке.

— Почему ты бросил его там?

— А почему бы и нет?

— А разве он не оказывался с тобой каждый раз, как ты приходил в себя в Гливе?

— Ну и что?

— В нем заключена твоя душа. Может быть, когда-нибудь ты захочешь соединиться с ней.

— Это — душа? И что же прикажешь с ней делать? Таскать в кармане?

— Можно придумать что-нибудь получше, чем бросать ее на куче падали.

— Дай мне ее!

Он выхватил камень у нее из рук и уставился на него.

— Никакая это не душа,— сказал он.— Это крайне непривлека-

тельный кусок камня или, может, яйцо гигантского навозного жука. Он и воняет, как сами Ямы!

Он занес руку, чтобы отшвырнуть от себя камень.

— Не надо! — крикнула она. — Это... Это твоя душа... — тихо закончила она, когда камень ударился о стену и разбился вдребезги.

Джек быстро отвернулся.

— Я могла бы знать, — сказала она. — Никому из вас душа по-настоящему не нужна. А тебе — меньше всех. Ты должен признать, что это было нечто большее, чем просто камень или яйцо, иначе бы ты так не взбесился. Ты почувствовал в нем что-то, касающееся лично тебя и опасное. Разве не так?

Но Джек не отвечал. Он медленно повернул голову в сторону разбившегося камня и уставился на него. Она проследила за его взглядом.

Из камня выплыло туманное облачко. Оно росло вверх и вширь. Вот оно воспарило над ними. Облачко перестало двигаться и начало окрашиваться. Они смотрели, как появляются контуры фигуры, напоминающей человеческую.

Когда Джек увидел, что проступающие черты — его собственные, у него захватило дух и он продолжал таращить глаза. Облако становилось все плотнее и плотнее на вид, пока не начало казаться, что он разглядывает своего близнеца.

— Дух, кто ты? — спросил Джек с пересохшим горлом.

— Джек, — слабо ответил тот.

— Джек — это я, — сказал он. — Кто ты?

— Джек, — повторил тот.

Оборачиваясь к Розали, Джек проворчал:

— Это ты притащила его сюда! Ты его и выгоняй!

— Не могу, — ответила она, пригладив волосы и уронив руки на колени. Она начала ломать пальцы. — Он твой.

— Почему ты не оставила эту проклятую штуку там, где нашла ее? Там, где ей и место?

— Там ей не место, — сказала она. — Она твоя.

Отворачиваясь, он проговорил:

— Эй, ты! Ты — душа?

— Погоди минутку, а? — ответила она. — Я кое-что соображу... Да. Я подумала, и теперь считаю, что я — душа.

— Чья?

— Твоя, Джек.

— Отлично, — сказал Джек. — Ты и правда отплатила мне, Рози, а? Что, черт побери, мне делать с душой? А как ты избавилась от своей? Если я умру, пока эта штука на свободе, для меня не будет возврата.

— Не знаю, что тебе сказать, — ответила она. — Я думала, так будет правильно... когда пошла искать ее и нашла... принести и отдать тебе.

— Зачем?

— Давным-давно я сказала тебе, что барон всегда был добрым к старушке Рози. Когда ты захватил его земли, то повесил его за но-

ги и вспорол ему живот. Я плакала, Джек. Он — единственный, кто за долгое время по-хорошему ко мне отнесся. Мне много приходилось слышать о твоих делах, и ничего хорошего я не слыхала. Теперь, с Силой, которой ты владеешь, так легко многим причинить зло — что ты и делал. Я подумала, что если я отыщу твою душу, она, может быть, смягчит твои намерения.

— Розали, Розали,— он вздохнул.— Ты дура. Ты хотела, как лучше, но ты дура.

— Может, и так,— ответила она, стискивая руки и оглядываясь на душу, которая стояла, уставившись на них.

— Душа,— сказал Джек, снова поворачиваясь к ней,— ты слышала? У тебя есть предложения?

— У меня только одно желание.

— Какое же?

— Соединиться с тобой. Пройти с тобой по жизни, заботясь о тебе, предостерегая тебя и...

— Погоди минутку,— сказал Джек, поднимая руку.— А что для этого нужно?

— Твое согласие.

Джек улыбнулся. Он закурил сигарету. Руки у него слегка дрожали.

— А если бы я не дал своего согласия?— спросил он.

— Тогда я бы стала бродячей. Я бы следовала за тобой в отдалении, не в состоянии поддержать тебя и предостеречь, не в состоянии...

— Класс,— сказал Джек.— Я не даю своего согласия. Пошла вон.

— Ты шутишь? Так с душой не обращаются, это черт знает что. Я тут жду, чтоб поддержать и предостеречь тебя, а ты вышвыриваешь меня пинком. Что скажут люди? «Вон идет душа Джека,— скажут они,— бедняжка. Общается с духами и низшими астралами, и...»

— Выметайся,— сказал Джек.— Обойдусь без тебя. Знаю я вас, подлых ублюдков. Вы заставляете людей меняться. Ну, а я меняться не желаю. Я и так счастлив. Ты — ошибка. Убирайся обратно в Навозные Ямы. Иди, куда хочешь. Делай, что хочешь, только уйди. Оставь меня в покое.

— Ты это серьезно?

— Точно. Я даже дам тебе новенький красивенький кристалл, если тебе больше нравится сидеть скрючившись в чем-то подобном.

— Для этого слишком поздно.

— Ну, это лучшее, что я могу тебе предложить.

— Если ты не хочень соединиться со мной, пожалуйста, не вышвыривай меня, как какую-то бродяжку. Позволь мне остаться здесь, с тобой. Может, так я смогу давать тебе советы, поддерживать и предостерегать тебя, а тогда ты поймешь, как я нужна, и переменишь свое решение.

— Катись!

— А что, если я откажусь уйти? Что, если я просто усилю свое внимание к тебе?

— Тогда,— сказал Джек,— я напущу на тебя самые разрушительные силы Ключа, те, которые я никогда не использовал раньше.

— Ты уничтожишь собственную душу?

— Ты права, черт побери! Убирайся!

Тогда она повернулась к стене и исчезла.

— С душами покончено, хватит,— сказал Джек.— Теперь мы подберем тебе покои и несколько слуг. Мы проследим, чтобы подготовились к торжеству.

— Нет,— сказала Розали.— Я хотела увидеться с тобой. Что ж, вот мы и повидались. Я хотела принести тебе кое-что — и принесла. Вот и все.

Она стала подниматься.

— Погоди,— сказал Джек.— Куда ты пойдешь?

— Подошло к концу мое время быть Ведуньей Западных Границ, и я возвращаюсь на дорогу у моря, в таверну «У Огненного Пестика». Может случиться так, что я найду какую-нибудь молодую шлюшку, из таверны, чтобы она ухаживала за мной, когда я ослабею. За это я обучу ее Искусству.

— По крайней мере, побудь здесь хоть немного,— сказал он.— Отдохни, поешь...

— Нет. Мне не нравится здесь.

— Если ты твердо решила уйти, позволь, я облегчу тебе путь. Тебе не придется идти пешком.

— Нет. Спасибо.

— Могу я дать тебе денег?

— Меня могут ограбить.

— Я пошлю эскорт.

— Я хочу путешествовать одна.

— Хорошо, Розали.

Он смотрел, как она уходит, а потом подошел к очагу и развел маленький огонь.

Джек работал над своей «Оценкой», становясь в ней все более выдающейся фигурой, и укрепил свое правление в царстве ночи. За это время он повидал свои бесчисленные изваяния, воздвигнутые по стране. Он слышал, как его имя слетало с уст менестрелей и поэтов, но не в старых стихах и песнях о его мошенничествах, а в рассказах о его мудрости и могуществе. Четырежды он позволял Повелителю Нетопырей, Смейджу, Квазеру, барону и Блайту пройти часть пути из Глива, и только потом отправлял их назад — каждый раз другим способом. Он решил исчерпать до конца их жизни и таким образом избавиться от них навсегда.

На празднестве, устроенном Джеком в честь возвращения ее отца, Ивен плясала и смеялась. Его запястья были еще перевязаны, но он произнес тост и пил вино из погребов, которые некогда были его собственными.

— За леди и лорда из Шедоу-Гард,— сказал он.— Пусть их власть и счастье длятся, пока над нами царствует ночь.

Потом Полковник, Ни Разу Не Принявший Смерть От Чужой Руки, большими глотками выпил вино, и они веселились.

На вершине Паникуса Утренняя Звезда — часть Паникуса — смотрел на восток.

Душа блуждала в ночи, изрыгая проклятия.

Жирный дракон, пыхтя, нес овцу в свое далекое логово.

В сумеречном болоте зверю снилась кровь.

Потом настали времена, когда Договор и впрямь был нарушен.

Делалось все холоднее, и Джек сверился с Книгой. Он отыскал имена тех, чья очередь была нести службу. Он ждал и смотрел, но ничего не происходило.

Наконец, он собрал у себя этих лордов тьмы.

— Друзья,— сказал он,— пришла ваша очередь нести службу у Щита. Почему вы не делаете этого?

— Сэр,— сказал лорд Элдридж,— мы пришли к соглашению отказаться от этой обязанности.

— Почему?

— Вы сами нарушили Договор,— сказал тот.— Если нельзя, чтобы все в мире шло по-прежнему, то мы хотели бы оставить все так, как есть. Так сказать, на пути к разрушению. Убейте нас, если желаете, но мы и пальцем не пошевельнем. Если вы такой могущественный волшебник, отправляйтесь к Щиту сами. Убейте нас и смотрите, как мы будем умирать.

— Ты слышал, о чем он просит,— сказал Джек слуге.— Проследи, чтобы их убили.

— Но, сэр...

— Делай, что я сказал.

— Есть.

— Я сам посмотрю за Щитом.

И их схватили и убили.

А Джек двинулся вперед.

На вершине ближайшей горы он обдумал эту проблему. Он ощущал холод и раскрыл свое существо. И обнаружил в Щите трещину.

Потом Джек принялся набрасывать чертежи. Он выцарапывал их кончиком меча на камне. Пока он делал это, они тлели, а потом засветились. Джек произнес слова Ключа.

— Э-э... здравствуй.

Он резко обернулся, занеся меч.

— Это только я.

Он опустил меч. Налетали порывы ледяного ветра.

— Что тебе нужно, душа?

— Мне было интересно, что ты делаешь. Знаешь, я иногда следую за тобой.

— Знаю. Мне это не нравится.

Джек снова вернулся к чертежу.

— Ты объяснишь мне?

— Ладно,— сказал он.— Если ты после этого перестанешь тут ныть...

— Я — пропащая душа. Мы как раз всегда ноем.

— Тогда скули, сколько угодно. Мне все равно.
— Но то, чем ты занят...
— Я собираюсь отремонтировать Щит. Мне кажется, я разработал заклинания.
— Не думаю, что ты сумеешь.
— Что ты хочешь этим сказать?
— Я не думаю, что это можно сделать в одиночку.
— Посмотрим.
— Я могу помочь?
— Нет.
Он вернулся к чертежу, еще поработал над ним мечом и продолжил заклинания. Мимо проносились ветры, а огни начали струиться.
— Теперь я должен идти,— сказал Джек.— Держись от меня подальше, душа.
— Ладно. Я просто хочу соединиться с тобой.
— Может быть, когда-нибудь, когда мне станет скучно жить. Но не сейчас.
— Ты хочешь сказать, есть надежда?
— Возможно. Как бы там ни было — не сейчас.
Потом Джек распрямился и рассмотрел дело рук своих.
— Что, не выходит?
— Заткнись.
— Не получилось.
— Заткнись.
— Ты хочешь со мной соединиться?
— Нет!
— Может, я могла бы помочь.
— Попробуй — в аду.
— Я только спросила...
— Оставь меня в покое.
— А что ты теперь будешь делать?
— Уйди!
Он поднял руки и швырнул в нее Силу. Не получилось.
— Я не могу,— сказал он.
— Я знала это. А ты знаешь, что теперь делать?
— Я думаю.
— Я знаю, что делать.
— Что?
— Сходи к своему другу, Утренней Звезде, он много чего знает. Думаю, он мог бы дать тебе совет.
Джек опустил голову и уставился на тлеющий чертеж. Ветер был холодным.
— Может быть, ты права,— сказал он.
— Я уверена в этом.
Джек закутался в плащ.
— Пойду прогуляюсь по тени,— сказал он.
И он шел среди теней, пока не достиг нужного места. Там он начал взбираться наверх.
Достигнув вершины он подошел к Утренней Звезде и сказал:

— Я здесь.
— Я знаю.
— И ты знаешь, чего я хочу?
— Да.
— А получится это?
— Это не так уж невозможно.
— Что я должен делать?
— Это будет нелегко.
— Так я и думал. Расскажи.

Утренняя Звезда слегка подвинул свое огромное тело. А потом рассказал.

— Не знаю, сумею ли я,— сказал Джек.
— Кто-то должен.
— Ты больше никого не знаешь, с кем я мог бы встретиться?
— Нет.
— Можешь ты предсказать мне успех или провал?
— Нет. Когда-то я говорил тебе про тени.
— Припоминаю.

На горе воцарилась тишина.

— До свидания, Утренняя Звезда,— сказал Джек.— Спасибо.
— Прощай Джек.

Повернувшись, Джек ушел в тень.

Он вошел в огромный шурф, который вел к сердцу планеты. Местами на стенах тоннеля виднелись пятна света. Там он входил в тень и за короткое время продвигался на большие расстояния. Там, где тьма была абсолютной, он шел, как ходят все прочие.

Кое-где попадались странно обставленные боковые галереи и темные дверные проемы. Джек не задерживался, чтобы их исследовать. Иногда, не часто, до него доносился топот быстро бегущих когтистых лап и стук копыт. Один раз он прошел мимо открытой топки, в которой горели кости. Дважды он слышал крики, словно женщина мучилась от боли. Он не остановился, но вытащил меч из ножен.

Джек миновал галерею, где на паутине толщиной с веревку сидел огромный паук. Паук зашевелился. Джек бросился бежать.

Паук не стал гнаться за ним, но через какое-то время далеко позади Джек услыхал смешок.

Когда он остановился передохнуть, то увидел, что стены там были сырыми, в корке плесени. До него донесся звук, напоминающий шум реки вдалеке. Крошечные, похожие на крабов существа разбегались от него, цепляясь за стены.

Продолжая свой путь, Джек неожиданно натыкался на расселины и ямы, откуда поднимались едкие испарения. Иногда оттуда вырывались языки пламени.

Только много времени спустя он подошел к металлическому мосту шириной всего в руку. Джек заглянул в бездну, через которую был переброшен мост, но кроме черноты ничего не увидел. Он подумал и, осторожно балансируя, не торопясь, пошел вперед. Когда его

нога коснулась противоположного берега, он вздохнул, но оглядываться не стал.

Теперь стены тоннеля расступились и исчезли, а потолок стал таким высоким, что не был виден. Вокруг него двигались темные массы разной плотности, и, хотя Джек в любой момент мог бы создать небольшой огонь, чтобы осветить дорогу, он боялся сделать это. Огонь мог бы привлечь то, что двигалось мимо, что бы это ни было. Можно было бы создать и яркий сильный свет, но только ненадолго — он исчез бы в тот момент, когда Джек вошел бы в мир созданных им теней, и он опять остался бы в темноте.

Одно время Джек боялся, что забрел в огромную пещеру и там сбился с пути, но перед ним появилась белая полоска. Он стал смотреть на нее и продолжил свой путь. Когда много позже он приблизился к ней, то увидел, что это был большой черный водоем, над которым, как рыбья чешуя, блестели огни. Это отражался слабый свет, который источала плесень, сплошь покрывавшая стены и потолок пещеры.

Когда Джек обходил вокруг бассейна, направляясь туда, где на другом берегу тьма была гуще, в воде раздался плеск. Джек обернулся, и в его руке уже был меч.

Теперь, когда его обнаружили, он произнес несколько слов — и над бассейном вспыхнул свет. В его сторону по воде стремительно двигалась рябь, словно под поверхностью двигалось что-то очень крупное. Потом по обеим сторонам выросли черные когтистые щупальцы, с которых капало, и потянулись к Джеку.

Он прищурился против созданного им же света и занес меч, готовясь нанести удар обеими руками.

Джек произнес самое короткое из известных ему заклинаний, чтобы исполниться меткости и силы. Потом, как только ближайшее щупальце оказалось в пределах досягаемости удара, он размахнулся и перерубил его. Оно упало возле его левой ноги и, все еще извиваясь, ударило Джека и сбило с ног.

Но он счел, что ему повезло. Потому что когда он упал, второе щупальце рассекло воздух там, где минуту назад находились его голова и плечи.

Потом над водой с шумом появилась круглая голова около трех футов в диаметре, с пустыми глазами, увенчанная массой извивающихся отростков толщиной с большой палец Джека. В нижней части головы появилось большое отверстие, и существо двинулось к Джеку.

Он, не вставая, взмахнул мечом и, сжав его обеими руками, направил прямо на этого зверя. При этом он повторял слова Ключа так быстро, как только мог их выговорить.

Лезвие меча засветилось, раздался звук, напоминающий фырканье, и с кончика меча заструился огненный поток.

Джек медленно описывал мечом круг. Скоро он почуял запах горелого мяса.

Но существо продолжало приближаться, пока Джек не увидел множество белых зубов. Неповрежденное щупальце и обрубок вто-

рого дико извивались, нанося удары в опасной близости. Зверь издавал шипящие звуки и плевался. В этот момент Джек поднял меч так, чтобы пламя попало на извивающиеся отростки на голове.

Издав звук, очень похожий на всхлип, существо кинулось обратно в воду.

Джека окатило волной, которую подняла эта туша. Но прежде, чем та обрушилась на него, а чудовище исчезло в глубине, Джек увидал спину зверя и содрогнулся — но не от холодной воды.

Потом он поднялся, окунул меч в воду и повторил заклинание, чтобы в тысячу раз усилить мощь, вложенную в оружие. При этом меч в его руках завибрировал так, что Джек с трудом его удерживал. Но он пересилил себя и стоял так, в сиянии света, а перед ним лежало замершее щупальце.

Чем больше его пугала набранная им сила, тем дольше, казалось ему, он там стоял. Внезапно по всему телу выступил пот, одев его словно еще одна теплая одежда.

Потом с шипением, почти визгом, всколыхнув воду в центре водоема, наполовину вынырнул зверь. Когда он снова исчез под водой, Джек не пошевелился. Он продолжал держать меч, пока вода не закипела.

Зверь больше не появлялся.

Джек не ел, пока не обошел вокруг водоема и не попал в дальний туннель. Он знал, что не осмелится уснуть. Подкрепив свои силы наркотиком, Джек пошел дальше.

Добравшись до места, где горели огни, он был атакован двумя косматыми человеко-зверями. Но он отступил в тень и дразнил их, пока они пытались добраться до него. Однако, не желая тратить время на пытки и убийство, он отказался от этого удовольствия и заставил тени перенести его, как можно дальше.

Освещенное огнями место осталось позади, а чуть позже, на его дальнем краю, Джек понял, что приближается к своей цели. Там он приготовился миновать следующее опасное место, через которое должен был пройти.

Шел он долго, а потом начал различать запахи, напомнившие ему Навозные Ямы Глива и нечто, еще более грязное. Он знал, что вскоре опять сможет видеть, хотя света не будет, а значит, не будет и теней, в которых он мог бы исчезнуть. Джек повторил все необходимое.

Запахи усиливались, и под конец Джеку пришлось бороться со своим желудком, чтобы заставить его удержать то, что он съел.

Потом он постепенно стал видеть — не так, как всегда.

Он увидел сырой скалистый ландшафт, над которым, казалось, была разлита скорбь. Место было тихим, в воздухе между скал медленно клубился туман, над неподвижной водой в лужах висели слабые испарения, а невысоко над головой они соединялись с туманом и запахами, чтобы время от времени проливаться дождем, перераспределяя по земле грязь. Кроме этого, ничего не было видно, а озноб пробирал до костей.

Джек шел так быстро, как только смел.

Не успел он отойти далеко, как слева от себя уловил еле заметное движение. Он увидел, как из одной из обычно неподвижных луж выпрыгнуло крошечное темное создание, покрытое лохматой шерстью. Оно уселось и, не мигая, уставилось на Джека.

Обнажив меч, Джек легонько тронул существо кончиком лезвия и быстро отступил на шаг, ожидая, что же произойдет. Существо начало преображаться, а воздух словно взорвался. Теперь оно возвышалось над Джеком на черных кривых ногах. Лица у него не было. Оно казалось плоским и было словно нарисовано чернейшими чернилами. То, на что оно опиралось, не было ступнями ног. Дергая хвостом, оно заговорило.

— Назови свое имя, идущий по дороге,— раздался голос, звучавший подобно серебряным колокольчикам Крелла.

— Никто не услышит моего имени, пока не назовется сам,— сказал Джек.

Рогатый силуэт испустил тихий смешок.

Потом существо сказало:

— Ну, ну! Мне не терпится услышать твое имя.

— Ну, ладно,— сказал Джек и назвался.

Существо упало перед ним на колени.

— Господин,— сказало оно.

— Да,— ответил Джек.— Меня зовут именно так. Теперь ты во всем должен повиноваться мне.

— Слушаюсь.

— Именем, которое я назвал, приказываю тебе: отнеси меня на спине к самой дальней границе твоих владений. Спускайся, пока не доберешься до того места, дальше которого нет хода ни тебе, ни тебе подобным. И да не предашь ты меня никому из своих товарищей и сородичей.

— Я сделаю, как ты велишь.

— Да.

— Повтори мне это еще раз, как заклятие.

Джек так и сделал.

— Теперь пригнись пониже, чтобы я мог оседлать тебя. Ты станешь моим скакуном.

Джек взобрался на спину существа, потянулся вперед и ухватился за рога.

— Ну! — сказал он, и тот поднялся и тронулся в путь.

Раздавался стук копыт и что-то, похожее на звон колоколов. Джек заметил, что шкура существа напоминала очень мягкую ткань.

Шаг убыстрился. Когда бы Джек ни пытался остановить на чем-нибудь взгляд, он видел размытый пейзаж.

...А потом наступила тишина.

Он понял, что в черноте вокруг него что-то движется. Его лицо с регулярностью бьющегося сердца овевали ветры. Потом он понял, что они налетали сверху, гонимые над вредоносной землей большими черными крыльями.

Путешествие было долгим. Джек сморщил нос, потому что вонь, исходившая от зверя, была сильнее, чем запах окружающего ланд-

шафта. Они двигались очень быстро, но он успевал заметить возникавшие время от времени в верхних слоях воздуха знакомые темные силуэты.

Несмотря на скорость, путешествие казалось бесконечным. Джек начал ощущать, что его силы иссякают, потому что его ладони болели, сейчас даже сильнее, чем тогда, когда он вскипятил черный водоем.

Он боялся уснуть, потому что хватка могла ослабеть. И, чтобы отогнать сон, Джек принялся размышлять о самых разных вещах. Странно, думал он, что мой злейший враг оказал мне величайшую в жизни услугу. Если бы Повелитель Нетопырей не указал мне путь, я бы никогда не отыскал Силу, которой теперь владею. Силу, сделавшую меня правителем. Силу, позволившую мне отомстить сполна и получить Ивен... Ивен... Я все еще не совсем доволен тем, каким образом удерживаю тебя. И все же... Есть ли иной путь? Ты заслужила то, что я сделал. А разве любовь сама по себе — не заклятие? Один любит, другой позволяет себя любить, и тот, кто влюблен, принужден исполнять требования другого. Конечно. Это то же самое.

...А потом он подумал о ее отце, Полковнике, и о Квазере, Смейдже, Блайте, Бенони и бароне. Все они уже заплатили ему, все. Он подумал о Розали, старушке Рози и подивился — жива ли еще она. Он решил как-нибудь справиться о ней в таверне «Под Знаком Огненного Пестика», на дороге вдоль океанского побережья. Боршин. Джек задумался, сумело ли каким-то образом выжить это изуродованное существо и продолжает ли оно где-то разыскивать его след, подгоняемое единственным жгучим желанием, живущим в искореженном теле. Боршин действительно был последним оружием Повелителя Нетопырей, его последней надеждой на отмщение. Эта мысль, как взрыв стручка геблинки, заставила Джека вспомнить то, к чему он давно не возвращался: компьютеры, Дагаут, занятия и ту девушку... как ее звали?.. Клэр! Он улыбнулся тому, что вспомнил ее имя, хотя ее лицо от него ускользало. А потом еще и Квилиэн. Джек знал, что ему никогда не забыть лица Квилиэна. Как же Джек его ненавидел! Он хихикнул, вспомнив, что оставил того в лапах обезумевшего от боли Боршина, который, несомненно, принял Квилиэна за него самого. Он припомнил свою безумную поездку по стране, как он ехал, спасаясь от света, стремясь в царство тьмы, не зная, действительно ли те распечатки, которые он везет, содержат в себе Потерянный Ключ, Кольвинию. Ему вспомнилось, как у него захватило дух, когда он это проверил. Хотя больше он не возвращался на дневную сторону, Джек ощутил странную ностальгию по дням в университете. Может быть, это от того, что сейчас я рассматриваю их как сторонний наблюдатель, подумал он, а тогда я сам был частью всего этого.

...И все время его мысли возвращались к возвышающейся подобно башне фигуре Утренней Звезды на вершине горы Паникус...

Джек припомнил все, что делал, начиная с Адских Игр до нынешнего положения дел; с того, откуда это все началось до этого момента его теперешнего путешествия.

...И все время его мысли возвращались к Утренней Звезде на вершине Паникуса, единственному другу Джека...

Почему они сдружились? Что у них было общего? Джек ничего не мог придумать. Но все равно он чувствовал, что это загадочное создание его привлекает — чего он никогда не испытывал ни к какому другому существу. К тому же он чувствовал, что по какой-то непонятной причине Утренняя Звезда тоже к нему неравнодушен.

...Ведь это Утренняя Звезда посоветовал ему отправиться в это путешествие, потому что оно — единственный способ довести до конца то, что должно быть сделано...

Потом Джек задумался об условиях, господствовавших в царстве тьмы, и понял, что он, Джек, не просто был единственным, кто способен на такое путешествие, но и большей частью нес ответственность за то положение дел, которое сделало это путешествие необходимым. Тем не менее руководило им не чувство долга или ответственности. Скорее, это был инстинкт самосохранения. Если царство тьмы погибнет, заледенев в Вечной Зиме, Джек погибнет вместе с ним и уже не воскреснет.

...И все время его мысли возвращались к Утренней Звезде, подобно башне возвышающемуся на вершине Паникуса...

Тут он вздрогнул и чуть не выпустил рога жуткого существа, которое его несло. Сходство! Сходство.

Но нет, подумал он. Эта тварь — карлик по сравнению с Утренней Звездой, который подобно башне подпирает небо. Эта тварь прячет лицо, а черты Утренней Звезды полны благородства. Эта скотина воняет, а от Утренней Звезды пахнет свежим ветром и горными дождями. Утренняя Звезда мудрый и добрый, а эта тварь — злобная и тупая. По чистой случайности оба они имеют рога и крылья. Эту тварь можно подчинить заклятию, а кто может подчинить себе Утреннюю Звезду?

«А правда, кто? — подумал Джек. — Разве он не заколдован так же, как эта тварь заколдована мной, хотя и по-другому? Но это было бы под силу только богам...»

...И он обдумал эту идею, и отбросил ее.

Неважно, решил он наконец. Он — мой друг. Я могу спросить этого демона, не знакомы ли они, но его ответ ничего не изменит. Утренняя Звезда — мой друг.

Потом мир вокруг Джека стал темнеть, и он ухватился покрепче, испугавшись, что слабеет. Но чем ниже они спускались, чем темнее становилось, тем понятнее было, что они приближаются к границе.

Наконец существо, которое несло его, пропело приятным голосом:

— Только до этих пределов могу я донести тебя, господин, но не далее. Черный камень перед тобой отмечает границу царства видимой тьмы. Пересечь ее я не смею.

Джек прошел мимо черного валуна. Тьма позади камня была абсолютной.

Обернувшись, он сказал:

— Ну, хорошо. Я освобождаю тебя от служения мне. Приказы-

ваю тебе только: если нам придется встретиться еще, ты не попытаешься причинить мне вред и будешь повиноваться моей воле так же, как в этот раз. Теперь приказываю тебе уйти. Иди! Я посылаю тебя вперед!

И Джек пошел прочь от границы, зная, что близок к цели.

Он узнавал это по слабому дрожанию земли под ногами, по едва уловимой вибрации воздуха, словно вдалеке гудели машины.

Он шел вперед, размышляя о своей задаче. Вскоре волшебство потеряет силу, даже Ключ станет бесполезным. Но черное пространство, которое сейчас пересекал Джек, должно было быть свободным от зла. Это просто чернота, простирающаяся до нужного ему места. Джек создал небольшой мигающий огонек, чтобы освещать себе дорогу под ногами. Выбирать направление было не нужно: достаточно было просто идти на звук и ощущать как он усиливается.

...И по мере того, как звук усиливался, способность Джека создавать путеводный огонь слабела, пока, наконец, не исчезла.

Из-за этого он стал двигаться осторожно, не слишком сожалея об исчезнувшем огоньке, потому что теперь вдалеке видна была светящаяся точка.

Глава 11

Пятнышко света росло, а гудение и вибрация усиливались. Наконец, света стало достаточно, чтобы Джек мог разглядеть дорогу. Через некоторое время свет стал настолько ярким, что Джек выругался — он забыл захватить свои старые темные очки.

Яркий свет превратился в светящийся квадрат. Лежа на животе, Джек долго смотрел на него, давая глазам возможность приспособиться. По дороге он не один раз повторил это, испытывая боль.

Почва под ногами стала ровной, воздух — холодным, но приятным, лишенным тех запахов, которые преобладали там, откуда Джек недавно ушел.

Он шел, пока оно не оказалось прямо под ним. Там не было ничего, кроме света. Это был гигантский выход куда-то — но все, что Джек сумел разглядеть, это желто-белое сияние. Он услышал гудение, звякание и скрежет, словно там работало множество машин.

...Или Великая Машина.

Джек опять лег ничком. Он пополз вперед через этот выход. Он лежал на карнизе, и на миг его разум отказался вобрать в себя все то, что было внизу.

Там было столько механизмов, что потребовалось бы бог знает сколько времени, чтобы все их пересчитать. Некоторые крутились медленно, некоторые — быстро, большие поворачивались к маленьким. Там были кулачки, рычаги управления, рукоятки и маятники. Некоторые маятники были больше Джека раз в двадцать и ходили медленно, тяжеловесно. Там были штуки, которые штопором ввинчивались в цилиндры и выползали наружу из черных металлических пазов. Там были конденсаторы, трансформаторы и выпрямители. Там были огромные корпуса из вороненого металла, на которых рас-

полагались циферблаты, выключатели, кнопки и множество разноцветных, все время мигавших лампочек. Слышался непрерывный шум, гудели генераторы, спрятанные еще ниже... или, может быть, это было что-то другое, черпавшее мощность прямо из планеты, от ее тепла, гравитационного поля и определенных скрытых напряжений... Все это гудело в ушах у Джека, словно рой насекомых. Повсюду резко пахло озоном. Стены огромного котлована, в котором все это располагалось, источали яркий свет. Целая батарея вагонеток двигалась по рельсам через весь комплекс, иногда останавливаясь, чтобы выгрузить смазку в разных точках. Там были силовые кабели, похожие на змей, которые пронизывали Машину в разных направлениях — но это ничего не говорило Джеку. Там были крохотные коробочки со стеклянными окошечками, связанные с прочими тонкими проводами, а в них — такие мельчайшие детали, что Джек со своего места не мог различить их очертаний. Там было никак не меньше сотни механизмов, напоминавших лифты. Они все время то ныряли в глубину, то исчезали наверху. На разных уровнях они останавливались, чтобы вытолкнуть из себя в Машину какие-то механизмы. На дальней стене светились широкие красные полосы. Они мигали. Разум Джека не мог вместить все то, что он увидел, почувствовал, услышал и обонял, хотя Джек понимал, что с этим придется как-то разбираться, и поэтому искал ту часть этой массивной структуры, ту оптимальную точку воздействия, которая уничтожила бы машину. Он обнаружил, что на стенах висели инструменты титанических размеров — инструменты, пользоваться которыми для обслуживания этой машины могли бы только великаны. Там были гаечные ключи, плоскогубцы, отвертки, рычаги. Джек знал, что среди них есть нужная ему штука, которая, если правильно ее использовать, сможет сломать Великую Машину.

Он еще прополз вперед и продолжал глазеть. Зрелище было великолепным — ничего подобного прежде не бывало и никогда больше не будет.

Джек посмотрел вниз и увидел далеко справа от себя металлическую лестницу. Он пошел к ней.

Карниз сузился, но Джеку удалось добраться до верхней ступеньки. С нее он рывком перемахнул туда, куда ему было нужно, и занял нужное положение.

Он начал долгий спуск.

Не успел он добраться до дна котлована, как услыхал шаги. Они были еле различимы среди шумов от работающих машин, но он расслышал их и отступил в тень.

Тень, хотя и не имела своих обычных свойств, скрыла его. Там, неподалеку от лестницы, рядом с каким-то генератором, Джек выжидал, обдумывая свой следующий шаг.

Показался низенький седой человек. Джек рассматривал его. Тот остановился, нашел канистру с маслом и стал закапывать смазку в разные механизмы.

Джек наблюдал, как человечек ходит по Машине, отыскивая клапаны и отверстия, и заливает в них масло.

— Здравствуйте,— сказал он, когда человечек проходил мимо него.

— Что... Кто вы такой?

— Я — человек, который пришел к вам.

— Зачем?

— Я пришел кое-что у вас спросить.

— Приятно слышать. Я готов вам отвечать. Что вы хотели бы знать?

— Меня интересует, как устроена Машина.

— Это очень сложно,— ответил тот.

— Еще бы. А нельзя ли поподробнее?

— Да,— ответил его собеседник и ошеломил Джека объяснениями.

Джек кивал, чувствуя, как его руки напрягаются.

— Понимаете?

— Да.

— А в чем дело?

— По-моему, вы собираетесь умереть,— сказал Джек.

— Что... — Но Джек ударил его кулаком в левый висок.

Он подошел к набору инструментов около Машины, поглядел на огромное количество оборудования. Джек выбрал тяжелый металлический брусок, назначения которого не понимал. Подняв его, он отыскал небольшой стеклянный корпус, о котором говорил старик. Внутри он увидел сотни крохотных деталек, вращавшихся с разной скоростью.

Занеся брусок, Джек раздробил стекло и принялся уничтожать внутренний механизм. С каждым новым ударом, который он наносил, механизмы в очередной части Машины издавали протестующие звуки. За этим последовал пронзительный вой, резкий скрип и скрежет металла о металл. Потом раздался взрыв, и несколько частей Машины задымились. Раздалось прерывистое гудение и звяканье, словно рвалось или разбивалось что-то большое. Один из самых массивных механизмов заработал с перебоями, сбавил скорость, остановился и пошел снова, медленнее, чем раньше.

Пока Джек крушил другие корпуса, емкости со смазкой наверху взбесились. Они метались туда-сюда, выливая свое содержимое и возвращаясь к кранам на стенах за новыми порциями. Запахло горелой изоляцией. Раздались такие звуки, словно что-то лопалось. Пол затрясся, и несколько поршней вырвались на свободу. Теперь в дыму мелькали языки пламени. От едких испарений Джек чихал.

Машина содрогнулась до основания, остановилась и снова заработала в бешеном темпе. Пока валы и оси лязгали, а механизмы метались, она тряслась. Машина принялась разрывать себя на части. У Джека от грохота заболели уши. Раскрутившись, он обрушил брусок на Машину и побежал в сторону лестницы.

Когда он оглянулся, то увидел, что к машине мчатся огромные фигуры, наполовину скрытые дымом. Слишком поздно, знал Джек.

Он взлетел по лестнице, добрался до карниза и помчался в темноту, из которой явился.

Так началось уничтожение того мира, который был ему знаком.

Обратный путь оказался в определенных отношениях опаснее спуска, потому что теперь земля дрожала, поднимая вековую пыль, стены трескались, обваливались куски свода. Два раза Джеку приходилось, кашляя, расчищать дорогу от мусора, прежде, чем он смог пройти. Кроме того, те, кто населял этот огромный тоннель, в панике бежали, с новоявленной жестокостью нападая друг на друга. Чтобы пройти там, Джек многих поубивал.

Джек вышел из тоннеля и посмотрел на черную сферу высоко в небе. От нее все еще исходил холод, теперь даже больше, чем когда Джек только начинал свою миссию. Он осмотрел шар и отметил, что, похоже, тот слегка сместился от своего прежнего положения.

Потом, дабы сдержать данное себе обещание, Джек поспешно воспользовался Ключом и перенесся на океанское побережье, к таверне «Под Знаком Огненного Пестика».

Он зашел в эту сделанную из местного дерева гостиницу, тысячу раз чиненую и такую древнюю, что даже Джек с трудом припоминал, когда она появилась. Когда он спустился в центральный обеденный зал, земля дрогнула, а стены вокруг него затрещали. За этим последовала тишина. Потом стал слышен гул голосов, доносившийся от группы обедавших у огня.

Джек подошел к ним.

— Я ищу старуху по имени Розали,— сказал он.— Она живет здесь?

Широкоплечий мужчина со светлой бородой и синевато-багровым шрамом на лбу поднял глаза от тарелки.

— Ты кто такой?— спросил он.

— Джек из Шедоу-Гард.

Мужчина рассмотрел лицо и одежду Джека. Он широко раскрыл глаза, потом опустил их.

— Я не знаю никакой Розали, сэр,— тихо сказал он.— А вы, ребята?

Остальные пятеро обедавших сказали «нет», не глядя на Джека, и торопливо прибавили «сэр».

— Кто хозяин гостиницы?

— Его зовут Хэрик, сэр.

— Где мне найти его?

— Идите через ту дверь в конце зала, справа от вас, сэр.

Джек повернулся и направился к двери. Проходя, он услышал, что в тени кто-то прошептал его имя.

Он поднялся на два лестничных пролета и вошел в небольшую комнату, где, попивая вино, сидел толстый краснолицый мужчина в грязном фартуке. В свете желтой свечи, которая трещала на столе перед ним, его лицо казалось еще более грубым. Он медленно повернул голову и несколько минут пытался сфокусировать свой взгляд на Джеке.

Потом он спросил:

— Чего надо?

— Меня зовут Джек, и я проделал долгий путь, чтобы попасть

сюда, Хэрик,— ответил он.— Я ищу старуху, которая приходила, чтобы прожить здесь свои последние дни. Ее зовут Розали. Расскажи, что ты знаешь о ней.

Хэрик наморщил лоб, опустил голову и прищурился.

— Погоди-ка,— сказал он.— Была тут старая швабра... Да померла намедни.

— О,— сказал Джек.— Тогда скажи мне, где вы ее похоронили, чтобы я мог сходить к ней на могилу.

Хэрик фыркнул и большими глотками допил вино. Вытерев рот тыльной стороной кисти, он поднял руку и промокнул глаза рукавом.

— Похоронили?— переспросил он.— Да кому она была нужна? Мы держали ее тут из жалости... и еще потому, что она кое-что смыслила в знахарстве.

Челюсти Джека затвердели.

— И что же вы с ней сделали?— спросил он.

— Как это что? Бросили в океан. Правда, невелика это была пожива для рыб...

Джек покинул «Огненный Пестик», а за его спиной, на побережье, пылала гостиница.

Теперь он шел вдоль черной плоскости океана. Стоило задрожать земле или воде, и отражения звезд на его поверхности пускались в пляс. Воздух был очень холодным. Джек почувствовал, что сильно устал. Меч, висевший на перевязи, стал чуть ли не слишком тяжелым для него. Ему страшно хотелось завернуться в плащ и ненадолго прилечь. И выкурить сигарету.

Он шел, словно сомнамбула, сапоги тонули в песке. Он снова пришел в себя только от шока, увидев, кто появился перед ним.

Похоже, это был он сам.

Тогда Джек потряс головой.

— А, это ты, душа,— сказал он.

Душа кивнула.

— Вовсе ни к чему было разрушать гостиницу,— сказала она,— потому что скоро моря вырвутся на свободу и могучие волны омоют землю. Эта гостиница исчезла бы одной из первых.

— Ты не права,— сказал Джек, зевая.— Причина была: моему сердцу это пошло на пользу... А как это ты узнаешь, как поведет себя море?

— Я никогда не удаляюсь от тебя. Я была с тобой на вершине Паникуса, когда ты беседовал с могучим Утренней Звездой. Я спускалась с тобой в недра земли. Когда ты крушил Великую Машину, я стояла рядом. Я сопровождала тебя сюда.

— Зачем?

— Ты знаешь, чего я хочу.

— ...А я уже несколько раз давал тебе ответ.

— Ты знаешь, что сейчас дело обстоит иначе, Джек. Своими действиями ты лишил себя большей части сил... может быть, всех. Может быть, ты уничтожил все свои жизни, кроме теперешней. Теперь я тебе нужна. Ты знаешь, что нужна.

Джек уставился на океан и метавшиеся как светляки звезды.

— Возможно,— сказал он.— Но еще нет.

— Посмотри на восток, Джек. Посмотри на восток.

Джек поднял глаза и повернул голову.

— Это горит гостиница,— сказал он.

— Значит, ты не увидишь, как мы соединимся?

— Не сейчас. Но я и не прогоню тебя. Давай-ка теперь вернемся в Шедоу-Гард.

— Отлично.

Потом земля затряслась так, как до сих пор не содрогалась ни разу, и Джек пошатнулся.

Когда почва снова успокоилась, он вытащил меч и принялся чертить на песке знаки.

Джек начал заклинание. Когда он уже был близок к завершению, огромная волна накрыла его с головой и сбила с ног. Он почувствовал, что его выкинуло на площадку уровнем выше. Легкие горели без воздуха. Зная, что произойдет в следующий момент, Джек попытался последовать за волной еще дальше.

Перед глазами Джека плавали огни, когда он, зарываясь в песок, пополз вперед. Таким образом он немного продвинулся вперед раньше, чем вода начала спадать.

Джек боролся, а волны тащили его. Он цеплялся за песок, греб руками, дрыгал ногами, пытался ползти...

...А потом освободился.

Он лежал, наполовину зарывшись лицом в холодный сырой песок, ногти были обломаны, в сапогах — полно воды.

— Джек! Сюда! Скорее!

Это звала душа Джека.

Он лежал, хватая воздух, не в силах шевельнуться.

— Джек, ты должен идти! Или немедленно прими меня! Скоро придет еще одна волна!

Джек застонал. Он попытался встать, но неудачно.

Потом, со стороны горящей гостиницы, которая озаряла весь берег бледным рыжеватым светом, раздался треск — это провалилась крыша и рухнула одна из стен.

Стало темнее, и вокруг Джека заплясали тени.

Чуть не плача, Джек вытягивал из них силу каждый раз, когда тени попадали на него.

— Надо спешить, Джек! Она повернула обратно! Она идет!

Он встал на колени, потом рывком поднялся. Шатаясь, он пошел вперед.

Добравшись до площадки, расположенной повыше, он повернул вглубь берега. Душа ждала его впереди и, заметив это, он пошел к ней.

Позади усиливался шум воды.

Он не оглядывался.

Наконец он услышал, как волна обрушилась на берег и ощутил водяную пыль. Только пыль.

Он слабо улыбнулся душе.

— Видишь? Мне, в общем-то, твои услуги не нужны,— сказал он.

— Скоро понадобятся,— возвращая улыбку, сказала душа.

Джек поискал на поясе кинжал, но океан забрал его себе вместе с плащом. Туда же отправился и его меч, который он держал в руке, когда обрушилась волна.

— Стало быть, море ограбило вора.— Он хихикнул.— Это осложняет дело.

Джек упал на колени и, морщась от боли, потому что ногти были сломаны, указательным пальцем еще раз начертил на песке знаки.

Потом, не вставая, он произнес заклинание.

Он стоял на коленях в большом зале у себя в Шедоу-Гард. Вокруг мигали факелы и огромные свечи. Джек очень долго не шевелился, позволяя теням омывать себя. Потом он встал и прислонился к стене.

— Что теперь?— спросила его душа.— Может, вымоешься и отоспишься?

Джек качнул головой.

— Нет,— ответил он.— Я не рискну упустить момент своего величайшего триумфа... или, может статься, поражения. Я немного подожду тут, потому приму наркотик, чтоб оставаться сильным и быть начеку.

Потом Джек перебрался в кабинет, где держал свои стимуляторы, отпер дверь, пробормотав заклинание и приготовил себе снадобье. Занимаясь приготовлениями, он заметил, что у него дрожат руки. Прежде чем выпить оранжевую жидкость, ему пришлось несколько раз сплюнуть, чтобы очистить рот от песка.

Потом он запер кабинет и подошел к ближайшей скамье.

— Ты давно не спал... А когда шел к Великой Машине, то принимал те же средства...

— По-моему, я это чувствую даже сильнее, чем ты,— сказал Джек.

— Тебе предстоит сильное напряжение.

Джек не ответил. Немного погодя его затрясло. Он так ничего и не сказал.

— На этот раз оно подействовало не сразу, а?

— Заткнись!— сказал Джек.

Потом он встал и повысил голос.

— Стэб! Где ты, черт тебя возьми! Я вернулся домой!

Почти сразу появился черный человечек. Он почти бежал.

— Господин! Вы вернулись! Мы не знали...

— Теперь знаете. Принесите мне ванну, чистую одежду, новый меч и поесть... да побольше! Я умираю с голоду! Ну, шевелись, задница!

— Слушаюсь, сэр!

И Стэб исчез.

— Ты что, не чувствуешь себя в безопасности? Зачем тебе меч в твоей собственной крепости, Джек?

Он обернулся, улыбаясь.

— Есть особые случаи, душа. Если ты все время была рядом со

мной, как ты говоришь, ты знаешь, что обычно в этих стенах я так не хожу. Зачем ты пытаешься вывести меня из терпения?

— Тревожить время от времени — привилегия души, можно сказать, обязанность.

— Оставь свои привилегии до лучших времен.

— Но сейчас великолепный момент, Джек. Такого подходящего момента не было давным-давно. Ты что, боишься, что, если ты высвободишь свои силы, твои вассалы могут восстать против тебя?

— Заткнись!

— Ты, конечно, знаешь, что они зовут тебя Злым Джеком?

Джек снова улыбнулся.

— Нет,— сказал он.— Не выйдет. Я не позволю тебе разозлить меня и обманом впутать в какую-нибудь глупость... Да, я знаю, что за прозвище мне дали, хотя немногие называли так меня в лицо — и никто из них дважды. Ты что же, не понимаешь, что, займи мое место кто-нибудь из моих вассалов, он вскоре заработал бы это же прозвище?

— Да, понимаю. Потому что у них нет души.

— Я не стану спорить с тобой,— сказал Джек.— Хотя я желал бы знать, почему никто ни разу не высказался по поводу твоего присутствия?

— Меня видишь только ты — и только тогда, когда я хочу этого.

— Отлично! — сказал Джек.— Почему бы тебе не стать сейчас невидимой и для меня! И не мешать мне вымыться и поесть.

— Извини. Я не совсем готова.

Джек пожал плечами и повернулся к ней спиной.

Через некоторое время принесли наполненную водой ванну. Когда земля дрогнула так, что по стене пробежала похожая на черную молнию трещина, часть воды разлилась. Две свечи опрокинулись и сломались. Из потолка вывалился камень и упал в соседнем покое, но никто не пострадал.

Не успел Джек до конца раздеться, как принесли новый меч. Он бросил раздеваться и опробовал его. Он кивнул.

Он еще не закончил мыться, а рядом уже поставили стол.

К тому времени, как он вытерся, оделся и взял меч, на столе появились прибор и еда.

Джек ел медленно, смакуя каждый кусок. Съел он неимоверно много.

Потом он встал из-за стола и вернулся в кабинет, где держал сигареты. Оттуда он прошел в основание своей любимой башни и поднялся по лестнице.

С вершины башни он, покуривая, принялся рассматривать черную сферу. Да, с тех пор, как он в последний раз видел ее, она заметно сместилась. Джек выпустил дым в сторону сферы. Он ощущал восторг от того, что сделал — может быть, из-за того, что принял наркотик. Будь что будет, он — хозяин и творец нового положения вещей.

— Ты сейчас испытываешь сожаления, Джек? — спросила его душа.

— Нет,— сказал Джек.— Это нужно было сделать.

— Но тебе жаль, что это пришлось сделать?

— Нет,— сказал Джек.

— Зачем ты спалил гостиницу «Под Знаком Огненного Пестика»?

— Чтобы отомстить за то, как там обходились с Розали.

— А что ты чувствовал, когда потом шел по берегу?

— Не знаю.

— Только голод и усталость? Или еще что-то?

— Печаль. Сожаление.

— А часто с тобой бывает такое?

— Нет.

— Хочешь узнать, почему с недавних пор ты стал чаще испытывать подобные чувства?

— Скажи, если знаешь.

— Потому что я рядом. У тебя есть душа, душа, которую ты освободил. Я всегда неподалеку от тебя. Ты начал ощущать мое влияние. Так ли уж это плохо?

— Спросишь в другой раз,— сказал Джек.— Я пришел посмотреть, как обстоят дела, а не болтать.

...И слова его достигли ушей того, кто его разыскивал, когда дальняя гора стряхнула свою вершину, изрыгнула в воздух огонь и пепел и снова затихла.

Глава 12

Джек слушал грохот дробящихся камней и наблюдал, как черная точка падает. Он слышал стоны, шедшие из сердца земли. Он видел, как ее пересекали огненные линии.

Его ноздрей коснулись едкие запахи подземного мира. Пепел роился в холодном воздухе, поднимаясь и опускаясь, как нетопыри его предшественника. Раньше перемещений звезд в небе по чьему-то приказу не бывало. Вдали стояли семь гор с вершинами, похожими на факелы, и он припомнил тот день, когда заставил одну из них двигаться. Небо постоянно прочерчивало скопление метеоритов, напоминая Джеку, как выглядело небо в день его последнего воскрешения. Иногда облака пара и струйки дыма затемняли созвездия. Земля дрожала не переставая, а далеко внизу Шедоу-Гард дрожал на своем фундаменте. Джек не боялся, что башня упадет, потому что так любил этот замок, что наложил на него сильное заклятие и знал, что пока он обладает Силой, Шедоу-Гард устоит.

Рядом с ним молча стояла его душа. Он снова закурил и стал рассматривать склон горы невдалеке.

Медленно наползли тучи. Они собирались вдали, где начиналась гроза. Подобно многоногим насекомым с огненными лапками, тучи перепрыгивали с горы на гору. На севере небо от них пылало, их пробивали метеориты, а атакуемая земля плевала в них. Позже Джек сумел расслышать ворчание, означавшее начало столкновения. Еще чуть позже он заметил, что грозовой фронт движется в его сторону.

Когда буря была почти над его головой, Джек улыбнулся и вытащил меч.

— Ну, душа,— сказал он,— теперь посмотрим, какова моя Сила.

С этими словами он начертил на камне узор и начал говорить.

Молния и гром разделились, обтекая подобно огненной реке Шедоу-Гард с двух сторон, не затрагивая его.

— Отлично.

— Спасибо.

Теперь они были словно бы в конверте: внизу горела и содрогалась земля, над головой бесновалась буря, небо было исполосовано падающими звездами.

— Ну, теперь ты можешь мне сказать?

— Могу. Теперь можно сказать уже о многом, правда?— сказал Джек.

Душа не ответила.

Услышав шаги, он обернулся к лестнице.

— Это, должно быть, Ивен,— сказал он.— Она боится грозы и всегда приходит ко мне.

Из двери на лестницу появилась Ивен, увидела Джека и кинулась к нему. Она ни слова не сказала. Джек обнял ее одной рукой и завернул в плащ. Она дрожала.

— Ты не сожалеешь о том, что сделал с ней?

— Отчасти,— сказал Джек.

— Так почему бы тебе не исправить дело?

— Нет.

— Потому что, вспомнив, она возненавидит тебя?

Джек молчал.

— Она не может меня услышать. Если я спрашиваю, можешь отвечать коротко. Она подумает, что ты просто что-то бормочешь... Или это больше, чем ненависть?

— Да.

Оба помолчали.

— Ты боишься, что, вспомнив, она сойдет с ума?

— Да.

— Значит, ты более чувствителен и эмоционален, чем был когда-то. Даже больше, чем я подозревала.

Джек молчал.

Над ними все еще гремел гром, сверкали молнии, и Ивен, наконец, повернула голову, заглянула Джеку в лицо и сказала:

— Тут, наверху, ужасно. Не сойти ли нам вниз, милый?

— Нет. Можешь спуститься, если хочешь. Но я должен остаться.

— Тогда я остаюсь с тобой.

Медленно, очень медленно гроза стала уходить, затихла, прошла. Джек увидел, что горы еще пылают, а разорванная земля сама изрыгает языки пламени. Обернувшись, он увидел, что в воздухе кружится что-то белое и понял, наконец, что это не дым, а снег. Но снег шел далеко на востоке.

Джек внезапно почувствовал, что ничего не выйдет — опусто-

шение будет слишком полным. Но теперь делать было нечего, оставалось только смотреть.

— Ивен...

— Да, господин.

— Я хочу кое-что сказать...

— Что, любимый?

— Я... Нет, ничего!

А душа Джека подошла поближе и встала прямо у него за спиной. В нем поднималось странное чувство, и он не выдержал. Снова повернувшись к ней, он сказал:

— Мне очень жаль. Прости.

— За что, милый?

— Сейчас я не могу объяснить, но, может, наступит время, когда ты вспомнишь, что я сказал.

Она, озадаченная, сказала:

— Надеюсь, такое время не придет никогда, Джек. Я всегда была с тобой счастлива.

Он отвернулся и стал смотреть на восток. На миг он перестал дышать и всем телом ощутил биение сердца.

Оно шло по следу сквозь пыль, шум, холод. Пылающий огонь, дрожащая земля, гроза для него ничего не значили, потому что это существо не знало страха. Оно соскальзывало вниз по склонам холмов, как призрак, и струилось среди скал, как змея. Оно перепрыгивало глубокие расселины, увертывалось от падающих камней. Один раз его ударило молнией. Это был комок протоплазмы на ножке, огромный, испещренный шрамами, и не было настоящих причин, чтобы оно жило и двигалось. Но, возможно, оно и не жило в полном смысле слова — по крайней мере, оно существовало не так, как прочие, даже жители царства тьмы. У него не было имени, только название. Рассудок его, вероятно, был невелик. Это был комок инстинктов и рефлексов, некоторые из них были врожденными. Чувств у него не было, кроме одного. Но это единственное было очень сильным. Оно позволяло ему вытерпеть крайнюю нужду, массу боли, сильные повреждения тела. Существо не говорило ни на одном языке, и все, с кем бы оно ни столкнулось, убегали от него.

Пока земля сотрясалась, а камни вокруг грохотали, оно начало спускаться с горы, которая однажды сдвинулась с места, и его сопровождали огненные потоки, а тучи роняли пламя.

Ни оползни, ни буря его не остановили.

Оно пробралось через валуны, разбросанные у подножия горы, и на миг задумалось о последнем подъеме.

След вел туда. Туда и нужно было идти.

Высокие стены, хорошая охрана...

Но, кроме силы, у этого существа была и кое-какая хитрость.

...И одно, единственное чувство.

— Выигрываю я или теряю, но действует,— сказал Джек и, хотя Ивен промолчала, его душа отозвалась.

— Теряешь. Потеря это или приобретение для мира — другой вопрос. Но ты теряешь, Джек.

И, глядя на светлеющий восток, Джек почувствовал, что так оно и есть.

Потому что небо побледнело, но не от вулканического огня и не от грозы. Джек чувствовал, как Сила в нем ослабевает. Повернувшись к западу, он опять увидел, насколько снизилась черная сфера, и в его мозгу взорвался рассвет.

Сила ускользала от него, и по мере этого стены Шедоу-Гард начали крошиться.

— Теперь нам лучше уйти, да побыстрее.

— Какое тебе дело, дух? Тебе нельзя причинить вред. Я не побегу. Эта башня устоит перед зарей.

Внизу под ними камни градом сыпались во двор. Стена подалась, обнажив интерьер нескольких покоев. До Джека донеслись крики его челяди, и несколько человек пробежали по двору. Земля опять содрогнулась, и башня качнулась.

Джек снова повернулся лицом к розовому небу на востоке.

— Потерянный Ключ, Кольвиния, снова потерян,— сказал он.— На этот раз — навсегда.

Потому что он попробовал простое заклинание и оно не подействовало.

Он услышал рев, словно открывали шлюзы, и дальняя часть замка рухнула и развалилась.

— Если ты не уйдешь, что станет с девушкой, которая стоит рядом с тобой?

Джек повернулся к Ивен. Он почти забыл о ее присутствии. Он увидел, что ее лицо приобретает странное выражение.

Сначала он не мог понять, что это означает, а когда она заговорила, он заметил, что тембр ее голоса изменился.

— Что происходит, Джек?

Пока она говорила это, Джек почувствовал, что ее тело цепенеет и слегка отстраняется от него. Он тут же разжал руки, чтобы приспособиться к ее движениям.

И его осенило. Когда его магические силы стали слабеть, заклятие, которое он так давно наложил на нее, перестало действовать. Над потревоженным миром разливалась заря, и память Ивен прояснялась пропорционально этому.

Он заговорил, надеясь полностью завладеть ее вниманием и удержать от мгновенного осознания происходящих в ней перемен.

— Это моих рук дело,— заявил он.— Семеро, вписанные в Красную Расчетную Книгу, не захотели сотрудничать и удерживать Щитом внешний холод, поэтому я убил их. Но я ошибался, считая их заменимыми. Хотя я думал, что справлюсь, я не смог один провернуть все это. Была только одна альтернатива. Я разрушил Великую Машину, которая делала мир таким, каким он был. Сейчас мы, жители царства тьмы, черпаем свои легенды из той непонятной штуки, которая зовется наукой, и говорим, что мир движет Машина. Те, кто живет на дневной стороне планеты, точно так же суеверны и считают, что земное ядро заполнено духами огня и расплавленными минералами. Как определить, кто тут прав, а кто нет? Философы на обеих

сторонах часто говорят, что мир чувств иллюзорен. Мне это, в общем, неважно. Что бы ни являлось реальностью, от которой мы постоянно изолированы, я пропутешествовал к центру земли и вызвал там катастрофу. Теперь вы видите ее результаты. Из-за того, что я сделал, мир начинает вращение. Больше не будет ни царства тьмы, ни царства света. Скорее, свет и тьма будут чередоваться во всех частях планеты. Я чувствую, что тьма всегда будет сохраняться в каких-то вещах, привычных для нас здесь, а науки, несомненно, будут процветать там, где свет.

«Если,— добавил он про себя,— мир не разрушится».

Тут он задумался, каково сейчас было там, на светлой стороне... в университете... увидеть, как приходит вечер, за ним — тьма, увидеть звезды. Решит ли Пойндекстер, что это какая-то студенческая штучка к окончанию очередного семестра?

— И значит,— продолжал он,— не нужно будет устанавливать защиту ни от жары, ни от холода. Тепловое излучение звезды, вокруг которой мы движемся, будет не концентрироваться, а скорее распределяться. Я...

— Злой Джек! — выкрикнула Ивен, быстро отшатнувшись от него.

Уголком глаза он заметил, что над горизонтом появилась сияющая оранжевая дуга.

Когда ее лучи упали на них, башня задрожала, затряслась и сильно закачалась. Джек услышал, как внутри башни сыплются камни, и почувствовал сквозь сапоги вибрацию от их движения.

...А Ивен пригнулась, готовясь прыгнуть, и ее глаза за массой освободившихся волос, которые стелились по ветру, были безумными и широко раскрытыми.

...А Джек увидел, что в правой руке у нее кинжал.

Он облизал губы и сделал шаг назад.

— Ивен,— сказал он.— Пожалуйста, выслушай меня. Я могу отнять у тебя эту игрушку, но не хочу делать тебе больно. Я уже причинил тебе достаточно боли. Убери его. Пожалуйста. Я постараюсь сделать...

Тогда она прыгнула на Джека, а он потянулся к ее запястью, промахнулся и отступил в сторону.

Клинок прошел рядом с ним, за ним — ее плечо и рука. Он ухватил ее за плечи.

— Злой Джек! — снова сказала она и с размаху ударила его по руке, рассекая ее.

Его хватка ослабла, Ивен вырвалась и накинулась на Джека, подбираясь к горлу.

Левой рукой он схватил ее за запястья, а правой оттолкнул от себя. При этом он мельком увидел ее лицо: клочья пены в уголках рта, струйки крови, текущие из прокушенной губы по подбородку.

Она отступила, наткнулась на балюстраду, и та обвалилась почти беззвучно.

Джек стремительно кинулся к ней, но успел только увидеть ее

развевающиеся юбки, когда она падала вниз во двор. Ее крик был коротким.

Когда башня закачалась так, что грозила свалить его с ног, он отступил назад.

Солнце взошло уже наполовину.

— Джек! Нужно уходить! Замок разваливается!

— Все равно,— сказал он.

Но он повернулся и пошел к двери на лестницу.

Пробравшись в крепость через дыру, зиявшую в северной стене, оно принялось обыскивать коридоры. Когда ему приходилось убивать, оно оставляло тела там, где они падали. В одном месте на него рухнул кусок кровли. Оно выбралось из-под него и продолжало свой путь.

Пока бригады водоносов метались, пытаясь потушить огонь, оно лежало за валуном, припав к земле. Оно пряталось в нишах, за портьерами, за дверями и мебелью. Оно скользило как призрак и ползло, как рептилия.

Оно пробиралось между обломками, пока вновь не напало на след.

След вел все выше, выше, петлял...

Туда.

Разорванное светом небо, ясно помнящаяся сломанная балюстрада, развевающиеся юбки Ивен, стоящие перед глазами Джека, ее слюна и кровь — вот чернила для его обвинительного акта. Громыхание измученной земли, ставшее из-за своей монотонности как бы формой тишины, раздробленные камни, заострившиеся в ясном свете зари, ветры, поющие траурные песни, движение разрушающейся башни — теперь почти успокаивающее... Джек подошел к верхней ступеньке и увидел, что оно поднимается.

Он вытащил меч и ждал. Другого пути вниз не было.

Странно, подумал он, как инстинкт самосохранения берет верх над чем угодно.

Он держал меч неподвижно. Перепрыгнув последние ступени, Боршин атаковал его.

Джек проткнул ему левое плечо, но не остановил. Меч вырвался у него из рук, когда Боршин ударил его сзади и склонился над ним.

Джек откатился в сторону и сумел занять положение перед прыжком раньше, чем тварь напала снова. Его меч все еще торчал у нее в плече и блестел на свету, кровь по нему не текла, вместо этого по краям раны выступило немного густой коричневой жидкости.

Джеку удалось увернуться от повторного нападения и ударить ее обеими руками, но незаметно было, чтобы это что-нибудь дало. Казалось, он бьет по пудингу, а тот остается целым.

Ему удалось увернуться от нападения еще дважды. Один раз он лягнул ее по ноге, а потом треснул локтем по затылку, когда она двигалась мимо.

Потом она без труда поймала Джека, но он втолкнул меч ей в плечо и удрал в разорванной тунике.

Припадая к земле, кружа, стремясь сохранить между ними мак-

симальное расстояние, Джек отклонился назад, схватив два камня. Если бы не это, тварь добралась бы до него. Она очень быстро обернулась, а Джек запустил в нее одним из новоприобретенных снарядов — и промахнулся.

Потом, прежде, чем он успел прийти в себя после броска, она накинулась на него, повиснув у него на спине.

Джек бил ее по голове оставшимся камнем, пока тот не вырвался у него из руки. Его грудная клетка была сломана, а морда твари была так близко от его лица, что ему хотелось закричать — он бы закричал, если бы у него хватило дыхания.

— Жаль, что ты сделал неправильный выбор,— услышал он свою душу.

Потом тварь ухватила его одной рукой за шею, а другой — за голову и начала крутить.

Из глубин его тела поднялась чернота, слезы боли смешались на его лице с потом, а голова оказалась повернутой таким образом, что Джек увидел нечто, мгновенно повергшее его в изумление.

Волшебство исчезло, но рассвет все еще напоминал сумерки. В сумерках же Джек мог работать — не как волшебник, а как вор.

Потому что в тени он был силен.

...Ни один меч не мог его там тронуть, ни одна сила не могла причинить ему вред.

Восходящее солнце, ударив сквозь балюстраду, создало длинную густую тень, которая упала в каком-нибудь футе от Джека.

Он попытался дотянуться до нее, но не смог. Тогда он выбросил правую руку в сторону тени так далеко, как только мог.

Джек все еще чувствовал боль, позвоночник хрустел, сокрушительный груз все еще давил на грудь.

Но только теперь пришло старое чувство тьмы и растеклось по телу.

Напрягая мышцы шеи, Джек сопротивлялся обмороку. Пользуясь силой, которую он извлек из тени, он втолкнул в тень руку и плечо. Потом, на пятках и локтях, он сумел впихнуть в глубокую тень голову.

Высвободив другую руку, он нашел горло Боршина. Он втащил его за собой в тень.

— Джек, что происходит? — услыхал он свою душу.— Я не могу видеть тебя, когда ты в тени.

Джек вышел из тени много позже.

Он тяжело облокотился на ближайшую балюстраду и стоял там, задыхаясь. Он был перемазан кровью и тягучим коричневым веществом.

— Джек?

Когда он полез в то, что осталось от его одежды, руки у него дрожали.

— Черт...— хрипло прошептал Джек.— Последние сигареты пропали.

Казалось, он готов из-за этого расплакаться.

— Джек, я не думала, что ты останешься жив...

— Я тоже... Ладно, душа. Ты надоедала мне достаточно долго. Я много перенес. Мне ничего не осталось. Хотя я могу сделать тебя счастливой. Делай, что должна.

Потом он на миг закрыл глаза, а когда открыл их, душа исчезла.

— Душа? — позвал он.

Ответа не было.

Разницы Джек не ощущал. Правда ли они соединились?

— Душа? Я дал тебе то, что ты хотела. Ты могла бы, по крайней мере, поговорить со мной.

Ответа не было.

— Ну, ладно! Кому ты нужна!

Потом Джек повернулся и оглядел опустошенную землю. Он увидел, как косые лучи солнца окрасили сотворенную им пустыню. Ветер немного утих и, казалось, воздух поет. Несмотря на разруху и тлеющий огонь, пейзаж был красив несущей печать проклятия красотой разрушения. Не следовало так терзать землю, если бы не что-то в нем самом, что принесло боль, смерть и бесчестие туда, где их прежде не было. Тем не менее вне этой бойни или, точнее, над ней, было что-то, чего Джек раньше никогда не видел. Словно все, на что он смотрел, могло стать лучше. Вдалеке виднелись разрушенные деревни, срезанные горы, сожженные леса. Он был в ответе за все это зло — он действительно заслужил свое прозвище. И все же он чувствовал, что из этого вырастет нечто иное. Хотя эту заслугу он не мог себе приписать. Он мог лишь нести вину. Но Джек чувствовал, что предвидение того, что может случиться теперь, когда изменился порядок мира, больше не может его напугать. Нет, не то. По крайней мере, еще нет. Но новым порядком вещей станет преемственность света и тьмы, и Джек чувствовал, что это будет неплохо. Тогда он повернулся лицом на восход и, промокнув глаза, продолжал смотреть, потому что ощущал — прекраснее он ничего не видел. Да, решил он, должно быть, у меня есть душа — раньше ничего подобного я не чувствовал.

Башня перестала качаться и начала разваливаться.

«Вот чего я добивался, Ивен, — подумал он. — Я даже говорил об этом — когда у меня еще не было души. Я извинился, я имел в виду именно это: мне было жаль не только тебя. Весь мир. Я прошу прощения. Я люблю тебя».

...И, камень за камнем, башня рухнула, а Джека бросило вперед через балюстраду.

Правильно, подумал он, чувствуя, что ударяется о перила. Только так и должно быть. Выхода нет. Когда ветер, огонь и вода очистят мир, а злобные существа погибнут или будут унесены прочь, последний и самый великий из них не должен избежать этого уничтожения.

Он слышал сильный шум, словно от ветра — это рухнула балюстрада, и перила скользнули вперед. На мгновение звук стал прерывистым, словно хлопало вывешенное для просушки белье.

Когда Джек оказался на краю, он сумел обернуться и посмотреть

вверх, падая, он увидел в небе темный силуэт, который рос, пока Джек глядел на него.

Конечно, подумал он, он наконец увидел восход солнца и освободился.

Сложив крылья, с бесстрастным лицом, вниз, как черный метеор, падал Утренняя Звезда. Приблизившись, он во всю длину вытянул руки и раскрыл огромные ладони.

Интересно, подумал Джек, он успеет?

МАСТЕР СНОВ

Глава I

Как ни приятно это было с кровью и всем прочим, Рендер сознавал, что дело идет к концу.

Значит, каждая микросекунда должна быть исправлена на минуту, решил он. И, может быть, следовало бы повысить температуру... Где-то на периферии всего тьма остановила свое наступление.

Нечто вроде крещендо подсознательного грома остановилось на яростной ноте. Нота эта была квинтэссенцией стыда, боли и страха.

Форум застыл.

Цезарь трусливо съежился вне яростного круга. Он прикрыл руками глаза, но это не мешало ему видеть.

Сенаторы не имели лиц. Их одежды были запятнаны кровью. Голоса их походили на птичьи крики. С нечеловеческой яростью они втыкали кинжалы в поверженное тело.

Все, кроме Рендера.

Лужа крови, в которой он стоял, продолжала расширяться. Его рука, казалось, поднималась и опускалась с регулярностью механизма, его горло могло произносить птичьи крики, но он был одновременно и частью сцены, и в стороне.

Ибо он был Рендером. Творцом.

Скорчившись, мучаясь и завидуя, Цезарь выплакивал свой протест:

— Ты убил его! Убил Марка Антония, безупречного парня!

Рендер повернулся. Кинжал в его руке был огромным и полностью покрытым кровью.

— Ага,— сказал он.

Лезвие двигалось из стороны в сторону. Цезарь, околдованный отточенной сталью, покачивался в том же ритме.

— Зачем?— закричал он.— Зачем?

— Потому что,— ответил Рендер,— он был куда более благородным римлянином, чем ты.

— Ты врешь! Не поэтому!

Рендер пожал плечами и повернулся к бойне.

— Это неправда!— вопил Цезарь.— Неправда!

Рендер снова повернулся к нему и помахал кинжалом. Цезарь, как кукла, подражал качанию лезвия.

— Неправда?— улыбнулся Рендер.— А кто ты такой, чтобы

спрашивать? Ты никто! Ты принижен достоинством этого случая! Убирайся!

Краснолицый мужчина вскочил одним прыжком. Волосы его торчали в беспорядке, как вата. Он повернулся и побрел прочь, оглядываясь через плечо.

Он отошел далеко от круга убийц, но стена не уменьшилась в размерах. Она сохранялась в электрической прозрачности. Это давало Цезарю ощущение, что, чем дальше он отходит, тем более он одинок и отстранен.

Рендер обогнул неотмеченный заранее угол и встал перед Цезарем слепым нищим.

Цезарь стиснул полы своей одежды.

— У тебя сегодня для меня дурное предзнаменование?

— Берегись! — пронзительно сказал Рендер.

— Да! Да! — вскрикнул Цезарь.— Беречься? Хорошо! Чего беречься?

— Ид!

— Да? Каких?

— Октябрьских.

Цезарь выпустил одежду.

— Что ты говоришь? Что такое октябрь?

— Месяц.

— Врешь! Нет такого месяца!

— Это дата, которой благородный Цезарь должен бояться — несуществующее время, случай, который никогда не будет отмечен.— Рендер исчез за другим углом.

— Подожди! Вернись!

Рендер захохотал, и Форум засмеялся вместе с ним. Птичьи крики стали хором нечеловеческой насмешки.

— Вы смеетесь надо мной! — заплакал Цезарь.

Форум был духовкой, и пот сделал как бы стеклянную маску на узком лбу Цезаря, остром носу, на челюсти без подбородка.

— Я тоже хочу быть убитым! — всхлипнул он.— Это нечестно!

А Рендер взорвал форум, сенаторов и оскалившегося мертвого Антония на куски, смел их в черный мешок, и последним исчез Цезарь.

Чарльз Рендер сидел перед девятью десятками белых кнопок и двумя красными, но не глядел на них. Его правая рука бесшумно двигалась по гладкой поверхности консоли, нажимая одни кнопки, перескакивая через другие, двигаясь дальше, вычерчивая путь, чтобы нажать следующую в Серии Отзыва.

Ощущения задохнулись, эмоции сошли на нет. Член палаты представителей Эриксон познал забвение в колыбели.

Мягкий щелчок.

Рука Рендера скользнула к концу ряда кнопок. Акт сознательного намерения — воли, если угодно — требовал нажатия красной кнопки.

Рендер освободил руку и снял Корону Медузы — волосы ее направляли и миниатюризировали схему. Он выскользнул из-за стел-

лажа и поднял крышку. Рендер подошел к окну, сделав его прозрачным, и взял сигарету.

Одна минута в колыбели, решил он. Не больше. Это решающая минута... Будем надеяться, что снег пока не пойдет, но, судя по тучам...

Гладкие желтые решетки и высокие башни, тусклые и серые, все тлело вечером. Они окружали вулканические острова, горящие в предвечернем свете, грохочущие глубоко под землей, это были обильные, нескончаемые потоки уличного движения.

Рендер отвернулся от окна и подошел к громадному яйцу, гладкому и сверкающему, лежащему возле его стола. Оно бросило отражение, которое замазало горбинку с носа Рендера, сделало его глаза серыми блюдцами, трансформировало волосы в прочерченный молнией горизонт. Красноватый галстук стал широким языком вампира.

Рендер улыбнулся, потянулся через стол и нажал вторую красную кнопку.

Яйцо со вздохом утратило свою непрозрачность. В середине его появилась горизонтальная трещина. Через просвечивающуюся скорлупу Рендер увидел, как Эриксон гримасничает и плотнее сжимает веки, борясь с возвращением сознания и всем тем, что оно содержит. Верхняя половина яйца поднялась вертикально к основанию, показав узловатого, розового Эриксона в нижней раковине. Когда глаза Эриксона открылись, он не смотрел на Рендера. Он встал на ноги и принялся одеваться. Рендер воспользовался этим временем, чтобы проверить колыбель. Он вновь наклонился над столом и стал нажимать кнопки: температурный контроль, полный вид — проверено; экзотические звуки — он поднял наушники — проверено на колокольчики, жужжание, на звуки скрипки и свист, на крики и стоны, на шум дорожного движения и рокот прибоя; цепь обратной связи, содержащая собственный голос в анализе — проверено; общий звук, брызги влаги, запах — проверено; цветные молнии, стимуляторы вкуса...

Рендер закрыл яйцо и выключил его. Втолкнул агрегат в стенной шкаф, ладонью захлопнул дверцу. Лента зарегистрировала нужную последовательность.

— Садитесь,— сказал он Эриксону.

Тот сел, суетливо дергая шеей.

— У вас полный отзыв,— сказал Рендер,— так что мне не требуется суммировать происшедшее. От меня ничего не скрылось. Я был там.

Эриксон кивнул.

— Смысл эпизода вам должен быть ясен.

Эриксон вновь кивнул и, наконец, обрел голос.

— Но это действительно было?— спросил он.— Я имею в виду, что вы конструировали сон и все время контролировали его. Я ведь не просто видел это во сне — ну, если бы нормально спал. Вы сумели сгрудить на столе все происшедшее для чего-то, на что вы хотели указать, верно?

Рендер медленно покачал головой, стряхнул пепел в южное полушарие своей шарообразной пепельницы и встретился взглядом с Эриксоном.

— Это правда, что я изменил формат и модифицировал формы. Но вы наполнили их эмоциональным содержанием, продвинули их к статусу символов, соответствующих вашей проблеме. Если бы сон не был действительной аналогией, он не вызвал бы такой реакции. Он был бы лишен тревожного рисунка, который зарегистрировала лента.

— Вы анализировались уже много месяцев,— продолжал Рендер,— и все, что я узнал, не смогло меня убедить, что ваша боязнь быть убитым не имеет никаких физических оснований.

Эриксон уставился на него.

— Тогда какого же дьявола эта боязнь у меня есть?

— Потому что,— ответил Рендер,— вам очень хотелось бы стать объектом убийства.

Эриксон улыбнулся. К нему начало возвращаться хладнокровие.

— Уверяю вас, доктор, я никогда не помышлял о самоубийстве и не имею никакого желания перестать жить.— Он закурил. Его руки дрожали.

— Когда вы пришли ко мне тем летом, вы уверяли, что боитесь покушения на свою жизнь. Но вы затруднялись сказать, почему кто-то хотел бы убить вас...

— Мое положение! Нельзя быть членом палаты представителей и не иметь врагов!

— Однако,— возразил Рендер,— вы, похоже, ухитрились не заиметь их. Когда вы позволили мне поговорить с вашими детективами, я узнал, что они не откопали никакого указания, что ваши опасения имеют реальное основание. Никакого.

— Они смотрели слишком близко — или не там, где надо. Видимо, они что-то пропустили.

— Боюсь, что нет.

— Почему?

— Повторяю: потому что ваши ощущения не имеют никакого реального базиса. Будьте честны со мной: имели ли вы информацию откуда бы то ни было, что кто-то ненавидит вас до такой степени, что хочет убить?

— Я получаю множество угрожающих писем...

— Как и все члены палаты представителей... и все письма, направленные вам в течение прошлого года, расследовались. Было установлено, что это работа сумасшедших. Можете ли вы предложить мне хоть *одно* доказательство, подтверждающее ваши заявления?

Эриксон рассматривал кончик своей сигары.

— Я пришел к вам по совету одного коллеги. Пришел к вам, чтобы вы порылись в моем мозгу и нашли что-то в том роде, чтобы моим детективам было с чем работать. Может, я кого-то сильно оскорбил, или неудачно применил закон, имея дело с...

— ...и я ничего не нашел,— повторил Рендер,— ничего, кроме

причины вашего недовольства. Сейчас, конечно, вы боитесь услышать ее и пытаетесь отвлечь меня от объяснения своего диагноза...

— Нет!

— Тогда слушайте. Потом можете комментировать, если хотите, но вы любопытствовали и тратили здесь время, не желая принять то, что я предлагал вам в десятке разных форм. Теперь я хочу сказать вам прямо, в чем дело, и делайте с этим, что хотите.

— Прекрасно...

— Во-первых, вы очень хотели бы иметь множество врагов обоего пола...

— Это смешно!

— ...потому что это единственная альтернатива возможности иметь друзей...

— У меня куча друзей!

— ...потому что никто не хочет быть полностью игнорируемым, быть тем, к кому никто не имеет по-настоящему сильных чувств. Любовь и ненависть — высшие формы проявления человеческих отношений. Не имея одной, и не в силах добиться ее, вы желаете другой формы. Вы так сильно хотели ее, что убедили себя в ее существовании. Но на эти вещи есть психический ценник. Подлинная эмоциональная нужда, отвечая телу желания-суррогата, не приносит реального удовлетворения, а дает тревогу и дискомфорт, потому что в этих делах психика должна быть открытой системой. Вы же ищете человеческих отношений вне себя самого. Вы закрыты. То, в чем вы нуждаетесь, вы творите из материала собственного «я». Вы — человек, очень сильно нуждающийся в крепких связях с другими людьми.

— Дерьмо!

— Примите это или откажитесь,— сказал Рендер.— Я советую вам принять.

— Я платил вам полгода, чтобы вы обнаружили, кто хочет убить меня. А вы говорите теперь, что я все выдумал, чтобы удовлетворить желание иметь кого-то, ненавидящего меня.

— Ненавидящего или любящего. Правильно.

— Это абсурд! Я встречаю так много людей, что ношу в кармане записывающий аппарат и камеру на лацкане, чтобы я мог запомнить всех их...

— Я говорю не о том, что вы встречаетесь со множеством людей. Скажите, этот последовательный сон много значил для вас?

Эриксон немного помолчал.

— Да,— наконец, сознался он.— Много. Но, все равно, ваша интерпретация этого дела — абсурд. Но, допустим, просто ради спора, что ваши слова справедливы. Что я должен делать, чтобы избавиться от этих снов?

Рендер откинулся в кресле.

— Пустите вашу энергию по другому пути. Встречайтесь с некоторыми людьми не как член правительства, а просто как Джо Эриксон. Делайте с другими то, что можете — что-нибудь не относящееся к политике, скажем, в чем-то соревнуйтесь — и вы создадите неско-

лько настоящих друзей или врагов, желательно — друзей. Я все время советовал вам делать это.

— Тогда скажите мне еще кое-что.

— Охотно.

— Допустим, вы правы; так почему я никогда не любил и не ненавидел никого, и меня никто? Я занимаю ответственный пост в правительстве, я все время встречаюсь с людьми. Почему же я такой... нейтральный?

Хорошо знакомый теперь с карьерой Эриксона, Рендер отогнал свои истинные мысли на этот счет, потому что они не имели оперативной ценности. Он хотел бы процитировать Эриксону замечание Данте на этот счет — о тех душах, которые, не имея добродетелей, отрицают небо, а по недостатку существенных пороков отрицают также и ад. Они поднимают паруса и идут туда, куда несет их ветер времени, без направления, без реального направления, к какому порту они прибьются. Такова была долгая и бесцветная карьера Эриксона, карьера мигрирующей преданности, политических перемен. Но вместо этого Рендер сказал:

— В наше время все больше и больше людей оказываются в таких обстоятельствах. Это происходит из-за растущей сложности общества и обезличивания индивидуума в социометрической единице. В результате даже влечение к другим особам становится более вынужденным. Сейчас таких много.

Эриксон кивнул, и Рендер внутренне улыбнулся.

Иногда нужна грубая линия, а затем нотация, подумал он.

— У меня впечатление, что вы, может, и правы,— сказал Эриксон.— Иногда я и в самом деле чувствую то, что вы только что описали — единица, нечто безликое...

Рендер взглянул на часы.

— То, что вы будете делать, выйдя отсюда — решать, конечно, вам. Я думаю, что вы потратите время еще и останетесь на анализ подольше. Теперь мы оба знаем причину ваших жалоб. Я не могу водить вас за руку и показывать, как вести жизнь. Я могу указать, могу посочувствовать, но без глубокого зондирования. Договоритесь о встрече, когда почувствуете необходимость поговорить о вашей деятельности и соотнести ее с моим диагнозом.

— Я приду,— кивнул Эриксон.— Черт побери этот сон! Он захватил меня. Вы делаете их такими же живыми, как сама жизнь... даже еще более живыми... Наверное, я не скоро забуду его.

— Надеюсь на это.

— О'кей, доктор.— Эриксон встал и протянул руку.— Я, вероятно, вернусь через пару недель. Я сделаю честную попытку к общению.— Он ухмыльнулся при этих словах, от которых обычно хмурился.— В сущности, начну немедленно. Могу я угостить вас выпивкой внизу, за углом?

Рендер пожал влажную руку, утомленную действием, как у ведущего актера после очень удачной игры, и почти с сожалением сказал:

— Спасибо, но у меня назначена встреча.

Он помог Эриксону надеть пальто, подал ему шляпу и проводил до двери.

— Ну, спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Когда дверь бесшумно закрылась, Рендер снова прошел к своей крепости красного дерева и бросил сигарету в южное полушарие. Он откинулся в кресле, заложил руки за голову и закрыл глаза.

— Конечно, он более реален, чем жизнь,— сказал он в пространство.— Я создал его.

Улыбаясь, он вновь просмотрел шаг за шагом последовательный сон, желая, чтобы кто-нибудь из его учителей мог быть свидетелем. Сон был хорошо сконструирован, мощно выполнен и точно соответствовал данному случаю. Но ведь он, Рендер, Творец, один из двухсот особых аналитиков, чья психика позволяла входить в невротические системы и выносить оттуда только эстетическое удовлетворение имитацией отклонения — Здравомыслящий Мастер.

Рендер расшевелил свои воспоминания. Его самого тоже анализировали и, как гранитно-волевого, ультрапрочного аутсайдера, заставляли переносить ядовитый газ фиксации; и он проходил невредимым через химеры искажений, заставляя темную Мать Медузу закрывать глаза перед его искусством.

Его собственный анализ не был таким трудным. Девять лет назад (как давно это было!) он добровольно подвергся инъекции новокаина в самую болезненную область своей души. Это было после автокатастрофы, когда погибли Рут и их дочь Миранда, и он хотел отстранения. Возможно, он не желал вновь обрести переживания. Возможно, его собственный мир теперь базировался на определенной жесткости чувств. Если так, то он достаточно разбирался в путях мозга, чтобы понять это, и, видимо, решил, что такой мир имеет свои преимущества.

Его сыну Питеру было теперь десять лет. Он учился в хорошей школе и писал отцу каждую неделю. Письма постепенно становились все грамотнее, показывая признаки раннего развития, которое Рендер мог только одобрить. Он должен взять мальчика на лето с собой в Европу.

Что касается Джил — Джил де Вилл (какая же вычурная, смешная фамилия — он и любил ее за эту фамилию *), то она все больше и больше интересовала его. Он иногда задумывался, не признак ли это преждевременной старости. Его привлекал ее немузыкальный голос, ее беспокойство по поводу неизлечимой родинки на правой стороне ее во всех других отношениях красивого носа. По-настоящему следовало бы немедленно позвонить ей и отправиться на поиски нового ресторана, но ему почему-то не хотелось.

Он уже несколько недель не был в своем клубе «Куропатка и Скальпель» и сейчас чувствовал желание поесть за дубовым столиком одному, в построенной на разных уровнях столовой с тремя камина-

* Дьявол (*англ*).

ми, под искусственными факелами и кабаньими головами, напоминающими рекламу джина. Итак, он сунул свою перфорированную членскую карточку в прорезь телефона на столе, и позади голосового экрана дважды прожужжало.

— Алло, «Куропатка и Скальпель»,— послышался голос,— чем могу служить?

— Говорит Чарльз Рендер,— сказал он.— Я хотел бы столик. Примерно через полчаса.

— На сколько человек?

— На меня одного.

— Очень хорошо, сэр. Значит, через полчаса. Рендер? Р-е-н-д-е-р?

— Правильно.

— Спасибо.

Он выключил связь и встал. День снаружи уже исчез. Монолиты и башни теперь бросали вдаль собственный свет. Мягкий, похожий на сахар снег падал вниз и превращался в капли на оконных стеклах.

Рендер влез в пальто, выключил свет, закрыл внутреннюю дверь. На книге записей мисс Хиджс лежала записка.

Звонила мисс де Вилл, прочел он. Рендер скомкал записку и бросил в мусоропровод. Придется позвонить ей завтра и сказать, что работал допоздна над лекцией.

Он выключил последний свет, надел шляпу, вышел и запер за собой наружную дверь. Лифт спустил его в подземный гараж, где была припаркована его машина.

Там было холодно, и его шаги громко звучали по цементу. Под ярким светом его Сциннер С-7 казался гладким серым коконом, из которого вот-вот появятся буйные крылья. Два ряда антенн, веером склоняющихся вперед над капотом, усиливали это впечатление. Рендер прижал свой большой палец к дверце.

Усевшись, он коснулся зажигания, и раздалось жужжание одинокой пчелы, проснувшейся в большом улье. Дверца бесшумно закрылась, когда он поднял рулевое колесо и закрепил его на месте. Покрутившись по спиральному скату, он подъехал к двери перед выходом наружу.

Когда дверь с грохотом поднялась, он включил экран назначения и повернул ручку, которая меняла передачу карты. Слева направо, сверху вниз он сменял секцию за секцией, пока не нашел часть Карнеги-авеню, которую желал. Он пробил эти координаты и опустил руль. Кар включил монитор и выехал на окраинное шоссе. Рендер закурил.

Оттолкнув свое сидение обратно в центр, он оставил все стекла прозрачными. Приятно было откинуться и смотреть на машины, пролетающие мимо подобно рою светлячков. Он сдвинул шляпу на затылок и посмотрел вверх.

Было время, когда он любил снег, когда снег напоминал ему романы Томаса Манна и музыку скандинавских композиторов. Но теперь в его мозгу был другой элемент, от которого он никак не мог полностью отделаться. Он так отчетливо видел облачка молочно-белого холода, кружившиеся вокруг его старой машины с ручным

управлением, текущие в ее оплавленное огнем нутро, чтобы почернеть там; видел так ясно, как будто он идет по известковому дну озера к машине — затонувшему обломку — и он, водитель, не может раскрыть рта и заговорить — боится утонуть; и он знает, что когда бы ни увидел падающий снег — это где-то белеют черепа. Но девять лет вымыли большую часть боли, поэтому он также сознавал, что ночь приятна.

Он быстро ехал по широким дорогам, проносился по высоким мостам, чья гладкая поверхность, сверкающая под фарами, была соткана из листьев дикого клевера, нырял в туннель, где тускло светящиеся стены расплывались подобно миражу. В конце концов, он затемнил окна и закрыл глаза.

Он не мог вспомнить, дремал он или нет, и это означало, что, скорее всего, дремал. Рендер почувствовал, как кар замедляет ход, и подвинул сидение вперед. Почти тотчас же раздалось жужжание отключения. Он поднял руль, въехал в паркинг-купол, остановился у ската и оставил кар в секции, получив талон от обслуживающего бокс робота, который торжественно мстил человеческому роду, прокалывая картонный язык всем, кого обслуживал.

Как всегда, шум был приглушен, как и освещение. Помещение, казалось, поглощало звук и превращало его в тепло, успокаивало нос и язык вкусными запахами, гипнотизировало ухо живым потрескиванием в трех каминах.

Рендер был рад, что ему оставили его любимый столик в углу справа от маленького камина. Меню он знал наизусть, но рьяно изучал его, потягивая манхеттен и делая заказ соответственно аппетиту. Занятия по формированию всегда возбуждали в нем волчий голод.

— Д-р Рендер...

— Да? — Он поднял глаза.

— Д-р Шалотт желает поговорить с вами, — сказал официант.

— Не знаю никакого Шалотта, — сказал Рендер. — Может, нужен Вендар? Это хирург из Метро, он иногда обедает здесь...

Официант покачал головой.

— Нет, сэр, Рендер. Вот, взгляните, — он протянул карточку 3 на 5, на которой было напечатано заглавными буквами полное имя Рендера. — Д-р Шалотт обедает здесь почти каждый вечер за последние две недели и всегда спрашивает, не пришли ли вы.

— Хм... — задумался Рендер. — Странно. Почему он не позвонил мне в оффис?

Официант сделал неопределенный жест.

— Ну, ладно, скажите, чтобы подошел, — сказал Рендер, допивая манхеттен, — и принесите мне еще стаканчик.

— К несчастью, д-р Шалотт не видит, — объяснил официант. — Может быть, вам легче...

— Да, конечно. — Рендер встал, оставляя любимый столик с сильным предчувствием, что сегодня к нему не вернется. — Проводите.

Они прошли мимо обедающих и поднялись на следующий уровень. Знакомое лицо сказало «Привет!» от столика у стены, и Рендер ответил приветливым кивком ведущему семинар для учеников, ко-

торого звали не то Юргенс, не то Джеркинс, или еще как-то в этом роде.

Он вошел в меньшую по размерам столовую, где были заняты только два столика. Нет, три. Один стоял в углу у дальнего конца затемненного бара, частично скрытый древним рыцарским костюмом. Официант вел Рендера туда.

Он остановился перед столиком, и Рендер уставился на темные очки, которые тут же откинулись вверх. Д-р Шалотт оказалась женщиной чуть старше тридцати лет. Низкая бронзовая челка не вполне скрывала серебряное пятно на лбу, похожее на кастовую метку. Рендер затянулся дымом, и голова женщины слегка дернулась, когда вспыхнул кончик его сигареты. Она, казалось, смотрела прямо в его глаза. Рендер почувствовал себя неловко, хотя знал, что она могла видеть лишь то, что ее крошечный фотоэлектрический фотоэлемент передал в соответствующий участок коры мозга по имплантированной, тонкой как волос проволочке, направленной к этому излучателю-конвертеру: горящую сигарету.

— Д-р Шалотт, это д-р Рендер,— сказал официант.

— Добрый вечер,— сказал Рендер.

— Добрый вечер,— ответила она.— Меня зовут Эйлин, и я страшно хотела встретиться с вами. Вы не пообедаете со мной?

Ему показалось, что голос ее слегка дрогнул.

— С удовольствием,— сказал он, и официант выдвинул ему стул.

Рендер сел и заметил, что женщина уже что-то пьет. Он напомнил официанту о своем втором манхеттене.

— Вы уже получили заказ?— спросил он официанта.

— Нет.

— Дайте два меню...— начал он, но прикусил язык.

— Только одно,— улыбнулась женщина.

— Не надо,— поправился он и процитировал меню.

Они сделали заказ. Она спросила:

— Вы всегда так?

— То есть?

— Держите все меню в голове?

— Только некоторые,— сказал он,— для тяжелых случаев. Так о чем вы хотите поговорить со мной?

— Вы — врач-нейросоучастник,— сказала она.— Творец.

— А вы?

— Я резидент психиатрии Стейт Псик. Мне остался год.

— Значит, вы знали Сэма Рискомба.

— Да, он помог мне получить назначение. Он был моим советником.

— А мне — близким другом. Мы вместе учились в Мининджентe.

Она кивнула.

— Я часто слышала от него о вас. Это одна из причин, почему я хотела с вами встретиться. Он подбодрил меня идти дальше в моих планах, несмотря на мой гандикап.

Рендер внимательно оглядел ее. Она была в темно-зеленом вель-

ветовом платье. На корсаже с левой стороны была приколота брошь, вероятно, золотая, с красным камнем, возможно, рубином, контур оправы которого был помят. А, может быть, это были два профиля, смотрящие друг на друга через камень? В этом было что-то смутно знакомое, но он не мог сейчас вспомнить. Камень ярко блестел в слабом освещении.

Рендер взял у официанта свою выпивку.

— Я хочу стать врачом-нейросоучастником,— сказала она.

Если бы она обладала зрением, Рендер подумал бы, что она в упор смотрит на него в надежде получить ответ по выражению его лица. Он не сразу понял, что она хочет ему сказать.

— Приветствую ваш выбор и уважаю ваши стремления,— сказал он, пытаясь выразить в голосе улыбку.— Дело это нелегкое, и не все желающие становятся учеными.

— Я знаю. Я слепа от рождения, и мне нелегко было идти так далеко.

— С рождения?— повторил он.— Я думал, что вы недавно потеряли зрение. Значит, вы на последнем курсе и прошли медицинскую школу без глаз... Просто поразительно.

— Спасибо, но это не совсем так. Я слышала о первых нейросоучастниках — Бартельметре и других — когда была еще ребенком, и тогда же я решила, что хочу стать им. И с тех пор моя жизнь управлялась этим желанием.

— Как же вы работали в лабораториях?— допытывался он.— Не видя образцов, не глядя в микроскоп... А читать все это?

— Я нанимала людей читать мне мои записи. Я все записывала на ленту. Все понимали, что я хочу идти в психиатрию, и специально договаривались в лабораториях. Лабораторные ассистенты вскрывали трупы и все мне описывали. Я все знаю наощупь... И память у меня вроде как у вас на меню.— Она улыбнулась.— Качество феномена психоучастия может определить только сам врач в тот момент вне времени и пространства, когда он стоит среди мира, созданного из ткани снов другого человека, узнает неевклидову архитектуру заблуждения, а затем берет пациента за руку и свертывает ландшафт... Если он может отвести пациента обратно в обычный мир — значит, его суждения здравы, его действия имеют ценность.

— Это все из «Почему нет психометриста в этой службе». Автор — Чарльз Рендер, Л. М.,— отметил Рендер.

— Ваш обед на подходе,— сказал он, поднимая свой стакан, в то время как перед ним ставили быстро зажаренное мясо.

— Это одна из причин, по которой я хотела встретиться с вами,— продолжала она, тоже подняв стакан, когда к ней подвинули блюдо.— Я хочу, чтобы вы помогли мне стать Творцом.— Ее туманные глаза, пустые, как у статуи, вновь обратились к нему.

— У вас совершенно уникальное положение,— начал он.— Еще никогда не бывало нейросоучастника, слепого от рождения — по очевидным причинам. Мне надо бы рассмотреть все аспекты ситуации, прежде чем советовать вам что-либо. Но давайте сначала поедим. Я проголодался.

— Ладно. Но моя слепота не означает, что я ничего не увижу.

Он не спросил ее, что она имеет в виду, потому что перед ним стояла первоклассная грудинка, а рядом бутылка шамбертена. Когда она подняла из-под стола свою левую руку, он заметил, что она не носит колец.

— Интересно, идет ли еще снег,— начал он, когда они пили кофе.— Он шел чертовски сильно, когда я выезжал в купол.

— Надеюсь, что идет,— сказала она,— хотя он рассеивает свет, и я совершенно ничего не вижу. Но мне приятно чувствовать, что он падает вокруг и бьет в лицо.

— Как же вы ходите?

— Моя собака Зигмунд — сегодня я дала ей выходной,— она улыбнулась,— может вести меня куда угодно. Это мутированная овчарка.

— Ого! — Рендер заинтересовался.— Он говорит?

Она кивнула.

— Эта операция прошла у него не так успешно, как у других. В его словаре приблизительно 400 слов, но, мне кажется, ему больно говорить. Он вполне разумен. Вы как-нибудь с ним встретитесь.

Рендер немедленно начал размышлять. Он разговаривал с такими животными на недавней медицинской конференции и был поражен сочетанием их способности рассуждать с преданностью хозяевам. Перемешанные как попало хромосомы с последующей тонкой эмбриохирургией давали собаке мозг шимпанзе. Затем требовалось еще несколько операций для производства вокальных способностей. Большая часть таких экспериментов кончалась неудачей, а примерно дюжина годовалых щенков, у которых все прошло успешно, были оценены в сто тысяч долларов каждый. Тут он сообразил, что камень в броши мисс Шалотт — подлинный рубин. И он начал подозревать,что ее поступление в медицинскую школу базировалось не только на академических знаниях, но и на солидном доходе выбранного ею колледжа. Но, может это и не так, упрекнул он себя.

— Да,— сказал он,— вы могли бы сделать диссертацию на этих собаках и их неврозах. Этот сын овчарки-самки когда-нибудь упоминал о своем отце?

— Он никогда не видел своего отца,— спокойно ответила она.— Он вырос вдали от других собак. Его поведение вряд ли можно назвать типичным. Не думаю, что вы когда-нибудь изучали функциональную психологию собаки-мутанта.

— Вы правы,— согласился он.— Еще кофе?

— Нет, спасибо.

Решив, что пора продолжить беседу, он сказал:

— Итак, вы хотите стать Творцом...

— Да.

— Терпеть не могу разрушать чьи-то высокие стремления. Ненавижу. Если же они вовсе не имеют реальной основы, тогда я безжалостен. Таким образом — честно, откровенно и со всей искренностью — я не вижу, как это можно устроить. Быть может, вы и хоро-

ший психиатр, но, по моему мнению, для вас физически и умственно невозможно стать нейросоучастником. По моим понятиям...

— Подождите,— сказала она,— давайте не здесь. Я устала от этого душного помещения. Увезите меня куда-нибудь, где можно поговорить. Я думаю, что смогла бы убедить вас.

— Почему бы и не поехать? У меня уйма времени. Но, конечно, выбираете вы. Куда?

— «Слепой виток»?

Он подавил смешок при этом выражении, а она открыто засмеялась.

— Прекрасно,— сказал он,— но мне хочется пить.

Тут же на столе выросла бутылка шампанского в пестрой корзине с надписью «Пейте, пока едете в машине». Он подписал счет, несмотря на протесты мисс Шалотт, и они встали. Она была высокой, но он еще выше.

«Слепой виток»...

Одно название для множества мест, вокруг которых идет машина с автоуправлением. Пронестись по стране в надежных руках невидимого шофера, с затемненными окнами, в темной ночи, под высоким небом, летать, атакуя дорогу под похожими на четырех призраков жужжащими пилами, начать со стартовой черты, закончить в том же месте, так и не узнав, куда вы едете и где были — это, вероятно, возбуждает чувство индивидуальности в самом холодном черепе, дает познание себя через добродетель отстранения от всего, кроме чувства уважения, потому что движение сквозь тьму есть высшая абстракция самой жизни — по крайней мере, так сказал один из главных комедиантов, и все смеялись.

И в самом деле, феномен под названием «Слепой виток» первым стал превалирующим (как можно было предполагать) среди некоторых молодых членов общества, когда управляемые дороги лишили их возможности пользоваться своими автомобилями или какими-нибудь более индивидуалистическими способами, которые заставляли хмуриться начальство контроля нерационального движения. Надо было что-то делать.

И сделали.

Сначала гибельная реакция вызвала инженерный подвиг отключения радиоконтроля машины после того, как она вышла на управляемое шоссе. Это кончилось тем, что кар исчезал из поля зрения монитора и переходил обратно под управление пассажиров кара. Монитор, ревнивый, как бог, не мог терпеть отрицания запрограммированного всеведения и метал громы и молнии на контрольную станцию, ближайшую к точке последнего контакта, чтобы выслали крылатых серафимов на поиски ускользнувшей машины.

Но часто серафимы прибывали слишком поздно, потому что дороги имели хорошее покрытие и удрать от преследования было сравнительно нетрудно.

Зато другие машины вынужденно вели себя так, словно бунтарей вообще не существовало.

Запертый на медленно идущей секции шоссе, нарушитель подвергался немедленной аннигиляции в случае превышения скорости или сдвига с правильной схемы движения даже при теоретически свободном положении, потому что это вызывало частые аварии.

Позднее мониторные приборы стали более искушенными и механизировали обгон, уменьшив аварийные инциденты, следующие за таким действием. Но вмятины и ушибы оставались.

Следующая реакция была основана на очевидности. Мониторы пропускали людей туда, куда те желали, только потому, что люди говорили, куда они хотят ехать. Человек, наугад нажимающий кнопки координат, не сообразуясь с картой, либо оставался на стоянке, где вспыхивало табло: ПРОВЕРЬТЕ ВАШИ КООРДИНАТЫ, либо оказывался внезапно отогнанным в любом направлении. Позднее люди нашли некое романтическое очарование в том, что предлагала скорость, неожиданные зрелища и свободные руки. Таким образом, все узаконилось. Стало возможным проехать так по двум континентам, если достаточно денег и избыток выносливости.

Как и всегда в таких делах, практика распространялась вверх по возрастным группам. Школьные учителя, ездившие только по воскресеньям, пользовались дурной репутацией, как отстаивающие преимущества подержанных машин. Таков путь к концу мира, говорил комик.

Конец это или нет, но кар, предназначенный для движения по управляемым дорогам, был эффективной единицей движения, укомплектованной туалетом, шкафом, холодильным отделением и откидным столиком. В нем также можно было спать — двоим свободно, четверым — в некоторой тесноте. Случалось, впрочем, что и троим было тесно.

Рендер вывел машину из купола в крайнее крыло и остановился.

— Хотите ткнуть какие-нибудь координаты? — спросил он.

— Вы уж сами. Мои пальцы знают слишком много.

Рендер наобум нажал кнопки. Сциннер двинулся на скоростную дорогу. Рендер потребовал увеличить скорость, и машина вышла на линию высокого ускорения.

Фары Сциннера прожигали дыры в темноте. Город быстро уходил назад. По обеим сторонам дороги горели дымные костры, раздуваемые случайными порывами ветра, прячущиеся в белых клубах, затемняемые ровным падением серого пепла. Рендер знал, что его скорость составляет лишь 60% той, какая могла быть в ясную, сухую ночь.

Он не стал затемнять окна, а откинулся назад и смотрел в них. Эйлин «смотрела» перед собой. Десять-пятнадцать минут они ехали молча.

— Что вы видите снаружи? — спросила Эйлин.

— Почему вы не просили меня описать наш обед или рыцарские доспехи возле вашего столика?

— Потому что первый я ела, а второе ощущала. А тут совсем другое дело.

— Снаружи все еще идет снег. Уберите его — слева от вас чернота.

— А что еще?

— Слякоть на дороге. Когда она станет замерзать, движение замедлится до ползания, пока мы не минуем полосу снегопада. Слякоть похожа на старый черный сироп, начавший засахариваться.

— Больше ничего?

— Нет, леди.

— Снегопад сильнее, чем был, когда мы вышли из клуба?

— Сильнее, по-моему.

— У вас есть что-нибудь выпить?

— Конечно.

Они повернули сидения внутрь кара. Рендер поднял столик, достал из шкафчика два стакана и налил.

— Ваше здоровье.

— Оно зависит от вас.

Рендер опустил свой стакан и ждал следующего ее замечания. Он знал, что двое не могут играть в Сократа, и рассчитывал, что будут еще вопросы, прежде чем она скажет то, что хотела сказать.

— Что самое интересное из того, что вы видели? — спросила она.

«Да, — подумал он, — я правильно угадал». И вслух сказал:

— Погружение Атлантиды.

— Я серьезно.

— И я тоже.

— Вы стараетесь усложнять?

— Я лично утопил Атлантиду. Это было года три назад. О, боже, как она была красива! Башни из слоновой кости, золотые минареты, серебряные балконы, опаловые мосты, малиновые знамена, молочно-белая река между лимонно-желтыми берегами. Там были янтарные шпили, старые, как мир, деревья, задевающие брюха облаков, корабли в громадной гавани Ксанаду, сконструированные так изящно, как музыкальные инструменты. Двенадцать принцев королевства собрались в двенадцатиколонном Колизее Зодиака, чтобы слушать играющего на закате грека тенор-саксофониста. Грек, конечно, был моим пациентом-параноиком. Этиология дела довольно сложная, но именно это я ввел в его мозг. Я дал ему на некоторое время свободное правление, а затем расщепил Атлантиду пополам и погрузил всю на пять фантомов. Он снова заиграл, и вы, без сомнения, слушали бы его, если вообще любите такие звуки. Он здоров. Я периодически вижу его, но он уже больше не последний потомок величайшего менестреля Атлантиды. Он просто хороший саксофонист конца XX столетия.

Но иногда, оглядываясь назад, на тот апокалипсис, который я сработал в его видении величия, я испытываю чувство потери красоты — потому что на один момент его ненормальная интенсивность чувств была моей, а он чувствовал, что его сон был самой прекрасной вещью в мире.

Он вновь наполнил стаканы.

— Это не совсем то, что я имела в виду, — сказала она.

— Я знаю.

— Я имела в виду нечто реальное.

— Это было более реально, чем сама реальность, уверяю вас.

— Я не сомневаюсь, но...

— Но я разрушил основание, которое вы положили для вашего аргумента. О'кей, я прошу прощения. Беру свои слова назад. Есть кое-что, что могло бы стать реальным.

Мы идем по краю большой чаши из песка. В нее падал снег. Весной он растает, вода впитается в землю или испарится от солнечного жара. И останется только песок. В песке ничего не вырастет, разве что случайный кактус. В песке никто не живет, кроме змей, немногих птиц, насекомых и пары бродячих койотов. В послеполуденные часы все эти существа будут искать тени. В любом месте, где есть старая изгородь, камень, череп или кактус, могущие укрыть от солнца, вы увидите жизнь, съежившуюся от страха перед стихиями. Но цвета невероятны, и стихии более красивы, чем существа, которые они уничтожают.

— Поблизости такого места нет,— сказала она.

— Если я говорю, значит, есть. Я видел его.

— Да... вы правы.

— И не имеет значения, лежит ли это прямо за нашим окном или нарисовано женщиной по имени О'Киф, если я это видел?

— Подтверждаю истинность диагноза,— сказала Эйлин.— Вы хотите говорить со мной о нем?

— Нет, пойдем дальше.— Он снова наполнил стаканчики.

— У меня ущербны глаза, а не мозг,— сказала она.

Он зажег ей сигарету и закурил сам.

— Я увижу чужими глазами, если войду в чужой мозг?

— Нейросоучастие основано на факте, что две нервные системы могут разделить тот же импульс, те же фантазии... контролируемые фантазии.

— Я могла бы производить терапию и в то же время испытывать подлинные визуальные впечатления.

— Нет,— сказал Рендер.— Вы не знаете, что значит быть отрезанным от всей области раздражителя! Знать, что монголоидный идиот может испытывать нечто такое, чего вы никогда не узнаете, и что он не может оценить это, поскольку он, как и вы, еще до рождения, осужден судом биологической случайности — это не правосудие, а чистый случай. Вселенная не изобретает справедливость. Человек — да. Но, к несчастью, человек должен жить во вселенной.

— Я не прошу вселенную помочь мне, я прошу *вас*.

— Мне очень жаль.

— Почему вы не хотите помочь мне?

— Сейчас вы демонстрируете мою главную причину.

— А именно?

— Эмоции. Это дело очень много значит для вас. Когда врач в фазе с пациентом, он нарко-электрически отгоняет большую часть собственных телесных ощущений. Это необходимо, потому что его мозг должен полностью погрузиться в данную задачу. Необходимо

также, чтобы его эмоции подвергались такой же временной отставке. Полностью убить их, конечно, невозможно. Но эмоции врача возгоняются в общее ощущение хорошего настроения или, как у меня, в артистическую мечтательность. А у вас будет слишком много «видения». И вы будете подвергаться постоянной опасности утратить контроль над сном.

— Я с вами не согласна.

— Ясное дело, не согласны. Но факт, что вы постоянно будете иметь дело с ненормальностью. О силе первого не имеет понятия девяносто девять, запятая и так далее процентов населения, потому что мы не можем адекватно судить об интенсивности собственного невроза — мы отличаем один от другого, только когда смотрим со стороны. Вот почему не-нейросоучастник никогда не возьмется лечить полного психа. Немногие пионеры в этой области сегодня сами все на излечении.

Пять лет назад у меня была клаустрофобия. Потребовалось шесть месяцев, чтобы победить эту штуку — и все из-за крошечной ошибки, случившейся в неизмеримую долю секунды. Я передал пациента другому врачу. И это только минимальное последствие. Если вы сглупите в сценарии, девочка, то на всю жизнь попадете в лечебницу.

Наступила ночь. Город остался далеко позади, дорога была открытая, чистая. Между падающими хлопьями все больше сгущалась тьма. Сциннер набирал скорость.

— Ладно,— согласилась она,— может, вы и правы. Но я все-таки думаю, что вы можете мне помочь.

— Как?

— Приучите меня видеть, тогда образы потеряют свою новизну, эмоции спадут. Возьмите меня в пациенты и избавьте меня от моего страстного желания видеть. Тогда то, о чем вы говорили, не произойдет. Тогда я смогу заняться тренировкой и все внимание отдам терапии. Я смогу возместить зрительное удовольствие чем-то другим.

Рендер задумался. Наверное, можно, но трудно. И это могло войти в историю терапии. Никто не был настолько квалифицирован, чтобы взяться за такое дело, потому что никто никогда не пытался.

Но Эйлин Шалотт тоже была редкостью — нет, уникумом, поскольку она, вероятно, была единственной в мире, соединившей необходимую техническую подготовку с уникальной проблемой.

Он допил свой стаканчик и вновь налил себе и ей.

Он все еще обдумывал эту проблему, когда вспыхнули буквы: ПЕРЕКООРДИНИРОВАТЬ? Кар вышел на обходную дорогу и остановился. Рендер выключил зуммер и надолго задумался.

Мало кто слышал, чтобы он хвастался своим умением. Коллеги считали его скромным, хотя бесцеремонно отмечали, что в тот день, когда лучший нейросоучастник начал практиковать, стал днем, когда большого гомо сапиенса стал лечить некто неизмеримо меньший, чем ангел.

Оба стакана остались нетронутыми. Рендер швырнул пустую бутылку в задний бункер.

— Вы знаете? — спросил он наконец.

— Что?

— Пожалуй, стоит попробовать.

Он наклонился, чтобы дать новые координаты, но она уже сделала это. Когда он нажал кнопки и машина повернулась, Эйлин поцеловала Рендера. Ниже очков щеки ее были влажными.

Глава 2

Самоубийство расстроило его больше, чем следовало бы, и миссис Ламберг позвонила накануне и отменила встречу, так что Рендер решил потратить утро на размышления. Он вошел в оффис хмурый, жуя сигарету.

— Вы видели?.. — спросила мисс Хиджс.

— Да. — Он бросил пальто на стол в дальнем углу комнаты, подошел к окну и уставился в него. — Да, — повторил он. — Я ехал мимо с прозрачными стеклами.

— Вы его знали?

— Я даже не знаю его имени. Откуда мне знать?

— Мне только что звонила Прайс Толли, секретарша в инженерной компании на 86-м. Она сказала, что это был Джеймс Иризари, дизайнер, оффис которого дальше по коридору. Далеко видать! Он, наверное, был уже без сознания, когда ударился? Его отнесло от здания. Если вы откроете окно и выглянете, то увидите — слева...

— Неважно, Бинни. Ваша приятельница имеет какое-нибудь представление, почему он сделал это?

— Нет, вообще-то. Его секретарша выскочила из комнаты с воплем. Похоже, она вошла в его кабинет насчет какого-то чертежа как раз тогда, когда он перемахнул через подоконник. На столе лежала записка: «У меня было все, чего я хотел. Чего ждать?» Занятно, а? Я не хочу сказать — смешно...

— Угу. Что-нибудь известно о его личных делах?

— Женат. Пара детишек. Хорошая профессиональная репутация. Куча работы. Разумный, как всякий другой. Он мог позволить себе иметь оффис в этом здании.

— О, господи! И вы узнали все это здесь или в другом месте?

— Видите ли, — она пожала пухлыми плечами, — у меня в этом улье повсюду друзья. Мы всегда болтаем, когда нечего делать. А Прайс к тому же моя золовка...

— Вы хотите сказать, что если я нырну в это окно, то моя биография через пять минут пойдет по кругу?

— Вероятно. — Она скривила свои яркие губы в улыбке. — Отдаешь и получаешь взаимно. Но ведь вы сегодня этого не сделаете, а? Знаете, это будет повторение, произойдет нечто вроде спада интереса и это не получит такой огласки, как в единичном случае.

— Вы забываете о статистике, — заметил Рендер. — В медицин-

ской профессии, как и в юридической, такое случается примерно втрое чаще, чем в других областях работы.

— Ну да! — Она, похоже, расстроилась.— Уходите от моего окна! Иначе я перейду работать к д-ру Хансену. Он растяпа.

Рендер подошел к ее столу.

— Я никогда не знаю, когда вас принимать всерьез,— сказала она.

— Я ценю ваши заботы. В самом деле ценю. Дело в том, что я никогда не был склонен к статистике — наверное, за четыре года нервная игра должна была сказаться.

— Хотя нет, о вас писали бы все газеты,— задумалась она.— Все репортеры спрашивали бы меня о вас... Слушайте, зачем это делают?

— Кто?

— Кто угодно.

— Откуда я знаю, Винни? Я всего лишь скромный возбудитель души. Если бы я мог точно указать общую подспудную причину и вычислить способ предупреждения таких вещей — это было бы куда лучше моих бросков к новым границам. Но я не могу сделать это по одной причине: не могу придумать.

— Ох!

— Примерно тридцать пять лет назад самоубийство в США считалось девятой причиной смерти. Теперь она шестая для Северной и Южной Америки. В Европе — седьмая, я думаю.

— И никто так и не узнает, почему Иризари выкинулся?

Рендер отставил стул, сел и стряхнул пепел в ее маленький сверкающий подносик. Она тут же опорожнила его в корзинку для бумаг и многозначительно кашлянула.

— О, всегда можно поразмышлять,— сказал он,— и человеку моей профессии необходимо подумать. Во-первых, посмотреть, не было ли личных черт, предрасполагающих к периодам депрессии. Люди, держащие свои эмоции под жестким контролем, люди, добросовестно и, может быть, с некоторым предубеждением занимающиеся мелкими делами...— Он снова скинул пепел в ее подносик и следил, как она было потянулась вытряхнуть его, но затем быстро отдернула руку. Он осклабился в злой усмешке.— Короче говоря, нечто типичное для людей тех профессий, которые требуют скорее индивидуального, чем группового действия — медицина, закон, искусство.

Она задумчиво смотрела на него.

— Не беспокойтесь,— хохотнул он,— я чертовски радуюсь жизни.

— Но сегодня вы несколько унылы.

— Пит звонил. Он сломал лодыжку на уроке гимнастики. Они должны были бы внимательнее следить за такими вещами. Я думаю перевести его в другую школу.

— Опять?

— Может быть. Посмотрим. Директор хотел позвонить мне вечером. Мне вовсе не нравится перемещать мальчика, но я хочу, чтобы он окончил школу целым и невредимым.

— Мальчики не вырастают без одного-двух несчастных случаев. Такова статистика.

— Статистика не судьба, Винни. Каждый делает свою.

— Статистику или судьбу?

— И то, и другое, я думаю.

— Я думаю, что если что-то должно случиться, то оно случится.

— А я нет. Я думаю, что человеческая воля при поддержке здравого смысла в какой-то мере управляет событиями. Если бы я так не думал, я не занимался бы своим делом.

— В машинном мире вы знаете причину и эффект. Статистика — это проверка.

— Человеческий мозг не машина, и я не знаю причины и эффекта. И никто не знает.

— У вас знание химика. Вы ученый, док.

— Так что я троцкистский уклонист,— улыбнулся он,— а вы когда-то были преподавательницей балета.— Он встал и взял свое пальто.

— Кстати, мисс де Вилл звонила. Просила передать: «Как насчет Сент-Морица?»

— Слишком ритуально,— сказал он.— Лучше Давос.

Самоубийство расстроило Рендера больше, чем следовало бы, поэтому он закрыл дверь своего кабинета, закрыл окна, включил фонограф и только одну настольную лампу.

«Как изменилось качество человеческой жизни,— записал он,— после промышленной революции?»

Он перечитал фразу. С этой темой его просили выступить в субботу. Как обычно в таких случаях, он не знал, что говорить, потому что сказать он мог многое, а ему давали только час.

Он встал и начал ходить по кабинету, наполненному теперь звуками Восьмой симфонии Бетховена.

— Сила вреда,— сказал он, щелкнув по микрофону и включив записывающий аппарат,— развивалась в прямой связи с технологическим прогрессом.— Его воображаемая аудитория притихла. Рендер улыбнулся.— Человеческий потенциал для разработки простого вреда умножился масс-продукцией. Его способность вредить психике через личные контакты распространилась в точной пропорции с усилением легкости общения. Но все это — предметы общего знания, а не то, что я хочу рассмотреть сегодня. Я хотел бы поговорить о том, что я называю аутопсихомимикрией — самогенерирующиеся комплексы тревоги, которые на первый взгляд кажутся подобными классическими образцами, но в действительности представляют радикальный расход психической энергии. Они характерны для нашего времени...— Он сделал паузу, чтобы положить сигарету и сформулировать следующую фразу.— Аутопсихомимикрия — самопродолжающийся комплекс имитации — почти всегда — дело, привлекающее внимание. Например, джазист полжизни действовал в возбуждении, хотя никогда не пользовался сильными наркотиками и с трудом вспоминает тех, кто пользовался — потому что сегодня все стимуляторы-транквилизаторы очень сла-

бые. Как Дон Кихот, он шел за легендой, и одной его музыки было бы достаточно, чтобы снять его напряжение.

Или мой корейский военный сирота, который жив и сейчас благодаря Красному Кресту, ЮНИСЕФ и приемным родителям, которых никогда не было. Он так отчаянно хотел иметь семью, что выдумал ее. И что дальше? Он ненавидел воображаемого отца и нежно любил воображаемую мать, потому что был высокоинтеллигентным парнем и слишком сильно стремился к полуистинным традиционным комплексам. Почему?

Сегодня каждый достаточно искушен, чтобы понимать освещенные веками образцы психического расстройства. Сегодня многие причины этих расстройств устранены — не радикально, как у моего теперь взрослого сироты, но с заметным эффектом. Мы живем в невротическом прошлом. Почему? Потому что наше настоящее направлено на физическое здоровье, безопасность и благополучие. Мы уничтожили голод, хотя сирота в глуши охотнее примет пачку пищевых концентратов от людей, которые о нем заботятся, чем горячую еду из автоматического устройства.

Физическое благополучие является теперь правом каждого человека. Реакция на это встречается в области ментального здоровья. Благодаря технологии причины многих прежних социальных проблем исчезли, а с ними ушли многие причины психических бедствий. Но между черным вчера и белым завтра огромное серое сегодня, полное ностальгии и страха перед будущим, что не выражается в чисто материальном плане, а представлено упрямыми поисками исторических моделей тревоги.

Коротко прожужжал телефон. Рендер не услышал его за Восьмой.

— Мы боимся того, чего не знаем,— продолжал он,— а завтрашний день был полностью неизвестен. Область моей специализации в психиатрии тридцать лет назад еще не существовала. Наука способна так быстро развиваться, что становится подлинным неудобством, я бы даже сказал, бедствием для общества, и логическое следствие — полная механизация всего в мире...

Он проходил мимо стола, когда телефон зажужжал вновь. Рендер выключил микрофон и приглушил Восьмую.

— Алло!

— Сент-Мориц.

— Давос.

— Чарли, ты страшно упрям!

— Как и ты, дорогая Джил.

— Мы так и будем спорить об этом?

— Не о чем спорить.

— Ты заедешь за мной в пять?

Он поколебался.

— Ладно, в пять.

— Я сделала прическу. Хочу снова удивить тебя.

Подавив смешок, он сказал:

— Надеюсь, приятно? О'кей, до встречи.— Он подождал ее «до свидания» и выключил связь.

Рендер сделал окна прозрачными, выключил свет на столе и посмотрел на улицу.

Небо серое, медленно падают хлопья снега, спускаются вниз и теряются в беспорядке...

Открыв окно и высунувшись, он увидел место, где Иризари оставил на земле свою последнюю отметку.

Он закрыл окно и дослушал симфонию. Прошла неделя с тех пор, как он сделал «слепой виток» с Эйлин. Встреча назначена через час.

Он вспомнил, как пальцы Эйлин прошлись по его лицу, легко, как листья, изучая его внешность по древнему методу слепых. Воспоминание было не очень приятным — непонятно почему.

Далеко внизу пятно вымытой мостовой было пустым. Под тонким налетом белизны оно было скользким, как стекло. Сторож при здании поспешно вышел и набросал на пятно соли, чтобы кто-нибудь не поскользнулся и не покалечился.

Зигмунд был ожившим мифом Фенриса. После того, как Рендер велел мисс Хиджс впустить их, дверь стала открываться, потом вдруг распахнулась, и пара дымчато-желтых глаз уставилась на Рендера. Глаза сидели в странно-уродливой собачьей голове.

У Зигмунда не было низкого собачьего лба, идущего слегка покато от морды; у него был высокий грубый череп, отчего глаза казались посаженными даже глубже, чем сидели на самом деле. Рендер слегка вздрогнул от вида и размера этой головы. Все мутанты, которых он видел, были щенятами, а Зигмунд был вполне взрослым, и его серо-черная шерсть имела тенденцию вставать дыбом, и из-за этого он казался больше, чем нормальный образец породы.

Он посмотрел на Рендера совсем не по-собачьи и проворчал нечто очень похожее на «привет, доктор».

Рендер кивнул и встал.

— Привет, Зигмунд, входи.

Собака повернула голову, понюхала воздух в комнате, как бы решая, вверить или нет свою опекаемую этому пространству. Затем он утвердительно наклонил голову и прошел в открытую дверь. Все его раздумье длилось не больше секунды.

Следом за ним вошла Эйлин, легко держа двойной поводок. Собака бесшумно шла по толстому ковру, опустив голову, словно подкрадываясь к чему-то. Ее глаза не покидали Рендера.

— Значит, это и есть Зигмунд? Ну, как вы, Эйлин?

— Прекрасно... Да, я страшно хотела прийти и встретиться с вами.

Рендер подвел ее к креслу и усадил. Она отстегнула двойной карабин от собачьего ошейника и положила поводок на пол. Зигмунд сел рядом, продолжая внимательно глядеть на Рендера.

— Как дела в Стейт Псик?

— Как всегда. Могу я попросить сигарету, доктор. Я забыла свои.

Он вложил сигарету ей в пальцы, поднес огонь. На Эйлин был темно-синий костюм, стекла очков тоже отливали синим. Серебряное пятно на лбу отражало свет лампы. Она продолжала «смотреть» в одну точку, когда он убрал руку; ее волосы длиною до плеч казались немного светлее, чем в тот вечер; сегодня они были похожи на новенькую медную монету.

Рендер присел на угол стола.

— Вы говорили мне, что быть слепой еще не значит ничего не видеть. Тогда я не просил вас объяснить это. Но сейчас я хотел бы попросить.

— У меня был сеанс нейросоучастия с д-ром Вискомбом до того, как с ним произошел несчастный случай. Он хотел приспособить мой мозг к зрительным впечатлениям. К несчастью, второго сеанса не произошло.

— Понятно. Что вы делали в тот сеанс?

Она скрестила ноги, и Рендер заметил, что они красивой формы.

— Главным образом, цвета. Опыт был совершенно потрясающий.

— Хорошо ли вы их помните? Когда это было?

— Около шести месяцев назад... и я никогда не забуду их. С тех пор я даже думаю цветными узорами.

— Часто?

— Несколько раз в неделю.

— Какого рода ассоциации их приносят?

— Никакие специально. Просто они входят в мой мозг вместе с другими стимуляторами — в случайном порядке.

— Например?

— Ну, вот сейчас, когда вы задали мне вопрос, я увидела его желтовато-оранжевым. Ваше приветствие было серебряным. А сейчас, когда вы просто сидите, слушаете меня и ничего не говорите, я ассоциирую вас с глубоко синим, даже фиолетовым.

Зигмунд перевел взгляд на стол и уставился на боковую панель.

«Слышит ли он, как крутится рекордер»,— думал Рендер. Если да, то знает ли, что это такое и для чего служит? Если так, собака, без сомнения, скажет Эйлин — хотя та и сама знает об этой общепринятой практике, но ей может не понравиться то, что Рендер рассматривает ее случай как лечение, а не как механический адаптационный процесс. Он поговорил бы с собакой частным образом насчет этого, если бы думал, что это что-то даст. Рендер внутренне улыбнулся и пожал плечами.

— Тогда я сконструирую элементарный фантастический мир,— сказал он наконец,— и введу вам сегодня кое-какие базисные формы.

Она улыбнулась. Рендер посмотрел вниз, на миф, скорчившийся рядом с ней и вывесивший язык через частокол зубов. «Он тоже улыбается?» — подумал Рендер.

— Спасибо,— сказала она.

Зигмунд постучал хвостом.

— Вот и хорошо,— Рендер положил сигарету.— Сейчас я достану «яйцо» и проверю его. А в это время,— он нажал незаметную кнопку,— немного музыки может подействовать расслабляюще.

Она хотела ответить, но увертюра Вагнера смахнула слова. Рендер вновь нажал кнопку. В тишине он сказал:

— Ох-ох. Я думал, следующий Распай.— И он коснулся кнопки еще раз.

— Вы могли бы оставить Вагнера,— заметила она.— Я люблю его.

— Не стоит,— сказал он, открывая шкаф,— я бы воздержался от этой кучи лейтмотивов.

В кабинет вкатилось громадное яйцо, катилось оно бесшумно, как облако. Когда Рендер подтянул его к столу, он услышал тихое ворчание и быстро обернулся. Зигмунд, как тень, метнулся к его ногам и уже кружил вокруг машины, обнюхивая ее, напружинив хвост и оскалив зубы.

— Полегче, Зиг,— сказал Рендер.— Эта машина не кусается и ничего плохого не делает. Это просто машина как, скажем, кар, телевизор или посудомойка. Мы ею воспользуемся сегодня, чтобы показать Эйлин, как выглядят некоторые вещи.

— Не нравится,— громко сказала собака.

— Почему?

— Нет слов. Пойдем домой?

— Нет,— ответила она,— ты свернешься в углу и вздремнешь, а я в машине тоже вздремну... или вроде этого.

— Нехорошо,— сказала собака, опуская хвост.

— Иди,— она погладила пса,— ляг и веди себя как следует.

Зигмунд пошел, но заскулил, когда Рендер затемнил окна и коснулся кнопки, трансформирующей его стол в сидение оператора.

Он заскулил еще раз, когда яйцо, включенное теперь в розетку, раскололось в середине, и верх отошел, показывая внутренность яйца.

Рендер сел. Его сидение начало принимать контуры ло́жа и наполовину вдвинулось в консоль. Рендер сел прямо — ложе двинулось обратно, и снова половина потолка отошла, изменила форму и повисла в виде громадного колокола. Рендер встал и обошел яйцо. Распай говорил о соснах и тому подобном, а Рендер достал из-под яйца наушники. Закрыв одно ухо и прижав микрофон к другому, он свободной рукой играл кнопками. Шорох прибоя утопил поэму: мили дорожного движения перекрыли ее; обратная связь сказала: «...сейчас, когда вы просто сидите и слушаете меня и ничего не говорите, я ассоциирую вас с глубоким синим, почти с фиолетовым».

Он включил маску и проверил: раз — корица, два — сгнивший лист, три — сильный мускусный запах змей... и вниз через третий, и вкус меда, уксуса, соли, и вверх через лилии и мокрый бетон, и предгрозовой запах озона, и все основные обонятельные и вкусовые сигналы для утра, дня и вечера.

Ложе, как полагалось, плавало в ртутном бассейне, стабилизированное магнитами стенок яйца. Рендер поставил ленты.

— О'кей,— сказал Рендер, поворачиваясь.— Все проверено.

Эйлин как раз клала очки поверх своей сложенной одежды. Она разделась, пока Рендер проверял машину. Его взволновали ее тонкая талия, большие груди с темными сосками, длинные ноги. Она отлично сложена для женщины ее роста, подумал он. Но, глядя на нее, Рендер понимал, что главное препятствие, конечно, в том, что она его пациентка.

— Готова,— сказала она.

Он подвел ее к машине. Ее пальцы ощупали внутренность яйца. Когда он помогал Эйлин войти в аппарат, он увидел, что ее глаза были яркого цвета морской волны. И этого он тоже не одобрил.

— Удобно?

— Да.

— О'кей, устраивайтесь. Сейчас я закрою. Приятного сна.

Верхняя часть яйца медленно опустилась. Оно стало непрозрачным, затем ослепительно блестящим. Рендер был смущен своими испорченными рефлексами. Он двинулся обратно к столу.

Зигмунд стоял, прижавшись к столу. Рендер потянулся погладить его, но пес отдернул голову.

— Возьми меня с собой,— проворчал он.

— Боюсь, что этого сделать нельзя, дружище,— сказал Рендер.— К тому же мы, в сущности, никуда не уходим. Мы подремлем прямо здесь, в этой комнате.

Собака, похоже, не успокоилась.

— Зачем?

Рендер вздохнул. Спор с собакой был, пожалуй, самой нелепой вещью, какую он мог представить в трезвом виде.

— Зиг,— сказал он,— я пытаюсь помочь ей узнать, на что похожи разные вещи. Твоя работа, бесспорно, прекрасна — водить ее в этом мире, которого она не видит, но ей нужно знать, как он выглядит, и я собираюсь показать ей.

— Тогда я ей не буду нужен.

— Будешь.— Рендер чуть не засмеялся. Патетичность собаки была такой почти абсурдной, что Рендер не мог не помочь.— Я не могу исправить ее зрение,— объяснил он.— Я просто собираюсь передать ей некоторое абстрактное видение — ну, вроде дать ей на некоторое время взаймы свои глаза. Усек?

— Нет,— сказал пес.— Возьми мои.

Рендер выключил музыку и показал на дальний угол.

— Ляг там, как велела Эйлин. Это не очень долго, и когда все кончится, ты по-прежнему будешь водить ее. Идет?

Зигмунд не ответил, повернулся и пошел в угол, опустив хвост.

Рендер сел и спустил купол — операторский вариант яйца. Перед ним было девяносто белых кнопок и две красные. Мир кончался в темноте под консолью. Он ослабил узел галстука и расстегнул воротник. Рендер достал шлем из гнезда и проверил его. Затем надел на нижнюю часть лица полумаску и опустил на нее забрало шлема. Его правая рука была на перевязи. Постукивающим жестом он включил сознание пациентки.

Творец не нажимает сознательно на белые кнопки. Он внушает условия. Тогда глубоко имплантированные мышечные рефлексы выполняют почти незаметное давление на чувствительную перевязь; та скользит в нужное положение и заставляет вытянутый палец двинуться вперед. Кнопка нажата. Перевязь движется обратно.

Рендер чувствовал покалывание в основании черепа. Пахло свежескошенной травой.

Он вдруг поднялся в громадный серый проход между мирами...

Через какое-то, показавшееся долгим, время Рендер почувствовал, что стоит на странной Земле. Он ничего не видел, только ощущение присутствия информировало его о том, что он прибыл. Такого полного мрака он еще ни разу не видел.

Он пожелал, чтобы мрак рассеялся. Ничего не произошло.

Часть его мозга вновь проснулась, а часть, которую он не реализовал, спала: он вспомнил, в чей мир он вошел. Он прислушался к Эйлин. Услышал страх и ожидание. Он пожелал цвет. Сначала красный.

Рендер почувствовал соответствие. Значит, это было.

Все стало красным. Он находился в центре бесконечного рубина.

Оранжевый, желтый...

Он оказался в куске янтаря.

Теперь зеленый, и он добавил к нему соленые испарения моря. Синий — и вечерняя прохлада.

Он напряг мозг и произвел все цвета сразу. Они закружились громадными перьями.

Затем он разорвал их и заставил принять форму. Раскаленная радуга выгнулась через темное небо.

Под собой он обнаружил коричневый и серый цвета. Они появились полупрозрачными, мерцающими, исчезающими пятнами.

Где-то ощущение страха, но не было и следа истерии, поэтому он продолжал творить.

Рендер создал горизонт, и мрак ушел за него. Небо чуть заголубело, и он пустил в него стадо темных облаков. Его усилия создать расстояние и глубину натолкнулись на сопротивление, поэтому он подкрепил картину очень слабым звуком прибоя. Когда он расшвырял облака, от аудитории медленно пришла концепция расстояния, и он быстро воздвиг высокий лес, чтобы подавить поднимающуюся волну акрофобии.

Паника исчезла.

Рендер сфокусировал свое внимание на высоких деревьях — дубах, соснах, секвойях. Он раскидал их вокруг как копья, в рваных зеленых, коричневых и желтых нарядах, раскатал толстый ковер влажной от утренней росы травы, разбросал с неравными интервалами серые булыжники и зеленоватые бревна, перепутал и сплел ветки над головой. Бросил однообразные тени через узкую долину.

Эффект был потрясающим. Казалось, весь мир вздрогнул с рыданием, а затем стих.

Сквозь тишину он чувствовал ее присутствие. Он решил, что лучше будет быстро закончить с фоном и создать осязаемые центры,

подготовить поле действий. Позднее он может изменить, исправить и улучшить результаты травмы в последующих сеансах, но для начала многое было необходимо.

С самого начала он понял, что тишина — это не отстраненность Эйлин: она приблизила себя к деревьям, траве, кустам и камням, олицетворила себя в их формах, связалась с их ощущениями, звуками, ароматами...

Легким ветерком он пошевелил ветви деревьев. За пределами видимости создал плещущие звуки ручья.

Пришло ощущение радости. Он разделил его.

Она переносила все исключительно хорошо, и он решил расширить опыт. Он пустил свой мозг блуждать среди деревьев. И вот он рядом с ручьем и ищет Эйлин.

Он плыл по воде. Он еще не обрел формы. Плеск превратился в журчание, когда он толкнул ручей на глубокое место над камнями. По его настоянию вода стала выговаривать слова.

— Где вы? — спросил ручей.

— Здесь! Здесь! Здесь!

— И здесь! — повторили деревья, кусты, камни, трава.

— Выбирайте одно,— сказал ручей, расширился, обогнул скалу и стал спускаться по склону к голубому бассейну.

— Не могу,— ответил ветер.

— Вы должны.— Ручей влился в бассейн, покружился на поверхности, затем успокоился.— Скорее!

— Прекрасно,— отозвалось дерево.— Минутку.

Розовый туман поднялся над озером и потянулся к берегу.

— Давайте,— зазвенел он.

— Сюда...

Она выбрала маленькую иву. Ива качалась на ветру и тянула ветви к воде.

— Эйлин Шалотт,— сказал Рендер,— всмотритесь в озеро.

Ветер усилился, ива наклонилась.

Рендеру было нетрудно вспомнить ее лицо, ее тело. Дерево крутилось, как будто не имело корней. Эйлин стояла в тумане взрыва листьев и со страхом смотрела в глубокое голубое зеркало мозга Рендера, в озеро. Она закрыла лицо руками, но все-таки смотрела.

— Смотрите на себя,— сказал Рендер.

Она опустила руки и посмотрела вниз, а затем стала медленно поворачиваться, изучая себя со всех сторон.

— Я чувствую, что выгляжу вполне приятно,— сказала она наконец.— Я чувствую это, потому что вы так хотите, или это так и есть?— Она все время оглядывалась вокруг, ища Творца.

— Это так и есть,— сказал Рендер отовсюду.

— Спасибо.

Взметнулся белый цвет, и Эйлин оказалась одетой в узорчатое шелковое платье. Далекий свет стал чуть ярче. Нижний слой облаков окрасился нежно-розовым.

— Что там происходит?— спросила Эйлин, глядя туда.

— Хочу показать вам солнечный восход,— ответил Рендер,— но

я, вероятно, чуточку испорчу его, потому что это мой первый профессиональный солнечный восход для таких обстоятельств.

— Где вы?

— Везде.

— Пожалуйста, примите форму, чтобы я могла видеть вас.

— Идет.

— Вашу естественную форму.

Он пожелал оказаться рядом с ней на берегу — и оказался.

Испуганный визгом металла, он оглядел себя. Мир на миг исчез, но тут же стабилизировался. Рендер засмеялся, но смех замер, когда он подумал кое о чем.

На нем были доспехи, стоявшие рядом со столиком в «Куропатке и скальпеле» в вечер его встречи с Эйлин.

Она потянулась и потрогала его костюм.

— Броня возле нашего стола,— узнала она, пробежав пальцами по пластинам и застежкам.— Я ассоциировала его с вами в тот вечер.

— ...и немедленно сунули меня в него,— прокомментировал Рендер.— Вы волевая женщина.

Броня исчезла. Рендер был в своем светло-коричневом костюме, в свободно завязанном галстуке цвета свернувшейся крови и с профессиональным выражением лица.

— Смотрите, какой я на самом деле,— он слегка улыбнулся.— Ну, вот и восход. Я хотел использовать все цвета. Следите.

Они сели на зеленую парковую скамейку, появившуюся позади них, и Рендер указал направление.

Солнце медленно проводило свои утренние процедуры. Впервые в этом частном мире оно выплыло снизу, как божество, отразилось в озере, разбило облака, и ландшафт задымился под туманом, поднимающимся от влажного леса.

Пристально, напряженно вглядываясь в поднимающееся светило, Эйлин долгое время сидела неподвижно и молча. Рендер чувствовал, что она очарована.

Она смотрела на источник всего света; он отразился в сияющей монете на ее лбу как капли крови.

Рендер сказал:

— Вот солнце, а вот облака,— он хлопнул в ладоши, и облака закрыли солнце, и прокатился тихий рокот.— А это гром,— закончил он.

Пошел дождь, разбивая озеро и щекоча их лица. Он резко стучал по листьям и с мягким звуком капал с ветвей вниз. Он мочил одежду и приглаживал волосы, слепил глаза и превращал землю в грязь.

Вспышка молнии покрыла землю и небо, гром прогремел еще и еще раз.

— А это летняя гроза,— говорил Рендер.— Вы видите, как дождь воздействует на растительность и на лес.

— Слишком сильно,— сказала она.— Уберите его, пожалуйста.

Дождь тут же прекратился, солнце пробило тучи.

— Мне чертовски хочется покурить,— сказала Эйлин,— но я оставила сигареты в другом мире.

В ее пальцах тут же появилась уже зажженная сигарета.

— У нее, наверное, слабый вкус,— странным тоном сказал Рендер, внимательно посмотрел на Эйлин и добавил: — Я не давал вам эту сигарету, вы сами взяли ее из моего мозга.

Дым спирально пошел вверх и исчез.

— ...Это означает, что я сегодня второй раз недооценил притяжения этого вакуума в вашем мозгу — того места, где должно быть зрение. Вы исключительно быстро ассимилировались с новыми впечатлениями. Вы даже собираетесь продлить ощупывание их. Будьте осторожны. Сдержите этот импульс.

— Это как голод,— сказала она.

— Наверное, нам лучше сейчас закончить сеанс.

Одежда их высохла. Запели птицы.

— Нет, подождите! Прошу вас! Я буду осторожна. Я хочу увидеть многое.

— Будет следующий визит,— сказал Рендер,— но я полагаю, что кое-что можно устроить и сейчас. Есть что-нибудь, что вы особенно хотели увидеть?

— Да. Зиму, снег.

— О'кей.— Творец улыбнулся.— Тогда закутайтесь в этот мех...

После ухода пациентки день прошел быстро. Рендер был в хорошем настроении. Он чувствовал себя опустошенным и вновь наполненным. Он провел первое испытание без страданий и каких-либо последствий. Удовлетворение было сильнее страха. И он с удовольствием вернулся к работе над своей речью.

— ...И что есть сила вреда? — вопросил он в микрофон и тут же ответил: — Мы живем радостью и болью. Можем огорчаться, можем бодриться, но хотя радость и боль коренятся в биологии, они обуславливаются обществом. И они имеют цену.

Огромные массы человечества, лихорадочно меняющие положение в пространстве через города планеты, приходят к необходимости существования ряда полностью нечеловеческого контроля над их передвижениями. Каждый день этот контроль прокладывает себе путь в новые области — водит наши кары, наши самолеты, интервьюирует нас, диагностирует наши болезни, и я не рискую морально осуждать это вторжение. Этот контроль становится необходимым. В конце концов он может оказаться целительным.

Однако я хочу указать, что мы часто не знаем наших собственных ценностей. Мы не можем честно сказать, что означает для нас та или иная вещь, пока мы не удалим ее из наших жизненных условий. Если ценный предмет перестает существовать, психическая энергия, связанная с ним, высвобождается. Мы ищем новые ценности, в которые вкладываем эту энергию — сверхъестественные силы, если угодно, или либидо, если неугодно. И нет такой вещи, исчезнувшей три, четыре, пять десятилетий назад, которая много значила бы сама по себе; и нет новой вещи, появившейся за это время, которая много вре-

дила бы тем, кто в такой степени управляет ею. Общество, однако, придумывает множество вещей, и когда вещи меняются слишком быстро, то результат непредсказуем. Интенсивное изучение душевных болезней часто вскрывает природу стрессов в обществе, где появились болезни. Если схемы тревоги падают на особые группы и классы, значит, по ним можно изучить какое-то недовольство общества. Карл Янг указывал, что, когда сознание неоднократно разочаровывается в поиске ценностей, оно начинает искать бессознательность; потерпев неудачу и в этом, оно пробивает себе путь в гипотетическую коллективную бессознательность: Юнг отметил в послевоенных анализах бывших нацистов, что, чем больше они хотят восстановить что-то из руин своей жизни — если они пережили период классического инконоклазма и увидели, что их новые идеалы также опрокинуты — тем больше они ищут в прошлом и втягиваются в коллективную бессознательность своего народа. Даже их сны были на основе тевтонских мифов.

Это, в менее драматическом смысле, происходит сегодня. Есть исторические периоды, когда групповая тенденция повернуть мозг внутрь себя, повернуть назад, сильнее, чем в другие времена. Мы живем в период донкихотства в первоначальном значении этого слова. Это потому, что сила вреда в наше время — это возможность не знать, отгородиться, и это более не является исключительным свойством человеческих существ...

Его прервало жужжание. Он выключил записывающий аппарат и коснулся фонбокса.

— Чарльз Рендер слушает.

— Это Пол Гертер,— прошепелявил бокс.— Я директор Дилингской школы.

— Да?

Экран прояснился. Рендер увидел человека с высоким морщинистым лбом и близко посаженными глазами.

— Видите ли, я хочу еще раз извиниться за случившееся. Виною была неисправная часть оборудования...

— Разве вы не в состоянии приобрести приличное оборудование? Ваши гонорары достаточно высоки.

— Оно было *новое*. Заводской брак...

— Разве никто не следил за классом?

— Следил, но...

— Почему же он не проверил оборудование? Почему не оказался рядом, чтобы предупредить падение?

— Он *был* рядом, но не успел: все произошло слишком быстро. А проверять заводской брак не его дело. Я очень извиняюсь. Я люблю вашего мальчика. Могу заверить вас, что ничего подобного больше не случится.

— В *этом* вы правы, но только потому, что завтра утром я возьму его и переведу в другую школу, такую, где выполняются правила безопасности.— И легким движением пальца Рендер завершил разговор.

Через несколько минут он встал и подошел к шкафу, частично за-

маскированному книжной полкой. Он открыл его, достал дорогую шкатулку, содержавшую дешевенькое ожерелье и фотографию в рамке; на ней были изображены мужчина, похожий на Рендера, только молодой, и женщина с высоко зачесанными волосами и маленьким подбородком; между ними стояла улыбающаяся девочка с младенцем на руках. Как всегда, Рендер несколько секунд нежно смотрел на ожерелье, затем закрыл шкатулку и убрал снова на многие месяцы.

Бум! Бум! — гремел турецкий барабан.

Чик-чик-чик-чира,— гремели тыквы.

Возникли цвета — красный, зеленый, синий и божественно-величественный желтый — вокруг удивительных металлических танцоров.

— Люди? — спросила крыша.

— Роботы? — спросили непосредственно снизу.

— Смотри сам! — тихо прошелестело по полу.

Рендер и Джил сидели за микроскопическим столиком, к счастью, поставленным у стены, под нарисованными углем карикатурами на неизвестных личностей. Среди субкультур четырнадцатимиллионного города было слишком много деятелей. Морща нос от удовольствия, Джил не сводила глаз с центральной точки этой особой субкультуры, время от времени поднимая плечи к ушам, чтобы подчеркнуть молчаливый смех или слабый протест, потому что исполнители были СЛИШКОМ людьми — черный робот провел пальцами по лбу серебряного робота, когда они расходились.

Рендер делил свое внимание между Джил, танцорами и скверно выглядевшим пойлом, больше всего похожим на плохой коктейль с водорослями (по которым в любой момент мог подняться Кракен, чтобы утащить на дно какой-нибудь беспомощный корабль).

— Чарли, я все-таки думаю, что это люди!

Рендер выпутал свой взгляд из ее волос и прыгающих колец-сережек и осмотрел танцоров на площадке, которая была ниже места, где стоял столик.

Без этих металлических корпусов это могли быть люди. Если так, их танец был исключительно ловкий. Хотя производство легких сплавов не было проблемой, все равно нужен был какой-то трюк, чтобы танцор, закованный с головы до ног в броню, мог прыгать так свободно и как бы без усилий, и продолжительное время, да еще без раздражающего внимания и лязга. Беззвучно...

Они скользили, как две чайки: одна покрупнее, цвета полированного антрацита, а вторая — как лунный свет, падающий через окно на закутанный в шелк манекен.

Даже когда они соприкасались, звука не было... А, может, и был, но заглушался ритмами джаза.

Бум-бум! Чира-чик!

Танец медленно перешел в танец анашей. Рендер взглянул на часы. Слишком долго для нормальных артистов, решил он. Видимо, это роботы. Когда он снова взглянул на них, черный робот оттол-

кнул от себя серебряного футов на десять и повернулся к нему спиной.

Звука столкновения металла не было.

«Интересно, сколько стоит такая система?» — подумал Рендер.

— Чарли! Не было никакого звука! Как они это делают?

Свет снова стал желтым, потом красным, синим, зеленым. Белый робот отполз назад, а черный крутил шарнир своего запястья, кругом и кругом, держа в руках зажженную сигарету. Раздался хохот, когда он машинально прижал ее к своему гладкому безротому лицу. Серебряный робот атаковал черного. Черный бросил сигарету и снова повернулся к партнеру. Неужели он вновь оттолкнет серебряного? Нет...

Медленно, как длинноногие восточные птицы, они снова начали свой танец со множеством поворотов.

Что-то в глубине души Рендера забавлялось, но он сам не мог понять, что тут забавного. Поэтому он стал смотреть на Кракена на дне стакана.

Джил вцепилась в его бицепс, привлекая внимание к площадке. Пока световое пятно терзало спектр, черный робот поднял серебряного высоко над головой и закружился с ним, выгнув спину и сложив руки ножницами — сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Затем он завертелся с невероятной скоростью, и полосы спектра вращались все быстрее.

Рендер потряс головой, чтобы прояснить ее.

Они двигались так быстро, что просто должны были упасть — люди они или роботы. Но они не упали. Они слились в одну серую фигуру. Затем стали замедлять вращение. Все медленнее, медленнее... Остановились.

Музыка смолкла. Затем темнота, наполненная аплодисментами.

Когда свет загорелся снова, оба робота стояли как статуи, лицом к публике. Затем медленно, очень медленно поклонились.

Аплодисменты усилились. Роботы повернулись и ушли.

Вновь зазвучала музыка, свет стал ярким. Поднялся шум голосов. Рендер убил Кракена.

— Что ты об этом думаешь? — спросила Джил.

Рендер сделал серьезное лицо и сказал:

— Кто я — человек, воображающий себя роботом, или робот, воображающий себя человеком? — Он ухмыльнулся и добавил: — Не знаю.

Она шутя стукнула его за это по плечу и он заметил ей, что она пьяна.

— Нет, — протестовала она. — Разве чуточку. Не так, как ты.

— Все же, я думаю, тебе нужно показаться врачу. Например, мне. Лучше сейчас. Давай уедем отсюда.

— Не сейчас, Чарли. Мне хочется посмотреть на них еще раз. Ну, пожалуйста.

— Если я еще выпью, я не буду способен видеть их.

— Тогда закажи чашку кофе.

— Фу!

— Ну, пива.

— Я и без этого буду страдать.

На площадке начали танцевать, но ноги Рендера как свинцом налились. Он закурил.

— Итак, ты сегодня разговаривал с собакой?

— Да. Это как-то смущает...

— Она хорошенькая?

— Это кобель. И безобразный.

— Дурачок, я имею в виду хозяйку.

— Ты знаешь, что я никогда не говорю о делах, Джил.

— Но ты же сам сказал мне насчет ее слепоты и насчет собаки. Я только хочу знать, хорошенькая она или нет.

— Ну... и да, и нет.— Он сделал неопределенный жест.— Знаешь...

— Повторить то же самое,— сказала она официанту, внезапно возникшему из смежного озера тьмы. Он наклонился и столь же быстро исчез.

— Пропадают мои добрые намерения,— вздохнул Рендер.— Посмотрим, как тебя будет обследовать пьяный дурак — вот и все, что я могу сказать.

— Ты быстро протрезвеешь. Ты всегда так. Гиппократ и все такое.

Он фыркнул и посмотрел на часы.

— Завтра я должен быть в Коннектикуте. Взять Пита из этой проклятой школы.

Джил вздохнула. Она уже устала от этой темы.

— Мне кажется, ты слишком уж нянчишься с ним. Любой парнишка может сломать ногу. Это издержки роста. Мне было семь лет, когда я сломала запястье. Несчастный случай. И школа не виновата, что такие вещи случаются.

— К дьяволу,— сказал Рендер, беря свою темную выпивку с темного подноса, принесенного темным человеком.— Если они не могут хорошо работать, я найду тех, кто сможет.

Она пожала плечами.

— Ты босс. А я знаю только то, о чем читаю в газетах. И ты все-таки сидишь в Давосе, хотя знаешь, что в Сент-Морице встретил бы лучшее общество?

— Мы же собирались прокатиться, верно? Я предпочел прокатиться в Давос.

— Значит, я не каждый вечер выигрываю?

Он погладил ее по руке.

— Со мной ты всегда в выигрыше, милочка.

Они вышли, закурили и держались за руки, пока люди расходились с танцевальной площадки и снова тянулись к своим крохотным столикам, а цвета закружились, окрашивая облака дыма от цвета ада до солнечного восхода и обратно, и барабан ухнул: бом!

Чира-чира!

— О, Чарли, они опять идут сюда!

Небо было чистое, как кристалл. Дороги чистые. Снегопад прекратился.

Джил сонно дышала. С-7 выгибался через городские мосты. Если бы Рендер сидел спокойно, он убедил бы себя, что пьяно только его тело, но как только он поворачивал голову, мир вокруг начинал танцевать. И тогда он воображал себя спящим и Творцом всего этого.

В какой-то миг это было правдой. Он улыбнулся, задремывая. Но в следующий миг он проснулся и уже не улыбался.

Вселенная взяла реванш за его самонадеянность. За один миг триумфа над беспомощностью, которой он хотел помочь, он снова должен был заплатить видением дна озера. И когда он опять двинулся к гибели на дне мира — как пловец, как неспособный говорить, он слышал откуда-то с высоты над Землей вой Фенриса Волка, готовящегося сожрать Луну. И услышав, он понял, что вой этот так же похож на трубный глас правосудия, как дама рядом похожа на луну. В каждой малости. Во всех отношениях. И его охватил страх.

Глава 3

Он был собакой.

Но не обычной собакой.

Он выехал за город сам по себе.

По виду крупная немецкая овчарка, если не считать головы, он сидел на переднем сиденье, смотрел в окно на другие кары и на все, что видел вокруг. Он обогнал другие кары, потому что ехал по высокоскоростной полосе.

День был холодный, на полях лежал снег; деревья были в ледяных куртках, и все птицы в небе и на земле казались удивительно черными.

Его голова была больше, чем у любой другой собаки, исключая, может быть, ирландского волкодава. Глаза темные, глубоко сидящие, а рот был открыт, потому что пес смеялся. Он ехал дальше.

Наконец кар перешел на другую полосу, замедлил ход, перешел на крайнюю правую и через некоторое время свернул и проехал несколько миль по сельской дороге, а затем свернул на тропинку и припарковался за деревом. Машина остановилась, и дверца открылась. Собака вышла и закрыла дверцу плечом. Увидев, что свет погас, пес повернулся и пошел по полю к лесу.

Он осторожно поднимал лапы, осматривая свои следы.

Войдя в лес, он несколько раз глубоко вздохнул, встряхнулся, залаял странным несобачьим лаем и пустился бегом.

Он бежал между деревьев и скал, перепрыгивая через замерзшие лужи, узкие овражки, взбирался на холмы и сбегал по склону, проносился мимо застывших кустов в радужных пятнах, мимо ледяного ложа ручья.

Он остановился, отдышался и понюхал воздух.

Он открыл пасть и засмеялся — он научился этому от людей.

Затем пес глубоко вздохнул, закинул голову и завыл — этому он от людей не учился. Он даже не знал точно, где научился этому.

Его вой прокатился по холмам, и эхо было подобно громовой ноте горна.

Его уши стали торчком, пока он прислушивался к этому звуку.

Затем он услышал ответный вой, похожий и непохожий на его вой. Совсем похожего не могло быть, потому что его голос не был вполне собачьим. Он прислушался, принюхался и снова завыл.

И снова пришел ответ, теперь уже ближе...

Он ждал, нюхая воздух, несший сообщение.

К нему на холм поднималась собака, сначала быстро, потом перешла на шаг и, наконец, остановилась в сорока футах от него. Вислоухая крупная дворняжка...

Он вновь принюхался и тихо заворчал. Дворняжка оскалила зубы. Он двинулся к ней. Когда он был примерно в десяти футах, она залаяла.

Он остановился. Собака стала осторожно обходить его кругом, нюхая ветер. Наконец он издал звук, удивительно похожий на «хэлло». Он шагнул к ней.

— Хорошая собака,— сказал он.

Собака склонила голову набок.

— Хорошая собака,— повторил он, сделал к ней еще шаг, еще один и сел.— Оч-чень хорошая собака.

Собака слегка вильнула хвостом. Он встал и подошел к ней. Она обнюхала его. Он ответил тем же. Она замахала хвостом, обежала его дважды, откинула голову и гавкнула. Потом двинулась по более широкому кругу, время от времени опуская голову, а затем бросилась в лес.

Он понюхал землю, где только что стояла собака, и побежал следом. Через несколько секунд он догнал ее, и они побежали рядом.

Из-под куста выскочил кролик. Пес догнал кролика и схватил его своими громадными челюстями. Кролик отбивался, но спина его хрустнула, и он затих.

Некоторое время он держал кролика, оглядываясь вокруг. Собака подбежала к нему, и он уронил кролика к ее ногам.

Собака посмотрела на него с надеждой. Он встал. Тогда она опустила голову и разорвала маленький труп. Кровь дымилась в холодном воздухе. Собака жевала и глотала, жевала и глотала. Наконец и он опустил голову, оторвал кусок. Мясо было горячее, сырое и дикое. Собака отпрянула, когда он схватил кусок, рычание замерло в ее глотке.

Он был не очень голоден, поэтому бросил мясо и отошел. Собака вновь наклонилась к еде.

Потом они еще несколько часов охотились вместе. Он всегда превосходил дворнягу в искусстве убивать, но всегда отдавал добычу ей. Они вместе загнали семь кроликов. Последних двух не съели.

Дворняга села и посмотрела на него.

— Хорошая собака,— сказал он.

Она вильнула хвостом.

— Плохая собака,— сказал он.

Хвост перестал вилять.

— Очень плохая собака.

Она опустила голову. Он повернулся и пошел прочь. Она пошла за ним, поджав хвост. Он остановился и оглянулся через плечо. Собака съежилась. Он несколько раз пролаял и завыл. Уши и хвост собаки поднялись. Она подошла и снова обнюхала его.

— Хорошая собака,— сказал он.

Хвост завилял.

Он засмеялся.

— Ми-кро-це-фал, и-ди-от.

Хвост продолжал вилять.

Он снова засмеялся.

Собака покружила, легла, положила голову между передними лапами и посмотрела на него. Он оскалил зубы, прыгнул к собаке и укусил ее за плечо.

Собака взвизгнула и пустилась наутек.

— Дура! — закричал он.— Дура!

Ответа не было. Он снова завыл: такого воя не издало бы ни одно животное. Затем он повернулся к кару, открыл носом дверку и залез внутрь.

Он нажал кнопку, и машина завелась. Пес лапой набрал нужные координаты. Кар задом выбрался из-за дерева и пошел по тропе к дороге, быстро выбрался на шоссе и исчез.

Где-то гулял человек.

В это холодное утро ему следовало бы надеть пальто потеплее, но он предпочел легкое пальто с меховым воротником.

Заложив руки в карманы, он шел вдоль охранного забора. По ту сторону забора ревели кары.

Он не поворачивал головы.

Он мог бы выбрать множество других мест, но выбрал это.

В это холодное утро он решил гулять.

Он не хотел думать ни о чем, кроме прогулки.

Кары неслись мимо, он же шел медленно, но ровно. Он не видел никого, кто бы шел пешком.

Воротник его был поднят от ветра, но от холода не спасал.

Он шел, а утро кусало его и дергало за одежду. День поддержал его в своей бесконечной галерее картин, недописанных и незамеченных.

Канун Рождества.

... В противоположность Новому году.

Это время семейных сборов, пылающих дворов, время подарков, особых кушаний и напитков.

Это больше личное, чем общественное время; время сосредоточиться на себе и семье, а не на обществе; время замерзших окон, ангелов в звездной оболочке, горящих поленьев, плененной радуги и толстых Санта-Клаусов с двумя парами брюк — потому что самые

маленькие, садящиеся к ним на колени, легко грешат; и время кафедральных окон, снежных бурь, рождественских гимнов, колоколов, поздравлений от далеко и не очень далеко живущих, передач Диккенса по радио, время свеч, снежных сугробов, огней елок, сосен, Библии и средневековой Англии. «О маленький город Вифлеем», время рождения и обещаний, света и тьмы, ощущений до осознания, осознания до свершения, смены стражи года, время традиций, одиночества, симпатий, сочувствия, сентиментальности, песен, веры, надежды, смерти; время собирать камни и время разбрасывать камни, время обнимать, получать и терять, смеяться, возвращаться, молчать, говорить; время разрушать и время строить, время сажать и время вытаскивать посаженное...

Чарльз Рендер, Питер Рендер и Джил де Вилл праздновали сочельник вместе.

Квартира Рендера помещалась на самом верху башни из стали и стекла. Здесь царила определенная атмосфера постоянства. Ряды книг вдоль стен; в некоторых местах полки прерывались скульптурами; примитивная живопись в основных цветах занимала свободное место. Маленькие зеркала, вогнутые и выпуклые, теперь обрамленные ветвями радуба, висели в разных местах.

На каминной доске лежали поздравительные открытки. Горшочные растения: два в гостиной, одно в кабинете и целый куст в спальне — были осыпаны блестящими звездочками. Лилась музыка.

Пуншевая чаша была из драгоценного камня в ромбовидной оправе. Она стояла на низком кофейном столике грушевого дерева в окружении бокалов, сверкающих в рассеянном свете.

Настало время развернуть рождественские подарки...

Джил развернула свой и закуталась в нечто похожее на полотно пилы с мягкими зубьями.

— Горностай! — воскликнула она. — Какой величественный! Какой прекрасный! О, спасибо, дорогой Творец!

Рендер улыбнулся и выпустил кольца дыма.

Свет упал на мех.

— Снег, но теплый, лед, но мягкий... — говорила Джил.

— Шкурки мертвых животных, — заметил Рендер, — высокая награда за доблесть охотника. Я охотился за ней для тебя, я исходил вдоль и поперек всю Землю. Я пришел к самым красивым из мертвых животных и сказал: «Отдайте мне ваши шкурки», и они отдали. Рендер могучий охотник.

— У меня есть кое-что для тебя, — сказала она.

— Да?

— Вот. Это тебе подарок.

Он развернул обертку.

—. Запонки, — сказал он. — Тотематические. Три лица одно над другим — золотые. Ид, Эго, и суперЭго — так я назову их. Самое верхнее лицо наиболее экзальтированное.

— А самое нижнее улыбается, — сказал Питер.

Рендер кивнул сыну.

— Я не уточнил, какое самое верхнее, — сказал он мальчику. — А

улыбается оно потому, что имеет собственные радости, каких вульгарное стадо никогда не поймет.

— Бодлер? — спросил Питер.

— Хм,— сказал Рендер.— Да, Бодлер.

— ...Чертовски неудачно сказано.

— Обстоятельство,— сказал Рендер,— это дело времени и случая. Бодлер на рождество — дело чего-то старого и чего-то нового.

— Звучит как свадьба,— сказал Питер.

Джил вспыхнула под своим снежным мехом, но Рендер как бы не заметил.

— Теперь твоя очередь открыть свои подарки,— сказал он сыну.

— Идет.— Питер разорвал пакет.— Набор алхимика,— заметил он,— как раз то, что я всегда хотел — перегонный куб, реторты, водяная баня и запас жизненного эликсира. Мощно! Спасибо, мисс де Вилл.

— Пожалуйста, называй меня Джил.

— Хорошо. Спасибо, Джил.

— Открой и второй.

— О'кей.— Он сорвал белую бумагу с падубом и колокольчиками.— Сказочно: вторая вещь, которую я всегда хотел! Нечто заимствованное и нечто голубое: семейный альбом в голубом переплете и копия отчета Рендера сенатскому подкомитету протоколов о социоматическом неумении приспособиться к обстановке среди правительственных служащих. А также комплект трудов Лофтинга, Грехэма и Толкиена. Спасибо, папа. Ох, еще! Таллис, Лорели, Моцарт и добрый старый Бах. Мою комнату наполнят драгоценные звуки! Спасибо, спасибо вам. Что я вам дам взамен? Так, мелочь... Как вам это? — Он протянул один пакет отцу, другой Джил.

Оба вскрыли свои пакеты.

— Шахматы,— сказал Рендер.

— Пудреница с пудрой и румянами,— воскликнула Джил.— Спасибо.

— Не за что.

— Почему ты пришел с флейтой? — спросил Рендер.

— Чтобы вы послушали.

Питер собрал флейту и заиграл.

Он играл о Рождестве и святости, о вечере и пылающей звезде, о горячем сердце, о пастухах, королях, о свете и голосах ангелов.

Закончив, он разобрал флейту и убрал ее.

— Очень хорошо,— сказал Рендер.

— Да, хорошо,— сказала Джил.— Очень...

— Спасибо.

— Как школа? — спросила Джил.

— Хорошая,— ответил Питер.

— Много было беспокойства с переходом?

— Нет.

— Потому что я хороший ученик. Папа меня здорово учил, очень здорово.

— Но тут будут другие учителя...

Питер пожал плечами.

— Если знаешь учителя, то знаешь только учителя. А если знаешь предмет, то знаешь его. Я знаю много предметов.

— А ты знаешь что-нибудь об архитектуре? — спросила Джил.

— Что именно вы хотите знать? — спросил Питер с улыбкой.

— Раз ты задал такой вопрос, значит, ты кое-что знаешь об архитектуре.

— Да, — согласился он. — Я недавно изучал ее.

— В сущности, я именно это и хотела узнать.

— Спасибо. Я рад, что вы думаете, что я кое-что знаю.

— А зачем ты изучал архитектуру? Я уверена, что она не входит в учебный план.

— Нихиль хоминум... — он пожал плечами.

— О'кей, я просто интересовалась. — Она быстро взглянула на свою сумочку и достала сигареты. — А что ты о ней думаешь?

— Что можно думать об архитектуре? Она как солнце: большая, яркая и она тут. Вот, примерно, и все — если только вы не хотите получить что-нибудь конкретное.

Она снова покраснела.

— Я имею в виду — она тебе нравится?

— Инвариантно — если она старая и издали, если новая, а я внутри, когда снаружи холодно. Я утилитарен в целях физического удовольствия и романтичен в том, что относится к чувствительности.

— Боже! — сказала она и поглядела на Рендера. — Чему ты учил своего сына?

— Всему, чему мог и насколько мог.

— Зачем?

— Не хочу, чтобы ему когда-нибудь наступил на ноги кто-то размером с небоскреб, набитый фактами и современной физикой.

— Дурной тон — говорить о человеке, как будто его тут нет, — сказал Питер.

— Правильно, — сказал Рендер, — но хороший тон не всегда уместен.

— По-твоему, человек и извиняться не должен?

— Это каждый решает сам для себя, иначе это не имеет смысла.

— В таком случае, я решил, что не требую ни от кого извинения, но если кто-то желает извиниться, я приму это как джентльмен, в соответствии с хорошим тоном.

Рендер встал и поглядел на сына.

— Питер... — начал он.

— Можно мне еще пунша? — спросила Джил. — Он очень вкусный.

Рендер потянулся к чаше.

— Я подам, — сказал Питер, взял чашу и встал, опираясь локтем о спинку кресла.

Локоть соскользнул. Чаша упала на колени Джил. По белому меху побежала полоса земляничного цвета. Чаша скатилась на софу, выливая на нее остатки пунша.

Питер, сидя на полу, вскрикнул и схватился за лодыжку. Зажуж-

жал телефон. Рендер сказал что-то по-латыни, взял одной рукой колено сына, а другой — лодыжку.

— Здесь больно?

— Да!

— А здесь?

— Да! Везде больно!

— А тут?

— Сбоку... Вот!

Рендер помог ему встать и держал, пока мальчик тянулся за костылями.

— Пошли. Опирайся на меня. Внизу в квартире доктора Хейделла любительская лаборатория. Я хочу еще раз просветить ногу рентгеном.

— Нет? Это не...

— А что будет с моим мехом? — спросила Джил.

Телефон прожужжал снова.

— Черт бы вас всех побрал! — буркнул Рендер и включил связь.

— Да! Кто это?

— Ох, это я, босс. Я не вовремя?

— Винни! Послушайте, я не собирался рычать на вас, но тут случилось черт знает что. Поднимитесь сюда. К тому времени, как вы придете, тут все будет в порядке...

— О'кей, если вы считаете, что это можно. Только я на минутку. Я иду в другое место.

— Понятно. — Он выключил связь. — Останься здесь и прими ее, Джил. Мы вернемся через несколько минут.

— А что делать с мехом? И с софой?

— Успеется. Не переживай. Пошли, Пит.

Он вывел сына в коридор. Они вошли в лифт и направились на шестой этаж. По пути вниз они встретили другой лифт, поднимающий Винни наверх.

— Питер, почему ты ведешь себя как сопливый подросток?

Пит вытаращил глаза.

— Видишь ли, я скороспелый, а что касается сопливости... — Он высморкался.

Рендер вздохнул.

— Поговорим позднее.

Дверь открылась.

Квартира доктора Хейделла находилась в конце коридора. Большая гирлянда из вечнозеленых растений и сосновых шишек висела над дверью, окружая дверной молоток. Рендер поднял его и постучал.

Изнутри доносились слабые звуки рождественской музыки. Через минуту дверь открылась. Перед ними стоял доктор Хейделл, глядя на них из-под толстых очков.

— Добро пожаловать, певцы гимнов! — проговорил он низким голосом. — Входите, Чарльз и...

— Мой сын Питер, — сказал Рендер.

— Рад встретиться с тобой, Питер. Входи и присоединяйся к празднеству.— Он распахнул дверь и посторонился.

Они вошли в праздничный взрыв, и Рендер объяснил:

— У нас маленькое несчастье. Питер недавно сломал лодыжку, и вот сейчас опять упал на нее. Я хотел бы воспользоваться вашим рентгеновским аппаратом, чтобы просветить ногу.

— Конечно, пожалуйста,— сказал маленький доктор.— Пройдите сюда. Очень грустно слышать об этом.

Он провел их через гостиную, где в разных местах сидели семь или восемь человек.

— Счастливого Рождества!

— Привет, Чарли!

— Счастливого Рождества, док!

— Как идет промывка мозгов?

Рендер автоматически поднял руку и помахал в четырех разных направлениях.

— Это Чарльз Рендер, нейросоучастник,— объяснил Хейделл остальным,— и его сын Питер. Мы вернемся через несколько минут. Им нужна моя лаборатория.

Они вышли из комнаты, сделали два шага по вестибюлю, и Хейделл открыл дверь в свою изолированную лабораторию. Она стоила ему много времени и средств. Потребовалось согласие местных строительных властей, подписей больше, чем для целого госпиталя, согласие квартирного хозяйства, которое в свою очередь упирало на письменное согласие всех других жильцов. Как понял Рендер, для некоторых жильцов потребовалось экономическое уговаривание.

Они вошли в лабораторию, и Хейделл пустил в ход свою аппаратуру. Он сделал нужные снимки, быстро проявил их и высушил.

— Хорошо,— сказал он изучив снимки.— Никакого повреждения, и перелом практически заживает.

Рендер улыбнулся и заметил, что его рука дрожит. Хейделл хлопнул его по плечу.

— Итак, возвращаемся и попробуем наш пунш.

— Спасибо, Хейделл. Попробую.— Он всегда звал Хейделла по фамилии, потому что они оба были Чарльзами.

Они выключили оборудование и вышли из лаборатории.

Вернувшись в гостиную, Рендер пожал несколько рук и сел с Питером на софу.

Он потягивал пунш, а один из мужчин, с которым он только сейчас познакомился — доктор Минтон — начал разговаривать с ним.

— Вы Творец, да?

— Да.

— Меня всегда интересовала эта область. На прошлой неделе в госпитале мы как раз разговаривали об отказе от этого.

— Вот как?

— Наш постоянный психиатр заявил, что нейротерапия не более и не менее успешна, чем обычный терапевтический курс.

— Я вряд ли поставил бы его судьей, особенно если вы говорите о Майке Майсмере, а я думаю, вы говорите именно о нем.

Доктор Минтон развел руками.

— Он сказал, что собрал цифры.

— Изменение пациента в нейротерапии — это качественное изменение. Я не знаю, что ваш психиатр подразумевал под «успешным». Результаты успешны, если вы ликвидируете проблему пациента. Для этого есть различные пути, их так же много, как и врачей, но нейротерапия качественно выше некоторых, потому что она производит умеренные органические изменения. Она действует непосредственно на нервную систему под паутиной реальности и стимулирует нейростремительные импульсы. Она вызывает желаемое состояние самосознания и направляет неврологическое основание для поддержки этого состояния. Психоанализ же и смежные с ним области чисто функциональны. Проблема менее склонна к рецидиву, если она упорядочена нейротерапией.

— Тогда почему вы не пользуетесь ею для лечения психотиков?

— Раза два это делалось. Но вообще-то это слишком рискованное дело. Не забывайте, что «соучастие» — ключевое слово. Участвуют два мозга, две нервные системы. Это может обернуться своей противоположностью — антитерапией, если схема отклонения слишком сильна для контроля оператора. Его состояние самосознания может ухудшиться, его неврологический фундамент изменится. Он сам станет психотиком, страдающим органическим повреждением мозга.

— Наверное есть какая-то возможность выключить обратный принцип связи? — спросил Минтон.

— Пока нет. Этого нельзя сделать, не пожертвовав некоторой эффективностью оператора. Как раз сейчас над этим работают в Вене, но до решения еще очень далеко.

— Если вы найдете решение, то, вероятно, сможете вторгнуться в более значительные области душевных болезней,— сказал Минтон.

Рендер допил свой пунш. Ему не понравилось подчеркнутое слово «значительные».

— А пока,— сказал он после паузы,— мы лечим то, что можем, и лучшим способом, какой знаем, а нейротерапия — лучшее из того, что мы знаем.

— Кое-кто утверждает, что вы в действительности не лечите неврозы, а угождаете им — удовлетворяете пациентов, давая им маленькие миры, в которых их собственные неврозы свободны от реальности, миры, где они командуют, как помощники Бога.

— Не тот случай,— сказал Рендер.— То, что случается в этих маленьких мирах, не обязательно приятно пациенту. И он почти ничем не командует: командует Творец, или, как вы сказали, Бог. Это познавательный опыт. Вы познаете радость и познаете боль. В основном в этих случаях больше боли.— Он закурил и получил вторую порцию пунша.— Так что я не считаю эту критику ценной,— закончил он.

— А она широко распространена.

Рендер пожал плечами. Он прослушал рождественский гимн и встал.

— Большое спасибо, Хейделл,— сказал он,— мне пора.

— Что вы торопитесь?— спросил Хейделл.— Оставайтесь подольше.

— Рад бы, но у меня наверху люди, так что я должен вернуться.

— Да? Много?

— Двое.

— Давайте их сюда. Я тут устроил буфет, и всего более чем достаточно. Накормлю и напою их.

— Идет,— сказал Рендер.

— Ну и прекрасно. Почему бы вам не позвонить им отсюда?

Рендер так и сделал.

— Лодыжка Пита в порядке,— сообщил он.

— Замечательно. А как насчет моего манто?— спросила Джил.

— Забудь о нем пока. Я займусь им позднее.

— Я попробовала теплой водой, но оно все еще розоватое...

— Положи его обратно в коробку и больше не морочь мне голову! Я же сказал, что займусь им.

— Ладно, ладно. Мы через минуту спустимся. Винни принесла подарок для Питера и кое-что для тебя. Она собирается к сестре, но сказала, что не спешит.

— Прекрасно. Тащи ее вниз. Она знает Хейделла.

— Отлично.— Она выключила связь.

Канун Рождества.

В противоположность Новому Году.

Это скорее личное время, чем общественное; время сосредоточиться на себе и семье, а не на обществе; это время многих вещей; время получать и время терять; время хранить и время выбрасывать; время насаждать и время вырывать посеянное...

Они ели в буфете. Большинство пило горячий ренрико с корицей и гвоздикой, фруктовый коктейль и пахнущий имбирем пунш. Разговаривали об искусственных легких, о компьютерной диагностике, о бесценных свойствах пенициллина. Питер сидел, сложив руки на коленях, слушал и наблюдал. Его костыли лежали у ног. Комната была полна музыки.

Джил тоже сидела и слушала.

Когда говорил Рендер, слушали все. Винни улыбалась, взяв еще стаканчик. Рендер говорил как диктор, с иезуитской логикой. Ее босс — человек известный. А кто знает Минтона? Только другие врачи. Творцы знамениты, а она секретарша Творца. О Творцах знает всякий. Подумаешь — быть специалистом по сердцу или костям или по внутренним болезням! А ее босс был ее мерилом славы. Девушки вечно спрашивали ее о нем, о его магической машине...

«Электронные Свенгали», так назвал их «Тайм», и Рендеру было отведено три столбца — на два больше, чем другим (не считая Бартельметра, конечно).

Музыка сменилась легкой классической. Винни почувствовала ностальгию, ей вновь хотелось танцевать, как она танцевала в давние времена. Время года, компания, вкупе с музыкой, пуншем и декорацией, заставили ее ноги медленно пританцовывать, а мозг — вспоминать свет, сцену, полную света и движения, и себя. Она прислушалась к разговору.

— ... если вы можете передавать и воспринимать их, значит, можете и записывать? — спрашивал Минтон.

— Да, — ответил Рендер.

— Я вот что подумал: почему не напишут больше об этих ангельских вещах?

— Лет через пять-десять, а может, и раньше — напишут. Но сейчас использование прямой записи ограничено — только для квалифицированного персонала.

— Почему?

— Видите ли... — Рендер сделал паузу, чтобы закурить, — ...если быть полностью откровенным, то вся эта область под контролем, пока мы не узнаем о ней побольше. Если это дело широко обнародовать, его могут использовать в коммерческих целях... и, возможно, с катастрофическими последствиями.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что мог бы взять вполне стабильную личность и построить в ее мозгу любой вид сна, какой вы могли бы назвать, и множество таких, что вы назвать не сможете — сон с градацией от насилия и секса до садизма и извращений, сон о заговоре с полным участием истории или ограниченный самим безумием, сон о немедленном выполнении любого желания. Я даже мог бы ввести визуальное искусство, от экспрессионизма до сюрреализма, если хотите. Сон о насилии в кубистической постановке — нравится? Прекрасно. Можете стать лошадью Герники. Я мог бы записать все это и проиграть вам или кому угодно множество раз.

— Вы Бог!

— Да, Бог. Я мог бы сделать Богом и вас тоже, если бы вы захотели, мог бы сделать Создателем и оставить вас на полные семь дней. Я управляю чувством времени, внутренними часами и могу растянуть реальную минуту в субъективные часы.

— Рано или поздно такие вещи произойдут, не так ли?

— Да.

— И каковы будут результаты?

— Никто не знает.

— Босс, — тихо сказала Винни, — вы могли бы снова вернуть к жизни воспоминания? Могли бы воскресить что-то из прошлого и дать ему жизнь в мозгу человека, и чтобы все это было как бы реальным?

Рендер прикусил губу и как-то странно поглядел на нее.

— Да, — сказал он после долгой паузы, — но это не было бы добрым делом. Это поощряло бы жизнь в прошлом, которое уже не существует. Это нанесло бы ущерб умственному здоровью. Это регресс, атавизм, невротический уход в прошлое.

Комната наполнилась звуками «Лебединого озера».

— И все-таки,— сказала Винни,— я хотела бы снова стать лебедем.

Она медленно встала и сделала несколько неуклюжих па — отяжелевший, подвыпивший лебедь в красновато-коричневой одежде. Затем она покраснела и поспешно села, но засмеялась, и все засмеялись с ней.

— А куда бы вы хотели вернуться?— спросил Минтон Хейделла.

Маленький доктор улыбнулся.

— В один летний уикэнд моего третьего года в медицинской школе,— сказал он.— Да, я истрепал бы эту ленту за неделю. А как насчет тебя, сынок?— спросил он Питера.

— Я слишком мал, чтобы иметь какие-то хорошие воспоминания,— ответил Пит.— А вы, Джил?

— Не знаю... Я думаю, я хотела бы снова стать маленькой девочкой, и чтобы папа — я имею в виду моего отца — читал мне воскресными зимними вечерами.— Она взглянула на Рендера.— А ты, Чарли? Если бы ты не был в данный момент профессионалом, в каком времени ты хотел бы быть?

— В этом самом,— с улыбкой ответил он.— Я счастлив как раз там, где я есть, в настоящем, которому принадлежу.

— Ты и в самом деле счастлив?

— Да,— сказал он и взял еще бокал пунша.— Я и в самом деле счастлив.— Он засмеялся.

Позади него послышалось тихое посапывание. Винни задремала.

А музыка кружилась и кружилась, и Джил смотрела на Рендеров — то на отца, то на сына. Лодыжка Питера снова была в гипсе. Сейчас мальчик зевал. Она смотрела на него. Каким он будет через десять-пятнадцать лет? Вспыхнувшим гением? Мастером какой-нибудь еще неисследованной величины? Она смотрела на Питера, а он следил за отцом.

— Но это могло бы быть подлинной формой искусства,— говорил Минтон,— и никто больше не имеет права на самоубийство...

Она коснулась руки Рендера. Он вздрогнул, как бы проснувшись, и отдернул руку.

— Я устала,— сказала она.— Ты не отвезешь меня домой?

— Чуть позже,— ответил он.— Дай Винни еще немного подремать.— И он вновь повернулся к Минтону.

Питер повернулся к Джил и улыбнулся.

Она внезапно почувствовала, что и в самом деле очень устала. А ведь раньше она очень любила праздновать рождество.

Винни продолжала похрапывать. Время от времени слабая улыбка мелькала на ее лице. Видимо, она танцевала.

Где-то человек по имени Пьер кричал, возможно, потому, что он больше не был человеком по имени Пьер.

Я? Я Жизненный, как говорит еженедельник «Тайм». Подхожу к удару по морде, Чарли? Нет, не по твоей морде. Понятно? По

моей! Понятно? Вот так. Такое выражение всегда приходит к человеку, когда он смотрит на заголовок, уже прочтя статью от начала до конца. Но тогда уже поздно. Да, конечно, они желают добра, но, ведь понятно...

Пришли мальчика с кувшином воды и тазиком, ладно? «Смерть Виту», как это теперь называют. Говорят, что человек может работать с тем битом много лет, обходя кругом обширную и сложную социологическую структуру, известную как «контур», и роняя этот бит в новые девственные уши при всяком удобном случае. О, живущая смерть! Когда-то мировые телекоммуникации толкали это инвалидное кресло по склону бесчисленных выборов. Теперь оно прыгает по камням Лимбо. Мы входим в новую, счастливую и энергичную эру... Так вот, все твои люди отправились в Хельсинки и Терра эль Фуэго. Скажи, слышал ли ты такую штуку: речь идет об одном старинном комике, которого называли «бит». Однажды вечером он участвовал в радиопостановке и, по своему обыкновению, выдал бит. Хороший был бит, солидный и к месту, полный смысла и равновесия. К сожалению, после этого он лишился работы, потому что этот бит дошел до каждого. В отчаянии он взобрался на перила моста и уже собирался броситься вниз, как его остановил голос: «Не бросайся вниз, в темный текучий символ смерти и слезай с перил». Обернувшись, он увидел странное создание, к слову сказать, безобразное, все в белом, смотревшее на него и улыбавшееся почти беззубым ртом. «Кто ты, странное улыбающееся создание в белом?» — спросил он. «Я Ангел Смерти,— ответило создание.— Я пришла, чтобы предотвратить твое самоубийство». Он покачал головой. «Увы,— сказал он,— я должен покончить с собой, потому что мой бит полностью устарел». Она подняла руку и сказала: «Не отчаивайся, мы, Ангелы Смерти, способны творить чудеса. Я могу дать битов втрое больше того, чем может быть использовано за короткий слабый виток существования смертных». «Тогда, умоляю, скажи, что я должен сделать для этого?» «Спать со мной»,— ответила она. «Но в этом что-то неправильное, неангельское». «Ничуть,— возразила Ангел.— Почитай внимательно Старый Завет и узнаешь об ангельских отношениях». «Ладно»,— согласился он, и они ушли. Он сделал свой бит, несмотря на тот факт, что она едва ли была самой привлекательной из всех Дочерей Смерти. На следующее утро он встал и закричал: «Проснись! Проснись! Пора уже отдать мне ночной запас битов». «Давно ли ты занимаешься битами?» — спросила она.— «Тридцать лет».— «А сколько лет тебе?» — «Сорок пять».— «Не многовато ли, чтобы верить в Ангелов Смерти?» — засмеялась она. Он ушел и, конечно, сделал еще бит. А теперь дай мне немного спокойной музыки. Вот хорошо. Вообще-то она заставляет морщиться, и знаешь почему? Где ты в наше время слышишь спокойную музыку? В кабинете дантиста, в банке, в магазине и тому подобных местах, где всегда приходится долго ждать обслуживания. Ты слышишь успокаивающую музыку, когда подвергаешься всевозможным травмам. И что в результате? Успокаивающая музыка становится самой беспокойной вещью в мире. И она всегда вызывает

у меня голод, потому что ее играют в тех ресторанах, где медленно обслуживают. Ты ждешь еды, а тебе играют эту успокаивающую музыку... Да... Ну, где мальчик с кувшином и тазиком? Я хочу вымыть руки...

Ты слышал насчет пилота, который был на Центавре? Он обнаружил там расу гуманоидов и стал изучать их обычаи, нравы, табу. Наконец, он коснулся воспроизводства. Изящная молодая девица взяла его за руку и отвела на завод, где собирали центаврийцев. Да, именно собирали — торсы шли по конвейеру, к ним привинчивали суставы, в черепа бросали мозги, внутрь тела заталкивали органы, приделывали к пальцам ногти и так далее. Он выразил изумление, и она спросила: «Почему? А как это делают на Земле?» Он взял ее за нежную ручку и сказал: «Пойдем за холмы, я продемонстрирую». Во время демонстрации она вдруг истерически захохотала. «В чем дело? — спросил он. — Почему ты смеешься?» «Потому что,— ответила она,— таким способом мы делаем кары». Выключи меня, Бэби, и продай немного пасты!

«...Эй! Это я, Орфей, должен быть разорванным на куски такими, как вы! Но в одном смысле это, пожалуй, подходяще. Что ж, приходите, корибанты, и творите свою волю над певцом!»

Темнота. Вопль.

Тишина.

Аплодисменты!

Она всегда приходила рано и уходила одна, и всегда садилась на одно и то же место. Они сидели в десятом ряду в правом крыле, и единственной досадой для нее были антракты. Она не могла знать, когда кто-нибудь захочет пройти мимо нее.

Она приходила рано и оставалась до тех пор, пока театр не погружался в тишину.

Она любила звук культурного голоса, поэтому предпочитала британских актеров американским.

Она любила музыкальные спектакли не потому, что очень любила музыку, а потому что ей нравилось чувство волнения в голосах. Поэтому же ей нравились стихотворные пьесы.

Ее вдохновляли древнегреческие пьесы, но она терпеть не могла «Царя Эдипа».

Она надевала подкрашенные очки, но не темные. И никогда не носила трость.

Однажды вечером, когда должен был подняться занавес перед последним актом, темноту прорезало световое пятно. В него шагнул мужчина и спросил:

— Есть ли в зале врач?

Никто не отозвался.

— Это очень важно,— продолжал он.— Если здесь есть доктор, просим его немедленно пройти в служебный кабинет в главном фойе.

Он оглядывался вокруг, но никто не шевельнулся.

— Благодарю,— сказал он и ушел со сцены.

Затем поднялся занавес и вновь возникли движение и голоса.

Она подождала, прислушиваясь. Затем встала и двинулась вверх по крылу, ощупывая стену пальцами. Выйдя в фойе, она остановилась.

— Могу я помочь вам, мисс?

— Да, я ищу служебный кабинет.

— Вот он, слева от вас.

Она повернулась и пошла влево, слегка вытянув вперед руку. Коснувшись стены, она вела по ней рукой, пока не нащупала дверь. Тогда она постучалась.

— Да?— Дверь открылась.

— Вам нужен врач?

— Вы врач?

— Да.

— Быстрее! Сюда!

Она пошла по звуку его шагов внутрь и в коридор, параллельный крылу зала. Она услышала, как человек поднимается по лестнице, и последовала за ним.

Они дошли до костюмерной и вошли в нее.

— Вот он.

— Что случилось?— спросила она, вытянув руку и коснувшись человеческого тела.

Послышался булькающий звук и кашель без дыхания.

— Это рабочий сцены,— сказал мужчина.— Я думаю, он подавился ириской. Он вечно жует их. Видимо, она застряла в горле и вытащить никак не удается.

— Вы вызвали «скорую»?

— Да, но посмотрите на него, он же весь посинел! Не знаю, успеют ли они.

Она откинула голову пострадавшего и ощупала горло внутри.

— Да, какое-то препятствие. Я тоже не могу его извлечь. Дайте мне короткий острый нож — простерилизованный. Быстро!

— Сию минуту, мэм.

Она осталась одна. Пощупала пульс сонной артерии. Положила руки на напряженную грудь больного, откинула его голову еще больше назад и ощупала горло.

Прошла минута с небольшим. Звук поспешных шагов.

— Вот... мы вымыли лезвие спиртом...

Она взяла нож в руки. Лезвие спиртом...

Вдалеке послышалась сирена скорой помощи, но она не была уверена, что врачи успеют вовремя.

Поэтому она проверила нож кончиком пальца, исследовала шею человека, а затем повернулась к тому, чье присутствие ощущала рядом.

— Не думаю, что вам стоит смотреть. Я собираюсь сделать ему срочную трахеотомию. Это неприятное зрелище.

— Ладно, я подожду за дверью.

Удаляющиеся шаги...

Она разрезала.

Вздох, затем поток воздуха. Затем мокрота... пузырящийся звук.

Она повернула голову больного. Когда врач «скорой» появился в двери сцены, ее руки снова лежали спокойно, потому что она знала: человек будет жить.

— ...Шалотт,— сказала она врачу,— Эйлин Шалотт, Стейт Псик.

— Я слышал о вас. Но вы...

— Да, но людей я читаю лучше.

— Да, вижу. Значит, мы можем встретиться с вами в Стейт?

— Да.

— Спасибо, доктор. Спасибо вам,— сказал менеджер.

Она вернулась на свое место в зрительный зал.

Последний занавес. Она сидела, пока зал не опустел.

Сидя здесь, она еще чувствовала сцену.

Сцена для нее была центральной точкой звука, ритма, чувства, движения, некоторых нюансов света и тьмы — но не цвета: это был центр особого рода блеска для нее: место пульса, конвульсия жизни через цикл страстей и восприятий; место, где страдающий, способный и благородный страдал благородно; место, где даровитые французы ткали легкую ткань комедии между столбами идеи; место, где черная поэзия нигилистов продавала себя за доступную цену тем, кто над ней насмехался; место, где проливалась кровь и крики имели приличную дикцию, и песни звенели, и где Аполлон и Дионис ухмылялись из-под крыльев, где Арлекин постоянно ухитрялся извлечь капитана Спецфера из его штанов. Это было место, где любое действие можно было имитировать, но где над всеми действиями реально стояли лишь две вещи: счастье и горе, комическое или трагическое, то есть любовь и смерть — две вещи, называемые человеческим состоянием. Это было место героев и не вполне героев. Это было место, которое она любила. Она видела там только одного человека, лицо которого она знала. Он шел по поверхности этого места, осыпанный символами... Поднять руки против моря тревог, злой встречи в лунном свете и обратить это в их противоположность, призвать силу мятежных ветров и создать ревущую битву между зеленью моря и лазурным сводом... Какая же это искусная работа — человек! Нескончаемых способностей, форм, движений!

Она знала его во всех его ролях, того, кто не мог бы существовать без зрителей. Он был Жизнью.

Он был Творцом.

Он был Действующим и Двигающим.

Он был более велик, чем герои.

Мозг может совершать множество вещей. Он учится. Но он не может научиться не думать.

Эмоции качественно остаются теми же всю жизнь. Стимулятор, на который они отвечают — предмет количественных вариаций, но ощущение — это основа дела.

Вот почему театр выжил: это культурный перекресток. Он содержит Северный и Южный полюсы человеческого состояния. Эмоции падают в его притяжение, как железные опилки.

Мозг не может научиться не думать, но ощущения падают предназначенным узором.

Он был ее театром.

Он был полюсами мира.

Он был всеми действиями.

Он был не имитацией действий, но самими действиями.

Она знала, что он очень способный человек, и зовут его Чарльз Рендер.

Он Творец.

В мозгу содержится много вещей.

Но ОН больше любой другой вещи.

Он был всегда.

Она чувствовала его.

Когда она встала и пошла, ее каблуки гулко стучали в опустевшей тьме.

Пока она поднималась по крылу, звуки ее шагов снова и снова возвращались к ней.

Она шла по пустому театру, уходила от пустой сцены. Она была одна.

У верха крыла она остановилась.

Как далекий смех внезапно обрывается шлепком, упала тишина.

Она не была теперь ни зрительницей, ни актрисой. Она была одна в темном театре.

И ей стало страшно.

Человек продолжал идти вдоль шоссе, пока не дошел до определенного дерева. Там он остановился, держа руки в карманах, и долго смотрел на дерево. Затем повернулся и пошел обратно, откуда пришел.

— О, увенчанная скорбью любовь моей жизни, почему ты покинул меня? Разве я не красива? Я давно любила тебя, и все тихие места слышат мои стенания. Я любила тебя больше себя и страдала от этого. Я любила тебя больше жизни со всей ее сладостью, и сладость стала миндальной. Я готова оставить эту свою жизнь для тебя. Почему ты должен уехать на ширококрылом, многоногом корабле на море, взяв с собой свои лавры и пенаты, а я здесь одна? Я бы сделала себе костюм, чтобы сжечь пространство и время, разделяющие нас. Я должна быть с тобой всегда. Я пошла бы на это сожжение не тихо и молча, но с рыданиями. Я не обычная девушка, чтобы чахнуть всю жизнь и умереть пожелтевшей и с потухшими глазами: во мне кровь Принцев Земли, и моя рука — рука воина в битве. Мой поднятый меч разрубает шлем моего врага, и враг падает. Я никогда не была покорной, милорд. Но мои глаза болят от слез, а мой язык — от воплей. Заставить меня увидеть тебя — это преступление хуже убийства. Я не могу забыть ни свою любовь, ни тебя. Было время, когда я смеялась над любовными песнями и жалобами девушек у реки. А теперь мой смех вырван, как стрела из раны, и я без тебя одинока. И не взыскивай с меня, любимый, потому что я любила тебя. Я хочу

разжечь костер моими воспоминаниями и надеждами. Я хочу сжечь мои уже горящие мысли о тебе, положить их тебе как поэму на лагерный костер, чтобы ритмичные фразы превратились в пепел. Я любила тебя, а ты уехал. Никогда в жизни я не увижу тебя, не услышу музыку твоего голоса, не почувствую трепета от твоего прикосновения. Я любила тебя, а мои слова попадали в глухие уши, а сама я стояла перед невидящими очами. Разве я не красива, о ветры Земли, овевающие меня, о жизнь сердца в моей груди? Я иду теперь к пламени моего отца, чтобы быть лучше принятой. Из всех любовников прошлого никогда не было такого, как ты. Пусть боги благословят тебя и поддержат, пусть не слишком строго судят они тебя за то, что ты делал. Знай, я сгорю из-за тебя! Костер, будь моей последней любовью!

Когда она покачнулась в круге света и упала, раздались аплодисменты. Затем зал потемнел.

Через мгновение свет снова загорелся, и другие члены клуба «Искусство и миф» встали и выступили вперед, чтобы поздравить ее с доходчивой интерпретацией. Они говорили о значении народного мотива от сати * до жертвоприношения Брунгильды. Хорошо, основа — костер, решили они. «Костер... моя последняя любовь» — хорошо: Эрос и Танатос в финальном очищении пламени.

Когда они высказали свою оценку, в центр зала вышли маленький сутулый мужчина и его похожая на птицу и по-птичьи идущая жена.

— Элоиза и Абелер,— объявил мужчина.

Вокруг почтительное молчание.

Высокий мускулистый человек средних лет с блестящим от пота лицом подошел к нему.

— Мой главный кастратор,— сказал Абелер.

Крупный мужчина улыбнулся и поклонился.

— Ну, давайте, начнем...

Хлопок — и упала тьма.

Глубоко закопанные, как инфологические черви, силовые линии, нефтепроводы и пневматические трубы тянутся через континент. Перистальтикоподобно пульсирующие, они глотают землю. Они несут масло и электричество, воду и уголь, посылки, тюки и письма. Все эти вещи, идя под землей, извергаются в местах назначения, и машины, работающие в этих местах, принимают их.

Они слепые, и уползают подальше от солнца; они не имеют вкуса и не переваривают землю; они не имеют ни обоняния, ни слуха. Земля — их каменная тюрьма. Они знают только то, к чему прикасаются, и прикосновение — это их постоянная функция.

Такова глубоко закопанная игрушка червя.

В новой школе Рендер поговорил со штатным психологом и осмотрел оборудование физического воспитания. Он также осмотрел квартиры учащихся и был удовлетворен.

* Саты — обычай самосожжения вдовы вместе с телом мужа.

Но сейчас, когда он вновь оставил Питера одного в учебном заведении, он чувствовал какое-то недовольство. И сам не знал, почему. Все, казалось, было в полном порядке, как и в первое его посещение. Питер вроде бы был в хорошем настроении. Даже в исключительно хорошем.

Рендер вернулся в свой кар и выехал на шоссе — громадное дерево без корней, ветви которого покрывали два континента,— думал и удивлялся, что не находит ответа своему недовольству. Руки его лежали на коленях, ландшафт плавал вокруг него вверх и вниз, потому что он ехал по холмам.

Руки снова поднялись к панели.

— Алло?

— Эйлин, это Рендер. Я не мог позвонить вам раньше, но слышал, что вы сделали трахеотомию в театре.

— Да. Я сделала доброе дело — я и нож. Откуда вы звоните?

— Из кара. Я только что отвез Питера в школу и теперь возвращаюсь.

— Да? Как он? Как его лодыжка?

— Отлично. Мы тут слегка напугались на Рождество, но все обошлось. Расскажите, что случилось в театре, если это вас не смущает.

— Разве врача смущает кровь? — Она тихо засмеялась.— Так вот, было уже поздно, перед последним актом...

Рендер откинулся, закурил и с улыбкой слушал.

Местность снаружи стала гладкой равниной, и кар катился по ней, как кегельный шар, точно по канавке.

Под проводами высокого напряжения и над захороненными кабелями человек снова шел рядом с главной ветвью дороги-дерева, шел сквозь заснеженный воздух и радиопередачу.

Мимо неслись кары, и некоторые пассажиры видели его.

Руки он держал в карманах, голову опустил, потому что не смотрел ни на что. Воротник пальто был поднят, и тающий небесный налог — снежные хлопья — приклеивались к полям его шляпы.

Он был в галошах. Земля была мокрая и грязноватая.

Он с трудом тащился — случайный заряд в поле громадного генератора.

— ...обедаем вечером в «К и С»?

— Почему бы и нет? — сказал Рендер.

— Скажем, в восемь?

— Договорились.

Некоторые из них падают с неба, но большинство выбивается из дорог...

Кары высадили своих пассажиров на платформы в больших машинных ульях. Возле киосков кольцевой линии подземки стояли на стоянках аэротакси.

Но люди шли в выставочный зал пешком.

Здание было восьмиугольное. Крыша напоминала перевернутую

супницу. Восемь нефункциональных треугольников из черного камня осуществляли декорацию каждого угла снаружи.

Крыша была избирательным фильтром. Сейчас она высосала всю голубизну серого вечера и слабо светилась, белая, белее выпавшего вчера снега. Внутри потолок был безоблачным летним днем, но без солнца.

Люди шли под этим небом среди экспонатов, как темный поток среди скал.

Они двигались волнами и редкими водоворотами. Они клубились, сближались, журчали и бормотали. Иногда оживлялись...

Они ровно выливались из припаркованных машин за голубым горизонтом.

Закончив обход, они возвращались к выходу во внешнюю часть.

Во внешней части была выставка, организованная ВВС. Она работала две недели по двадцать четыре часа в сутки и привлекала посетителей со всего мира.

Это была выставка достижений Человека в космосе.

Руководителем выставки был двухзвездный генерал со штатом из дюжины полковников, многих майоров, капитанов и бесчисленных лейтенантов. Генерала даже никто не видел, кроме полковников и работников «Выставки, Инк.». Компании «Выставки, Инк.» принадлежал выставочный зал рядом с космопортом, и она устраивала все как надо для тех, кто снимал зал.

Как входишь в Холл Поганок, как его кто-то окрестил, сразу же направо идет Галерея.

В Галерее было фото во всю стену, так что посетитель мог почти войти в них, потеряться в громадных стройных горах за Лунной Базой III, выглядевших так, словно они качаются от ветра, только никакого ветра там не было; войти в купол-пузырь подземного города; провести рукой по холодным частям наблюдательного мозга и почувствовать, как в нем щелкают быстрые мысли; войти в грубую пустыню под зеленоватым небом, обойти высокие стены Портового комплекса — монолитные, серо-голубые, построенные на бог весть каких развалинах, войти в крепость, где в марсианском складе люди двигались как призраки, ощутить текстуру гласситовых стен, которые произвели сенсацию во всем мире; пройти ад меркурианского пекла, посмотреть на цвета — пылающий, желтый, серо-коричневый и оранжевый, и, наконец, затеряться в Большом Ледяном Боксе, где ледяной гигант сражается с огненным существом, и где каждое отделение запечатано и отделено, как в подводной лодке или транспортной ракете и по тем же причинам; или пройтись, заложив руки за спину, посчитать цветные полосы на стенах, похожих на скалы, увидеть солнце или сверкающую звезду, поежиться, выпустить пары и признать, что все эти места крайне удивительны, и фото тоже хороши.

После Галереи шли гравитационные комнаты, где человек поднимался по лестнице, пахнувшей свежеспиленным деревом. Наверху он мог выбрать любую гравитацию: лунную, марсианскую, меркурианскую — и спускаться обратно на уменьшенной воздушной поду-

шке, вроде лифта, познав на миг ощущение переноса личного веса на выбранный мир. Платформа опустилась, посадка приглушена... будто упал в сено или в перину.

Дальше идут латунные перила по пояс вышиной. Они идут вокруг Фонтана Миров. Наклонись и смотри...

Вычерпанные из света бездонные сферы мрака...

Это планетарий.

Миры в нем кончаются на магнитных силовых линиях. Они двигаются вокруг горящего лучистого шара-солнца. Расстояние от одного до другого снижено, и они холодно и бледно сияют во мраке. Земля — изумруд и бирюза. Венера — молочный янтарь. Марс — оранжевый щербет, Меркурий — масло, Нептун — свежеиспеченный хлеб.

В Фонтане Миров висели пища и богатство. Жаждущие и вожделеющие наклонялись над латунными перилами и смотрели. Это вызывало болезненные мечты.

Другие бросали взгляд и проходили мимо, чтобы увидеть реконструкцию декомпрессионной комнаты на Лунной Базе I в натуральную величину, или услышать представителя промышленности, сообщающего малоизвестные факты насчет конструкций пресс-шлюзов и энергии воздушного насоса. Можно было также проехаться через холл в карах по подвесной монорельсовой дороге или посмотреть двадцатиминутный фильм. Можно было подняться на свежеобрушенную стену — утес в скейл-ботах и орудовать захватами-клешнями, какими пользуются во внеземных горных разработках.

Но алчные оставались на одном месте. Они стояли дольше, смеялись меньше. Они были частью потока, образовывающего заводы...

— Думаешь направиться куда-нибудь?

Мальчик повернул голову, двинувшись на костылях, и посмотрел на обратившегося к нему полковника. Офицер был высокого роста, с загорелыми руками и лицом, с темными глазами; маленькие усики и тонкая коричневая дымящаяся трубка больше всего бросались в глаза после свежей, хорошо сшитой формы.

— Почему? — спросил мальчик.

— Ты как раз в том возрасте, когда планируют будущее. Карьеру надо нанести на карту заранее. В тринадцать лет человек может промахнуться, если он не думает вперед.

— Я читаю литературу...

— Без сомнения. В твоем возрасте все читают. Но сейчас ты видишь модели и думаешь, что это модели настоящего. Но между ними большая разница, громадная. Ты не поймешь этого ощущения, лишь читая буклеты.

Наверху прошуршал монорельсовый кар. Офицер показал на него трубкой.

— Даже это не та вещь, что едет над Большим Ледяным Каньоном, — заметил он.

— Тогда это недостатки тех, кто пишет буклеты, — сказал маль-

чик.— Любой человеческий опыт должен быть описан и интерпретирован достаточно хорошим писателем.

Офицер искоса взглянул на него.

— Повтори-ка это еще раз, сынок.

— Я сказал, что если ваши буклеты не говорят того, что вы хотите от них, то это не вина материала.

— Сколько тебе лет?

— Десять.

— Ты чертовски умен для этого возраста.

Мальчик пожал плечами, поднял костыль и показал им в направлении Галереи.

— Хороший художник мог бы сделать вам в пятьдесят раз лучшую работу, чем эти большие глянцевые фото.

— Это очень хорошие фотографии.

— Конечно, хорошие. Отличные. И, вероятно, дорогие. Но любая из этих сцен у настоящего художника была бы бесценной.

— Пока что здесь нет места художникам. Сначала идут землекопы, а культура потом.

— А почему бы не сделать наоборот? Выбрать нескольких художников, а они помогут вам найти кучу землекопов.

— Хм,— сказал офицер,— интересная точка зрения. Не прогуляешься ли со мной немного? Посмотришь еще кое-какие достопримечательности.

— Что ж,— сказал мальчик,— почему бы и нет? Правда, прогуляться — не совсем подходящее слово.

Он качнулся на костылях, поравнялся с офицером, и они пошли мимо экспонатов.

Скилботы ползли по стене, клешни цеплялись.

— Дизайн этих вещей основан на структуре ног скорпиона?

— Да,— ответил офицер.— Один блестящий инженер украл этот трюк у Природы. Именно такого сорта мозги мы и стремимся привлечь.

Мальчик кивнул.

— Я жил в Кливленде. Там в низовьях реки пользовались штукой под названием Холап-конвейер для разгрузки судов с рудой. Эта вещь основана на принципе ноги кузнечика. Какой-то смышленый молодой человек с таким мозгом, какой вы хотите привлечь, лежал однажды во дворе, обрывал ноги кузнечикам и вдруг его осенило: «Эй,— сказал он,— это может пригодиться». Он разодрал еще несколько кузнечиков, и родился Холан-конвейер. Как вы сказали, он украл трюк, который природа потратила на существ, всего лишь скачущих по полям да жующих табак. Мой отец однажды взял меня в путешествие по реке, и я увидел эти конвейеры в действии. Это громадные металлические ноги с зазубренными концами, и они производят самый ужасный неземной шум, какой я когда-либо слышал — словно призраки всех замученных кузнечиков. Боюсь, что у меня не тот род мозга, какой вы хотели бы привлечь.

— Ну,— сказал офицер,— похоже, что у тебя мозг иного рода.

— Какого иного?

— Такого, о котором ты говорил: тот, что будет видеть и интерпретировать, и сможет сказать людям здесь, дома, на что это похоже там.

— Вы взяли бы меня как хроникера?

— Нет, мы взяли бы тебя для другого. Но это не должно было бы остановить тебя. Сколько людей тянется к Мировым Войнам с целью написать военный роман? Сколько военных романов написано? А сколько из них хороших? Очень мало. Ты мог бы начать свою подготовку с этого конца.

— Возможно,— сказал мальчик.

— Пойдем сюда?— спросил офицер.

Мальчик кивнул и пошел за ним в коридор, а затем в лифт.

Лифтер закрыл дверь и спросил, куда их отвезти.

— На нижний балкон,— сказал офицер.

Едва заметное ощущение движения, затем дверь открылась. Они оказались на узком балконе, идущем вокруг края крыши. Он был закрыт гласситом и тускло светился.

Под ними лежали огороженные площадки и часть поля.

— Несколько машин скоро взлетят,— сказал офицер.— Я хочу, чтобы ты увидел, как они поднимаются на колесах огня и дыма.

— Колеса огня и дыма,— улыбаясь, повторил мальчик.— Я видел эту фразу в куче ваших буклетов. Вы — по-настоящему поэтичны, сэр.

Офицер не ответил. Ни одна из металлических башен не шевелилась.

— Вообще-то, они далеко не ходят,— сказал, наконец, полковник.— Они только перевозят материалы и персонал орбитальных станций. Настоящие большие корабли здесь никогда не садятся.

— Да, я знаю. Это верно, что один парень совершил на вашей выставке самоубийство этим утром?

— Нет,— сказал офицер, не глядя на него.— Это был несчастный случай. Он шагнул в помещение марсианской гравитации до того, как платформа была на месте и установлена воздушная подушка. Он упал в шахту.

— Почему же не закрыли этот отдел выставки?

— Потому что вся защитная аппаратура функционировала нормально. Предупреждающий свет и охранные перила работали нормально.

— Тогда почему же вы назвали это несчастным случаем?

— Потому что он не оставил записки. Вот! Смотри, сейчас одна поднимется.— Он помахал трубкой.

Бурлящий пар появился у основания одного из стальных сталагмитов. В центре его вспыхнул свет. Затем загорелось под ним, и волна дыма растеклась по полю и поднялась высоко в воздух.

Но не выше корабля... потому что он теперь двигался.

Почти незаметно корабль поднимался над грунтом. Вот сейчас движение уже было заметным...

И вдруг он оказался высоко в воздухе, в громадном потоке пламени.

Он был как фейерверк, потом стал вспышкой, и, наконец, звездой, быстро удаляющейся от них.

— Ничего похожего на ракету в полете,— сказал офицер.

— Да, вы правы.

— Ты хотел бы следовать за ним? Следовать за этой звездой?

— Да. Когда-нибудь я так и сделаю.

— Мое обучение было очень тяжелым, и сейчас требования даже более суровы.

Они следили, как взлетели еще два корабля.

— Когда вы в последний раз сами летали?— спросил мальчик.

— Не так давно...

— Я, пожалуй, пойду. Мне еще надо сделать письменную работу для школы,— сказал мальчик.

— Возьми несколько наших новых буклетов.

— Спасибо, я все их собираю.

— До свидания. Спасибо, парень.

— До свидания! Спасибо за показ.

Мальчик пошел обратно к лифту. Офицер остался на балконе, пристально глядя вдаль. Трубка его давно погасла.

Свет, движущиеся, борющиеся фигуры.

Затем темнота.

— О, сталь! Такая боль, точно вошли лезвия! У меня много ртов, и все они блюют кровью!

Тишина.

Затем аплодисменты.

Глава 4

...плоское, прямое, унылое. Это Уинчестерский кафедральный собор, как говорит путеводитель. «Своими колоннами от пола до потолка, так похожими на громадные древесные стволы, он добивается жесткого контроля над пространством. Потолок плоский. Каждый пролет между колоннами сам собой представляет уверенность и стабильность. Собор как бы отражает дух Вильгельма Завоевателя. Презрение к сложности и страстная преданность другому миру делает собой соответствующей обстановку для некоторых легенд Молори...»

— Обратите внимание на украшенные зубцами капители,— сказал экскурсовод.— Своей примитивной вырезкой они предваряют то, что позднее станет общим мотивом...

— Фу!— сказал Рендер, но тихо, потому что находился в храме с группой.

— Ш-ш-ш!— сказала Джил де Вилл (Фотлак — вот ее настоящая последняя фамилия).

Но Рендер был так же поражен, как и утомлен. Хоть он и снимал шляпу перед хобби Джил, но оно так действовало на его рефлексы, что он предпочел бы сидеть под восточным приспособлением, капавшим воду на голову, чем ходить по аркадам и галереям, переходам

и туннелям и, задыхаясь, подниматься по высоким лестницам башен.

Так что он водил глазами по всему, сжигал все, закрывал глаза и строил все заново из дымящегося пепла памяти, чтобы позднее изобразить в видении пациентки, могущей увидеть все это только таким образом. Этот собор был ему менее неприятен, чем другие здания. Да, он должен принести его ей.

Камера в его мозгу фотографировала все окружающее, пока Рендер, перекинув плащ через руку, шел с другими, а его пальцы нервно тянулись за сигаретой. Он удерживался от открытого игнорирования гида, понимая, что это было бы вершиной всех форм человеческого протеста. Так что он шел по Уинчестеру и думал о двух последних сеансах с Эйлин Шалотт.

Он снова бродил с ней.

«...Где пантера ходит туда-сюда по ветке дерева...»

Они бродили.

«...Где олень яростно поворачивается к охотнику...»

Они остановились, когда она подняла руки к вискам, раздвинула пальцы и искоса взглянула на него. Губы ее разжались, как если бы она хотела спросить.

— Олени,— сказал он.

Она кивнула, и олень подошел. Она ощупала его ноги, уши, похлопала по морде.

— Да,— сказала она.

Олень повернулся и пошел прочь, а пантера прыгнула на спину и вцепилась в его шею.

Эйлин видела, как олень дважды ударил кошку рогами, а затем умер.

«...Где гремучая змея греется на солнце, растянувшись на камне...»

Эйлин смотрела, как змея свивалась и ударяла. Затем она ощупала погремушки змеи и повернулась к Рендеру.

— Зачем эти вещи?

— Вы должны знать не только идиллию,— сказал он и указал:

«...Где аллигатор спит рядом с заболоченным заливом...»

Она коснулась плоской кожи. Животное зевнуло. Она изучала его зубы, строение челюстей.

Вокруг жужжали насекомые. Москит сел на ее руку и ужалил. Эйлин хлопнула по нему и засмеялась.

— Я продвигаюсь?— спросила она.

Он улыбнулся и кивнул.

— Вы хорошо держитесь.

Он хлопнул в ладоши — лес и болото исчезли.

Они стояли босиком на зыбком песке. Солнце и его отражение светили им с поверхности воды над их головами. Стайка ярких рыб проплыла между ними, морские водоросли качались взад и вперед, полируя течение.

Их волосы поднялись и тоже колыхались подобно водорослям,

и одежда шевелилась. Следы морских раковин разных форм лежали перед ними, вели мимо коралловых стен, по окатанным морем камням, и открывались беззубые, безъязыкие рты гигантских моллюсков.

Она остановилась и поискала что-то между раковинами. Когда Эйлин выпрямилась, в ее руках была громадная, тонкая как яичная скорлупа, трубка. На одном ее конце был завиток, он шел к углублению, похожему на гигантский отпечаток большого пальца и винтом отходил обратно, чтобы соединиться с другим концом через лабиринты тонких, как спагетти, трубочек.

— Это,— сказала она,— раковина Дедала.

— Какая раковина Дедала?

— Разве вы не знаете легенду, милорд, как величайший из ремесленников, Дедал, скрылся однажды и был найден королем Миносом?

— Что-то смутно припоминается...

— Минос искал Дедала по всему древнему свету, но бесполезно, потому что Дедал мог своим искусством изменять себя почти как Протей. Но, в конце концов, советник короля придумал, как обнаружить Дедала.

— И как же?

— Посредством раковины. Вот этой самой.

Рендер взял ее творение в руки и осмотрел.

— Король послал ее по разным городам,— продолжала она,— и предложил большую награду тому, кто протянет нитку через все комнаты и коридоры этой раковины.

— Кажется, вспоминаю...

— Вспоминаете, как это было сделано или зачем? Минос знал, что только один человек может найти способ сделать это — искуснейший из ремесленников, и знал также, что гордость Дедала заставит его попытаться сделать невозможное и доказать, что он может сделать то, чего не может никто.

— Да,— сказал Рендер,— он ввел шелковую нитку в один конец и ждал, когда она появится из другого. Крошечная петля, затянутая вокруг ползущего насекомого. Он заставил насекомое войти в один конец, зная, что оно привыкло к темным лабиринтам, и что сила этого насекомого далеко превосходит его размеры.

— ...И он завязал раковину и получил награду, и был пленен королем.

— Пусть это будет уроком всем Творцам: творить надо мудро, но не слишком хорошо.

Она засмеялась.

— Но он, конечно, потом убежал.

— Ясное дело.

Они поднялись по коралловой лестнице. Рендер вытащил нитку, поднес раковину к губам и дунул. Под морем прозвучала одна нота.

«...Где выдра питается рыбой...»

Гибкий торпедообразный пловец вторгся в косяк рыбы и стал жадно глотать.

Они ждали, когда выдра закончит и вернется на поверхность, а затем продолжили подъем по винтовой лестнице.

Сначала над водой поднялись их головы, потом плечи, руки, и вот они встали, сухие и теплые, на узком берегу. Они вошли в рощу неподалеку и пошли вдоль ручья.

«...Где черный медведь ищет корни и мед, где бобр шлепает по грязи веслоподобным хвостом...»

— Посмотрите на бобра и медведя.

Пчела отчаянно жужжала вокруг черного мародера, грязь плескалась под ударами хвоста грызуна.

— Бобер и медведь,— сказала она.— Куда мы теперь пойдем?

«...Мимо сахарного тростника, мимо желтых цветов хлопчатника, мимо риса на низком влажном поле,— ответил он и зашагал дальше.— Смотрите на растения, на их форму и цвет».

Они шли все дальше.

«...Мимо западной хурмы,— сказал Рендер,— мимо длиннолистной кукурузы, мимо нежных цветов флокса...»

Она опускалась на колени, изучала, нюхала, трогала, пробовала на вкус.

Они шли через поля, и она чувствовала под ногами черную землю.

— Я пытаюсь что-то вспомнить,— сказала она.

«...Мимо тусклой зелени ржи,— сказал он,— когда она колышется по ветру...»

— Подождите минутку,— сказала она,— я вспоминаю, но медленно. Подарите мне желание, которое я ни разу не высказала вслух.

— Взобраться на гору,— сказал он,— «с опасностью задохнуться».

Так они и сделали.

— Скалы и холодный ветер. Здесь высоко. Куда мы идем?

— Вверх. На самую вершину.

Они влезли туда в безвременный миг и остановились на вершине горы. Им казалось, что они поднимались много часов.

— Расстояние, перспектива,— сказал он.— Мы прошли через все это, то, что вы видите перед собой.

— На такую гору я однажды взбиралась, не видя ее.

Он кивнул. Ее внимание вновь привлек океан под голубым небом.

Через некоторое время они стали спускаться с другого склона горы. Снова Время дернулось и изменилось вокруг них, и вот они уже у подножия горы и идут вперед.

«...Гуляющий червь прокладывает путь по траве и пробивается сквозь листья куста...»

— Вспомнила!— воскликнула она, хлопнув в ладоши.— Теперь я знаю!

— Так где мы?— спросил Рендер.

Она сорвала травинку и сжевала ее.

— Где? Ну, конечно, «где перепел свистит в лесах и в пшеничном поле».

Перепел засвистел и пересек им дорогу, а за ним строго по линии шествовал его выводок.

Они шли по темнеющей тропе между лесом и пшеничным полем.

— Так много всего,— сказала она.— Вроде каталога ощущений. Дайте мне еще строчку.

— «Где летучая мышь летает в канун Седьмого месяца»,— сказал Рендер и поднял руку.

Эйлин быстро опустила голову, чтобы мышь не налетела на нее, и темная фигура исчезла в лесу.

— «...где большой золотой жук падает сквозь тьму...» — сказала она, и жук, похожий на метеорит в двадцать четыре карата, упал к ее ногам. Он лежал секунду, как окрашенный солнцем скарабей, а затем пополз по траве у края тропы.

— Вы теперь вспомнили? — спросил он.

— Да.

Канун Седьмого месяца был холодным, на небе появились бледные звезды. Полумесяц наклонился над краем мира, и его пересекла еще одна летучая мышь. Где-то в траве застрекотал сверчок.

— Мы пойдем дальше,— сказала она.

— Дальше?

— Туда, где «ручей отрывает корни старого дерева и несет на луг...»,— ответила она.

— Ладно,— сказал он и наклонился к гигантскому дереву, мимо которого они шли. Между его корнями пробивался родник, питавший ранее пройденный ручей. Он звенел, как эхо далеких колокольчиков. Он вился между деревьями, зарывался в землю, кружился и перерезал свой путь к океану.

Она шла по воде. Вода изгибалась и пенилась вокруг нее, брызгала дождем, сбегала по спине, по груди, по рукам и ногам.

— Идите сюда, магия ручья прекрасна,— сказала Эйлин.

Но Рендер покачал головой. Он ждал. Она вышла, встряхнулась и тут же высохла.

— Лед и радуга,— заметила она.

— Да, но я забыл, что там следующее.

— Я тоже, но помню чуть дальше: «...Где пересмешник издает свое нежное бульканье, хихиканье, визг, плач...»

И Рендер сморщился, услышав пересмешника.

— Это не мой пересмешник,— сказал он.

Она засмеялась.

— Какая разница? Во всяком случае, он появился немедленно.

Рендер покачал головой и отвернулся. Она встала рядом с ним.

— Простите. Я буду более осторожной.

— Прекрасно.— Он пошел дальше.— Я забыл следующую часть.

— Я тоже.

Они оставили поток далеко за собой и шли по пригибающейся траве, по ровной безграничной равнине, и все, кроме пика солнечной короны, исчезло с горизонта.

— «...Где тени при заходе солнца удлиняются по бесконечной

одинокой прерии...» Я вспомнил: вот это место: «...Где стада бизонов медленно распространяются на квадратные мили...»

Темная масса слева постепенно обрела форму. Выделялся громадный бизон американских прерий. Не на родео, не на выставке рогатого скота, не на обратной стороне старинной никелевой монетки, а здесь стояли эти животные, опустив рогатые головы, покачивая мощными спинами — знак Торо, неудержимое плодородие весны, исчезающее в сумерках в былое, в прошлое — вероятно, туда, «...где сверкают колибри...»

Рендер и Эйлин шли по великой равнине, луна плыла над ними. Наконец они дошли до противоположного конца страны, где большие озера, другие ручьи, мосты и другой океан. Они прошли через опустевшие фермы, сады и двинулись вдоль воды.

— «...Где шея лебедя изгибается и поворачивается...»,— сказала она, глядя на своего первого лебедя, плывущего по озеру в лунном свете.

— «...Где хохочущая чайка носится над берегом,— ответил он,— и смех ее почти человеческий...»

И в ночи раздался смех, но он не был ни смехом чайки, ни смехом человека, потому что Рендер никогда не слышал, как хохочет чайка. Журчащие звуки он сотворил из сырого ощущения холодного вечера.

Он велел вечеру вновь стать теплым. Он осветил тьму, заставил ее звенеть серебром. Смех начал замирать и исчез совсем. Сотворенная чайка унеслась в океан.

— Ну,— объявил он,— на этот раз почти все.

— Но здесь гораздо больше,— возразила она.— Вы держите в голове меню обедов, как же вы не помните еще кое-чего об этом? Я помню что-то насчет куропаток, укладывающихся на ночлег кольцом, головами наружу, и о цапле в желтой короне, питающейся крабами на краю болота, и о кузнечиках в орешнике, и...

— Это много, даже слишком,— сказал Рендер.

Они прошли через рощу лимонных и апельсиновых деревьев, по местам, где кормится цапля, мимо орехового дерева, где поют кузнечики, и там, где куропатки спят кольцом, головами наружу.

— В следующий раз вы покажете мне всех животных?

— Да.

Она свернула по узкой тропке к фермерскому дому, открыла дверь и вошла. Рендер, улыбаясь, шел за ней.

Чернота.

Полная чернота, мрак абсолютной пустоты. Внутри дома ничего не было.

— В чем дело?— спросила она.

— По сценарию эта экскурсия не планировалась,— сказал Рендер.— Я хотел опустить занавес, а вы решили, что шоу должно продолжаться. На этот раз я воздерживаюсь от какой-либо поддержки.

— Я не всегда могу контролировать это,— ответила она.— Простите. Давайте окончим. Я овладела импульсом.

— Нет, пойдем дальше. Свет!

Они стояли на вершине холма, и летучие мыши летели мимо узкого металлического серпа луны. Вечер был холодным. От груды мусора доносилось грубое карканье. Деревья были металлическими столбами с приклеенными к ним ветками. Трава под ногами — из зеленого пластика. У подножия холма тянулось гигантское пустое шоссе.

— Где мы? — спросила она.

— Это ваша «Моя Песня» со всем крайним нарциссизмом, каким вы могли бы набить ее. Все было правильно... до известной точки. Но вы толкнули ее излишне далеко. Теперь я чувствую, что становится необходимым некоторое равновесие. Я не могу позволить себе играть в игрушки каждый сеанс.

— Что вы собираетесь делать?

— Пойдем гулять, — он хлопнул в ладоши.

— «... где чаша пыли просит воды...», — сказал голос неизвестно откуда, и они, закашлявшись, пошли.

— «...где сильно загрязненная река не знает живого существа, — сказал голос, — и пена ее ржавого цвета...»

Они шли вдоль вонючей реки. Эйлин зажала нос, но запах все равно чувствовался.

«...где лес погублен, и ландшафт есть преддверие ада...»

Они шли среди пней, спотыкаясь об остатки ветвей, и под их ногами хрустели сухие листья. Испуганно косящаяся луна свисала с черного купола на тонкой нитке. Под листьями трещала земля.

«...где земля кровоточит в опустевших горных выработках...»

Вокруг них лежали покинутые механизмы. Горы земли и камни сиротливо лежали в ночи. Громадные бреши в земле были наполнены похожими на кровь растениями.

— «...пой. Муза алюминия, которая вначале учила этого пастуха, как музей и процесс восстает из Хаоса — или, если тебя больше восхищает смерть, созерцай величайшее кладбище!»

Они вернулись назад, на вершину холма, чтобы посмотреть оттуда. Кругом было множество тракторов, бульдозеров, экскаваторов, кранов. Грудами лежал искореженный проржавевший, изломанный металл. Вокруг валялись рамы, плиты, пружины, балки. Брошенные орудия. Ненужные вещи.

— Что это? — спросила она.

— Металлический лом. Об этом Уолт не пел — о вещах, которые идут по его траве и выдирают ее с корнем.

Они прошли мимо мертвых механизмов.

— Эта машина срыла индейский могильник, а эта спилила старейшее на континенте дерево. Вот эта прорыла канал, отклонивший реку, что обратило зеленую долину в пустыню. Эта ломала стены домов наших предков, а эта поднимала плиты для чудовищных башен, заменивших дома...

— Вы пристрастны, — сказала она.

— Конечно. Вы должны всегда стараться видеть широко, если хотите сделать что-то мелкое. Помните, я показывал вам пантеру,

гремучую змею, аллигатора? Помните, что я ответил, когда вы спросили: «Зачем это?»

— Вы сказали, что я должна знать не только идиллию.

— Правильно, и, поскольку вы снова жаждете перехватить инициативу, я решил, что чуть больше боли и чуть меньше удовольствия могут укрепить мое положение. Вы уже наделали ошибок.

— Да, я знаю. Но это изображение механизмов, мостящих дорогу в ад...

Они обошли кучу банок, бутылок и матрасных пружин. Он остановился перед металлическим ящиком и поднял крышку.

— Посмотрите, что спрятано в брюхе этого бака на целые столетия!

Фантастическое сияние наполнило темную полость мягким зеленым светом.

— Чаша Святого Грааля,— объявил он.— Это энантиадромия, моя дорогая. Круг, возвращающийся на себя. Когда он проходит через свое начало, начинается спираль. Откуда мне знать? Грааль мог быть спрятан в машине. Со временем все меняется. Друзья становятся врагами, зло становится благодеянием. Но у меня еще есть время, и я расскажу вам маленькую легенду, как и вы угощали меня легендой о греке Дедале. Ее рассказал мне пациент по имени Ротман, изучающий каббалу. Чаши Грааля, которую вы видите, есть символ света, чистоты, святости и небесного величия. Каково ее происхождение?

— Никто не знает.

— Да, но есть традиция, легенда, которую Ротман знал: Чашу Грааля отлил Мельхиседек, израильский первосвященник, предназначив ее для Мессии. Но где Мельхиседек ее взял? Он вырезал ее из громадного изумруда, найденного им в пустыне. Этот изумруд выпал из короны Шмаэла, Ангела Тьмы, когда тот был сброшен с небес. Кто знает, какова вообще суть Чаши Грааля? Энантиадромия. Прощай, Грааль.— Он закрыл крышку, и все сделалось мраком.

Затем, идя по Уинчестерскому кафедральному собору с плоским потолком и обезглавленной (Кромвелем, как сказал гид) статуей справа, он вспоминал следующий сеанс. Он вспоминал свою почти невольную позу Адама, когда называл всех проходящих перед ними животных. Он чувствовал себя приятно буколически, когда, вызубрив старый ботанический текст, творил и называл полевые цветы.

Так что они были вдали от городов, вдали от машин. Ее эмоции были все еще мощными при виде простых, осторожно вводимых объектов. Чтобы рискнуть ввести ее в сложную и хаотическую дикость, он должен был медленно строить ее город.

Что-то быстро пронеслось над собором, вызвав высокий гул. Рендер на секунду взял Джил за руку и улыбнулся, когда она посмотрела на него. Джил, склонная к красоте, обычно прилагала много усилий для ее достижения, но сегодня ее волосы были просто зачесаны назад и связаны пучком, глаза и губы не накрашены, маленькие белые уши были открыты и казались какими-то заостренными.

— Обратите внимание на зубцы капителей,— прошептал он.

— Фу! — сказала Джил.

— Ш-ш-ш! — зашикала стоявшая рядом маленькая женщина.

Позднее, когда они шагали обратно к своему отелю, Рендер спросил:

— О'кей, Уинчестер?

— О'кей.

— Рада?

— Рада.

— Значит, можем вечером уехать.

— Идет.

— В Швейцарию...

— А может, мы сначала потратим деньги на осмотр старых замков? В конце концов, они же сразу через Пролив, а пока я буду осматривать, ты можешь попробовать все местные вина...

— Ладно.

— Она посмотрела на него с некоторым удивлением.

— Что? Никаких возражений? — Она улыбнулась. — Где твой боевой дух? Ты позволяешь мне вертеть тобой?

— Когда мы галопом неслись по потрохам этого храма, я услышал слабый стон, а затем крик. «Ради бога, Монтрезор!» Я думаю, это был мой боевой дух, потому что голос-то был мой. Я уступаю призраку, даже неустановленному. Давай поедем во Францию.

Вот и все!

— Дорогой Рэнди, это всего на пару дней...

— Аминь, — сказал он, — хотя мазь на моих лыжах уже сохнет.

Они уехали. На третий день утром, когда она говорила ему о замках в Испании, он вслух размышлял, что в то время, как психологи пьют, они злятся и ломают вещи. Приняв это как завуалированную угрозу Веджвудскому фарфору, который она коллекционировала, она согласилась с его желанием кататься на лыжах.

Свободен! — чуть не выкрикнул Рендер.

Сердце его билось где-то в голове. Он резко наклонился и свернул влево. Ветер бил в лицо, жег и царапал щеки душем ледяных кристаллов.

Он был в движении. Мир кончился в Вейсфилде, и Дофталь вел вниз и прочь от его портала.

Его ноги были двумя мерцающими реками, несущимися по твердым, изгибающимся плоскостям. Они не мерзли на ходу. Вниз. Он плыл. Прочь от всего мира. Прочь от удушающей нехватки интенсивности, от избалованности благосостоянием, от убийственной поступи вынужденных развлечений, рубящих досуг, как Гидру.

Летя вниз, он чувствовал сильное желание оглянуться через плечо, не создал ли мир, оставшийся за спиной, грозное воплощение его самого, тень, которая погонится за ним, Рендером, поймает и утащит обратно в теплый и хорошо освещенный город в небе, где он будет лежать и беседовать с алюминиевым проводом и с гирляндой чередующихся токов, успокаивающих его дух.

— Я ненавижу тебя, — выдохнул он сквозь зубы, и ветер унес его

слова. Затем он засмеялся, потому что всегда анализировал свои эмоции, как сущность рефлексов, и добавил: — Беги, Орест, безумец, преследуемый фуриями...

Через некоторое время склон стал более пологим. Рендер достиг низа трассы и остановился.

Он закурил и пошел обратно на вершину, чтобы снова спуститься по причинам нетерапевтическим.

В этот вечер он сидел перед камином в большом помещении, чувствуя, как тепло пропитывает усталые мышцы. Джил массировала ему плечи, пока он разыгрывал Роршаха. Он потянулся за блестящим стаканчиком, который тут же был выхвачен у него звуком голоса, донесшегося откуда-то через холл Девяти Сердец.

— Чарльз Рендер? — сказал голос (только это прозвучало как «Шарльс Рундер»).

Его голова тут же дернулась в том направлении, но в его глазах плясало слишком много остаточных изображений, чтобы он мог выделить источник зова.

— Морис? — спросил он. — Бартельметр?

— Угу, — пришел ответ, и затем Рендер увидел знакомое лицо, посаженное прямо на плечи, на красный с синим мохнатый свитер, безжалостно натянутый на винный бочонок. Человек пробивал себе путь в их направлении, ловко обходя разбросанные лыжные палки, сваленные в кучу лыжи и людей, которые, подобно Джил и Рендеру, пренебрегали стульями.

— Вы еще больше потолстели, — заметил Рендер. — Это нездорово.

— Вздор, это все мышцы. Ну, как вы, что у вас нового? — Он посмотрел на Джил, и она улыбнулась ему.

— Это мисс де Вилл, — представил ее Рендер.

— Джил, — уточнила она.

Он слегка наклонился и, наконец, выпустил болевшую руку Рендера.

— ...А это профессор Морис Бартельметр из Вены, — закончил Рендер, — ярый последователь всех форм диалектического пессимизма и весьма замечательный пионер нейросоучастия, хотя, глядя на него, этого никогда не подумаешь. Я имел счастье быть его учеником.

Бартельметр кивнул, соглашаясь с ним, принял фляжку, которую Рендер достал из пластиковой сумки, и наполнил до краев складной стаканчик.

— Ага, вы все еще хороший врач, — сказал он. — Вы сразу же диагностировали случай и дали правильное предписание. На здоровье!

— Дай Бог, не последнюю, — сказал Рендер, наливая себе и Джил.

Они сели на пол. Пламя ревело в громадной кирпичной трубе камина, кряжи обгорали по ветвям, сучьям, по годовым кольцам. Рендер подкладывал дрова.

— Я читал вашу последнюю книгу года четыре назад,— небрежно сказал Бартельметр.

Рендер кивнул.

— Вы занимались в последнее время какой-нибудь исследовательской работой?

— Да,— сказал Рендер,— отчасти.— Он взглянул на Джил, которая дремала, прижавшись щекой к ручке огромного кожаного кресла. По ее лицу пробегали малиновые тени.— Я натолкнулся на довольно необычного субъекта и начал некую сомнительную операцию, которую надеюсь со временем описать.

— Необычный? В каком смысле?

— Слепая от рождения, во-первых.

— Вы пользуетесь Яйцом?

— Да. Она хочет быть Творцом.

— Черт побери! Вы сознаете возможные последствия?

— Конечно.

— Вы слышали о несчастном Пьере?

— Нет.

— Это хорошо. Значит, все было удачно засекречено. Пьер преподавал философию и писал диссертацию об эволюции сознания. Прошлым летом он решил, что ему необходимо исследовать мозг обезьяны, чтобы сравнить менее тошнотворный мозг со своим, я полагаю. Во всяком случае, он получил незаконный доступ к Яйцу и к мозгу нашего волосатого субъекта. Как далеко он зашел, подвергая животное стимулирующей терапии — так и не выяснено, но полагают, что такие вещи не могут немедленно передаваться от человека к обезьяне — звуки уличного движения, например, и тому подобное — и что-то испугало животное. И с тех пор Пьер находится в обитой мягким камере, и все его реакции — реакции испуганной обезьяны.

Таким образом, поскольку он не закончил своей диссертации, он, вероятно, может дать достаточно материала для кого-то другого.

Рендер покачал головой.

— Сюжет похож,— тихо сказал он,— но в нем нет ничего драматического. Я нашел исключительно стабильного индивидуума — психиатра, человека, уже потратившего немало времени на обычные анализы. Она хочет стать нейросоучастником, но ее останавливает страх перед зрительной травмой. Я постепенно представляю ей целый ряд зрительных феноменов. Когда я закончу, она полностью привыкнет видеть и сможет отдать все свое внимание терапии, не будучи, так сказать, ослеплена видением. Мы уже провели четыре сеанса.

— И?..

— Все идет прекрасно.

— Вы уверены в этом?

— Да, насколько вообще можно быть уверенным в подобных вещах.

— М-м-м,— протянул Бартельметр.— Скажите, вы находите

ее исключительно волевой? Скажем, возможен ли навязчиво-принудительный рисунок чего-либо, в который ее можно ввести?

— Нет.

— Ей когда-нибудь удавалось перехватить у вас контроль над фантазиями?

— Нет.

— Врете,— просто сказал Бартельметр.

Рендер закурил и улыбнулся.

— Старый отец, старый мастер, возраст не уменьшил вашей проницательности. Я мог бы соврать любому, но не вам. Да, правильно, ее очень трудно держать под контролем. Она не удовлетворяется тем, что видит. Она хочет творить. Это вполне понятно — и мне, и ей — но сознательное понимание и эмоциональное восприятие, кажется, никогда не совпадают. В некоторых случаях она начинает доминировать, но мне удается почти немедленно снова брать контроль. В конце концов, над клавиатурой-то я хозяин.

— Хм... Вы знакомы с буддийским текстом «Катехизис Шавкары»?

— Боюсь, что нет.

— Теперь я расскажу вам о нем. Он основан — отнюдь не для терапевтических целей — на истинном эго и на мнимом эго. Истинное эго — бессмертная часть человека, и должна отправиться в Нирвану — душа, так сказать. Прекрасно. Мнимое же эго — нормальный мозг, опутанный иллюзиями — сожалением вас, меня, всех, кого мы когда-нибудь знали профессионально. Ясно? Ясно. Дальше: ткань этого мнимого эго составлена на скандхах, как они называют. Сюда включаются ощущения, восприятия, способности, самосознание и даже физическая форма. Крайне ненаучно. Да. Но это все не то же самое, что неврозы, мнимые жизни мистера Ибсена или галлюцинации — нет.

Каждая из пяти скандх есть часть оригинальности, которую мы называем личностью, а затем наверх выступают неврозы и все прочие неприятности, следующие за ними и дающие нам работу. О'кей? О'кей. Я прочел вам эту лекцию, потому что нуждаюсь в драматическом ограничении того, что сейчас скажу, а я хочу сказать кое-что драматическое.

Посмотрим на скандхи, как они лежат на дне водоема: неврозы рябят на поверхности реки; «истинное эго», если оно есть, закопано глубоко в песке на дне. Так. Рябь заполняет пространство между субъектом и объектом. Скандхи — часть субъекта, основная, единственная часть и ткань его существа. Итак, вы согласны со мной?

— Со многими оговорками.

— Хорошо. Теперь, когда я установил свою границу, я буду ею пользоваться. Вы играете со скандхами, а не с простыми неврозами. Вы пытаетесь выправить у этой женщины всеобъемлющую концепцию ее самой и мира. Для этого вы пользуетесь Яйцом. Это то же самое, что играть с психотоками или с обезьяной. Все вроде бы идет

хорошо, но... в какой-то момент вы можете сделать что-то, показать ей какое-то зрелище или какой-то способ видеть, что переломится в ее личности, сломает скандху и — пфф! — словно пробито дно водоема. В результате — водоворот, который унесет все... куда? Я не хочу иметь вас в качестве пациента, молодой человек, молодой мастер, поэтому я советую вам не продолжать. Яйцо не стоит использовать подобным образом.

Рендер швырнул сигарету в огонь и начал загибать пальцы:

— Во-первых, вы делаете мистическую гору из маленьких камешков. Я всего лишь сегодня направляю ее сомнение на прием дополнительной области восприятия. Во многом это простая передача работы других чувств.

Во-вторых, ее эмоции были крайне интенсивны вначале, потому что это была действительно травма, но мы уже прошли эту стадию. Теперь это для нее просто новинка. Слово станет привычным.

В-третьих, Эйлин сама психиатр, она опытна во всех этих делах и прекрасно знает деликатную природу того, что мы делаем.

В-четвертых, ее чувство личности и ее желание, или ее скандхи, как вы их называете, тверды, как Гибралтарская скала. Вы же понимаете, какая напряженность требовалась от слепой, чтобы получить образование, полученное ею? Нужна была стальная воля, эмоциональный контроль и аскетизм тоже...

— ... А если что-то из этих сил сломается в безвременный момент тревоги? — Бартельметр грустно улыбнулся.— Пусть тени Зигмунда Фрейда и Карла Юнга будут рядом с вами в долине мрака...

— И, в-пятых,— неожиданно добавил он, глядя в глаза Рендеру,— она привлекательна?

Рендер отвернулся к камину.

— Весьма разумно,— вздохнул Бартельметр.— Я не могу сказать, то ли вы покраснели, то ли на вашем лице отблеск пламени. Боюсь, однако, что вы покраснели, и это означает, что вы сознаете, что сами можете стать источником возбуждающего стимулятора. Вечером я зажгу свечу перед портретом Адлера и буду молиться, чтобы он дал вам силы успешно соревноваться в вашей дуэли с пациенткой.

Рендер посмотрел на Джил, которая все еще спала, протянул руку и поправил ей локоны.

— Во всяком случае,— сказал Бартельметр,— если вы будете продолжать, и все пойдет хорошо, я с великим интересом прочитаю о вашей работе. Я говорил вам когда-нибудь, что я лечил несколько буддистов, но так и не обнаружил «истинного эго»?

Оба мужчины рассмеялись.

Оно похоже и не похоже на меня, это существо на поводке, маленькое, серое, невидящее, пахнущее страхом. Рыкни — и оно задохнется в своем ошейнике. Голова его пуста, как отверстие, из которого появляется обед, когда Она нажмет кнопку. Говори с ним — оно ни-

чего не понимает, хотя и похоже на меня. В один прекрасный день я убью его. Зачем?.. Тут поворот.

Три ступеньки. Вверх. Стеклянные двери. Лучше справа.

Вперед. Лифт. Внизу сады. Там приятно пахнет. Трава, сырая земля, чистый воздух. Я вижу. Птицы — правда, запись. Я вижу его. Я.

Лифт. Четыре ступеньки.

Вниз. Да, хочется сделать громкий шум в горле — глубокое чувство. Чисто, спокойно, много деревьев. Богиня сидит на скамье, жует листья, пахнущие зеленью. Не может видеть их, как я. Может, теперь что-нибудь?.. Нет.

Следи за ступеньками.

Вперед. Направо, налево, направо. Налево деревья и трава. Зигмунд видит. Гуляет... доктор с машиной дает ей свои глаза. Рыкни — он не задохнется. Запаха страха нет.

Выкопать в земле глубокую яму, похоронить глаза. Богиня слева. Чтобы видеть, есть Зигмунд. Теперь ее глаза наполнены, и он боится зубов. Заставит ее видеть и возьмет ее высоко в небо, глядеть оттуда. Оставит меня здесь, оставит Зигмунда одного, невидящего... Я выкопаю в земле глубокую яму...

Джил проснулась утром после десяти. Она не повернула головы, чтобы узнать, встал ли Рендер. Он всегда встает рано. Она протерла глаза, потянулась, повернулась набок и приподнялась на локте. Посмотрела на часы на ночном столике и потянулась за сигаретами и зажигалкой.

Закурив, она увидела, что пепельницы нет. Без сомнения, Рендер унес ее, потому что не одобрял курения в постели. Вздохнув, она вылезла из кровати и потянулась за халатом.

Она терпеть не могла процесса вставания, но, уже встав, позволяла дню начаться и продолжать без пропусков регулярный ход событий.

— Черт бы его взял,— улыбнулась она. Ей хотелось бы завтракать в постели, но было уже слишком поздно.

Размышляя, что ей надеть, она заметила в углу пару чужих лыж. На одну из них был насажен листок бумаги.

«Присоединишься ко мне?» — спрашивали каракули.

Она отрицательно покачала головой и почувствовала печаль. Она дважды в жизни вставала на лыжи и боялась их. Она сознавала, что следовало бы попробовать снова, что это разумный, хороший спорт, но ей тяжело было даже вспоминать об отвратительном рывке вниз, рывке, который в обоих случаях быстро переносил ее в сугроб, и не хотелось вновь ощутить головокружение, охватывающее ее при тех двух попытках.

Так что она приняла душ, оделась и пошла завтракать.

Все девять каминов уже ревели, когда она, проходя мимо большого холла, заглянула туда. Несколько краснолицых лыжников уже подносили руки к пламени центрального камина. Народу было немного. На подставках стояло несколько пар мокрых ботинок, на вешалке висели яркие шапочки, возле двери стояли на своем месте

влажные лыжи. Несколько человек сидели в креслах в центре холла, читали газеты, курили, болтали. Она не увидела никого из знакомых и прошла дальше, в столовую.

Когда она шла мимо регистрационного стола, ее окликнул старик, работавший там. Она улыбнулась и подошла.

— Письмо,— сказал он и протянул ей конверт.— Выглядит важным.

Это был объемистый коричневый конверт, пересылавшийся три раза, как она заметила, и обратный адрес был адресом ее поверенного.

— Спасибо.

Она села у большого окна и посмотрела на заснеженный сад и на винтовую тропу вдали, усеянную фигурами с лыжами на плечах. Затем она разорвала конверт.

Да, это был финал. Письмо адвоката сопровождалось копией решения суда о разводе. Она только недавно решила положить конец законной связи с мистером Фотлаком, чье имя она перестала носить пять лет назад, когда они расстались. Теперь она имела вещь, с которой не вполне знала, что делать. Ее дорогой Рэнди, наверное, чертовски удивится. Надо будет придумать какой-нибудь невинный повод донести до него эту информацию. Ну, для этого еще будет время. Хотя надолго откладывать не стоит... Ее тридцатый день рождения висел, как грозная туча над апрелем, а апрель через четыре месяца. Ладно... Она тронула губы помадой, сильно напудрила родинку и закрыла косметичку.

В столовой она увидела д-ра Бальтерметра, сидевшего перед огромной горой яичницы, цепочек сосисок, тостов и полупустой бутылкой апельсинового сока. На спиртовке стояла кастрюля с кофе. Он слегка наклонился вперед и работал вилкой, как ветряная мельница лопастями.

— Доброе утро,— сказала Джил.

Он поднял глаза.

— Мисс де Вилл... Джил... доброе утро.— Он кивнул на стул напротив себя.— Присоединяйтесь, пожалуйста.

Она села и сказала подошедшему официанту:

— Мне то же самое, но на 90% меньше.— И снова повернулась к Бартельметру.— Вы видели сегодня Чарльза?

— Увы, нет, а я хотел продолжить нашу дискуссию, пока его мозг еще на ранней стадии пробуждения и, значит, более уступчив. К несчастью, он из тех, кто входит в день где-то в середине второго акта.

— А я обычно прихожу в антракте и спрашиваю краткое содержание,— сказала Джил.— Так почему бы не продолжить дискуссию со мной? Я уступчива, и мои скандхи в хорошем состоянии.

Глаза их встретились.

— Ага,— сказал он медленно,— так я и думал. Что ж — хорошо. Что вы знаете о работе Рендера?

— М-м-м... Он особый специалист в высокоспециальной области, мне трудно оценить некоторые вещи и говорить о них. Я хотела

бы иногда заглядывать в мозг других людей, посмотреть, что они думают обо мне, но не думаю, конечно, чтобы я оставалась там надолго. Особенно,— она шутливо поежилась,— в чьем-то мозгу с проблемами. Наверное, я либо слишком сочувствовала бы, либо боялась, либо еще что-нибудь, и тогда, в соответствии с прочитанным, возникло бы нечто вроде симпатической магии, и это могло бы стать моими проблемами. Но у Чарльза проблем не бывает, во всяком случае, он не говорил мне об этом. Но позднее я задумалась. Эта слепая девушка и ее собака-поводырь, кажется, слишком сильно занимают его.

— Собака-поводырь?

— Да, собака, служащая ей глазами. Один из хирургических мутантов.

— Как интересно... Вы когда-нибудь встречались с этой женщиной?

— Никогда.

— Так.— Он задумался.— Иногда врач сталкивается с пациентом, чьи проблемы так родственны его собственным, что сеанс становится чрезвычайно острым. Так всегда бывало со мной, когда я лечил коллегу-психиатра. Возможно, Чарльз видит в этой ситуации параллель чему-то, тревожащему его лично. Я не смотрел его личный анализ, не знаю всех путей его мозга, хотя он долгое время был моим учеником. Он всегда был замкнутым, о чем-то умалчивал; при случае мог быть весьма авторитетным. Что еще занимает его в последнее время?

— Как всегда, его сын Питер. Он переводил мальчика из школы в школу пять раз за пять лет.— Ей подали завтрак, и она придвинулась к столу.— И он читает обо всех случаях самоубийства и без конца рассказывает о них.

— С какой целью?

Она пожала плечами и принялась за еду.

— Он никогда не упоминал — зачем,— сказала она, снова взглянув на Бартельметра.— Может, он пишет что-нибудь...

Бартельметр покончил с яичницей и налил себе еще кофе.

— Вы боитесь этой его пациентки?

— Нет... Да, боюсь.

— Почему?

— Боюсь симпатической магии,— сказала она, слегка покраснев.

— Под это определение может подходить очень многое.

— Это верно,— признала она.— Мы с вами объединились ради его благополучия и пришли к согласию в том, что именно представляет угрозу. Не могу ли я просить вас об одолжении?

— Можете.

— Поговорите с ним еще раз. Убедите его бросить это дело.

Он смял салфетку.

— Я намерен сделать это после обеда. Я верю в ритуальную ценность спасительных побуждений. И сделать их надо.

Дорогой отец-идол.

Да, школа прекрасная, лодыжка моя заживает, и с моими одноклассниками у меня много общего. Нет, я не нуждаюсь в деньгах, питаюсь хорошо и не имею затруднений с новым учебным планом. О'кей?

Здание я не буду описывать, поскольку ты уже видел эту мрачную вещь. Землю описать не могу, потому что она сейчас под холодными белыми пластами. Брррр! Правда, меня восхищает искусство зимы, но я не разделяю твоего энтузиазма к этой противоположности лета, кроме как в рисунках или эмблеме на пачке мороженого.

Лодыжка ограничивает мою подвижность, а мой товарищ по комнате уезжает на уикенды домой — то и другое является настоящим благословением, потому что у меня теперь удобный случай схватиться за чтение. Что я и делаю.

Питер.

Рендер наклонился и погладил громадную голову. Голова стоически приняла это, а затем перевела взгляд на австрийца, у которого Рендер попросил огонька, и как бы говорила: «Должен ли я терпеть такое оскорбление?» Человек улыбнулся, щелкнул гравированной зажигалкой, и Рендер заметил среди заглавных букв маленькую «ф».

— Спасибо,— сказал Рендер и обратился к собаке:— Как тебя зовут?

— Бисмарк,— проворчал пес.

— Ты напомнил мне другого такого же, некоего Зигмунда, компаньона и гида моей слепой приятельницы в Америке.

— Мой Бисмарк — охотник,— сказал молодой человек,— но здесь нет ни оленей, ни больших кошек.

Уши собаки встали торчком, она смотрела на Рендера гордыми горящими глазами.

— Мы охотились в Африке, в северных и южных частях Америки. И в Центральной Америке тоже. Бисмарк никогда не теряет след. Никогда не промахивается. Он прекрасный зверь, и его зубы как будто сделаны в Золингене.

— Ты счастливчик, что у тебя такой компаньон.

— Я охочусь,— прорычал пес.— Я преследую... иногда убиваю...

— Вы не знаете такой же собаки — Зигмунда, или женщины, которую он водит — мисс Эйлин Шалотт? — спросил Рендер.

Человек покачал головой.

— Нет. Бисмарка я получил из Массачусетса и не знаком с хозяевами других мутантов.

— Понятно. Ну, спасибо за огонек. Всего вам доброго.

— Всего доброго...

Рендер зашагал по узкой улице, засунул руки в карманы. Вторая попытка Бартельметра чуть было не заставила его наговорить лишнего, о чем он сам потом сожалел бы. Проще было уйти, чем продолжать разговор. Поэтому он извинился и не сказал, куда идет — он и сам не знал.

Повинуясь внезапному импульсу, он вошел в лавку и купил часы

с кукушкой, бросившиеся ему в глаза. Он был уверен, что Бартельметр примет подарок в правильном смысле. Он улыбнулся и пошел дальше. Интересно, что за письмо для Джил, с которым клерк специально подошел к их столику в столовой? Оно три раза переадресовывалось и было отправлено юридической фирмой. Джил даже не вскрыла его, а улыбнулась, поблагодарила старика-клерка и сунула письмо в сумочку. Следовало бы кое-что узнать о его содержании. Его любопытство так возбуждено, что она, конечно, пожалеет его и скажет.

Ледяные столбы неба, казалось, внезапно закачались перед ним. Подул резкий северный ветер. Рендер сгорбился и упрятал голову в воротник. Сжимая часы с кукушкой, он поспешно двинулся обратно.

В эту ночь змея, державшая свой хвост в зубах, рыгала. Фенрис Волк прокладывал путь к луне. Маленькие часы сказали «ку-ку», и завтра пришло, как последний буйвол Манолета, тряся рогами ворота и мыча обещание втоптать поток львов в песок.

Рендер обещал себе отдохнуть от излишней сентиментальности.

Позже, много позже, когда они прыгали в крейсере, похожем на коршуна, по небу, Рендер смотрел вниз на потемневшую землю, думая о ее полных звезд городах, смотрел вокруг себя, на людей, мелькавших на экранах, на автоматы с кофе, чаем и спиртными напитками, которые посылали свои флюиды исследовать внутренность людей и заставлять их нажимать кнопки, а затем смотрел на Джил, которую старинные здания заставляли ходить в их стенах, и знал, она чувствует, что он смотрит на нее, и чувствует, что его сиденье требует превращения в ложе — чтобы он уснул.

Глава 5

Ее кабинет был полон цветов, ей нравились экзотические ароматы. Иногда она зажигала курения. Ей нравилось мочить ноги в теплых лужах, гулять в снегопад, слушать слишком много музыки, может быть, излишне громкой, выпивать каждый вечер пять или шесть различных лекарств (обычно неприятно пахнущих анисовой, иногда — полынной). Руки у нее были мягкие, слегка веснушчатые, с длинными сужающимися к концам пальцами. Колец она не носила.

Ее пальцы снова и снова ощупывали выпуклости цветка рядом с ее креслом, пока она говорила в записывающий аппарат.

— ...основные жалобы пациента при поступлении — нервозность, бессонница, боли в животе и периоды депрессии. У пациента имелась запись прежних поступлений на короткое время. Он был в этом госпитале в 1995 году с маниакально-депрессивным психозом пониженного типа и снова вернулся сюда второго марта 1996 года. 9 февраля 1997 года он поступил в другой госпиталь. Физическое обследование показало кровяное давление 170/100. На день обследования 12.11.98 он был нормально развит и хорошо упитан. В это время пациент жаловался на постоянную боль в пояснице, и были отмечены

некоторые умеренные симптомы отхода от алкоголя. Дальнейшее физическое обследование не выявило патологии, за исключением того, что его сухожилия реагируют преувеличенно, но одинаково. Эти симптомы — результат отхода от алкоголя. При поступлении он не показал себя психотиком, у него не было ни заблуждений, ни галлюцинаций. Он хорошо ориентировался в пространстве, времени и личности. Его психологическое состояние было определено: он был в какой-то мере претенциозным, экспансивным и, в достаточной степени, враждебным. Его считали потенциальным нарушителем порядка. Поскольку он был по специальности поваром, его назначили работать на кухне. Тогда его общее состояние показало явное улучшение. Больше сотрудничества, меньше напряженности. Диагноз: маниакально-депрессивная реакция (всегда ускоряющая неизвестный стресс). Степень психического ухудшения — средняя. Признан правомочным. Продолжать лечение и госпитализацию.

Она включила аппарат и засмеялась. Этот звук испугал ее: смех — феномен общественный, а она была одна. Она вновь включила запись и грызла уголок носового платка, пока мягкие скользящие слова возвращались к ней. После первого же десятка их она перестала слушать.

Когда аппарат замолчал, она выключила его. Она была очень одинока. Она была так чертовски одинока, что лужица света, возникшая, когда она стукнула себя по лбу и повернулась лицом к окну, вдруг стала самой важной вещью на свете. Она хотела, чтобы это был океан света, или чтобы она сама стала совсем крошечной — все равно, лишь бы этот свет втянул ее в себя.

Вчера минуло три недели...

Слишком долго, думала она, я должна ждать. Нет! Невозможно! А что, если он умрет, этот Вискомб? Нет! Не может быть! С ним ничего не может случиться. Никогда. Он всесилен и защищен. Но... но придется ждать следующего месяца. Еще три недели... Без зрения — вот что это значит. Но разве воспоминания потускнели? Разве они ослабли? Как выглядит дерево? Или облако? Я не помню! Что такое зеленое? Что такое красное? Это уже истерия! Я слежу за ней, но не могу ее прекратить! Надо принять лекарство. Лекарство!

Плечи ее затряслись. Лекарство принимать она не стала, но сильно прикусила платок, пока острые зубы не прорвали ткань.

— Берегись,— сказала она личному блаженству,— тех, кто жаждет справедливости, потому что мы желаем удовлетворения. И берегись кротких, ибо мы будем пытаться унаследовать Землю. И берегись...

Коротко прожужжал телефон. Она убрала платок, сделала спокойное лицо и повернулась к телефону.

— Алло?

— Эйлин, я вернулся. Как вы?

— Хорошо, даже вполне хорошо. Как прошел ваш отпуск?

— О, не жалуюсь. Я давно собирался и, думаю, что заслужил отдых. Слушайте, я привез кое-что показать вам — например, Уинче-

стерский кафедральный собор. Хотите прийти на этой неделе? Я могу в любой момент.

«Сегодня. Нет. Я отчаянно хочу этого. Это может стать препятствием, если он увидит...»

— Как насчет завтрашнего дня? — спросила она. — Или послезавтрашнего?

— Завтра будет прекрасно, — ответил он. — Встретимся в «К. и С.» около семи?

— Да. Это будет очень приятно. Тот же столик?

— Почему нет? Я закажу его.

— Идет. Значит, завтра увидимся.

— До свидания.

Связь выключилась. В ту же минуту в ее голове внезапно закружились цвета, и она увидела деревья — дубы, сосны и секвойи — большие, зеленые с коричневым и серым; она увидела комья облаков, протирающих пастельное небо, и пылающее солнце, и озеро глубокой, почти фиолетовой синевы. Она сложила свой изорванный носовой платок и выбросила.

Она нажала кнопку рядом со столом, и кабинет наполнился музыкой. Скрябин. Затем нажала другую кнопку и снова проиграла надиктованную ею пластинку, но почти не слышала ни того, ни другого.

Пьер подозрительно понюхал еду. Санитар снял ее с подноса и вышел, заперев за собой дверь. Салат ждал на полу. Пьер осторожно подошел к нему, захватил горсть и проглотил.

Он боялся.

«Только бы сталь перестала грохотать, сталь о сталь, где-то в этой темной ночи... Только бы...»

Зигмунд встал, зевнул и потянулся. На секунду задние лапы волочились, а затем он стал внимательным и встряхнулся. Она, наверное, скоро пойдет домой. Он поглядывал вверх, на часы, висящие на человеческом уровне, чтобы проверить свои ощущения, а затем подошел к телевизору. Встав на задние лапы, он одной передней оперся на стол, а другой включил телевизор.

Как раз время сводки погоды; может быть, дороги обледенели.

«Я проезжал через всемирные кладбища, — писал Рендер, — обширные каменные леса, которые каждый год удлиняются.

Почему человек так ревниво охраняет своих мертвых? Не потому ли, что это монументально демократичный путь увековечивания, высшее утверждение вредящей силы, то есть жизни, и желание, чтобы она продолжалась вечно? Унамуно уверял, что это именно так. Если да, то за последний год значительно больший процент населения желает бессмертия, чем когда-либо раньше в истории...»

Чик-чик, чира-чик!

— Как ты думаешь, это все-таки люди?

— Вряд ли, слишком уж они хороши.

Вечер был звездным. Рендер завел С-7 в холодный подвал, нашел свое место и поставил машину.

От бетона шла холодная сырость, она вцеплялась в тело, как крысиные зубы. Рендер повел Эйлин к лифту. Их дыхание шло облаками перед ними.

— Холодновато,— заметил он.

Она кивнула.

В лифте он отдышался, разыскал шарф и закурил.

— Дайте и мне, пожалуйста,— сказала она, почувствовав запах табака.

Он подал ей.

Они поднимались медленно, и Рендер прислонился к стенке, вдыхая смесь дыма и кристаллизованной влаги.

— Я встретил еще одну мутированную овчарку в Швейцарии; такую же большую, как Зигмунд. Только это охотник.

— Зигмунд тоже любил охотиться,— заметила Эйлин.— Два раза в год мы ездим в Северные леса, и я отпускаю его. Он пропадает несколько дней и возвращается вполне счастливым. Он никогда не рассказывает, что делал, он никогда не приходит голодным. Я думаю, ему нужен отдых от людей, чтобы оставаться стабильным.

Лифт остановился. Они вошли в холл, и Рендер снова повел ее.

Войдя в кабинет, он ткнул термостат, и по комнате заструился теплый воздух. Их пальто он повесил тут же, в кабинете, и выкатил из гнезда Яйцо. Включив его в розетку, он начал превращать стол в контрольную панель.

— Как вы думаете, это долго продлится? — спросила она, пробегая кончиками пальцев по гладким холодным изгибам Яйца.— Все, что я имею в виду, полная адаптация к зрению.

Он задумался.

— Не имею представления. Пока не знаю. Мы начали очень хорошо, но еще многое нужно сделать. Месяца через три я смогу сделать предложения.

Она задумчиво кивнула, подошла к столу и обследовала легкими, как десять перышек, пальцами.

— Осторожно! Не надавите ни на одну.

— Не буду. Как, по-вашему, долго ли мне придется учиться оперировать ими?

— Учиться три месяца. Шесть — чтобы стать достаточно опытной для использования их на ком-то; и еще шесть — под постоянным наблюдением, прежде чем вам можно будет доверить самостоятельную работу. Всего вместе — больше года.

— Ох-ох! — Она села в кресло.

Рендер коснулся кнопок сезонов, фаз дня и ночи, дыхания сельской местности и города, элементов, открыто бегущих по небу и всех танцующих сигналов, которыми он пользовался для построения миров. Он разбил час времени и опробовал примерно пять веков.

— О'кей, все готово.

Это произошло быстро и с минимумом советов со стороны Рендера. На секунду все стало серым. Затем мертвенно-белый туман. Затем он сам собой разошелся, как от порыва ветра, хотя Рендер не чувствовал его.

Он стоял рядом с ивой у озера, а Эйлин полуукрывали ветви и решетки теней. Солнце клонилось к закату.

— Мы вернулись,— сказала она.— Я все время боялась, что это так и не произойдет, но я снова вижу все и вспоминаю.

— Хорошо,— сказал он.— Посмотрите на себя.

Она посмотрела в озеро.

— Я не изменилась.

— Нет.

— А вы изменились,— сказала она, глядя на него.— Я еще понимаю не все, что вижу.

— Ясно.

— Что мы будем делать?

— Смотрите.

На ровной дороге она увидела кар. Он шел издалека, прыгал по горам, жужжал у подножия холмов, кружился по прогалинам и расцвечивал их голосом в серое и серебро синхронизированной силы, и озеро дрожало от звуков. Кар остановился в сотне футов за кустарником. Это был С-7.

— Пошли со мной,— сказал Рендер, беря Эйлин за руку.— Поедем.

Они прошли меж деревьев, обогнув последний куст. Она дотронулась до гладкого кокона, до антенны, до окон — и окна сразу просветлели. Она посмотрела через них внутрь кара и кивнула.

— Это ваш Сциннер.

— Да,— он открыл дверцу.— Садитесь. Мы возвращаемся в клуб. Сейчас самое время. Воспоминания свежи и будут в меру приятны или нейтральны.

— Приятны,— сказала она, садясь в машину.

Он захлопнул дверцу, обогнул кар и сел. Она смотрела, как он набирает воображаемые координаты. Кар прыгнул вперед и ровным ходом пошел среди деревьев. Рендер чувствовал возрастающее напряжение, поэтому не менял сценария. Эйлин поворачивалась на вращающемся сиденье и осматривала внутренность кабины, а затем снова уставилась в окно. Она смотрела на убегающие деревья. Рендер увидел рисунок тревоги и затемнил окна.

— Спасибо,— сказала она.— Мне вдруг стало слишком много видения — все несется мимо, как...

— Понятно,— сказал Рендер, поддерживая ощущение движения.— Я так и предполагал. Но вы становитесь выносливее. Теперь расслабьтесь,— добавил он через минуту, и где-то была нажата кнопка.

Эйлин расслабилась, и они ехали все дальше и дальше. Наконец, кар замедлил ход, и Рендер сказал:

— А теперь один непродолжительный взгляд в окно.

Он пустил в ход все стимуляторы, которые способствовали удо-

вольствию и расслаблению, и выстроил вокруг кара город. Она смотрела сквозь просветленные окна на профили башен и монолитные блоки жилищ, затем увидела три кафетерия, дворец развлечений, аптеку, медицинский центр из желтого кирпича с аркой, сплошь застекленную школу, сейчас пустую, еще аптеку и множество каров, припаркованных или несущихся мимо, и людей, входящих и выходящих, идущих мимо домов, садящихся и вылезающих из каров. И было лето, и предзакатный свет фильтровался из цвета городов и одежды людей, идущих по бульвару или стоящих на террасах и балконах, разговаривающих на улицах, женщину с пуделем, ракеты, снующие высоко в небе.

Затем мир исчез. Рендер поддерживал абсолютный мрак, приглушил все ощущения, кроме чувства движения.

Через некоторое время появился тусклый свет. Они все еще сидели в Сциннере, окна снова стали непрозрачными.

— Боже! — сказала она. — Мир так наполнен! Я и в самом деле видела все это?

— Я не хотел дойти до этого сегодня, но вы пожелали. Похоже, что вы были готовы.

— Да, — сказала она, и окна вновь просветлели. Она быстро повернулась.

— Все исчезло, — сказал он. — Я только хотел, чтобы вы бегло взглянули.

Она смотрела. Снаружи теперь было темно, и они ехали по мосту. Двигались они медленно. Других машин не было. Под ними была плоскость, а в небе множество звезд; они освещали дышащую воду, уходящую под мост. Косые опоры моста спокойно проходили мимо.

— Вы это сделали, и я вам очень благодарна, — сказала она. — Кто же вы?

Видимо, он хотел, чтобы она спросила об этом.

— Я — Рендер, — он засмеялся.

Они продолжали путь по теперь пустому темному городу и, наконец, подъехали к клубу в большом паркинг-куполе. Там он тщательно исследовал все ее ощущения, готовый убрать мир в нужный момент, но это не потребовалось.

Они вышли из кара и пошли в клуб, который он не решался переполнять людьми. Они сели за свой столик недалеко от бара в маленькой комнате с комплектом доспехов рядом и заказали ту же еду, что и раньше.

— Нет, — сказал он, оглядывая себя. — Это не мое.

Доспехи снова оказались рядом со столом, и Рендер — в своем сером костюме с черным галстуком и серебряным зажимом из трех лепестков.

Оба засмеялись.

— Я не тот тип, чтобы носить жестяной костюм, и хотел бы, чтобы вы перестали меня видеть в нем.

— Простите. — Она улыбнулась. — Я сама не знаю, зачем и как я это сделала.

— Я знаю, и склонен к уточнению. Итак, я еще раз предупреждаю вас. Вы осознаете факт, что это все иллюзия. Я принял этот способ для вас, чтобы получить полную выгоду. Для большинства моих пациентов это реальность, которую они переживают. Это производит контртравму или символическую последовательность, даже более сильную. Но вы знаете параметры игры и, хотите того или нет, это дает другой вид контроля, не тот, с каким я обычно имею дело. Прошу вас, будьте осторожны.

— Простите, я не хотела этого.

— Я знаю. Нам принесли еду, которая была у нас.

— Уф! Выглядит она страшно. Неужели мы ели эту дрянь?

— Да,— фыркнул он.— Вот нож, вот вилка, а вот ложка. Вот ростбиф, картофельное пюре, горошек, а это масло...

— Боже!

— Это — салат, это — речная форель, м-м-м! Это — картофель фри, это — бутылка вина... Ну-ка, посмотрим, я ведь не платил за него — римский Конти, и бутылка Икома для... Эй!

Комната закачалась.

Он оголил стол, уничтожил ресторан. Они вновь оказались на прогалине. Сквозь просвечивающуюся ткань мира он видел, как рука двигалась по панели. Кнопки были нажаты. Мир вновь был осязаемым. Их пустой столик теперь стоял у озера, и была летняя ночь, и скатерть казалась очень белой при ярком свете луны.

— Как глупо с моей стороны,— сказал он.— Ужасно глупо. Я, видимо, ввел их одновременно. Актуальный основной вид, словесный стимулятор могли потрясти особу, видящую это впервые. Я так увлекся творчеством, что забыл о пациентке. Приношу извинения.

— Я уже в порядке. В самом деле.

Он вызвал холодный ветер с озера.

— ...а это луна,— добавил он жалобно.

Она кивнула. Она носила крошечную луну в центре лба, и эта луна сияла, как и та, перед ними, и заливала серебром волосы и платье Эйлин.

На столе стояла бутылка Конти и два стаканчика.

— Откуда это?

Она пожала плечами. Он налил вино в стаканчики.

— Оно может оказаться безвкусным,— сказал Рендер.

— Нет, нет...— Она подала ему стакан.

Он пригубил и понял, что вино имеет вкус — фруктовый — как бы давили сок из винограда, выращенного на островах Благословения, гладкого, мясистого, и хмель выжат из дыма горящего мака. Он с самого начала понял, что его рука, вероятно, перегородила дорогу сознанию, синхронизируя чувственные сигналы и контр-передачу, и это привело его совершенно неосознанно сюда, к свету.

— Так уж вышло,— заметил он,— и теперь нам пора возвращаться.

— Так скоро? Я еще не видела кафедральный...

— Да, так скоро.

Он хотел, чтобы мир кончился, и он кончился.

— Здесь холодно,— сказала она, одеваясь,— и темно.

— Я знаю. Сейчас я смешаю что-нибудь выпить и уберу машину.

Он глянул на запись, покачал головой и пошел к своему бару.

— Это не совсем Конти,— заметил он, протягивая руку за бутылкой.

— Ну и что? Я не возражаю.

В данный момент он тоже не возражал. Они выпили, он убрал Яйцо, помог Эйлин надеть пальто, и они вышли.

Пока они спускались в лифте в подвал, ему хотелось, чтобы мир снова исчез, но мир не исчезал.

«В стране приблизительно 1 миллиард 800 миллионов жителей и 500 миллионов личных автомобилей. Если человек занимает два квадратных фута поверхности земли, а машина примерно 120, то становится очевидным, что в то время как люди занимают 2 миллиарда 160 миллионов квадратных футов нашей страны, экипажи занимают 67,2 миллиарда квадратных футов, то есть примерно в тридцать раз большее пространство, чем человеческий род. Если в данный момент половина этих автомобилей в действии содержат в среднем по два пассажира, то соотношение больше чем в 47 к одному в пользу каров. Как только страна станет одной мощеной плоскостью, люди либо будут жить под поверхностью земли, либо эмигрируют на другие планеты, и тогда, возможно, технологическая эволюция будет постепенно продолжаться по линиям, которые предположили для нее статистики.

Сибилл К. Делфи, заслуженный профессор в отставке. Начало речи в Учительском колледже штата Юта.».

«Папа, я доковылял из школы до такси, а на такси в космопорт, ради тамошней выставки АФ — Снаружи, как она называется. (О'кей, я преувеличил ковыляние, хотя оно требует дополнительного внимания).

Все тут нацелено на привлечение молодежи к пятилетней зацепке, как я понял. Но это сработало. Я хочу присоединиться. Я хочу уйти Наружу. Как ты думаешь, возьмут меня, когда я подрасту? Я имею в виду — возьмут Наружу, а не на какую-нибудь работу за разбухшим столом. Как думаешь — возьмут?

Я думаю, да.

Там была важная шишка — полковник. Он увидел шкета, шатающегося вокруг и прижимающего нос к их стеклам, и решил дать ему подсознательную рекламу. Мощно! Он провел меня по Галерее и показал все достижения космического флота, от лунной базы до Марсопорта. Он прочел мне лекцию о Великих Традициях Службы и водил меня в полицейскую комнату, где служба занималась шашками и соревновалась друг с другом в юморе, где «все решается умением, а не мускулами», делали скульптуры из подкрашенной воды прямо в воздухе... Здорово!

Но если по-серьезному, я хотел бы быть там, когда они понесутся на Пять Внешних и дальше. Не потому, что в проспектах наврано или не продумано, а чувствительный мог бы вести хронику в правильном смысле. Помнишь грубого пограничного наблюдателя Френсиса Паркмена — Мери Остин, кажется. Так вот, я решил туда податься.

Этот мужик из КФ, благодарение богам, не имел покровительственного тона. Мы стояли на балконе и следили за взлетающими кораблями, и он говорил мне, что если я буду напряженно учиться, я когда-нибудь поведу их. Я не стал говорить ему, что я не такой уж сосунок и получу диплом раньше, чем буду достаточно взрослый для применения его где бы то ни было, даже в Службе этого полковника. Я просто посмотрел, как корабли взлетают, и сказал: «Через десять лет я буду смотреть сверху, а не снизу». Затем он рассказал, какой трудной была его собственная тренировка, но я не спросил, чего ради он связался с таким вшивым назначением, как у него. Теперь, подумав, я рад, что не спросил. Он гораздо больше походил на человека из их рекламы, чем кто-нибудь из их реальных людей. Надеюсь, я никогда не буду походить на типа из рекламы.

Спасибо тебе за монету и за теплые носки, и за струнные квинтеты Моцарта, которые я слушаю прямо сейчас. Я хотел бы получить разрешение побывать на Луне; вместо того, чтобы ехать на лето в Европу. Может быть... возможно? Вдруг? Ну, если я смахну тот новый тест, который ты для меня придумал? Но в любом случае, пожалуйста, подумай насчет этого.

Твой сын *Питер*».

— Алло, Психиатрический институт.

— Я хотела бы записаться на обследование.

— Минутку. Я соединяю вас со Столом записи.

— Алло, Стол записи.

— Я хотела бы записаться на обследование.

— Минуточку... Какого рода обследование?

— Я хочу увидеть д-ра Шалотт. Эйлин Шалотт. Как можно скорее.

— Сейчас... я посмотрю на расписание. Вас устроит следующий вторник, два часа?

— Прекрасно.

— Ваще имя, пожалуйста.

— Де Вилл. Джил де Вилл.

— Хорошо, мисс де Вилл. Значит, в два часа, вторник.

— Спасибо.

Человек шел рядом с шоссе. По шоссе неслись кары. На линии высокого ускорения они мелькали, как расплывающиеся пятна.

Движение было слабое.

Было 10.30 утра; холодно.

Меховой воротник у человека был поднят, руки засунуты в кар-

маны, сам он наклонен на ветру. По ту сторону ограды дорога была сухой и чистой.

Утреннее солнце закрыли тучи. В грязном свете человек видел деревья за четверть мили.

Шаг его не менялся. Глаза не отрывались от деревьев. Мелкие камешки хрустели под ногами.

Дойдя до деревьев, он снял пальто и аккуратно сложил его.

Он положил пальто на землю и полез на дерево.

Когда он долез до ветки, которая тянулась над оградой, он посмотрел, нет ли приближающихся каров, затем схватил ветвь обеими руками, опустился вниз, повиснув на мгновение, и упал на шоссе.

Это была идущая на восток половина шоссе шириной в сто ярдов.

Он бросил взгляд на запад, увидел, что движения в его сторону пока нет, и пошел к центральному острову. Он понимал, что может не достичь его. В это время дня кары шли по линии высокого ускорения со скоростью приблизительно 160 миль в час. Но он шел.

Кар прошел позади него. Он не остановился. Если окна были затемнены, как это обычно бывает, то пассажиры даже не знали, что он пересек их путь. Потом они, вероятно, услышат об этом и осмотрят перед и зад машины — нет ли признаков наезда.

Кар прошел перед ним. Окна были прозрачными. На мгновение предстали два лица, раскрытые рты в виде буквы «О», а затем исчезли. Его собственное лицо ничего не выражало. Оно не изменилось. Еще два кара пролетели мимо. Он прошел по шоссе ярдов двадцать...

Двадцать пять...

Ветер или что-то под ногами сказали ему, что идет кар. Он даже не взглянул, но уголком глаза заметил идущую машину. Походки он не изменил.

У Сесила Грина окна просвечивали — ему так нравилось. Левая рука его была под ее блузкой, юбка ее была скомкана на коленях, а его правая рука лежала на рычаге, опускающем сиденье. Вдруг девушка откинулась назад, издав горловой звук.

Его рука дернулась влево.

Он увидел идущего человека.

Он увидел профиль, так и не повернувшийся к нему полностью. Он увидел, что человек не изменил походки.

А затем он уже не видел человека.

Легкое дребезжание, и ветровое стекло стало само очищаться. Сесил Грин ехал дальше. Он затемнил окна.

— Как?..— спросил он, когда она снова была в его объятиях, и всхлипнул.

— Монитор не задержал его...

— Он, видимо, не коснулся ограды...

— Наверное, он спятил...

— Все равно, его должны были задержать в самом начале пути...

Лицо могло быть любое... Мое?

Испуганный Сесил опустил сиденье.

— Привет, ребятишки. Это крупный план большой, жирной, запачканной табаком улыбки, которой вы только что были вознаграждены. Но хватит юмора. Сегодня вечером мы отойдем от нашего необыкновенного неофициального Формата. Мы начнем с тщательно придуманного драматического представления по последней артмоде.

Мы собираемся играть Миф.

— Только после основательного проникновения в душу и болезненного самоанализа мы решили сыграть для вас сегодня именно этот миф.

— Да, я жую табак — с краснокожим, подлинной Фабричной маркой на пачке.

— Теперь, когда я буду скакать по сцене и плеваться, кто первый установит мою мифическую агонию? Не увлекайтесь фонами. Пуск!

— Ладно, леди и джентльмены и все прочие: Я, Титан бессмертный, одряхлел и превратился в кузнечика. Пуск!

— Для моего следующего номера нужно больше света.

— Больше, чем сейчас... Пуск!

— Еще больше света...

— Слепящий свет!

— Очень хорошо. Пуск!

— Теперь — в моей пилотской куртке, солнечных очках, шелковом шарфе — вот!

— Где мой халат?

— Ладно, все установлено.

— Эй вы, шелудивые! Пошел! Хо! Хо! Вверх! Вверх, в воздух, бессмертные лошади, поднимайтесь туда!

— Больше света!

— Эй, лошади! Быстрее! Вниз! Папа и мама смотрят, и моя девушка внизу! Давай-давай! Не позорьтесь на этой высоте! Еще!

— Какого дьявола это лезет ко мне? Оно похоже на молнию... а-а-ах!

— Ух. Это был фаэтон в слепом витке на солнечной половине.

— Вы все, наверное, слышали старую поговорку: только бог может быть один в трех лицах. Так вот, этот миф называется «Аполлон и Дионис». Да уберите вы эти юпитеры!..

Чарльз Рендер писал главу «Некрополь», главу для первой за четыре года своей книги «Недостающее звено человечества». После возвращения он освободил себе послеобеденное время каждого вторника и четверга для работы над ней, закрылся в своем кабинете и заполнял страницы хаотическим обычным письмом.

«У смерти множество вариантов, в противоположность умиранию...» — писал он, когда интерком зажужжал коротко, длинно, затем опять коротко.

— Да? — спросил он, повернув выключатель.

— К вам... посетитель...

Рендер встал, открыл дверь и выглянул.

— Доктор... помоги...

Рендер сделал три шага и опустился на колено.

— В чем дело?

— Едем. Она... больна.

— Больна? Как? Что случилось?

— Не знаю. Поедем.

Рендер пристально вглядывался в нечеловеческие глаза.

— Что за болезнь? — настаивал он.

— Не знаю,— повторил пес.— Не говорит. Сидит. Я... чувствую, она больна.

— Как ты добрался сюда?

— Вел машину. Знаю координаты... Оставил кар снаружи.

— Я сейчас позвоню ей.

— Не стоит. Не ответит.

Зигмунд оказался прав.

Рендер вернулся в кабинет за пальто и врачебным чемоданчиком. Он глянул в окно и увидел, что кар Эйлин припаркован у самой грани, где монитор освободил его от своего контроля. Если никто не возьмет на себя управление, кар автоматически перейдет на длительную стоянку. Другие машины будут объезжать его.

«Машина так проста, что даже собака может водить ее,— подумал Рендер. Лучше спуститься, пока не явился крейсер. Кар уже, наверное, отрапортовал, что стоит здесь. А может, и нет. Может, несколько минут еще есть в запасе».

— Ладно, Зиг, поехали.

Они спустились в лифте на первый этаж, вышли через главный вход и поспешили к кару.

Мотор все еще работал вхолостую.

Рендер открыл пассажирскую дверцу, и Зигмунд прыгнул внутрь. Рендер втиснулся было на сиденье водителя, но собака уже набирала лапой координаты и адрес.

«Похоже, я сел не на то сиденье»,— подумал Рендер. Он закурил. Кар уже несся в подземном проходе. Войдя на противоположной стороне, кар на мгновение остановился, а затем влился в движущийся поток. Собака направила кар на высокоскоростную полосу.

— Ох,— сказала собака.— Ох.

Рендеру хотелось погладить ее голову, но, взглянув на нее, он увидел оскаленные зубы и отказался от своего намерения.

— Когда она начала вести себя необычно? — спросил он.

— Пришла домой с работы. Не ела. Не отвечала, когда я говорил. Просто сидела.

— Раньше такое бывало?

— Нет.

Что могло стрястись? Может, просто был тяжелый день. В конце концов, Зигмунд всего лишь собака, как ему определить? Нет. Он бы знал. Но что же тогда?

— А как было вчера и сегодня утром, когда она уходила из дома?

— Как всегда.

Рендер попытался еще раз позвонить ей, но ответа по-прежнему не было.

— Ты сделал это,— сказал пес.

— Что ты хочешь сказать?

— Глаза. Зрение. Ты. Машина. Плохо.

— Нет,— сказал Рендер.

— Да.— Собака вновь повернулась к нему.— Ты хочешь делать ей хорошо?

— Конечно.

Зигмунд снова уставился вдаль.

Рендер чувствовал себя физически приятно возбужденным, а умственно — инертно. У него были такие ощущения с самого первого сеанса. В Эйлин Шалотт было что-то нарушающее порядок: комбинация высокого интеллекта и беспомощности, решительности и уязвимости, чувствительности и горечи.

— Не находил ли я это особо привлекательным? Нет. Просто это контрпередача, черт ее возьми!

— Ты пахнешь страхом,— сказала собака.

— Значит, меня пугает цвет,— сказал Рендер.— Сверни на другую полосу.

Серией поворотов они замедлили ход, снова перешли на быстрый, опять на медленный. Наконец, кар поехал по узкой части дороги, свернул на боковую улицу, проехал еще с полмили, негромко шелкнул чем-то под приборной доской и повернул на стоянку позади высокого кирпичного жилого дома. Щелчок, видимо, был сделан специально следящей системой, которая включалась, когда монитор отпускал кар. Потому что кар прошел через стоянку, вошел в свое прозрачное стойло и остановился. Рендер выключил зажигание.

Зигмунд уже открыл дверцу. Рендер прошел за ним в здание и поднялся на лифте на пятидесятый этаж. Затем собака прошла по коридору и нажала носом пластинку на двери. Дверь приоткрылась внутрь на несколько дюймов. Собака распахнула ее плечом и вошла. Рендер вошел следом и закрыл за собой дверь.

Комната была большая, стены приятно неукрашенные, их окраска скомбинирована ненавязчиво. Один угол занимал чудовищный комбинированный радиоприемник. Перед окном большой кривоногий стол, вдоль правой стены низкая софа; рядом с ней закрытая дверь, ведущая, по-видимому, в другие комнаты. Эйлин сидела в мягком кресле в дальнем углу у окна. Зигмунд встал около нее.

Рендер пересек комнату и достал из портсигара сигарету. Щелкнув зажигалкой, он держал пламя, пока Эйлин не повернулась к нему.

— Сигарету?— спросил он.

— Чарльз?

— Да.

— Спасибо. Да. Закурю.— Она протянула руку, приняла сигарету и поднесла к губам.

— Спасибо. Каким образом вы оказались здесь?

— Общественный вызов. Так случилось, что я был по соседству...

— Я не слышала ни звонка, ни стука.

— Может, вы задремали. Мне открыл Зигмунд.

— Да, возможно, я задремала. Который час?

— Почти 4.30.

— Значит, я дома больше двух часов... Видимо, очень устала...

— Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно. Чашку кофе?

— Не откажусь.

— Бифштекс с ним пойдет?

— Нет, спасибо.

— Бикарли в кофе?

— Неплохо бы.

— Тогда извините, я на одну минутку.

Она вышла в дверь рядом с софой, и Рендер мельком увидел там большую сверкающую автоматическую кухню.

— Ну?.. — шепнул он собаке.

Зигмунд покачал головой.

— Не то

Рендер кивнул. Он положил пальто на софу, аккуратно сложив его на чемоданчике, сел рядом и задумался.

«Не слишком ли большой ломоть видений бросил я ей сразу? Может, она страдает от депрессивных побочных эффектов — скажем, угнетения памяти, нервной усталости? Может, я каким-то образом вывел из равновесия ее сенсорно-адаптационный синдром? Незачем было спешить. Неужели я так чертовски жаждал описать это? Или я делал все по ее желанию? Могла ли она повлиять на меня, сознательно или бессознательно? Или я оказался настолько уязвимым?»

Она окликнула его из кухни, чтобы он нес поднос. Рендер поставил его на стол и сел напротив Эйлин.

— Хороший кофе,— сказал он, обжигая губы.

— Удачная машина,— ответила она, поворачивая лицо на голос.

Зигмунд растянулся на ковре неподалеку от них, положил голову между передними лапами, и закрыл глаза.

— Я подумал,— сказал Рендер,— не было ли каких-нибудь постэффектов в последний сеанс — вроде увеличения синэспатических опытов, включающих формы, галлюцинации или...

— Да,— ответила она ровно.— Сны.

— Какого рода?

— Последний сеанс. Я видела его снова и снова во сне.

— С начала до конца?

— Нет, особого порядка событий не было. Мы ехали по городу или через мост, или сидели за столиком, или шли к кару — вот такие всплески, очень живые

— Какие ощущения сопровождали эти... всплески?

— Не скажу. Они все перепутались.

— А каковы ваши ощущения теперь, когда вы вспоминаете их?

— Такие же перемешанные.

— Вы не были испуганы?

— Н-нет. Не думаю.

— Вы не хотели бы отдохнуть от сеансов? Вам не кажется, что мы действуем слишком быстро?

— Нет. Отнюдь. Это... ну, вроде, как учиться плавать. Когда вы, наконец, научились, вы плаваете до изнеможения. Затем вы ложитесь на берегу, хватаете ртом воздух и вспоминаете, как все было, а ваши друзья болтаются рядом и ругают вас за перенапряжение — и это хорошее ощущение, хоть вам и холодно, и во всех ваших мускулах иголки. Я так чувствовала себя после первого сеанса и после последнего. Первый раз — он всегда особенный... Иголки исчезают, и я снова обретаю дыхание. Господи, я совершенно не могу сейчас остановиться! Я чувствую себя отлично.

— Вы всегда спите днем?

Десять красных ногтей двинулись через стол, когда она потянулась.

— ...Устала.— Она улыбнулась, скрывая зевок. Половина штата в отпуске или болеет, и я всю неделю уходила с работы поздно. Но сейчас все в порядке, я отдохнула.— Она взяла чашку обеими руками и сделала большой глоток.

— Угу,— сказал Рендер,— хорошо. Я немного за вас беспокоился и рад видеть, что причин для этого нет.

— Беспокоились? Вы не читали записи д-ра Рискомба о моем анализе и об испытании в Яйце. Как вы можете думать, что обо мне можно беспокоиться? Да! У меня оперативно-полезный невроз, касающийся моей деятельности как человеческого существа. Он фокусирует мою энергию, координирует мои усилия. Это повышает чувство личности...

— У вас дьявольская память,— заметил Рендер. Почти стенографический отчет.

— Конечно.

— Зигмунд сегодня тоже беспокоился о вас.

— Зиг? Как это?

Собака смущенно шевельнулась, открыла один глаз.

— Да,— проворчала она, глядя на Рендера.— Он нужен. Приехать домой.

— Значит, ты снова водил кар?

— Да.

— Зачем?

— Я испугался. Ты не отвечала, когда я говорил.

— И в самом деле я устала. А если ты еще раз возьмешь кар, то я буду закрывать дверь так, чтобы ты не мог входить и выходить по своему желанию.

— Прости...

— Со мной все в порядке.

— Я вижу.

— Никогда больше не делай этого.

— Прости.

Глаз собаки не покидал Рендера. Он был как зажигательное стекло. Рендер отвел взгляд.

— Не будьте жестоки к бедному парню,— сказал он.— В конце концов, он подумал, что вы больны, и поехал за мной. А если бы он оказался прав? Вы должны поблагодарить его, а не ругать.

Успокоенный Зигмунд закрыл глаз.

— Ему надо выговаривать, когда он поступает неправильно,— закончила Эйлин.

— Я полагаю,— сказал Рендер, отпив кофе,— что никакой беды не случилось. Раз уж я здесь, поговорим о деле. Я кое-что пишу и хотел бы узнать ваше мнение.

— Великолепно. Посвятите мне сноску?

— Даже две или три. Как по-вашему, общая основа мотиваций, ведущих к самоубийству, различна в разных культурах?

— По моему хорошо обдуманному мнению — нет. Разочарования могут привести к депрессии или злобе; если же они достаточно сильны, то могут вести к самоуничтожению. Вы спрашиваете насчет мотиваций: я думаю, что они остаются, что это внекультурный вневременный аспект человеческой деятельности. Не думаю, что он может измениться без изменения основной природы человека.

— Ладно. Проверим. Теперь, как насчет побудительного элемента? Возьмем человека спокойного, со слабоменяющимся окружением. Если его поместить в сверхзащищенную жизненную ситуацию — как вы думаете, будет ли она подавлять его или побуждать к ярости в большей степени, чем если бы он не был в таком охраняющем окружении?

— Хм... В каком-то другом случае я бы сказала, что это зависит от человека. Но я вижу, к чему вы ведете: многие расположены выскакивать из окон без колебаний — окно даже само откроется для вас, потому что вы его об этом попросите — это возмущение скучающих масс. Но мне не нравится это замечание. Я надеюсь, что оно ошибочное.

— Я тоже надеюсь, но я думаю также о символических самоубийствах — функциональных расстройствах, случающихся по самым неубедительным причинам.

— Ага! Это ваша лекция о прошлом месяце: аутопсихомимикрия. Хорошо сказано, но я не могу согласиться.

— Теперь я тоже. Я переписал всю часть «Фанатос в сказочной стране глупцов», как я назвал ее. На самом деле инстинкт смерти идет почти по поверхности.

— Если я дам вам скальпель и труп, можете вы вырезать инстинкт смерти и дать мне ощупать его?

— Нет,— сказал он с усмешкой в голосе,— в трупе все это уже израсходовано. Но найдите мне добровольца, и он своим добровольным согласием докажет мои слова.

— Ваша логика неуязвима,— улыбнулась Эйлин.— Выпьем еще кофе, ладно?

Рендер пошел на кухню, ополоснул и вновь наполнил чашки, вы-

пил стакан воды и вернулся в комнату. Эйлин не шевельнулась. Зигмунд тоже.

— Что вы будете делать, когда прекратите работать Творцом? — спросила она.

— То же, что и большинство: есть, пить, спать, разговаривать, посещать друзей, ездить по разным местам, читать...

— Вы склонны прощать?

— Иногда. А что?

— Тогда простите меня. Сегодня я поспорила с женщиной по фамилии де Вилл.

— О чем?

— Она обвинила меня в таких вещах, что лучше бы моей матери было не рожать меня. Вы собираетесь жениться на ней?

— Нет. Брак — это вроде алхимии. Когда-то он служил важной цели, но теперь — едва ли.

— Хорошо.

— И что вы ей сказали?

— Я дала ей карту направления, где было сказано: «Диагноз: сука. Предписание: лечение успокаивающими средствами и плотный кляп».

— О, — сказал Рендер с явным интересом.

— Она разорвала карту и бросила мне в лицо.

— Интересно, зачем это все?

Она пожала плечами, улыбнулась.

— Отцы и старцы, — вздохнул Рендер, — я размышляю, что есть ад?

— «Я считаю, что это страдание от неспособности любить», — закончила Эйлин. — Это Достоевский, верно?

— Подозреваю. Я включил бы его в лечебную группу. Это был бы реальный ад для него — со всеми этими людьми, действующими как его персонажи и радующимися этому.

Рендер поставил чашку и отодвинул ее от стола.

— Полагаю, что вы теперь должны идти?

— Должен, в самом деле.

— Нельзя ли поинтересоваться: вы пойдете пешком?

— Нет.

Она встала.

— Ладно. Сейчас надену пальто.

— Я могу доехать один и отправить кар обратно.

— Нет! Меня мучает идея пустых каров, катающихся по городу. На меня это будет давить недели две. Кроме того, вы обещали мне кафедральный собор.

— Вы хотите сегодня?

— Если смогу вас уговорить.

Рендер встал, размышляя. Зигмунд поднялся тоже и встал рядом с Рендером, глядя вверх в его глаза. Он несколько раз открывал и закрывал пасть, но не издал ни звука. Затем он повернулся и вышел из комнаты.

— Нет! — голос Эйлин вернул его назад.— Ты останешься здесь до моего возвращения.

Рендер надел пальто и затолкал чемоданчик в дальний карман.

Когда они шли по коридору к лифту, Рендер услышал слабый далекий вой.

В этом месте, как и во всех других, Рендер знал, что он хозяин всего.

Он был как дома в тех чужих мирах без времени, в тех мирах, где цветы спариваются, а звезды сталкиваются в небе и падают на землю, обескровленные; где в мирах обнаруживаются лестницы вниз, в глубину, из пещер возникают руки, размахивающие факелами, чье пламя похоже на жидкие лица — все это Рендер знал, потому что посещал эти миры на профессиональной основе в течение большей части десятилетия. Одним согнутым пальцем он мог выделить колдунов, судить их за измену королевству, мог казнить их, мог назначать их преемников.

К счастью, это путешествие было только из вежливости...

Он шел через прогалину, разыскивая Эйлин. Он чувствовал ее пробуждающееся присутствие повсюду вокруг себя.

Он продрался сквозь ветви и остановился у озера. Оно было холодное, голубое, бездонное, в нем отражалась та стройная ива, которая стала причиной прибытия Эйлин.

— Эйлин!

Ива качнулась к нему и обратно.

— Эйлин! Идите сюда!

Посыпались листья, поплыли по озеру, тревожа его спокойствие, искажая отражения.

— Эйлин!

Все листья на иве разом пожелтели и попадали в озеро. Дерево перестало качаться. В темнеющем небе раздался странный звук, вроде гудения высоковольтных проводов в морозный день.

На небе вдруг появилась двойная вереница лун. Рендер выбрал одну, потянулся и прижал ее. Остальные тут же исчезли, и мир остановился. Гудение в воздухе смолкло.

Он обошел озеро, чтобы получить субъективную передышку от действий отбрасывания их отраженного удара. Он пошел к тому месту, где хотел поставить собор. Теперь на деревьях пели птицы. Ветер мягко пролетал мимо. Рендер очень сильно чувствовал присутствие Эйлин.

— Сюда, Эйлин, сюда.

Она оказалась рядом с ним. Зеленое шелковое платье, бронзовые волосы, изумрудные глаза, на лбу изумруд. Зеленые туфли скользили по сосновым иглам.

— Что случилось? — спросила она.

— Вы были испуганы.

— Чем?

— Может, вы боитесь кафедрального собора. Может, вы ведьма? — Он улыбнулся.

— Да, но сегодня у меня выходной.

Он засмеялся, взял ее за руку, они обошли зеленый остров, и там, на травянистом холме был воздвигнут кафедральный собор, поднявшийся выше деревьев. Он дышал носом органа, в его стеклах отражались солнечные лучи.

— Держитесь крепче,— сказал он.— Отсюда гиды начинают обход.

— «...с колоннами от пола до потолка, так похожими на громадные древесные стволы, собор достигает жесткого контроля над своим пространством...» — сказал Рендер,— Это из путеводителя. Это северный предел...

— «Зеленые рукава»,— сказала она.— Орган играет «Зеленые рукава».

— Верно. Вы не можете порицать меня за это.

— Я хочу подойти ближе к музыке.

— Прекрасно. Вот сюда.

Рендер чувствовал, что что-то не так, но не мог сказать, что именно. Все держалось так основательно...

Что-то быстро пронеслось высоко над собором и произвело звучный гул. Рендер улыбнулся, вспомнив теперь: это было вроде ошибки в языке — он на миг спутал Эйлин с Джил — да, вот что случилось.

Но почему же тогда...

Алтарь сиял белизной. Рендер никогда и нигде не видел такого. Все стены были темными и холодными. В углах и высоких нишах горели свечи. Орган гремел под невидимыми пальцами.

Рендер понимал, что что-то тут неправильно.

Он повернулся к Эйлин Шалотт. Зеленый конус ее шляпы возвышался в темноте, таща клок зеленого вуаля. Ее горло было в тени, но...

— Где ожерелье?

— Не знаю.— Она улыбнулась. Она держала стаканчик, отливающий розовым. В нем отражался ее изумруд.

— Выпьете? — спросила она.

— Стойте спокойно,— приказал он.

Он пожелал, чтобы стены обрушились. Они поплыли в тени.

— Стойте спокойно,— повторил он повелительно.— Не делайте ничего. Постарайтесь даже не думать. Падайте, стены! — закричал он, и стены взлетели в воздух, и крыша поплыла по вершине мира, и они стояли среди развалин, освещенных единственной свечой. Ночь была черна, как уголь.

— Зачем вы сделали это? — спросила она, протягивая ему стаканчик.

— Не думайте. Не думайте ни о чем. Расслабьтесь. Вы очень устали. Как эта свеча мерцает и гаснет, так и ваше сознание. Вы с трудом держитесь в бодрствующем состоянии. Вы едва стоите на ногах. Ваши глаза закрываются. Да здесь и смотреть не на что.

Он пожелал, чтобы свеча погасла. Но она продолжала гореть.

— Я не устала. Пожалуйста, выпейте.

Он слышал сквозь ночь органную музыку. В другое время он не узнал бы ее сразу.

— Мне нужно ваше сотрудничество.

— Пожалуйста. Все, что угодно.

— Смотрите, луна! — показал он.

Она взглянула вверх, и из-за чернильной тучи вышла луна.

— И еще, и еще...

В темноте прошли луны, как нитка жемчуга.

— Последняя будет красной,— сказал он.

Так и было.

Он вытянул указательный палец, откинул руку в сторону, вдоль поля зрения Эйлин, и хотел коснуться красной луны.

Рука его заболела; ее жгло. Он не мог шевельнуть ею.

— Очнитесь! — завопил он.

Красная луна исчезла, и белая тоже.

— Пожалуйста, выпейте.

Он вышиб стаканчик из ее руки и отвернулся. Когда он вновь повернулся к ней, она по-прежнему держала стаканчик.

— Выпьете?

Он повернулся и полетел прочь.

Это напоминало бег сквозь высокий — выше пояса — снежный сугроб. Это было неправильно. Он усложнял ошибку этим бегом — он уменьшал свою силу, а силу Эйлин увеличил. И это вытянуло из него энергию, высушило его.

Он стоял во мраке.

— Мир движется вокруг меня,— сказал он.— Я — его центр.

— Пожалуйста, выпейте,— повторила она, и он очутился на прогалине, рядом с их столиком у озера. Озеро было черное, а луна серебряная, и висела она высоко: он не мог до нее дотянуться. На столе мигала единственная свеча, и ее свет делал волосы и платье Эйлин серебряными. На лбу ее была луна. На белой скатерти стояла бутылка Конти — рядом с широкогорлым винным стаканчиком. Он был полон, и розовые пузырьки пенились по краю.

Рендера мучила жажда, а Эйлин была прекраснее всех, кого он когда-либо видел, и ожерелье ее сверкало, и с озера дул холодный ветер, и было здесь что-то, что он должен был вспомнить...

Он шагнул к ней, и его доспехи слегка зазвенели. Он потянулся к стаканчику, но его рука болезненно застыла и упала вдоль тела.

— Вы ранены!

Он медленно повернул голову. Из открытой раны на бицепсе лилась кровь, стекала по руке и капала с пальцев. Броня была проломлена. Он заставил себя отвернуться

— Выпей, любимый, это излечит тебя. Я подержу стаканчик.

Он смотрел на нее, когда она подносила стаканчик к его губам.

— Кто я? — спросил он.

Она не ответила, но ответило что-то из плещущей воды озера:

— Ты Рендер, Творец.

— Да, я вспоминаю,— сказал он и, повернувшись медленно

к той лжи, которая могла сломать всю иллюзию, заставил себя сказать:

— Эйлин Шалотт, я ненавижу вас.

Мир закачался и поплыл вокруг него, вздрагивая, как от рыданий.

— Чарльз! — взвизгнула Эйлин, и мрак упал на них.

— Очнитесь! Очнитесь! — кричал он, и его правая рука болела и горела, кровоточа в темноте.

Он стоял один на белой равнине, безмолвной и бесконечной, склоняющейся к краям мира. Она испускала собственный свет, и небо было не небом, а пустотой, ничем.

Ничто. И он был один. Его собственный голос эхом возвращался к нему с конца мира: «...ненавижу вас»,— говорило Эхо,— «...ненавижу вас».

Он упал на колени. Он был Рендером. Он хотел закричать.

Над равниной появилась красная луна, бросающая призрачный свет на всю протяженность равнины. Слева поднялась стена гор, и. такая же — справа.

Он поднял правую руку, поддерживая ее левой, вытянул указательный палец и потянулся к луне.

С черных высот пришел вой — странный плачущий крик, получеловеческий — вызов, отчаяние и сожаление. Затем Рендер увидел его, шагающего по горам, сбивающего хвостом снег с самых высоких пиков — последнего волка-оборотня Севера, Фенриса, сына Локи, бушующего в Небе.

Фенрис прыгнул в воздух и проглотил луну. Он приземлился неподалеку от Рендера. Его огромные глаза горели желтым огнем. Он крался к Рендеру на бесшумных лапах через холодные белые поля, лежавшие между горами. И Рендер отступал от него, поднимаясь и спускаясь по холмам, через трещины и ущелья, через долины, мимо сталагмитов и башенок, все вниз и вниз, пока жаркое дыхание зверя не обдало его, и хохочущая пасть не раскрылась над ним. Рендер увернулся, и его ноги стали двумя сверкающими реками, уносящими его прочь.

Мир отскочил назад. Рендер скользил по склонам. Вниз. Быстрее... прочь...

Он оглянулся через плечо.

Вдалеке серая тень неслась за ним. Рендер чувствовал, что зверь легко сузит разрыв, если захочет. Надо двигаться быстрее.

Мир под ним зашатался. Повалил снег. Он бежал вперед к расплывчатому, размытому контуру. Он прорывался сквозь пелену снега, который, казалось, шел теперь вверх, с земли.

Он приближался к разбитому предмету. Приближался, как пловец — неспособный открыть рот и заговорить из боязни утонуть, утонуть, так и не узнав ничего.

Он не мог оценить свое продвижение вперед: его несло, как прибоем, к обломкам, и, наконец, он остановился рядом с ними.

Некоторые вещи никогда не меняются. Это вещи, которые давно перестали быть предметами и остались исключительно как никогда

не зарегистрированные случаи вне порядка элементов, называемого Временем.

Рендер стоял здесь и не беспокоился, что Фенрис может прыгнуть на него сзади и съесть его мозг. Он закрыл глаза, но не мог перестать видеть. Сейчас не мог. Большая часть его самого лежала мертвой у его ног.

Раздался вой. Серая тень мелькнула мимо Рендера. Злобные глаза и кровожадная пасть укоренялись в искореженном каре, прогрызая сталь, стекло, нащупывая внутри...

— Нет! Зверь! — закричал Рендер. — Мертвые священны! Мои мертвые священны.

В его руке появился скальпель, и он умело полосовал сухожилия, бугры мускулов напряженных плеч, мягкое брюхо, веревки артерий.

Рыдая, он расчленил чудовище, часть за частью, и оно исходило кровью, пачкая машину и останки в ней адским звериным соком. Кровь капала и лилась, пока вся равнина не покраснела и не скорчилась.

Рендер упал поперек разбитого капота, и тут было мягко, тепло и сухо. Он рыдал.

— Не кричи, — сказала она.

Он крепко ухватился за ее плечо. Рядом было черное озеро под луной Веджвудского фарфора. На их столике мигала единственная свеча. Эйлин держала стаканчик у его губ.

— Пожалуйста, выпей это.

— Да, давайте.

Он глотнул вина; оно было сама мягкость и легкость. Оно горело в нем, и он почувствовал, что его сила возвращается.

— Я...

— Рендер, Творец, — плеснуло озеро.

— Нет!

Он повернулся и снова побежал, глядя на обломки. Он хотел уйти обратно, вернуться...

— Ты не можешь.

— Могу! — закричал он. — Могу, если постараюсь...

Желтое пламя свилось кольцами в густом воздухе. Желтые змеи. Они обвились вокруг его лодыжек. Затем из мрака выступил его двухголовый враг.

Мелкие камни прогрохотали мимо него. Одуряющий запах ввинчивался в нос и голову.

— Творец! — промычала одна голова.

— Ты вернулся для расплаты! — сказала другая.

Рендер вглядывался, вспоминая.

— Я не буду платить, Томиель, — сказал он. — Я побью тебя и скую именем Ротмана, да, Ротмана, каббалиста. — Он начертил в воздухе пентаграмму. — Уходи в Клинхот. Я изгоняю тебя.

— Клинхот здесь.

— ...Именем Камаэла, ангела крови, именем Воинства Серафимов, во имя Элоиза Гобора, приказываю тебе исчезнуть!

— Не сейчас, — засмеялись обе головы.

Враг двинулся вперед. Рендер медленно отступал, его ноги связывали желтые змеи. Он чувствовал, что за ним разверзается пропасть. Мир зигзагом уходил в сторону. Рендер видел отделяющиеся куски.

— Сгинь!

Гигант заревел в обе глотки. Рендер споткнулся.

— Сюда, любимый!

Она стояла в маленькой пещере справа. Он покачал головой и попятился к пропасти.

Томиэль потянулся к нему. Рендер повалился на край.

— Чарльз! — взвизгнула она, и с ее воплем сам мир качнулся в сторону.

— Значит, Уничтожение,— ответил он, падая.— Я присоединяюсь к тебе в темноте.

Все пришло к концу.

— Я хотел бы видеть д-ра Чарльза Рендера.

— К сожалению, это невозможно.

— Но я прискакал сюда только для того, чтобы поблагодарить его. Я стал новым человеком! Он изменил всю мою жизнь!

— Мне очень жаль, мистер Эриксон, но, когда вы позвонили утром, я сказал вам, что это невозможно.

— Сэр, я член палаты представителей Эриксон... И Рендер однажды оказал мне большую услугу.

— Вот и вы окажите ему услугу — езжайте домой.

— Вы не можете говорить со мной таким тоном!

— Могу. Пожалуйста, уходите. Может, в следующем году...

— Но несколько слов могут заинтересовать...

— Приберегите их...

— Я... Я извиняюсь...

Как ни прекрасна была порозовевшая от зари, брызгающая, испаряющаяся чаша моря — он знал, что это вот-вот кончится. Тем не менее...

Он спустился по лестнице высокой башни и вышел во внутренний двор. Он прошел через беседку и посмотрел на соломенную постель в центре беседки.

— Доброе утро, милорд,— сказал он.

— И тебе того же,— сказал рыцарь. Его кровь смешивалась с землей, цветами, травой, брызгала на его доспехи, капала с пальцев.

— Никак не заживает?

Рендер покачал головой.

— Я пустой. Я жду.

— Ваше ожидание скоро кончится.

— Что ты имеешь в виду? — Рыцарь сел.

— Корабль. Приходит к гавани.

Рыцарь встал и прислонился к замшелому стволу дерева. Он смотрел на огромного бородатого слугу, который продолжал говорить с грубым варварским акцентом:

— Он идет, как черный лебедь по ветру. Возвращается.

— Черный, говоришь? Черный?

— Паруса черные, лорд Тристан.

— Врешь!

— Хотите сами увидеть? Ну, смотрите.— Слуга сделал жест.

Земля задрожала, стены упали. Пыль закружилась и осела, отсюда был виден корабль, входящий в гавань на крыльях ночи.

— Нет! Ты солгал! Смотри — они белые!

Заря танцевала на воде. Тени улетали из парусов корабля.

— Нет, глупец, черные! Они должны быть черными!

— Белые! Белые! Изольда! Ты сохранила веру! Ты вернулась.— Он побежал к гавани.

— Вернитесь! Вы ранены! Вы больны! Стоп...

Паруса белели под солнцем, которое было красной кнопкой, и слуга быстро повернулся к ней.

Упала ночь.

ДОЛИНА ПРОКЛЯТИЙ

Глава 1

Чайка сорвалась с места, взмыла в воздух и на миг, казалось, застыла на распростертых крыльях.

Черт Таннер большим и указательным пальцами швырнул окурок и угодил прямо в птицу. Чайка издала хриплый крик и резко забила крыльями. Она поднялась на пятьдесят футов и если и крикнула второй раз, то звук потерялся в реве ветра и грохоте прибоя. Одно серое перо, качаясь в фиолетовом небе, проплыло у края скалы и полетело вниз, к поверхности океана. Таннер ухмыльнулся в бороду, скинул ноги с руля и завел мотоцикл.

Он медленно поднялся по склону, свернул на тропу, затем прибавил скорость и, выходя на шоссе, шел уже шестьдесят миль в час. Дорога принадлежала только ему. Таннер слился с рулем и дал газ. Через забрызганные грязью защитные очки мир казался мерзким и пакостным, впрочем, таким же он казался ему и без очков.

Все старые знаки с его куртки исчезли. Особенно жаль старой эмблемы. Может быть, удастся раздобыть такую эмблему в Тихуане и заставить какую-нибудь крошку пришить ее... Нет, не пойдет. Все это мертво, все в прошлом. Надо продать «харли», двинуться вдоль побережья и посмотреть, что можно найти в другой Америке.

Он проскочил Лагуна-Бич, Капистрано-Бич, Сан-Клементе и Сан-Онофре. Там заправился и прошел Карлсбад и множество мертвых поселков, что заполняли побережье до Солана-Бич-Дель-Мар. А за Сан-Диего его ждали.

Таннер увидел дорожный блок и развернулся. Они даже не сообразили, как он сумел это сделать — так быстро и на такой скорости. Сзади послышались выстрелы. А потом раздались сирены.

В ответ он дважды нажал на клаксон и еще плотнее приник к рулю. «Харли» рванулся вперед; от напряжения работающего на пределе мотора гудела стальная рама. Десять минут — оторваться не удалось. Пятнадцать минут...

Он взлетел на подъем и далеко впереди увидел второй блок. Его взяли в тиски.

Таннер огляделся в надежде найти боковые дороги. Боковых дорог не было.

Тогда он пошел прямо на блок. Можно попробовать прорваться. Бесполезно!

Машины перегораживали все шоссе, даже обочину.

В самую последнюю секунду он притормозил, встал на заднее колесо, развернулся и помчался навстречу преследователям.

Их было шестеро. А за спиной уже завыли новые сирены. Он снова притормозил, взял влево, нажал на газ и спрыгнул. Мотоцикл понесся вперед, а Таннер покатился по земле, вскочил на ноги и бросился бежать.

Послышался скрежет тормозов. Потом удар. Потом опять выстрелы. Он продолжал бежать. Стреляли поверх его головы, но он этого не знал. Они хотели взять его живым.

Через пятнадцать минут его загнали к каменной стене. Под дулами винтовок он отшвырнул монтировку и поднял руки.

— Ваша взяла,— проговорил он.— Вяжите.

На него надели наручники и втолкнули на заднее сиденье одной из машин. С обеих сторон уселись полицейские. Еще один, с обрезом на коленях, сидел рядом с водителем.

Водитель завел двигатель и на задней передаче выехал на шоссе. Человек с обрезом повернулся и пристально посмотрел на Таннера через бифокальные очки. Секунд десять он не сводил с него глаз, а потом произнес:

— Это очень глупо с твоей стороны.

Черт Таннер смотрел на него так же пристально, пока человек не повторил:

— Очень глупо, Таннер.

— О, я не знал, что ты обращаешься ко мне.

— Я смотрю на тебя, сынок.

— А я смотрю на тебя. Привет!

Водитель, не отрывая глаз от дороги, сказал:

— Жаль, что мы должны доставить его в целости — после того, как он разбил машину своим проклятым мотоциклом...

— Всякое еще может случиться. К примеру, он может упасть и сломать парочку ребер,— заметил полицейский слева от Таннера.

Тот, что сидел справа, промолчал, но человек с обрезом качнул головой:

— Только если попытается бежать. Л-А он нужен в хорошей форме.

— Почему ты хотел смыться, приятель? Ты же знаешь, мы тебя все равно бы изловили.

Таннер пожал плечами.

— А чего меня ловить? Разве я что сделал?

Водитель громко хмыкнул:

— Именно поэтому. Ты ничего не сделал — а должен был. Припоминаешь?

— Я никому ничего не должен. Меня помиловали и отпустили подчистую.

— У тебя слабая память, парень. Когда тебя вчера выпускали, ты дал Калифорнийскому государству обещание. Двадцать четыре часа, которые ты испортил на улаживание своих дел, истекли. Если хочешь, можешь сказать «нет», и помилование аннулируют. Никто тебя не заставляет. Тогда остаток своих дней будешь дробить боль-

шие камни и камешки помельче. Нам плевать. Я слышал, у них есть другой вариант.

— Дайте сигарету,— сказал Таннер.

Полицейский справа протянул ему зажженную сигарету.

Он поднял руки, взял сигарету. Куря, он стряхивал пепел на пол.

Они мчались по шоссе. Когда машина проезжала городки или встречалась с транспортом, водитель врубал сирену, а наверху начинал мигать красный маяк. Тогда сзади вторили сирены патрульных машин сопровождения. На протяжении всего пути до Л-А водитель ни разу не прикасался к тормозу и каждые две минуты выходил на связь по рации.

Внезапно с оглушительным шумом на них опустилось облако пыли и гравия. В правом нижнем углу пуленепробиваемого ветрового стекла появилась крохотная трещина. По крыше и капоту заколотили камни. Вся поверхность дороги мгновенно покрылась гравием, шины отчаянно завизжали. Вокруг тяжелым непроницаемым туманом повисла пыль. Когда через десять секунд они выскочили из облака, все в машине подались вперед и устремили глаза вверх.

Небо стало багровым. Его расчертили черные линии, двигавшиеся с запада на восток. Они то распухали, то сужались, то раскачивались из стороны в сторону, иногда сливаясь.

— Похоже, надвигается большая буря,— заметил человек с обрезом.

Водитель кивнул:

— Взгляните дальше на север.

Послышалось какое-то завывание, темные полосы продолжали расширяться. Звук нарастал, терял звонкость, переходил в мощный рев.

Небо потемнело на глазах, и вместе с пылью на землю упала беззвездная, безлунная ночь. Иногда раздавалось резкое «понг!», когда в машину ударял осколок покрупнее.

Водитель зажег противотуманные фары и снова врубил сирену. Машина неслась вперед. Завывание и грохот состязались с душераздирающим воем сирены, а на севере разливалось голубое пульсирующее сияние.

Таннер докурил сигарету, и ему протянули другую. Теперь курили все.

— Твое счастье, что мы тебя подобрали, парень,— сказал сосед слева.— Не то попал бы ты на своем мотоцикле...

— Был бы рад,— ответил Таннер.

— Ты спятил.

— Нет. Я бы прошел. Не впервой.

Когда они достигли Лос-Анджелеса, розовато-голубое сияние заполняло полнеба. Его простреливали дымчато-желтые молнии, которые, словно паутина, тянулись к югу. Грохот стал оглушающим. Он бил по барабанным перепонкам и заставлял вибрировать кожу.

В тот момент, когда они подъезжали к зданию с колоннами, на его фасаде отражались холодные блики всполохов. Оно было похо-

же на скульптуру, высеченную из глыбы льда. Теперь же оно казалось восковым, готовым расплавиться при первом дуновении жара.

Они торопливо взбежали по ступеням, и дежурный полицейский впустил их через маленькую дверь справа от тяжелых металлических двойных ворот, служивших главным входом в здание. Увидев Таннера, он расстегнул свою кобуру, а затем закрыл дверь на замок и цепочку.

— Куда?— спросил человек с обрезом.

— На второй этаж,— ответил полицейский, махнув в сторону лестницы.— Наверх и прямо до конца.

— Спасибо.

Грохот сюда почти не доносился, и в искусственном освещении все вновь обрело естественный вид.

Дойдя до последнего кабинета, человек с обрезом кивнул водителю:

— Стучи.

На пороге появилась женщина. Она начала что-то говорить, но, увидев Таннера, замолчала, отошла в сторону, и распахнула дверь.

— Сюда,— пригласила она, и они протиснулись в приемную. Женщина нажала кнопку на столе.

— Да, миссис Фиск?— раздался голос.

— Они здесь, сэр.

— Пусть заходят.

Она провела их в конец приемной и открыла темную дверь.

Сидящий за столом мужчина откинулся в кресле и переплел под подбородком короткие толстые пальцы. Его властные глаза были чуть-чуть темнее серебристо-серых волос.

— Садитесь,— сказал он Таннеру мягким голосом. И добавил, обращаясь к остальным:— А вы подождите в приемной.

— Мистер Дентон, этот тип опасен,— предупредил человек с обрезом, когда Таннер небрежно развалился в кресле напротив стола.

Окна помещения закрывали стальные шторы, и о ярости разгулявшейся стихии можно было догадываться лишь по доносившимся издалека пулеметным очередям.

— Я знаю.

— По крайней мере он в наручниках. Оставить вам оружие?

— У меня есть.

— Хорошо. Мы будем снаружи.

Они покинули комнату.

Двое мужчин не сводили друг с друга глаз, пока дверь не закрылась. Потом тот, кого назвали Дентоном, произнес:

— Теперь ваши дела улажены?

Другой пожал плечами.

— И все-таки, как вас действительно зовут? Даже по документам...

— Черт,— сказал Таннер.— Так меня зовут. Я был седьмым ребенком в семье, и, когда повитуха показала меня старику и спросила, какое имя он хочет мне дать, тот буркнул: «Черт!»— и ушел. Так

меня и записали. Это рассказал мне брат. Я не мог расспросить своего папашу, потому что никогда его не видел. Он сгинул в тот же день.

— Значит, всех семерых воспитала мать?

— Нет. Она померла спустя две недели, и нас приютили родственники.

— Понятно...— проговорил Дентон.— У вас еще есть выбор. Хотите попробовать или нет?

— А кто вы, собственно, такой?— спросил Таннер.

— Министр транспорта государства Калифорния.

— При чем тут это дело?

— Я за него отвечаю. С таким же успехом на моем месте мог быть Главный врач или Начальник почт, но я все-таки лучше прочих знаю техническую сторону дела. Лучше знаю шансы на успех...

— И каковы они?— поинтересовался Таннер.

Впервые за весь разговор Дентон отвел глаза.

— Да, дело рискованное...

— Точнее, оно еще никому не удавалось, кроме того парня, который принес обещание. Но он мертв... И после этого вы говорите о шансах на успех?

— Вы думаете,— медленно произнес Дентон,— что это самоубийство. Возможно, вы правы... Мы посылаем три машины с двумя водителями в каждой. Если хотя бы одна из них пробьется достаточно близко, то ее радиомаяк наведет группы из Бостона... Впрочем, можете отказаться.

— Ага. И провести остаток жизни в тюрьме.

— Вы убили трех человек. Вас могли казнить.

— Но не казнили, так что к чему зря болтать? Послушайте, мистер, я не желаю подыхать, однако и ваш вариант меня не прельщает.

— Или вы едете, или нет. Выбирайте. Но помните — если вы поедете и доберетесь до Бостона, все будет забыто, вы свободны и можете делать что хотите. Государство Калифорния даже заплатит за тот мотоцикл, который вы угнали и разбили, не говоря уже об ущербе, нанесенном полицейской машине.

— Большое спасибо...

Ураганный ветер бился и завывал за стенами, и резкие удары в стальные шторы сотрясали комнату.

— Вы очень хороший водитель,— продолжил Дентон немного погодя.— Вам приходилось водить практически все, что способно ездить. Когда вы занимались контрабандой, то делали ежемесячные рейсы в Солт-Лейк-Сити. Даже сегодня очень немногие отважились бы на это.

Таннер улыбнулся каким-то своим мыслям.

— ...Вы были лучшим водителем на сиэтловском маршруте и единственным человеком, сумевшим доставить почту в Альбукерке. После вас это никому не удавалось... Я хочу лишь сказать, что из всех наших асов у вас лучшие шансы на успех. Если кто-нибудь

и дойдет до цели, то скорее всего вы. Вот почему с вами были терпеливы. Но больше мы ждать не можем. Ответ нужен немедленно, и в случае согласия — выезд через час.

Таннер поднял скованные руки и указал на окно.

— В такую погоду?

— Машины смогут выдержать,— ответил Дентон.

— Да вы с ума сошли!

— Пока мы здесь с вами болтаем, там умирают люди.

— Парочкой больше, парочкой меньше... Разве нельзя отложить до завтра?

— Нет! Человек пожертвовал своей жизнью, чтобы доставить нам это сообщение! Континент необходимо пересечь как можно скорее, иначе все лишается смысла. Есть буря или нет, машины должны уйти немедленно! И ваши чувства здесь совершенно ни при чем. Итак, я жду ответа.

— Мне необходимо поесть. Я не...

— В машине есть еда. Ну?

— Хорошо,— промолвил Таннер, глядя в темное окно.— Я пройду для вас Долину Проклятий. Но я не двинусь с места, пока не получу кое-какую бумагу.

— Она у меня.

Дентон открыл ящик стола и выбрал плотный пакет, из которого извлек лист бумаги с ярким оттиском Большой государственной печати Калифорнии.

Таннер внимательно прочитал текст.

— Здесь говорится, что если я доберусь до Бостона, то получу полное прощение за все преступные действия, совершенные на территории государства Калифорния.

— Да.

— Входят ли сюда преступления, о которых вам неизвестно, если те вдруг всплывут?

— Там все сказано: «все преступные действия».

— Значит, договорились. Снимите эти браслеты и покажите мне мою машину.

Дентон вернулся на свое место и сел.

— Скажу вам еще кое-что. Если вздумаете где-нибудь по пути отстать... В общем, у других водителей есть приказ на этот случай, и они согласны его выполнить. Приказ открыть огонь. От вас и пепла не останется. Это ясно?

— Еще бы,— ответил Таннер.— Я так понимаю, что обязан оказать им ту же услугу?

— Верно.

— Отлично. Это может быть любопытно.

— Не сомневался, что вам понравится. Но перед тем, как снять наручники, я хочу сказать, что я о вас думаю.

— Что ж, если вы желаете тратить время, пока там умирают люди...

— Заткнитесь! Вам на них совершенно наплевать!.. Я только хо-

чу сказать, что, по моему мнению, вы — самое низкое существо, которое я когда-либо встречал. Вы убивали мужчин и насиловали женщин. Однажды вы выкололи человеку глаза — просто для забавы. Вас два раза судили за торговлю наркотиками и три раза — за сводничество. Вы — пьяница и дегенерат. Думаю, что вы не принимали ванну со дня своего рождения. С дружками-головорезами вы терроризировали честных людей, старающихся сплотиться и встать на ноги после войны. Вы крали и грабили, не гнушались отбирать самое необходимое. Жаль, что вас не убили, как прочих, во время Большого Рейда. Вы — не человек. В вас нет того, что позволяет людям жить в обществе. Единственное ваше достоинство — если это можно назвать достоинством — заключается в том, что ваши рефлексы немного быстрее, мускулы немного сильнее, зрение немного острее, чем у большинства из нас, и вы можете проехать сквозь что угодно, если через это вообще можно проехать. Государство Калифорния готово простить вашу бесчеловечность, если хоть раз вы употребите свое единственное достоинство на пользу, а не во вред людям... Мне это не нравится. Я бы на вас не стал полагаться, потому что вы не из тех людей, на кого можно положиться. Я был бы рад, если бы вы сдохли, и, хотя я очень хочу, чтобы кто-нибудь доехал, надеюсь, что это будете не вы. Я ненавижу вас. А теперь идем. Машина ждет.

Дентон поднялся; поднялся и Таннер, глядя на него сверху вниз и скалясь в усмешке.

— Я доеду. Если этот бостонец доехал и помер, то я доеду и останусь жить.

Они подошли к двери.

— Я желаю удачи,— процедил Дентон.— Не ради вас, конечно.

— Конечно, я понимаю.

Дентон открыл дверь.

— Освободите его. Он едет.

Старший полицейский передал обрез тому, кто угощал Таннера сигаретами, и полез в карман за ключами. Отомкнув наручники, он отступил назад и повесил их себе на пояс.

— Я пойду с вами,— сказал Дентон.— Гараж внизу.

Когда они ушли, миссис Фиск достала из сумочки четки и склонила голову. Она молилась за Бостон, она молилась за душу усопшего гонца. Она помолилась даже за Черта Таннера.

Глава 2

Они спустились вниз, и Таннер увидел три машины и пятерых мужчин, сидящих вдоль стены. Одного он узнал.

— Денни,— шагнув вперед, промолвил он,— подойди сюда.

К нему подошел стройный светловолосый юноша, держащий в правой руке шлем.

— Какого дьявола ты здесь ошиваешься? — требовательно спросил Таннер.

— Я второй водитель машины номер три.

— У тебя собственный гараж и нет никаких грязных дел за спиной. Чего ради ты согласился?

— Дентон предложил мне пятьдесят тысяч,— сказал юноша, и Таннер отвел взгляд.— Я хочу жениться, и они бы мне пригодились.

— Я считал, что тебе хватает.

— Да, но я собираюсь купить дом.

— Твоя девушка знает, что ты надумал?

— Нет.

— Послушай, у меня другого выхода нет. А ты можешь не соглашаться...

— Это уж мне решать.

— ...поэтому вот что я тебе скажу: поезжай в Пасадену, в то место, где мы играли мальчишками,— помнишь, скалы у больших деревьев?

— Конечно.

— От дерева в центре, с той стороны, где я вырезал свои инициалы, отмерь семь шагов и копай там фута на четыре. Ты понял?

— Ну. А что там такое?

— Мое наследство. Найдешь стальной ящик, наверное весь проржавевший. Внутри, в опилках, запаянная с обеих сторон труба. В ней чуть больше пяти тысяч; купюры чистые.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Потому что теперь это твои деньги,— ответил Таннер и ударил его в челюсть.

Денни упал, и Таннер еще трижды ударил его ногой в ребра, прежде чем подоспели полицейские.

— Идиот! — закричал Дентон.— Проклятый, сумасшедший идиот!

— Угу,— ухмыльнулся Таннер.— Но мой брат не поедет по Долине Проклятий, пока я рядом и в состоянии вывести его из игры. Лучше ищите другого водителя — у Денни переломаны ребра. Или дайте мне вести самому.

— Значит, ты поведешь один,— решил Дентон.— Мы не можем больше ждать. В машине есть тонизирующие средства, не дай бог тебе заснуть. Если отстанешь, тебя сожгут. Не забывай.

— Не забуду. И вас не забуду, мистер, если когда-нибудь снова окажусь в этом городе. Не сомневайтесь.

— Тогда садись в машину номер два. Вакцина под задним сиденьем... Двигай, подонок!

Таннер сплюнул на пол и повернулся спиной к министру транспорта. Несколько полицейских оказывали первую помощь его брату, один побежал за врачом. Пока Дентон разбивал оставшихся четырех водителей на пары, Таннер забрался в машину, завел мотор и стал ждать. В одном из отделений он нашел сигареты, закурил и откинулся на спинку сиденья.

Водители заняли места в бронированных автомобилях. Ожила рация; раздался треск, гул, шорох и, наконец, голос:

— Машина номер один — готовы!

Затем, после паузы, другой голос доложил:

— Машина номер три — готовы!

Таннер взял микрофон, вдавил кнопку сбоку и произнес:

— Готов.

— Пошли!

Машины поднялись по наклонной плоскости, проехали через откатившиеся в сторону стальные двери и влились в ураган.

Путь от Лос-Анджелеса до шоссе № 91 оказался настоящим кошмаром. Вода низвергалась потоками, и камни с футбольный мяч колотили в броню автомобилей. Таннер закурил, включил специальные фары, надел инфракрасные очки и упорно шел сквозь свирепствующую ночь.

Рация трещала, и много раз ему чудились далекие голоса, но ни разу он не мог разобрать слов.

Сначала машины двигались по шоссе, а когда оно кончилось и шины, соприкоснувшись с исковерканной землей, натужно завздыхали, Таннер вырвался вперед. Остальные послушно пристроились сзади. Он знал дорогу, они — нет.

Таннер выбрал старый путь контрабандистов, по которому обычно провозил сласти мормонам. Возможно, кроме него, уже не осталось в живых людей, знавших эту дорогу.

Начали срываться молнии, и не по одной, а целыми стенами. Машина была заземлена, однако вскоре волосы у него на голове встали дыбом. Один раз ему показалось, что он увидел гигантское чудовище — хилу, но Таннер не был в этом абсолютно уверен и даже не повернулся к пульту управления огнем. Судя по задним экранам, один из автомобилей выпустил ракету, но радиосвязь была потеряна, как только они выехали из гаража.

Навстречу несся разбивающийся о машину поток воды. В небе громыхала артиллерийская канонада. Прямо впереди упал булыжник размером с могильную плиту, и Таннер резко крутанул руль, объезжая его. С севера на юг небеса прорезали яркие багровые вспышки. В их свете он различал множество черных полос, скользящих с запада на восток.

Таннер объехал очаг радиации, не ослабевшей за те четыре года, что он здесь не был, и у места, где песок сплавился в стеклянное озеро, сбавил скорость, остерегаясь скрытых расселин.

Еще трижды на них обрушивались лавины камней. Затем небеса раскололись, и оттуда полился яркий голубой свет. Темные шторы откатились, громыхание стихло. Только на севере еще было заметно бледно-лиловое свечение. Зеленое солнце падало за горизонт.

Таннер вырубил инфрапрожекторы, стянул очки и включил обычные ночные фары.

Что-то большое, похожее на гигантскую летучую мышь, промелькнуло в коридоре света. Через пять минут оно показалось снова, на этот раз гораздо ближе, и Таннер выпустил осветительную ракету. Обрисовалась черная туша футов сорок в поперечнике. Таннер

дал две очереди из пулемета, туша провалилась и больше не появлялась.

Для всех людей здесь уже была Долина Проклятий; для Черта Таннера это все еще была автостоянка. Таннер проходил здесь тридцать два раза. Лично для него Долина Проклятий начиналась с того места, которое раньше называлось Колорадо.

Самолеты давно не летали. Ни один аппарат не мог подняться выше двухсот футов — туда, где начинались свирепые ветры, опоясывающие земной шар. Эти ветры сносили вершины гор, вырывали гигантские секвойи, разрушали здания, забрасывали птиц, летучих мышей и насекомых в мертвую зону. Они пронизывали небо черными полосами, начиненными мусором. Иногда полосы сталкивались, сливались, обрушивая на землю тонны этого месива, если его масса оказывалась слишком большой. Воздушное сообщение абсолютно исключалось, ибо ветры были повсюду и никогда не утихали. По крайней мере на двадцатипятилетней памяти Черта Таннера.

Таннер упорно двигался вперед, под углом к заходящему зеленому солнцу. Продолжала падать пыль, небо стало фиолетовым, потом опять багровым, и наступила ночь. Высоко-высоко чуть заметными пятнышками света мерцали звезды. Через некоторое время взошла луна, и в сиянии ее полуобрезанного лика ночь была цвета красного вина, тускло освещенного свечой.

Таннер вытащил сигарету, закурил и стал ругаться — медленно, тихо и бесстрастно.

Они прокладывали путь сквозь нагромождения камней, кусков стали, обломков автомобилей.

Вдруг перед Таннером возникло отливающее зеленью туловище с мусорный бак в поперечнике, и он остановил машину. Змея была не менее ста двадцати футов длиной, и, только когда вся она проползла, Таннер снял ногу с тормоза и плавно нажал на педаль газа.

Он посмотрел на левосторонний экран, и ему показалось, что он видит два огромных светящихся глаза. Таннер положил руку на пульт управления огнем и не снимал ее до тех пор, пока не проехал несколько миль.

Окон в автомобиле не было — только экраны, дающие обзор во всех направлениях, включая небо наверху и землю под машиной. Автомобиль тридцати двух футов в длину, защищавший водителя от радиации, двигался на восьми колесах с армированными покрышками. Он был оборудован десятью пулеметами пятидесятого калибра и четырьмя гранатометами и, кроме того, нес тридцать бронебойных ракет, которые можно было пускать прямо перед собой или под углом возвышения до сорока градусов. Со всех четырех бортов и на крыше стояло по огнемету. Острые, как бритва, «крылья» из закаленной стали размахом в двенадцать футов выдвигались из корпуса на высоте двух с половиной футов и, словно ножи, могли рассечь что угодно. Машина была бронирована, оснащена установкой кондиционирования воздуха, в ней имелись запасы пищи и санитарные удобства. На левой дверце был укреплен длинноствольный «маг-

мум». Пистолет-автомат сорок пятого калибра и шесть ручных гранат занимали полку над головой водителя.

Но Таннер сохранил и собственное оружие — длинный тонкий кинжал в правом ботинке...

Они находились на территории района, когда-то называвшегося штатом Невада.

Таннер стянул перчатки и вытер ладони о штаны. В огнях приборной доски вытатуированное на правой руке сердце светилось красным, пронзивший его нож и буквы имени, наколотые на каждом суставе четырех пальцев, начиная от мизинца, отливали синим.

Таннер перерыл два ближайших отделения, но сигар не нашел. Он бросил окурок на пол, раздавил и достал другую сигарету.

На экране переднего обзора показались заросли, и Таннер сбросил скорость. Он попытался выйти на связь, но радио доносило лишь треск статических помех. Он опять сбавил скорость, всмотрелся вперед и вверх, остановился, включил фары на полную яркость и задумался.

Перед ним стояла плотная стена колючего кустарника высотой около двенадцати футов. Она тянулась налево и направо, и конца ей не было видно. Судить о ее прочности Таннер не мог, так как еще несколько лет назад стены здесь не было.

Две другие машины остановились сзади и притушили огни.

Таннер медленно подъехал вплотную к зарослям и включил фронтальный огнемет. Длинный язык пламени рванулся вперед, облизывая кустарник. Он выключил огнемет, подождал и включил снова.

Огонь яростно взметнулся вверх и растекся в стороны. Таннер подал назад и уменьшил яркость экранов. Пожар неистовствовал, расширяясь на сто футов, двести, триста... Перед Таннером в обе стороны текла река огня, и ночь озарялась языками пламени.

Он глядел на пылающий поток, пока ему не начало казаться, что перед ним расплавленный океан. Тогда Таннер полез в холодильник, но пива не обнаружил. Он достал прохладительный напиток и, посасывая из банки, стал смотреть на беснующийся огонь. Через десять минут включился кондиционер. Орды черных тварей закрыли передний экран, по бамперу и крыше заскрежетали когти.

Таннер притушил фары, вырубил двигатель и швырнул пустую банку в корзину для мусора. Потом откинул спинку кресла, устроился поудобнее и закрыл глаза.

Его разбудили гудки. Еще стояла ночь. Судя по часам на приборной панели, он проспал чуть больше трех часов.

Таннер потянулся и сел. Две другие машины подъехали и стояли по бокам. Он дважды нажал на клаксон и завел мотор. Потом зажег передние фары и, натягивая перчатки, стал осматриваться.

Почерневшая почва еще дымилась, и где-то вдали слева и справа мерцало сияние, словно пожар продолжался.

Он потер глаза, почесал нос, затем дал еще один гудок и отжал сцепление. Машина въехала на выгоревшее поле, и экраны сразу за-

волокло клубами дыма. Под колесами трещали чьи-то хрупкие останки.

Таннер выпустил осветительную ракету, и в ярком холодном свете увидел тянущуюся до горизонта мертвую выжженную равнину.

Он вдавил акселератор, и расположившиеся по флангам и чуть сзади машины разъехались далеко в стороны, чтобы не попасть в черные тучи пепла, поднятые его броневиком. Затрещало радио, раздался слабый голос, но слов было не разобрать.

Он снова нажал на клаксон и прибавил скорость.

Через полтора часа пепел впереди кончился, и показался чистый песок. Они опять двигались по пустыне. Таннер сориентировался по компасу и взял чуть западнее. Машины номер один и номер три повторили его маневр и с той же скоростью шли следом. Одной рукой он держал руль, другая была занята бутербродом с солониной.

Когда наступило утро, Таннер принял тонизирующую таблетку и прислушался к завыванию ветра. Справа серебряным расплавленным шаром поднялось солнце, и треть янтарного небосвода затянуло, словно паутиной, тонкими нитями. Пустыня сверкала топазом. Постоянно висящая за спиной бурая пелена пыли, пронизываемая лишь восемью копьями света идущих сзади машин, приобретала розовый оттенок, по мере того как солнце наращивало ярко-красную корону, и тени бежали на запад.

Мимо пронеслась стая гигантских крыс. Далеко впереди Таннер увидел низвергающийся с неба водопад, но, когда машина подъехала к влажному песку, он исчез. Слева валялась дохлая акула, повсюду были водоросли, водоросли, водоросли...

Таннер залпом выпил бутылку ледяной воды и почувствовал, как она комом легла в желудке. У огромного оранжевого кактуса, формой напоминавшего поганку футов пятидесяти в диаметре, сидела пара койотов с высунутыми ярко-алыми языками. Казалось, они смеются.

Таннер нажал кнопку, и кабину наполнили мягкие звуки струнных инструментов. Он выругался, но музыку оставил.

Вскоре ему попалось еще одно озеро расплавленного песка с колоссальной воронкой посредине, которую пришлось объехать. Небо постепенно бледнело, его розовый цвет менялся на синий. Темные линии на нем сохранились; иногда одна из них расширялась в черную реку, текущую на восток. В полдень такая река на одиннадцать минут затмила солнце. Налетела пыльная буря, и Таннер включил радар и фары. Он знал, что где-то впереди проходит расщелина. Наткнувшись на нее, Таннер взял влево и ехал вдоль ее края около двух миль, пока она не сузилась и наконец не исчезла. Бурю развеял резкий порыв ветра, и Таннер надел темные очки — блеск солнечного света, отраженного от зеркальной равнины, слепил глаза.

По пути встречались какие-то высокие кварцевые образования. Таннер и раньше никогда не останавливался, чтобы осмотреть их повнимательней, не имел он такого желания и сейчас.

Опять начался песок — белый, серовато-коричневый и красный. На склонах огромных вздымающихся дюн кое-где росли кактусы.

Небо продолжало менять цвет, пока не стало голубым, как глаза младенца. Таннер тихонько мычал в такт музыке. И тут он увидел чудовище.

Это была гигантская хила, ядовитая ящерица, громадная, больше автомобиля. Она выскочила из-за затененной гряды и помчалась навстречу машине. Ее чешуйчатое тело сверкало на солнце разноцветными красками, темные глаза смотрели не мигая, песчаные струйки срывались с широкого, заостренного к концу хвоста.

Таннер не мог использовать ракеты, потому что чудовище было сбоку. Он открыл пулеметный огонь, выдвинул «крылья» и вжал педаль газа в пол. Затем пустил облако огня. Открыли стрельбу и другие машины.

Хила взмахнула хвостом и разинула пасть. Фонтаном ударила и потекла на землю кровь. Потом в чудовище попала ракета. Оно повернулось и прыгнуло...

Когда огромная безжизненная туша упала на машину номер один, раздался громкий скрежещущий звук.

Таннер развернулся, затормозил и бросился к искореженной машине. Но прежде чем приблизиться к ней, он выпустил из винтовки шесть пуль в голову чудовища.

Распахнутая дверца висела на нижней петле. Внутри лежали двое; на приборной доске алела кровь.

Подошли двое других водителей; все молча смотрели на машину. Затем тот, кто был поменьше ростом, влез в исковерканный салон, пощупал пульс, прислушался к дыханию.

— Майк мертв,— сообщил он,— а Грег, по-моему, приходит в себя.

У заднего бампера появилось быстро расплывающееся пятно, в воздухе запахло бензином.

Таннер вытащил сигарету, передумал и засунул ее в пачку. Слышно было, как с бульканьем льется на землю горючее из топливных баков.

Человек, стоявший рядом с Таннером, проговорил:

— Никогда не видел ничего подобного. Только на картинках...

— Я видел,— оборвал его Таннер. В эту минуту из машины выбрался низкорослый водитель, тащивший за собой Грега.

— С Грегом все в порядке. Просто ударился головой о приборную доску. Возьми его к себе, Черт, тебе нужен напарник.

Таннер пожал плечами, отвернулся и зажег сигарету.

— Здесь, по-моему, курить не...— начал стоявший рядом водитель. В ответ Таннер выпустил ему в лицо клуб дыма.

В Греге, похоже, текла индейская кровь. Скуластый, темноволосый и темноглазый, с густым загаром, ростом он не уступал Таннеру, хотя был полегче. Теперь, когда Грег глотнул свежего воздуха и несколько оправился, осанка его стала прямой; двигался он легко, с кошачьим изяществом.

— Надо похоронить Майка,— сказал тот, который был пониже ростом.

— Жаль терять время,— отозвался его товарищ,— однако...

И тут Таннер швырнул сигарету в темную лужу под машиной и бросился на землю.

Взметнулось пламя. С визгом сорвавшиеся ракеты прочертили темные борозды в раскаленном полуденном воздухе. Начали взрываться пулеметные патроны, за ними ручные гранаты. Таннер все глубже зарывался в песок, закрывая голову и зажимая уши.

Когда наконец все стихло, он потянулся за винтовкой, но они опередили его, и Таннер, глядя в дуло пистолета, медленно поднял руки и встал.

— Какого черта ты это сделал?— взревел человек с пистолетом.

— Теперь его не надо хоронить,— усмехнулся Таннер.— Кремация ничуть не хуже.

— Ты мог всех нас угробить, если бы пулеметы или ракеты были нацелены в нашу сторону!

— Я посмотрел.

— Осколки... А, понимаю! Ну-ка, приятель, подбери свою винтовку... Дулом к земле!.. Разряди и положи патроны в карман... Хотел от нас отделаться, да? Чтобы самому улизнуть, как пытался вчера?

— Я этого не говорил.

— Но это так. Тебе ведь наплевать, если в Бостоне все загнутся?

— Винтовка разряжена.

— Тогда забирайся в машину и пошел! Учти — я буду сзади.

Таннер направился к своей машине. Он слышал за спиной шум спора, но был уверен, что они не станут стрелять. Открыв дверцу, он увидел краем глаза тень и резко обернулся.

Рядом стоял Грег, высокий и тихий, как призрак.

— Хочешь, я поведу?— бесстрастно предложил он.

— Отдыхай. Я пока в форме. Может быть, позже.

Грег кивнул, обошел машину и, усевшись, сразу откинул спинку сиденья.

Таннер захлопнул дверцу и завел мотор. С гулом ожил кондиционер.

— Перезаряди и положи на место.— Он передал винтовку и патроны, натянул перчатки и добавил:

— В холодильнике полно лимонада. И ничего другого.

Напарник снова молча кивнул.

— Что ж, покатили,— пробормотал Таннер, услышав заработавший двигатель машины номер три, и отжал сцепление.

Глава 3

Они ехали молча на протяжении получаса. Потом Грег произнес:

— Это правда, что сказал Марлоу?

— Какой еще Марлоу?

— Который ведет другую машину. Ты пытался убить нас? Ты в самом деле хотел смыться?

Таннер засмеялся:

— Верно. Угодил в точку.

— Почему?

— А почему бы и нет? — помолчав, ответил Таннер.— Я не рвусь умирать. Лично мне хочется отодвинуть это событие как можно дальше.

— Но если мы не дойдем, половина народу на континенте погибнет! — воскликнул Грег.

— Когда вопрос стоит «я или они», то «я» мне как-то ближе.

— Откуда только берутся такие, как ты...

— Тем же образом, что и остальные,— усмехнулся Таннер.— Сперва двое забавляются, а потом кто-то расхлебывает.

— Что они тебе сделали, Черт?

— Ничего. А что они сделали для меня? Тоже ничего! Что я им должен? То же самое.

— Зачем ты избил своего брата?

— Не хочу, чтобы он подох по собственной глупости. Ребра срастутся, а вот смерть — штука непоправимая.

— Я не о том... Разве тебе не плевать, если он загнется?

— Он хороший парень. Но сейчас зациклился на своей девочке и валяет дурака.

— Ну а тебе-то что?

— Я же сказал: он мой брат и хороший парень. Он мне по душе.

— То есть?

— О, черт подери! Мы с ним немало повидали, вот и все! Что тебе от меня надо?

— Просто любопытно.

— Отвяжись! Подыщи другую тему, если хочешь говорить, ясно?

— Ясно. Ты здесь уже бывал?

— Да.

— А дальше к востоку?

— Я доезжал до самой Миссисипи.

— Ты знаешь, как перебраться на тот берег?

— Вроде бы. У Сент-Луиса сохранился мост.

— А зачем ты так далеко забирался?

— Хотел посмотреть, что там творится. Я слышал дикие истории.

— И на что это похоже?

— На кучу хлама. Сожженные города, огромные воронки, обезумевшие звери, люди...

— Люди? Там есть люди?

— Если можно их так назвать. Все чокнутые. Бродят в каких-то лохмотьях или в шкурах, а то и голышом. Швыряли в меня камнями, пока я не пристрелил парочку. Только тогда оставили меня в покое.

— Давно это было?

— Лет шесть-семь назад. Я совсем юнцом был.

— И никому не рассказывал?

— Рассказывал. Двум дружкам. Больше меня никто не спрашивал. Мы собрались отправиться туда за девочками, но ребята струхнули.

— А что бы вы с ними сделали?

Таннер пожал плечами:

— Не знаю. Продали бы, наверное.

— Вы там действительно... ну, продавали людей?

Таннер снова пожал плечами.

— Бывало,— бросил он.— До Рейда.

— Как ты ухитрился остаться в живых? Говорят, тогда никто не ушел.

— Я сидел. За бандитизм.

— А чем занимался, когда тебя выпустили?

— Позволил себя перевоспитывать. Мне дали работу— развозить почту.

— А, я слыхал. Правда, только сейчас догадался, что речь шла о тебе. Вроде сначала все складывалось хорошо — ты даже шел на повышение. А потом избил начальника и потерял работу. Как это получилось?

— Он вечно поддевал меня по поводу прошлого, вспоминал мою старую банду с Побережья... Ну и в один прекрасный день я велел ему заткнуться. Он расхохотался, и я жахнул его цепью. Выбил у ублюдка передние зубы.

— Дела...

— Я был у него лучшим водителем. Никто больше не соглашался ходить на Альбукерке, даже сегодня не соглашаются. Разве уж совсем припрет с деньгами.

— Ну а пока ты ездил, нравилось?

— Да, я люблю водить.

— Тебе, наверное, следовало попросить перевода, когда он стал приставать.

— Знаю. Сейчас бы я, пожалуй, так и сделал. А тогда я был совсем бешеный.

— Если мы дойдем до Бостона и вернемся назад, тебе наверняка удастся получить это место. Ты бы согласился?

— Во-первых,— сказал Таннер,— я не думаю, что мы дойдем. А во-вторых, если нам все-таки повезет и если там еще есть люди, я вряд ли вернусь обратно.

Грег кивнул:

— Разумно. Ты будешь героем. И никому не известно твое прошлое. Ты сможешь неплохо устроиться.

— К черту героев... — процедил Таннер.

— А я вот вернусь. У меня старуха мать и орава братьев да сестер, о которых надо заботиться. И девушка.

Небо постепенно бледнело, и Таннер увеличил яркость экранов.

— Расскажи мне про свою мать.

— Она у нас хорошая. Вырастила семерых. А сейчас у нее тяжелый артрит... Днем она работала, но всегда готовила нам еду, а иногда приносила что-нибудь сладкое. Шила одежду, играла с нами, бывало, вспомнит о довоенных временах...

— А твой старик? — после короткого молчания спросил Таннер.

— Он сильно пил, часто сидел без работы. Но никогда не дрался. Погиб, когда мне и двенадцати не было.

— И теперь обо всех заботишься ты?

— Да. Я старший.

— Чем ты занимался?

— Работал на твоем месте. Возил почту в Альбукерке.

— Не шутишь?

— Нет.

— Будь я проклят!.. Горман все еще инспектор?

— Ушел на пенсию в прошлом году, по инвалидности.

— Черт побери, забавно! Послушай, ты там, в Альбукерке, никогда не бывал в баре «У Педро»?

— Бывал.

— У них играла на пианино такая маленькая блондиночка, Маргарет...

— Сейчас ее нет.

— А...

— Теперь вместо нее какой-то парень. Жирный, со здоровенным кольцом на левой руке.

— Как твоя голова? — немного погодя спросил Таннер.

— Вроде бы нормально.

— Сможешь вести?

— Конечно.

— Тогда садись за руль. — Таннер ударил по клаксону и остановил машину. — Иди по компасу миль сто, а потом меня разбудишь. Ясно?

— Хорошо. На что обращать внимание?

— На змей. Наверняка попадется парочка. Ни в коем случае не наезжай на них.

— Понял.

Они поменялись местами. Таннер откинулся на спинку кресла, зажег сигарету и заснул, не выкурив и половины.

Глава 4

Когда Грег разбудил его, стояла ночь. Таннер прокашлялся, отпил глоток ледяной воды и пролез в туалет. Выйдя, он занял место водителя, взглянул на счетчик пути и определился по компасу.

— К утру доберемся до Солт-Лейк-Сити, если повезет. Все нормально?

— Никаких осложнений. Видел парочку змей и держался от них подальше.

Таннер ухмыльнулся и тронул машину.

— Как звали того парня, который принес известие об эпидемии?

— Не то Брейди, не то Бройди...

— Он не болел? Мог ведь занести мор в Л-А...

Грег покачал головой:

— Нет. Его машина была разбита, сам он покалечен, ну и облу-

чился. Тело сожгли, машину тоже, и всем, кто с ним имел дело, вкололи дозу Хавкина.

— Это что еще за штука?

— То, что мы везем. Сыворотка Хавкина, единственное средство от этой чумы. Тебе делали какие-нибудь уколы?

— Перед тем, как выпустить... Интересно, где он перебирался через Миссисипи? Не говорил?

— Он вообще ничего не успел сказать. Все стало известно из письма.

— Должно быть, чертовски хороший водитель... Я бы с ним с удовольствием познакомился.

— Я тоже. Жаль, что теперь нельзя связаться с Бостоном по радио, как в старые времена.

— Почему?

— Тогда ему не было бы нужды ехать. Да и мы, между прочим, знали бы, стоит ли спешить. Покойникам сыворотка ни к чему.

— Что правда, то правда... Гляди!

Весь экран закрыли кувыркающиеся в воздухе гигантские летучие мыши.

— Да их здесь тысячи...

— Похоже. Вроде бы больше, чем пару лет назад. В Солт-Лейк-Сити мне рассказывали об их ярости. Настанет день, когда кому-то придется освободить место — им или нам.

— А знаешь, ты напарник не из самых веселых...

Таннер, посмеиваясь, закурил.

— Свари-ка лучше кофе,— сказал он.— А об этих тварях пусть беспокоятся наши дети, если они у нас будут.

Грег залил кофейник водой и поставил на плитку. Через несколько минут тот забурчал.

— Что за чертовщина? — проговорил Таннер и нажал на тормоз. Вторая машина тоже затормозила и остановилась в нескольких сотнях ярдов сзади. Таннер включил рацию и взял микрофон.

— Номер три! Вы с таким встречались?

В миле впереди между небом и землей вращались, покачиваясь из стороны в сторону, огромные конические воронки. Их было около пятнадцати. Они то застывали, словно колонны, то принимались танцевать, ввинчиваясь в землю, всасывая желтую пыль и затмевая собой звезды.

— Я слышал о смерчах,— произнес Грег.— Никогда сам не сталкивался, но по описанию — это они.

Затрещал приемник, и донесся приглушенный голос водителя по имени Марлоу:

— Гигантские пыльные дьяволы. Все, что засосет такая штука, выбрасывается наверх в мертвый пояс. Мой партнер их видел. Он советует выбросить якори и закрепиться.

Таннер не спешил отвечать. Он смотрел вперед. Постепенно смерчи увеличивались в размере.

— Они приближаются,— наконец сказал он.— Я не собираюсь

торчать на месте, словно подсадная утка. Я хочу иметь свободу маневра. Пойду на них.

— По-моему, это ошибка.

— Тебя никто не спрашивает, мистер. Но если б у тебя башка варила, ты бы сделал то же самое.

— Учти — я держу тебя на прицеле, Таннер.

— Ты не станешь стрелять — ведь я могу быть прав. Кроме того, со мной Грег.

Наступила тишина, прерываемая шумом помех, потом голос произнес:

— Твоя взяла, Черт, иди.

— Я дам осветительную ракету, когда выскочу на ту сторону,— отозвался Таннер.— Как увидите, трогайтесь.

Таннер выключил рацию и посмотрел вперед на раздувшиеся черные колонны.

— Ну, поехали,— сказал он, включая фары на полную яркость.— Пристегнись, парень.

Машина двинулась.

Покачивающиеся колонны росли на глазах, и теперь слышался резкий звенящий звук, свирепый хор ветров.

Таннер прошел от первой воронки ярдах в трехстах и взял влево, чтобы объехать ее прямо по ходу. На смену ей тут же выросла другая, и он снова принял влево. Впереди открылся проход, и Таннер устремился меж двух черных как смоль столбов. Уши заложило, руль едва не вырвало из рук. Он резко взял вправо и, набирая скорость, проскочил мимо еще одного столба, который мгновение спустя прошел у него за спиной.

Таннер тяжело выдохнул и повернул налево. Его окружали четыре воронки. С одного бока две из них слились и с пронзительным визгом двинулись прочь. Пересекая его путь, слева направо неслась другая воронка, и он так резко затормозил, что ремень врезался в грудь. Передок машины уже было оторвался от земли, но через секунду, отпущенный, тяжело упал.

Таннер вдавил педаль газа в пол, проскочил между последними двумя столбами, и все осталось позади.

Проехав еще с четверть мили, он поднялся на небольшой холм, развернулся и остановил машину. Отсюда Таннер пустил осветительную ракету. Она взмыла в воздух и на полминуты зависла высоко наверху, словно умирающая звезда.

Таннер закурил сигарету и стал ждать.

— Ничего,— произнес он, затушив окурок.— Может быть, они не увидели...

— Надеюсь,— отозвался Грег.

— Сколько ты хочешь ждать?

— Давай выпьем кофе.

Они пустили еще одну ракету. Прошел час, второй. Столбы начали рассасываться. Наконец их осталось только три, самых тонких. Затем воронки двинулись на восток и вскоре скрылись из виду.

— Давай вернемся,— предложил Грег.

— Хорошо.

Они вернулись.

И ничего не нашли, совершенно ничего, что могло бы поведать о судьбе машины номер три.

Когда они закончили поиски, на востоке уже занималась заря. Таннер сверился с компасом и повернул на север.

— Как скоро, по-твоему, мы доберемся до Солт-Лейк-Сити? — спросил Грег после долгого молчания.

— Может быть, часа через два.

— Ты боялся, когда проходил эти чертовы штуки?

— Нет. Вот потом...

Грег кивнул.

— Хочешь, я сяду за руль?

— Я все равно не засну. В Солт-Лейк заправимся и перекусим, пока механик проверит машину. Затем найду нужную дорогу, и ты поведешь.

Черные полосы снова стали расширяться. Таннер выругался и прибавил скорость. Две летучие мыши решили рассмотреть машину поближе, и он выпустил в них струю из огнемета. Грег протянул ему чашку кофе.

Глава 5

Когда они въехали в Солт-Лейк-Сити, небо было затянуто синей пеленой. Джон Брейди — так звали гонца из Бостона — побывал здесь всего несколько дней назад, и город ждал. Почти все десять тысяч его жителей высыпали на улицу. Черт и Грег въехали в первый попавшийся гараж, и, прежде чем они успели вылезти из машины, к ним подскочили три механика, подняли капот и начали копаться в двигателе.

Грегу и Таннеру пришлось отказаться от обеда в столовой, так как толпы людей бросились к ним с расспросами, едва они вышли из гаража. Вернувшись к машине, они послали за яйцами, беконом и хлебом, а потом выехали на улицу и под восторженные возгласы горожан покатили на восток.

— Не взяли пива, — с досадой бросил Таннер. — Проклятье!

Машина ехала вдоль остатков того, что некогда называлось шоссе № 40. Таннер уступил место водителя Грегу, а сам растянулся в пассажирском кресле. Небо над ними продолжало чернеть, как за день до того в Л-А.

— Может быть, мы ее перегоним, — сказал Грег.

— Надеюсь.

На севере запульсировало голубое сияние, разлился ослепительный свет. Небо над головой набухло и почернело.

— Жми! — закричал Таннер. — Там впереди горы! Может, успеем проскочить и найдем навес или пещеру!

Но ад обрушился на них раньше. Сперва пошел град, потом артиллерийский обстрел. С неба стали валиться камни, и правый экран

потух. Двигатель захлебывался и кашлял под неистовым водно-песчаным потоком.

И все-таки они достигли гор и нашли место в узкой расщелине. Вокруг ревели и надрывались ветры.

Они курили и слушали.

— Нам не пройти,— сказал Грег.— Ты был прав. Я думал, что у нас есть шанс. Но нет. Все против нас, даже погода.

— У нас *есть* шанс,— сказал Таннер.— Не слишком большой, но есть. До сих пор нам везло, не забывай.

Грег сплюнул.

— Откуда такой оптимизм? Причем от тебя?

— Я просто срывал злость. Я и сейчас зол; но, кроме того, у меня появилось предчувствие. Предчувствие удачи.

Грег рассмеялся.

— К черту удачу. Ты посмотри, что творится!

— Вижу,— спокойно сказал Таннер.— Наша машина рассчитана на это и должна выдержать.

— Буря может продолжаться несколько дней.

— Переждем.

— Если ждать долго, то даже эти десять процентов сотрут нас в порошок. Если ждать долго, вообще не надо будет ехать. А попробуй высунуть нос — и нам конец.

— На починку радара уйдет минут пятнадцать — двадцать. Запасные «глаза» есть. Если через шесть часов буря не утихнет, все равно двинемся вперед.

— Кто сказал?

— Я сказал.

— Ты? Но почему? Это же ты так рвался спасти свою шкуру! А теперь она тебе уже не дорога? Не говоря уже о моей...

Таннер сосредоточенно курил.

— Я много думал,— произнес он и надолго замолчал.

— О чем?— спросил Грег.

— О тех людях в Бостоне... Да, они не сделали мне ничего хорошего. Но черт побери, я люблю действовать, ну и не прочь узнать, каково быть героем — так, ради любопытства. И Бостон увидеть интересно... Пойми меня правильно: мне вообще-то плевать, да только неохота, чтобы все на Земле было выжженным, исковерканным и мертвым, как здесь, в Долине. Когда мы потеряли в торнадо машину, я начал думать. Вот и все.

Грег покачал головой.

— Я и не подозревал, что ты философ...

— Я тоже. Просто устал. Расскажи-ка мне о своей семье...

...Через четыре часа, когда буря утихла и вместо камней стали летать песчинки, а яростный ливень перешел в моросящий дождь, Таннер починил радар, и они двинулись в путь. Вечером они обошли руины Денвера. Таннер сел за руль и повел машину к месту, некогда известному под названием Канзас.

Он вел всю ночь и утром впервые за много дней увидел чистое не-

бо. Правая нога давила на газ, в голове неторопливо текли мысли, а рядом тихо посапывал Грег.

Руки сжимали руль, в кармане лежала амнистия, но Таннером овладело странное чувство. Сзади клубилась пыль. Небо стало розовым, темные полосы снова сжались. Таннеру вспомнились рассказы о тех днях, когда пришли ракеты, когда было уничтожено все, кроме районов на северо-востоке и юго-западе, и о тех днях, когда налетели ветры, растаяли тучи и небо потеряло голубизну; дни, когда Панамский канал исчез с лица земли и замолчали радиостанции; когда перестали летать самолеты. Больше всего Таннеру было жаль самолетов. Он всегда мечтал летать — взмывать в воздух и парить высоко-высоко, как птица... Где-то впереди его помощи ждал город — единственный уцелевший город, кроме Лос-Анджелеса, последняя цитадель американской земли. Он, Таннер, может спасти его, если поспеет вовремя...

Вокруг были скалы и песок. К склону горы прижимался старый покосившийся гараж — разбитый, с провалившейся крышей, он напоминал полуразложившийся труп. Таннера стала бить дрожь, и нога непроизвольно усилила нажим на акселератор, хотя педаль и так уже была вжата в пол. Справа впереди поднималась стена черного дыма. Подъехав ближе, он увидел обезглавленную гору. На месте вершины свили гнездо клубящиеся языки пламени. Таннер взял влево, на много-много миль отклоняясь от намеченного пути. Иногда под колесами дрожала земля. Вокруг падал пепел, но дымящийся конус отодвинулся на задний план правостороннего экрана.

Таннер думал о прошлом и о том немногом, что знал о нем. Если пробьется, обязательно узнает больше. Его никогда не просили сделать что-то важное, и он надеялся, что впредь не попросят. Однако им завладело чувство, что он может это сделать. *Хочет* сделать. Впереди, сзади, по сторонам простиралась Долина Проклятий — кипящая, бурлящая, содрогающаяся,— если он ее не победит, половина человечества погибнет. И удвоятся шансы, что весь мир скоро станет частью Долины... На побелевших суставах ярко проступила татуировка.

Грег спал. Таннер прищурил глаза и жевал бороду и не прикоснулся к тормозу, даже когда увидел оползень. Он проскочил его и шумно выдохнул. Все чувства были обострены до предела, мозг словно превратился в экран, на котором регистрировались мельчайшие детали. Таннер чувствовал колыхание воздуха в машине и упрямое давление педали на ногу. В горле пересохло, но это не имело значения. Он мчался по искалеченным равнинам Канзаса, слившись с машиной в одно целое, и испытывал состояние, похожее на отрешенность и счастье. Проклятый Дентон был прав. Надо доехать.

Таннер остановился на краю глубокой расщелины и повернул к северу. Через тридцать миль расщелина кончилась, и он снова взял курс на юго-восток. Грег что-то бормотал во сне. Солнце стояло в зените, и Таннеру чудилось, будто он, бестелесный, парит над бурой землей... Он сжал зубы. Его мысли вернулись к Денни. Наверно,

тот сейчас в больнице. Что ж, все лучше, чем сгинуть в Долине. Хоть бы только деньги были на месте... Таннер почувствовал боль — болели шея, плечи. Боль распространилась на руки, и он заметил, что сжимает руль изо всех сил. Таннер глубоко вздохнул и закурил. Солнце скатывалось ему на спину. Он отпил воды и притушил экран заднего обзора. Потом послышался звук, напоминающий отдаленный раскат грома, и Таннер сразу же насторожился.

Громадное стадо бизонов пересекало его путь. Больше часа огромные, тяжелые животные, склонив головы, бежали перед машиной, взметая копытами землю, и наконец ушли к югу. Шум постепенно затих, только гигантское облако пыли все еще висело в воздухе. Включив фары, Таннер направил в него автомобиль.

Он выехал на шоссе с неплохо сохранившимся покрытием и резко прибавил скорость. Через некоторое время показался выцветший покосившийся указатель: «ТОПИКА — 110 миль».

Грег зевнул, потянулся, потер кулаками глаза.

— Который час?

Таннер кивнул на часы.

— Утра или вечера?

— Вечера.

— Ну и ну! Выходит, я проспал битых пятнадцать часов!

— Верно.

— Ты, должно быть, совсем выдохся. Весь побелел. Сейчас я тебя сменю.

— Не возражаю.

Грег полез в заднюю часть машины.

Через пять минут они подъехали к окраинам мертвого города. Почти все здания развалились, подвалы были наполнены водой. Через трещины в асфальте пробивалась трава. Чудом уцелевший телеграфный столб накренился к земле, и свисавшие с него провода походили на черные спагетти. Разбитые витрины, ржавые остовы автомобилей, скелеты, ослепшие светофоры...

Грег, кряхтя, пролез вперед.

— Ну, давай меняться.

— Сперва я хочу отсюда выехать.

Наконец, когда минут через пятнадцать город остался позади, Таннер остановил машину.

— Мы недалеко от Топики. Буди меня в случае чего.

— Кстати, как ты ехал, пока я спал?

— Нормально,— ответил Таннер и закрыл глаза.

Грег вел машину прочь от заката. До Топики он съел три бутерброда с ветчиной и выпил кварту молока.

Глава 6

Таннер проснулся от визга запускаемых ракет. Он машинально протер глаза и тупо уставился вперед.

Вокруг клубились облака каких-то гигантских сухих листьев. Ле-

тучие мыши, летучие мыши, летучие мыши... Воздух был наполнен летучими мышами. Движение автомобиля заметно тормозилось их черными телами, а слух терзали скрежещущие писклявые звуки.

— Где мы?

— Канзас-Сити. Тут их полно.

Грег выпустил еще одну ракету, которая прорезала огнем дикую завывающую орду.

— Побереги ракеты. Давай огнеметами.— Таннер переключил фронтальный пулемет на ручное управление и навел перекрестие прицела на экран.— Одновременно во все стороны. Пять-шесть секунд — потом продолжу я.

Огонь рванулся вперед, расцветая мрачно-оранжевыми лепестками пламени. Когда лепестки опали, Таннер вгляделся в экран и нажал на гашетку. Обгоревшие тела устилали землю, и к курящимся грудам добавлялись новые.

— Жми! — закричал Таннер, и машина пошла вперед, давя колесами хрустящие тушки.

В холодном сиянии осветительной ракеты казалось, что на них налетают миллионы вампироподобных тварей.

Таннер стрелял, и они падали, как перезрелые яблоки.

Потом он скомандовал:

— Притормози и дай из верхнего огнемета! — И Грег повиновался.

— Теперь боковые! Передний и задний!

Повсюду вокруг них горели тела, и они прокладывали путь через стену обугленной плоти.

Таннер пустил вторую осветительную ракету.

Летучие мыши еще были здесь, но уже не спускались так низко. Таннер нацелил пулеметы и ждал, но они больше не нападали стаями; лишь отдельные особи подлетали ближе, и он сбивал их одиночными выстрелами.

Через десять минут Таннер произнес:

— Слева от нас Миссури. Если идти вдоль берега, то попадем в Сент-Луис.

— Знаю. Думаешь, там тоже будет полно летучих мышей?

— Вероятно. Но если не станем гнать и придем утром, они нам не помешают. Там подумаем, как перебраться через Миссисипи.

На экране заднего обзора на фоне бледных звезд темнел город Канзас-Сити, а над его силуэтом облитые светом кровавой луны метались летучие мыши.

Через некоторое время Таннер снова заснул. Ему снилось, что он медленно едет на мотоцикле посреди широкой улицы, а на тротуарах стоят люди и приветствуют его восторженными возгласами. Они бросают конфетти, но на него падает мусор, мокрый и вонючий. Тогда он дает газ, но мотоцикл замедляет ход, и теперь они уже кричат на него, осыпают ругательствами. «Харли» начинает захлебываться, но его ноги застыли и не двигаются. Через секунду он упадет.

Мотоцикл останавливается и начинает опрокидываться вправо. Таннер падает, на него бросается толпа...

Таннер резко очнулся и увидел утро — яркую монету в центре темно-синей скатерти.

— Вот она,— прошептал Грег.— Миссисипи.

Таннер неожиданно почувствовал голод.

Они освежились и стали искать мост.

— Что-то не видать твоих голых дикарей с копьями,— заметил Грег.— Конечно, мы могли миновать их в темноте — если они еще здесь.

— И слава богу,— сказал Таннер.— Сэкономили патроны.

Показался мост — провисший, темный, лишь на металлических канатах играли солнечные блики. Машина медленно двигалась по улицам, иногда приходилось объезжать целые кварталы. За два часа они прошли милю, а к подножию моста попали в полдень.

— Похоже, Брейди проезжал здесь,— произнес Грег, глядя на узкий расчищенный проход.— Как, по-твоему, он это сделал?

— Может быть, каким-то образом спихивал мешающие машины вниз.

— А прежде они здесь были?

— Собственно, я тогда к мосту не подъезжал. Я остановился на том холме.— Таннер кивнул на задний экран.

— Что ж, может, мы и пройдем.

Они двинулись вперед на мост и медленно поехали над величественной рекой. Временами мост под ними трещал, стонал, и они чувствовали, как он дышит.

Начало подниматься солнце, а они все шли вперед, задевая бамперами ржавые остовы машин. Через три часа колеса наконец коснулись противоположного берега. Грег тяжело вздохнул и чуть дрожащей рукой зажег сигарету.

— Не хочешь немного повести, Черт?

— Давай.

Они поменялись местами. Грег тут же откинулся на спинку и закрыл глаза.

— Боже, я совершенно измочален,— пробормотал он.

Таннер вел машину через руины Восточного Сент-Луиса, торопясь выехать из города до наступления темноты. Улицы были захламлены и разбиты. Начал повышаться уровень радиации, но в салоне машины, судя по индикатору, все пока было в норме.

Шли часы. Когда солнце скатилось за спину, Таннер вновь увидел на севере разливающееся голубое сияние. Но небо оставалось чистым — звездное небо, уже без черных полос. Впереди повисла розовая луна. Таннер тихонько включил музыку и глянул на Грега. Тот крепко спал.

Уровень радиации упорно лез вверх. Затем Таннер увидел на экране кратер и остановился.

Кратер был около полумили в диаметре. Таннер пустил освети-

тельную ракету, и в ее сиянии рассмотрел окрестности. Подъезды были ровнее справа, и он повернул туда.

Радиация! Очень высокий уровень! Таннер резко вдавил педаль газа и подумал, глядя на индикатор: «На что это было похоже в *тот* день? В тот день, когда здесь вспыхнуло искусственное солнце, на какое-то время затмило настоящее, а потом медленно потонуло в черном шквале...» Таннер попытался представить себе это, картина живо возникла перед его глазами, и он тут же попытался прогнать ее, но не смог.

Какой была жизнь раньше, в те дни, когда стоило лишь вскочить на мотоцикл — и кати куда душе угодно? И на голову с небес не лились помои?.. Таннера охватило щемящее чувство, будто его обманули. Он испытывал его не в первый раз, но сейчас он ругался злее и дольше, чем обычно..

Объехав наконец кратер, Таннер закурил и впервые за долгие месяцы улыбнулся, когда показания индикатора радиации пошли вниз. Через несколько миль показалась трава, а вскоре появились и деревья.

Деревья были низкорослые и кривые, но чем дальше он бежал от кровавой вакханалии, тем выше и стройнее они становились. Таких деревьев он никогда раньше не видел — пятьдесят, шестьдесят футов высотой, изящные, серебрящиеся под лунным светом, здесь на равнинах Иллинойса.

Машина мчалась по твердой широкой дороге, и Таннером завладело желание ехать по ней вечно — до Флориды, штата мхов и торфяных болот, апельсинов и чудесных пляжей; до холодного, скалистого мыса Сейбл, где все серое и бурое, где волны разбиваются о маяки и соленый ветер обжигает лицо, где на надгробных плитах древних кладбищ вырублены стершиеся, но еще различимые надписи; потом вниз по великой Миссисипи, туда, где она разбивается на рукава и выходит в Мексиканский залив, где на его крошечных островках пираты зарывали награбленные сокровища; в горы — Покомок, Кэт-Скилл, на плато Озарк; проехать через леса Шенандоа; оставить машину и поплавать в Чесапикском заливе; посмотреть на Великие озера и на то место, где падает вода,— на Ниагару... Ехать и ехать по этой дороге, увидеть все, впитать в себя весь мир... Да, может быть, осталась не только Долина Проклятий! Он желал этого страстно, сжигаемый изнутри жадным огнем.

Неожиданно почувствовав себя всемогущим, он коротко и резко хохотнул.

Музыка играла тихо, пожалуй, даже слишком грустно, нежно, и он растворился в ней полностью.

Глава 7

К утру Таннер въехал в Индиану. По дороге встречались внешне целые фермы, в которых, вероятно, жили люди. Ему очень хотелось проверить это, но он не смел остановиться. Затем растительность стала хиреть. Исчезла трава; редкие искривленные деревья склоня-

лись над голой землей. Снова возросла радиоактивность. Сохранившийся указатель возвестил о приближении Индианаполиса.

Таннеру пришлось сделать большой крюк и даже вернуться до городка под названием Мартинсвиль, чтобы перебраться на другую сторону Белой реки. Затем, когда он снова взял курс на восток, неожиданно затрещало и ожило радио. Слабо донесся голос: «Неопознанный автомобиль, немедленно остановитесь!» Таннер включил экран на полное увеличение и далеко впереди, на холме, увидел мужчину с биноклем и рацией.

Он ехал по более или менее сносному участку дороги со скоростью около сорока миль в час и постепенно увеличил скорость до пятидесяти. От толчков на выбоинах проснулся Грег.

Из приемника все настойчивее и громче раздавались команды. Таннер впился взглядом в передний экран. Входя в крутой вираж, он прикоснулся к тормозу, не отвечая на вопрос Грега: «В чем дело?»

Дорогу перегораживал танк, и дуло его большого орудия смотрело прямо в лоб.

Таннер среагировал молниеносно.

Пока глаза искали и нашли боковой съезд, правая рука пустила три бронебойные ракеты, которые с визгом устремились вперед, а левая — резко крутанула руль против часовой стрелки, нога же изо всей силы вжала педаль газа.

Он уже съехал на обочину, когда танк харкнул вспышкой, а потом расцвел огненным цветком и исчез в дыму.

Когда они, миновав танк, выскочили на дорогу, начался ружейный огонь. Грег швырнул налево и направо по гранате, а затем ударил из крупнокалиберных пулеметов. Машина на бешеной скорости неслась вперед; через полмили Таннер взял микрофон и проговорил: «Прошу прощения, ребята, у меня не работают тормоза».

Ответа не последовало.

Как только они выехали на ровную местность с хорошим обзором во всех направлениях, Таннер остановил машину, и на место водителя сел Грег.

— Как ты думаешь, где они раздобыли танк?

— Кто их знает...

— А зачем хотели остановить нас?

— Они не знали, *что* мы везем. А может, просто нужен был автомобиль.

— Влепить снаряд — далеко не лучший способ отнять машину.

— Если она не достанется им, то с какой стати оставлять ее нам?

— Ты прямо читаешь их мысли, да?

— Верно.

— Закури.

Таннер с благодарностью взял сигарету.

— Нам пришлось туго.

— Не могу не согласиться.

— А ехать еще далеко...

— Тоже не спорю. Так что давай, покатили.

— Раньше ты говорил, что мы все равно сдохнем.
— Теперь я передумал. Мы доедем.
— После всего того, что было?
— После всего того, что было.
— А что нас ждет впереди? С чем еще нам предстоит столкнуться?
— Не знаю.
— Один раз ты попытался улизнуть. Теперь я тебя понимаю.
— Ты трусишь, Грег?
— Какой толк моей семье от покойника?
— Тогда почему ты согласился?
— Я и не предполагал, на что это будет похоже. Никто не посмеет упрекнуть нас в случае неудачи. В конце концов мы сделали все, что смогли.
— А как же те люди в Бостоне, о которых ты столько говорил?
— Там уж наверняка никого нет в живых.
— А тот парень, Брейди? Он умер, чтобы доставить нам известие.
— Видит бог, я восхищаюсь его подвигом. Но мы потеряли уже четверых, и надо ли доводить это число до шести, лишь бы показать всем, что мы не трусы?
— Грег, сейчас нам гораздо ближе до Бостона, чем до Лос-Анджелеса. На обратный путь даже не хватит горючего.
— Можно заправиться в Солт-Лейк-Сити. Да и вообще последнюю сотню миль пройти на мотоциклах.
— А ты меня еще поносил. Удивлялся, откуда берутся такие... Ты спрашивал, что они мне сделали. И я ответил: ничего. Теперь, может быть, я что-нибудь для них сделаю, просто потому, что мне так хочется. Я немало думал.
— Тебе не приходится кормить семью. А мне надо беспокоиться не только о себе.
— Ты очень красиво оправдываешься, когда хочешь смалодушничать. Ты говоришь: «Я не боюсь, но у меня есть мать, сестры и братья и еще одна крошка, от которой я без ума. Только поэтому я иду на попятный...»
— Именно так! Я не понимаю тебя, Черт, я совершенно тебя не понимаю! Ты же сам подал мне эту идею!
— Ну так отдавай ее назад — и поехали!

Таннер увидел, как рука Грега тянется к револьверу на дверце, швырнул сигарету ему в лицо и еще успел ударить его один раз в живот — слабый удар левой рукой, но ничего больше из этого положения он сделать не мог.

Грег бросился на Таннера и вдавил его в кресло. Пальцы царапали лицо, подбираясь к глазам. Таннер судорожным движением ухватил голову Грега и изо всех сил оттолкнул его. Грег ударился о приборную доску и обмяк.

Таннер для верности еще дважды ударил его головой о доску и перебрался за руль. Успокаивая дыхание, он изучил экраны — ничего угрожающего.

Он достал моток веревки и связал руки Грега за спиной, потом обмотал веревкой лодыжки и, наконец, прикрутил его к спинке сиденья.

Через два часа Грег начал стонать, и Таннер включил музыку погромче. Пейзаж снова изменился: появились зеленые поля, яблони с еще незрелыми плодами, белые домики и бурые сараи, покачивающаяся на ветру кукуруза с уже заметными коричневыми кисточками, маленькая колокольня с голубой кровлей...

Полосы наверху расширились, но само небо не потемнело, как обычно перед бурей. У Дейтоновской Пропасти Таннер повернул на север и двинулся вдоль бездонного обрыва, притормаживая лишь для того, чтобы объехать расщелины и провалы. Снова повысилась радиация. Густой желтый пар струился из-под земли, обволакивая машину липучим сернистым облаком. В тот момент, когда порыв ветра внезапно рассеял ядовитый туман, Таннер непроизвольно нажал на тормоз. Машина дернулась и замерла, а Грег опять застонал. Несколько секунд Таннер не мог оторвать глаз от того, что ему открылось, а потом медленно двинулся вперед. «Люди,— подумал он,— опять люди...» Над Пропастью качался пожелтевший распятый скелет, ухмылявшийся оскаленным ртом.

Когда Таннер выехал из тумана, небо было темным. Он даже не сразу понял, что пелена рассеялась. На объезд Дейтона ушло четыре часа, и теперь, когда он вновь устремился на восток по поросшей вереском прерии, солнце уже садилось, тщетно пытаясь вырваться из-за черной реки.

Таннер догадывался, чего следует ожидать. Он включил фары и стал осматриваться в поисках убежища. На холме неподалеку стояла покосившаяся конюшня без дверей. Таннер осторожно загнал туда машину и увидел покрытые плесенью стены и скелет лошади.

Он вырубил двигатель, потушил фары и стал ждать.

Скоро снаружи раздался завывающий звук, заглушивший периодические стоны и бормотание Грега. Потом донесся другой звук — не тяжелый и резкий, как обычно в Лос-Анджелесе, а мягкий, настойчивый, почти мурлыкающий.

Им ничто не угрожало, уровень радиации был невысоким, и Таннер вылез из машины, не надевая защитного костюма. Он немного размялся, подошел к проему и выглянул наружу.

Солнцу все-таки удалось вынырнуть из черной завесы, и его косые лучи освещали падающие сверху серые капли.

Это был дождь. Таннер никогда в жизни не видел простого, чистого дождя... Он стоял и смотрел.

Дождь падал непривычно тихо, чуть шелестя. Потекли ручейки, появились лужи. В лицо ударил резкий порыв влажного ветра, и Таннер непроизвольно слизнул холодные капельки. Он подобрал щепку и бросил ее в лужу у ног; щепка упала с легким всплеском и поплыла. Из-под крыши раздавалось птичье щебетанье, в воздухе разливался сладковатый запах гниющей соломы. В тени справа виднелась ржа-

вая молотилка. Сверху, покачиваясь, проплыло перышко, и Таннер подставил ладонь,— легкое, темное, пушистое... Никогда раньше не обращал он внимания на такую чепуху. Таннер отпустил перышко, и его тут же подхватил ветер.

В такую погоду можно было бы ехать, но сил не осталось. Таннер нашел бочонок, сел и снова закурил. Пока все шло нормально. Его беспокоил последний отрезок пути, так как он все еще не мог доверять Грегу. Надо заехать так далеко, чтобы исключить возможность отступления. Тогда они станут необходимы друг другу, и Грега можно будет освободить. Если он не окончательно лишился ума... Кто знает, какие еще сюрпризы приготовила им Долина? Хорошо, если бури отныне будут не такими яростными.

Он сидел еще очень долго, и холодный влажный ветер обдувал его лицо. Через некоторое время дождь утих, и Таннер вернулся в машину, отметив дурной признак — Грег оставался без сознания.

Таннер проглотил тонизирующую таблетку и, держа руль одной рукой, сжевал бутерброд. Тихо падал дождь. Он шел по всему Огайо, и небо застилали тучи. У Паркcберга машина пересекла границу Западной Виргинии, и Таннер взял немного севернее. Серый день перешел в темную ночь, а он продолжал ехать.

Летучие мыши не доставляли больше хлопот. Однако нередко встречались кратеры, и тогда снова подскакивала радиация. Где-то по дороге за машиной увязалась стая огромных диких собак. Они лаяли и выли, преследуя автомобиль и пытаясь ухватить зубами шины, но наконец отстали. Гора слева с громовыми раскатами начала извергать клубы светлого дыма. Земля задрожала, стал падать пепел. От внезапно налетевших водяных шквалов двигатель трижды захлебывался и глох. Таннер запускал его и снова упорно двигался вперед по чавкающей и хлюпающей жиже. Потом он выбрался на сухую возвышенность, и там его обстреляли из винтовок какие-то люди, пытавшиеся перекрыть дорогу. Он ответил пулеметным огнем, швырнул гранату и проскочил мимо. Когда на небо взобралась тусклая луна, на машину стали пикировать крупные черные птицы, но вскоре и они отстали.

Таннер вел автомобиль, пока снова не навалилась усталость. Тогда он поел и принял еще одну таблетку. Если б только Грег очнулся, его можно было бы развязать и посадить за руль.

Таннер то и дело подергивал золотое кольцо в левом ухе, покусывал бороду и нервно чесался; дважды останавливал машину и лез в туалет. Когда он проезжал по очередному мертвому городу, опять заморосило, словно опустилась пелена — холодная, мерцающая... Таннер остановился посреди дороги, едва не наехав на то, что он сначала принял за полосы в небе. Очень уж неожиданно они появились...

Это была паутина. Нити толщиной с руку были натянуты между двумя зданиями с обеих сторон улицы.

Таннер включил фронтальный огнемет. Когда пламя потухло, он увидел бесформенное создание, спускающееся откуда-то сверху.

Гигантский паук, величиной с человека, спешил проверить свои сети.

Таннер нацелил пусковую установку и пронзил его одной раскаленной добела ракетой. Паук задергался и повис на паутине.

Таннер снова включил огнемет. Секунд десять он поливал все огнем, а затем устремился вперед, стараясь забыть стоящую перед глазами картину.

Далеко справа дымилась гора, но пепла почти не было. Сварив и выпив чашку кофе, Таннер на полной скорости понесся навстречу утру.

Глава 8

Он застрял в грязи где-то в Восточной Пенсильвании и ругался на чем свет стоит. Солнце поднялось к зениту. Грег был очень бледен. Таннер закрыл воспаленные глаза и откинулся на спинку. Сил не оставалось.

Он заснул.

Его разбудил стук в дверцу машины. Руки сами собой потянулись к пульту управления огнем и кнопке выпуска «крыльев», а глаза обшарили экраны.

Таннер увидел пожилого мужчину и двух молодых парней. Они были вооружены, но стояли перед левым «крылом». Их можно было перерезать пополам в одно мгновение.

Таннер включил наружные динамик и микрофон.

— Чего вы хотите? — спросил он надтреснутым голосом.

— Застряли? — окликнул его пожилой мужчина.

— Вроде того.

— У меня есть упряжка мулов. Может, вытащат. Но раньше завтрашнего утра их сюда не пригнать.

— Отлично! — сказал Таннер.

— Откуда вы?

— Из Лос-Анджелеса.

Они удивленно зашептались.

— Далеко ж вы забрались, мистер.

— Будто я не знаю... Послушайте, если вы серьезно насчет мулов, это просто здорово. Положение чрезвычайное.

— А что стряслось?

— Слыхали о Бостоне?

— Ну.

— Там мор, гибнут люди. Я везу лекарство, которое должно их спасти.

Они снова зашептались.

— Мы поможем вам. Пойдете с нами?

— Куда? И кто вы такие?

— Меня зовут Самуэль Поттер, а это мои сыновья — Родерик и Калибан. Наша ферма милях в шести отсюда.

— Не подумайте, что я вам не верю,— сказал Таннер.— Просто я вообще никому не доверяю. В меня слишком часто палили, не хочется лишний раз рисковать.

— Вы ведь наверняка можете стрелять изнутри?

— Да.

— Выходит, нам рискованно даже разговаривать с вами. И все же вам надо помочь. Мы многого лишимся, если бостонские торговцы перестанут приезжать в Олбани.

— Подождите,— проговорил Таннер и вышел из машины.

Пожилой мужчина первым протянул руку, и Таннер пожал руки ему и его сыновьям.

— У вас здесь есть доктор?

— В поселке — милях в тридцати к северу.

— Мой напарник ранен.— Таннер махнул в сторону машины.

Сэм шагнул вперед и заглянул внутрь.

— А чего он повязан, как сноп?

— Спятил. Пришлось его стукнуть. На всякий случай и связал. Но теперь ему совсем худо.

— Мы смастерим носилки, и ребята отнесут его домой, а там пошлем кого-нибудь за доком. Вы и сами не бог весть как выглядите. Спорю, что не откажетесь побриться, принять ванну и лечь в чистую постель.

— Паршиво я себя чувствую,— признался Таннер.— Давайте поскорее с этими носилками, не то понадобятся еще одни.

Он привалился к бамперу и курил, пока сыновья Поттера рубили и очищали от веток тонкие деревца. Волнами накатывалась дурнота, веки налились свинцом. Ноги были словно ватные, шея гудела. Сигарета выскользнула из пальцев, и он откинулся на радиатор.

Потом кто-то потряс его за плечо.

— Все,— сказал Поттер.— Мы развязали вашего друга и уложили на носилки. Будете запирать машину?

Таннер кивнул и едва не упал, но все же запер дверцы и побрел к группке ожидающих его людей. Они двинулись в путь. Таннер сперва пошатывался, но потом втянулся и шагал автоматически. Самуэль Поттер шел впереди и ни на минуту не умолкал — может быть, для того, чтобы Таннер не заснул на ходу.

— Идти недалеко, сынок. Как ты сказал твое имя?

— Черт,— пробормотал Таннер.

— Не понял.

— Черт. Мое имя — Черт Таннер.

Сэм Поттер хохотнул.

— Славное имечко! Если ничего не имеешь против, я представлю тебя жене и младшему как «мистера Таннера». А?

— Валяйте...— выдавил Таннер, с чавканьем вытаскивая ногу из трясины.

— Да, уж как нам плохо будет без этих торговцев из Бостона! Надеюсь, ты поспеешь вовремя. Они привозят товары в Олбани и дважды в год устраивают ярмарку — весной и осенью. У них есть все, что нам нужно: иголки, нитки, перец, посуда, семена, оружие...

ну все! А на ярмарках просто здорово! Да в здешних краях тебе всякий поможет.

Они поднялись на возвышенность, и там было суше.

— Отсюда, значит, уже не трудно до Бостона добраться?

— Не скажи. Но я подсоблю с картой и растолкую что к чему.

— Карта у меня есть,— отозвался Таннер и спросил, кивнув на показавшуюся вдали ферму: — Ваша?

— Она. Уже совсем рядом. И идти теперь легче будет... Обопрись на мое плечо, если устал.

— Ничего, обойдусь. Наглотался таблеток, чтоб не спать, а теперь навалилось... Совсем невмоготу.

— Скоро отоспишься. А там пройдемся по твоей карте, я тебе покажу дорогу.

— Хорошо... — пробормотал Таннер. В глазах потемнело; он положил руку на плечо Сэма и пошатнулся.

Через целую вечность из тумана появился дом, затем дверь. Дверь распахнулась. Таннер почувствовал, что падает, и все поглотила тьма.

Глава 9

Сон. Темнота, отдаленные голоса, снова темнота. Он лежал на чем-то мягком. Потом повернулся на другой бок и провалился во тьму.

Когда наконец он очнулся и открыл глаза, в комнате было светло. Солнечные лучи врывались через окно и падали на лоскутное одеяло, которым он был накрыт. Таннер с кряхтеньем потянулся, яростно поскреб бороду и огляделся: сине-красные коврики ручной работы на дощатом полу, кухонный шкаф с белой эмалированной мойкой (кое-где эмаль отлетела, и там чернели пятна), зеркало на стене и качалка возле окна, маленький столик с придвинутым стулом у другой стены. На столе книги, бумага, чернила и ручка; над ним — выцветшая картинка с водопадом.

Таннер сел и обнаружил, что спал голый. Одежды нигде не было видно.

Пока он раздумывал, звать кого-нибудь или нет, открылась дверь, и вошел Сэм. Через руку была перекинута одежда Таннера, чистая и аккуратно выглаженная. В другой руке он держал его ботинки, и те сияли, как лунный свет на дожде.

— Услыхал, как ты ворочаешься,— сказал Поттер.— Полегчало?

— Сравненья нет, спасибо.

— Мы приготовили ванну. Добавишь бадейку горячей и мойся сколько душе угодно. Сейчас ребята принесут мыло и полотенце.

Таннер прикусил губу, но, не желая показаться хозяину неблагодарным, кивнул и выдавил улыбку: — Отлично.

— ...А там на полке бритва и ножницы.

Он опять кивнул. Сэм положил одежду на качалку, рядом поставил ботинки и вышел из комнаты.

Вскоре Родерик и Калибан внесли лохань, поставили ее на старые мешки.

— Как вы себя чувствуете? — спросил один из них. (Таннер не знал, кто именно. Они были похожи на два долговязых пугала с белоснежными зубами.)

— Отлично,— ответил он.

— Должно быть, есть хотите? Вы спали весь день, ночь и все утро.

— Что с моим напарником? — спросил Таннер.

Другой парень покачал головой.

— Плохо ему, никак в себя не придет. Скоро будет док. Наш младший пошел за ним вчера вечером.

Они повернулись, собираясь уходить, и первый добавил:

— Как помоетесь, ма приготовит вам поесть. А мы тем временем попробуем вытащить машину. Пока будете заправляться, отец расскажет вам о дорогах.

— Спасибо.

— Доброго вам утра.

Дверь за ними закрылась.

Таннер поднялся, подошел к зеркалу и придирчиво себя оглядел.

— Ну хорошо, только один раз... — пробормотал он.

Он вымыл лицо, подровнял бороду и подрезал волосы. А затем, скрипя зубами, опустился в лохань, намылился и стал тереться мочалкой. Вода почернела. Он с плеском вылез, вытерся и оделся.

Таннер улыбнулся незнакомому темноглазому отражению в зеркале и закурил. Потом расчесал волосы. «Черт побери! Да я красавец!» — хохотнул он и вышел на кухню.

Сэм сидел за столом с чашкой кофе, а его невысокая полная жена в длинной серой юбке суетилась у плиты. Она обернулась, показав круглое краснощекое лицо. Каштановые с проседью волосы были собраны в тугой пучок.

— Доброе утро,— сказала она с улыбкой.

— Доброе утро,— отозвался Таннер.— Боюсь, что я насвинячил в той комнате.

— Ничего,— махнул рукой Сэм.— Давай садись, будем тебя кормить. Ребята сказали о твоем друге?

Таннер кивнул.

Когда женщина поставила перед Таннером чашку кофе, Сэм произнес:

— Мою жену звать Сюзан.

Таннер опять кивнул.

— Я тут карту твою взял... Она у тебя из куртки торчала. И вот у двери револьвер висит. Я на досуге мозгами пораскинул и думаю, что лучше всего тебе ехать до Олбани, а там по старому шоссе номер девять, оно неплохо сохранилось.— Поттер разложил карту и стал показывать: — Это тебе не пикник, конечно, но самый верный и быстрый путь...

— Завтрак! — объявила жена и отодвинула карту, чтобы поставить огромную тарелку с яичницей и беконом. Тут же на столе оказа-

лись масло, джем и варенье, и Таннер набросился на еду, запивая кофе и слушая Сэма.

Сэм рассказывал о бандах мотоциклистов, хозяйничающих между Бостоном и Олбани. Они накладывали руку на все, на что могли, и поэтому торговцы возили товары целыми караванами с охраной. «Но с такой машиной тебе нечего бояться, да?» — спросил он, и Таннер ответил: «Надеюсь», не переставая жевать. Однако ему не давала покоя мысль: а не похожи ли они на его старую шайку? Только бы не это...

Послышался шум, дверь распахнулась, и на кухню влетел мальчишка лет десяти или двенадцати. За ним вошел мужчина с черным чемоданчиком.

— Вот и мы! Вот и мы! — закричал мальчишка. Сэм встал и пожал мужчине руку, и Таннер рассудил, что ему тоже следует так поступить. Он вытер рот и сжал руку доктора.

— Мой напарник вроде как свихнулся. Бросился на меня ни с того ни с сего. Я его оттолкнул, и он стукнулся головой о приборную доску.

Доктору было лет пятьдесят. Лицо, изборожденное морщинами, усталые глаза.

— Я вас провожу к нему, — сказал Сэм, и они вышли через дверь на другом конце кухни.

Таннер снова сел и положил в рот последний кусочек жареного хлеба. Сюзан подлила ему кофе, и он благодарно кивнул.

— Меня зовут Джерри, — заявил мальчуган, усаживаясь на освобожденный отцом стул. — А ваше имя правда Черт?

— Тихо, ты! — прикрикнула мать.

— Боюсь, что правда, — ответил Таннер.

— ...И вы ехали через всю Долину?

— Ага.

— Ну и как?

— Плохо.

— А чего вы видели?

— Летучих мышей. Здоровых, как эта кухня, а то и побольше. Их там полно, на той стороне Миссисипи.

— И что вы делали?

— Стрелял. Жег. Давил.

— А что еще видели?

— Чудовищ хила — размером с амбар. Пыльных дьяволов — это такие бешеные воронки из ветра, они засосали одну машину. Огненные горы. Непроходимые заросли. Ехал сквозь бури. Ехал по таким местам, где земля как стекло. Или где земля тряслась. Ехал вокруг больших, радиоактивных кратеров.

— Вот бы мне так однажды!

— Может, тебе и придется однажды.

Таннер закончил есть и закурил сигарету.

— Отличный завтрак, — сказал он. — Давно так не ел. Спасибо.

Сюзан улыбнулась.

— Джерри, не приставай к человеку.

— Не волнуйтесь, миссис. Все хорошо.

— А что это у вас за кольцо на руке? — спросил Джерри.— Вроде змеи.

— Так и есть,— сказал Таннер.— Чистое серебро с красными стеклянными глазками. Оно досталось мне в одном местечке под названием Тихуана. На, держи.

— Я не могу его взять,— выдавил мальчик и посмотрел на мать молящими глазами, та покачала головой. Таннер заметил это и сказал:

— Твои родители помогли мне, позвали доктора к моему товарищу, дали мне постель и накормили. Я уверен, что они не будут возражать, если я в знак благодарности подарю тебе кольцо.

Джерри снова посмотрел на мать. Таннер кивнул, и тогда она тоже кивнула.

Джерри присвистнул, вскочил и надел кольцо на палец.

— Велико...— огорченно пожаловался он.

— Сейчас мы его немного сожмем. Эти спиральные кольца можно подогнать.

Таннер сжал кольцо и дал мальчугану примерить. Оно все равно оказалось большим; тогда он сжал его снова, и оно подошло.

Джерри надел кольцо и хотел выбежать из кухни.

— Подожди! — окликнула женщина.— Что надо сказать?

Он обернулся и крикнул:

— Спасибо, Черт!

— Мистер Таннер,— поправила мать.

— Мистер Таннер,— повторил мальчик и с грохотом выскочил за дверь.

— Вы очень добры,— произнесла женщина.

Таннер пожал плечами.

Он проглотил кофе и затушил окурок. Она дала ему новую чашку, и он закурил еще одну сигарету. Через некоторое время из комнаты вышли Сэм и доктор, и тут Таннер вдруг подумал, где же эта семья провела ночь. Сюзан налила им всем кофе, и они сели за стол.

— У вашего товарища сотрясение мозга,— сообщил доктор.— Без рентгена я не могу сказать, насколько серьезно его положение, а рентгена у меня нет. Все же перевозить его не советую.

— Как долго? — спросил Таннер.

— Может быть, несколько дней, может быть, две недели. Я оставил кое-какие лекарства и все объяснил Сэму. Сэм говорит, что в Бостоне эпидемия, и вам надо спешить. Мой совет: езжайте один. Оставьте его у Поттеров. Пусть окрепнет и потом отправится с ними на весеннюю ярмарку в Олбани, а оттуда и до Бостона доберется.

— Хорошо,— подумав, согласился Таннер.— Раз другого выхода нет...

Они молча допили кофе.

Посмотрев на вытащенный автомобиль, Таннер проговорил:

— Что ж, пожалуй, поеду,— и кивнул Поттерам: — Спасибо.

Он открыл дверцу, сел за руль и завел мотор. Затем дважды уда-

рил по клаксону и медленно отжал сцепление. На заднем экране махали вслед трое мужчин. Таннер стиснул зубы и яростно надавил на акселератор. Фигурки прыгнули назад и скрылись из виду.

Бурая земля поросла густой травой. Небо было нежно-розовым, и яркое солнце окрашивало день в серебристый цвет.

Казалось, что эти места совсем не затронуты хаосом, царившим в остальной части Долины. Таннер несся вперед и слушал музыку. Дважды он обгонял грузовики и приветственно сигналил, один раз ему ответили.

Таннер ехал весь день и добрую часть ночи, пока наконец не достиг Олбани. Улицы были погружены во тьму, и только в отдельных зданиях светились огоньки. Он остановил машину перед мерцающей вывеской «БАР И ГРИЛЬ» и зашел внутрь.

В маленьком душном помещении царил полумрак. Из джукбокса в углу раздавалась приглушенная музыка, совершенно незнакомые Таннеру мелодии. Пол был присыпан опилками.

Он сел за стойку и запихнул «магнум» поглубже за пояс. Потом снял куртку и бросил ее на соседний табурет. Подошедшему мужчине в белом переднике он сказал:

— Одну маленькую, пива и бутерброд с ветчиной.

Мужчина наклонил лысую голову и поставил перед Таннером стаканчик, который тут же наполнил, а затем налил из крана полную кружку пива.

Таннер опрокинул стаканчик и стал потягивать пиво. Бармен толкнул к нему тарелку с бутербродом, царапнул что-то на зеленом листке бумаги и подсунул ему под тарелку.

Таннер откусил бутерброд и запил его пивом. Среди людей, шумных, как в любом другом баре, где он бывал, Таннер остановил внимание на пожилом мужчине с дружелюбным лицом и спросил:

— Что нового в Бостоне?

Подбородок мужчины дернулся:

— Ничего. Похоже, что к концу недели закроются все наши магазины.

— Какой сегодня день?

— Вторник.

Таннер прикончил бутерброд и за пивом выкурил сигарету. Взглянул на счет, где была выведена сумма «0,85», кинул на стойку доллар и собрался уходить.

Он сделал два шага, когда его окликнул бармен:

— Эй, мистер!

Таннер повернулся.

— Ну?

— Ты кого хочешь одурачить?

— Не понимаю.

— Не понимаешь?! — Бармен потряс долларом. — А это что?

Таннер взял бумажку и повертел перед глазами.

— Вроде все нормально. Чего тебе не нравится?

— Это не деньги.

— Мои деньги не годятся?

— Вот именно. В жизни не видал таких денег!

— Ну так разуй глаза! Прочитай, что там напечатано внизу.

В комнате стало тихо. К ним подошел мужчина и протянул руку.

— Дай-ка я взгляну, Билл.

Бармен передал ему бумажку. Глаза подошедшего расширились.

— Выданы национальным банком Калифорнии...

— Здесь они недействительны,— заявил бармен.

— Лучших у меня нет,— Таннер пожал плечами.

— Этой бумажкой можешь подтереться! Бостонские деньги у тебя есть?

— Никогда не был в Бостоне.

— А как же ты сюда попал?

— Приехал.

— Нечего дурака валять, парень! Ты где это украл?

— Возьмете деньги или нет?— спросил Таннер.

— И не подумаю!— отрезал бармен.

— Тогда катитесь к черту,— бросил Таннер и пошел к двери.

Он услышал за спиной быстрые шаги и резко повернулся. Перед ним стоял человек, только что рассматривающий деньги, рука его была вытянута вперед.

Правой рукой Таннер придерживал куртку, перекинутую через плечо. Он изо всех сил рванул ее вниз. Край куртки ударил мужчину по макушке, и тот упал.

В комнате раздались крики. Несколько человек вскочили на ноги и бросились к нему. Таннер вытащил из-за пояса револьвер и криво улыбнулся.

— Тихо, ребята,— процедил он, и они остановились.— Вы, может, и не поверите, если я скажу вам, что в Бостоне мор, но это правда. А может, и поверите... Не знаю. И наверняка вы не поверите, если я скажу, что еду сюда через весь континент от самого Лос-Анджелеса и везу в машине сыворотку Хавкина. Но и это чистая правда. Отнесите этот доллар в бостонский банк, и там вам его разменяют. Теперь дальше... Мне пора двигать, и не вздумайте меня останавливать. Если вы сомневаетесь в моих словах, посмотрите, на чем я уеду. Вот все, что я хотел вам сказать.

Таннер пятился до самой машины. Когда он завел двигатель и с ревом сорвался с места, на заднем экране появились высыпавшие из бара люди. Таннер засмеялся и посмотрел прямо в лицо мертвой луны.

Глава 10

Олбани — Бостон. Пара сотен миль. Самый тяжелый участок пути пройден. Ужасы Долины Проклятий по большей части остались позади. Ночь. Она простиралась вокруг, обняв машину нежными темными крыльями. Звезды, казалось, сияли ярче. Словно сама природа шептала ласково и ободряюще: «Все будет хорошо».

Дорога змеилась среди холмов, поросших деревьями и высокой

травой. Навстречу ехал грузовик, и Таннер притушил фары, водитель грузовика сделал то же самое.

Около полуночи он выехал на развилку и тут же оказался в перекрестии слепящих огней, вспыхнувших одновременно с двух сторон. Около шестидесяти прожекторов поливали его светом слева и справа.

Таннер вжал акселератор в пол и услышал, как где-то сзади взревели моторы. Он узнал этот звук.

Мотоциклы. Они выскочили на дорогу и помчались следом.

Они явно не знали, за кем гонятся. Таннер мог открыть огонь из пулеметов, мог затормозить и сжечь их огнеметом или закидать гранатами. И все же он не сделал ничего подобного.

Ведь это он мог сидеть на головном мотоцикле и самозабвенно мчаться впереди своих людей, не думая ни о чем, кроме преследования... Таннером завладела какая-то странная грусть, тоска, и он отвел руку от пульта управления огнем.

Сперва попытайся уйти.

Мотор ревел на полной мощности, и все-таки от мотоциклистов было не оторваться.

Когда они начали стрелять, он понял, что придется ответить. Шальная пуля могла попасть в бензобак или пробить шину.

Первые выстрелы, безусловно, просто предупреждение. Но рисковать нельзя. Если б только они знали...

Динамик!

Таннер стукнул по кнопке и схватил микрофон.

— Эй, котятки, кроме лекарств для Бостона, у меня ничего нет. Лучше отстаньте от меня подобру-поздорову.

Немедленно последовал выстрел, и тогда он открыл огонь из пулеметов. Одни падали, но другие продолжали стрелять. Тогда он стал кидать гранаты. Огонь стал тише, но не прекратился.

Поэтому Таннер ударил по тормозам и повернул огнеметы. Пятнадцать секунд.

И наступила тишина.

Когда воздух очистился, он посмотрел на экраны.

Они валялись по всей дороге. Рядом с перевернутыми разбитыми мотоциклами дымились тела. Некоторые были еще на ногах и держали винтовки. Таннер перестрелял их поодиночке.

Он собирался отъезжать, когда заметил, что кто-то поднялся, сделал несколько неверных шагов и снова упал.

Его рука застыла на рычаге передач.

Это была девушка.

Он раздумывал секунд пять, потом выпрыгнул из машины и побежал к ней.

Одна фигурка зашевелилась и приподнялась на локте. Таннер дважды выстрелил и продолжал бежать, сжимая револьвер в руке.

Девушка ползла к мужчине с простреленным лицом. Вокруг Таннера на дороге валялись тела — уже неподвижные или еще подергивающиеся. Всюду были кровь, почерневшая кожа в алом сиянии

стоп-сигналов машины, стоны, завывания и вонь обгоревшего мяса...

Когда Таннер подбежал к девушке, она стала проклинать его слабым голосом. В глазах ее стояли слезы.

Все вокруг были мертвы или умирали, поэтому Таннер схватил девушку на руки и понес к машине. Он откинул спинку и опустил ее на пассажирское сиденье, убрав оружие подальше. Потом завел мотор и двинулся вперед. На заднем экране было видно, как две фигуры поднялись на ноги, но тут же рухнули.

Это была высокая девушка с длинными грязными волосами, сильным подбородком и широким ртом. Под глазами синели круги. Правая сторона лица покраснела, словно от загара. Левая штанина была порвана и пропитана кровью. Таннер пришел к выводу, что девушку задело из огнемета и она упала с мотоцикла.

— Очухалась? — спросил Таннер, когда судорожные всхлипывания немного стихли.

— А тебе что? — резко ответила она, прижимая руку к щеке.

Таннер пожал плечами.

— Так...

— Ты убил почти всех наших.

— А что бы они сделали со мной?

— От тебя бы и мокрого места не осталось, если бы не твоя поганая машина.

— Она не моя, — миролюбиво ответил Таннер. — Вообще-то она принадлежит государству Калифорния.

— Эта штука не могла приехать из Калифорнии.

— Черта с два, я сам ее привел.

Девушка выпрямилась и стала растирать ногу.

Таннер закурил.

— Дашь мне сигарету?

Он протянул ей зажженную и закурил другую. Когда он передавал ей сигарету, она заметила татуировку.

— Что это?

— Мое имя.

— Черт?

— Черт.

— Откуда такое?

— От моего старика.

Они молча курили. Потом она заговорила:

— Зачем ты поехал в Долину?

— Потому что иначе бы меня не выпустили.

— Откуда?

— Из места, где на окнах решетки. Я сидел.

— И тебя отпустили? Почему?

— Из-за эпидемии. Я везу сыворотку Хавкина.

— Ты Черт Таннер.

— А?

— Твоя фамилия — Таннер, да?

— Допустим. Откуда ты знаешь?

— Я слышала о тебе. Все думали, что ты погиб во время Большого Рейда.

— Ошибались...

— На что это было похоже?

— Понятия не имею. Я уже носил полосатый костюм. Потому и жив остался.

— Зачем ты меня подобрал?

— Не хотел смотреть, как загибается девушка.

— Спасибо. У тебя найдется поесть?

— Еда там,— он показал на холодильник.— Как тебя зовут?

— Корни. А полностью Корнелия.

— Хорошо, Корни. Когда поешь, расскажешь мне о дороге впереди.

Она с жадностью набросилась на еду.

— Здесь куча всяких банд. Так что приготовься.

— Готов,— отозвался Таннер.

— Эти экраны показывают во всех направлениях?

— Угу.

— Дороги тут в общем нормальные. Скоро будет одна большая воронка, а за ней пара маленьких вулканов.

— Понял.

— Больше беспокоиться не о чем, кроме «Регентов», «Дьяволов», «Королей» и «Любовников».

Таннер кивнул.

— Много у них народу?

— Точно не знаю, но больше всех у «Королей». Сотни две.

— Твои как звались?

— «Жеребцы».

— Что ты теперь собираешься делать?

— Что скажешь.

— Хорошо, Корни. Я высажу тебя, где захочешь. А можешь поехать со мной в город.

— Решай, Черт. Куда ты, туда и я.

Голос у нее был низкий, хрипловатый, слова она произносила медленно, с ленцой. Штаны из грубой материи не скрывали длинных ног и тяжелых тугих бедер. Таннер облизал губы и перевел взгляд на экран. Подержать ее немного?..

Внезапно дорога стала мокрой. На ней появились сотни рыб, и каждую секунду падали новые. Сверху раздались оглушительные раскаты, на севере разлилось голубое сияние.

Машина оказалась в воде. Поток бил в капот и крышу, тушил экраны. Небо вновь почернело и родило тоскливый, душераздирающий вой. Вскоре ливень ослаб, но завывания продолжались. Через пятнадцать минут они перешли в рев.

Девушка смотрела на экраны, изредка бросая взгляды на Таннера.

— Что ты собираешься делать?— наконец спросила она.

— Уйти, если смогу.

— Впереди, насколько видно, тьма. Вряд ли тебе это удастся.
— Я тоже так думаю, но что остается?
— Укрыться.
— Если знаешь где — покажи.
— Есть одно местечко — мост, под который можно заехать.
— Годится. Свистни, когда его заметишь.

Она стянула ботинки и потерла ноги. Таннер предложил ей сигарету.

— Эй, Корни, я сейчас сообразил... справа от тебя аптечка. Да, эта. Там наверняка найдется какая-нибудь мазь. Лицо-то горит, наверно...

Корни достала тюбик, выдавила немного мази и втерла в кожу щек. Она чуть улыбнулась и положила тюбик на место.

— Ну, полегче?
— Да, спасибо.

Стали падать камни, голубое сияние ширилось. Небо просветлело и запульсировало.

— Что-то в последнее время бури участились.
— Я слышала, будто ветры успокаиваются — мол, небо очищает себя.
— Хорошо бы, — заметил Таннер.
— Тогда мы увидим его таким, как оно выглядело раньше — синим и с облаками. Знаешь, что такое облака? Такие беловатые рыхлые штуки, которые плавают в небе. От них кроме дождя ничего не бывает.
— Да, знаю.
— Видел их когда-нибудь в Л-А?
— Нет.

Поднялся туман, и Таннер был вынужден снизить скорость. По краям извивающихся, как змеи, темных полос появились желтые подтеки. По машине загромыхал камнепад.

— Нам каюк, — прошептала Корни.
— Черта с два. Этот гроб рассчитан еще и не на такое... Что там, впереди?
— Мост! — воскликнула она, подавшись вперед. — Вот он! Сворачивай с дороги налево и спускайся вниз, там пересохшая река.

Начали срываться молнии; загорелось дерево. Вместе с низвергающимися потоками воды продолжала падать рыба.

Машина медленно сползла по жиже. Достигнув русла реки, Таннер повернул направо и въехал под мост. Полыхали молнии, в небе кружили каруселью вихри, и постоянно гремело. Мост гудел от ударов камней.

— Здесь мы в безопасности, — сказал Таннер и вырубил двигатель.
— Дверцы заперты?
— Они запираются автоматически.

Таннер выключил фары и зажег внутренний свет.

— Хотел бы я угостить тебя чем-нибудь покрепче...
— Ничего, я с удовольствием выпью кофе.

— Сейчас сделаем.

Он сполоснул кофейник, наполнил его водой и поставил греться.

Они сидели и курили, а вокруг бушевала непогода.

— Знаешь, приятно так сидеть в тепле и уюте, словно крыса в норе, в то время как снаружи творится черт знает что. Только послушай, как молотит! А нам плевать.

— Ну,— согласилась она.— Чем ты думаешь заняться, когда доберешься до Бостона?

— Понятия не имею... Может, найду работу, поднакоплю деньжат и открою гараж.

— Здорово. Сам, наверное, будешь много ездить?

— Спрашиваешь. В городе-то, конечно, банд нет?

— Нет, все по дорогам.

— Так и думал. Может быть, наберу свою.— Он потянулся к ней и крепко сжал ее руку.

— Я смогу угостить тебя кое-чем покрепче.

Она достала из правого кармана фляжку, отвинтила колпачок и протянула Таннеру.

— Держи.

Он сделал глоток, поперхнулся и на секунду застыл.

— Блеск! Ты — женщина с большими скрытыми способностями. И все такое. Спасибо.

— Ерунда...

Корни тоже сделала глоток и поставила флягу между ними.

Таннер прикурил две сигареты и протянул одну девушке.

— Я бы хотела ехать с тобой до самого конца. Мои все полегли, и мне больше не с кем гонять. А ты там станешь большим человеком. Может, оставишь меня при себе хоть на время?

— Посмотрим... А какая ты?

— Что надо! Могу даже растереть плечи, если они у тебя ноют.

— Еще как ноют.

— Так я и думала. Нагнись.

Он наклонился к ней, и она начала тереть его плечи. Руки у нее были твердые и сильные.

— У тебя здорово получается.

— Спасибо.

Таннер выпрямился, прогнулся назад. Затем подхватил фляжку и снова приложился. Корни чуть пригубила.

Вокруг них бесновались адские фурии, но мост стойко держал оборону. Таннер погасил свет.

— Давай! — сказал он и притянул девушку к себе.

Она не сопротивлялась, и он нащупал пряжку ремня. Потом наступила очередь пуговиц. Через некоторое время Таннер разложил сиденье.

— Ты не прогонишь меня? — спросила она.

— Нет.

— Я помогу тебе. Я сделаю все, что ты скажешь, чтобы добраться до Бостона.

— Отлично.
— В конце концов нам без Бостона жизни нет.
— Еще бы.
Потом слова стали не нужны.

Таннер разлепил глаза. Наступило утро, буря утихла. Корнелия не проснулась, даже когда он слазил в задний отсек, завел двигатель и повел машину по густо поросшему травой склону холма.

Небо опять просветлело. Дорога была усеяна хламом. Таннер вел машину на бледное солнце. Наконец Корнелия зашевелилась.

— О-о-ох,— протянула она.

— Вот-вот,— согласился Таннер.

Неожиданно дневной свет померк, и вверху образовалась гигантская черная полоса, прорезавшая небо прямой автострадой.

Они медленно ехали по лесистой долине. Накрапывал дождь. Девушка вернулась из заднего отсека и занималась завтраком, когда Таннер разглядел сзади точку, почти слившуюся с горизонтом. Он дал полное увеличение и попытался уйти от того, что увидел. Корнелия подняла взгляд.

Мотоциклы, мотоциклы, мотоциклы.

— Твои люди?

— Нет. Моих больше не осталось.

— Паршиво,— пробормотал Таннер и вжал акселератор в пол. Он надеялся только на бурю.

Машина с визгом вошла в поворот и начала подниматься на очередной холм. Мотоциклы приближались. Таннер убрал увеличение, но экраны все равно не смогли скрыть числа преследователей.

— Наверное, «Короли»,— сказала Корни.— Только у них столько народу.

— Паршиво.

— Для них или для нас?— Она улыбнулась.— Я бы хотела посмотреть, как ты орудуешь этой штукой.

— Похоже, тебе представится такая возможность. Они гонят, как бешеные.

Дождь утих, но туман густел. Таннер видел фары в четверти мили сзади и насчитал от сотни до полутораста мотоциклов.

— Далеко до Бостона?

— Миль девяносто.

— Плохо, что они преследуют нас, а не мчатся навстречу,— проговорил Таннер и навел на задний экран перекрестие прицела.

— Это что?— поинтересовалась Корнелия.

— Крест. Я собираюсь их распять.

Она улыбнулась и порывисто сжала его руку.

— Можно мне помочь? Ненавижу этих ублюдков!

— Чуть погодя,— отозвался Таннер.— Чуть погодя, уверен.

Он потянулся назад, достал шесть ручных гранат, повесил их на свой широкий черный пояс и засунул туда же револьвер. Девушке он протянул винтовку.

— Умеешь обращаться?

— Да,— немедленно ответила она.

— Хорошо.

Таннер не отрывал взгляда от пляшущих на экране огней.

— Какого черта тянет эта буря?! — пробормотал он, когда огни сместились ближе и в тумане стали вырисовываться очертания мотоциклистов.

Когда они приблизились на сотню ярдов, Таннер швырнул первую гранату. Она взмыла в сером воздухе и через пять секунд взорвалась с грохотом и вспышкой. Таннер начал бить из пулеметов, водя прицелом из стороны в сторону. Затем он пустил еще одну гранату.

— Ты их остановил?

— На время. Огни еще видны, но уже подальше.

Через несколько минут они достигли вершины холма. Туман там разошелся, и сверху проглядывало темное небо. Потом они вновь устремились вниз, и справа поднялась стена из камня, глины и грязи. Спускаясь, Таннер внимательно разглядывал ее.

Когда дорога выровнялась и машина съехала на самую низкую точку, он включил фары на полную яркость и стал выискивать участок, где бы стена отстояла подальше от дороги.

Сзади выплеснулось море надвигающихся огней.

Таннер нашел достаточно широкое место, резко развернулся, так что его занесло, и встал лицом к преследователям. Теперь стена была слева.

Он поднял ракеты, пустил одну, поднял на пять градусов, пустил две, поднял еще на пять градусов и пустил три. Потом сбросил на пятнадцать градусов вниз и дал еще одну.

Туман вспыхнул, раздался грохот катящихся камней. Земля дрожала — начался обвал. Таннер вывернул руль вправо, отводя машину назад, и пустил две ракеты прямо перед собой. Теперь с туманом смешалась пыль; почва продолжала трястись.

Он развернулся и вновь поехал вперед.

— Надеюсь, это их остановит...

Он зажег две сигареты и протянул одну Корнелии.

Через пять минут они поднялись на пригорок. Налетевший ветер разогнал туман, и тогда сзади опять появились огни.

Полезла вверх радиоактивность. Таннер внимательно осмотрелся и заметил вдали кратер.

— Вот он,— раздался голос девушки.— Здесь с дороги надо сходить. Держись правее.

— Понял.

Сзади послышались выстрелы — первые за весь день. Он навел прицел, но стрелять не стал. Расстояние было слишком велико.

— Ты проредил их наполовину,— сказала Корнелия.— Даже больше. И все же это крепкие ребята.

— Вижу...

Машина вспарывала туман. Таннер пересчитал оставшиеся гранаты. Гранаты кончались...

Он свернул вправо, когда автомобиль запрыгал на выбоинах в бетоне. Радиоактивность повышалась. Кратер был примерно в тысяче ярдов левее.

Дождь все усиливался. Сзади из мглы выплыли огни. Таннер прицелился в самый яркий и выстрелил. И тот потух.

— Еще парочка,— заметил Таннер. Однако теперь сзади послышались выстрелы.

Он взялся за правосторонние пулеметы, и на экране появилось перекрестие прицела. Когда там выросли три мотоциклиста, пытающихся обойти его с фланга, он открыл огонь и уложил их. Сзади опять поднялась стрельба, но он не отвечал, переключив все внимание на дорогу.

— Их двадцать девять,— сообщила Корни.

Таннер на бешеной скорости вел машину и сосредоточенно курил.

Через пять минут его обошли с флангов. Он не стрелял, экономя патроны и подпуская их ближе. И лишь когда они почти совсем сомкнулись, он навел пулеметы и обстрелял каждый огонь в пределах досягаемости, одновременно вжимая акселератор.

— Уложил шестерых,— сказала Корнелия, но Таннер слушал доносящуюся стрельбу.

Он швырнул назад гранату, а когда попытался бросить вторую, замок только клацнул.

Теперь он стрелял лишь по отдельным целям и только когда был совершенно уверен в попадании. Вскоре впереди показалась дорога.

— Держись параллельно,— посоветовала Корнелия.— Тут укатано. По дороге нельзя ехать еще с милю.

Пули рикошетировали от бронированного корпуса машины. Таннер не ответил. Он несся вдоль зарослей кустарника и деревьев, полускрытых цепким туманом, а дождь все усиливался.

Когда они выскочили на шоссе, он бросил взгляд на огни и спросил:

— Сколько теперь?

— Около двадцати. Как у нас дела?

— Меня беспокоят шины. Если попадет пуля, они не выдержат. И еще шальной выстрел может разбить «глаз». А кроме этого, нам бояться нечего. Даже если они остановят машину, нас еще надо извлечь.

Мотоциклисты приблизились. Были видны оранжевые вспышки, и доносились звуки выстрелов.

— Держись!— процедил Таннер и ударил по тормозам. Автомобиль завертелся и пошел юзом по мокрому асфальту.

Огни внезапно оказались совсем рядом, и Таннер пустил назад струю пламени. Мотоциклисты шарахнулись в стороны, и он врубил боковые огнеметы.

Потом он снял ногу с тормоза и вдавил акселератор, даже не задержавшись, чтобы оценить свою работу.

Машина рванулась вперед, и Таннер услышал смех Корнелии.

— О боже, как ты их кладешь! Ты кладешь всю их проклятую банду!

— Невелика радость,— процедил он.— Огни есть?

— Нет.

Затем через несколько секунд:

— Три.

Потом:

— Семь.

И, наконец:

— Тринадцать.

Таннер сжал зубы.

— Проклятье. Кончается...

— Что кончается?

— Все: удача, топливо, патроны... Пожалуй, тебе лучше было остаться там, где я тебя подобрал.

— Нет,— отрезала она.— Я с тобой. До конца.

— Значит, ты чокнутая,— сказал Таннер.— Я еще цел. Когда меня ранят, будет совсем другая музыка.

— Ну что ж,— произнесла она.— Увидишь, как я запою.

Он положил руку ей на бедро.

— Хорошо, Корни. Держись, мы еще повоюем.

Таннер потянулся за сигаретой, обнаружил, что пачка пуста, и выругался. Она открыла свежую пачку и прикурила ему сигарету.

Туман стал рассеиваться. К тому времени, как он докурил, видимость намного улучшилась. Ясно различались прижавшиеся к мотоциклам фигурки. Они ехали следом, но догнать не пытались.

— Если они просто хотят составить нам компанию, я не возражаю,— заметил Таннер.

Но потом раздались выстрелы, и послышался свист вырывающегося из шины воздуха. Он сбавил скорость и открыл огонь. Несколько мотоциклов упало.

Сзади опять стали стрелять. Полетела вторая шина. Таннер притормозил, развернулся, так что машину занесло, и, встав лицом к противнику, выпустил одну за другой все оставшиеся ракеты. Потом он стал поливать их из лобовых пулеметов, пока мотоциклисты не рассыпались по сторонам. Тогда он открыл огонь слева. Затем справа.

Патроны в правосторонних пулеметах кончились, и он вновь стал бить слева. Потом бросил оставшиеся гранаты.

Теперь стреляли только из пяти мест — трое слева и двое справа — откуда-то из-за деревьев, растущих вдоль дороги. Вокруг валялись тела и разбитые мотоциклы. Некоторые еще дымились. Асфальт был разворочен и исковеркан.

Таннер развернул машину и медленно поехал на шести колесах.

— Мы безоружны, Корни.

— Что ж, им пришлось еще хуже.

— Да...

На заднем экране показались пять выехавших на дорогу мотоциклистов. Они держались на порядочном расстоянии, но не отставали.

Таннер попробовал войти в связь по рации, но ответа не получил. Он резко остановился — мотоциклисты тоже остановились, далеко-далеко позади.

— По крайней мере они нас боятся. Считают, что у нас еще есть зубы.

— Есть,— уверенно сказала она.

— Да, но не те, что они думают.

— Еще получше.

— Приятно иметь дело с оптимистом,— проговорил Таннер и медленно тронулся с места.

Мотоциклисты двинулись вслед, держась в отдалении. Таннер следил за ними по экранам и тихо ругался.

Через некоторое время они стали приближаться. Двигатель ревел на полной мощности, но пять мотоциклистов нагоняли.

Подъехав вплотную, они стали стрелять. Несколько пуль срикошетировало, а потом Таннер услышал, как полетела еще одна шина.

Он снова остановился. Мотоциклисты держались сзади, вне досягаемости огнеметов. Таннер чертыхнулся и поехал дальше. Машину водило из стороны в сторону и кренило вправо. На обочине стоял врезавшийся в дерево грузовик — все стекла разбиты, колеса сняты, на водительском месте скрючился над рулем скелет... Вокруг скользили клочья тумана. Солнце померкло. Темная полоса в небе расширилась и начала извергать дождь с пылью и мелкими камнями. «Хорошо,— подумал Таннер, когда в крышу забарабанило.— Хоть бы посильнее». И его желание исполнилось. Земля задрожала, северный небосклон озарился голубым сиянием. В грохоте выделился рев, и с оглушающим треском справа упал валун.

— Надеюсь, следующий свалится на наших дружков.

Впереди показалось оранжевое свечение. Подсознательно Таннер заметил его еще пару минут назад, но только сейчас обратил внимание.

— Вулкан! — воскликнула Корни.— Значит, нам осталось миль семьдесят, не больше.

Теперь трудно было сказать, продолжалась ли стрельба. Раздающаяся со всех сторон канонада могла заглушить любые выстрелы, а падающий гравий бил похлеще рикошетирующих пуль. Пять фар упорно держались сзади.

Таннер достал «магнум», а из бокового кармашка — коробку патронов к нему и протянул девушке.

— Держи. Патроны в карман.

Вдруг от пяти огней сзади осталось четыре, а остальные сбавили скорость, потускнели.

— Надеюсь, несчастный случай,— вслух подумал Таннер.

Показалась гора — усеченный конус, истекающий огнем. Они покинули дорогу и съехали влево, на хорошо наезженную колею. Пока

они объезжали вулкан — на это ушло минут двадцать,— появились их преследователи и стали медленно приближаться.

Таннер вернулся на дорогу и погнал по дрожавшей земле. В небе блуждали зеленые огни, вокруг падали тяжелые бесформенные глыбы. Машину вело в сторону, она с трудом поддавалась управлению. Скорость не поднималась выше сорока миль в час. Из радио доносился только треск.

Таннер миновал крутой поворот, остановился, потушил весь свет, вытащил чеку из гранаты и стал ждать.

Когда на экране появились огни, он распахнул дверцу, выпрыгнул и швырнул гранату сквозь завесу дождя.

Когда раздался взрыв и на экране возникла вспышка, он был уже за рулем и вел машину.

Девушка истерически засмеялась.

— Ты накрыл их, Черт! Ты их накрыл!

Таннер приложился к фляге, и Корни допила то, что осталось. Они закурили.

По разбитой скользкой дороге машина поднялась на пригорок и покатила вниз. Чем дальше они спускались, тем гуще становился туман.

Из мглы возник свет, и Таннер приготовил огнеметы. Однако это был просто грузовик, мирно ехавший навстречу. В следующие полчаса им повстречались еще два.

Снова заполыхали молнии, и начали падать камни размером с кулак. Таннер свернул с дороги и въехал в рощу, под кроны высоких деревьев. Небо совершенно потемнело, стало черным как смоль, потеряв даже голубоватое свечение.

Они ждали три часа, но буря не утихала. Один за другим погасли четыре обзорных экрана, а пятый показывал только мрак под колесами. Последнее, что увидел Таннер, было громадное расщепленное дерево с надломанной верхушкой, раскачивавшейся из стороны в сторону и готовой вот-вот упасть. Несколько раз что-то с ужасающим треском раскалывалось над их головами, и машина тяжело содрогалась. Крыша в трех местах глубоко прогнулась. Освещение потускнело, затем опять вспыхнуло. Из радио теперь не раздавалось даже шума.

— Плохо дело,— проговорил Таннер.

— Да.

— У нас есть один шанс, если переживем бурю.

— Какой?

— В багажнике два мотоцикла.

Они откинули сиденья, курили и ждали; через некоторое время погас свет.

Ураган бушевал весь день и половину ночи. Они заснули внутри искалеченной машины, защитившей их от бури. Когда немного стихло, Таннер приоткрыл дверцу и выглянул наружу.

— Подождем до утра,— сказал он. Корнелия потянула его за руку, и они опять заснули.

Глава 11

На рассвете Таннер прошлепал по грязи через нападавшие ветки, камни и дохлую рыбу, открыл багажник и снял с креплений мотоциклы. Он проверил их и залил баки горючим. Потом пролез в машину и снял заднее сиденье, под которым лежал наглухо завинченный алюминиевый ящик — драгоценный груз. Таннер подхватил его и отнес к своему мотоциклу.

— Здесь лекарство? — спросила Корни.

Он кивнул.

— Уж не знаю, как оно хранится, может, даже охлаждается, но ящик не очень тяжелый, его можно поставить на мотоцикл сзади. Возьми в одном из отделений ремни, и где-то там бумага, моя амнистия. Большой плотный конверт.

Она все достала и помогла укрепить ящик на мотоцикле.

— Придется ехать медленно,— сказал Таннер, когда они выкатили машины на дорогу.

Он закинул за плечо винтовку, натянул перчатки и завел мотор. Она сделала то же самое, и они бок о бок поехали по шоссе.

Примерно через час навстречу прошли две машины. Сидевшие сзади дети прильнули к окнам и проводили мотоциклистов взглядами. У водителя второй машины под мышкой висела кобура.

В розовом небе за решеткой угрожающе мрачных полос поднималось серебряное солнце. Оно было тусклым, но Таннер все равно надвинул на глаза защитные очки. У подножия холмов лежал туман, воздух был влажным и прохладным. Дорога стала заметно лучше. Таннер ехал, погрузившись в мысли о Бостоне.

Около полудня сквозь шум моторов донесся выстрел. Сперва Таннер решил, что ему послышалось, но выстрел повторился. Корни вскрикнула, свернула с дороги и врезалась в булыжник. Таннер инстинктивно пригнул голову, резко затормозил, съехал на обочину, прислонил мотоцикл к дереву и бросился на землю.

Он стянул с правой руки перчатку и сполз в канаву. Оттуда была видна Корни. Она лежала без движения, и на груди была кровь.

Стреляли откуда-то из-за холма, и ему показалось, что он заметил ствол ружья. Таннер снял с плеча винтовку, выстрелил и сразу же отполз влево. Ответная пуля взметнула пыль у его головы, и он, извиваясь, как червяк, прополз футов пятнадцать к груде камней. Там, свернувшись калачиком, Таннер выдернул чеку, резко подпрыгнул и швырнул гранату. Он упал на землю одновременно с выстрелом и приготовил вторую гранату. Грохот, вспышка, вокруг стали падать комья грязи... Таннер вскочил, бросил вторую гранату и побежал вперед, держа винтовку наготове.

Это было лишним. От стрелявшего остались только лохмотья одежды. Таннер вернулся к Корнелии.

Она не дышала, и сердце не билось.

Он руками разрыл глубже канаву, из которой отстреливался,

опустил туда тело, закидал грязью и вкатил на могилу ее мотоцикл. Потом достал нож и на передке машины выцарапал: «Ее звали Корнелия. Я не знаю, сколько ей лет, откуда она родом и как ее фамилия, но она была подругой Черта Таннера, и я люблю ее».

Он завел свой мотоцикл и поехал. До Бостона оставалось около тридцати миль.

Глава 12

Через некоторое время сзади послышался шум мотора. С боковой грунтовой дороги на шоссе выскочил «харли», и уйти от него с таким грузом было невозможно. Таннер не увеличил скорость и позволил себя догнать.

Вскоре с ним поравнялся высокий худой человек с огненно-рыжей бородой. Он улыбнулся, снял с руля правую руку и махнул в сторону обочины.

Таннер затормозил и остановился.

— Куда спешишь, парень? — спросил рыжебородый.

— В Бостон.

— Что у тебя в ящике?

— Так, средства всякие.

— Травка? — Брови мужчины полезли вверх, и губы вновь растянулись в улыбке.

— Средства от болезни в Бостоне.

В руке рыжебородого появился пистолет.

— Слазь с мотоцикла.

Таннер повиновался. Рыжебородый поднял руку, и из кустов на обочину вышел человек.

— Откати машину этого типа дальше по шоссе ярдов на двести и поставь посередине. Потом вернись на место.

— В чем дело? — спросил Таннер.

— Как тебя звать? — будто не слыша, потребовал рыжебородый.

— Черт. Черт Таннер.

— Катись ты к черту!

Таннер пожал плечами, стянул правую перчатку и показал татуировку.

— Не верю, — сказал рыжебородый, глядя на татуировку.

— Как знаешь...

— Заткнись! — взревел рыжебородый и снова поднял левую руку. В зарослях кустарника появилось какое-то движение. Человек двадцать или тридцать выкатили свои мотоциклы и выстроились по обеим сторонам дороги.

— Меня зовут Большой Брат, — заявил рыжебородый.

— Рад познакомиться.

— Знаешь, что тебе сейчас надо делать?

— Могу догадаться.

— Пойдешь к своему мотоциклу и попробуешь его забрать.

Таннер улыбнулся:

— Это будет трудно?

— Плевое дело! Только сперва отдай винтовку.— Большой Брат поднял руку, и вдоль дороги один за другим затарахтели мотоциклы.— Шагай.

— Ты думаешь, я псих?

— Нет. Давай винтовку и топай.

Снимая винтовку с плеча, Таннер продолжил движение и ударил прикладом под рыжую бороду. Потом бросил винтовку, сорвал с пояса гранату, выдернул чеку и швырнул ее влево. Она не успела еще взорваться, как он выхватил вторую и бросил направо. Мотоциклисты двинулись к нему.

Таннер упал и выставил перед собой винтовку. Одновременно раздался первый взрыв. Когда раздался второй, Таннер уже стрелял.

Он уложил троих, затем поднялся и стал пятиться, стреляя с бедра. Патроны кончились, перезаряжать было некогда. Таннер успел трижды выстрелить из револьвера, прежде чем его свалили ударом цепи по голове.

Он очнулся от рева моторов. Вокруг кружили два мотоциклиста, один из них был Большой Брат. На дороге валялись тела. Едва Таннер поднялся, как его сшибли колесом. Он пополз вправо и застонал от боли — по пальцам проехали шины, а затем последовал удар цепью по рукам.

Он заметил камень, подождал, когда мотоцикл снова приблизится, и, вскочив на ноги, бросил свое тело на подъехавшего врага. Его поднятая правая рука, зажавшая камень, опустилась один раз. При этом Таннера протащило по дороге, а когда он упал, на него наехал второй мотоцикл.

Бок пронзила невыносимая боль, словно разом сломались все кости. И все же, сделав адское усилие, Таннер протянул руку и ухватился за подпорку мотоцикла. Его проволокло футов десять, прежде чем он вытащил из ботинка кинжал. Он ударил вверх, и тонкий лист металла поддался. Потом его пальцы разжались, он упал на бетон и почувствовал запах бензина. Рука нырнула в карман куртки и извлекла зажигалку. В двадцати футах впереди Большой Брат разворачивался, из пробитого бензобака на дороге текло горючее.

Таннер приготовил зажигалку — с колпачком в виде черепа и крылышками по бокам. Палец крутанул колесико, посыпались искры, загорелся фитиль. Таннер поднес его к луже бензина, и вспыхнувшее пламя прочертило на бетоне огненный след.

Большой Брат закончил разворот и, пригнувшись к рулю, уже помчался на Таннера. Когда он увидел, что произошло, его глаза расширились и ухмылка мгновенно слетела с лица. Он попытался спрыгнуть с мотоцикла, но было поздно.

Бензобак под ним взорвался, и Большой Брат рухнул на землю с куском железа в голове.

Таннера захлестнул огонь, он слабо колотил руками, пытаясь погасить языки пламени. Тело было в крови, члены сковала смертель-

ная усталость. Он увидел свой мотоцикл, невредимо стоящий дальше на дороге, и пополз.

Добравшись до мотоцикла, Таннер перекинул тело через сиденье и минут десять лежал, свесившись, не в силах пошевелиться. Дважды его вырвало.

Через час он сумел оседлать мотоцикл, но не проехал и полумили, как на него навалилась дурнота и началось головокружение.

Таннер съехал с дороги и последним усилием закатил мотоцикл в кусты. Затем, пошатываясь, упал на землю, и все погрузилось во тьму.

Глава 13

Первое, что он увидел, очнувшись, была засохшая корка крови на боку. Левая рука распухла и посинела. Пальцы на ней вздулись и задеревенели. Когда Таннер попытался их согнуть, то чуть не закричал от боли. Голова раскалывалась, во рту стоял привкус бензина. Борода подгорела, правый глаз затек и почти не открывался. Таннер был таким усталым и разбитым, что долгое время лежал без движения, не в силах шевельнуться.

— Корни... — пробормотал он, и затем: — Черт побери!..

В памяти вдруг всплыло все, что произошло, и перед глазами живо встали яркие картины.

Таннер задрожал, и не только от сырого тумана. Влага пропитала брезентовые штаны, ноги замерзли. Тьма стояла кромешная. Вдали послышался шум проходящей машины.

Таннер с трудом перевернулся на живот и положил голову на локоть. Мысленно он вернулся в свою тюремную камеру — теперь она казалась почти раем. Потом он подумал о Денни — ему, должно быть, сейчас тоже плохо. Таннер скривился от боли. У него самого, наверное, сломана пара ребер. И еще он подумал о чудовищных тварях юго-запада и о темноглазом Греге... Его мысли вернулись к Лос-Анджелесу и к Побережью, к старой банде, к Большому Рейду. Все, с этим покончено навсегда... Потом мимо него прошла Корни, и на груди ее была кровь. Таннер яростно пожевал бороду и крепко зажмурил глаза. Они могли бы вместе добраться до Бостона... Сколько еще осталось?

Таннер приподнялся и пополз вперед. Он полз, пока не почувствовал перед собой что-то твердое. Дерево. Таннер сел, привалился к нему спиной и дрожащей рукой полез в карман куртки. Из смятой пачки он вытащил сигарету, разгладил и вспомнил, что зажигалка осталась где-то на дороге. Таннер ощупал карманы и нашел отсыревший коробок. Третья спичка зажглась. Он глубоко затянулся, но неожиданно у него начался озноб, его захлестнула волна лихорадки. Он судорожно закашлялся, расстегнул воротник и почувствовал во рту вкус крови.

Все его оружие исчезло, кроме непосильно тяжелой гранаты на поясе.

Наверху во тьме раздалось громыхание. После шестой затяжки

сигарета выскользнула из пальцев и зашипела на влажном мхе. Голова Таннера упала на грудь, и все исчезло.

Наверное, была буря. Он не помнил. Он очнулся, лежа на правом боку, спиной к дереву. Ветер унес туман, и в небе светило розовое полуденное солнце. Издалека доносилось щебетанье птиц. Таннер выдавил ругательство и почувствовал, как пересохло горло, страшно хотелось пить. Он подполз к мутной луже и утолил жажду.

Немного отдохнув, он поднялся на ноги, добрел до спрятанного мотоцикла и там дрожащими руками зажег сигарету.

Часы были разбиты, и Таннер понятия не имел, сколько сейчас времени. Когда он тронулся в путь, солнце уже скатывалось к горизонту. В ушах свистел ветер, как бы ограждая от непрошенных мыслей. Сзади к багажнику был надежно привязан груз. Таннеру представилось, как кто-то открывает ящик и находит там груду разбитых ампул... Он попеременно хохотал и ругался.

Попадались встречные машины, но ни одна не ехала к городу. Дорога была в отличном состоянии. По сторонам стояли дома, но Таннер не останавливался. Больше он вообще не собирался останавливаться — если не остановят...

Солнце опустилось еще ниже, и небо потемнело. Судя по дорожному указателю, до Бостона оставалось восемнадцать миль. Через десять минут Таннер зажег фару.

Затем он поднялся на пригорок и, перед тем как начать спуск, немного притормозил.

Далеко внизу сияли огни, и чуть слышно раздавался мерный колокольный звон. Бьющий в лицо ветер донес знакомый запах морской соли.

Солнце скрылось за холмом, и Таннер ехал в бесконечной тьме. Высоко в небе, меж двух черных полос, появилась звездочка... Теперь огни мерцали и по сторонам, дома стояли теснее и придвинулись ближе к шоссе.

Он уже почти на месте. К кому обратиться в городе? В Лос-Анджелесе ему этого не сказали.

Улица была тиха и безлюдна. Таннер нажал на клаксон, и между зданиями покатилось гулкое эхо. В доме слева светился огонь.

Таннер остановился, перешел улицу и заколотил в дверь. Один телефонный звонок — и дело сделано. Изнутри не раздавалось ни звука. Он толкнул дверь и обнаружил, что она заперта. Может быть, тут все умерли? Может быть, уже вообще не осталось живых?.. Придется вламываться. Таннер сходил к мотоциклу за отверткой и вернулся к двери.

Выстрел и звук двигателя он услышал одновременно.

Таннер быстро повернулся и стал спиной к стене, сжав в руке гранату.

— Стой! — раздалось из мегафона на подъехавшей машине.— Стреляем без предупреждения!

Таннер покорно поднял руки на уровень головы.

В машине было двое полицейских, и тот, кто сидел на месте пассажира, нацеливал в живот Таннера револьвер.

— Ты арестован,— объявил он.

Водитель вылез из машины, обогнул ее спереди и медленно приблизился, позвякивая наручниками.

— Ну-ка, давай ручки...

И Таннер протянул ему чеку от гранаты.

Полицейский тупо уставился на нее, и в его глазах вспыхнул ужас.

— У него бомба!

Таннер криво улыбнулся.

— Заткнитесь и слушайте. Или стреляйте, и тогда вместе отправимся на тот свет. Мне надо добраться до телефона. Ящик на багажнике мотоцикла полон сыворотки Хавкина... Я привез ее из Лос-Анджелеса.

— По Долине на мотоцикле?!

— Моя машина сдохла на полпути от Олбани, как и те ребята, которые хотели меня остановить. А теперь заберите лекарство и доставьте его куда следует.

— Как вы себя чувствуете, мистер?

— Мне нездоровится.— Таннер выдавил улыбку.— Пока держусь, но рука устала.

Он вытащил из куртки письмо и передал его полицейскому с наручниками.

— Моя амнистия. Выдана Калифорнией на прошлой неделе.

Полицейский открыл конверт и вытащил бумагу.

— Похоже на правду,— произнес он.— Выходит, Брейди доехал...

— Брейди мертв,— оборвал его Таннер.— Послушайте, мне плохо. Сделайте что-нибудь!

— О боже, держите ее крепко! Садитесь в машину! Сейчас, мы только снимем ящик — это одна минута! Потом подскочим к реке, и вы бросите гранату. А пока держите ее изо всех сил!

Они отвязали ящик с лекарством и поставили на заднее сиденье. Правое переднее стекло опустили, и Таннер сел рядом с водителем, высунув руку наружу. Взревела сирена.

Боль постепенно распространялась по всей руке до плеча. Как приятно было бы разжать пальцы..

— Где вы тут держите свою поганую реку?

— Еще чуть-чуть, осталось совсем немного.

— Поспешите... — выдавил Таннер.

— Заедем на мост — и бросайте как можно дальше.

— Проклятье, у меня нет сил...

— Жми, Джерри!

— Я жму, кретин, но мы не на крыльях!

— Дурно... Я, кажется, вырубаюсь...

Машина влетела на мост и с диким скрежетом остановилась. Таннер не успел открыть дверцу, как оба полицейских были уже око-

ло него. Он пошатнулся, и они подхватили его, подвели к ограждению.

— По-моему, я не...

Он выпрямился, отвел руку назад и швырнул гранату. Далеко внизу раздался взрыв, и вода забурлила.

Полицейские вздохнули, а Таннер хрипло рассмеялся.

— Со мной все в порядке. Я вас просто подкалывал.

— Ах ты!..

Потом он упал, и в свете фонарей они увидели, как разлилась по его лицу мертвенная бледность.

Когда весной, в день открытия памятника Черту Таннеру, заметили, что на постаменте выцарапаны непристойные слова, никто не догадался спросить у очевидного виновника, зачем он это сделал. А на следующий день было уже поздно, потому что он исчез из Бостона, не оставив своего адреса. Одну из украденных в тот день машин в городе никогда больше не видели.

Бронзового Таннера на бронзовом «харли» почистили и вновь спрятали под покрывалом, дабы сохранить для грядущих поколений. Но ветер, гуляющий по городской площади, все равно заносит его грязью, и небеса выливают на него нечистоты.

Дева и чудовище

Очень неспокойное было время, потому что пришла пора решать. Старейшины проголосовали за кандидатов, и жертвоприношение было утверждено, несмотря на протесты Риллика, самого старшего.

— Нехорошо нам всякий раз капитулировать,— спорил он.

Но ему не ответили, и молодая девственница была отведена в грот, где ее накормили листьями забвения.

Риллик смотрел на это с большим неодобрением.

— Так быть не должно,— твердо сказал он,— это несправедливо.

— Так было всегда,— ответили ему другие,— каждую весну и каждую осень.

И они бросили встревоженные взгляды на небо, откуда лило свой свет солнце, возвещающее начало утра.

Бог шел уже по Великому лесу.

— А сейчас, давайте уйдем,— сказали они.

— А вы когда-нибудь думали о том, что можно остаться и посмотреть, что делает этот чудовищный бог?— с горечью спросил Риллик.

— Хватит с нас твоих кощунственных речей. Пойдем с нами!

Риллик побрел за ними.

— С каждым годом нас становится все меньше и меньше,— говорил он,— когда-нибудь мы полностью исчезнем, принеся самих себя в жертву.

— Тогда, в тот день мы умрем,— ответили ему.

— Так зачем же тогда тянуть?— спросил он.— Давайте дадим бой сейчас и не будем ждать того момента, когда нас совсем не останется!

Но остальные только отрицательно качали головами— движение, которое Риллик наблюдал уже на протяжении многих веков. Они все уважали старость Риллика, но никто не одобрял его мыслей. Они только раз взглянули назад, когда солнце высветило фигуру Бога — на прекрасном скакуне, с копьем наперевес.

В пещере, где струился туман, девственница забила хвостом, бешено вращая дикими глазами под чешуйчатыми пластинками бровей. Она почувствовала божественное присутствие и начала низко рыдать.

Они отвернулись и продолжали путь по равнине.

Когда они приблизились к лесу, Риллик остановился и поднял свою жесткую лапу, как бы пытаясь пояснить мысль. Потом заговорил:

— Мне кажется, я еще помню те времена,— сказал он,— когда все было по-другому.

Когда расцветают бомбы

Бомба цветет один раз в жизни. Семя ударяется о землю и вспыхивает ослепительно яркий шар, затмевающий солнечный свет, плавящий камень и металл далеко вокруг, а потом в диком реве разрываемого воздуха и сверкающем ореоле радиации из клубов пепла сожженного мира рождается трепещущий бутон, раздувается, ломается и проклевывается исполинский, пламенно черный гриб, величественно вздымающийся над опаленной чудовищным жаром землей. Он растет клубясь и вибрируя всей своей прозрачной плотью, извиваясь на утончающейся ножке, озаряемый солнечными бликами, мерцающими на его туманной кожице, и гордо распускается над планетой во всей своей непреодолимой мощи, во всей ошеломляющей сказочной красоте мертвой материи, самой мертвой на свете. И тогда звучит тоскливая и печальная музыка, которую уже некому услышать — атомный цветок поет прощальную песнь жалким созданиям, породившим его короткий и огненный расцвет...

13.07.198...

8.29 по Гринвичу. Вашингтон.

С мыса Канаверал запущен спутник неизвестного назначения. Администрация Верли отказалась давать комментарии к этому внепрограммному запуску. Спутник вышел на устойчивую орбиту с параметрами...

8.37. Бонн.

Группа неизвестных с бронетранспортера армейского образца обстреляла здание советского посольства. Есть убитые и раненые.

8.45. Тихий океан.

Армейский сторожевой катер РСО-214 обстрелял советское геофизическое судно «Циолковский» и под угрозой уничтожения приказал команде покинуть корабль в течение пятнадцати минут. Руководство базы на острове Агасимо открытым текстом передало в эфир сообщение об угоне катера террористами...

8.49. Владивосток.

Два ракетных самолета новейшей системы «Тюльпан» стартовали с военного аэродрома и взяли курс в район нахождения «Циолковского». «Тюльпаны» РК-2 и РК-3 преодолели за четыре минуты расстояние в две тысячи километров напрямую через китайскую территорию, перешли на дозвуковую скорость и накрыли ракетным ударом катер РСО-214.

8.57. Тель-Авив.

Самолет израильских ВВС «Кфир С-2» без предупреждения сбил на нейтральной территории английский правительственный «Конкорд». Правительство Великобритании готово осуществить военную акцию против Израиля...

9.08. Байконур.

Новый гамма-рефлектор наземного комплекса наблюдения зафиксировал на вновь запущенном спутнике большое количество расплавляющегося материала. Правительство СССР отправило правительству Соединенных Штатов ноту протеста.

— Смотри, кажется, это действительно она...
— Мы ее нашли!

9.14.

Сильнейшие помехи неизвестного происхождения на восемь секунд вывели из строя всю радиомагнитную и электронную аппаратуру в мире. Есть жертвы...

9.15. Вашингтон.

Правительство США направило встречный протест против использования советской стороной глобальных систем помехонаведения...

9.15.

Телефонный звонок из Кремля в Белый Дом по правительственному проводу. Представитель Советского Правительства с возмущением отверг беспочвенные обвинения Вашингтона о применении советской стороной якобы имеющейся у него системы помехогенерации...

9.16.

Китайский гиперзвуковой истребитель пересек границу на малой высоте со скоростью около 4000 км/час и прошел над Владивостоком. Гиперзвуковая волна причинила большие разрушения. Есть убитые...

9.17. Бонн.

Обстрел советского посольства продолжается. Нападающие применили новейшие лазерные установки типа ИР-3Х на трансурани-

дах. Полиция города бездействует. Первый Секретарь посольства Крылов заявил, что расценивает это беспрецедентное нападение, как акт агрессии со стороны правящих кругов Германии...

9.17.

Работа аппаратуры планеты снова прервана. На этот раз на сорок секунд.

— Да, я не ошибся. Эта планета скоро расцветет.

— Откуда ты знаешь?

— Я чувствую... ты тоже должен это ощутить. Ведь это ни с чем не сравнимая пульсация психических полей в каком-то могучем зачаровывающем танце, напряжение, как будто источаемое самой планетой... один раз, это величайшая редкость увидеть цветущую планету. Нам очень повезло!

— А ты видел раньше такие планеты?

— Никогда. Смотри, смотри, кажется проклюнулся первый бутон.

9.18.

Пакистан в своей войне против Афганской Республики применил ядерное оружие.

9.22.

Между правительствами ядерных держав идет интенсивный обмен протестами, нотами, призывами. Политические деятели разных стран классифицируют сложившуюся международную обстановку как чрезвычайно и чрезвычайно напряженную.

9.23.

Обломок третьей ступени французской ракеты-носителя на встречной скорости 14 км/сек зацепил борт американского боевого спутника. Спутник поврежден, но не уничтожен.

9.24.

Развороченные листья внешней обшивки спутника ярко поблескивали в ослепительных лучах солнца. Два проводка из его бесконечно сложной и запутанной системы потеряли во время столкновения часть изоляционного покрытия. Быстрое охлаждение гнуло их и неотвратимо вело навстречу друг другу. Коротко щелкнула искра, и поток, вырвавшись на свободу, помчался по километровым лабиринтам проводов и интегральных схем, заставляя сработать реле и пробуждая спящую программу.

Спутник вздрогнул и, захлебываясь ядерным огнем, начал выплевывать один за другим таившиеся внутри снаряды...

9.24.

Чуткая компьютерная система зафиксировала ядерные взрывы на территории своей страны. Безупречные ЭВМ связали их с поведением спутника, и ранее, чем успел бы среагировать человек, система выдала импульс: «Ядерное нападение».

9.24.

Владимир Стенченко вел свой «Бигфайр» в обычном патрульном полете на высоте в 40000 метров. Тишину разорвал вой сирены. Все еще не веря в происходящее, пилот медленно протянул руку к запломбированному пульту. Восемь крылатых ракет, вырвавшись одна за другой из брюха самолета, унеслись вперед, оставляя за собой пышные инверсионные хвосты...

9.26.

Локаторы атомного ракетоносца «Роял Стар» нащупали далеко вверху маленькую точку. Огромный корабль, казалось, сжался от ужаса, но через несколько секунд ответил на неизвестно чей удар неизвестно кому. Шесть раз корабль исступленно содрогался и, надсадно воя и обливая палубы бешеными струями огня, выпускал на волю баллистических монстров. А потом упала нейтронная бомба, и все активные вещества, которыми был нашпигован ракетоносец, жутко ахнув, превратились в свет.

— Смотри, еще одна!

— Какая прелесть. Я никогда в жизни не видел ничего подобного! Это сказочно! Какая была крошечная и неприглядная планета, и какие потрясающие, фейерические цветы! Но почему они цветут?

— Кто знает... Когда планета отцветает, на ней не остается ничего... мы слишком велики в сравнении с ней и нам трудно в этом разобраться... но, все равно, это прекрасно. О, вот еще!

В небе скользнула огненная черточка и начала падать вниз.

— Я хочу потрогать это...

Вспыхнувший ад изорванных в клочья атомов внезапно замер. В звенящей жуткой тишине начали падать взметнувшиеся было ввысь комья обугленной земли. Люди отвели от лиц трясущиеся руки и, оборачиваясь, еще не верили в свое спасение...

— Зачем ты это сделал? Испортил такую красоту? Как тебе не стыдно? Ах, ты, бедненький цветочек! Сейчас я тебя поправлю... так... вот... Вот... Вот!!!...

Освобожденный гриб рванулся в небо. Исполинская туча вздымалась к небесам во всей своей демонической мощи атомного цветка-убийцы.

Планету больше не закрывали белые стаи облаков, с ее лица сползли остатки зелени и голубизны. По поверхности пробегали, искрясь и подмигивая звездам в вышине, сверкающие цепочки огней, и оттуда, как в танце сказочных фей, поднимали к небу свои лепестки, переливающиеся всеми оттенками нежнейше-черного цвета, благоухающим ароматом ультракороткого излучения, пышные, пенящиеся и мерцающие своей хрупкой, утонченной красотой атомные орхидеи.

— Это чудо... чудо! О, как великолепно!

— Да. Это самое прекрасное из того, что я только видел во Вселенной...

— Наверное, планеты и существуют для того, чтобы распуститься только один раз... Но разве этого мало?...

Содержание

Бог света. *Роман* 5

Этот бессмертный 209

Джек-из-Тени 339

Мастер снов 445

Долина проклятий 543

Дева и чудовище 600

Когда расцветают бомбы 602

Роджер Желязны
БОГ СВЕТА

Сдано в набор 12.12.1991 г. Подписано в печать 28.08.1992 г. Формат 60 × 90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 38. Уч.-изд. л. 45,6. Тираж 100 000 экз. Заказ 1128.

Т.О.О. фирмы «ММЛ» совместно с Т.О.О. «Транспорт». 146160, г. Жуковский, Московской обл., ул. Гагарина, д. 64, кор. 2.

Можайский полиграфкомбинат Министерства печати и информации РФ. 143200, Московская обл., г. Можайск, ул. Мира, 93.

МОНСТРЫ ВСЕЛЕННОЙ
КНИГА ТРЕТЬЯ